

ХРАСТАМАТЯ
ПАСТАРАЖЫТНАЙ
БЕЛАРУСКАЙ
ЛІТАРАТУРЫ

АКАДЭМІЯ НАВУК БССР
ІНСТЫТУТ ЛІТАРАТУРЫ ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

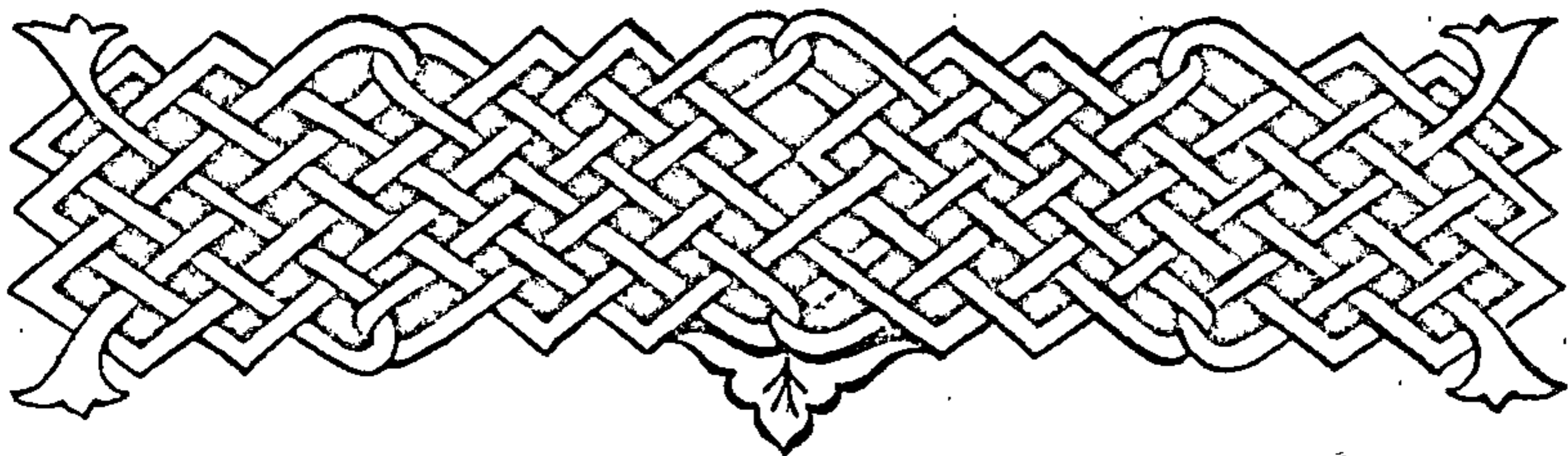
РЭСТАМАТыЯ
ПА СТАРАЖЫТНАЙ
БЕЛАРУСКАЙ
ЛІТАРАТУРЫ

ВУЧЭБНЫ ДАПАМОЖНІК
ДЛЯ ФІЛАЛАГІЧНЫХ ФАКУЛЬТЭТАЎ
ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ

Склаў
кандыдат філалагічных навук
А. Ф. Коршунаў

ДЗЯРЖАЎНАЕ
ВУЧЭБНА-ПЕДАГАГІЧНАЕ ВЫДАВЕЦТВА
МІНІСТЭРСТВА АСВЕТЫ БССР
МІНСК 1959

Пад рэдакцыяй
доктара філалагічных навук І. П. ЯРОМІНА,
доктара філалагічных навук В. В. БАРЫСЕНКІ

ПРАДМОВА

Багатая літаратурная спадчына беларускага народа эпохі феадалізма яшчэ мала даследавана і вывучана. Значнай перашкодай гэтаму з'яўляецца тое, што помнікі старажытнай літаратуры раскіданы па розных архівах і бібліятэках па-за межамі Беларусі, а дакладнага бібліяграфічнага даведніка, які паказваў бы месца знаходжання іх, яшчэ няма. А між тым многія з гэтых помнікаў засталіся ў рукапісах да нашага часу. Тыя ж з іх, якія апублікаваны на старонках перыядычнага друку другой палавіны XIX і пачатку XX ст.ст., галоўным чынам у навуковых зборніках і манаграфіях, даўно ўжо сталі бібліяграфічнай рэд-касцю і аказаліся маладаступнымі нават для навуковых супрацоўнікаў. У вельмі цяжкім становішчы апынуліся выкладчыкі і студэнты ВДУ, дзе вывучаецца курс гісторыі беларускай літаратуры. Яны не маюць хрэстаматыйнага дапаможніка, а патрэба ў ім надзвычай вострая, асабліва для перыферычных інстытутаў, дзе немагчыма знайсці і тых рэдкіх выданняў з беларускімі тэкстамі, якія існуюць. Апрача таго, навуковыя выданні старажытных тэкстаў практычна не могуць служыць педагагічным мэтам, бо яны пазбаўлены адпаведных каментарыяў і патрабуюць спецыяльнай філалагічнай падрыхтоўкі, якой студэнт яшчэ не мае. Ранейшыя ж хрэстаматыйныя дапаможнікі па беларускай літаратуры, што вышлі з друку ў 20-х гадах нашага стагоддзя, прызначаліся толькі для сярэдніх школ.

У сувязі з гэтым перад аўтарам стаяла задача падрыхтаваць сапраўды навуковы хрэстаматыйны дапаможнік, які мог бы задаволіць патрэбу ў ім з боку студэнтаў і выкладчыкаў літаратурных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў рэспублікі і які адпавядаў бы сучаснаму стану развіцця нашага літаратуразнаўства.

Тэксты ў хрэстаматыі пададзены ў храналагічным парадку, адхіленні дапускаліся толькі ў рэдкіх выпадках. Па магчымасці захоўвалася і арфаграфія арыгіналаў. Што датычыцца графічных асаблівасцей, то тут, у мэтах зручнасці пры карыстанні хрэстаматыяй, былі зроблены наступныя адхіленні: літары, якія не ўласцівы сучаснаму алфавіту, падаюцца той літарай, якой яны зараз адпавядаюць. Так, „*ѣ*та“ падаецца праз *ѣ*, „*ксі*“ — праз *кс*, „*псі*“ — праз *пс*, „*юс вялікі*“ і напісанне „*оу*“ пададзены праз звычайнае *у*, „*юс малы*“ і „*а ятованае*“ — праз *я*. Нязменна захаваны толькі „*яць (ѣ)*“ і „*кѣ*“, якое адпавядае ўзрыўному *г*, неўласціваму беларускай мове. Літара *і*, якая зараз ужываецца ў беларускім алфавіце, захавана толькі ў тых тэкстах, якія перакладаліся намі з лацінцы на кірыліцу, і ў перакладах тэкстаў з польскай мовы. У іншых тэкстах літара *і* пададзена праз *и*, таму што *і* ў старажытных тэкстах ужывалася параўнаўча рэдка і без якой-небудзь пэўнай сістэмы. Літара *ѣ* захавана толькі ў сярэдзіне слова і ў прыстаўках. Не падаецца яе напісанне ў канцы слова, дзе яна ўжывалася як графічны знак цвёрдасці папярэдняга гуку. Шматлікія цітлы, якія характэрны для

старажытных пісьмовых тэкстаў, усюды намі раскрыты. Падрадковыя літары ўведзены ў радок. Літарная сістэма абазначэння ліку ўсюды заменена лікаваю. Знакі прыпынку ва ўсіх пададзеных у хрэстаматыі тэкстах пастаўлены паводле сучаснай пунктуацыі. Паслядоўна ў тэкстах зроблена разбіўка слоў і сказаў. Лацінскі алфавіт у помніках драматургіі заменен кірыліцай, а гатычны алфавіт у арыгінальным тэксце «Фрынаса» М. Смятрыцкага — лацінскім, які зараз ужываецца ў польскай мове.

Падбор тэкстаў для хрэстаматыі праводзіўся пераважна па першакрыніцах, рукапісных або старадрукаваных. Нават і тады, калі той або іншы помнік быў у свой час апублікаваны і можна было выкарыстаць друкаваны тэкст, перавага аддавалася арыгіналу. Адхіленне рабілася толькі пры ўмове, калі немагчыма было выкарыстаць арыгінал або пры яго адсутнасці ў сучасны момант. У такіх выпадках падборка тэксту праводзілася па найбольш аўтарытэтныму выданню помніка.

Крыніцы, выкарыстаныя ў хрэстаматыі, агавораны ва ўступных артыкулах, а ў раздзелах паэзіі і драматургіі — у зносках.

Уступныя артыкулы да тэкстаў уяўляюць сабою кароткія біяграфічныя звесткі аб пісьменніку і яго літаратурнай дзейнасці. Да ананімных твораў даецца іх сціслая характарыстыка. Калі некалькі тэкстаў адносяцца да аднаго жанра, то ў такім выпадку падаюцца кароткія звесткі аб характары і часе ўзнікнення гэтага жанра ў беларускай літаратуры. Але ўсе гэтыя кароткія анатацыі ні ў якой ступені, вядома, не могуць замяніць сабою падручніка па гісторыі літаратуры.

Апрача ўступных анатацый, у хрэстаматыі пад тэкстамі твораў падаецца пераклад незразумелых, устарэлых і чужаземных слоў і асобных фразеалагічных зваротаў на сучасную беларускую мову. Месцамі, дзе гэта было магчыма, у залежнасці ад ступені даследаванасці таго або іншага твора, пададзены і гістарычны каментарый, а таксама тлумачацца геаграфічныя назвы і асобныя імёны. Усе гэта зроблена з мэтай палегчыць студэнту работу над тэкстам хрэстаматыі і дапамагчы яму лепш зразумець змест помніка.

Хрэстаматыя складаецца з двух раздзелаў. У першы раздзел уключаны помнікі арыгінальнай літаратуры ад Кіеўскай Русі да XIX ст. уключна, у другім пададзена частка перакладных твораў. Усе перакладныя творы падаць немагчыма таму, што яны па свайму памеру часам вялікія, а ўрыўкі з іх не заўсёды могуць даць поўнае ўяўленне аб помніку ў цэлым. Таму ў гэтым раздзеле хрэстаматыі аўтар абмежаваўся толькі часткаю найбольш цікавых твораў таго часу. Што датычыцца першага раздзела кнігі, то ў ім аўтар імкнуўся прадставіць помнікі ўсіх жанраў беларускай літаратуры да XIX ст., якія нам зараз вядомы. З літаратуры эпохі Кіеўскай Русі ў хрэстаматыю ўключаны толькі тыя помнікі, якія або змяшчаюць звесткі аб Беларусі («Повесть временных лет» і «Слово о полку Игореве»), або ўзніклі на беларускай зямлі. У дадзеным выпадку аўтар кіраваўся меркаваннем не паўтараць таго, што вывучаецца на літаратурных факультэтах па курсу гісторыі старажытнай рускай літаратуры, а больш паўней прадставіць уласна беларускую літаратуру, якая багата сваімі помнікамі.

Пры вызначэнні для хрэстаматыі памеру таго або іншага помніка ўлічваўся агульны памер твора. У тым выпадку, калі ён не перавышаў або нязначна перавышаў памер друкаванага аркуша, тэкст падаваўся поўнасцю без скарачэнняў; у іншых жа выпадках тэксты скарачаліся. У тых тэкстах, дзе адначасова ўжываюцца дзве мовы, у зносках падаецца пераклад з іншаземнай мовы на сучасную беларускую мову. Гэта заўвага датычыцца раздзела драматургіі. Загалоўкі тэкстаў хрэстаматыі ўсюды захаваны па арыгіналу, а там, дзе іх няма ў арыгінале, яны пададзены намі ў дужках.

Падбіраючы тэксты для хрэстаматыі, аўтар лічыўся толькі з тымі творамі літаратуры, якія дайшлі да нашага часу ў найбольш ранніх спісках, а не ў запісах XIX ст. Гэта асабліва датычыцца некаторых помнікаў, узнікненне якіх адносяць да XVIII ст. Вось чаму з верагодных помнікаў XVIII ст. у хрэстаматыі змешчаны толькі драматычныя творы. Творы ж іншых жанраў літаратуры гэтага стагоддзя ў хрэстаматыю не ўключаны як творы, якія да першых

сваіх запісаў доўгі час падвяргаліся фалькларызацыі. І таму вывучэнне такіх твораў трэба хутчэй за ўсё аднесці да курса беларускага фальклору, а не гісторыі літаратуры.

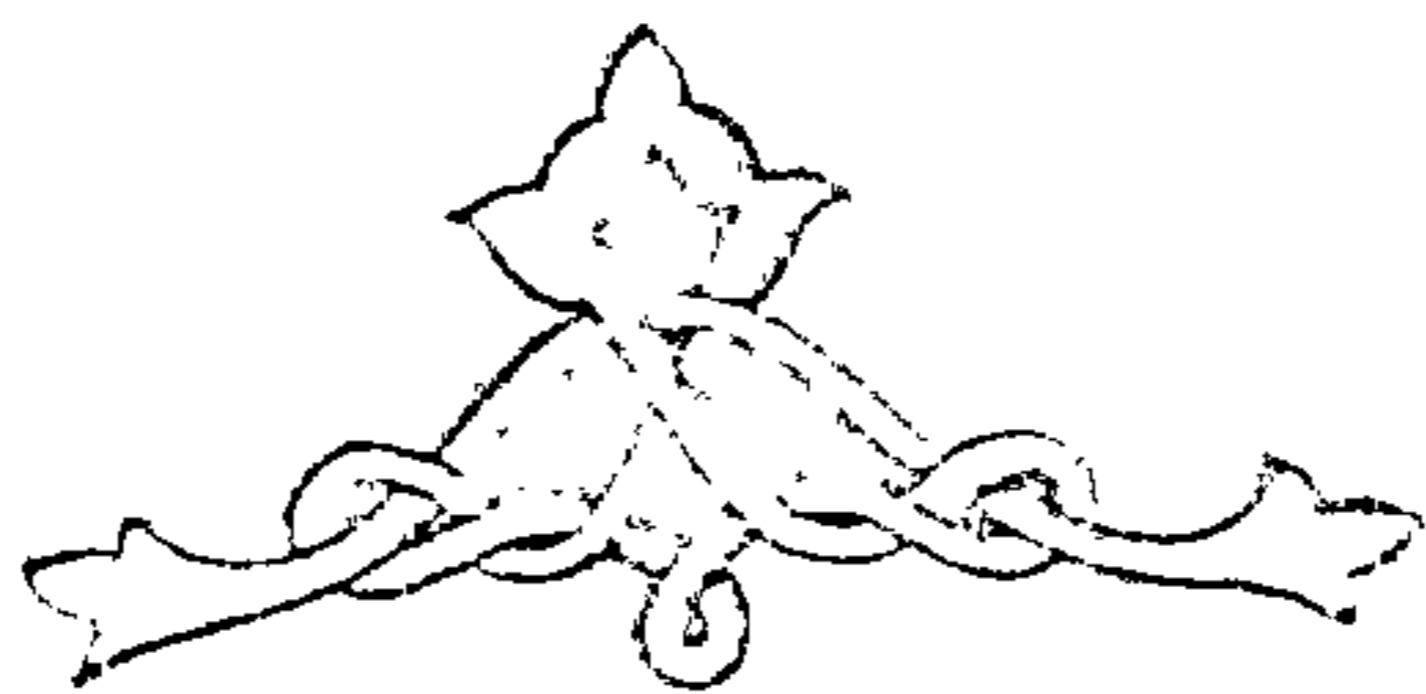
Хрэстаматыя падрыхтавана пад кіраўніцтвам доктара філалагічных навук прафесара І. П. Яроміна.

А. Коршунаў.

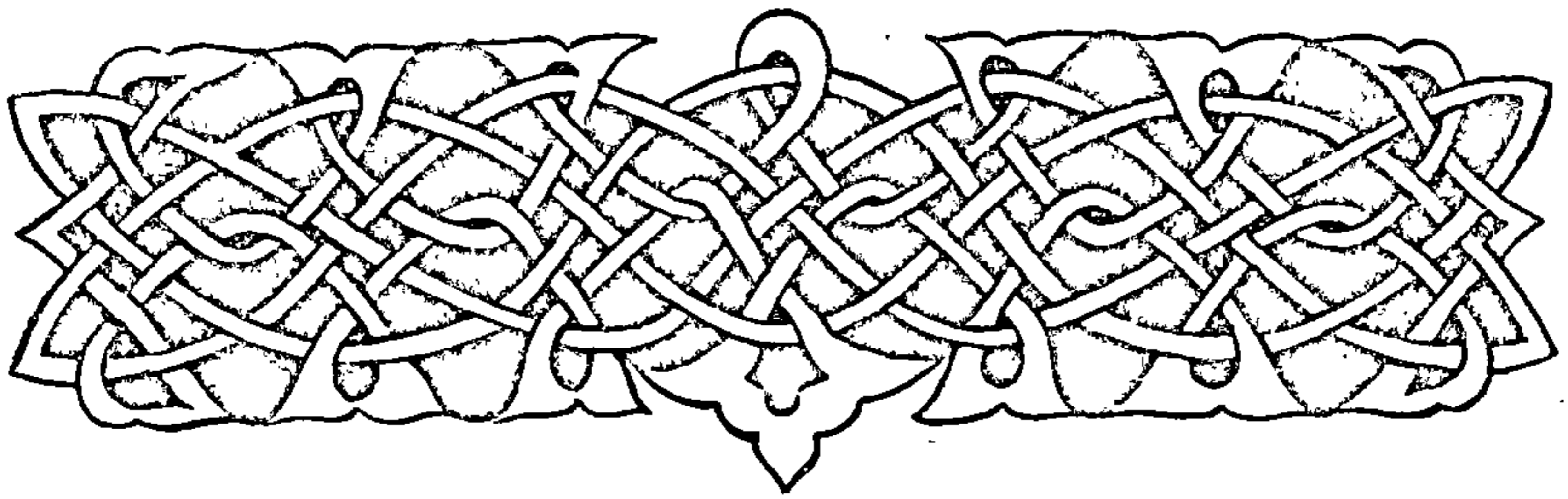

А РЫГИНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ЧАСОУ
КІЄЎСКОЙ РУСИ,
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА
ЛІТОЎСКАГА І
РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

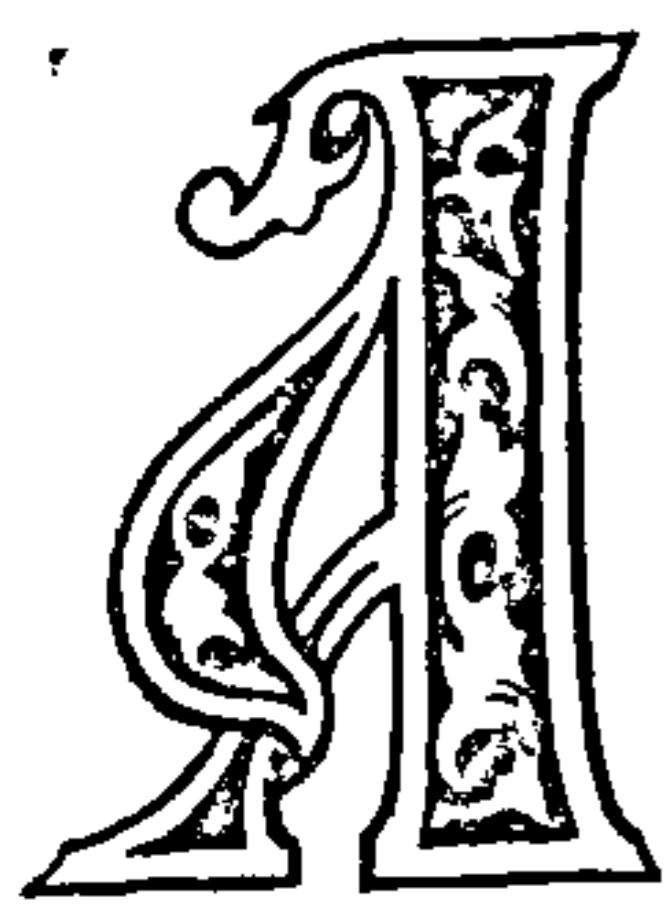

ПЕРШАПАЧАТКОВЫ ЛЕТАПІС

[ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛѢТ]

дным з старэйшых пісьмовых літаратурных помнікаў Кіеўскай Русі з'яўляецца першапачатковы летапіс — «Повѣсть временных лѣт», даведзены да пачатку XII ст. Стракаты ў сваіх жанравых адносінах, першапачатковы летапіс Кіеўскай

Русі, апрача гістарычнага матэрыялу, увабраў у сябе, як у адзінае арганічнае цэлае, многія віды тагачаснай літаратуры фальклорнага і кніжнага паходжання. Тут мы знойдзем вусныя народныя паданні і лягенды з часоў язычества і хрысціянства, апавяданні і ўспаміны сучаснікаў летапісца, воінскую аповесць, дружныню песню, юрыдычныя помнікі, этнаграфічныя замалёўкі і г. д. У гэтым сэнсе першапачатковы летапіс Кіеўскай Русі можна лічыць вытокамі і родапачынальнікам трох братніх усходнеславянскіх літаратур.

Першапачатковы летапіс дайшоў да нашага часу ў некалькіх спісах, самым старэйшым з якіх з'яўляецца Лаўрэнцеўскі (1377) і Іпатаўскі (пачатку XV ст.). Як усе лепшыя творы арыгінальнай літаратуры Кіеўскай Русі, першапачатковы летапіс прасякнут гарачым пачуццём любові да бацькаўшчыны, тэрыторыю якой складалі ўсе ўсходнеславянскія землі, ідэяй адзінства Рускай зямлі. Тым не менш, глыбока патрыятычная мэтанакіраванасць летапісу не перашкаджала летапісцам адлюстроўваць на яго старонках інтарэсы розных станаў тагачаснага грамадства і быць выразнікамі інтарэсаў феадальнай верхушкі свайго часу. Адпаведна гэтаму кожны летапісец уносіў свае карэктывы ў летапіс Кіеўскай Русі. Але, прадаўжаючы працу сваіх папярэднікаў, летапісцы не адступалі ад ідэі летапісу і імкнуліся захаваць ранейшую форму і характар падачы матэрыялу ў пэўным адзінстве стылю. Дзякуючы гэтаму першапачатковы летапіс, нягледзячы на сваю жанравую стракатасць, успрымаецца намі як адзіны суцэльны твор.

Змешчаныя ў хрэстаматыі ўрыўкі з першапачатковага летапісу Кіеўскай Русі пададзены па выданню АН СССР: «Повесть временных лет» (Литературные памятники), т. I, М.—Л., 1950, стар. 54—57, 74—77, 79—81, 83, 99, 104, 111—112, 114—116, 141.

[Жаніцьба Уладзіміра на Рагнедзе
і яго барацьба з Яраполкам]

Вьто 6488 (980). Приде Володимер с варяги Ноугороду и рече посадником Ярополчим: «Идѣте к брату моему и рцѣте¹ ему: Володимер ти идетъ на тя, пристраивайся противу битися». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотъску², глаголя: «Хочю пояти³ дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «Хощеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути⁴ робичича⁵, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволод пришел и-заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а туры Туровѣ⁶, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволождѣ, князя Полотъскаго. Володимер же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдѣ и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотячу Рогънѣдѣ вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его два, и дѣчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киевѣ с людьми своими и с Блудом; и стояше Володимер обрывся⁷ на Дорогожицѣ, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимер же посла к Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лестью глаголя: «Поприай⁸ ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешъ от мене: не яз⁹ бо почал братью бити, но он. Аз же того убоявѣся приходъ на нь». И рече Блуд к послом Володимеримъ: «Аз буду тобѣ в сердце и в приязньство». О злая лесть челоувѣческа! Яко же Давыд глаголетъ: «Ядый хлѣб мой възвеличил есть на мя лесть». Се бо лукавствоваше на князя своего лестью. И паки¹⁰: «Языки своими льстяхуся. Суди им, боже, да отпадутъ от мыслей своих; по множеству нечестья их изрини а¹¹, яко прогнѣваша тя, господи». И паки той же рече Давыд: «Муж в крови льстив не припловить дний своих»¹². Се есть совѣт зол, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовни, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсов такovní. Яко же Блуд преда князя своего, и прием от него чѣти¹³ многи,

¹ скажыце. ² Другое сватаанне Уладзіміра апісана паводле народных паданняў у Лаўрэнцеўскім летапісу пад 1128 г. Там Уладзімір паказан яшчэ маладым, і яго сватам выступае яго дзядзька Дабрыня, які забівае на вачах Рагнеды яе бацьку Рагвалода. Рагнеда хоча адпомсціць Уладзіміру за смерць бацькі і за тое, што Уладзімір перастаў яе кахаць. Паводле гэтай версіі, у Рагнеды ад Уладзіміра быў толькі адзін сын Ізяслаў, у той час як «Повесть временных лет» называе чатырох: Ізяслава, Мсціслава, Яраслава і Усевалада. ³ узяць. ⁴ Разуванне мужа было часткай шлюбнага абраду Кіеўскай Русі і сімвалізавала сабою пакору маладзіцы. ⁵ сын рабыні. Уладзімір так назван таму, што яго маці Малуша, дачка Малкі Любачаніна і родная сястра Дабрыні, была ключніцай княгіні Вольгі. ⁶ За гэтай заўвагай, напэўна, мелася на ўвазе якаясьці этымалагічная лягенда, тлумачыўшая паходжанне Турава і князёўскай дынастыі, накшталь лягенды аб Кію, Радзіму і Вятку. ⁷ акапаўшыся. ⁸ садзейнічай. ⁹ я. ¹⁰ зноў. ¹¹ іх. ¹² не дажыве сярэдняга веку свайго. ¹³ дары.

се бо бысть повинен крови той. Се бо Блуд затворися с Ярополком, льстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду браню, а сам мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его.

Блуд же не възмог, како бы погубити и¹, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань² из града. Рече же Блуд Ярополку: «Княне слются к Володимеру, глаголюще: «Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка. Побѣгни за град». И послуша его Ярополк, и избѣг пред ним затворися в градъ Родни на усть Рси рѣки, а Володимер вниде в Киев, и осѣде³ Ярополка в Роднѣ. И бѣ глад велик в нем, и есть притча⁴ и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама их не перебороти. Твори мир с братом своим»; льстя под ним се рече. И рече Ярополк: «Так буди». И посла Блуд к Володимеру, сице⁵ глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и». Володимер же, то слышав, въшед в двор теремный отень⁶, о нем же преже сказахом, сѣде ту с вои и с дружиною своею. И рече Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то яз приму». Поиде же Ярополк; и рече ему Варяжко: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вси»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полѣзе в двери, и подъяста и два варяга мечьми под пазусѣ. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк. Варяшко же, видѣв, яко убьен бысть Ярополк, бѣжа с двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби и, заходив к нему ротѣ⁷. Володимер же залеже⁸ жену братьню грекиню, и бѣ непрадна⁹, от нея же родися Святополк. От грѣховнаго бо корени зол плод бываетъ: понеже¹⁰ бѣ была мати его черницею, а второе, Володимер залеже ю¹¹ не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се град нашъ; мы прияхом и, да хочем имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от человекъ». И рече им Володимер: «Пождѣте, даже вы¹² куны сберутъ, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и реша варязи: «Сольстил¹³ еси нами, да покажи ны¹⁴ путь в Греки». Он же рече им: «Идѣте». И избра от них мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в Греки. И посла пред ними слы¹⁵, глаголя сице царю: «Се идутъ к тебѣ варязи, не мози их держати в градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо¹⁶ не пуцай ни единого».

И нача княжити Володимер в Киевѣ един, и постави кумиры

¹ яго. ² на битву. ³ аблажыў. ⁴ павучальнае алегарычнае апавяданне. У дадзеным выпадку гэта слова ўжыта ў сэнсе: «І ёсць прымаўка». ⁵ так, гэтак. ⁶ бацькаў. ⁷ «заходив к нему ротѣ» гэта значыць «прысягнуў яму». ⁸ узяў. ⁹ цяжарная. ¹⁰ таму што. ¹¹ яе. ¹² «даже вы» — пакуль вам. ¹³ абманіў. ¹⁴ нам. ¹⁵ паслоў. ¹⁶ сюды.

на холму вѣ двора теремнаго: Перуна¹ древяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хърса², Дажьбога³, и Стрибога⁴ и Симарьгла⁵ и Мокошь⁶. И жряху им⁷, наричюще я боги, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсом, и оскверняху землю требамн⁸ своими. И осквернися кровѣми земля Руска и холмо-ть⁹. Но преблагий бог не хотя смерти грѣшником, на том холмѣ нынѣ церкви стоитъ, святаго Василья есть, яко же послѣди скажем. Мы же на преднее възратимся.

Володимер же посади Добрыну, уя¹⁰ своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рѣкою Волховом, и жряху ему людѣ ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимер побѣжен похотью женскою, и быша ему водимыя Рогънедь, юже¹¹ посади на Лыбеди, иде же ныне стоитъ сельце Предѣславино¹², от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мъстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несѣт блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ, растьяля. Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломан¹³: бѣ бо, рече, у Соломана жен 700, а наложницъ 300. Мудр же бѣ, а наконецъ погибе; се же бѣ невѣголос¹⁴, а наконецъ обрѣте спасенье. «Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!» Зло бо есть женская прелестъ, яко же рече Соломан, покаявся, о женах: «Не вѣнмай злѣ женѣ, мед бо каплетъ от уст ея, жены любодѣици, во время наслаждаетъ твой гортань, последи же горчее золчи обрящещи...»

[Прыняцце Уладзімірам хрысціянскага
веравызнання]

Влѣто 6495 (987). Созва Володимер боляры своя и старци градьскиѣ, и рече им: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: прими закон нашъ. Посемь же приходиша нѣмци, и ти хваляху закон свой. По сих придоше жидове. Се же послѣ же придоша грѣци¹⁵, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытїи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо¹⁶ слышати их, и другий свѣт повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашу вѣру ступить, то паки, умер, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынь¹⁷ закон ступить, то на оном свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте?¹⁸ Что отвѣщаете?»

¹ бог маланкі і грому. ² бог сонца. ³ бог дабрабыту. ⁴ бог ветру. ⁵ функция гэтага бога невядома. ⁶ бог племя мокша-эрзя. ⁷ «жряху ім» — прынеслі ім ахвяры. ⁸ абрадамі. ⁹ той. ¹⁰ дзядзька, матчыні брат. ¹¹ якую. ¹² сяло названа па імя дачкі Уладзіміра ад Рагнеды — Прадславы. ¹³ мудры цар Іудзеі. ¹⁴ невук. ¹⁵ грэкі. ¹⁶ кожнаму. ¹⁷ у іншы, у другі. ¹⁸ «Да что ума придасте?» — Да якой веры схіліцца?

И рѣша бояре и старци: «Вѣси¹, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хоцещи испытати гораздо, то имаша у собе мужи: послав испытай кождо их службу, и кто како служит богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣм людем; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и рѣша им: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру их». Они же идоша, и пришедше, видѣша скверная дѣла и кланянье в ропати²; придоша в землю свою. И рече им Володимер: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте в греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испита, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша³ ему вся бывшая. Се слышав царь, рад быв, и честь велику створи им в той же день. Наутрия посла к патреарху, глаголя сиче: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и сам причинися в святительския ризы, да видят славу бога нашего».

Си слышав патреарх, повелѣ созвати крилос, по обычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоанье дьякон, сказующе им служенье бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу их. И призваша я царя Василии и Костянтин, рѣста им: «Идѣте в землю вашу», и отпустиша я с дары велики и с честью. Они же придоша в землю свою.

И созва князь боляры своя и старца, рече Володимер: «Се придоша послании нами мужи, да слышим от них бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом в болгары, смотрихом, како ся покланяють в храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядять сѣмо и онамо, яко бѣшен, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрад велик. Нѣсть добр закон их. И приходом в нѣмци, и видѣхом в храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхом никоея же. И приходом же в греки, и ведоша ны, иде же служить богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такога вида ли красоты такоя, и не доумѣем бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ бог с челоуѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣх стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо челоуѣк, аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаеть, тако и мы не имам сде быти». Отвѣщавше же боляре рекоша: «Аще бы лих закон гречьскій, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх челоуѣк». Отвѣщав же Володимер, рече: «Гдѣ крещенье примем?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшю лѣту, в лѣто 6449 (988), иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьскій, и затворишася корсуняне в градѣ. И ста Володимер об он пол⁴ города в лимени⁵, дали града стрѣлище⁶ едино, и боряхуся крѣпко из града. Володимер же обьстоя⁷ град. Изнемогаху в градѣ людье, и рече Володимер

¹ ведай. ² мячэць. ³ паведамилі. ⁴ «об он пол» — з двух бакоў. ⁵ паблізу лімана. ⁶ адлегласць роўная палёту стралы. ⁷ абступіў.

к гражаном: «Аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимер же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спущим, корсуняне, подѣкопавше стѣну градскую, крадуше сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ в град, сыплюше посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимер стояше.

И се мужь корсунянин стрѣли, имянем Настас, напсав сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от вѣстока¹, ис того вода идетъ по трубѣ, копав переими»¹.

Володимер же, се слышав, възрѣв на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абѣ повелѣ копати преки трубам, и преяша воду. Людѣ изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимер в град и дружина его, и посла Володимер ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Сей град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих».

И слышавша царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоинъ хрестеяном за поганья даяти. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное примеши, и с нами единовѣрник будеши. Аще ли сего не хочеши створити, не можем дати сестры своее за тя». Си слышав Володимер, рече посланым от царю: «Глаголите царема тако: Яко аз кращюся, яко испытах преже сих дний закон вашъ, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянем Аньну, и посласта к Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимер: «Да пришедъше с сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полон, — рече, — иду, луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить бог тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь греком? И нынѣ аще не идеши, то же имуть створити нам». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару², цѣловавши ужики своя с плачем, поиде чрес море. И приде к Корсуню, и изидоша корсуняне с поклоном, и въведоша ю в град, и посадиша ю в полатѣ.

По божью же устрою в се время разболѣся Володимер очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити. И посла к нему царица, рекущи: «Аще хочеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга сего». Си слышав Володимер, рече: «Да аще истина будетъ, то поистинѣ велик бог будетъ хрестеянеск». И повелѣ хрестити ся. Епископ же корсуньскій с попы царицины, огласив, крести Володимера. Яко възложи руку на нь абѣ³ прозрѣ. Видив же се Воло-

¹ Матыѹ перакопкѣ водаправода перад обложаным горадам пераписчык, напѣѹна, запазычыѹ з библейскай книгі аб Юдзіф-удаѣицы. (Гл. стар. 416 хрѣстаматы.) ² у карабль. ³ тым часам.

димер напрасное ицѣленье, и прослави бога, рек: «Топерво уведѣх бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣ же торг дѣють корсуняне; полата же Володимеря с края церкви стоит и до сего дне, а царицина полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицю на браченъе. Се же не свѣдуше право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажутъ. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣции от еретик, но вѣруй...

Не преимаи же ученья от латын, их же ученъе развращено: влѣзъше бо в церковь, не поклонятся иконам, но стоя поклонятся, и, поклонився, напишетъ крест на земли и цѣлуеть, встав прост, станеть на немъ нагами; да лег цѣлуеть, встав попираеть. Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крест поставлен цѣловать и иконы предаша. Лука бо еуангелист, первое написав, посла в Рим. «Яко же глаголетъ Василий: икона на первый образ приходитъ». Паки же и землю глаголють материю. Да аще им есть земля мати, то отецъ им есть небо, искони бо створи бог небо, таже землю. Тако глаголють: «Отче нашъ, иже еси на небеси». Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на мать свою? Да сѣмо¹ ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящеся от Рима и от всѣхъ престол. На первомъ бо сборѣ, иже на Арья в Никѣи, от Рима Силевестр посла епископы и презвутеры, от Олександрѣя Офонасий, от Царягорода Митрофан посла епископы от себе; тако исправляху вѣру. На второмъ же зборѣ от Рима Дамас, а от Олександрия Тимофѣй, от Антиохия Мелетий, Курил Ярусалимский, Григорий Богословець. На третьемъ же сборѣ Келестин Римский, Курил Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомъ же сборѣ Левонтий Римский, Анаталий Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомъ сборѣ Римский Вилигий, Евтухий Царягорода, Аполинарий Олександрьский, Домнин Антиохийский. На 6-мъ сборѣ от Рима Агафон, Георгий Царягорода, Феофан Антиохийский, от Александрия Петр мних. На 7-мъ сборѣ Ондреян от Рима, Тарасий Царяграда, Политиан Олександрьский, Федорит Антиохийский, Илья Ерусалимский. И си вси со своими епископы сходящеся исправляху вѣру. По семь же сборѣ Петр Гугнивый со инѣми шед в Рим и престол въсхватив, и разврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олександрьскаго, и Царяграда и Антиохийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученъе свое разно. Ови бо попови одною женою оженивъся служатъ, а друзии до 7-ми жен поймающе служатъ, их же блюстися ученья. Працають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Бог да схранитья от сего.

¹ тут.

Володимер же посем поем царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в Корсуні на горѣ, идѣ же съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи¹ и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнять я мрамаряны суца. Вдасть же за вѣно греком Корсунѣ опять царицѣ дѣля, а сам приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи², овы исѣщи, а другія огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневы к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети³ жезльемь. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомъ челоуѣкы, да възмездье приметъ от челоуѣк. «Велий еси, господи, чудна дѣла твоя!» Вчера чтимъ от челоуѣк, а днесъ поругаем. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и в Днѣпр. И пристави Володимер, рек: «Аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтр на рѣнь⁴, и оттолѣ прослу⁵ Перуня Рѣнь, яко же и до сего дне словоеть. Посемъ же Володимер, посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться⁶ заутра на рѣцѣ, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мнѣ да будетъ».

Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимер с попы царицины и с корсуньскими на Днѣпр, и снисдеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяхе си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемых; а дьявол стенья глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! Сде бо мнях жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ их, еже служаху мнѣ. И се уже побѣжен есмь от невѣгласа, а не от апостол, ни от мученик, не имам уже царствовати в странах сих».

Крестившим же ся людем, идоша каждо в дома своя. Володимер же рад быв, яко позна бога сам и людье его, възрѣв на небо рече: «Христе боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия, и дажь им, господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рек.

¹ Калі вяртаўся назад, узяў з сабою двух медных ідалаў. ² скінуць. ³ сячы. ⁴ іудмель. ⁵ стала вядомая. ⁶ не з'явіцца.

повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстом, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумир Перун и прочии, иде же творяху потребности князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣм градом и селом. Послав нача поимати у нарочитые¹ чадѣ дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сѣх плакахуся по них, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвечи плакахся...

Володимер же просвѣщен сам, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мѣстислав, Борис, Глѣб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотѣскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершо же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣх, Всеволода Володимери, Мѣстислава Тмуторокани. И рече Володимер: «Се не добро, еже мал город около Кыева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словенѣ, и от кривичѣ, и от чюди, и от вятичѣ, и от сѣх насели грады: бѣ бо рать от печенѣг. И бѣ воюяся с ними и одолая им.

[А б барацьбе полацкіх князёў]

Влѣто 6529 (1021). Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, на Новѣгород, и зая Новѣгород, и поим новгородцѣ и имѣнье их, поиде Полотѣску опять. И пришедшо ему к Судомири рѣцѣ, и Ярослав ис Кыева в 7 день постиже и² ту. И побѣди Ярослав Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячислав бѣжа Полотѣску...

В лѣто 6552 (1044). Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею³, и положиша я⁴ в церкви святаыя Богородица. В се же лѣто умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, отецъ Всеславль, и Всеслав, сын его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вѣлхвованья. Матери бо родивши его⁵, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеслав и до сего дне на собѣ; сего ради немилостив есть на кровьпролитье...

В лѣто 6575 (1067). Заратися⁶ Всеслав, сын Брячиславль, Полочѣскѣ, и зая Новѣгород. Ярославичи же трне, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ⁷ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнеск, и исекоша мужѣ, а жены и

¹ у лучших. ² яго. ³ их. ⁴ их. ⁵ Давальны самастойны, перакладаецца на сучасную мову так: «Калі яго маці нарадзіла». ⁶ узброіўся, сабраў_войска. ⁷ марозам, сцюжай.

дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеслав поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта в 3 день; и бяше снѣг велик, и поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа. По семь же, мѣсяца иуля в 10 день, Изяслав, Святослав и Всеволод, цѣловавше крест честный к Всеславу, рекше ему: «Прииди к нам, яко не створим ти зла». Он же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха в лодьи черес Днѣпр. Изяславу же в шатер предъидуцю¹, и тако яша² Всеслава на Рши у Смолинська, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Кыеву, всади и в порубь с двѣма сынома.

В лѣто 6576 (1068). Придоша иноплеменьници на Руську землю, половьци мнози. Изяслав же, и Святослав и Всеволод изидоша противу имь на Лѣто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣхъ же ради наших пусти бог на ны поганья, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци... Изяславу же со Всеволодом Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии побѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, с вѣча, и придоша на двор Коснячьков, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася на двое: половина их иде к погребу, а половина их иде по Мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сѣдяцю на сѣнех с дружиною своею, начаша прѣтися³ со князем, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящу и дружинѣ стоящи у князя, рече Туки, брат Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; послѣ аѣт Всеслава блюдутъ». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погреб. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; послѣ ко Всеславу, аѣт призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и⁴ мечем». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу⁵ Всеславу. Изяслав же се видѣв, со Всеволодом побѣгоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, в 15 день семтября, и прославиша и средѣ двора кнѣжа. Двор жь княжь разграбиша, бещисленое множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы...

Всеслав же сѣде Кыевѣ. Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав цѣловав крест, и я и⁶; тѣм же наведе бог поганья, сего же явѣ избави крест честный. В день бо Въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровах, избави мя от рва сего». Бог же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ приметъ казнь и на придущемъ вѣцѣ

¹ Калі Ізяслаў, ідучы першым, прывёў яго да сябе ў шацёр. ² захапілі. ³ спрачацца. ⁴ яго. ⁵ да турмы. ⁶ і захапілі яго.

казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная; крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовскыя, крест бо княземъ в бранехъ пособить, в бранехъ крестомъ согражаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты¹ противныя, крест бо вскорѣ избавляетъ отъ напастей призывающимъ его с вѣрою. Ничего же ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають отъ бѣс мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Кыевъ мѣсяць 7.

В лѣто 6577 (1069). Поиде Изяславъ с Болеславомъ² на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши пощи, утаивъся кыянъ бѣжа изъ Бѣлагорода Полотъску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведетъ на ны³ Лядскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ в Гречьску землю».

И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ⁴ къ брату своему; аще поидеть на вы с ляхы⁵ губити вас, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изяславу, глаголюща: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси⁶, яко нама жаль отня стола».

То слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславомъ, мало ляховъ поимъ; посла же предъ собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришедъ Мьстиславъ, исѣче кыяны, иже бѣша высѣкли⁷ Всеслава, числомъ 70 чадъ, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущую къ граду, изидоша людье противу с поклономъ, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая в 2 день. И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай⁸, и възвратися в ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна⁹ торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотъска, посади сына своего Мьстислава Полотъскѣ; онъ же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшую.

[А б цудоўнымъ здарэнні ў Полацку]

В лѣто 6600 (1092). Предивно бысть чюдо Полотъскѣ в мечтѣ¹⁰: бываше в нощи тутѣн¹¹, станяше по улицѣ, яко чловѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абѣе¹² уязвен будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. По семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти

¹ ворагаў. ² Баляслаў II Смелы — польскі князь, які княжыў з 1058 да 1079 гг. ³ на нас. ⁴ вы пашліце паслоў. ⁵ з палякамі. ⁶ то ведай. ⁷ вызвалілі. ⁸ тайна. ⁹ перавѣў. ¹⁰ у горадзе. ¹¹ тупат. ¹² у той час, у той момант.

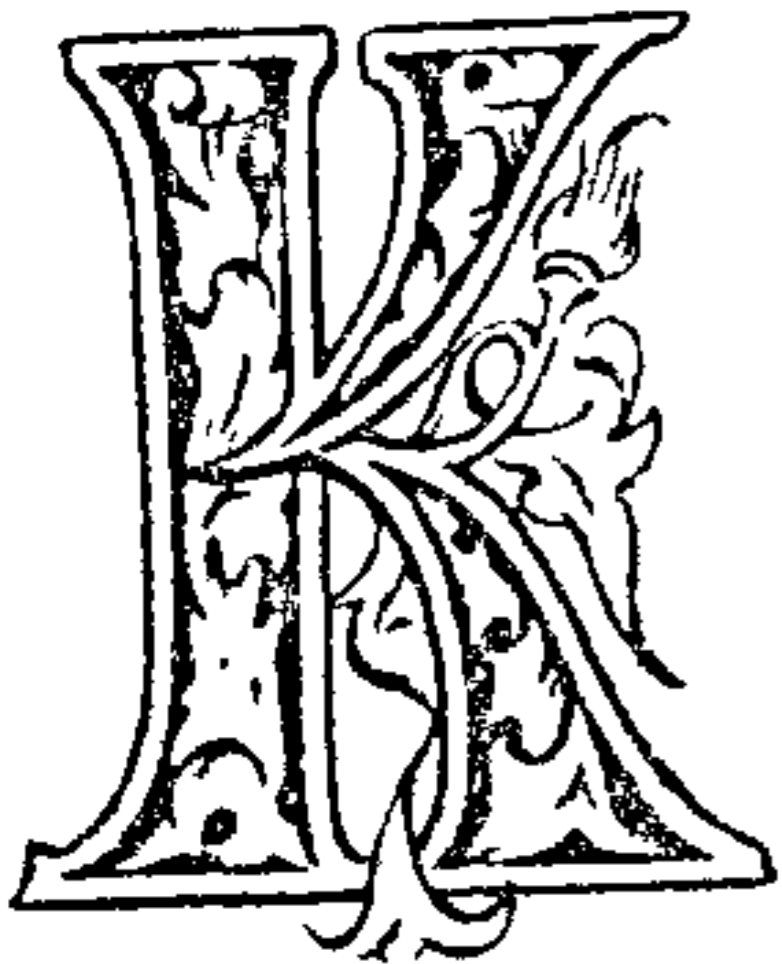
копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣм и челоуѣци глаголаху: яко навѣ¹ бють полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрютьска.

В си же времена бысть знаменье в небеси, яко круг бысть посреде неба превелик. В се же лѣто ведро бѣше², яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бѣше от половець и от всюду, взяша 3 грады: Пѣсочень, Переволоку, Прилук³, и многа села воеваша по обѣма страномъ⁴. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Васильком Ростиславичемъ⁵. В се же лѣто умре Рюрик, сын Ростиславль. В си же времена мнози челоуѣци умираху различными недугы, яко же глаголаху продающе и корсты⁶, яко «Продахом корсты от Филипова дне до мясопуста⁷ 7 тысячъ». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды. Се же наведе на ны⁸ бог, веля нам имѣти покаянье и вѣстягнутися⁹ от грѣха, и от зависти и от прочих злых дѣл неприязнин.

¹ души памѣршых. Вѣра ѿ іспаванне памѣршых душ была распаѣсюджана ѿ славян яшчѣ ѿ часы язычества. ² «ведро бѣше» — была засуха, не было дажджу. ³ грады Пераяслаѣскага княства, якія знаходзіліся на граніцы з палавецкімі стэпамі. ⁴ па двух берагах Дняпра. ⁵ унук Уладзіміра, сына Яраслава Мудрага, памѣр у 1124 г. ⁶ дамавіны. ⁷ лічба па царкоўнаму календару. ⁸ па нас. ⁹ устрымацца.

КІРЫЛ ТУРАЎСКІ

(каля 1130—1182)

Кірыл Тураўскі — адзін з буйнейшых пісьменнікаў другой палавіны XII ст. Дакладных звестак няма, але мяркуюць, што нарадзіўся ён каля 1130 г. У дзяцінстве Кірыл атрымаў высокую па таму часу адукацыю ў г. Тураве, які з'яўляўся цэнтрам Турава-Пінскага княства і як культурны цэнтр сапернічаў з г. Кіевам. Тут жыла грэчаская царэўна (жонка тураўскага князя), у яе прыдворнымі служкамі былі багатыя і высокаадукаваныя грэкі, якія кіравалі культурным жыццём княства. Яны, напэўна, і былі настаўнікамі Кірыла Тураўскага, бо ўся яго літаратурная творчасць знаходзілася пад вялікім уплывам візантыйскай літаратуры і светапогляду. Стаўшы юнаком, Кірыл Тураўскі пастрыгся ў манахі і захапіўся аскетычным жыццём у такой ступені, што звычайныя манашскія справы перасталі яго задавальняць. Тады ён пажадаў замураваць сябе ў манастырскай вежы і там у адзіноце аддаўся посту і літаратурнай дзейнасці.

Літаратурная дзейнасць прапаведніка і суровы аскетызм Кірыла ў хуткім часе звярнулі на сябе ўвагу жыхароў і князя, у выніку чаго апошнія, калі тураўская епіскапская кафедра стала вакантнай, абралі яго епіскапам. Памёр Кірыл Тураўскі каля 1182 г.

Кірыл Тураўскі ўвайшоў у гісторыю як выдатны майстар так званага ўрачыстага царкоўнага красамоўства, якое ў XII—XIV ст. ст. паступова прышло ў заняпад і ў хуткім часе знікла з літаратурнага ўжытку да першай палавіны XVII ст., калі яно зноў уваскрэсла як жанр у творчасці Стафана Зізанія, Мялеція Смятрыцкага, Ляонція Карповіча і іншых беларускіх пісьменнікаў-палемістаў таго часу.

Кірыл Тураўскі быў пладавітым для свайго часу пісьменнікам. Бясспрэчна яго пяру належаць: Прытча аб душы і целу (сяляцу і храмцу); Аповесць аб бяспечным цару і яго мудрым саветніку; Казанне аб чорнарызкім чыну; 8 павучанняў, або «Слоў»; каля 30 малітваў; і некалькі канонаў. Поўны аб'ём яго гімнаграфічнай творчасці ў навуцы яшчэ дакладна не вызначан.

Незвычайныя паэтычныя здольнасці пісьменніка Кірыла Тураўскага з найбольшай паўнатаю праявіліся ў яго «Словах», якія ён пісаў з выпадку таго або іншага царкоўнага свята. Тут бязмежная і прыгожая фантазія аўтара спалучаецца з хараством і велічнасцю вобразаў, пададзеных у жывой драматычнай форме і падзеленых багатай паэтычнай сімволікай. А гэта сведчыць аб высокім прафесіянальным майстэрстве Кірыла Тураўскага як пісьменніка. Літаратурная творчасць Кірыла яшчэ пры яго жыцці атрымала высокае прызнанне сярод сучаснікаў пісьменніка, якія называлі яго: «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси». Казанні Кірыла ўключаліся сучаснікамі ў склад

«Златоуста» і «Торжественника», якія былі анталогіямі лепшых узораў казанняў найбольш славурых і папулярных у той час грэчаскіх майстраў аратарскага красамоўства. Творы пісьменніка ахвотна, беражліва і дакладна перапісвалі пісцы амаль да XIX ст., а частка твораў нават перакладалася на вершы і, такім чынам, рабілася прадметам літаратурнага пераймання.

Змешчаныя ў хрэстаматыі поўныя тэксты «Слоў» Кірыла Тураўскага і тэкст Прытчы аб душы і целу друкуюцца па выданню АН СССР (Гл. Труды отдела древнерусской литературы, XII, М.—Л., 1956, стар. 340—347; т. XIII, М.—Л., 1957, стар. 415—426. И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского) а «Слово на възнесение господне» па выданню К. Ф. Калайдовіча. (Гл. Памятники российской словесности XII в., М., 1821, стар. 65—73).

С Л О В О

КИРИЛА НЕДОСТОИНАГО МНИХА ПО ПАСЦЬ,
ПОХВАЛЕНИЕ ВЪСКРЕСЕНИЯ, И О АРЪТУСЬ, И О ФОМИНЬ
ИСПЫТАНЬИ РЕБР ГОСПОДНИХ. ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словес; обаче любве дѣля сушая со мною братья мало нѣчто скажем о поновьленьи възкресения Христова.

В минувшую недѣлю святых пасхи удивление бѣ небеси и устрашение преисподним, обновление твари, избавление миру, раздрование адово и попрание смерти, възкресение мертвым и погубление прелестных власти дьяволя, съпасение же чловѣческому роду Христовымъ воскресениемъ, обнищание ветхому закону и порабощение суботѣ, обогащение церкви и въцарение недѣли.

В минувшую недѣлю всему пременение¹ бысть. Створи бо ся небомъ земля, очищена богом от бѣсовских скверн; ангели с женами раболѣпно воскресению служатъ. Обновися тварь; уже бо не нарекутся богомъ стухия: ни солнце, ни огонь, ни источники, ни дрвеса. Отселе бо не приемлетъ ад закалаемых отци младенци, ни смерть почъсти; преста бо идолослужение, и погубися бѣсовское насилье крестным таинством, и не токмо съпасеся чловѣчь род, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхий² же закон отынудъ обнища отвержениемъ телча крове и козья жерътвы; един бо Христос сам собою к отцю за всѣх жертву възнесе. Тѣмъ и праздник суботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть възкресения ради, и царствуетъ уже в днех недѣля, яко в ту възкресе из мертвых.

Вѣнчаем, братье, царицю днем и дары честны с вѣрою той принесем; дадим по силѣ, яко же можем: ов³ милостыню и безлобие и любовь; другий — дѣвство чисто и вѣру праву, и смѣрение нелицемѣрно; ин⁴ — псаломъское пѣнье, апостолское учение, молитва с въздыханиемъ к богу. Сам бо господь Моисѣемъ глаголетъ: «Не являйся предо мною тощ в день праздника». Принесемъ ему преже-

¹ перамена. ² стары. ³ той, гэты. ⁴ іншы.

реченныя добродѣтели, да въспримемъ божію милость, ибо не лишитъ добра приходящихъ съ вѣрою: «Славящая бо мя, — рече, — прославлю».

Похвалимъ красно новую сню недѣлю, в ню же поновление воскресения празднуемъ. Не бо та же пасха, но антипасха наречеться. Пасха бо избавленіе миру есть отъ насилья дьяволя и освобождение мертвымъ отъ ада преисподняго; антипасха же есть поновление въскресения, образъ имущи ветхаго закона, иже завѣща бо въ Егуптѣ Моисѣви глаголя: «Се избавляю люди моя отъ работы фараона и свобожаяю я отъ мученья приставникъ его, да понавляеши день спасения твоего, вонъ жь побѣдихъ враги твоя, Израилю». Се нынѣ и мы понавляемъ празднующе побѣдныи день Христовъ, вонъ же спасение всему миру сдѣя побѣдивъ начала и въласти темныя. Того ради и артусный хлѣбъ отъ пасъхи и до нынѣ в церквѣ священъ бысть и днесъ на иерѣйскихъ версѣхъ ломиться за опрѣсноки, несеныя на главахъ левгитъ отъ Егупта по пустыни, дондеже и Чермное¹ море проидоша и ту того освятиша богови, его же вкушающе сдрави бываху и врагомъ страшни. Они же убо избывше телесныя работы, понавляху празднующе день опрѣсночный; мы же владыкою спасени отъ работы мысленаго фараона дьяволя, понавляемъ побѣдныи на враги день; сего священнаго нынѣ приемлюще хлѣба, тако вкушаемъ, яко же они хлѣба небеснаго и ангельскаго брашна, и хранимъ его на всяку потребу благу, на сдравіе телесемъ и душамъ на спасение и на прогнание всякаго недуга.

Днесъ ветхая конецъ прияша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая. Нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ яко вретница² съвълекъше, и свѣтлымъ воздухомъ славу господню исповѣдаютъ. Не си³, глаголю, видимая небеса, нъ разумныя, апостолы, иже днесъ на Сионѣ къ нимъ въшедша познаша господа, и всю печаль забывша и скорбь иудѣйскаго страха отвергъше, святымъ духомъ осѣнившеся въскресение Христово ясно проповѣдаютъ.

Нынѣ солнце, красуясь, къ высотѣмъ въсходитъ и, радуясь, землю огрѣваетъ, — взиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ. Нынѣ луна, съвышняго съступивши степени, болшему свѣтилу честь подаваетъ; — уже бо ветхий законъ по писанию съ суботами преста и пророки Христову закону честь подаетъ. Нынѣ зима грѣховная покаяниемъ преста естъ и ледъ невѣрія богоразумиемъ растаяся; зима убо языческаго кумирсужения апостолскимъ учениемъ и Христовою вѣрою преста естъ, ледъ же Фомина невѣрія показаниемъ Христовымъ ребр растаяся. Днесъ весна красуется оживляющи земное естъство, и бурнии вѣтри тихо повѣвающе плоды гобъзуютъ⁴, и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная естъ вѣра Христова, яже крещениемъ поражаетъ чловѣческое паки естъство⁵; бурнии же вѣтри — грѣхотворнии помыслы, иже покаяниемъ претворьшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобъзуютъ; земля же естъства

¹ Чырвоное. ² лахманы. ³ гѣтыя. ⁴ напѣваюць багацемъ. ⁵ адраджѣнне.

нашего, аки сѣмя слово божие приемши и страхом его боляши присно¹, дух спасения ражаеть.

Ныня новоражаеми агньци² и уньци³, быстро путь перуше. скачють и скоро к матерем възвращающесе вселяться, да и пастыри свиряюще⁴ веселиемъ Христа хвалять. Агньца, глаголю, кроткия от язык люди, а уньца — кумирслужителя невѣрных стран, иже Христовымъ въчеловѣченнемъ, и апостольскимъ учениемъ и чудеса, скоро по закон емшесе⁵ к святѣй церкви възвратившесе, млеко си учения съсуть, да и учителя Христова стада о всѣх молящесе Христа бога славятъ, вся волкы и агньца в едино стадо събравшаго.

Ныня древа лѣторасли⁶ испущаютъ, и цвѣты благоухания процвитають, и се уже огради⁷ сладьку подавають воню⁸, и дѣлатели⁹ с надежею тружающесе плодадавца Христа призываютъ. Бѣхом бо преже аки древа дубравная неимуци плода, ныня же присадися Христова вѣра в нашемъ невѣрнн, и уже держащесе корене Иосѣева, яко цвѣти добродѣтели пуцающе, райскаго паки¹⁰ жития о Христѣ ожидаютъ, да и святители о церкви тружающесе от Христа мѣзды ожидаютъ. Ныня ратаи¹¹ слова словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало¹² в мысленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, сѣмя духовное всыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться.

Днесъ ветхая конецъ приша, и се быша вся нова възскресения ради. Ныня рѣки апостолския наводняются, и язычныя¹³ рыбы плод пуцають, и рыбаи глубину божия въчеловѣчения испытавше, полну церковную мрежу¹⁴ ловитвы обрѣтають; «Рѣками бо, — рече пророк, — расядеться земля, узрять и разболаться нечестивии людье». Нынѣ мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показавши вся удивляеть; яко же бо они в пустыняхъ самокормнемъ живуще ангелы и челоуѣкы удивляють, и си на цвѣты възлѣтающи медвены сты¹⁵ стваряють, да челоуѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброголасныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящесе веселяться. «И птица бо, — рече пророк, — обрѣте гнѣздо себѣ олтаря твоя — и свою каяждо поющи пѣснь, славятъ бога гласы немолчьными».

Днесъ поновишася всѣхъ святыхъ чинове, нову жизньь о Христѣ примѣше: пророци и патриарси трудившеся в райстѣй почиваютъ жизни, и апостоли с святители пострадавшен прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници за Христа претерпѣвшесе страсть с ангелы вѣнчаються; цесари и князи послушаниемъ спасаються; дѣвственнии лица и иночѣстии състави, свой крест терпѣниемъ понесѣше, первѣнцю Христу от земля на небо послѣдуютъ; постыници и пустыньници, от руки господня труда мѣзду примѣше, в горнемъ градѣ с святыми веселяться. Днесъ новымъ людемъ възскресения Христова поновления праздник, и вся новая богови прино-

¹ заўжды. ² ягняты. ³ цяляты. ⁴ играючи на свирѣляхъ. ⁵ узяўшыся. ⁶ парасткі, пабегі. ⁷ сады. ⁸ водар, пахучасць. ⁹ земляробы. ¹⁰ зноў. ¹¹ аратыя. ¹² саху. ¹³ язычскія. ¹⁴ сетку. ¹⁵ соты.

ситься: от язык¹ вѣра, от хрестьян трѣбы, от нерѣи жертвы, от миродержитель боголюбныя милостыня, от вельможь церковное попечение, от праведник смѣреномудрие, от грѣшник истинное покаяние, от нечестивых обращение к богу, от ненавидящихсяъ духовная любви.

Взидем нынѣ и мы, братъе, мыслено в Сионскую горницу, яко тамо апостоли събрашася и сам господь Исус Христос, затвореным дверем, посредѣ их обрѣтесе и рек: «мир вам», исполни я² радости. «Възрадоваша бо ся, — рече, — ученици видѣвше господа, и печаль всю телесную и страх сердечный отринуша»; дасть бо ся душам их духовная дерзость познаниемъ своего владыки, яко обнажи пред всѣми своя ребра, и гвоздиныя язвы на руку и на ногу показаетъ Фомѣ. Не бѣ бо Фома в первый приход с ученики видѣл господа, и слышав его въскресъша не яко лжю мя не вѣроваше, но и самовидецъ хотя быти Христу, тако глаголаше: «Аще не вложю руки моея в ребра его и в язву гвоздиньную перста моего, не иму вѣры». Тѣмъ и господь, не понося³ ему, сице⁴ глаголаше: «Принеси руку твою и вижь прободение ребр моих и вѣруй, яко аз сам есмь. Мнѣ бо и прежде тебе патриарси и пророци разумѣвше вѣроваша моему въчеловѣчнью. Испытай первое Исаино о мнѣ писание: «Копьемъ бо, — рече, — в ребра прободен бысть, и изиде кровь и вода; в ребра прободен бых, да ребром падъша Адама въскресих». А тебе ли не вѣрующю ми презрю? Осязай мя, яко сам аз⁵ есмь, его же прежде осязав Семеон и вѣрою прошаше отпущения с миром, и не буди невѣрен, яко же Ирод, яже⁶ слыша мое рожество, глаголаше волхвом: «Кде Христос ражается, да и аз шед⁷ поклонюся ему?» — а в сердци о убийствѣ моемъ мысляше, нѣ еще и младеньци избѣ, но искомага не обрѣте: Взидуть бо мене злии, нѣ не обрящють. Вѣруй ми, Фома, и познай мя, яко же и Аврам, к нему же под сѣнь с двѣма ангелома приход, и тѣ⁸ познав мя, господа мя нарече, и о Содомѣ моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было бы в немъ праведник. А не буди невѣрен, яко же Валам, иже духомъ святымъ прорек мое за мир умерьтвие и въскресеие, и паки мзды ради прельстивъся погибе. И веруй ми, Фома, яко сам аз есмь, его же видѣ Ияков в ноци на лѣствицѣ утверждающася; то же и паки позна мя духом, егда боряхъся с нимъ в Месопотамьи: тогда бо обѣщашъся ему въчеловѣчитися в племени его. И не буди невѣрен, яко Навходъносор, иже видѣв мя в пещи отроки от огня спасъша, истиною сына божия нарече мя и паки к своимъ прельстемъ уклонивъся погибе. Вѣруй ми, Фома, яко сам аз есмь, его же образ видѣ Исаия на престолѣ висоцѣ, обстоима множествомъ ангел. Аз есмь явивыйся Езекилю посредѣ животныхъ образомъ человѣческомъ, ему же и вас прообразихъ колесы, животныхъ придерживающимъся, въздвизающимъся со мною: то бо животный дух бѣ тогда в колесѣхъ, тѣго же и ныня в вас дунухъ духъ святой. Аз есмь, его же видѣ Данил на облацѣхъ небесныхъ подобьемъ сына

¹ плямѣнаѹ. ² ихъ. ³ супярѣчыць. ⁴ такъ. ⁵ я. ⁶ які. ⁷ пайду. ⁸ той.

человѣча, съшедъшаго до ветхаго днем, и тѣ написа даную ми от бога отца власть и царство на небеси и на земли нынѣшняго и будущаго бесконечнаго вѣка. Принеси, о близнече¹, твой перъст и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпым отверзох², и глухим слуха даровах, и нѣмыя доброглаголивы створих. Вижь и нози мои, има же и пред вами по морю ходих, и по воздуху явьствено ступах, и в преисподняя вшед тѣма ада попрах, и с Клеопою и Лукою до Ельмауса шествовах, и не буди невѣрен, но вѣрен».

Отвѣща Фома, глаголя: «Вѣрую, господи, яко ты еси сам Христос бог мой, о нем же писаша пророци прозяще духомъ, его же прообрази в законѣ Моиси, его же отвергошася с жерци фарисѣи, ему же поругашася завистию с книжники жидове, его же с Каияфою на распятѣ Пилат преда, его же бог отець из мертвых въскреси. Вижду ребра, от них же источи кровь и воду; воду же, да очистиши оскверньшуюся землю, и кровь же, да освятиши чело-вѣчское естество. Вижу руцѣ твои, има же прежде створи всю тварь, и рай насади, и чело-вѣка созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. Вижду нози твои, ею же прикоснувшись блудница грѣхов отпуст прият, на нею же припадъши первое вдовица от мертвых своего сына с душею прият жива; над сима ногама кровоточивая подолцѣ ризы прикоснувшись ицѣлѣ от недуга. И аз, господи, вѣрую, яко ты еси бог».

И рече к нему Исус: «Яко видѣв мя и вѣрова, блажени неви-дѣвшей в мя вѣровавшей».

Тѣм же, братье, вѣруем Христу богу нашему, распенъшемуся поклонимъся, въскресшаго прославим, явльшемуся апостолом вѣ-руем и своя ребра Фомѣ показавшему воспоим, пришедшаго оживит нас похвалим, и просвѣтивъшаго ны³ исповѣдаем, и всѣх благ подавъшаго нам обилье възвеличим, от троица единого по-знаим, господа и бога, спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с отцемъ и с пресвятым духом.

СВЯТОГО КЮРИЛА МНИХА СЛОВО О СЪНЯТИИ ТѢЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА, И О МЮРОНОСИЦАХ, ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКААГО, И ПОХВАЛА ИОСИФУ, В НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПАСЦѢ

Праздник от праздника четьнѣй приспѣл есть, подавая благодать божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жньчюгомъ, с многоцѣнньнымъ камень-емъ, веселять зрящих на ня очи, — нѣ паче сих духовьная нам кра-сота, праздници святни, веселяще вѣрньных сердца и душа освя-щающе. Първое бо въскрсьениемъ Христовомъ просвѣтися мир и паська бысть, вся вѣрныя освящаючи; таче Фоминномъ испытаниемъ

¹ близарукі. ² раскрыў. ³ нас.

ребр господень обновися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвах, всѣм извѣсто бысть телесное вѣстаніе.

Ныня же Иосифа благообразнааго с мюроносицами похвалим, послуживѣшааго по распятіи тѣлу Христову, его же евангелист богата нарицаеть, пришьдѣша от Аримафѣя. «Бѣ бо,— рече,— и тѣ¹ ученик Исусов и чая царствія божія. И в врѣмя страсти вольныя спасовы видѣ страшная в твари чюдеса, солнце помъркѣше и землю трясущюся, страха исполнивѣся и дивяся приде в Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще и Марию, мать его, с единѣмъ ученикомъ тому прѣдѣстоящю, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи, сиче глаголаше: «Тварь съболѣзнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес правды умърщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тварем! Что ти ныня въсплачу? Заушенія ли, ци ли за ланиту² ударения и по плещема биения, уз же и тѣмницѣ, и заплевания святаго ти³ лица, яже от безаконник за благая прият! Увы мнѣ, сыне! Не повиньн сы поруган бысть и на крестѣ смерти въкуси. Како тя тѣрниемъ вѣнчаша, и зѣлчи с отцомъ напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемъ прободоша! Ужаснуся небо и земля трепещеть, иудѣйска не тѣрпяще дерзновения; солнце помърче и каменіе распадется, жидовское окаменение являюще. Вижду тя, милое мое чадо, на крестѣ нага висяща, бѣздушна, безрачна, не имуща видѣнія, ни доброты, и горко уязвляюся душою. И хотѣла бых с тобою умрѣти, — не тѣрплю, бо бездушна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никако же прикоснется,— свѣт бо мой и надежа и живот, сын и бог, на дрѣвѣ угасе. Кде ми, чадо, благовѣстованіе, еже ми дрѣвле Гаврил глаголаше: «Радуйся, обрадованая, с тобою господь!» — цесаря тя и сына вышняаго нарицаая, спаса миру, и животворца всѣм, и грѣхом потребителя!

Ныня же зрю тебе, акы злодѣя, межю двѣма повѣшьна разбойникома и копиемъ прободена в ребра мъртвѣца, и сего ради горко изнемагаю. Не хощу бо жити, нѣ варити тя в адѣ. Ныня моего чаянія, радости и веселія, сына и бога лишена бых. Увы мнѣ! О стараньнѣмъ ти рожествѣ тако не болѣх, яко же ныня, владыко, растѣрзаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславно рожество, Исусе, и ныня страшно умерщвление: — един от несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати моего съблюдыства, и мать мя своего въплѣщения показав, и паки дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадаіе, нѣ душевною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таинства глубинѣ. Слышите, небеса и море с землею, внушайте моихъ слѣз рыданіе: се бо творецъ вашъ от священникъ страсть приемлетъ, един праведьн за грѣшники и безаконники убиен бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя прореченіе: «копие бо мою ныня проходить душу, твоего от воинъ зрящи поруганія».

Увы мнѣ! Кого к рыданію призову! Или с кымъ моихъ слѣз излѣю потоки! Все бо ты оставиша, ужикы⁴ же и друзи, твоихъ,

¹ ты. ² шчаку. ³ твайго. ⁴ вучні.

Христе, насладивъшися чудес. Кде нынѣ ликъ седмьдесятныхъ ученик? Кдѣ ли верховнии апостоли? Ов бо ты льстию, фарисѣомъ предасть, другый же страха ради предъ архиерѣи с клятвою отвержсся, не зная тебе чловѣка. И едина, боже мой, раба твоя рыдающею предъстою с хранителемъ твоихъ словесъ и възлюбленнымъ ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Исусе мой, драгое имя! Како стоитъ земля, чующи ты на себе на крестѣ висяща, иж на водахъ ту в начатѣцѣ основал еси, иже многыя слѣпца просвѣтив, и мъртвыя словомъ възкрѣсивъша твоего божества мановениемъ? Придѣте, видите божия смотрення таинство, како оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию»:

И си слышавъ, Иосифъ приближися к горко рыдающей матери, — его же видѣвши мольбными тому оплѣташеся глаголы: «Потѣшися, благообразне, к Пилату незаконному судии, и испроси с креста съняти тѣло учителя своего, моего же сына и бога. Подвигнися и прѣдъвари, причастниче Христову учению, тайный апостоле, обещаице божию царствию, и испроси уже бездушное тѣло, пригвожденное к дрѣву и прободеное в ребра. Спостражи, благовѣрне, сугубаго ти ради вѣнца, его же по възкрѣсеніи Христовѣ възприимеши, от всѣхъ конецъ земля чьстную славу и поклонение и¹ на небеси бесконьчную жизнь».

Умилившись же сѣ Иосифъ плачевными тоя глаголы, не рече: «Жърци на мя въстануть и озлобятъ, иудѣи възскрамолятъ и побіють мя, фарисѣи разграбятъ мое богатство, буду же и сборища отлучен». Ничто же сихъ не рече, нѣ вся уметы створи и о своемъ бо не родив животѣ, да Христа приобрящеть. Дерзнувъ вѣниде к Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, огѣмоне, тѣло страннаго оногo Исуса, распятаго межю двѣма разбойникомъ, оклеветанаго отъ архиерѣи завистию и поруганаго отъ воинъ бес правды. Дажь ми тѣло оногo Исуса, его же сыномъ Божиимъ нарицахуть книжници и цесарьмъ повѣдаху фарисѣи, ему же ты повелѣ над главою дѣску прибити, имущю писание: «Се есть сынъ божій и цесарь Израилевъ». Дажь ми тѣло, его же свой ученикъ жърцемъ льстию на сребрѣ прѣдасть, о немъ же провидя Захарія тако написа: «Дадите ми цѣну мою, ли отрѣчесья»; и поставиша 30 сръбрьникъ цѣну цѣннаго отъ сыновъ Израилевъ. О томъ молю ти ся телеси, о немъ же прорече Каиафа: «Тому единому за весь миръ умрети»; — не просто сего прорече, нѣ жръць бѣ сего лѣта. О нихъ же рече Иеремія: «Пастуси просмрадиша виноградъ мой». И пакы псаломъ глаголетъ о нихъ: «Князи людстии събращася на господа и на Христа его». Си бо рече Соломонъ: «Помыслиша и прѣльстишася, ослѣпи бо я² злоба ихъ, рекоша бо: «Уловимъ правдника, руганиемъ и ранами истяжемъ его и смертию безлѣпотною осудимъ его». Сего прошю Исусова телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: «Азъ есмь животъ и истина и³. Не имаша на мнѣ власти никоея же, аще не бы ти дано съвыше». Его же ради и тебе моляше своя жена, глаголющи: «Ничто же не створи пра-

¹ яму. ² іх. ³ яго.

ведьнику тому; много бо пострадах его ради в снѣ». Дажь ми сего распятаго, ему же въходящю в Иерусалим, с вѣтвьми младеньци сѣрѣтахути и глаголюще: «Осана, сыну Давыдов!»; его же глас слышав, ад отпусти душу Лазоря, уже четвьродневна умьрша; о немь же писа в законѣ Моиси: «Узрите живот вашъ прямо очима вашима висящъ». Сего хощю мьртваго телесе, его же мати не познавѣши мужьска ложа дѣвицею породи; о немь же Исаия к Ахазу глаголаше: «Се дѣвица зачнетъ в чревѣ и родить сына, ему имя: «С нами бог»; о немь же Давыд прорече, глаголя: «Прогвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся кости моя ищѣтоша». Дажь ми сего уже умьршаго на крестѣ, о немь же ты рече к просящим его у тебе на смерть жидом: «Чист есмь от крѣви праведника сего»,—умыв же руцѣ и бив прѣдасть его; о немь же глаголетъ пророк: «Аз же не противлюся, ни прѣкы глаголю; плещи мои дах на рапы и ланитѣ на ударение; лица же моего не отвратих от студа, запльвания». Сего прошю назарянина телесе, ему же от изумѣвѣшихъся избѣгающе въпняху бѣси: «Что есть нам и тобѣ, Иисусе сыне божий? Въмытя, кто еси святой божий: пришъл еси прѣже врѣмене мучит нас»; о немь же и сам бог отецъ с небесе, на Иерданѣ крестящюся ему, послушьствоваше глаголя: «Се есть сын мой възлюбленный, о немь же благоизволих»; о немь же дух святой Исаиемъ глаголетъ: «Яко овча на заколение веден бысть, от безаконныхъ людей прѣдан бысть на смьрть». Дажь ми тѣло снѣяти с креста, хощю бо его в своемь положити гробѣ. Уже бо вся о немь испълнишася пророчества: «сѣ¹ бо наша болѣзни понесе и за ны пострада»; раною его вси ицѣлѣхом; заче прѣдана бысть на смьрть душа его и с безаконники въмѣнен бысть; истрѣбим бо, рѣша, память его от земля живущих, и имя его не помянется к тому; сего ради хощеть бог отяти болѣзни от душа его и дати ему крѣпкихъ користь, пишеть бо ся о немь: «И ты в крѣви завѣта своего испустил еси ужники² своя от рова неимуца воды».

И си вся слышав от Иосифа Пилат дивися, и призва сътъника въпроси и³: «Аще уже умреть пропятый Иисус?» И увѣдав, дастъ тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хощеть.

И купив плащаницю снѣят тѣло Иисусово с креста. Приде же и Никодим, несы исмѣшение изъмюрно и алоино, достойно цѣны литрста; обиста тѣло Христово, помазавше е мюроемъ. Въпниаше же Иосиф, глаголя сице: «Солнце незаходяй, Христе, творче всѣхъ и тваремъ господи! Како пречистѣмь прикоснуся тѣлѣ твоємь, неприкосновѣнну ти суцю небеснымъ силамъ, служащимъ ти страшно! Кацѣми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго! Или какы воня възлѣю на твое святое тѣло, ему же дары с вонями пьрстни принесѣше цесари, яко богу поклоняхуся, преобразующе твое за весь миръ умьрщвление! Кыя ли на гробьныя пѣсни исходу твоємь въспою, ему же в вышнихъ немолчьными гласы серафими поють! Како ли понесу тя на моею пьрстноюю

¹ гэты. ² вучняѣ. ³ яго.

руку, носящаго тварь всю, невидимаго господа! Како ли в моемъ худѣмъ положю тя гробѣ, небесный круг утвердившаго словомъ и на хѣровимѣхъ с отцемъ и с святымъ почивающаго духомъ! Обаче си вся смотреннемъ твориши и вся си своею волею претерпѣл еси; идиши бо в ад, да Адама от ада с Евгою, падша преступлениемъ, пакы въведеша в рай и прочая с нима въскрѣсиши мѣртвѣца, своего божества силою. Тѣмъ же сице възглашая погребу тя, милостиве, яко же святымъ научен быхъ духомъ: «Святый боже, святый крѣпкій, святый бесмѣртне, помилуй нас!» И положиша и¹ в гробѣ, и привалиша камень велик к дверемъ гробу. Марія же Магдалыни и Марія Ияковля зряста, кде и¹ полагаху.

И минувши суботѣ и солнцю уже въсиявшю, вся въкупѣ жены с мюромъ, се уже чѣтвертое, придоша. Първое бо, яко же глаголетъ Матфѣй,— вечер в субботу придоша двѣ женѣ видѣт гроба; при нею же трус бысть, егда ангел отвали камень от двѣрий, и от страха его о мѣртвѣша стрѣгущей; тѣма тѣгда и сам Исус явлься рече: «Радуйтася, идѣта к братии моеи, да идутъ в Галилѣю, и тамо видят мя». И пакы полунощи ины придоша испытат бывшаго, яже от Магдалынѣ о въскрѣсенни Христовѣ слышаша; о тѣхъ бо Лука написа тако; зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отвалн, и два ангела в нихъ ставша глаголаста: «Что ищете живаго с мѣртвыми? Нѣсть сде, нѣ въскрѣсе». По семь прѣд зорями друзѣи придоста женѣ, и тѣ видѣста утрѣ в гробѣ два ангела, иде же бѣ лежало тѣло Исусово; тѣмъ же Иоанъ Фелогъ рече: «от тою слышав, Петр с другимъ ученикомъ тече к гробу, и еще сущи тѣмѣ». Марко же о всѣхъ повѣдаеть мюроносицахъ, яже с вонями в субботу придоша и влѣзше в гроб, видѣша уношю, одесную² сѣдяща, и ужасошася. Онъ же рече имъ: «Не ужасайтеся! Не вамъ бо есть страх, нѣ незаконнымъ жѣрцѣмъ, с стрѣгущи оде войны. Вы же видете тѣщъ гроб и рѣцѣте апостоломъ: «Христосъ въскрѣсе! Видите, — без телесе есть плащаница, и о плотномъ Исусовѣ хвалитеся въстании; будѣте благовѣстыцѣ челоуѣчьскому спасению, рѣцѣте апостоломъ: Днесъ спасение миру!»

Уже не скѣрбите, ни сѣтуйте, яко мѣртвѣца, нѣ радуйтеся и веселитеся о бозѣ живѣ. Вамъ хоцю тайны повѣдати божия челоуѣколюбия, яже за Адама в тлю падша пострада; того бо ради с небесе сниде и въплѣтився бысть челоуѣк, да истѣлѣвшаго обновит и на небеса възведетъ. Онъ послушавъ свѣта вражня, въсхотѣ быти бог, и проклятъ бысть; съ же послушавъ отца, богъ сы бысть челоуѣк, да змия погубитъ и челоуѣка обожитъ. Онъ, простеръ руцѣ к дрѣву възбраньному, смертное утѣрже ядро, и бывъ рабъ грѣху съниде от едема в адъ; Христосъ же, на крестѣ руцѣ простеръ, осужения грѣховнаго и от смерти челоуѣкы свободи. Неповинны сы проданъ бысть, да проданыя грѣхомъ от дѣволя работы да избавитъ. На трѣсти губою оцѣта с золчною въкуси, да загладитъ рукописание челоуѣчьскыя сѣгрѣшений. Копиемъ в ребра прободенъ

¹ яго. ² справа, з правага боку.

бысть, да пламенное оружие отложить, бранящее человеком въхода в рай. Кръвь с водою из ребр источи, има же телесную всю сквърну очистив и душа человекча освятил есть. Съвязан бысть и тьрниемъ вѣнчан, да раздрѣшитъ от уз дьяволь человекы и тьрние прельсти вражия искоренить. Солнце помрачи и землею потрясе, и твари всей плакаться створи, да адская раздрушитъ скръвища, и тамо сущих душа свѣт видѣша, и Евжин плачь на радость прѣложи. В гробѣ яко мьртв положен бысть, и от вѣка умьршим гробным живот дарова. Каменьемъ с печатьми утвржен бысть, да адова врата и вѣрѣя от основания скрушитъ. Стражьми стрѣгомъ бѣ всѣми видимо, нѣ невидимо съшьд в ад съвяза сотону. Ангельская бо воинства с нимъ текуще зъваху: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вѣнидетъ цесарь славы!» И ови съвязаныя душа рѣшаче от тьмницъ пуцаху; друзии же противныя силы вяжуще глаголаху: «Кде ти, смерти, жало? Кде ти, аде, побѣда?» К ним же оцѣпѣвъше бѣси въпияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властью? Погубил есть князя тьмы и вся его въсхытил скровища, разби смертный град, адово чрѣво, извоева плѣнники, иже с Адамом съде, сущая грѣшных душа. Въскрьсе цѣлом печатем у гроба, тако бо и рожься неврѣди матерня дѣвства печати».

Да нѣсть вам страха, нѣ оумьртвѣвъшим войном. Уже бо вся съвършив Исус въскрьсе боголѣпнѣ, и показася прѣже вас приходившим женам, възывѣя красно: «Радуйтася!» И апостолом своим в Галилѣю ити повелѣ, да вся тамо с вами освятив с плѣтню на небеса възидеть, с нею же и пакы придетъ судит мирови. Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христѣ съказахом.

Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и досточюднаго.

Блажен еси поистинѣ, преславный и досточудный Иосифе, толика блага и велика богатства на земли и на небеси сподоблься! Дстойно послужив, яко и херовими, божию телеси; нѣ они невидимо на своею държаще раму, страхомъ своя покрывають лица, ты же радуяся на своею руку Христа бога носил еси.

Блажен еси, Иосифе, паче патриарх Аврама, Исака и Якова! Его же бо они глас тѣчию слышавъше, чьстьни и славни паче всѣх явишася, того же ты в плащаницю обил еси тѣло.

Блажю руцѣ твои, Иосифе, на нею же сына божия и всѣх творца държал еси тѣло, его же образа не тьрпя зрѣти в Хоривѣ Монси, под каменьемъ скрывъся слыша: «Задняя моя узриши»; тѣмъ и на Фаворѣ с Илнею видѣв Христа, послушьствоваста того суща бога и человека.

Блажен еси паче Давыда цесаря, великий Иосифе! Давыд бо от Силома кивот¹ с божиемъ словомъ принесе, нѣ в своем убояся поставити его дому; ты же не скинию с закономъ, нѣ самого бога прием от кръста, в своемъ гробѣ радуяся положил еси.

¹ скрыню.

Блажен и преблагословен тобою, Иосифе, ископанный гроб, в нем же лежал Христос спас наш! Уже бо несть гроб, не престол божий, олтарь небесный, покоище святого духа и одр небесного цесаря, «о нем же, — рече Соломон, — стоятъ сильнии ратоборци, изучени брани, имуще оружия обоюдоостра»; си глагола назнаменуя святых чины, борющихся с еретикы и с жидами по Христу.

Блажен еси, Иосифе, съвершителю божию таинству и пророческих гаданий раздръшителю! О нем же бо закон и пророци притчами написаша, сего ты явственно измюрною по святым мазаше язвам.

Блажен еси, Иосифе, иже вся оживившаго словомъ и водами покрывшаго твердь небесную, сего, яко мъртвца, каменемъ покрыл еси в гробъ, чая тридневнаго въскресения!

Блажен убо и град твой Аримафъй, из него же ты приде послужит сыну божию!

Кую похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомъ ли тя прозову? Не того свѣтъльй бысть богочестьемъ, ибо въ время страсти Христовы небо помрачися и свой свѣтъ скры, ты же тогда радуяся на своею руку бога носяше. Землю ли ты благоцвѣтущую нареку? Не тоя честнй ся показа; тогда бо и та страхомъ трясашеса, ты же с веселиемъ божие тѣло с Никодимомъ в плащаницю с вонями обив положил еси. Апостоломъ ли ты именую? Не и тѣх върнѣе и крѣпчею обрѣтеса; егда бо они страха ради жидовска разбѣгошася, тогда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Христови. Святителя ли ты и старѣйшину прозову? Тѣм бо образ своея службы предал еси, обиходя и кадя и кланяся с молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, господи, помози нам, избави нас имени твоего ради!» Священномученикомъ ли ты нареку, яко толику показал еси любовь к Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пѣрси оружие, ни пролься твоя от меча крѣвь, не изволением и вѣрою по Христу положил еси душу. Поразили бо ты быша и на удеса раскъли, не съхрани ты от тѣх Исус, его же ты храняще тѣло, не убоявѣся гнѣва жидовска, ни прещения жречьска, ни напрасно убивающих воин не устрашися, не пожали си по мнозѣмъ богатствѣ, не родив ни о своемъ животѣ, чая тридневнаго въскресения. Не паче всѣх святых подвижался еси, богоблаженный Иосифе, и паче всѣх имаши дерзновение к Христу, к нему же молися и о нас, хвалящих тя, и чтущих твою с мюроносицами память, и твой украшающимъ праздыник.

Подажь, святе, всѣм нам твою помощь, буди покрѣв граду нашему от всякого зла, подавая князю на противныя побѣду и заступая его от всѣх видимых и невидимых враг, мир же глубок, и съдравие телеси, купно же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужда, и печали, и бѣды, и всѣх лютых напастий

и многих грѣхов отпуст испроси своими к богу молитвами, да избавить ны от бесконъчныя муки и причастники створить будущая жизни благодатию и челоуѣколюбиемъ господа и бога и спаса нашего Исуса Христа; ему же слава с отцемъ и с пресвятымъ и благымъ и животворящимъ духомъ, нынѣ и присно¹ и в вѣкы.

С Л О В О

НА ВЪЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ, В ЧЕТВЪРТОК 7-й НЕДѢЛИ ПО ПАСЦѢ, ОТ ПРОРОЧЬСКОХЪ УКАЗАНИЙ И О ВЪСКРЕШЕНИИ ВСЕРОДЪНА АДАМА ИЗ АДА

Приди ныня духомъ священный пророче Захарие, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесеніи на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа. Не бо притчею², но явѣ показал еси нам, глаголя: «се бог нашъ грядеть в славу, от брани опълчения своего, и вси святіи его с нимъ, и станѣта нозѣ его на горѣ Елеонъстей, прямо Иерусалиму на вѣсток». Хощем бо и прочее от тебе увѣдати; а о брани бывъшій на обьщаго врага дияволя, от Исаия Серафимьскаго видѣца разумѣем. Сам бо господь наш Исус Христос един въпълчися на вся бѣсовьскыя силы, и власти тьмныя испроверже: попрах бо я³, рече, в ярости моей, и истлих я в гнѣвѣ моемъ, и вся ризы моя окрѣвавих побѣженъем; снидох и до скровищъ плѣньник моих, и вся избавих крѣпостию мышца моя, и рѣк: не людие си суть и чада моя?

Си вся о страсти господни и о съшьствии его в ад речена быша. Тамо бо побѣди власти тьмныя крестом, и изведе всеродъна Адама с всѣми отечьствии язык. Люди же наричетъ вся языки, грѣх своих ради съведеныя в ад, а чада наричетъ, иже в законѣ кончашася. Нѣ на вся въцарилъса бѣ грѣх властию смъртною, от самага Адама даже и до Христа: низведе в преисподьних ада посади, окованы ницетою и желѣзом, безаконій бо ради своих смѣришася. Нѣ скрушив врата адова, Христос от бѣд их избави я, и узы их претърже, изведе я ис тьмы и сѣни смъртныя, а за четыридесяте дни снѣ раздѣлили естѣ користъ радости своея: «радуите бо ся, рече, с мною, яко обрѣтох изгыбъшюю драгму», сирѣчь душа всѣх чаловѣк по отечьствиемъ язык, яже в разная мѣста своих обителейъ въведе, овы в рай с разбойникомъ, а другыя с Адамомъ в пицный едем, ины же с Аврамомъ в вѣчныя жизни пребывания; и всѣх же язык душа в своемъ свѣтѣ на водах покойных усели. По всѣх бо в тѣлеси падъших прельстию змия, тою же плѣтию Исус пострада, а по дѣломъ комуждо в послѣдний день въздасть, егда придетъ судить всему миру. Си же от ангел к

¹ заўсѣды. ² алегарычнае апаваданне павучальнага характару. ³ іх.

апостолом на Елеоньстей речена быша: мужи бо, рѣша, галилейстии, что стоите зряще на небо? Тѣи паки придетъ в славу своего божества судитъ всему миру, и въздастъ комуждо по дѣломъ его. Святыя же пророки и преподобныя праведники с собою на небеса в святыи въводитъ град, их же вѣз отъ богодѣхновенныхъ скажемъ книгъ. Мы бо слову нѣсмъ творци, нѣ пророчьскихъ и апостольскихъ вѣслѣдующе глагол, иже послушествоваша о бозѣ живѣ, им же духъ святыи въписати тако повелѣ: «вѣрующимъ на спасение, а невѣрующимъ на погыбель».

Пойдемъ же и нынѣ, братие, на гору Елеоньскую умоумъ, и узримъ мысленно вся преславная, створивъшася на ней; на ту бо гору самъ Христосъ богъ нашъ днесь пришелъ есть, и всѣхъ святыхъ чиновъ тамо събрашася: праотечьстии събори, патриаршьское множество, пророчьстии пѣлци, апостольстии ликове, и вѣрныхъ тѣлпы, с седмьдесятными Христовы ученики, о нихъ же рече Павелъ: «болѣ пяти сотъ братия явися господь». Си же, глаголетъ, бывъшая на горѣ Елеоньстей, предъ ними же възнесеша господь; а ихъ же възведе на небеса Христосъ в горний Иерусалимъ, слыши Матфея глаголюща о нихъ: «и многа тѣлеса почившихъ святыхъ вѣсташа, и внидоша по възкресении в святыи градъ, сирѣчь¹ в небесный Сионъ. Видѣць же симъ бысть Павълъ, егда до третияго възхыщенъ бысть небесе».

Нѣ си оставльше, о възнесеннии Христовѣ побесѣдуемъ, и яже быша на горѣ Елеоньстей. Тамъ бо ангельскыя силы и архангельская воинства: ови облака крилы вѣтрными приносятъ на възятие отъ земли Христа бога нашего, друзии же престолъ херовимьскый готовятъ; богъ отецъ ждетъ, его же прежде имѣ в ядрѣхъ с собою, духъ же святыи велитъ всѣмъ ангеломъ его: «възмѣте врата небесная, да внидетъ царь славы». Небеса веселятся, своя украшающе свѣтила, да благословятся отъ своего творца, с плѣтию сквозѣ тѣхъ врата на облацѣхъ възносима; земля радуется, видящи на себе бога явѣствьно ходяща, и вся тварь красуется, отъ Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели с святыми апостолы, по повелѣнию бога отца съвѣкупишася, ожидающе сыновья пришествия.

Тѣмъ сий праздыникъ паче инѣхъ чьстьнѣй бысть намъ, и си гора святѣйши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей явѣствьно ся показа; на Синайскую бо съшѣдъ, вся устрашаша, зане² гора вся горяще огнемъ, молния же и громи приступающая къ горѣ умьрщваху, тѣчью³ с единымъ Моисѣемъ богъ бесѣдоваша; а на Елеоньскую с тьмами святыхъ вѣшѣдъ Христосъ, вся освящаетъ, и вся утѣшаетъ. Свѣтитъ бо ся Елеонъ яко солнце, святыхъ чины с Христосомъ на собѣ имѣя, и за оны громы и мълнии пророчьстии слышатся гласи, яже радостно ликѣствуютъ глаголюще: «Вознесися силою твоею, боже, поемъ и воспоемъ силы твоя». Ангели вся

¹ гѣга значыць. ² бо, таму што. ³ толькѣ.

поушаютъ глаголюще: «въскликнѣте богу вся земля, пойте же имени его»; патриарси начинаютъ пѣснь: «Се богъ нашъ възноситъся, смиривъ обоя воедино, и съвкупивъ земныя с небесными»; преподобнии възглашаютъ: «Възнесися на небеса, боже, по всей земли слава твоя»; праведници велегласуютъ: «Възнесися судяй земли, да и мы в свѣтѣ лица твоего, господи, пойдѣмъ»; Давыдъ же, акы старѣйшина ликовъ, уяшняя пѣсенные гласы, глаголетъ: «Вси языци въсплещѣте руками, въскликнѣте богу гласомъ радости, да възидеть богъ в въскликновении и господь в гласѣ трубнѣ»; всѣхъ же гласъ оконъчеваеть Павълъ, глаголя: «Кто възиде на небеса, Христа съвести? Кто ли сълезе в бездну, Христа възвести? Нѣтъ есть съшѣдый, и пакы въшѣдый, превыше всѣхъ небес». Туже бѣ и язычская церкви, уневѣстивъшися Христу, и того ныня възносима на небеса зрящи скърбитъ, и стонющи от сердца с Соломономъ въпиеть: «Уязвена есмь азъ любовию твоею, женише небесный, не трудихъся в слѣдъ тебе, и дни чловѣка не възлюбихъ». И акы проводящи любимаго въпиеть: «Да цѣлуеть мя от лѣбъзанія уст его»; с нею же и апостольскый ликъ, зряще на своего учителя и господя, акы чада церковная, жалостно глаголаху: «Владыко! Не остави насъ сир¹, ихъ же волею възлюбилъ еси яко милостивъ, нѣтъ посли, яко же обѣщавалъ еси намъ, твой пресвятыи духъ».

Къ нимъ же отвѣща Исусъ, милостию утѣшая: «Сядѣте в Иерусалимѣ, азъ бо възхожу къ отцю моему и богу вашему и пошлю, яко обѣщахъ вамъ, иного параклита, духа моего и отча». И въздвигъ руцѣ, благослови я. И се рекъ, възношашеся на небо, и ти поклонишася ему, и облакъ свѣтълъ подъятъ и от очию ихъ: възиде бо, рече, на херовимъ, и летѣ на крилу вѣтрньюю. Имѣяшеть же с собою господь и душа чловѣчески, яже възнесе на небеса в даръ своему отцю, ихъ же в горнимъ градѣ усели.

Си же от Иеремиа разумѣй глаголюща: «Душа, яже врагъ в пренсподняя съведе, тыя же господь на небеса възведе», рекъ: «Въстанѣте, възидѣмъ в вышний Сионъ, се же есть небесныи Иерусалимъ».

Преди же течаху ангельскыя силы, страхомъ и радостию, отврѣсти хотяще, врата небесная; нѣтъ вышнии вратници възбраняху, въпиюще: «Си врата господня, да никто же земныхъ суду проходить, намъ бо положи богъ яже не мимо идуть»; ныня же дивимъся, зряще чловѣка на херовимьствѣ престолѣ сѣдяща, и преже серафимъ тыщащася врата си проити. Ангели же повѣдаху сына божия силу и санъ, чловѣчскимъ обложена тѣлесемъ, и не пререковати божи воли, вся мудростию творящому: съниде бо, рѣша, на землю, никому же не чювъшо, и се рабий нося образъ възходитъ; они же рѣша: «Не будемъ покори, аще не услышимъ слова божия». Тѣгда възгласи Христосъ: «Отвързѣте мнѣ врата правды, и въшѣдъ в ня възвѣщю отцю моему, яже на земли съдѣяхъ».

¹ сиратами.

и пострадах». И познавъше глас господень вся силы небесныя падъше поклонишася, глаголюще: «Аще не видѣхом, владыко, тебе сходяща, се поклоняем ти ся въсходящую в славу». И дух святыи на срѣтение ишѣд, въводитъ равна собѣ сына божия, и почестъ творя глаголетъ: «и да поклонятся ему вси ангели божии». Сам же бог отецъ възгласи к грядущему в плъти: «Сын мой еси ты, сяди одесную¹ мене, се престол твой, боже, а вѣки вѣку; твоя суть небеса и твоя есть земля, и конецъ ея ты основа». И посадив отецъ сына на престолѣ, и своею вѣнча его десницею, въспѣвающимъ сице серафимомъ: «Положил еси на главѣ его вѣнецъ от каменія драгаго, славою и честью вѣнчал еси его, славу и вельлѣпоту възложил еси на нѣ». Посемъ съвършаетъ помазаниемъ божия существа; яко же Давыдъ послушествуетъ: «сего ради помаза тя, боже, богъ твой олъемъ радости паче причастникъ твоихъ». Да понстинѣ сий праздникъ пълнъ есть радости и веселія: радость на небесѣхъ възнесшюся Христу к отцю, и на земли веселіе всей твари обновльшися от истѣлѣнія.

Тѣм же и мы, братіе, придѣте възрадуимъся господеви, въшѣдъшему на небо небесное на вѣстоки, сѣдящему одесную отца поклонимъся, примѣшему всяку власть на небеси и на земли помолимъся, царствующему с отцемъ принесемъ вѣру яко дары, не явимъся предъ нимъ тѣщи в день праздника, да приемемъ Божию благодать. Днесъ бо своя Христосъ всѣмъ раздаваетъ дары: даетъ отцю принесеную имъ в жертву плъть, посылаетъ апостоломъ святыи духъ, въводитъ душа святыхъ пророкъ в небесное царство, раздѣляетъ своимъ угодникомъ горняго града обители, отверзаетъ праведникомъ рай, вѣнчаетъ страдавшая занѣ мученики, посылаетъ страсотерпцемъ чудесъ благодать, даетъ святителемъ душеполезная прошения, отпускаетъ грѣшникомъ, прегрѣшения, милуетъ вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаетъ благовѣрнымъ княземъ нашимъ съдравіе тѣлесемъ и душамъ спасеніе и врагомъ одоленіе, утвърждаетъ церкви, обогощаетъ церковники, честины творить служащая ему черея и дияконы, освящаетъ монастырѣ, прославляетъ игумены, укрѣпляетъ на тѣрпѣніе мнихы, благословляетъ вся крестьяны: малыя с великими, нищя с богатыми, рабы с свободными, старьцѣ с уношами, и женимыя с дѣвицями, матери с младенци, сироты с вдовицами.

Придемъ и мы, братіе, в святую церковь; възвеличимъ Христа бога нашего, давшаго ны животъ; прославимъ и по сихъ обѣщавшаго небесное царство; възнесемъ имя его въкупѣ, да послетъ и намъ пресвятыи свой духъ; того бо есмы рабы, и тому славу, чѣсть и поклоняніе въсылаемъ, с отцемъ и с пресвятымъ, благымъ и животворящимъ духомъ, ныня и присно и в вѣки вѣкомъ, аминь.

¹ правы бокъ.

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧСТѢИ ДУШИ
И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖИЯ ЗАПОВѢДИ,
И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЪ
СУДѢ, И О МУЦѢ.

Господи, благослови, отче!

Аобро убо, братъе, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение; се и душу цѣломудрену стваряетъ, и к смирению прилагаетъ ум, и сердце на реть¹ добродѣтели извоостряетъ, и всего благодарственна челоуѣка стваряетъ, и на небеса ко владычимъ обѣщаниемъ мысль приводитъ, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатства творить, и всея житиския свѣта сего печали отводитъ. Того ради молю вы², потщитесь прилѣжно почитати святаыя книги, да ся божиихъ насытивше словесъ и будущаго челоуѣка неизреченныхъ благъ желаніе стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмъ языкомъ пишемая глаголюще, но с рассмотрениемъ внемлюще, потщимся дѣломъ створити я. Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обою же добрѣе книгий разумъ: сия убо суть скровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное скровище, ти не бы на все дерзнулъ, но единъ точю честный камень взялъ бы, — уже бес печали питается, яко до конца богатство имый. Тако обрѣтый божественныхъ книгъ скровище, пророческихъ же и псаломскихъ же и апостольскихъ и самого спаса Христа спасеныхъ словесъ истинный с рассужениемъ разумъ, — уже не собѣ единому быст на спасение, но и инѣмъ многимъ послушающимъ его. Сему случается еуаггельская³ притча глаголющи: всякъ книжникъ научися царствию небесному подобенъ есть мужу домовиту, иже износитъ от скровищъ своихъ ветхая и новая; аще ли тщеславиемъ сказаетъ болшимъ угажая, а многи меншая презрѣть, буестью крива господню мнасу, недадый жизненнымъ торжникомъ, да удвоитъ царское сребро, еже суть челоуѣчскыя душа, и видѣвъ господь горды его умъ, возметъ свой от него талантъ; сам бо прозоривымъ противитъ, смиреннымъ же даетъ благодать. Аще бо мира сего властели и в житискихъ тружающахъ вещехъ челоуѣци прилѣжно требуютъ книжнаго поучения, колма паче намъ подобаетъ учитися в нихъ и всѣмъ сердцемъ взискати ихъ, свидѣнія словесъ божиихъ, о спасении душъ нашихъ писаныхъ. Но тружается мой мутны умъ, худ разумъ имѣя, немогый порядныхъ словесъ почину глаголати, но яки слѣпъ стрѣлецъ смѣху бываетъ, не могъ намѣренаго уллучити⁴. Но не буди намъ особъ подвигнути ненаказанъ языкъ, но от божественныхъ внемлюще писаний, со многою боязнию еуаггельскихъ касаемся бесѣдовати словесъ, приводѣмъ господню притчу сказующе, юже Матфѣй церкви предасть.

З а ч а л о. Рече господь: «Челоуѣкъ нѣкто домовитъ бѣаше, иже

¹ заўзятасць, старанне. ² вас. ³ евангельская. ⁴ забіць з лука.

насади виноград, и остѣни¹ его оплотом, и ископа точило², и остави вход, и створи врата, но не затвори входа». И отходя в дом свой, — «Кого, рече, оставлю стража моему винограду? Аще оставлю от служащих ми раб, то свѣдуще³ мою кротость, истеряють благая моя. Но сиче створю: приставлю ко вратом хромца и с ним слепца. Да аще кто от враг моих въсхощетъ окрасти мой виноград, то хромецъ убо видить, слѣпецъ же чуетъ. Аще ли от сею⁴ всхощетъ внити кто в виноград, хромецъ убо не имать ногу дойти внутренних, слѣпецъ же аще поидеть, то заблудив в пропастьех, убьется». И посадив я у врат; дасть има власть на всѣхъ внѣшних; пищу же и одѣнья нетрудну съготова; — «Точью, рече, внутренних без моего не коснитесь повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣв има свой по времени приход и тогда мзду стражбы ради обѣщав има взяти, попрѣти⁵ же и⁶ мучениемъ, аще его преступита заповѣдь. Си же до zde оставлеше, паки въсприимем еуаггельское слово, плод устен на умнѣй тряпезѣ вашего ока предлагающе.

Отвѣт. Человѣкъ домовит — бог всевидецъ и вседержитель, створивы вся словом, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть, — яко ни един дом имать, по писанию. Глаголетъ бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя есть земля; вселеная и конецъ ея ты основа». И паки: «Небо ми престол, а земля подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуетъ, а Давыд превыши небес воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣй: вездѣ сы домы божия, не токмо в твари, но и в человѣцѣх. Вселю бо ся, рече, в ня. Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человѣчю и взнесе ю⁷ от земля на небеса, — да престол есть божий человѣча плот; на вышнемъ же небеси престол его стоять. А еже насади виноград — рай глаголетъ: того бо то есть дѣло. Пишетъ бо ся: «И насади бог рай в едемѣ». А иже остѣни его, рече, оплотом — своимъ страхом. Страхом бо его, рече пророк, движется земля, рассѣдается камение, животная трепещють, горы курятся, свѣтила раболѣпно служатъ, облаци и въздушная тварь повелѣная творять. Стѣна бо — закон речется. Закон же всему заповѣдь божия есть; Предѣл бо, рече, положи и, его же не преидуть, ни обратятся. Остави же вход — сирѣчь свидѣння разум: вся бо тварь не преступаетъ божия повелѣння; Вся бо, рече, от тебе чають: даси им пищу в время. Пища же не брашно едино речется, но слово божие, имъ же питается тварь. Глаголетъ бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ едином жив будетъ человѣкъ, но о всяком глаголѣ, исходящимъ из уст божии». Незатвореная же врата — дивныя божия твари устройство и над тѣми божия существа познанье. «От твари бо, рече, творца познай и разумѣй: не качество, но величество и силу, славу же и благодать, юже творить собою угажая всѣмъ вышним и нижним, видимым и невидимым». Аще бо и нарицается Христосъ человѣком, то не образом, но притчею: ни единого бо подобья имѣеть человѣкъ божия. Не сумнить бо ся писанне и ангелы человѣ-

¹ загарадзіў. ² крыніцу. ³ ведаючы. ⁴ ад гэтых. ⁵ забараніў, прыгразіў. ⁶ іх. ⁷ яе.

кы нарицати, — но словомъ, а не подобиемъ. Аще бо блазнятся етери¹, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече бог: Створим челоуѣка по образу нашему и подобью» — и прилагають к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донынѣ челоуѣкообразно глаголющим бога, иже никако же описается, ни мѣры качеству имать.

Но си оставль, о первѣмъ възглаголю. И отходя в свой дом, — «Кого, рече, оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — отца и сына и святаго духа не о твари, но о владущим тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же въсхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангелом бо покори вселеную и прокая. «Оставлю, рече, у врат хромца и с нимъ слѣпца». Что же есть хромецъ и слѣпецъ? Хромецъ есть тѣло челоуѣче, а слѣпецъ есть душа. Преже бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душу. По создани бо тѣла, глаголетъ писание: «И дуну на лице его дух животен». Тѣм же тѣло без душа хромо есть и не наречеться челоуѣк, но труп. Смотри сдѣ и разумѣй от бытійскихъ книг. Створи бог тѣло внѣ рая и внесе е в едем, а не в рай. Едем же речется — пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваеъ обильну пищу, ти потом приведетъ званаго, — тако и бог преже уготоваеъ ему жилище едем, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо всѣм входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещениемъ и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшася в ню. Глаголетъ бо пророк: «Се работающи церкви ясти имуть и насытятся». И паки: «О, чада церковная, съсущей от сесцю ея тук и масть, помажете веселиемъ главы своя». И Давыд: «Упуються, рече, от обилья дому твоего и потокомъ пищи твоя напоиши я». И паки о одежи священник и оболчени мних: «Иерѣи твои, господи, облечуться в правду» и прочая. Мниху же: «Соодѣл мя еси нужныя и нелѣпая одежда и оболк мя в спасение и препоясал мя еси веселиемъ. Въспойте же, рече, господеви пѣснь нову, — хваления в церквахъ преподобными его». И се явѣ есть: от клиросникъ епископа и от монастыря мних. Вижь, яко епископия и монастырь — едемъ есть, сирѣчь нетрудная жизнь; олтарь же свят, сирѣчь едемьскы рай, — неудобь въходим, аще и врата незаклучена имать. Тако бѣ посажен хромецъ с слѣпцемъ у вратъ стрещи внутреннихъ, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремъ стрещи святыхъ таинъ от врагъ Христовъ, сирѣчь от еретикъ и зловѣрныхъ искусникъ, нечестивыхъ грѣхолюбцевъ, иновѣрныхъ скверникъ. Послушайте же со вниманиемъ, да по ряду бесѣду скажемъ, и вы со вниманиемъ смотрите. Аще бо и мутен имею умъ и языкъ грубъ, но вашихъ надѣяйся молитвахъ, прошю дара слову. Аще и недостойнъ есмь о сихъ глаголати, но ползы ради слушающихъ пишемъ. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищетъ что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираеъ, чимъ же бы насъ потязалъ и укарялъ.

¹ іншыя, якія, некаторыя.

Съдящема же има етеро время, рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо благоухание се изутрь врат помѣтаеть мя?» Отвѣща хромецъ: «Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин, — посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никако же тѣх насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпецъ: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не жадали, но к сим даным нам в область и она особѣ въсхытивѣ! Аще бо аз слѣп есмь, но имам нози и силен есмь: моги носити тебе же и бремя». Вижь, душевное бремя грѣх; того ради глаголетъ пророк: «Яко бремя тяжко отягтѣся на мнѣ». Рече же слѣпецъ: «Возми убо кошъ и всяди на мя. И аз тя ношу, ты же покажай ми путь, и вся благая господина наю объемлевѣ; не мню бо, яко придетъ сѣмо наю господин». Се помышления суть ищущих не о бозѣ свѣта сего санов и о телеси токмо пекущихся, ни чающих отвѣта о дѣлѣх въздати, но акы суетну пару свою душу в вѣтр полагающем. Того ради глаголетъ Исая: «Зависть примуть люди ненаказаныя»; завидим мы, грѣшнии, чѣсти и славѣ правѣдных, а не преже творим дѣлес их. «Аще ли, рече, придетъ наю господин сѣмо¹, укрыеться от него наю² дѣло. Аще бо мене въспросить о тадбѣ³, аз рку: ты вѣси, господине, яко слѣп есмь. Аще ли тебе въспросить, ты рци: Хром есмь и не могу дойти, и тако премудруевѣ наю господина и примевѣ мзду наю стражбы». Въсѣд же хромецъ на слѣпца и дошедша окрадоста вся внутренья господина своего благая.

То не воуйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птицѣ нѣст мощно на аиерьскую⁴ възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесных вязящю похотех, невозможно о духовных бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшника словеса, не имуща благодати святаго духа. Обаче на предъреченая възратимся, разрѣшающе притча соуз.

Съдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время? — Бестрашие божия заповѣди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх божий имѣя, в плотских прельститься; никто же правовѣрен, чрес закон священскаго ищеть взяти сана; никто же смерти чая и по смерти паки възскресения, — тѣ в злых пребываютъ дѣлѣх. Но паки то же реку разума дѣля. Рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо благоухание изутрь помѣтаеть мя?» и прочая. Се надмение Адамова высокомысля, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немъ сущею тварью, в едемѣ благих насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради писание глаголетъ: «Изгна бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣ же его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковник недостоин ерѣйства и уталив грѣх свой, не брег же о божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскый взиде сын. Слогы подобны.

¹ хутка, у дадзены момант. ² наша. ³ пакражы. ⁴ паветраную.

Того ради смертию Адама осуди, понеже коснулся древа разумня добра и зла. Древо бо разумня добра и зла — есть разумны грѣх и волное богоугодья дѣлатель. Пишетъ бо ся: «Горѣ в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемъ духа животнаго, его же въдхну бог на лице его, еже есть несвершен дар священія. Пишетъ бо ся: «И дуну на лице его дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостоломъ: «Примѣте, рече, дух святы — несвершен дар, точю обѣт священія»; ждати бо им повелѣ самого святаго духа. «Иже пришед, рече, до конца освятитъ вы». Сице и святители святятъ падыаки и четции и дьяконы — несвершен дар, но обѣтъ священія, да ся приготавливаютъ на свершеное святительство. Ничто же бо богови тако любо, яко же не възносятся в санѣх, и ничто же тако не мерзитъ ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о бозѣ. Смотри же оногo слѣпца с хромцемъ, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещеніе: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутренних, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоуста, их же повелено има стрещи.

Привод. Того древа вкуси Каин; не сый священный на священъчскый дерзну чин, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницу и поидоша в скинию¹ неосвященни суще, и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрецъ, иже въдый своя сына безаконьствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею священства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрѣемъ аки въдуше душевный путь заблудиша и не примше покаяния погибоша. Но сия ократив, на первое возвратимся сказаніе. Аще и отнемогл есть моего глагола уд², но пророк взущаеть мя, тако же глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».

Обличение грѣх. Слышав же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринуты от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣйте же нынѣ, безумнии в людех сановници, буни³ во иерѣех! Когда умудритесь? Навсажи ухо не слышит ли и создавы око не смотрит ли! Наказая языки не обличит ли! Учай челоуѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопадения! Господь бо свѣсть злохитрыхъ помышленья, яко суть лестна, и тѣ измѣтаеть неправедныя из власти, изгонитъ нечестивыя от жертвеника. Никый же бо сан мира сего от муки избавитъ преступающихъ божія заповѣди. Но молю вашу любовь, со вниманиемъ пишемыхъ смотрите и яже слышите разумѣйте. Повелѣ бог изринуты из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснулся, сирѣчь преже велѣния вниде в мѣсто святое. И усели его противу райстѣй пиши, — «еда како, рече, простре руку и возметъ от древа породнаго и живъ будетъ в вѣки», сирѣчь некли помянется и смирився покается, о них же согрѣши. Оле многое владычне челоуѣколюбье! И казнить ны и милуетъ,

¹ шацѣр, засень. ² член. ³ смелыя, адважныя.

грѣха ради озлобляет ны и паки покаянья ради приемлетъ; не хо- щеть бо смерти грѣшника, но обратится велить и живу ему быти. Что есть древо животное? — Смиреномудрие, ему же корень испо- вѣданье. «Исповѣмь бо, рече, на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благовѣрье

«Вѣра бо твоя, рече, спасет тя»; все бо вѣрующему дается. Того стебла многи и различны вѣтви — «мнози бо, рече, образи по- каянния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыха- ния» и прокая. Тѣх вѣтвий добродѣтелей плод: любви, послушанье, покорение, нищелюбие — мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в рай бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросив его убийства брат- ня, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о лъсти, о убийствѣ, о лжи, смириися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изиде от лица божия — недалъствомъ земля, но неимѣнемъ страха божия при свои души. Благым дѣлом не сущим в нас, ни покаянню о грѣсѣх, в коем си сану будем, да- лече бога есмы. Близъ бо господь скрушенных сердцемъ; смиренныя духомъ спасеть, волю боящихся его створить. Лице же господне на творящая злая: потребити от земля память их. Сице и Павел изри- нул от святаго жертвеника Уменѣя и Филита и съблудившая в Ко- ринфи священники и оземьствова я противу святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рек: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають и живи будутъ». Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о нем же рече Павел: «Да вздасть ему господь в день суд- ный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Нико- лае. Быв от семи дьякон, иже отвергъся Христа и быв кумирожрецъ в Селуни, а он предаваше мучителем крестьяны, о нею же пишеть Иоан, глаголя: «От нас изидоша и быша на ны». Того породнаго не приемше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благ господь». Нѣст бо грѣха, иже сдолѣеть божии милости. Точью не отчаим себе, яко Июда; ни невѣруим телесному въскресению, аки садукѣи, — но покааньем толцѣмъ в божия двери, дондѣже отвер- зеть нам райская врата. Не лож бо реки господь: «Толцѣте, отвер- зется вам; ищѣте и обрящете; просите и дасться вам». Но да не предложениемъ словес умножю писанье и зѣло предолжю бесѣду, но на предъреченая възвратимъся.

Видѣвъ же он человек свой окраден виноград, въсхотѣ отлучити слѣпца от хромца, — повелѣ первое привести слѣпца, да его опы- таеть, кто есть преслушал заповѣдь его и присягн к невходнымъ бес повелѣния его. Ничто же бо възможет божия таитися ока, и никто же нас тако свѣсть себе, яко же бог всѣх нас свѣсть.

Повелѣ разлучити бог душу от тѣла. Словом бо божиним исхо- дить от тѣла душа: «и отимеши бо, рече, дух их и ищезнутъ и в персть свою възвратятся». Да егда видиши тѣло погребено в земли,

не мни ту суца и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святых видиши чудотворныя мощи, не ту их твори душа, но божию разумѣй благодать, тако прославляющую своя угодники: «Славящая бо мя, рече, прославлю». Повелѣ привести слѣпца: по ищезновении от тѣла душа всякого чловѣка пред бог приходит с приставленным к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, суцаго в законѣ и всякого беззаконника. Господь бо, рече, испытаетъ праведнаго и нечестиваго; вси бо роди язык от единой быша крове роженни и рассѣяшася жити по лицу всея земля, им же бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и времена обильная: «Сияетъ бо, рече, солнце свое на добрыя и злыя» — и прокая. Но никто же о глаголѣх сих да не зазритъ ми, — но испытайте писанія и обрящете мя от божиихъ вземлюща книг. Пишетъ бо Моисей: «Постави предѣлы языком по числу ангелъ божиихъ». Иеремѣя же: «Единъ есть, рече, господь всѣхъ, иже подъ небесемъ языкъ; аще бо остави я в своей кождо прельсти, но душа ихъ предъ нимъ явится, и тѣ судитъ по дѣломъ ихъ». Павелъ же: «Что бо мнѣ, рече, внѣшнимъ судити, но утремъ и вы судите, а внѣшнимъ богъ судитъ». Утрьни глаголетъ в законѣ, а внѣшныя — беззаконнии языки. Слышати бо подобаетъ божие имя нынѣ разлучающимся от телес душамъ, да и в послѣднѣи день въскресше с телесы неблазненно поклоняться богови, а не им же нынѣ работаша прельщени бѣсомъ, по апостолу глаголюща: «И тогда увидитъ всяко око, и всякъ языкъ поклонится, исповѣдая, яко господь Исусъ Христосъ в славу бога отца единъ». Но си вся учившеися вѣдятъ, — азъ же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по вмѣщению ума въкратцѣ скажу, аще и поимы творящихъ ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от премудрости, но от грубости сѣя сказанія. Но обаче на основани пророчествъ и апостольствъ зижемъ, имуще угольника самого Христа.

Приведену же бывъшю слѣпцю, быстъ испытание. — «Не добра ли ты, рече, стража створихъ моему винограду! То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпецъ: «Господи, ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь и не вижду безъ водящаго мя камо¹ ити и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣлъ быхъ. Ни чюхъ же никого же минующа мене враты, да быхъ крѣпко в слѣдъ его въпилъ. Но мню, господи, яко хромецъ есть кралъ». Виждь ложное нынѣ спирание души предъ богомъ и клеветание на тѣло.

Сиде же есть душевны глаголъ: «Господи, азъ духъ есмь. Да ни ясти ни пити хотѣлъ есмь, ни чести, ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣхъ похоти, ни дьяволи створихъ воли, — но та вся тѣло есть створило».

Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца во укромнѣ мѣстѣ, иде же самъ вѣсть, дондѣже придетъ самъ к винограду и призоветъ хромца, и тогда судитъ обѣма.

Того ради до второго пришествія Христова нѣстъ суда ни мученія всякой души чловѣчи, вѣрнаго и невѣрнаго. Вѣруйте же в

¹ куды.

правду въскресению челоуѣчьскихъ телес. Послеси бо, рече, дух свой, и съзижются, и обновиши лице земли. В Иезекиили бо намъ въскресения надею показалъ есть. «Прорци, рек, сыне челоуѣчьск, на мертвыя сия кости, да будутъ на нихъ телеса и опиется на нихъ кожа, да придетъ духъ отъ четырь вѣтръ и внидетъ в мертвыя си, да оживуть». Се же все самъ творецъ дѣйствуетъ, не инако чина превращая, но инако исконное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потомъ вдуноу душу. Тако во утробѣ женьствѣй: перво отъ сѣмени зиждеть тѣло, по пяти мѣсяць творить душу. Во крещении же первое поражаетъ водою, потомъ же обнавляетъ духомъ отъ тлѣнья грѣховнаго. Тако и в послѣдни день: первое обновить землю и сбереть персть челоуѣчью и съзиждеть всѣхъ насъ телеса в мегновеньи ока, потомъ душа наша в свою кождо внидетъ храмину, — по Павлю, глаголющю, яко самъ господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ божии сниде с небеси, и мертви о Христе въскреснутъ преже, потомъ же и мы живии. Кто суть мертви? Все языци, не бывше подъ божиимъ закономъ, ни примше крещенья: «Елико бо, рече, незаконно съгрѣшиша, незаконно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Вижъ всѣхъ челоуѣкъ телесемъ въскреснути и вѣруимъ Павлову послушеству, словесемъ господнимъ глаголющемъ: «иже ли не створить искони богомъ создана челоуѣка, то не разумѣеть и крещениемъ в животъ порождена, тѣмъ же и не чаеть послѣдняго с телесы въскресения встающимъ всѣмъ челоуѣкомъ в бесконечны животъ — овѣмъ в честь и славу, овѣмъ в студъ и в муку». Но да и прокое речемъ.

Егда приде господинъ взяти плодъ отъ винограда и видѣвъ его окрадена, и призва хромца и совѣкупи с слѣпцемъ, и начаста сама ся обличати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ти мене носилъ, ни како же азъ моглъ быхъ тамо дойти, понеже хромъ есмь». Слепецъ же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казалъ, не быхъ тамо азъ дойти моглъ». Тогда господинъ сѣд на судьнѣмъ столѣ и начатъ имъ судити. И рече: «Яко же еста крада, тако да сядеть хромецъ на слѣпца». Въсѣдшо же хромцю, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити в кромѣшней¹ мученья темницѣ.

Разумѣйте же, братье, сея притча сказание. Челоуѣкъ есть домовитъ — богъ отецъ, всячьскихъ творецъ. Его же сынъ добра рода — господь нашъ Исусъ Христосъ. А виноградъ — землю и миръ нарицаеть. Оплотъ же — законъ божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимъ — ангели глаголетъ. Хромецъ же есть — тѣло челоуѣче. Слепца же душу его мѣнить. А иже я посади у вратъ — челоуѣку бо предаеть богъ в область всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Преступившо же челоуѣку повелѣнне божие и того ради смертию осужену бывшо, первое душа къ богу приводится и спираетъ глаголющи: «Не азъ, но тѣло естъ створило». И того ради нѣст мучения душамъ до втораго пришествия, но блюдомы суть, иде же богъ вѣсть. Егда же придетъ обновити землю и въскресити вся умершая, яко же

¹ пькельнай.

сам бог прежде глагола, тогда вси суци в гробѣх услышатъ глас сына божия и оживуть, изидуть створше благая въскресение живота, а створши злая — въскрешение суда. Тогда бо души наши в телеса внидутъ и примутъ въздание кождо по своим дѣлом — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшитъ кто, тѣмъ и мучен будетъ.

Сице же и мнѣ о сих сказавшо не от умышленья, но от святых книг. Да нѣст се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи¹.

¹ Гэта прытча Кірыла Тураўскага была напісана каля 1160—1162 гг. і накіравана супроць двух пэўных гістарычных асоб, менавіта: Фёдара, епіскапа Растоўскага і яго гаспадара князя Андрэя Багалюбскага. (Гл. артыкул праф. І. П. Яроміна, «Прытча о слепце и хромце в древнерусской письменности», змешчаны ў «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXX, 1925, стр. 340—348.)

СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ

лова аб палку Ігаравым з'яўляецца агульным помнікам усіх трох братніх усходнеславянскіх літаратур: рускай, украінскай і беларускай, вытокам развіцця якіх была ў свой час Кіеўская Русь.

У 1185 г. ноўгарад-северскі князь Ігар Святаславіч сумесна з сваім братам Усеваладам, князем трубчэўскім, сынам Уладзімірам, князем пуціўльскім, і пляменнікам Святаславам Алегавічам, князем рыльскім, выступілі супроць качэўнікаў полаўцаў і былі разгромлены апошнімі ў прыдонскіх стэпах у тым жа годзе. Гэта гістарычная падзея і паслужыла непасрэднай прычынай для напісання «Слова», якое, па трапнаму выражэнню К. Маркса, прагучала ў той час «заклікам рускіх князёў да яднання якраз перад нашэццем манголаў»¹.

Вуснамі невядомага аўтара «Слова аб палку Ігаравым» апявала агульна-народныя інтарэсы Кіеўскай Русі ў такі драматычна напружаны час, калі дзяржаўныя асновы Кіеўскай Русі раз'ядаліся частымі феадальнымі міжусобіцамі, а барацьба рускага народа за сваю незалежнасць набывала востры характар і патрабавала безадкладных намаганняў усіх рускіх князёў для арганізацыі адпору ворагу. У гэтым і заключаецца неперасягнутая каштоўнасць «Слова» як помніка літаратуры і грамадска-палітычнай думкі Кіеўскай Русі. Палымяны заклік аўтара «Слова» выступіць супроць полаўцаў «за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича» сведчыць не толькі аб вялікай ідэйна-палітычнай накіраванасці твора, але і аб тым высокім усведамленні патрыятычнага абавязку, якім кіраваўся сам аўтар пры напісанні «Слова».

Час напісання твора невядомы. Але зварот аўтара да рада князёў, менавіта да галіцкага князя Яраслава Асмамысла, які памёр у 1187 г., і да Усевалада Юр'евіча «Большое гнездо» (пам. у 1212 г.) як да жывых сучаснікаў падзей, апісаных у «Слове», дае падставу меркаваць, што твор гэты напісаны быў не пазней канца 1187 або пачатку 1188 гг.

Першыя звесткі аб «Слове» сталі вядомы ў канцы XVIII ст., калі аматар рускай старыны граф А. І. Мусін-Пушкін у 90-х гадах XVIII ст. адшукаў тэкст «Слова» ў рукапісным зборніку XVI ст., які належаў бібліятэцы Яраслаўскага спасаўскага манастыра. З гэтага спіска А. І. Мусін-Пушкін сумесна з Н. Н. Бантыш-Каменскім і А. Ф. Маліноўскім зрабілі ў хуткім часе копію «Слова» для царыцы Екацярыны II, а ў 1800 г. зрабілі публікацыю тэксту пад загалоўкам «Ироническая пѣснь о походе на половцов удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столѣтія с переложением на употребляемое нынѣ нарѣчье». У час маскоўскага пажару, у 1812 г., зборнік А. І. Мусіна-Пушкіна згарэў разам з большасцю экзэмпляраў першага выдання «Слова». Такім чынам, у якасці першакрыніцы пры вывучэнні «Слова» засталіся толькі яго першае выданне і архіўная екацярынінская копія «Слова».

¹ К. Маркс. Сочинения, т. XXII, стр. 122.

За вялікі прамежак часу, які аддзяліў арыгінал «Слова» ад яго спіска XVI ст., перапісчыкі «Слова» ўнеслі ў яго тэкст нямала скажэнняў і блытаніны. Перапісчыку XVI ст. многае ў тэксце помніка магло быць незразумелым і далёкім ад яго інтарэсаў, таму ён мала ўдзяляў увагі дакладнаму напісанню незразумелых для яго месц тэксту, з якога рабіў спіс. Але не ўсе цёмныя месцы гэтага твора з'яўляюцца спадчынай яго перапісчыкаў. Безумоўна, некаторыя з гэтых цёмных месц, над высвятленнем якіх ужо на працягу многіх дзесяткаў год працуюць вучоныя каментатары «Слова», трэба лічыць памылкамі першавыдаўцоў тэксту. Памылкі іх тлумачацца зачатковым станам развіцця палеаграфічных ведаў у той час. Частка цёмных месц тэксту агульнымі намаганнямі вучоных растлумачана і прынята навукай. Астатнія ж папраўкі тэксту патрабуюць яшчэ больш грунтоўнай і ўсебаковай аргументацыі.

Высокапаэтычны тэкст «Слова» яшчэ ў XIX ст. пачаў падвяргацца літаратурным перакладам на сучасную мову. Многа было зроблена спроб перакласці «Слова» вершамі. Гэтага роду захапленне «Словам» працягваецца яшчэ і ў наш час. «Слова» перакладзена ўжо на многія мовы народаў Савецкага Саюза і на мовы рада зарубажных дзяржаў. Перакладзена «Слова» і на беларускую мову ў двух варыянтах народным паэтам рэспублікі Янкам Купалам. Першы праявічы пераклад «Слова», які больш дакладна перадае тэкст арыгінала, Купала зрабіў у 1919 г., а ў 1921 г. паўтарыў пераклад «Слова» вершамі.

Змешчаны ў хрэстаматыі тэкст «Слова аб палку Ігаравым» друкуецца па выданню акадэміка АН УССР Н. К. Гудзія (гл. Слово о полку Игореве, М., 1955). Паралельна гэтаму тэксту змяшчаецца праявічы пераклад «Слова», зроблены Я. Купалам (гл. Я. Купала. Збор твораў, т. 5, Мінск, 1954, стар. 187—197). Адхіленнем у гэтай правай калонцы тэксту з'яўляецца перастаноўка абзаца: «Тады азірнуўся на светлае сонца Ігар»... да абзаца: «О Баяне, часінаў старых салавейча». Перастаноўка гэтага месца перакладу абумоўлена была аргументаванай перастаноўкай адпаведнага месца ў тэксце арыгінала, аб якой Купалу ў свой час не было вядома.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лёпо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повѣстий¹ о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вѣщий², аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо, рече³, първых времен усобицѣ. Тогда пушашеть 10 соколовъ

СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ, ІГАРА, СЫНА СВЯТАСЛАЎЛЕВА, УНУКА АЛЕГАВА

Ші не лепей было б, каб нам, брацця, пачаць старадаўнымі словы тужліву аповесць аб паходзе Ігаравым, Ігара Святаслаўліча?

Дый пачаціся песні той сягачасным ладам, а не складам Баянавым. Баян бо чарадзеіны, калі каму песню хацеў утварыці, то расцякаўся мысляй па дзераву, воўкам шэрым па полі, арлом сізым пад воблакi.

Помнячы бо, скажам, даўных часоў разруху, выпуш-

¹ сумныя аповесці. ² мудры. ³ як кажуць.

на стадо лебедѣй: который дотечаше¹, та преди² пѣснь пояше старому Ярославу³, храброму Мстиславу⁴, иже зарѣза Редедю пред пѣлки касожьскими, красному Романови Святъславличю⁵.

Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повѣсть сию от стараго Владимира⁶ до нынѣшняго Игоря, иже истягну⁷ умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужеством; наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пѣлки на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сна пѣлки ущекотал⁸, скача, славию, помыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы⁹ сего времени, рища в тропу Трояню¹⁰ чрес поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бѣжать к Дону великому». Чи ли вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ¹¹ внуче: «Комони ржуть за Су-

чаѹ 10 сокалаѹ на лебедзяѹ стада, а якую з их дагониваѹ сокал, тая першая песню пѣяла старому Ярославу, ци харобраму Мстиславу, што зарѣзаѹ Радзедзю, перад войскам касожьским, або краснаму Роману Святаслаѹличю.

Але, брацця, Баян жа не сокалаѹ дзесяць пускаѹ на лябьяжае стада,— ѣн свае чарадзиѹныя пальцы на струны живыя ѹскладываѹ, а тыя самі князям славу галосілі.

Дык пачанем жа гѣтую, брацця, аповесць ад старага Уладзімера да Ігара сягачаснага, што скаваѹ розум сілай сваѣй і навастрыѹ сваѣ мужнасцю сэрца; напоѹніѹся духу барацьбянага і павѣѹ сваѣ войска адважнае на землі Палавецкія за Рускія землі.

О Баяне, часінаѹ старых салавейча! Апяяѹ бы ты гѣты паход, імкнучы салоѹкай па дрэву выдуманаму, духам сягаючы воблакаѹ, славай звываючы гѣтага часу абедзве паловы, Траянавы сочачы след, цераз поле на горы.

Песню спяяѹ бы тады для Ігара, унука таго: «Не сокалаѹ бура занесла праз поле шырокае, галицаѹ стады каціліся к Дону вялікаму»... Або апяяці было, чарадзейны Баяне, Велеса ѹнуча: «Кони іржуць за

¹ дагоніць. ² наперад, першая. ³ Яраслаѹ Уладзіміравіч (Мудры) — вялікі князь кіеўскі (1019 — 1054). ⁴ брат Яраслава — князь тмутараканскі і чарнігаѹскі (пам. у 1036 г.). Пра яго перамогу над Радзедзю апавядае «Повесть временных лет» (1022 г.). ⁵ унук Яраслава Мудрага — князь тмутараканскі (пам. у 1079 г.). ⁶ Уладзімір Святаславіч — вялікі князь кіеўскі з 908 г. ⁷ змацніѹ. ⁸ абшчабятая, праспяваѹ як салавей, уславіѹ. ⁹ абедзве палавіны. ¹⁰ «тропа Трояня» — мабыць шлях рымскага імператара Траяна (параѹнай «траянавы валы» на Украіне і ѹ Румыніі). Асоба Траяна была абагатворана ѹ Рыме. З імем Траяна звязвалася і ѹяўленне аб славянскім бажастве. Некаторыя даследчыкі «Слова» (Ціханраваѹ) спрабавалі растлумачыць гѣтае месца такім чынам, што слова «Троян» памылкова пастаѹлена замест слова «Боян». ¹¹ Велес, або Волас — язычаскі бог жывѣлагадоѹлі, дастатку ва ѹсходніх славян.

лою¹, звенить слава в Києвѣ. Трубы трубятъ в Новѣградѣ, стоять стязи в Путивлѣ».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй тур² Всеволод: «Один брат, один свѣт свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети³; под трубами повити, под шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы⁴ имъ знаеми, луци у них напряжени, тули⁵ отворени, сабли изѣострени; сами скачють, акы сѣрыи влѣци в полѣ, ищучи себѣ чти⁶, а князю славу».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя⁷ прикрыты. И рече Игорь к дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту⁸ быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои бързыя комони, да позрим синего Дону».

Спала князю умъ похоти⁹, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго¹⁰. «Хощу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкаго с вами, русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вѣступи Игорь князь в злат стремень и поѣха по чистому полю. Солице ему тьмою путь заступаше; ноць,

Сулаю, слава звѣнць у Києве, трубы трубятъ у Ноугарадзе, стаяць сцягі ў Пуціўле».

Жджэ Ігар мілага брата Усевалада. І скажа яму буй тур Усевалад: «Адзін брат, адзін свет светлы ты, мой Ігару! Абодва з табой Святаслаўлевы дзеці. Сядлай, браце, быстрыя коні свае, а мае для цябе наготове ўжо асядланы ўперад ля Курьска. А куршчане мае табе ведамы кметы: пад гудамі трубаў радзіліся, пад шоламамі ўзгадаваліся, канцом дзіды ўскормлены; ім шляхі вядомы, ім рыцьвы знаёмы, лукі ў іх нацягнуты, сто стрэл нарыхтована, шаблі наостраны, самі яны імчацца, як шэрыя ваўкі па полі, шукаючы чэсці сабе, а князю славы».

Тады азірнуўся на светлае сонца Ігар і бачыць пакрытымі цемрай ад сонца ўсіх сваіх вояў. І скажа Ігар тут дружыне сваёй: «О, брацця і дружына! Лепей жа быці пацятаму, чым быці ў палоне. Пасядзем жа, брацця, на быстрыя коні свае зірнуці на Дон сінявокі».

На вум князю ўспала жаданне, не гледзячы з неба варожбаў, паспытываць Дона вялікага. «Хачу бо, кажа, дзіду заламаці аб поля канец Палавецкага; з вамі, русіны, хачу сваю голаў злажыці або напіціся шоламам Дона».

Тады князь Ігар уступіў у залатыя страмёны і паехаў па чыстому полю. Сонца яму цемнатою заступіла дарогу: ноч,

¹ прыток р. Дняпра. ² заўзяты, адважны. ³ выпрабаванья ваякі. ⁴ аўрагі, равы. ⁵ падеумак для стрэл (калчан). ⁶ гонару. ⁷ дружыннікі. ⁸ пасечанаму. ⁹ усплыло князю на думку жаданне. ¹⁰ імкненне дасягнуць вялікага Дону заслаілася яму прыкметай.

стонуши ему грозою, птичь
убуди; свист звѣрин вѣста; зби-
ся Див¹, кличет врѣху древа:
велит послушати земли не-
знаемѣ — Вльзѣ, и Поморию,
и Посулию, и Сурожу², и Кор-
суню³; и тебѣ, тьмуторокань-
скый блѣван⁴!

А половци неготовами⁵ доро-
гами побѣгоша к Дону велико-
му: крычат тѣлѣгы полунощы,
рци — лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет.
Уже бо бѣды его пасет птицѣ
по дубию⁶, вльци грозу
вѣсрожать⁷ по яругам; орли
клектом на кости звѣри зо-
вут; лисици брешут на чрѣле-
ныя⁸ щиты.

О Руская земле, уже за ше-
ломянем⁹ еси!

Длѣго ночь мрѣкнет. Заря-
свѣт запала¹⁰. Мѣгла поля по-
крыла. Щекот славий успе; го-
вор галичь убудися¹¹. Русичи
великая поля чрѣлеными щиты
прегородиша, ищучи себѣ чти,
а князю славы.

С зарания в пятѣк потопта-
ша поганяя плѣкы половец-
кыя и, рассушыся¹² стрѣлами
по полю, помчаша красныя
дѣвкы половецкыя, а с ними
злато, и поволокы¹³, и драгыя
оксамиты. Орьтмами¹⁴, и япон-
чицами¹⁵, и кожухы начаша

стогнучы грозьбы яму, разбу-
дзіла птушшо, а выцѣ звяры-
нае ў стады іх збіла; Дзіў кліча
паверх лесу, слухаць наказвае
зямлі незнаёмай — Волзе, і
Памор'ю, і Пасулюю, і Сура-
жу, і Карсуню, і табе, тмута-
раканскі балване!

А полаўцы нецярэбленымі
шляхамі к Дону пабеглі вялі-
каму; толькі калёсы скрыпяць
іх апоўначы, маўляў тыя ле-
бедзі спуджаны.

Ігар к Дону войска вядзе.
А ўжо бяда яго пасець птаха
па дзераву; ваўкі па ярах ня-
добрае варожаць; арлы кле-
катам звяр'е завуць косці збі-
раць; лісіцы брешуць на шчы-
ты бліскучыя.

О зямля Руская, ты ўжо за
рубеж перасягнула!

Доўга ноч танула ў мро-
ку. Зараніца досвіт набліжа-
ла; імгла поле закланіла; за-
снуў свергат салавейчы; гоман
галічы ўзбудзіўся. Русіны поле
шырокае загарадзілі шчытамі
бліскучымі, шукаючы чэсці са-
бе, а князю славы.

Спазаранку ў пятніцу, па-
таптаўшы пагане войска па-
лавецкае і рассуपाўшыся
стрэламі па полі, паімчалі
прыгожых дзяўчат палавецкіх,
а з імі золата і папоны, і ак-
саміты дарагія; плашчамі,
апоньчамі і кажухамі ды ўся-

¹ міфічная птушка, сустрэча з якой азначала трапіць у бяду. ² цяпер г. Судак у Крыму. ³ старажытны г. Херсанс. ⁴ статуя. Каля Тмутаракані, на Таманскім паўвостраве, стаялі дзве вялізныя статуі, збудаваныя язычаскім багам Санергу і Астарці за 300 год да н. э. Напэўна, яны і меліся на ўвазе аўтарам «Слова». Другое тлумачэнне — гэта пагранічны слуп, або камень. ⁵ непратапанымі, непраложанымі. ⁶ Гэта цёмнае месца ў «Слове». У тэксе Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі гэта слова чытаецца «подобно». Па сэнсу пераклад такі: «птушкі з дрэваў паднілююцца яго бяду». ⁷ падымаюць. ⁸ чырвоныя. ⁹ за ўзгоркам, за гарызонтам. ¹⁰ запалала. ¹¹ разбудзіўся, раздаўся. ¹² рассупаўшыся. ¹³ каштоўная тканіна. ¹⁴ пакрывала, засцілка. ¹⁵ накідка, плашч.

рьго въ мѣста. и з поагорода сѣверьскаго ксору
 быча всеволобрас. шатовн пославъ и зрыльска и черн
 говьскаѣ помече. и впадеша воѣ земаю. половукоу
 слыша в шепойдоша. рекоуше братѣѣ наша и збиша
 иициашн. адроу зни и зыманн. а си ннѣ и доу вапа.
 послаша повсеи земли своѣи. а сами пошакск. и жаша
 а роулы своѣи. а си ннѣ и доу кве жай. и на непоуеи
 воежн. стретошай. адроу ны недо ждавше. и со ств
 пиша. и пабе жем бы в шеполовци. и ншад доу вѣ жѣ.
 и мнѣ жествѣ поаона в за ша и жем а ндетн. и стоиша
 на вѣ жакъ. три днн. в еса а шеса : +

екоуше братѣѣ а маша рудни. со стп славо великн кнзе
 мѣ. и вни н снлми зрѣ на перѣ и слава. аи нн самн
 кнн пришли. а земаю и несмѣ блн полѣ юти. а мѣ
 в зема и несмѣ. и самѣ есм он звнн. и жемый и до
 ти пелонены оуна. а ннѣ стп оу дртп мн за домъ н доко
 нудн и збѣе. а жемъ оу та победа. и де оу локо мора
 гдѣ ебне хрди анн и дѣ ан машн. а за змема доко
 а свою славо. и чпть. а не вѣ доу шнѣ вѣ то стро енай.

Перемога Ігара над полауцями.

мости мостити по болотом и грязивым мѣстом, и всякими узорочьи¹ половѣцкыми.

Чрълен стяг, бѣла хорюговь, чрълена чолка², сребрено стружие³ — храброму Святъславличю!

Дремлет в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо⁴. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу ни кречету, ни тебѣ, чръный ворон, поганый половчине!

Гзак⁵ бѣжит сѣрым влъком; Кончак⁶ ему слѣд править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣт повѣдают. Чръныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца⁷, а в них трепещуть синии мльнии. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти⁸ о шелома половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ⁹, у Дону великаго.

О Руская землѣ, уже за шеломянем еси!

Се вѣтри, Стрибожи¹⁰ внуци, вѣют с моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнет¹¹, рѣкы мутно текуть, пороси¹² поля прикрывають, стязи глаголют. Половци идутъ от Дона, и от моря, и от всѣх стран рускыя плѣкы оступиша¹³. Дѣти бѣсови кли-

лякімі палавецкімі тканінамі ўзорнымі пачалі масты масціць па балотах і гразкіх мясцах.

Сцяг чырвоны, харугвя белая, чырвоны бунчук, сярэбраная дзіда — Святаслаўлічу Храбраму!

Дрэмле ў полі Алегава гняздо харобрае. Далёка заляцела! Не было яно зроджана ў крыўду ні сокалу, ні кречату, ні табе чорны гругане, паганы палаўчаніне!

Гза бяжыць шэрым воўкам, Канчак яму знача след к Дону вялікаму.

На другі дзень вельмі рана крываваыя зоры свѣт узнімаюць, чорныя хмары з мора ідуць, хочуць прыкрыці два сонцы, а ў хмарах маланкі мігаюцца сінія.

Быці вялікаму грому! Ісці дажджу стрэламі з Дона вялікага! Тут паламаціся дзідам, тут пашчарбаціцца саблям аб шоламы палавецкія на рэчцы Каяле, ля Дона вялікага.

О Руская зямля, ты ўжо за рубез перасягнула!

Вось ветры, Стрыбожыя ўнукі, павеялі стрэламі з мора на храбрае войска Ігарава. Дудніць зямля; рэкі мутна цякуць; порасль пакрывае поле; сцягі гамоняць.

Ідуць полаўцы ад Дона і ад мора, і ад усіх старон рускае войска абступілі. Дзеці нячысцікавы клікам поле перагара-

¹ каштоўная рэч. ² бунчук. ³ дрэўка сцяга. ⁴ северскія князі, удзельнікі паходу родзічы князя Алега Святаславіча. ⁵ і ⁶ палавецкія ханы. ⁷ 4-х князёў, якія ўдзельнічалі ў паходзе на полаўцаў. ⁸ пастукаць, пабіць. ⁹ магчыма ад слова «каяти», г. зн. праклінаць. Паводле іншых, гэта рэчка Калміус. ¹⁰ язычаскі бог вятроў. ¹¹ стогне, гудзе. ¹² порах, парахавы дым, пыл. ¹³ акружылі, абступілі.

ком поля прегородиша, а храбри русици преградиша чръленими щиты.

Яр тур Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харалужными¹. Камо², тур, поскочяще, своим златым шеломом посвѣчивая, тамо лежат поганья головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя³ от тебе, яр туре Всеволоде.

Кая рана дорога, братие, забыв чти и живота⁴, и града Чрънигова отня⁵ злата стола, и своя милыя хоти⁶, красныя Глѣбовны⁷, свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олег мечем крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступает в злат стрѣмень в градъ Тьмутороканѣ; той же⁸ звон слыша давый великый Ярославль⁸ сын Всеволод⁸, а Владимир по вся утра уши закладаше в Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя⁹.

дзілі, а русіны храбрыя загаградзілі яго шчытамі чырвонымі.

Яр тур Усеваладзе! Стаіш у барацьбе й засыпаеш ты вояў варожых стрэламі, грывіш ты аб шоламы мячамі сталёвымі. Дзе толькі даскочыш, сваім залатым, тур, свецячы шоламам, ляжаць там паганья голы палавецкія. Пашчапаны гартоўнымі шаблямі й шоламы аварскія ад цябе, яр тур Усеваладзе!

Якая цана ранам, брацця, таму, хто забыўся пачоту й жыцця, й Чарнігава горада, забыўся на бацькаўскі столпасады залаты, на сваю мілую пяшчоту, ясную Глебаўну, на звычай і абычай!

Былі вякі Траянавы, прамінуліся леты Яраслаўля. Былі паходы Алегавы, Алега Святаслаўліча: той бо Алег мечам разруху каваў і стрэлы сеяў па зямлі. Ступае са званам у стрэмя злочное ў горадзе Тьмутаракані, той звон даўны чуе вялікі Яраслаўлін сын Усевалад, а Уладзімір кожную раніцу затыкаў вушы ў Чарнігаве. Барыса ж Вячаслаўліча нядобрая слава на суд прывяла на апошні, і ў зялёным зацінні каляльным божую пасцель паслала за крыўду Алегаву, маладога і храбрага князя.

¹ булатнымі. ² куды. ³ авары—каўказскі народ. ⁴ гонару і жыцця. ⁵ бацько ўскага ⁶ жонку. ⁷ Вольга Глебаўна — жонка Усевалада. ⁸ У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі замест «той же» — «тоже», замест «Ярославль» — «Ярославъ», замест «Всеволод» — «Всеволожь». ⁹ Гаворачы аб смерці маладога князя, аўтар «Слова», напэўна, меў на ўвазе смерць князя Барыса Вячаславіча, які загінуў у баі на Няжацінай Ніве каля Чарнігава ў 1078 г. Князь Барыс у той час разам з Алегам Святаславічам, дзедам Ігара, вёў барацьбу супроць Усевалада Яраславіча, падтрыманага братам, вялікім князем Ізяславам, сынам Уладзімірам Манамахам і пляменнікам Яраполкам.

С тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ яти отца своего между угорскими иноходьцы ко святѣй Софии к Киеву².

Тогда при Олзѣ Гориславличи³ сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждбожа внука⁴; в княжих крамолах вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко⁵ ратаевѣ кикахуть⁶, нѣ часто врани граяхуть, трупна себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие⁷. То было в ты рати и в ты плѣкы, а сицей рати не слышано.

С зараниа до вечера, с вечера до свѣта летят стрѣлы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты костью была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече⁸ рано пред зорями? Игорь плѣкы заварочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пир

З тасей жа Каял-ракі Яраполк¹ палялеяў між угорскімі інаходамі бацьку свайго да Сафіі святое да Кіева.

Тады пры Алегу Гарыслаўлічу рассяваліся й раслі міжусобицы. Гібнула жыццё Даждбожага ўнука; у калатнінах князевых людзі свой век скарачалі.

Тады на Рускай зямлі рэдка пяяў аратай, але вараннё пакрумквала часта, дзелячы труп'ё між сабою, а галіцы гоман заводзілі свой, на ежу ляцеці збіраючыся.

Было гэта ў бітвы і ў тыя паходы, а гэтакіх бітваў і слухам не чулі!

Адрання да вечара, ад вечара да світу лятуць стрэлы гартоўныя, грымяць шаблі аб шоламы, трашчаць дзіды сталёвыя ў полі незнаёмым, сярод зямлі Палавецкае. Чорная зямля пад капытамі касцямі была пасеяна, а крывёю палітая, — туга абышла па Рускай зямлі.

Што там шуміць? Што там звініць далёка рана перад зарою? Ігар палкі заварочвае: жаль бо яму мила брата Усевалада.

Біліся дзень, біліся другі, трэцяга дня к палудню рухнулі сцягі Ігаравы. Тут два браты разлучыліся на беразе быстрай Каялы. Тут віна крывавага не хапіла, тут баль да-

¹ Я. Купала пераблытаў імёны. ² Некаторыя даследчыкі «Слова» тлумачаць, што тут не ясна выражана думка аб перавозе ў Кіеў забітага на Няжацінай Ніве (1078 г.) вялікага князя кіеўскага Ізяслава Яраславіча. Іншыя сцвярджаюць, што размова ідзе аб тым, як вялікі князь кіеўскі Святаполк Ізяславіч прывёз у Кіеў забітага пад Пераяславам у 1097 г. цела свайго цесця, палавецкага хана Тугаркана. ³ князя Алега Святаславіча аўтар «Слова» называе «Гориславичем». ⁴ унуку бога сонца. Гэты эпітэт аўтар надае рускаму народу. ⁵ рэдка. ⁶ аратыя пераклікаліся. ⁷ на здабычу. ⁸ У тэксце Мусіна-Пушкіна «давечя», у архіўнай копіі «давеча».

докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить¹ трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

кончылі храбрыя русіны: сватоў напайлі, а самі паляглі за Рускую зямлю.

Нікне трава ад жаласці, а дзерава пад тугою к зямлі прыхілілася.

МѢНКИ ПОИ МАНИ БЫША. А БОЮ РЕКА ДАМО. А ВЪ ДРОУ
НА КЪ БИТѢ. А ДРОУ ГІА НЪ СІ МА ПА І ТІА ІА КЪ СІ МА. ВО КРА
ПІШІА СПО ВЪ ДЮЮ ВЕЛІКОЮ ПОЛОБЦІ АНА ШІНІ ВЪ
НИ КТО ЖЕ ВЪ СТИ ПРНІСА.

Параженне рускіх князеў у бітве з полаўцамі.

Ужо бо, братие, не веселая година встала; уже пустыни силу прикрыла! Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедьними крылы на синѣм море; у Дону плещучи, упуди² жирня времена³.

Усобица князем на поганья погыбе⁴, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же».

Ужо вась, брацця, невясёлая гадзіна наступіла, уже пустыня сілу прикрыла. Крыўда паўстала ў сілах Дажджбожага ўнука, дэвай узышла на зямлю Траянаву, успляснула крыллем лябямым на сінім моры, а, плюскаючы ў Доне, спудзіла часіны шчаслівыя.

Князевы міжусобицы — згуба для нас ад паганых. Казаць стаў брат брату: «гэта маё і тое ж маё!»

¹ нікне, схілілася. ² прагнала. ³ багатыя часы, часы дастатку. ⁴ барацьба князеў супроць паганых спынілася.

И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганин съ всѣх стран прихождаху с побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птицѣ бѣ к морю! А Игорева храброго плѣку не крѣсити¹. За ним кликну Карна и Жля², поскочи по Руской земли, смагу людем мычючи в пламянѣ розѣ³. Жены рускія въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад⁴ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастыми. Тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганин сами побѣдами нарищуще⁵ на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ⁶ от двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволод, уже лжу⁷ убудиста, которую то бѣше успил отец их Святъслав грозный⁸, великий киевский: грозою бѣшетъ притрепал⁹ своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота.

І пачалі князі аб малым «гэта вялікае» казаці і самі на сябе загубства каваці. А паганцы з усіх старон набягалі з перамогай на Рускую зямлю.

О! Далёка сокол заляцеў, птушак збіваючы, — к мору!

А Ігараву храбраму войску не ўваскреснуці. Па ім загаласіла Карына, і Жэля паняслася па Рускай зямлі, наводзячы смагу людзям у полымі рогу. Заплакалі жоны рускія, галосячы: «Ужо нам сваіх мужоў мілых ні мысляй памысліць, ні думай падумаць, ні вочмі сваймі азіраці, а золата й срэбра таго й пагатове не бачыць ніколі!»

І застагнаў жа, брацця, Кіеў тугою, а Чарнігаў напасцямі! Нуда разлілася на Рускай зямлі; няўцешная жалѣба пацякла сярод Рускай зямлі. А князі сабе самі праступства кавалі, а паганья самі адны, з перамогамі наваліўшыся на Рускую зямлю, дань вымагалі па белцы з двара.

Тыя бо два храбрыя Святаслаўлічы, Ігар і Усевалад, ужо няпраўду збудзілі, якую тут прыспаў быў іх бацька, Святаслаў грозны, вялікі кіеўскі. Быў ён грозою: верх браў сваім войскам магутным і мячамі сталёвымі. Наступіўшы на зямлю Палавецкую, патаптаў узгор'і і доли; замуціў і азёры і рэкі; засушыў балоты й крыніцы.

¹ не ўваскрэсіць. ² «Карна» і «Жля», напэўна, увасабляюць паняцце плачу і жалѣбы. («Карити» — г. зн. плакаць па памёршаму.) ³ раскідаючы агонь у палымяным рагу. Даследчыкі «Слова» збліжаюць гэта месца з паказаннямі летапісу пра «жывы агонь» у трубах, або сіфонах, якія ўжываліся грэкамі і полаўцамі ў час вайны. ⁴ мужоў. ⁵ набягаючы. ⁶ па вавёрцы. ⁷ інтрыгу, вайну. ⁸ Святаслаў Усеваладавіч, вялікі князь кіеўскі (1176—1194), незадоўга да апісаных у «Слове» падзей, у 1184 г. у саюзе з некаторымі князямі разграміў полаўцаў, захапіў вялікую здабычу і ўзяў у палон хана Кабяка. ⁹ разбіў, разграміў.

А поганаго Кобяка из луку моря, от желѣзных великих плѣков половецких, яко вихр, выторже: и падесея Кобяк в градъ Киевѣ, в гридницѣ Святъславли. Ту нѣмци и венеци, ту греци и морава¹ поют славу Святъславлю, кають² князя Игоря, иже погрузи жир³ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата а в сѣдло кощиево⁴. Уныша бо градом забрады⁵, а веселие пониче.

А Святъславъ мутен сон видѣ в Киевѣ на горах. «Си ночь с вечера одѣвахуть⁶ мя, — рече, — чрѣною паполомою⁷ на кровати тисовѣ⁸, чрѣпахуть ми синее вино с трудомъ⁹ смѣшено; сыпахуть ми тѣщами туды¹⁰ поганых тѣлковин¹¹ великый женчюг¹² на лоно и нѣговахуть мя. Уже дѣска без кнѣса¹³ в моем теремѣ златовръсѣм. Всю ночь с вечера бусови¹⁴ врани възгряху у Плѣсньска¹⁵ на болони¹⁶, бѣша дебръски сани и несоша е к синему морю»¹⁶.

А паганага Кабьяка з узлучыны морской, ад жалезных вялікіх палкоў палавецкіх, як віхрышча выхапіў. І зваліўся Кабьяк у горадзе Кіеве, у замку Святаслаўлевым.

Тут немцы і венедейцы, тут грэкі і маравы пяюць славу Святаслаўлю, выдумляюць на князя Ігара, што патапіў багацце на донні Каялы, ракі палавецкай, насыпаўшы рускага золата там. Там Ігар князь ссядаў з залатога сядла і садзіўся ў сядло нявольніка.

Занылі сцены гарадоў, завяла вясёласць.

А Святаслаў сумны сон сніў у Кіеве на горах у гэтую ноч. «З вечара адзявалі мяне, кажа, у чорную пасцілку на цясовой краваці; чэрпалі мне сіняе віно, змешанае з зеллем; сыпалі мне з пустых калчанаў паганых полаўцаў буйныя пэрлы на грудзі, ды песцяць мяне. Ужо дошкі без скрэпаў на маіх залатаверхіх харомах. Усю ноч з вечара дзікае груганнѣ гракала; пабыло каля Плеснеску на балоні, каля нетраў Кісані, і к сіняму мору няслася».

¹ Разважаючы аб гэтых народах, аўтар «Слова» адзначае культуры свет таго часу і паказвае, дзе была распаўсюджана слава аб пераможным паходзе кіеўскіх князёў. ² дакараюць, а магчыма, шкадуюць. ³ багацце. ⁴ рабскае. ⁵ гарадскія сцены. ⁶ У тэксе Мусіна-Пушкіна «одѣвахъте», а ў архіўнай копіі «одѣвах те». ⁷ пакрыва-лам. ⁸ кедравая. ⁹ з горам, з ліхам, з бядою. ¹⁰ пустымі падсумкамі. ¹¹ іншаземцаў, трэба меркаваць, полаўцаў. ¹² перламутр. Бачыць у ва сне перламутр, паводле візантыйскіх і старарускіх павер'яў — адзнака будучых слёз. ¹³ бэлька, на якую ставяцца кроквы для даху. ¹⁴ шызыя, сівыя. ¹⁵ мясцовасць у Галічыне. ¹⁶ Адно з цёмных месц у тэксе «Слова». Сучасныя даследчыкі «Слова» тлумачаць яго так: «Усю ноч сівыя груганы каркалі ў Плеснеску на ўзбярэжжы; былі лясныя змеі («дебръски сани»), і панясло іх да сіняга мора». Перакладчык Шторм прапануе такое тлумачэнне: «былі смертныя сани, і няслі іх да сіняга мора». Такое тлумачэнне Шторм робіць ад слова «дебръ», якое, на яго думку, азначае, «даліна, роў, магіла, яма» і «сани», якія ўжываліся на княжаскім пахаванні. Выраз «к синему морю» паказвае на глыбокую старажытнасць звычая. Сани, на якіх вазілі нябожчыка, былі тады падобныя да чаўна, бо па старому звычаю нябожчыка спускалі ў рэчку або ў мора на чаўне.

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола¹ слѣтъста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца припѣшали² поганых саблями, а самаю опуташа³ в путины желѣзны. Темно бо бѣ в 3-й день: два солнца помѣр-коста; оба багряная⁴ стлѣпа погасоста и с нима молодая мѣсяца, Олег и Святѣслав⁵ тьмою ся поволокоста, и в морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови⁶. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣт покрыла; по Руской земли прострошася половци, акы пардуже⁷ гнѣздо. Уже снесеса хула на хвалу⁸; уже тресну нужда на волю⁹; уже врѣжеся Див на землю. Се бо готския¹⁰ красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово¹¹, лелѣют мечь Шароканю¹². А мы уже, дружина, жадни веселия»¹³.

Тогда великий Святѣслав изрони злато слово съ слезами смѣшено, и рече: «О, моя сы-

И сказали баяры князю: «Ужо, княжа, туга розум твой замуціла: гэта вось два сокалы зляцелі з бацькавага зала-тога пасада, каб горад Тьмуторакань пашукаці або напіціся шоламам Дона. І ўжо сокалам крыллі падсечаны шаблямі погані, а саміх іх павуцінай жалезнай апуталі. Цёмна было ўжо на трэці дзень: два сонцы патухлі, абодва чырвоныя згаслі слупы, а з імі і месяцы два маладыя. Алег і Святаслаў завалакліся цямрыцай і ў моры яны патанулі, і гордасці хану дадалі вялікай. На рэчцы на Каяле святло цьма пакрыла; па Рускай зямлі, як рысяў племя, распасцерліся полаўцы. Ужо ўзнялася над хвалай пахула, ужо ўссела насілле над воляй і ўжо ўрэзаўся Дзіў на зямлю. Вось бо гоцкія красныя дзевы запелі на беразе сіняга мора, золатам звонячы рускім: пяюць яны Бусавы часы, і помству лялеюць Шараканаву... А мы ўжо, дружина твая, не знаём вясѣласці».

Тады вялікі Святаслаў абазваўся слаўцом залатым, са слязамі змешаным, і сказаў:

¹ менавіта Ігар і Усевалад. ² падрэзалі; дакладней, зрабілі пешымі. ³ У тэксце Мусіна-Пушкіна: «опустоша». ⁴ ярка-чырвоны. ⁵ маладыя князі, удзельнікі паходу. Але, як вядома, іх імёны: Уладзімір, сын Ігара, і Святаслаў, пляменнік Ігара. У гэтым тэксце або памылка, або намёк на пляменніка і не дарослага яшчэ сына Ігара, Алега, які мог быць у паходзе. Або, нарэшце, намёк на двух меншых сыноў Ігара: Алега і Святаслава. ⁶ зборнае імя для азначэння «паганых бусурман». ⁷ барсава. ⁸ ужо ганьба перамагла славу. ⁹ ужо прымус ударыў па свабодзе. ¹⁰ Аўтар «Слова» мае на ўвазе астаткі готаў, якія ў другім стагоддзі н. э. аселі на ўзбярэжжы Чорнага і Азоўскага мораў і жылі там аж да XVII ст. Паражэнне рускіх выклікала ў готаў радасць, таму што яно давала гоцкім купцам магчымасць разбагацець на гандлі нявольнікамі. ¹¹ Цёмнае месца ў тэксце «Слова». Бус — або адзін з вядомых сваімі перамогамі палавецкіх ханаў, або, паводле іншых меркаванняў, замучаны ў IV ст. н. э. прыморскімі готамі цар антаў-славян, імя яго было Бооз. ¹² Шарукань — палавецкі хан, які не адзін раз цярпеў паражэнне ад рускіх князёў канца XI і пачатку XII ст. ¹³ ніякага вяселля.

новчя¹, Игорю и Всеволоде! Рано еста нача Половецкую землю мечи цвѣлити², а себѣ славы искати; нѣ нечестно³ одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моего Ярослава⁴ с черниговскими былями⁵, с могуты⁶ и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с реугы, и с ольберы⁷: тии бо бес щитовѣ с засапожники⁸ кликом плѣкы побѣждают, звонячи в прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами подѣлим!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает⁹, высоко птиц възбивает; не даст гнѣзда своего в обиду. Нѣ се зло: княже ми не пособие. На ниче¹⁰ ся години обратиша».

Се у Рим¹¹ кричат под саблями половецкыми, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великый княже Всеволоде!¹² Не мыслию ти прелетѣти изда-

«О мае сыноўцы, Ігару і Усеваладзе! Рана пачалі вы зямлю Палавецкую рэзаць мячамі, а славы шукаці сабе. Але не з чэсцяю ўходалі, бо не з чэсцяй паганскую кроў пралілі. Вашы адважныя сэрцы ў сталі нязломнай закованы і згартованы адвагай. Дый што вы стварылі маёй сярэбранай сівізне! Не даждаліся вы сільнага і багатага брата майго Яраслава з яго многовоямі, з чарнігаўскімі ваякамі — з магутамі і з татранамі, і з шальберамі, і з тапчакамі, і з рэвугамі, і з альберамі. Яны ж, бывала, без шчытоў, з захаляўнымі нажамі, клікам палкі пабяджаюць, звонячы прадзедняй славай. Але вы казалі: «Храбрымося самі! Самі пярэдную славу захопім і з заднюю самі падзелімся.»

А ці ж дзіва тут, брацця, і старому памаладзеці? Калі сокол у гадах, высока ўзбівае ён птушак, свайго не папусціць у крыўды гнязда! Але ў тым гора, што князі ўжо мне ў непадмогу. У нішто абярнуліся тыя часіны! Вось у Рымаве крычаць пад шаблямі палавецкімі, а Уладзімір пад ранами. Туга і нудота Глѣбаву сыну!»

Княжа вялікі, Усеваладзе! Ці не мысляй табе б прыляце-

¹ пляменнікі. Святаслаў — дваюрадны брат Ігара і Усевалада — звяртаецца да іх як старэйшы ў родзе. ² тузаць, прымушаць плакаць. ³ без славы, без гонару. ⁴ Яраслаў Уладзіміравіч, князь чарнігаўскі (пам. у 1198 г.). ⁵ вяльможамі. ⁶ ваяводамі. ⁷ «татраны, шельбиры, топчакі, реугі, ольберы» — назвы плямён, якія служылі ў войску чарнігаўскіх князёў. ⁸ падобныя да кінжалаў нажы; воіны насілі іх за халявамі сваіх ботаў. ⁹ «в мытех бывает» — ліняе. ¹⁰ на нішто. ¹¹ г. Рымаў, які быў зруйнаваны полаўцамі пасля няўдалага паходу Ігара. Незадоўга пасля заняцця Рымава, у баю з полаўцамі быў цяжка паранены князь пераяслаўскі Уладзімір Глѣбавіч, які памёр у 1187 г. ¹² Усевалад III Юр'евіч «Большое гнездо» (памёр у 1212 г.) быў вядомы сваёй сілай і багаццем. Ён за некалькі год да падзей, апісваемых у «Слове», зрабіў удалы паход супроць волжскіх балгар.

леча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеш Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти! Аже бы ты был, то была бы чага¹ по ногатъ², а кощей³ по резанъ⁴. Ты бо можеш посуху живыми шерешеры⁵ стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы⁶.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!⁷ Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными на полъ незнаемъ? Вступита, господина, в злата стремяна за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославеве!⁸ Высоко сѣдиши на своем златокованнѣм столѣ, подпер горы Угорскыи⁹ своими желѣзными плѣки, заступив королеви¹⁰ путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены¹¹ чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеш Киеву врата; стрѣляеш с отня злата стола солтани за землями¹². Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстисла-

ці, каб бацькаў пасада убярэгчы! Ты бо можаш распырсаці вѣсламі Волгу, а шоламам вычарпаць Дон. Каб ты быў, то была бы па нагаце нявольніца, а па рэзане нявольнік. Ты бо можаш насуха живыми страляць самастрэламі, удалыми Глеба сынамі.

Ты буй Рурыча й Давыдзе! Ці ж не вашыя гэта ў крыві пазалачоныя шоламы плавалі? Ці ж не ваша дружина адважная рыкае, як туры, гартоўнымі ранена шаблямі ў полі незнаёмым? Уступіце, сябры, у залатыя стрямёны за крыўду гэтага часу, за Рускую зямлю, за раны Ігаравы, смелага Святаслаўліча!

Галіцкі Асмамысле Ярослаўле! Высока сядзіш ты на пасадзе сваім златакованым; падпёр угорскія горы сваімі палкамі жалезнымі, шлях заступіў каралю, зачыніў Дунаю вароты, шыбаючы бярэмі цераз воблакі, да Дуная суды судзячы. Грозьбы твае па землях цякуць; адчыняеш Киеву вароты; страляеш з бацькавага пасада залатога султанаў па-за землямі. Страляй, княжа, Канчака, паганага раба, за Рускую зямлю, за раны Ігаравы, адважнага Святаслаўліча!

А ты, буй Рамане і Мсціслаў-

¹ рабыня, нявольніца. ² дробная манета. ³ раб, нявольнік. ⁴ дробная манета. ⁵ 20 нагат адпавядала адной грыўне. ⁶ дзеці князя Глеба Расціславіча — разанскія князі — прымалі ўдзел у паходзе Усевалада. За гэты паход яны набылі ад Усевалада свае маёмасныя ўдзелы. ⁷ Рурык, князь перамышльскі, і Давыд, князь смаленскі, — Расціславічы; прымалі ўдзел у крывавым баі з полаўцамі на р. Арэлі ў 1183 г. ⁸ галіцкі князь Ярослаў Уладзіміравіч (пам. у 1187 г.) быў адным з найбольш магутных князёў таго часу і даводзіўся цесцем князю Ігару, герою «Слова». Асмамысл, паводле меркаванняў Пацябні, — гэта такі чалавек, які мае адначасова восем думак, восем турбот адразу. ⁹ Карпацкія горы. ¹⁰ каралю венгерскаму. ¹¹ цяжкасці. У тэксе Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» тут стаіць слова «времены». ¹² «солтани за землямі» азначае «турэцкіх султанаў за далёкімі землямі».

ве! ¹ Храбрая мысль носит
ваш ² ум на дѣло! Высоко пла-
ваеши на дѣло в буести ³, яко
сокол на вѣтрех ширяся, хотя
птицю в буйствѣ одолѣти. Суть
бо у ваю желѣзныи папорзи ⁴
под шеломы латинскими. Тѣмъ
тресну земля и многи страны:
Хинова, Литва, Ятвязи, Дера-
мела и Половци ⁵ сулицы ⁶ своя
повръгоша, а главы своя под-
клониша под тыи мечи хара-
лужныи. Нѣ уже, княже, Игорю
утрѣпѣ ⁷ солнцю свѣт, а древо
не бологом ⁸ листовие срони! По
Рси и по Сули гради подѣли-
ша ⁹; а Игорева храбраго плѣ-
ку на крѣсити. Дон ти, княже,
кличет и зоветъ князи на побѣ-
ду. Олговичи ¹⁰, храбрыи князи,
доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволод и вси
три Мстиславичи ¹¹, не худа
гнѣзда шестокрилци! ¹² Не по-
бѣдными жребии собѣ власти
расхытисте! Кое ¹³ ваши златыи
шеломы и сулицы ляцкии и
щиты? Загородите полю ¹⁴ воро-
та своими острыми стрѣлами за
землю Рускую, за раны Игоре-
вы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течет среб-
ренными струями к граду Пере-
яславию, и Двина болотом те-
чет оным грозным полочаном

ле! Храбрая мысль носіць ро-
зум ваш на дзела. Высока ply-
віцѣ на дзела, з адвагай, як
сокал на ветрах лунаючы, хо-
чачы сходаці птаха ў бітве.
Ёсць бо ў вас жалезныя на-
перснікі пад шоламамі лацін-
скімі. Ад іх затрасліся ўжо
землі і шмат якіх краеў: Хи-
нова, Літва, Дарамела, яцвягі
і полаўцы, кінуўшы дзіды свае
і голавы свае накланіўшы пад
тыя стальныя мячы.

Але ўжо, княжа Ігару, асла-
бела сонца святло, а дзерава
лісць не на добрае скінула! Па
Росі і Суле гарады падзялілі,
а Ігарава храбрага войска не
ўваскрасіці. Дон цябе, княжа,
кліча і іншых князёў заве на
пабеду.

Алегавічы, храбрыя князі,
утаміліся ў барацьбе.

Ингвар і Усевалад і ўсе тры
Мстислаўлічы — не благога
гнязда птахі шасцікрылыя! Не
жэрабем пабедным сабе ўла-
ду прыдбалі! Што ж ваши
шоламы залатыя і ляцкія шчы-
ты? Загарадзіце полю вароты
сваймі вострымі стрэламі за
зямлю Рускую, за раны Ігара-
вы, буйнага Святаслаўліча!

Ужо бо Сула не цячэ ру-
чаямі срабрыстымі к гораду
Пераяслаўлю, ужо Дзвіна ба-
лотам цячэ к тым грозным па-

¹ Раман Мстиславіч, князь уладзімір-валынскі (пам. у 1205 г.), Мстислаў Яраславіч, князь луцкі (пам. у 1206 г.). ² У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «вась». ³ у ярасці. ⁴ нагруднікі, панцыры. ⁵ плямёны, з якімі ваяваў Раман Мстиславіч. ⁶ коп'і. ⁷ пахмурыўся, паслабеў. ⁸ не на добрае. ⁹ ворагі падзялілі гарады. ¹⁰ Алегавічы: Святаслаў, Ігар і Усевалад і сыны Святаслава, Алег і Уладзімір, якіх ён паслаў да Пасем'я абараняць Русь ад полаўцаў. ¹¹ Паводле большасці да-следчыкаў «Слова», маюцца на ўвазе тры сыны Яраслава Луцкага: Ингвар, Усевалад і Мстислаў, якія тут называюцца Мстиславічамі па імя свайго прадзеда Мстислава Уладзіміравіча (пам. у 1132 г.). А магчыма, маюцца на ўвазе тыя самыя Ингвар, Усевалад, Мстислаў і іх дваюрадныя браты: Раман, Усевалад і Святаслаў Мстиславічы. ¹² у 3-х князёў-сокалаў 6 крыл. ¹³ дзе. ¹⁴ стэпу, адкуль ішлі качэўнікі.

под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков¹, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа² славу дѣду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепан литовскими мечи, и с хоти ю на кровать и рек³: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава⁴, ни другаго Всеслава⁵: един же изрони жемчужну душу из храбра тѣла чрес злато ожереліе⁶. Унылы глоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскии. Ярослав⁷ и вси внуци Всеслави! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени⁸; уже бо выскочисте из дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья плѣкы на землю Рускую, на жизнь⁹ Всеславию; которою¹⁰ бо бѣше насилие от земли Половецкыи!

На седьмом вѣцѣ¹¹ Трояни врѣже Всеслав¹² жребий о дѣвицю себѣ любу¹³.

лачанам, пад воклік паганых. Адзін толькі Ізяслаў, сын Васількавы, пазваніў сваймі вострымі мячамі аб шоламы літоўскія. Перабіў славу дзеду свайму Усяславу, а сам пад чырвонымі шчытамі на крывавай траве, пабіты літоўскімі мячамі, з Хоціем лёг, а той кажа: «Дружыну тваю, княжа, птахі крыллем апранулі, а звяры кроў палізалі».

Не было тут брата Брачыслава, ні другога Усевалада; адзін ён выпусціў жамчужную душу з храбрага цела цераз залатое ажарэлле.

Занылі песні, зачахла вясёласць, трубяць трубы гарадзенскія.

Яраслаўле і ўсе ўнукі Усеслаўлевы! Апусціце ўжо сцягі свае! Пахавайце мячы свае пашчарбанья! Вы бо сваімі нязгодамі пачалі наводзіць паганых на Рускую зямлю, на надзел Усяслава, ад чаго і насілле пайшло ад зямлі Палавецкай.

У сёмы Траянавы век жэрабя кінуў Усяслаў аб дзяўчыне мілай сабе.

¹ Изяслаў, сын Васількаў, князь полацкі і гродзенскі, патамак Усяслава князя полацкага. Але летапіс такога князя не адзначае. ² пабіў, перасек. ³ «и с хоти ю на кровать, и рек» — цёмнае месца ў тэксце «Слова». Ні адна папраўка каментатараў «Слова» да гэтага месца не здаецца пераканаўчай. ⁴ Брачыслаў Васількавіч, князь ізяслаўскі і віцебскі. ⁵ аўтар «Слова» мае на ўвазе Усяслава Васількавіча, князя віцебскага, а пазней полацкага, «другий» таму, што вышэй намякалася на яго дзед, Усяслава Брачыславіча. ⁶ залатая грыўна, якую насілі на шыі знатныя асобы як адзнаку сваёй знатнасці. ⁷ мабыць падразумяваецца Яраслаў Усеваладавіч, князь чарнігаўскі, які памёр у 1198 г. ⁸ пашкоджаныя. ⁹ багацце, дабро. ¹⁰ нязгодаю, супярэчнасцямі. ¹¹ умоўны эпічны лік, што азначаў даўнасць. ¹² Усяслаў Брачыславіч (пам. у 1101 г.), князь полацкі, праўнук Уладзіміра I Святаславіча і Рагнеды. Далей ідзе намёк на прыгоды Усяслава, які ўпарта ваяваў з унукамі Яраслава Мудрага, намёк на захоп Ноўгарада, на паражэнне, якое ён атрымаў на р. Нямізе ад Ізяслава і Усевалада Яраславічаў, на захоп кіеўскага прастола, на сустрэчу са сваімі праціўнікамі пад Белгарадам і на пабег да ўсходу сонца ў Полацк. ¹³ здабыча нявесты сімвалізуе тут здабычу горада, у дадзеным выпадку Кіева або Ноўгарада, якія Усяслаў захопліваў, але не здолеў там доўга пратрымацца.

Тъй клюками¹ подпръся о кони² и скочи к граду Кыеву и дотчеся стружием³ злата стола киевскаго; скочи от них лютым звѣрем в пльночи из Бѣлаграда, обѣсися⁴ синѣ мъглѣ; утрѣ же возни стрикусы⁵, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вльком до Немиги с Дудуток⁶.

На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чепа харалужными, на тоцѣ живот кладут, вѣют душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посѣяни, посѣяни костями руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь вльком рыскаше: из Кыева до рискаше до кур⁷ Тмутороканя, великому Хрѣсови⁸ вльком путь прерыскаше. Тому в Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыха Софен в колоколы, а он в Кыевѣ звон слыша. Аще и вѣща душа в дрѣзѣ⁹ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдасе.

Тому вѣщей Боян и прѣвое припѣвку, смысленый¹⁰, рече: «Ни хытру, ни горазду¹¹, ни птицю горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвых князей! Того стараго Владимира¹² нельзѣ бѣ пригвоздити к горам киевским: се-го бо нынѣ стася стязи Рюриковы, а друзии Давидовы¹³;

Падпѣршыся клюками, ѣн на кані паімчаѣся да горада Кыева і даткнуѣся дзідай да киеўскага залатога пасада. Ад іх скочыѣ зверам дзікім. Апоўначы з Белгарада ахутаѣся сіняй імглою, а на раніцу, узняѣшыся, браму стракалам адчыніѣ Ноўгараду, разбіѣ Яраслаўлеву славу і скочыѣ ваўком да Нямігі з Дудутак.

На Нямізе снапы сцелюць галовамі, малоцяць цапамі сталёвымі, жыццѣ кладуць на таку, душу веюць ад цела. Нямігі крываваыя берагі не дабром былі засеяны, засеяны былі касцямі сыноў рускіх.

Усяслаў князь людзям суд судзіѣ, гарадамі князѣѣ надзяляѣ, а сам поначы воўкам гуляѣ. З Кыева да пяхухоѣ дасцігаѣ Тмутаракані; вялікаму Хорсу ваўком шлях перабягаѣ. Таму ѣ Полацку рана званы пазванілі к заўтрані ѣ Сафіі святой, а ѣн у Кыеве звон чуе. Хоць і вешчая душа ѣ дзѣрзкім целе была, алѣ часта бяды нацярпеѣся.

Яму першаму вешчы Баян і прыпеѣку злажыѣ дасціпную: «Ні хітраму, ні быстраму, ні шпаркаму птаху не мінуці божага суда».

О! Стагнаці Рускай зямлі, успомніѣшы быѣшу часіну і быѣшых князѣѣ!

Старога таго Уладзіміра немагчыма было прыкаваці да киеўскіх гораў! Цяпер бо яго сцягі сталі — адны Рурыкавы,

¹ хітрасцю. ² сеѣ на каня. ³ жазлом або скіпетрам, які з'яѣляѣся адзнакай вялікакняжацкай годнасці. ⁴ ахутаѣся. ⁵ раніцай ударыѣ сякерамі. У тэксце Мусіна-Пушкіна і ѣ архіѣнай копіі «Слова»: «утрѣ же возни стрикусы». ⁶ мястэчка каля Ноўгарада. ⁷ да пеўняѣ. ⁸ богу сонца. ⁹ у храбрым. ¹⁰ мудры. ¹¹ разумнаму. ¹² князя Уладзіміра, які памѣр у 1015 г. ¹³ зноѣ намѣк на княжаскія раздоры.

нѣ розно ся¹ им хоботы² па-
шут, копна поют³.

На Дунаи⁴ Ярославнын
глас ся⁵ слышит; зегзицею⁶
незнаема⁷ рано кычеть⁸. «По-
лечю, — рече, — зегзицею по
Дунаеви, омочю бибрян⁹ рукав
в Каялѣ рѣцѣ, утру князю кро-
вавыя его раны на жестоцѣм¹⁰
его тѣлѣ!»

Ярославна рано плачет в
Путивлѣ на забралѣ, арку-
чи¹¹: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Че-
му, господине, насильно вѣ-
ши? Чему мычеши хиновскыя
стрѣлки на своею нетрудною
крылцо¹² на моея лады вои?
Мало ли ти бѣшет горѣ¹³ под
облаки вѣяти, лелѣючи кораб-
ли на синѣ морѣ? Чему, госпо-
дине, мое веселіе по ковылю
развѣя?» Ярославна рано
плачет Путивлю городу на за-
боролѣ, аркучи: «О Днепре
Славутицю!¹⁴ Ты пробил еси
каменныя горы¹⁵ сквозѣ землю
Половецкую; ты лелѣял еси на
себѣ Святослави насады¹⁶ до
плѣку Кобякова¹⁷; възлелѣй,
господине, мою ладу къ мнѣ,
абых не слала к нему слез на
море рано». Ярославна рано
плачет в Путивлѣ на забралѣ,
аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое
слѣнце! Всѣм тепло и красно
еси! Чему, господине, простре
горячюю свою лучю на ладѣ
вои, в полѣ безводиѣ жаждею

а другія — Давыдавы, але
хобаты іх паасобку калы-
шуца.

Пяюць дзіды на Дунаі.
Яраслаўны голас чуецца. Бес-
прыпыннаю зязюляй раным-
рана галосіць: «Паляту, кажа
так, па Дунаю зязюляй, абма-
чу рукаво бабровае ў Каяле
рацэ, абатру князю раны яго
на магутным на целе яго».

Яраслаўна зрання плача ў
Пуціўлі на сцяне, наракаючы:
«О вецер, вятрыска! Чаму ты
насільна так вееш? Чаму ім-
чыш ханскія стрэлы на лё-
ганькім крыллі сваім ды на
вояў мужа майго? Ці ж
веяць мала табе ўгары пад аб-
локі, лялеючы ў моры сінім
караблі? Чаму ты вясѣласць
маю па кавылі развееў?»

Яраслаўна зрання плача ў
Пуціўлі горадзе на сцяне, на-
ракаючы: «О Днепру Славу-
цічу! Горы каменныя ты пера-
сек скрозь зямлі Палавецкае;
чоўны лялеяў ты на сабе Свя-
таслаўлевы к войску Кабяка-
ву. Прылялей жа й мужа май-
го да мяне, каб рана я слѣз
не ссылала на мора к яму!»

Яраслаўна зрання плача ў
Пуціўлі на сцяне, наракаючы:
«О светлае сонца, прасветлае!
Усім ты нясеш і цяпло і кра-
су. Нашто ж нанясло ты свой
промень гарачы на вояў тых
мужа майго? Па полі бязвод-

¹ У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» гэта месца чытаецца: «рози нося». ² бунчукі. ³ У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі чытаецца: «копія поют на Дунаи». ⁴ «На Дунаи» — звычайны эпічны зварот ужыты для азна-
чэння месца, дзе адбываецца дзеянне. ⁵ У тэксце Мусіна-Пушкіна «ся» адсутнічае.
⁶ зязюляю. ⁷ У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» «незнаемь». ⁸ кукус.
⁹ бабровы. ¹⁰ магутным. ¹¹ галосычы. ¹² на лёгкіх крылах. ¹³ угоры. У тэксце Мусіна-
Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова»: «гор». ¹⁴ старая назва Дняпра. ¹⁵ гутарка ідзе
пра дняпроўскія парогі. ¹⁶ судны, чаўны. ¹⁷ намёк на шчаслівы паход князя Свята-
слава супроць полаўцаў у 1184 г.

им лучи съпряже, тугою им тули затче?»¹

Прысну² море полунощи; идут сморци³ мъглами. Игоревн князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спит. Игорь бдит. Игорь мыслию поля мѣрит от великаго Дону до малаго Донца.

Комонь в полуночи Овлур⁴ свисну за рѣкою; велит князю разумѣти. Князю Игорю не быть!⁵ Кликну; стукну земля, въшумѣ трава, вежи⁶ ся половецкии подвизашася.

А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и бѣлым гоголем на воду. Въврѣже ся на брѣз комонь и скочи с него бусым⁷ влъком, и потече к лугу Донца, и полетѣ соколом под мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ.

Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влур влъком потече, труся собою студеную росу: претрѣгоста⁸ бо своя брѣзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!»

Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънах, стлавшу ему

ным ім смагаю луки звяло, а ўтулы тугой ім заткала!»

Прыснула мора з поўначы, смерчы імгламі ідуць. Князю Ігару бог знача дарогу з зямлі Палавецкай на Рускую зямлю дзе бацькаў пасады яго ждзэ.

Патухла вячэрняя зорка. Ігар спіць, Ігар вока не зводзіць. Ігар думкаю мерае поле ад Дона вялікага к малому Данцу.

Апоўначы свіснуў Аўлур за ракою каню, разумеці загадвае князю. А князя Ігара няма! Клікнуў — дрыгнула зямля, зашумела трава, палавецкія вежы ўспужаліся.

А князь Ігар к трыснягу горнастаем панёсся і гоголем белым паймчаўся к вадзе. На быстрага рынуў каня, саскочыў з яго босым воўкам, к лугу Данца пакаціўся і паляцеў сокалам пад імгламі, забіваючы гусі і лебедзі к снаданню, полудню і вячэры.

Як Ігар паляцеў сокалам, тады воўкам Аўлур пакаціўся, абіваючы росы сабою сцюдзёныя: падарвалі бо коней сваіх быстраногіх.

І кажа рака Данец: «Княжа Ігару! Не мала вялічча табе, Канчаку дакукі, а радасці Рускай зямлі!»

А князь Ігар кажа: «О Доньча! Не мала вялічча табе, што лялеяў ты князя на хвалях і

¹ у стэпе бязводным смагаю лукі ім спрэгла, тугою ім калчаны заткнула, г. зн. воіны ад смагі не могуць страляць. ² усхвалявалася, забурліла. ³ смерчы. ⁴ палаўчанін, які садзейнічаў пабегу князя Ігара з палавецкага палону і сам уцякаў разам з ім. У летапісу гэты палаўчанін называецца Лаворам. ⁵ Няма князя Ігара! ⁶ шатры, палаткі. ⁷ сівым, шэрым. У тэксе Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» стаіць: «босым». Я. Купала таму ў сваім перакладзе і ўжыў такі выраз: «босым воўкам» замест патрэбнага выразу: «шэрым воўкам». ⁸ падарваў, перагнаў каня быстраю яздою.

зелѣну траву на своих серебряных брѣвѣх, одѣвавшу его теплыми мѣглами под сѣнию¹ зелѣну древу; стрежаше его гоголем на водѣ, чайцами на струях, чрѣндьми² на ветрѣх!³ Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы⁴, рострепа к усту⁵, уношу князю Ростиславу⁶ затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою к земли прѣклонилося».

А не сорокы встрокоташа⁷: на слѣду Игоревѣ ѣздит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть⁸, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, по лозню⁹ ползаша только; дятлове тектом¹⁰ путь к рѣцѣ кажут, соловии веселыми пѣснями свѣт повѣдают.

Млѣвит Гзак Кончакови: «Аже сокол¹¹ к гнѣзду летит, соколича¹² рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами».

Рече Кончак ко Гзѣ: «Аже сокол к гнѣзду летит а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею»¹³.

И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то

злѣную траву яму надсѣлаю на сваих берагах сребраных, адзяваючы цѣплыми ймглами яго пад ценом злѣнага дзерава, і сцярог на вадзе яго гоголем, чайками на ручаях, чарнедзямі на ветрах. Не такая, кажа, рака Стугна. Маючы вузкі працѣк, праглынуўшы чужыя ручаі й распасцѣршы хвалі к утоку, князю Расциславу маладому берагам цемным Дняпро зачыніла. Плачацца маці Расцислаўля па сваім маладым князю Расцислаўлю. Кветкі жальбою занылі, а дрэва з тугою к зямлі накла-нілася».

Не сарокі так застракаталі: гэта едзе Ігаравым следам Гза з Канчаком. І тады груганы не закрумкалі, галкі замоўклі, сарокі не стракаталі, палозах паўзлі толькі. А дзятлы тукатам к рѣццы шлях паказваюць, салавейкі вясёлымі песнямі раніцу згадваюць.

І гаворыць Гза Канчаку: «Калі сокол ляціць да гнязда, мы застрэлім саколіча стрэламі сваймі залатымі!»

А Канчак Гзе адказвае: «Калі сокол ляціць да гнязда, мы сакольца апутаем красною дэвай!»

А Гза кажа Канчаку: «Калі мы яго дэваю краснай апутаем, мець не будзема мы ні саколіча, ані краснае дэвы, ды

¹ шатром. ² чорная чубатая качка. ³ у выразе: «чайцами на струях, чрѣндьми на ветрѣх» Пацябня прапанаваў у свой час зрабіць перастаноўку: «чрѣндьми на струях, чайцами на ветрѣх», бо плавае па вадзе чэрндзь — качка, а чайка, лятаючы над вадой, толькі датыкаецца крылом да паверхні вады. ⁴ прытокі. ⁵ пашыраная к вусцю. ⁶ Малады князь Расцислаў Усеваладавіч утаніўся ў 1093 г., калі ратаваўся ад палавецкай пагоні. ⁷ застракаталі. ⁸ не каркалі. ⁹ па галінках. ¹⁰ стукам. ¹¹ менавіта, князь Ігар. ¹² Уладзімір, сын князя Ігара. ¹³ Параўнай гэта месца «Слова» з Іпатаўскім летапісам, дзе паведамляецца: «Тогда же приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемъ» (стар. 659).

почнут наю птици бити в полѣ Половецком».

Рек Боян и ходы на Святъславля пѣснотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти¹: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской земли без Игоря. Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорь князь в Руской земли. Дѣвици поют на Дунаи, выютя голоси чрез море до Києва. Игорь ѣдет по Боричеву² к святѣй богородици Пирогощей³. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старым князем, а потом молодым пѣти. Слава Игорю Святъславличю⁴, буйтуру Всеволоду⁵, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки! Князем слава а⁶ дружинѣ. Аминь.

пачнуць нас тады біці птахі ў полі Палавецкім!»

І сказаў Баян аб днях Святаслаўлевых, Баян-песнятворца далёкага часу, Ярославля, Алегавы: «Княжа! Хоць і цяжка табе, галаве, без плячэй, але трудна табе, целу, без галавы!»

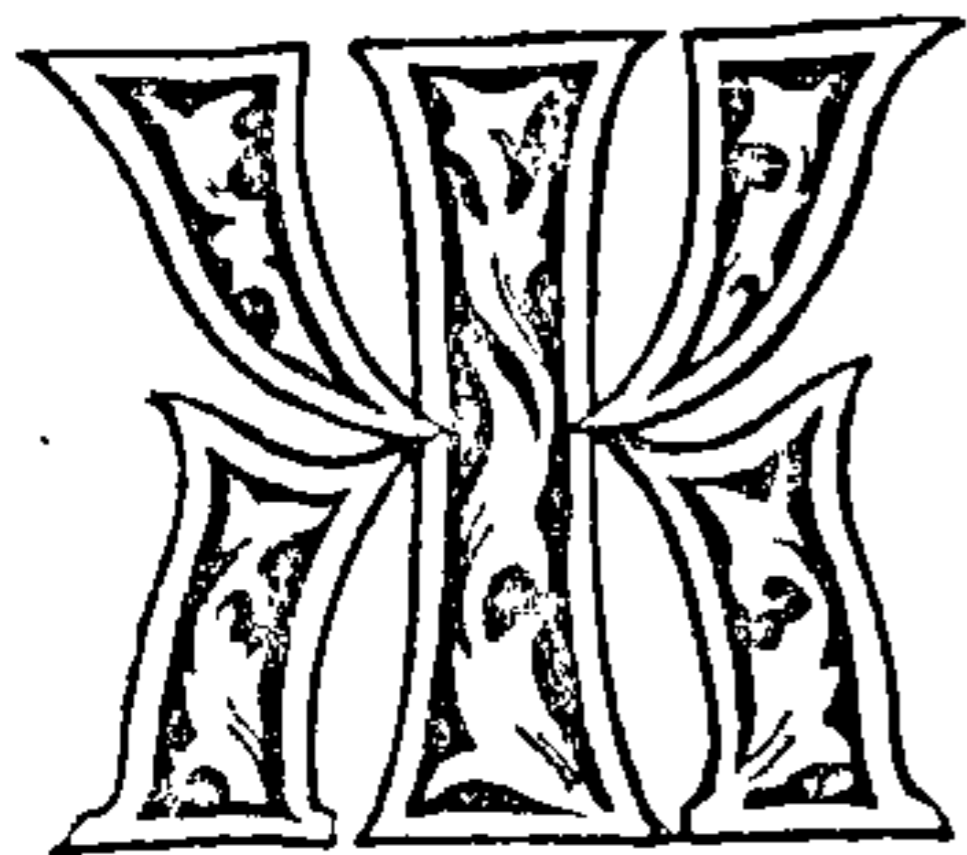
Так і Рускай зямлі без Ігара. Сонца свеціцца на небе, Ігар князь — на Рускай зямлі. Пяюць дзевы на Дунаі, галасы плывуць праз мора і да Києва. Ігар едзе па Барычаву да святога багародзіцы Пірагошчай. Рады староны, весялы гарады.

Спяюшы песню старым князям, а пасля маладым пяяці: «Слава Ігару Святаслаўлічу, буйтуру Усеваладу, Уладзіміру Ігаравічу! Здраоўя князям і дружыне, выступаючым за хрысціян на войска паганых! Слава князям і дружыне!» Аминь.

¹ Сапсаванае месца ў тэксце «Слова». Многія спробы растлумачыць яго не далі яшчэ станоўчага выніку. ² па Барычаву тракту, большаку. ³ царква, заснаваная князем Мсціславам у 1131 г. і названа так па той прычыне, што ў ёй знаходзілася «пирогощая» (г. зн. баштавая) ікона багародзіцы, якую прывезлі з Канстанцінопаля.

⁴ У тэксце Мусіна-Пушкіна: «Святаславлича», а ў архіўнай копіі: «Святаславличь».

⁵ У тэксце Мусіна-Пушкіна: «Всеволодѣ», а ў архіўнай копіі: «Всеволоде». ⁶ і.

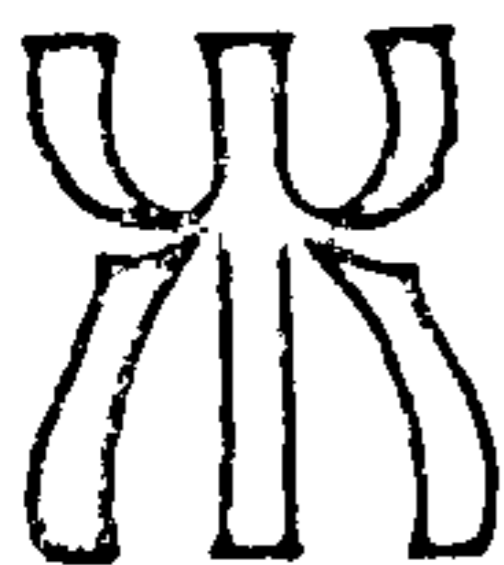

ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА

Жанр жыція як жанр царкоўна-дыдактычнай літаратуры ўзнік у старажытныя часы і ўжо ў перыяд Кіеўскай Русі быў прадстаўлен вялікай колькасцю як перакладных, так і арыгінальных твораў, якія ўзніклі пад непасрэдным уплывам тагачаснай палітычнай рэчаіснасці. Жыццё было адным з папулярных жанраў старажытнай літаратуры. Гэтым і тлумачыцца наяўнасць вялікай колькасці дайшоўшых да нас твораў гэтага жанра.

Жыццёвая літаратура бурна развівалася і тады, калі Кіеўская Русь распалася на рад самастойных феадальных княстваў. Не выпадкова, што жыццёвая літаратура атрымала шырокае распаўсюджанне ва ўсіх княствах, якія раней уваходзілі ў склад Кіеўскай Русі, у тым ліку і на тэрыторыі княстваў сучаснай Беларусі.

На тэрыторыі Беларусі XIV—XVII ст. ст. апрача перакладной і агульна-рускай жыццёвай літаратуры, атрыманай у спадчыну ад Кіеўскай Русі, узніклі і бытавалі жыцці, напісаныя на мясцовым матэрыяле. Аб колькасці твораў жыццёвай літаратуры, якія былі распаўсюджаны ў Беларусі таго часу, сведчаць дайшоўшыя да нас розныя зборнікі жыццёў¹. У гэтых зборніках большай часткай змешчаны жыцці, якія прадстаўляюць сабою толькі спісы старажытна-рускіх арыгіналаў з адметнымі рысамі беларусізмаў у арфаграфіі і лексіцы. Але сярод іх сустракаюцца і арыгінальныя жыцці і такія жыцці, якія так пераапрацаваны на беларускай глебе, што ўяўляюць сабою зусім новую, адметную ад арыгінала, беларускую рэдакцыю. Прыкладам такой творчай перапрацоўкі аднаго з найбольш папулярных у старажытнасці жыццёў з'яўляецца жыццё Аляксея, чалавека божага, якое пададзена ў хрэстаматы ў раздзеле перакладной літаратуры. З арыгінальных жыццёў, якія ўзніклі на тэрыторыі Беларусі і прысвечаны апісанню жыцця і дзейнасці пэўных гістарычных асоб тагачаснай Беларусі, у гэтым раздзеле хрэстаматы падаюцца жыццё Ефрасіні Полацкай і ўрыўкі з тэксту жыцця Аўраамія Смаленскага.

ЖЫЦЦЕ ЕФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ

Жыццё Ефрасіні Полацкай, як і рад іншых жыццёў, было папулярным жыццём яшчэ ў перыяд Кіеўскай Русі. Захавалася яно да нашага часу ў некалькіх спісках. Самы старэйшы з вядомых нам спіскаў гэтага жыцця адносіцца да XIV ст.

Жыццё Ефрасіні Полацкай — адно з нямногіх жыццёў агульна-рускага перыяду ў літаратуры, у якім падаецца вобраз жанчыны-падзвіжніцы. Толькі назней, пачынаючы ўжо з XVI ст., складаліся жыцці пачынаюць усё часцей

¹ Е. Ф. Карскі. Белорусы, т. III, выд. 2, стар. 43—45.

і часцей уводзіць вобраз жанчыны ў гэты жанр літаратуры. Да гэтага ж часу гісторыі літаратуры вядомы толькі тры жыцці, якія прысвечаны жанчынам: жыццё Вольгі, княгіні кіеўскай, жыццё Ефрасініі Суздальскай і жыццё Ефрасініі Полацкай.

Ефрасінія Полацкая з'яўлялася адной з наследніц полацкай княжацкай дынастыі: яна даводзілася ўнучкай славутому полацкаму князю Усяславу Брачыславічу, аб якім упамінаецца ў «Слове аб палку Ігаравым». Бацька яе, Святаслаў-Георгій, быў меншым з сямі сыноў Усяслава Брачыславіча. У юнацтве Ефрасінія, не жадаючы выходзіць замуж, пастрыглася ў манастыр і з дазволу полацкага епіскапа пасялілася ў келлі Сафійскага сабора, дзе вяла пустэльніцкі вобраз жыцця. Там яна займалася перапіскай богаслужбовых кніг. Пазней заснавала свой жаночы манастыр, у які пастрыглася яе меншая родная сястра Градыслава і дваюрадная сястра Звяніслава. Ефрасінія, будучы ігуменняю манастыра, пабудавала на ўласныя сродкі дзве каменныя царквы: царкву Спаса, у пабудове якой ёй дапамагаў сродкамі яе бацька, і царкву Богамацеры. Абедзве царквы былі багата аздоблены. Тут, у царкве Спаса, яна палажыла дарагія напрыстольны крыж, зроблены з золата, срэбра і інкруставаны жэмчугам, а для другой царквы выпісала з Усходу славутую Эфескую ікону божай мацеры. Пад канец свайго жыцця яна адправілася ў падарожжа ў Іерусалім, дзе і памерла 23 мая 1173 г. Там, у Іерусаліме, згодна з яе жаданнем, яна была пахавана ў манастыры прападобнага Феадосія. Пазней, калі ў 1187 г. Саладзін рыхтаваўся захапіць Іерусалім, яе мошчы былі перанесены ў Кіеўскія пяхоры, а ў пачатку XX ст. іх перавезлі ў Полацк.

Час напісання жыцця Ефрасініі Полацкай дакладна вызначыць немагчыма, але жывасць апавядання, шматлікасць біяграфічных рысаў і наяўнасць вялікай колькасці славянізмаў у мове старэйшага з дайшоўшых да нас спіскаў гэтага жыцця даюць падставу меркаваць, што ў пісца гэтага спіска ў якасці першакрыніцы, з якой ён спісаў тэкст жыцця, было жыццё больш старэйшае па часу свайго напісання. Гэта меркаванне падмацоўваецца і наяўнасцю ў старэйшым з вядомых нам спіскаў такіх незразумелых месц, якія можна растлумачыць толькі тым, што перапісчык жыцця няўважліва капіраваў арыгінал, з якога рабіў свой спіс.

Змешчанае ў хрэстаматыі жыццё Ефрасініі Полацкай друкуецца ўпершыню па рукапіснаму спіску XIV ст. Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (гл. Погодин, 869, Сборник, лл. 318об. — 332).

Месяца майя в 23 день

ЖИТИЕ БЛАЖЕНЬЯ ЕУФРОСИНИИ, ИГУМЕНИИ ВСЕДРЪЖИТЕЛЯ СВЯТАГО СПАСА ВО ГРАДЪ В ПОЛОДСЦЪ.

Г

осподи, благослови!

Благословен господь бог Израилев, бог Аврамов, бог Исаков, бог Ияковль. Нѣсть бог мертвых, но живых.

Праведнии бо по смерти живи суть, яко же Соломан¹ во притчах глаголетъ: «Праведници в вѣки живутъ; от господя мзда их и строение от вышняго. Сего ради примут венець из руки господня».

Яко же и бысть, еже наперед идущее скажем, о сих же сице² скажем. Сидѣтеся суции в пустынях и в горах, житие ангелское имуще, старии немощь отложивше, а юнии, яко елени скачюще! Сидитесь вси: хощу бо вам представити трапезу от брашен³ сих, да, ядше, возвеселимся душами вашими! Се бо есть трапезѣ за

¹ мудры ізраільскі цар. ² так. ³ мучная страва. Тут ужыта ў сэнсе «духоўная ежа».

нетлѣющих брашен, иже гортаиъ наслажають и чрево насыщають, а си душа веселящися, а ум укрѣпляющи на подвигы добрых дѣл. Сиа бо яднаще кто — насытится, не вжадает во вѣкы, яже реченно в писанни: «Не заморить господь голодом душа праведных».

Мы же напред лѣжащее возвратимся. О нем же начахом повесть сию. Вы же послушайте блазии¹, или князи или бояри, церковници, вы, честнии собори святых, сущих в монастырѣх, и прости людие. Сидитесь на новое слышание! Послушайте прилѣжно! Отврѣзше ушеса своя и умякчивши нивы сердец ваших, приймете мно(го) спасенаго житя и послушайте жены сея преподобныя святыя подвигы и труды и любовь яже к богу. Иже предпоидуше скажем, како родися, или от ких родитель, или како воспитася, или како возрасте, в кою ли мѣру потече² вослѣд жениха своего Христа, и о той инде³ скажем, а о сих сиче есть по ряду.

Бысть князь в Полотсцѣ градѣ именованъ Всеслав⁴. И тѣм имѣяше сыны многы. И бѣаше у него сын именованъ Георгий⁵. От него же родися си блаженная отроковица. Родителя же ея возрадоваста ся о рожествѣ⁶ ея со всѣм домом своим. По днѣх тѣх повелѣста ю⁷ крестити. Крестиша ю во имя отца и сына и святого духа. И питома бѣаше доилицею⁸ своею, день от дни растяше. Отроковица, тѣло млеко питаемо, растяше, а душа святого духа наполняшеся.

(С)лучи⁹ же ся девици деснаго¹⁰ естества плод милостивый и толми¹¹ бысть любящи учение. Вѣсти же разшедшися по всѣм градом о мудрости ея, и о блазем учении ея, и о телѣснѣй твари¹² ея, бѣаше бо лѣпа лицом. Красота же ея многы славныи ея князь на любовь приведе ко отцу ея, яко же пояти¹³ ю невѣсту за сын свои. И всѣм, часто присылающим ся за сын свои ко отцу ея, отець же отвѣщеваше к ним: «Воля господня да будет!»

Един же, преодолѣваше славным своим княжением и богатством, присла ко отцу ея и спрости дщерь его за сын свой.

И пришедши ей возраст, и бысть 12 лѣт. И видѣв отець ея нача глаголяти княгинѣ своей: «Нама¹⁴ уже лѣпо дати за Предислава князя»¹⁵. Она же глагола ему тако: «Бог хоцет и твоя, княже, воля тако будет».

Тогда слышавши Предислава — тако бо бѣаше ей наречено имя родителема своима преже святого крещенна — расмышляша же в себѣ, глаголющи: «Паче же реку от святого духа...» Наполнишишь мысли ея и рече в себѣ: «Воли како се будет, оже отець мой мыслить причтати мя мужеви¹⁶, то аще¹⁷ тако будет, то печаль мира сего не гоньзнути¹⁸ ни како же лзѣ»¹⁹. Паки в себѣ рече: «Но что успѣша²⁰ при нас бывшии родове наши? И женишася, и посягоша²¹, и княжиша, но не вѣчноваша. И житие их мимо тече.

¹ добрыя. ² рушылася. ³ у иномъ мѣстѣ. ⁴ полацкі князь да 1101 г. Аб ім гаворыцца ў «Слове аб палку Ігаравым», што ён «сам в ночь влѣком рыскаше», дамагаўся Кіева і адкрываў вароты Поўгарада. ⁵ яго сын з язычаскім імем Святаслаў. ⁶ нараджэнню. ⁷ яе. ⁸ карміцелька. ⁹ у рукапісе слова «лучи» — «здарылася». ¹⁰ правага, справядлівага. ¹¹ так. ¹² краса. ¹³ узяць. ¹⁴ нам. ¹⁵ лепш нам аддаць Прадыславу замуж за князя. ¹⁶ аддаць замуж. ¹⁷ калі. ¹⁸ пазбавіцца. ¹⁹ магчыма. ²⁰ дасягнулі. ²¹ выходзіць замуж.

Слава их погыбе, яко прах, и хужьши паучины. А иже прежнии жены, взяше мужескую крѣпость и поидоша вослѣд жениха своего Христа, предаша телѣса своя на раны и главы своя мечеви. А другыя паче желѣзу вы¹ своя не преклониша, но духовным мечем отсѣкоша от себѣ плотския сласти, и предаша телѣса своя на пост и на бдѣние², и колѣнное поклоняние, и на земли легание; то ти³ суть памятни на земли. А имена их написана суть на небѣсах и тако со ангелы безпрестани славятъ бога. А си⁴ слава есть прах и пепел, яко дым разыйдется, яко пара водная погыбает».

И тако ей помышляючи в сердцы своем, а ум ея болѣ на божию любовь подвизашеся⁵. И единою положишь на сердци ея таково помышление, рече бо в себѣ: «Не се ли бы лучеши⁶ всего житиа сего было, да бых ся постригла в черници⁷? И была бых подигуменьею⁸, повинующися сестрам и учащися, како страх божий утвердити во сердцы своем, и како течение скончати»⁹. И се на умѣ положивши, иде в монастырь, утаившися отца и матери и всѣх домашних.

В та же лѣта бяша кня(г)ини Романова¹⁰ черница. И прииде к той, просящи ангельскаго образа приати и причтати¹¹ ся ту сущим черноризицам и быти под игом Христовым. Видѣвши же она, блаженная, уность¹² ея и возраст цвѣтущи от нея, и не хотящи острищи ея, и смятеся¹³, и нача тѣлом утѣрпати¹⁴, и сердцем ужасатись, и лицѣ на землю преклонивше на долг час ничющи¹⁵. Восклонившися и възрѣвши на уность ея, и воздохнувши, и прослезившися, глагола к ней: «Чадо мое! Како могу се сотворити? Отець твой, увѣдав, со всяцѣм гнѣвом возложить вред на голову мою. А еще юна еси возрастом. Не можеша понести тяготы мнишескаго¹⁶ житиа. И како можеша оставити княжение и славу мира сего?»

Отвѣщавши же блаженная отроковица и рече ей: «Боже и мати¹⁷! Вся видимая мира сего и красная суть и славна, но воскорѣ минует, яко сон, яко цвѣт увѣдает. Вѣчная же и невидимая во вѣкы пребываютъ, яко же писание глаголетъ: «Ни око видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце чловѣку не въздѣ, яже бог уготова любящим его». Или отца моего ради нехощеши мя острищи? Не бойся, госпоже моя, того. Но бойся господя, владеющаго всею тварию, и не отлучи мене ангельскаго образа!»

Она же, блаженная княгини, удивившися разуму отроковица и любви яже к богу, повелѣ волѣ ея быти. И огласив ю ерѣи¹⁸. И остриже ю. И нарече имя ей Ефросиния. И облече ю в черныя ризы¹⁹. И благослови ю игумения благословением святых отецъ. И рече ей: «Буди, чадо, послѣдствующи²⁰ преже тебѣ бывших жен,

¹ шыя. ² бяссонныя нocy. ³ тыя. ⁴ гэта. ⁵ схіляўся. ⁶ лепей. ⁷ манашка. ⁸ намесница ігуменні. ⁹ закончыць жыццё. ¹⁰ жонка яе дзядзькі Рамана Усяславіча, памёршага ў 1116 г., была ў той час ігуменняю манастыра. ¹¹ залічыць. ¹² юнацтва. ¹³ разгубілася. ¹⁴ слабець, пакутаваць. ¹⁵ схіляць твар да падлогі. ¹⁶ манашскага. ¹⁷ па другому спіску жыція гэта месца чытаецца: «Госпоже и мати». ¹⁸ манастырскіму папу. ¹⁹ адзенне. ²⁰ паслядоўніцай, дастойнай прыкладу.

рекше¹ Февронии² и Еупраксии³ и иных множество, яже Христа ради пострадаша! Господь бог даст ти⁴ силу и побѣду на супротивника⁵ нашего дьявола». И то рекши, отпусти ю в келию свою.

И увѣдав отецъ ея, скоро шед в монастырь. Жалостно терзаше власы главы своея и любѣзнѣ целоваше ю, глаголя: «Горѣ мнѣ, чадо мое! По что се сотворила еси, печаль души моеѣ принесе? По что ми⁶ прежде сего мысли своея не явила еси? Люте мнѣ, чадо мое сладкое, жалости сердца моего! О горѣ мнѣ, чадо мое милое! Какое гонѣзнетъ доброта твоя вражне пронырѣство? Уже достоин ми плакаться острупленою душею ко господу богу моему, да виидеши в черѣтог царства его!»

Жалость же бысть всѣм в дому его о ней. Преподобная же Еуфросинья сего всего не брежаше⁷ жалости отца своего. Но, яко добрый Храбор, вооружившись на супротивника своего, дьявола, пребываше в монастыри, и повинующись игуменни и сестрам всѣм, и вся преспѣваючи постом, молитвами и бдѣнием ношным. И оттолѣ начат подвижнѣйши быти, собираючи благыя мысли в сердци своем, яко пчела сот.

Иже пребывши нѣколько врѣмя в монастыри, и потом испроси тогда сущаго епископа, нарѣцаемаго Ильи, правящаго⁸ стол святыя Софѣи в Полотстѣ, дабы ей повѣлел ту пребыти — во церкви святыя Софѣи и каменная, в голубници. И повелѣ ей да пребывает. И ту, въшедши, нача подвижнѣйши подвиг постнически восприимати. И нача книги писати своими руками. И наем емлюще требующим даяше.

Пребываючи ту нѣколько врѣмя, во ину убо нощь возлещи хотящи отпочити от многаго стоянна яже к богу в молитвах, и видѣ видѣние. Поим⁹ ю ангел и ведѣ ю, идѣ же бѣ церкви святого Спаса мѣтохиа¹⁰ святѣй Софѣи, яже зовется Селцѣ от людей. И ту показа ей ангел господень, и глаголя Еуфросинии: «Ту ти подобает быти!» Она же убо удившися. И дивляшеся в себѣ глаголющи: «Что се хочет ми быти!» Той же нощи видѣ дважды и трижды. Возбуждшися от сна, и страхом славословящи бога и глаголющи: «Слава тебѣ, боже нашъ! Слава тебѣ, сподобивый¹¹ мя во днешний день видѣти ангельское лицѣ святое!» И потом нача псалом глаголяти: «Готово сердце мое, боже! Готово сердце мое! И паки к тебѣ привергохся¹² от утробы матери моея, бог мой еси ты! Яко восхотѣ, тако и сотвори на мнѣ, рабѣ твоеѣ».

И кончавши ей утрення¹³, явился еписколу Ильи. Той же ангел, глаголя: «Введи рабу божию Еуфросинию в церковь святому Спасу, на рекомое Селцѣ! Мѣсто бо то святое есть. Яко достойна есть царствню небесному, и, яко миро добровонно, молитва ея восходит

¹ менавіта. ² Фяўроння, жонка мурамскага князя Пятра, выдзялялася, паводле апо-весці, сваёю мудрасцю і набожнасцю. ³ Яўпраксія — жонка разанскага князя Фёдара Юр'евіча, забітага Батыем у 1236 г. ⁴ табе. ⁵ ворага. ⁶ мне. ⁷ не звярнула ўвагі. ⁸ назначанага кіраваць. ⁹ узяў. ¹⁰ месца, на якім знаходзілася раней царква. ¹¹ удастоіў. ¹² прыхілілася. ¹³ Давальны самастойны: «калі яна закончыла ранішняю малітву».

к богу. Яко венець на главѣ церквѣ, тако почивает дух святыи на ней. Яко солнце снает по всей земли, тако и житие ея сияет пред ангелы божиими».

И въстав епископ въскорѣ страхом и трепетом обдержим. И прииде же к ней. Еуфросинна же, видѣвши епископа, и поклонися ему, глаголящи: «Благослови, владыко святы!» Он же глагола: «Бог да благословит тя, чадо, и дасть ти трѣпѣние и силу на всѣх вразѣх, видѣмых и невидѣмых». Она же, поклонившися, рече: «Аминь. Буди мнѣ по глаголу, владыко, твоему святыи».

Сѣдоста отврѣзже блаженный архиепископ уста своя, нача бѣсѣдовати к ней о спасении души. Блаженная ж Еуфросинна приимаше словеса его, яко сѣмена в житницу душа своя, ово 30, ово 60, ово 100. Много же бѣсѣдоваста с нею, и се прочее рече ей души: «Хощу ти прорещи слово, ты ж с любовию примай!»

Она же рече рада: «Отче преподобныи, прииму слово твое, яко дар многоцѣнный!» Глаголет ей епископ: «Вѣдаеши, чадо, се церковь есть соборная, идѣ же сѣдиши? Ту вси человеци собираются. А тебѣ, чадо, не лѣпо было zde пребывати! То се есть церковца святого Спаса в Сельце, идѣ же братиа наша лежать, преже нас бывшая епископи. Негли¹ бог посѣтитъ молитвами их и твоим трудом возградить мѣсто велико!»

Еуфросинна же, слышавши то от епископа, яко тако ей изглагола, и возрадовася душею и возвеселися сердцем. И явлению ангелову вѣру приемши, еже видѣ и слыша от него, и глагола епископу: «Бог да ми поспѣшит, отче, молитвами твоими святыми!»

Призва же епископ князя Бориса², стрыя³ ея, и отца ея Георгия, и преподобную Ефросинию, и сильныя честныя мужа и постави. А сам на себя послухи⁴ рече: «Се отдаю мѣсто святого Спаса Еуфросинии при вас. Да по моем животѣ никто же да не посудить⁵ моего данна». И се слышавше князя оба и боярѣ от епископа и поклониста ся ему, глаголюще тако: «Ей! Владыко святыи! Се ти есть бог положил на сердци твоем, иже еси сицѣ смыслил отроковицѣ сей и попечение о ней». Еуфросинии же рекоша: «А ты иди послушай епископа! Еже ти велить, тако сотвори. Той есть отец всѣм нам. Нам подобает того послушати». Еуфросинна, яже слышавши и возрѣвши на ня ослабленным⁶ лицѣм, рече им рада: «Иду. Яко бог повелит ми, тако и будетъ. Воля господня да будетъ о мнѣ!»

Князи же и бояри, слышавши от преподобныя Еуфросинии глагол сы, возрадовашася. Приемши благословение от епископа, и поклонившеся преподобной Еуфросинии, и цѣловавше ю любезным цѣлованием, и ехаша в дома своя.

Еуфросинна же, поклонившися святыи Софьи и благословившися от епископа, и той ноци воставши и поимше с собою едину черницу, и прииде на мѣсто, зовемое Сельце, иже есть церковца святого

¹ няхай. ² Барыс Усяславич — полацкі князь з 1119 да 1128 гг. ³ дзядзьку. ⁴ падпарадкаванне. ⁵ не адменіць. ⁶ лагодным.

Спаса. И влѣзши ей в церковь, и поклонившись, и возгласи сице: «Ты, господи, заповѣда своим апостолом, рек: «Не носите с собою ничто же, токмо жезл един!» Аз ¹ же твоему словеси послѣдствующи изыдох на мѣсто се ничто же имущи носящи, но точию ² твое слово в себѣ имущи, еже рѣши,— господи, помилуй! И еще же за все имѣние имѣю книги сея. Ими же утѣшает ми ся душа и сердце веселится. Лише ³ же сих трех хлѣбов, не имѣю ничто же, но токмо тебѣ, помощника и заступника и кормителя. Ты бо еси: отець убогим, нагим одѣяние, обидѣмым помощник, ненадѣющимся надѣяние. И буди имя твое благословено на рабѣ твоей Ефросинии отнынѣ и до вѣка! Аминь».

И так рѣкши, нача подвижнѣйши быти на молитву яже к богу. И ту ей пребывающи неколико врѣмя. Тогда посла ко отцу своему, глаголющи: «Пусти ко мнѣ сестру Городиславу, и — тако бо ю бѣста нарѣкла родителя — да научится грамотѣ». Он же посла к ней. Еуфросиния же со прилѣжаніем учаше о спасении души, а она с прилѣжаніем учаше и принимаше, яко нива плодovitа, умякчивши сердце свое. И глаголаше: «Господь бог устроит ми на спасение души моей, и твоими, госпоже, святыми молитвами!» И се ей рѣкши, преподобная же Еуфросиния, введши ю в церковцю, и повелѣ ю ерѣви, огласивши, облещи в черныя ризы, и нарече имя ей Еудоксѣя.

И по малѣх днех присла отець к ней: «И уже сестру свою Городиславу пусти ко мнѣ». Она же рече: «Еще не извыче ⁴ всей грамотѣ». И увѣда же отець ея, яко, утаившися его, остриже ю. И узьярився на преподобную Ефросинию, сердцем горя. И приеха к монастырю, глаголя: «Чадо мое милое, что се сотворила еси? Приложи сѣтование к сѣтованию души моей, и печаль к печали». Се ему глаголющую от горѣсти сердца своего, рѣками слезы точащу часто изливая от очию своею. Любезно дѣржа Евдокѣю рече: «Чадо мое, на се ли вас я родих? Или на се ли вас я милостиво спитала? ⁵ Ужели вам брак уготовах уже чертогы ⁶ брачныя, порта ⁷ ваю ⁸ на сѣтованию положих себѣ? Чадо мое милое! Что ми воздастѣ в радости мѣсто горька печали, наполниста сердце мое?»

И вси бояре его, слышавше жалость князя своего, и плакахуся горко о напрасней печали князя их.

Блаженная же Ефросиния отвѣщаваше отцу своему: «Что ради печалуешися нама? Имаевѣ бо печалника и помощника единого бога».

Отець же ея малу утѣху прим от преподобныя Еуфросинии и ѣха в дом свой. Еудокѣя же пребываше в монастыри, повинующи ся сестрѣ своей. Блаженная же Ефросиния трудом ⁹ многым молящися к богу о мѣстѣ том, дабы бог устроил ей сенѣ ¹⁰.

Колико врѣмя бѣяше, княжна Борисовна, именем Звенислава, пришедши единою от дни и принесе всю свою утварь златую и корты

¹ я. ² толькі. ³ апрача. ⁴ не вивучыла. ⁵ узгадаваў. ⁶ палацы. ⁷ дарасія ўбрашні. ⁸ вашы. ⁹ стараннем. ¹⁰ прытулак.

многоцѣнныя в монастырь ко Еуфросинии и рече: «О госпоже и сестро! Вся красная мира сего ни во что ж ми ся мнит. Се дасть святому Спасу, а сама хочу поклонити главу под иго Христово».

Она же приятю с радостию и повелѣ ерѣви острици ю и нарече имя ей Еупраксия¹. И тако начаста пребывати в монастырь во едину мысль, яже к богу в молитвах. И тако бѣше видѣти, яко единая душа во двою телѣсу. И потом блаженная Ефросиния заложи церковь камену святого Спаса². От начатка и³ устроена за 30 недель.

Не хочу вам, братие, чад сказати. Бѣ муж Иоан, приставник над дѣлатели церковными. К нему же многожды прихожаше, глагола: «Свитаючи дни⁴, — глаголя, — Иоане, востани поиди на дело вседръжителю Спасу!» И во един от дний востав, Иоан прииде ко блаженной Ефросинии и рече: «Ты ли, госпоже, присылаеши и понужаеши мя на дѣло?» Она же рече: «Ни». И пакы размысливши премудрая жена и рече ему: «Аще не аз тя возбужаю, а кто тя взывает на таково дѣло, того послуша, и прилѣжно со тщанием».

Пакы другое чадо скажу вам, добри послушници. Уже скончаннѣ бывшим плитом. Нѣчем бѣше вѣрха окончати. И поискавше не обрѣтоша ничто же. Печалующесь о том вздыхающе, и рече: «Слава тебѣ, владыко человеколюбче! Дарова нам болшая, дай нам и меншая, им же свершается церковь твоя!» И так ей помолившися, завтра же построению божию, обрѣтоша плиты в печи. И в том дни совершися церковь. И крест поставиша. Преподобная же Еуфросиния, видѣвши церковь соврѣшеную, возрадавася душою. И бысть священие и велиа⁵ радость всѣм крестьяном. И собращася князи и силнии мужи⁶, черноризици и черноризци, и простие людие. И бысть радость велиа. И праздноваша дни мнози. И разошася каждо во свояси.

Видѣвши же, яко исполни бог желание сердца ея, и вшедши в церковь, паде на земли ниць. И воздохнувши от сердца и от глубины душа и лице свое омочивши слезами, нача глаголати: «Ты, господи сердцевидче, благодетелю, боже, благы и милостивый! Господи, зри на храм свой, яже создах во имя твое! Яко же Соломон рече: «Вышній нерукотворенах церквах живет». Ты, господи, призри на мя, недостойную рабу твою Ефросинию, и на рабы твоя сиа, яже собрах во имя твое! Да приимеши иго твое легкое на выя своя и пуйдутъ во слѣд тебѣ! И сотвори аз овца двора твоего! Буди им пастырь и дверник! Да ни един от них не будетъ восхищен⁷ волком губителя дьявола! Буди им, господи, оружие и забрало⁸. Да не придетъ нань злой, ни рана не преступитъ к телесама нашим! Не погуби нас з безаконий нашими, на тя бо упование положих, яко ты еси бог, знающим тя, и тебѣ хвалу всылаю до последняго моего издыханна во вѣкы. Аминь».

¹ Гэта імя даецца на рукапісу XVII ст. У рукапісу XIV ст. яно чытаецца: «Еудоксѣя». ² Царква пабудавана каля 1160 г. На пабудову гэтай царквы ахвяраваў сродкі і бацька Ефрасініі Полацкай, у сувязі з гэтым і царква гэта пазней стала называцца Спас-Юр'еўскай. ³ яго. ⁴ наступнымі днямі. ⁵ вялікая. ⁶ баяры. ⁷ выкрадзен. ⁸ абарона.

Сестрѣ же учаще сице, глаголющи: «Се собрах вы, яко кокошь¹ птенца, под крыль свои и в паствину свою, яко овца. Да пасетесе в заповедѣхъ божиихъ! Да и азъ веселымъ сердцемъ подвизаюся учить васъ, видящи плоды ваша трудныя и толико дождь проливаю к вамъ, а нивы ваша во едину мѣру стоятъ не растуще, ни поступающѣ горѣ. А годъ приспѣваетъ свѣршению, и лопата на гумнѣ лежитъ. Но боюся, егда будетъ плен² в васъ. И предани будете огню негасимому. Подщитесе, чада моя, убѣжати того всего! Но сотворитеся пшеница и смелитесь в жерновахъ смиреніемъ, молитвами и постомъ, да хлѣбъ чистъ принесете ся на трапезу Христову».

Сице же ей учащи всегда, беспрестани, яко чадолюбивая дѣтемъ своимъ, любовь показующи.

Мы жъ, братіе, напредъ лѣжащее возвратимся. Видѣвши же преподобная Еуфросинія монастырь свой украшенъ, всего блага исполненъ, и умысли создати вторую церковь каменую же святѣй богородици³. И тую совершивши, иконома украсивъ и освятивши, дасть ю мнихомъ. И бысть монастырь великъ.

И видѣвши устроена два монастыря превелика зѣло и пребогата, и рече в себѣ: «Слава тебѣ, боже! Слава тебѣ, владыко! Благодарю тя, вышній! Что еси восхотѣла, то ми еси далъ. Скончалъ еси желание сердца моего, господи». И рече: «Помилуй мя, господи, даруй прошение мое да конца: да быхъ видѣла пречистую богородицу Одигитрию в сей церкви!»

И посла слугу своего Михаила в Царьградъ ко царю, нарицаемому Мануилу⁴, и к патриарху Луцѣ⁵ с дарами многоцѣнными, просящи от него святѣй богородици, еже бѣ евангелистъ Лука написалъ 3 иконы еще при животѣ святѣй богородици и постави: едину во Иерусалимѣ, другую во Цариграде, а третью во Ефесѣ. Она же со тѣнцаніемъ прошаше Ефѣскаю святѣй богородицу. Видѣвши же царь любовь яе посла ефесеномъ 100 оруженникъ своихъ и принесе святую богородицу в Царьградъ. Патриархъ Лука собра епископы и соборы вся во святую Софію и благослови ю, и дасть ю слугѣ преподобныя Еуфросиніи. Ю же с радостию приатъ и принесе госпоже своей Еуфросиніи. Она жъ, внесше в церковь святѣй богородици и постави ю⁶. И воздевши руцѣ, и рече: «Слава ти, господи! Слава тебѣ, еще реку! Слава тебѣ, владыко, сподобивый мя видѣти во днешній день образъ пречистыя матери твоея!» И се рекши, украси ю златомъ и каменіемъ многоцѣннымъ. И устави вся во вторникъ носити по святымъ церквамъ.

И украсивши всю землю Полодцюю (с)воимъ монастыремъ, и ви-

¹ квактуха. ² пустазелле. ³ Эта царква была пабудавана там, дзе цяпер знаходзіцца лацінскі могільнік. ⁴ 1581 г. царква разам з праваслаўнымі манастырамі была перададзена польскім каралём Стафанам Баторыем полацкім езуітам. ⁵ Мануіл Комнін — візантыйскі імператар з 1143 да 1180 гг., быў унукам імператара Аляксея Комніна (1081—1118), які быў жанаты з цёткай Ефрасінні Полацкай. ⁶ Лука Хрысаверг. ⁶ Эта ікона пазней, у 1239 г. была перанесена дачкою полацкага князя Брачыслава ў Тарапецкую саборную царкву, у якой княгіня вяччалася з Аляксандрам Неўскім.

дѣвши яко просвѣти бог монастырь ея, вождельвши, рече: «Дабы ми дойти град Иерусалима, поклонитися гробу твоему, господи, и всѣм святым мѣстом и цѣловати и тамо живот свой скончати! Видѣвши же стадо божественных овец совокупленных множество и радовашеся им, яко своему спасению».

На всяк же день учаше сестры своа: старыя же учаше трѣпѣнню и воздрѣжанню, юныя же учаше чистотѣ душевней и бестрастию телесному, говѣнню образному, ступанню кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну, при старѣйших молчати, мудрѣйших послушати, ко старѣйшим покорѣнием, к точным ¹ и меншим любовь без лицѣмерна, мало вѣщати, а много разумѣти.

Дан бяше таков дар Еуфросинии от бога: аще кто ея вопрошаше о которой вѣщи, она же ему разрѣшаше чему есть быти. А кто ея послушаше, тот добро послушаше; ни хотяше бо видѣти никого же которающася ²: ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина служанином, — но всѣх хотяше имѣти, яко едину душу.

И посла по всей братии своей, повѣдаючи им мысль свою, оже восхотѣ итти во Иерусалим. Они ж, слышавше вѣсть сию, с жалостию многою съѣхашася от всюду ко блаженной Еуфросинии, и моляхуть ея со слезами, дабы их не оставила сиры ³. Она же их утѣшаше благым своим смыслом, яко мати дѣти своя любяще.

И любим ей брат, нарѣцаемый Вечеслав, и приѣха к сестрѣ своей Ефросинии со княгинею и з детьми своими, пришед поклонись ей и рече: «Госпоже моя! Мати и сестро! Что оставляеши мя, правителю души моей, свѣте очию моею!?» Горко ему плачущуся, блаженная же Ефросиния повелѣ ему итти идѣ же обитал, дѣти же его повелѣ оставити сестре своей Евдокѣи.

Дан бысть дар блаженной Ефросинии от бога: аще кого узрит очима своима, то разумѣваше в коем человецѣ сосуд избран хочеть быти богами.

Тогда же блаженная Ефросиния, видѣвши братанѣ ⁴ свои, и рече има: «Хощу ваю ⁵ обручити жениху бессмертному и вовѣсти ваю в черътог царства небеснаго». Онѣма же послушающима усладися душа ею, паче сота медвена, словесем преблаженная Ефросинии. И падосте на ногу ея, и глаголаста к ней: «Воля господня да будет, и твоя, госпоже, святая молитва! Да яко хощеши и створи нама, госпоже!» Преподобная же Ефросиния с радостию и с поспѣшеніем призва брата своего и рече ему: «Аз хощу пострици Кираанну и Ольгу». Тако бѣста нарѣкла родителя. Смятежеся отец ею о словеси сем и рече: «Госпоже моя! Что ми хощеши сотворити? Два плача прилагаеши души моей: плача ся отхода твоего и сѣтуя чаду дѣля своею». Мати же ея жалостию терзашеся.

Блаженная же Ефросиния, пославши, призва епископа, тогда стол правящаго святѣй Софии, нарицаемаго Деониса. И введше

¹ к роўным. ² у стане варожасці. ³ сиратамі. ⁴ пляменніц. ⁵ вас.

в церковь и нарече Кирѣаниѣ — Агафія, а Ольгу — Еуфимя. И благослови ю благословением святых отець. Сама же блаженная Ефросиния, положивши великий наряд свой обѣма монастырема со братнею и с сестрами, и дасть дрѣжати и урядити сестрѣ своей Евдокѣи оба монастыря.

Сама же блажена, поклонившися у святого Спаса и у святыя богородица, и рече: «Ты, господи-сердцевидче! Се оставляю дом твой и не затворен никому же. И ты, господи, не затвори от нас твоего царствиа!»

И тако поиде во Иерусалим, поимше с собою брата своего Давыда¹ и сестру свою Евпраксію. Вся же братиа ея плакахуся горко отхода ради госпожа своея. И вси гражане выидоша проводити ю. Стариини же плакахуся, яко дщери, рекуще: «Увы нам, возю старости нашея, просвѣщение души нашея!» Юнии же глаголаху: «Камо заходиши свѣте очию нашею? Кто нашу юность восхластитъ воздержаніе юности нашея? Не оставляй нас сирых! Но в молитвах своих не забывай нас яже к богу!» Она же, поцѣловавши всѣх и благослави, и возрѣвши на небо, и рече: «Ты, господи-сердцевидче, ходивый со Аврамом, иди с нами, с рабы твоими, со Ефросиниею и со Давыдом и со Евпраксіею!» И тако поидоша вси сущи с нею.

О дивное чюдо! Не бывавши нигдѣ же: ни в коей странѣ, ни во граде, ни в селѣ, нынѣ же, взявши мужескую крѣпость и премину вся грады и власти, принимающе от всѣх князей честь велику! И тако прешедши вся страны. И стрете ю царь, идый на угры². И с великою честью посла ю в Царьград.

Она же, пришедши, поклонися святым церквам, и ту сущей великой церкви святой Софії, поклонившися и благословившися от патриарха. И купи различныя фимяны и кацію³ злату. И поклонившися церкви, иде во Иерусалим.

И посла слугу своего Михаила тогда сущему патриарху, глаголящи: «Владыко святыи! Сотвори милость на мнѣ! Повели, да отврѣзутся врата Христова!» Он же по вопрошению ея быти и отворити повелѣ. И пришедши ко вратом, паде на землю, глаголющи: «Господи, Исусе Христе! Не вмени сего во грѣх, занеже⁴ изволих по стопам твоим ходити!»

И внидох во святыи град. И иде ко гробу господню. И пришедши поклонися и цѣлова гроб господень. И сущи с нею цѣловаша. И покадивши гроб господень златою кацѣею и многоразличными фимианы, и изыде. Обита во святыи богородици в руском монастыри. Во утрие день⁵ иде второе ко гробу господню. Тако ж сотвори, поклонившись и цѣловавши и покадивши, изыде. И во 3 день то ж сотвори, давши злата много, и поставивши кацѣю

¹ Давыд, які суправаджаў Ефрасінію ў Іерусалім, даводзіўся ёй не братам, а дзядзькам. З Усходам ён ужо быў добра знаёмы: з 1130 да 1140 гг. ён знаходзіўся там у ссыльцы сумесна з Расціславам і Святаславам, бацькам Ефрасініі. Туды іх саслаў вялікі князь кіеўскі Мсціслаў за іх адмову выступіць супроць полаўцаў. ² венгры. ³ лампаду, кадзіла. ⁴ таму што. ⁵ на другі дзень.

злату на гробъ и много различныя фимианы. И ставши у гроба господня, и въздѣвши руцѣ на небо, и въздохнувши из глубины сердца, глаголящи: «Господи, Исусе Христе, сыне божий и рожейся от присно девы Мариа! Спасения ради нашего рекл еси: «просите и примете». Аз грѣшная его просих и получих от тебѣ, владыко. Се же еще прошю от тебѣ, владыко, господи, милостиве: да скончаю мѣсто прошения моего, прими дух мой от мене во святом градѣ твоём Иерусалимѣ, и пресели мя в вышній град твой во Иерусалим, и покой мя на лонѣ Авраама патриарха со всѣми угожешими! Аминь». И сиче ей глаголавши, изыде во иже реченную церковь святыя богородица, игдѣ бѣ обитала.

Ту же посѣщениемъ Божиимъ в недугъ впаде: нача болѣти. И лежащи на ложи своемъ глаголаше: «Слава тебѣ, владыко! Яко восхотѣ и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей!» Тоя же ради болѣзни не можетъ ити на Иорданъ, иде братъ ея Давыдъ и сестра ея Евпраксія и сущи с нею. Она же лежащи на ложи, хвалящи бога глаголющи: «Господи, призри на рабу твою, Еуфросинию, и помилуй мя!» И приидоша бывшии на Иорданѣ, и принесоша воды от Иордана. Она же с радостию, воставши и пивши, и облиася по всему тѣлу своему, возлеже на ложи и рече: «Благословенъ господь богъ, просвѣщая всякаго челоуѣка, грядущаго в миръ! Тебѣ молю, челоуѣколюбивому богу, ревнующи Петрову покаянию, во отверженіи отчая в себѣ плакась горко. Господи, прими того покаяние! Прими мене, недостойную рабу твою, Ефросинию, молящуся на супротивника моего дьявола! Да не възглаголетъ ми ничто же на страшнѣмъ судѣ твоёмъ предъ тобою, господи, злыи рабъ, воступихъ ногама своима на змиеву его голову! И супротивихся окаяннѣи, его дерзости, надѣющись на твое челоуѣколюбие, господи!»

И услыша богъ молитву ея. И посла ангела своего. И глагола к ней: «О, блажена ты в женахъ, и благославенъ трудъ твой! И се уже отврѣзоша ти двери породныя. И вси ангели собращася дръжаще свѣща, чающѣ твоего срѣтениа; а даръ, его же просиши у бога, дасть ти ся». И се рекъ ангелъ к ней, отиде от нея.

Блаженная Ефросиния возрадовася душею и скоро посла в лавру, глаголющи: «Се уже приспѣ ми время; да уже мя богъ поконтъ. Примите мя, да быхъ легла во церкви святаго Савы!»

Они же отвѣщася к ней ту сущи черньци: «Имѣемъ запрещеніе отъ святого Савы, оже жены не примати никоея же. На се ти есть монастырьъ Святаго богородица общій. В немъ же лежать о жены святыя милости святого Савы, милости святого Феодосиа, милости святыя безмездника Козмы и Дамяна, именованъ Феодотна и инни мнози святни. Ту и тебѣ подобаетъ лежи».

Приѣхавъ посолъ ея и възвѣсти преподобной Еуфросинии. Она же всѣмъ тѣмъ похвали бога и, пославши, купи себѣ гробъ в комарѣ святыя богородица, и лежа дней 24. И познась при скончаніи и рече: «Призовите ми прозвитера, да ми дасть причащеніе. Уже бо звата и близъ предстоитъ. Ждый повеленія владычня». И приде прозвитеръ, нося причащеніе. Она же, воставши и поклонися трижды и при-

имши пречистое тѣло, тако возлѣже. И предасть душу свою в руцѣ бога жива месяца мая в 24 день, и иде в покой небесный.

Ким убо языком достоить нам похвалити, братне, свѣтозарную память преблаженныя невѣсты Христовы — Ефросинии?! Бяше бо помощница обидемым, скръбящим утѣшѣнием, нагим одѣяние, больным посѣщение, просторищѣ всѣм. Всяка бысть Ефросиниа, убо сердце свое напокаяше божия премудрости. Еуфросиниа—неувѣдающий цвѣт райскаго сада! Еуфросиниа — небопарный орел, попаривши от Запада и до Востока, яко луна солнечная, просвѣтивши всю землю полоцкую! Тѣм же, братне, хвалится Селун Дмитрием, а Вышегород мученики¹. А мы же хвалим блажен еси ты граде Полоцкий, таковую лѣторасль возрастивый, — преподобную Еуфросинию! Блажени людие, живуци в нем! Блажени родители твои! Блажена утроба, от нея же изыде преподобная Еуфросиниа! Блажено рожество ея! Блажено воспитание ея! Блажен возраст твой, Еуфросиние достохвалная! Блажен труд твой и подвижи яже к богу! Блажен монастырь твой! Блажени людие, живуци в монастырѣ святого Спаса и святыя богородица! Блажени людие, живуци в тебѣ, преблаженная невѣсто Христа, бога нашего! Молися к богу о стадѣ своем, иже еси совокупила ко господу, яко тому подобает всяка слава и честь и поклонение отцу и сыну и святому духу и нынѣ и присно.

¹ На списку XVII в. гэта месца чытаецца: «а Вышегород мучениками Борисом и Глѣбом».

ЖЫЦІЕ АЎРААМІЯ СМАЛЕНСКАГА

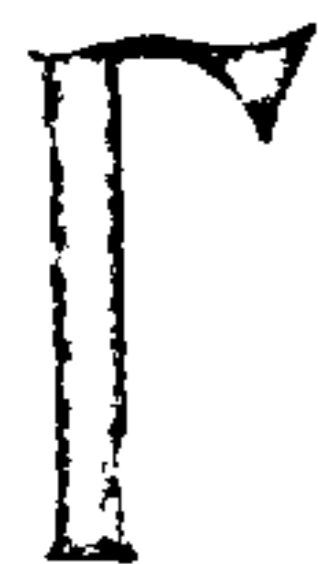
Аўраамій Смаленскі (мірскае імя Афанасій) — ігумен аднаго з смаленскіх манастыроў — быў для свайго часу буйным дзеячом царкоўна-грамадскага жыцця г. Смаленска канца XII пачатку XIII ст.ст. Здольны ад прыроды, валявы па свайму характару, Аўраамій у юнацтве рашыў стаць манахам і прысвяціць усё сваё жыццё кніжнай справе. З гэтай мэтай ён згрупаваў вакол сябе ў Селішчынскім манастыры групу кніжнікаў і сваю манастырскую келлю ператварыў у рукапісную «друкарню». Актыўная дзейнасць Аўраамія, яго поспехі і павага, якой ён карыстаўся сярод сваіх аднадумцаў, хутка выклікалі зайздрасць, абурэнне і гнеў з боку найбольш уплывовых асоб у грамадскім жыцці горада. Барацьба Аўраамія з праціўнікамі яго дзейнасці прынесла яму нямала непрыемнасцей, ганенняў, здзекаў і пакут, пакуль ён не дабіўся ўсеагульнага прызнання ў Смаленску. Жыццё і дзейнасць Аўраамія Смаленскага падрабязна апісаны ў жыцці, якое пасля яго смерці склаў каля 1240 г. адзін з бліжэйшых паплечнікаў Аўраамія манах Яфрэм.

Жыццё Аўраамія Смаленскага дайшло да нас у мностве пазнейшых спіскаў, самыя ранейшыя з якіх адносяцца да пачатку XVI ст. Складзенае па свежых слядах, жыццё Аўраамія Смаленскага раскрывае перад намі цікавыя старонкі не толькі з жыцця і дзейнасці самога Аўраамія, але і многія з бакоў грамадскага жыцця горада, які адыграў у свой час не малую ролю ў гісторыі Беларусі, як адзін з буйнейшых культурных цэнтраў эпохі Кіеўскай Русі.

Змешчаныя ў хрэстаматыі ўрыўкі жыцця Аўраамія Смаленскага падаюцца паводле выдання С. П. Разанава: «Жития преподобного Авраамия Смоленского», Спб., 1912, стар. 1—20 (гл. серыю «Памятники древнерусской литературы», вып. I, изд. ОРЯС Императорской Академии Наук).

Мѣсяца того же августа 21 день

ЖИТИЕ И ТЕРПѢНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АВРАМЬЯ, ПРОСВѢТИВШАГОСЯ В ТЕРПѢНЬИ МНОЗЕ,
НОВАГО ЧЮДОТВОРЦА В СВЯТЫЯ ГРАДА СМОЛЕНЬСКА

Господи, благослови!

... молю ти ся, господи Исусе Христе, сыне божий, молитвами пресвятыя и пречистыя дѣвы матере и всѣх небесных сил и всѣх святых молбами, и дай же ми разум просвѣщен божиею благодатью, подаждь миѣ, худому и грѣшнѣйшу паче всѣх, свѣтлый подвиг житна и терпѣнна начати, еже

о житиї блаженнаго Авраамна, бывшаго игумена монастыря сего святаыя владычица нашея богородица, его же день успениа¹ нынѣ празднующи память чтем. Се же, братия, въспоминающе житие преподобнаго и не сущу написану, печалю по вся дни обдержим бых и моляхся богу: «Господи, сподоби мя вся по ряду писати о житиї богоноснаго отца нашего Авраамна», да по нас сущии черноризци, приемше наказание и почитающе ти видѣша мужа доблѣсть, въсхвалят бога и, угодника его прославляюще, и на прочиї подвиг укрѣпляться, паче же в странѣ сей, яко там мужь явися, угодник божий.

... Бѣ бо сей блаженный Авраамей от вѣрну родителю рождѣся, бѣста и та в законѣ господни добрѣ живуща благочестно. Бѣ же отець его всѣми чтим и любим, от князя честь приемля, бѣ бо во истину от всѣх опознан², яко и правдою украшен и многым в бѣдах помогая, милостив и тих к всѣм, к молитвѣ, ко церквам прилежа. Тако же и мати его всѣм благочестием украшена. Та же не яко не плоды бѣста: «двѣмнадцать дщерем от нею рождѣшимся, и не бѣ има отращате³. И се бысть има от божиа строениа. Многым желанием моляста бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыня церквам и монастырем даюша, — и послуша ею бог и дасть има отроча. ... И свершившим же ся днем рождению, родиста блаженнаго дѣтища, таче⁴ в осмый день принесоста к святителю божью, яко же обычай есть христіаном, имя дѣтищу нареци. Прозвитер⁵ же, видѣв дѣтища, сердечныма очима и благодатью божьею прозряше о нем, яко хоцетъ измлада богу датися. Таче минуша 40 дни дѣтищу, крещением освятиша и⁶. Отрочя же ростяше и кормимо родителема своима, и благодать божиа бѣ с ним и дух божий измлада в онь⁷ вселися.

И егда же бѣ отрочатем Христовою благодатью въ возраст смысла пришедшу, родителя же его даста и⁶ книгам учити. Не бо унывааше, яко и прочая дѣти, но скорым прилежанием извыче, к сему же на игры с инѣми не исхожааше, но на божественое и на церковное пѣние и почитание преже инѣх притекая, яко о сем родителема радоватися, а инѣм чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на нем, просвѣщающе разум его и наставляюще на путь заповѣдей Христовых.

Егда же в болший възраст прииде, всею телесною красотою и добротою яко свѣт сияше, родителема же его к браку принужающим, но тѣй сам не въсхотѣ, но паче поучив ею и наказав презрѣти и възненавидѣти житейскую сню славу, прелесть мира сего, и въсприяти мнишескый чин.

Тѣма же отшедшима житиа сего к богу, он же повелику обрадовася и дасть богу славу, тако изволшему; богатство же, яже остависта родителя его, убогым раздаде, вдовицам и сиротам и черноризцем все, бояся и како бы бес печали всѣх земных отъити и наставити мысль свою к богу и утвержая и учася господню

¹ дзень смерці. ² паважаны. ³ сына. ⁴ і, потым. ⁵ поп. ⁶ яго. ⁷ яго.

словеси, глаголющему: «и аще кто не възметъ креста своего, не поидеть въслѣд мене, нѣсть мнѣ подобен». Богодухновенныя же книги и святых житиа почитая и како бы их житиа и труды и подвиг възприяти, изменися свѣтлых риз и в худыя ся облече и хожааше яко един от нищих и на уродство ся преложь и рассмотряя и прося и моляся богу, како бы спастися и в кое мѣсто приити.

И утаився всѣх, богу настовляюще, отшед от града дале 5 поприщъ, острижеса, яко же мнози вѣдят святые богородици монастырь, къ востоку, Селище нарицають. И бысть оттолѣ по благодати Христовѣ болий на подвиг и на вся труды подвизаяся и мыслью възспоминая святаго града Иерусалима и гроб господень и вся честная мѣста, яже избавитель бог и спас всего мира иде же страсть прият нашего ради спасения, и вся честная мѣста и претподобных отецъ пустыня, иде же суть подвиг и труд свершивше: дивнаго начальника всѣм и восиявшаго ангелом равна, великаго меню Антониа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненыя Илариона, бывшаго ученика его, по нем свѣтлаго в постыницѣх чудотворца Еуфимья, иже по сих Саву и Феодосья архимандрита и старейша всѣх наставника черноризцем, сущим окрест Иерусалима. Из всѣх любя часто почитати учение претподобнаго Ефрѣма и великаго вселеннаго учителя Иоанна Златоустаго и Феодосия Печерскаго, бывшаго архимандрита всеа Руси, и вся же святых богодухновенных книг житиа их и словеса проходя и внимая, почиташе день и ночь, беспрестани богу моляся и поклоняся и просвѣщая свою душу и помысл и кормим словом божиим, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаюши и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся от всѣх избирая и списая ово своею рукою, ово многими писци, да яко же пастух добрый, вся свѣдый паствы и когда на коей пажити ему пасти стадо, а не яко же невѣжа, невѣдый паствы, да овогда¹ гладом, иногда же по горам разыдутся, блудяще, а инни от звѣрей снѣдени будутъ. Тако всѣм есть вѣдомо невѣжам, взимающим сан священства. Тако же и корабленик и хитрии кормници, вѣдуще путь и пристанище их, милости ожидающе от бога и подобна² вѣтра, а не противу бури и волнам морским, но с божиею помощью како ити нареченнаго града бес пакости и потопления. Аще ли в град далний хотяще поити, тѣ вѣдущих просим, егда суть пути различни и мѣста сущих разбойник, того всего боимся и молим бога, дабы без всякоя бѣды дойти...

Пребысть же блаженный Авраамий в прежереченнѣм монастыри в трудѣ и в бдѣнии и в алкании³ день и ночь, яко же и самому игумену, зрящу добраго житья, радоватися и всей братьи славити бога и мнозем от мира притекати от него утѣшения приимати от святых книг. И бѣ в всем повинуюся игумену и послушание имѣа к всей братьи и любовь и смирение имый и бога ради покоряся всѣм. Искусив же его игумен, яко в всем повинуется ему и послушаетъ и —

¹ иншы раз. ² спадарожнага. ³ у галадані.

бѣ бо и сам игумен хитр божественым книгам и вся свѣдѣй, и никто же смѣя пред ним от книг глаголати, — и принуди же блаженнаго Авраамия прияти священнический сан: и поставлену ему бывшу дьяконом и потом иерѣем, при княженьи великаго и христолюбоваго князя Мѣстислава Смоленскаго и всея Рускыа.

Прием же блаженный священный сан, болшее смирение приат, яко таку благодать Христос ему дарова; божественую же литургию, с всяцѣм тщанием, иже за всего мира Христос повелѣ приносити, ни единого же дне не остави, яко же мнози вѣдятъ его бывша и до самое смерти и не оставившаго церковная правила и божественая литургия и своего подвига.

Нищету же и наготу и укорения же от диявола и тугу и искушение от игумена и от всее братьи и от раб — кто может исповѣдати? Яко же ему самому глаголати: «бых, 5 лѣт искушения терпя. поносим, бесчестуем, яко злодий». Яко же не терпя его и видя себе днавол побежена от святаго, и воздвиже нань сию крамолу своими совѣты, хотя и отголе прогнати; яко же и бысть. Видя бо днавол, яко мнози от града приходять и учением духовным его множатся, от многих грѣх на покойние приходять, аще ли и сице рѣчем: богу хотящу, яко нѣсть лѣпо свѣтилнику во тмѣ сияти и укрытися граду, выше горы сущу. Пишетъ бо о великом свѣтитѣли и учителя всего мира, о Златоустѣм Иоанѣ, яко егда отыде в пустыню и пребысть нѣколко врѣмя в пустыни, яко многим трудом и въздержанием и алканием прият врѣд и нужу от тѣла, яко же бысть и се ему от божиа промысла, да не учитель далече града будетъ, оттолѣ выиде в град, уча и наказуя на страх господень. И сице же и сему бысть от дияволя научения, ибо нѣции от ерѣй, друзии от черноризецъ како бы нань вѣстати, овни же от града потязати¹ и укорити исходяще, друзии спиду² творяще, яко ничто же свѣдуша противу нас глаголааху, и тако посрамлени с стыдом отхожааху. И паки не преставааху, крамолы нань въздвизающе в градѣ и везде, глаголюще: «се уже весь град к собѣ обратилъ есть».

Есть бо, о братие, о семь приложити слово на утѣшение вам: тако бо бѣ благодатью Христовою утѣшая приходящаа и плѣняя их душа и смысл их, дабы възможно и неотходящу быти, яко же и сему мнози суть послуши, яко же и самому игумену не стерпѣти, многыя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: «аз за тя отвѣщаю у бога, ты же престани. уча», и много озлобления нань взложи.

И оттолѣ вниде в град и пребысть в едином монастыри у Честнаго Креста. И ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти, а враг сѣтоваашеся, а господь бог раба своего прославляше и съблюдааше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время и от мног приемя утѣшение, подавааху ему на потребу и лише потребности, и потом скоро раз-

¹ абвінавачваць, зневажаць. ² хваляванне.

даваше вдовицам и нищим, а сам еже с потребу собѣ принимаше. Украси же церковь иконами и завѣсами и свѣщами, и мнози начаша от града приходити и послушати церковнаго пѣнія и почитания божественных книг, бѣ бо блаженный хитр почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но протолковати, яже мнозѣм несвѣдущим и от него сказаная всѣм разумѣти и слышати, и сему изъуст и памятью сказая, яко же ничто же ся его не утайтъ божественных писаний, яко же умлѣкнуша уста его к всѣм, к малым же и к великим, рабом же и свободным и руководѣнным, тѣм же ово на молитву, ово на церковное пѣние, ово на утѣшение притекающим, яко и в нощи мало сна приимати, но колѣнное поклоняние и слезы многы от очю безъщук¹ изливав и в перси биа и кричанием богу припадая помиловати люди своя, отвратити гнѣвъ свой и послати милость свою и належащих бѣд избавити ны и мир и тишину подати молитвами пречистыя дѣвы и всѣх святых. Написа же двѣ иконѣ: едину страшный суд втораго пришествия, а другую — испытание въздушных мытарств, их же всѣм нѣсть избѣжати, яко же великий Иоан Златоуст учит...

И бѣ блаженный с въздержанием от многога пития, пьянства же отинудь ненавиद्या, ризы же по смирению любя, драгих велми бѣгая и смирение присно имѣа, на трапезы же и на пиры отинудь не исходя, многих ради зазираний², яже бывають от мѣста избирающих, и инѣх ради многих, яже бывають от многога ради пьянства и бѣды, и того ради сего убѣгааше. Образ же блаженаго и тѣло удручено бяше, и кости его и състави яко мощи исчести, и свѣтлость лица его блѣд имуще от великаго труда и въздержания и бдѣнія, от мног глагол, яже тружаашеся, поя и почитая и молитву принося к богу. И к божественному егда приступаше жертвенику на божественное приношение от господа прѣданую апостолом на вечери, и апостолы нам онога завѣта в оставление грѣхов, с благобоязньством и с вниманием; отинудь запрещаше же в церкви не глаголати, паче же на литургии, и заповѣдая и уча, всю имѣти веля мысль и с душею тогда к богу стройно же, по чину, лѣпо.

Егда устраяшеся в священчѣский сан, образ же и подобье на Великого Василья: черну браду таку имѣа, плешиву развѣ имѣа главу. Но не зазрите ми, братье, моей грубости, не лжа бо си глаголю, или какою хытростью или мудростью, но многих ради, иже его не видѣша и не слышаша, и въспоминаю господа, глаголюща: «Рабе лѣнивый и лукавый, подобаше ти дати сребро мое купцем, да аз бых на них взял с лихвою!» Тем, бояся сего осуждения, сия написаю, да сего послушавше, прославим бога, давшего сию благодать и помощь граду Смоленску, блаженаго Авраамья... Видя же себе сотона побѣжена Христовою силою от святаго, яко являшеся ему овогда в нощи, овогда в день, устрашая и прѣтя, яко огнь освѣщаа и в нощи, яко мнозѣм еще не спящим с ним, да овогда стужая, ово являся в мнозех мечтаниих, яко и до стропа,

¹ пастаянна. ² ран, мучѣннѣя.

и паки яко лев нападаю, яко звѣрие лютии устрашающе, другое яко воини нападающе и сѣкуще, иногда и с одра и смешуще. А егда от сна въсташе блаженный, по малу сна укусив от злых окаянных бѣсовскихъ мечтов, и в день болѣ ему о семь стужающе, тѣм же ово собою, ово в жены бестудныя прѣображающеся, то же, яко о великом Антонии пишется. Видя господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его... И сими блаженаго всѣми укусив сатана и не одолѣв, богу помогающе, и ту крамолу нань въздвиже, яко же и при господи бысть...

И вшед сотона в сердце бесчинных, въздвиже нань: и начаша овии клеветати епископу, инии жу хулити и досажати, овии еретика нарицати, а инии глаголаху нань — глубинныя¹ книги почитаетъ, инии же к женам прикладающе, попове же зиающе² и глаголяще: «уже наши дети вся обратил есть», друзии же пророком нарицающе и ина же многа нань вѣщания глаголюще, их же блаженный чюжь; истинною реку тако, никто же аще бы не глаголя на блаженаго Авраамия в граде, но диавол о сем радоваашеся, а блаженный все, радуясь, терпяше о господи. Събраша же ся вси от мала и до велика весь град нань, инии глаголють заточити, а инии к стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, приведше въсквозѣ град. Всѣм же собравшимся на двор владычень, игуменом же и попом и черньцем, князем и боляром, диакони и вси церковници, внегода послаша по блаженаго, уже всѣм собравшимся, посланыя же слугы, емше, яко злодѣя влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь град и по торгу и по улицам — вездѣ полна народа, и мужи же глаголю; и жены и дѣти, и бѣ позор тяжек видѣти. Блаженный же бѣ яко птица ят руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣа к богу и к нему моляся от такая избавитися печали и в собѣ въспоминая страсть господя нашего Исуса Христа, яко вся си претерпѣ нашего ради спасения, и за них моляся: «Господи, не постави им грѣха и не попусти на раба твоего предатися в руцѣ их, но укроти и запрѣти, яко же пред ученикы на мори вѣтру повелѣ умолкнути». Яко же и бысть. Князю бо и властелем умягчи бог сердце; игуменом же и ереом, аще бы мощно, жива его пожрети.

Ведому же ему на снем³, явился господь в то время преподобному Луцѣ Прусину у церькви честнаго архангела Михаила. Стоящу ему на молитвѣ в 9 час, и глас бысть ему, глаголющъ, яко «се возводятъ блаженаго моего угодника на снем с двѣма ученикома, истязати хотять, ты же о немь никако же съблзнися».

И глаголаше блаженный Лука на снимающихся на блаженаго Авраамия и на уничижающих его: «много бо бес правды хулящей и уничижають, но да быша грѣси его на мнѣ были! И вы слышасте, яко хотѣша сътворити преже сего не имуще страха божия и тацин

¹ адхиленья. ² абражаючы. ³ расправа, зборышча.

же безумнии и епископ и како хотѣша бес правды убити и¹. Иже и еще пророк зол и хула и клятва зла и гнѣв божий и за 30 лет пребысть и еще вы прибудеть, аще ся того не покаете»...

Приведену же бывшу блаженому на суд, ничто же нань вины не обрѣтающим, но бещину попом, яко волон, рыкающим, тако же и игуменом, князю же и велможам, не обрѣтающим такыя вины, но изискавше все, нѣсть неправды никоея же, но все лжутъ, тогда яко единѣми усты: «неповинны да будем, владыко, рекуще к всѣм, еже таку нань крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже нань глаголетѣ или что съвѣщаете како любо незаконно убийство!» И глаголюще: «благослови, отче, и прости, Аврамие!» И тако отъидоша в свояси.

Видѣвше же сия тако отъидоша и яко нѣсть им конца, в чем осудити и, и рѣша от епископа на се приготавленным крѣпко стрѣщи и¹ и блюсти и¹ и ина два от ученик его, иже преподобному служаще добрѣ. Наутрия же събравшимся, игумени и ереи, и вины, яже преже глаголааху, укоривше, озлобивше, възложиша нань. И от того време пакы вниде в монастырь, идѣ же бѣ преже остриглься блаженный, яко не приемшу ему никоего зла. Се же от сего време много зла пребысть...

... сбысться проповѣдь святую апостолу на крамольствовавших и на отгнавших святаго, да ови от епискуп напрасную смерть приимаху, иным же прыщые синиа по ногам бывааху, просѣдающеся, иному напрасен огонь, свыше сшед, руцѣ и нозѣ усуши, иному же нога обѣтрися и нача гнити и претираемѣи ей, яко от тоя и другой тот же врѣд прияти, и в три лѣта едва душу испусти, иному же язык яко затыка в устѣх бяше и в доску вписав, глаголаше свой грѣх, яко на святаго Иоана Златаустаго хулу глаголах; Евдоксию же лютый недуг порази, лоном бо ей кровь грядяше и потом бысть смрад и черви породи, и тако горкою смертию живот свой злѣ сконча. Ибо видѣти гнѣв божий, напрасно на них находяйи и многим мукам и смертем предаю тяжко... Скоро на сих бысть, да овии от игумен, инии же от попов напрасную смерть приимаху, яко вѣдущей бывше в сонмѣ на блажѣнаго тужааху и припадааху ему на ногу, прощения просяще, а не бывше на сонмѣ радоваахуся. ... Бывшу же бездождью велику в градѣ, яко иссыхати земли и садом и нивам и всему плоду земленому, яко нѣ за колко бысть время всѣм тужающим, и молящим бога, и сам епископ, блаженный Игнатий с честным крилосом и с богобоязными игумены и ереи и дьяконы и черноризци и с всѣм градом, мужи и женами и весь младый възраст, вкупѣ весь град, окрест ходяше с честным крестом и с иконою дрѣжащею господа и с честными святых мощьми, и с великим умилением и с слезами помиловати люди своя и послати милость свою на землю и отвратити гнѣв свой: «пусти, господи, дождь, одожди лице земли, молимся, святой». И кончавшим пост, крестом и святых мощьми воду освятивше, и отъидошо каждо

¹ яго.

въсвояси. И не бысть дождя на землю. И быша в печали велицѣ. Се же бысть от божия промысления. И хотя бог блаженаго Авраамна объявити, нѣкоему помянути възложи на сердце бог, суцу иерею, яко, шед, помяну христоролюбивому епископу Игнатию яже о блаженѣм Авраамни, глаголя сице: «Вси молихомся, не послуша нас бог. Кая вина така, яже на преподобнаго Авраамна, яко лишен бысть божественная литургия? Егда и того ради бысть от бога казнь си?»

Тогда блаженный Игнатий въскорѣ посла по блаженаго Авраамна, и призвав и испытав, яко все лжа и оглаголение по зависти и злобѣ дияволи бысть, и прости и, глаголя: «и благослови, честный отче, за невѣдѣние мое се ти сътвори, и весь град благослови и прости послушавших лживых клеветник и оглаголник. И благослови паки пречистую и честную литургию съвершати, и моли бога о градѣ и о всѣх людех, да помилуетъ господь и подасть богато дождь свой на землю».

И глагола блаженный к святителю: «Кто есмь аз грѣшный, да сице повѣлеваеши выше силы моея?» Но глагола: «Воля божия, да будетъ о всѣх нас! И ты преже о нас помолися, честный о святителю, о своем ти богопорученѣм избраннѣм святем стадѣ словесных овецъ».

Отшедше же блаженому и молящуся богу и глаголющю: «Услыши, боже, и спаси, владыко вседержителю, молитвами твоего святителя и всѣх иерей твоих и всѣх людей твоих, и отврати гнѣвъ твой от раб твоих и помилуй град сѣй и вся люди твоя и прими милостиве всѣх въздыхание и с слезами молящих ти ся и пусти и одожди, напои лице земли, человекы и скоты възвесели. Господи, услыши и помилуй!»

Еще преподобному не дошедшу своея кѣлия, одожди бог на землю дождь, яко славити бога всѣм и глаголати: «Слава тебѣ, господи, яко скоро послуша своего раба!» И бысть много радость в градѣ. И оттолѣ начаша притѣкати в градѣ и вси глаголати, яко «Помилува бог, избави ны от всѣх бѣд твоими, господи отче, молитвами». И отселѣ болѣ просвѣтися по благодати Христовѣ...

По мнозѣ же времени ... епископ божиею волею тогда, призва единого от своего честнаго крилоса перьваго от старѣйших протопопу, именованъ Георгий, глагола к нему о блаженѣм Авраамни, помянув, яко далече ему суцу града, скорбь ему велья, да призоветь и скоро. Скоро же блаженный прииде, по повѣлению епископа, и вшед сътвори поклонение, глаголя: «Благослови, владыко святой, раба твоего». Призва блаженаго Авраамна епископ, утѣшая, глаголаше: «Како, отче, о господи пребываеши?» Оному же рекшу: «Ей, владыко святой, истинною молитвами твоими добре», и рече к нему епископ: «Хощу дати ти благословение, аще е примеш». Отвещав блаженный, глаголаше: «Честно есть благословение яже нѣ и дар». И глагола к нему епископ: «Се благословение: поручаю ти и даю пресвятые богородици дом; поиди, похваля бога и славя,

и моли о всѣх». Блаженный же радоваашеся и хваляше бога, такую даровавшего благодать рабу своему молитвами святыя богородица...

И оттолѣ нача пребывати в первѣм подвижѣ и всѣм же притекающим с радостию великою, ибо велиа благодать божия на градѣ, вся и веселящи и хранящи, избавляющи, тишину же и мир и всѣх благых на многа лѣта подающи, и еще не оскудѣти имать молитвами святыя богородица и преподобнаго ради Авраамия и всѣх святых его. И оттолѣ прослави и господь болю, занеже злю блаженнаго оскорбивше обратися начаша и приподати на ногу, просяще прощения. Иже всѣми ненавидим быв, всѣми любим бысть, да иже преже бояхуся приити, то убо не боящеся, но радующеся приходяху, не точю гражане едины приходяху, но с женами и с дѣтьми, но и от князь и от вельможь, работнии же и свободнии притекааху, вси своя грѣхы к нему исповѣдающи, и тако отхожааху, в дома своа радующеся...

Пребысть же блаженный в таковѣм подвижаніи вся дни лѣт живота своего, о сем бдя и моляся с въздыханіем, многы же научив и наказав пребывати в добрѣм трудѣ, в бдѣнии же и в молитве, в терпѣнии же и смирении, в милостыни же и в любви, и сице утверди вся с слезами многими сих не забывати николи же и глаголаше: «И мене смиреннаго не забываюте в молитвах ваших, молящися владыцѣ и богу и пресвятѣй его матери с всѣми святыми его». И потом болѣзни на блаженнаго нашедши, и тако преставися, предав блаженую и святую свою душу господеву, его же желааше и получи, царство небесное. И пребысть блаженный Авраамій подвижаяся лѣт 50; подвижаяся от уности до конца живота своего о Христѣ Исусѣ господѣ нашем, ему же слава и дрѣжава с отцем и святым духом нынѣ и присно в вся бесконечныя вѣкы. Аминь.

АПОВЕСЦЬ АБ МЕРКУРЬЮ СМАЛЕНСКІМ

повесць аб Меркурью Смаленскім дайшла да нашага часу ў 37 рукапісных спісках¹, самыя старэйшыя з якіх адносяцца да XVI ст.

Гэта аповесць узнікла на аснове вуснага народнага падання, вытокам для якога паслужыла ў свой час значная, але не адлюстраваная ў старэйшай летапіснай літаратуры, гістарычная падзея, звязаная з гор. Смаленскам. Пазней, калі невядомая для нас падзея поўнасьцю растварылася ў творчай фантазіі народа, паданне аб Меркурью Смаленскім сталі адносіць да часоў татарскага нашэсця. З цягам часу вуснае паданне падверглася літаратурнай апрацоўцы з боку старажытных кніжнікаў. Па меркаванню некаторых даследчыкаў аповесці, такіх апрацовак вуснага падання аб Меркурью Смаленскім адначасова ўзнікла дзве: адна з іх больш дакладна перадавала паданне, другая ж, пашыраная, — праслаўляла Меркурыя ў такім напрамку, што яго вобраз пад пяром пісца паступова ператвараўся ў святога мучаніка і, такім чынам, з воін-

¹ Пералік гэтых рукапісных спіскаў глядзі: Л. Т. Белецкія. Літаратурная гісторыя повести о Меркурии Смоленском, Петроград, 1922, стар. 50—53, у зб. ОРЯС Російскай АН, т. ХСІХ, № 8.

скай аповесці стваралася жыцце. У далейшым гэтае жыцце неаднаразова віда-
змянялася і ўрэшце ўзнікалі новыя рэдакцыі і спісы пераробак. Такіх жыццё-
ных рэдакцый аповесці аб Меркурыю Смаленскім вядома чатыры.

Тэкст аповесці аб Меркурыю Смаленскім пададзён паводле Жулёўскага
рукапіснага спіска 1665 г., які цяпер знаходзіцца на захаванні ў Дзяржаўным
гістарычным музеі ў Маскве. (Гл. зб. Маскоўскай сінадальнай бібл. № 908,
лл. 218—223.) Гэты спіс аповесці бліжэй за ўсе спіскі аповесці аб Меркурыю
Смаленскім стаіць да народнага падання аб ім.

СЛОВО О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

Бѣ убо нѣкто человек млад верстою¹, именем Меркурий,
во граде Смоленске. Благочестив сый² в заповедех господ-
них, поучаяся день и ночь цвѣтый преподобным житием,
постом и молитвою сияя, бо яко звѣзда богоявленна посреде всего
мира, бѣше бо умилен душею и слезен, часто приходѣше ко кресту
господню молитися за мир, зовомый Петровскаго ста. Бѣ бо тогда
злочестивый царь Батый пленил Рускую землю, безвинную кров
пролия, аки воду силну, и христиан умучи.

И пришед той цар с великою ратию на богоспасаемый град
Смоленск. И ста от града за 30 поприщ, и многи свѣтыя церкви
пожже, и христиан поби, и твердо вооружашеся на град той.

Людие же бѣху в велицей скорбѣ, неисходно пребывающе в со-
борной церкви пречистыя богородицы, умиленно вопиюще с плачем
великим и со многими слезами ко всемогущему богу и пречистой
его богоматере и ко всѣм свѣтым, еже сохранитися граду тому от
всякого зла. Се же бысть нѣкое смотрение божие ко гражаном,—
внѣ града бысть близ за Непр³ рекою и Печерstem монастыри,—
преславно явись пречистая богородица понамарю⁴ тоя церкви и
рече: «О человек божий, скоро изыди ко оному кресту, идѣ же
молитися угодник мой Меркурей, и рцы⁵ ему: зовет тя божия мати!»

Он же шед тамо⁶ и обрѣте его у креста молящася богови и возва
его именем: «Меркурие!» Он же рече: «Что ти есть⁷, господине мой!»
И глагола ему: «Иди скоро, брате, зовет тя божия мати в Печер-
скую церков».

Паки⁸ же вшед богомудрый во свѣтую церков и видѣ пречистую
богородицу, на злате престоле сѣдяща, Христа в нѣдрех имуща,
обстоима ангельскими вои. Он же паде пред ногама ея, поклонися
с великим умилением, ужасен бысть. Востави же его от земля пре-
чистая мати божия и рече ему: «Чад⁹ Меркурие, избранниче мой!
Посылаю тя, иди скоро, сотвори отмщение крови христианския;
шед, побѣди злочестиваго царя Батые, все войско его. Потом при-
идет ти¹⁰ человек, красен лицом. Вдай же ему в руцѣ все оружие
свое и усечет ти главу. Ты же ю¹¹ возми в руку свою и прииди во
свой град и тамо примещи кончину. И положено будет твое тѣло
в моей церкви».

Он же зѣло¹² о том востужи и восплака, и глагола: «О пречи-

¹ узростам, гадамі. ² гэты. ³ Дняпро. ⁴ царкоўны стораж. ⁵ скажы. ⁶ туды. ⁷ што
табе трэба. ⁸ зноў, калі. ⁹ дзіця. ¹⁰ табе. ¹¹ яе. ¹² вельмі.

стая, госпоже богородице, мати Христа, бога нашего! Како аз¹, окаянный и худый, непотребный раб твой, на толикое дѣло твое силен быти, и не достало ли ти небесныя силы, владычице, побѣдити злочестиваго царя?» И взем благословение от нея, и весь вооружен бысть, и отпущен поклонився до земля, и изыде из церкви. И обрѣту прехрабра коня стояща и возсѣд на нь² и ишед из града. И дошед полки злочестиваго царя. Божию помощию и пречистыя богородицы побивая враги, собирая христьян пленных и отпущая во град свой, прехрабро скакаше по полком, яко орел по воздуху лѣтая.

Злочестивый же царь, вѣдѣв³ таково побѣждение людей своих, велиим страхом и ужасом одержим бысть, и скоро отбѣжа града того без успѣха в мале дружине. И пришед во Угры⁴ и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.

Таже⁵ предста Меркурию прекрасен воин. Он же поклонися ему и вда все оружие свое, и преклонь главу свою, и усечен бысть. И тако блаженный взем главу свою в руку свою, а в другую руку коня своего, и пришед во град свой безглавен. Людие же, видѣвше тако, удивляющесе божию строению. И дошед врат Мологинских. Ту же вышла по воду нѣкая дѣвица, и зря святаго без главы идуща, и начат святаго нелѣпо бранити. Он же в тѣх вратех возлеже и предаст честне душу свою господеви. Конь же той невидим бысть от него.

Того же града архиепископ пришед со кресты со множеством народа, хотя взяти честное тѣло святаго, и не вдася им святой. Тогда бысть велий плачь в людех и рыдание, что не восхотѣ поднятися святой. Таже бысть архиепископ в велице недоумѣнии, моляся богови о том. И се глас бысть к нему, глаголя: «О слуго господень! О сем не скорби. Кто посла на побѣду, той и погребе его! Святому же ту лежащу 3 дни непогребену».

Архиепископ же той всю ночь без сна пребываша, моляся богови, да явит ему бог тайну сию. И зря во оконце свое опасно прямо соборныя церкви, се же видит ясно: в велицей свѣтлости акы в солнечной зари, ишедши ис церкви пречистая богородица со архистратиги господни Михаилом и Гавриилом. И дошедше мѣста того, идѣ же лежаше тѣло святаго, взем же пречистая богородица в полу свою честно тѣло святаго, и принесше во свою соборную церковь, и положи на мѣсте своем во гробе, идѣ же есть и до нынѣ всѣми видим бысть, содѣвая чудеса в славу Христу, богу нашему, благоухая яко кипарис.

Архиепископ же, ко утренней вшед в церковь, виде чудо преславно — святаго лежаща на своем мѣсте почивающа. Таже стекшися людие, и видивше чудо то, и прославиша бога.

¹ я. ² на яго. ³ калі даведаўся. ⁴ Карпаты, а магчыма Венгрыя. ⁵ там жа.

БЕЛАРУСКІЯ ЛЕТАПІСЫ

Першапачатковы летапіс Кіеўскай Русі аказаў моцны ўплыў на развіццё ўсіх пазнейшых летапісаў, у тым ліку і беларускіх, якія ў навуковай літаратуры называюцца заходнерускімі, або па назве княства, у якім яны пісаліся, літоўскімі летапісамі.

Беларускія летапісы, як і іншыя пазнейшыя летапісы, з'яўляюцца тымі літаратурнымі парасткамі, якія выраслі на базе агульнарускага першапачатковага летапісу. Ён ім служыў не толькі ўзорам, але і крыніцай першапачатковых вестак, якія перапісваліся пісцамі часам поўнасцю, часам са значнымі скарачэннямі, а ў некаторых выпадках дапаўняліся матэрыяламі мясцовых легенд і паданняў. Асабліва гэта датычыцца некаторых спісаў беларускіх летапісаў поўнага зводу, у якіх дагістарычныя звесткі казачнага характару паддзены з пэўнай тэндэнцыяй мясцовага патрыятызму.

Наколькі летапісы, як адзін з відаў тагачаснай свецкай літаратуры, былі папулярны ў Беларусі сведчыць далёка няпоўны для свайго часу пералік летапісных спісаў, якія захаваліся да нашага часу і выдадзены ў 1907 г. Археаграфічнай камісіяй у XVII томе Поўнага збору рускіх летапісаў. Па гэтаму выданню можна меркаваць, што ў старажытнай Беларусі бадай кожны культурны феадальны цэнтр веў свой уласны летапіс.

Адным з самых старэйшых беларускіх летапісаў з'яўляецца летапісны зборнік, вядомы ў літаратуры пад назвай «Летапіс Аўраамкі», які быў напісаны смаленскім манахам Аўраамам па волі мясцовага епіскапа Іосіфа ў 1495 г. у часы княжэння вялікага князя літоўскага, а пазней польскага караля Аляксандра Казіміравіча (1492—1506). Як і іншыя летапісы, летапіс Аўраамкі — твор многажанравы. Побач з гістарычнымі запісамі тут нярэдка сустракаюцца апавяданні тыпу воінскай аповесці (напр. «О побоищи на Овожи князю с татары», «О Мамаи» і інш.), прасякнутыя патрыятычным пафасам барацьбы супроць татарскай навалы і ідэяй агульнарускага адзінства. Летапісец асуджае княжацкія міжусобіцы і падкрэслівае свае сімпатыі да Масквы, як да цэнтра, вакол якога павінны групавацца ўсе старажытнарускія землі. Вось чаму паводзіны разанскага князя Алега і літоўскага князя Ягайлы Альгердавіча, стаўшых памочнікамі Мамаю, выклікаюць у летапісца гнеўнае абурэнне і з'едлівыя характарыстыкі.

Усе дайшоўшыя да нашага часу беларускія летапісы прадстаўляюць сабою або кароткі тып летапісаў, або пашыраны поўны звод, складанне якога трэба аднесці да другой палавіны XVI ст.¹

Ніжэй пададзеныя ўрыўкі з тэкстаў беларускіх летапісаў друкуюцца па выданню «Полное собрание русских летописей», том XVI, СПб., 1889, т. XVII, СПб., 1907. З тома XVI падаюцца ўрыўкі з «Летапісу Аўраамкі» слупкі 65, 75—76, 105—107, 120—130, а з тома XVII, урыўкі з «Супральскага спісу» слупкі 67—69, 71—81, з «Спісу графа Рачынскага» слупкі 295—310.

¹ Падрабязна па гэтаму пытанню сказана ў Е. Ф. Карскага (гл. Белорусы, т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 94—107).

Того же лѣта (1327) приѣха посол силен из орды, именовъ Щолкан, с множествомъ тотар на Тѣрь, и великое нача насилие творити, а князя Александра¹ и его братью побити хотяще, а Щолкан хотѣ състи на княженъи в Тѣри, а своих князей тотарскихъ хотяше посажати по рускимъ городомъ, а хрестьян хотя привести в бесерменьскую² вѣру. Князь Александр созва тѣрици, и поиде на Щолкана, рекъ тако: «Не аз почал избивати, но он; и да будетъ оместник³ богъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрия, зане проля кровь праведную, егда и мнѣ тоже сътворить?» И поидоша на них. Они же слышавше князя Александра на ся ратью, и изыдоша противу им, и съступишася восходящу же солнцю и бишася яресъ весь день и уже къ вечеру. И одолѣ князь Александр, а Щолкан побѣже на сѣни; и князь Александр повелѣ зажещи отца своего дворъ Михайлов, и ту згорѣ Щолкан с дружиною своею; и побѣдиша ихъ на Успение святыя богородица, а гость ихъ Хопылъскыйъ весь иссѣкоша. Того лѣта поиде Иван Даниловичъ⁴ в орду. А на зиму приидоша на Русь 5 темниковъ⁵, а с ними князь Иван Даниловичъ и плѣниша градъ Тѣрь, и всей земли много зла сътвориша, а князь Александр бѣжа в Псков.

О псковичахъ лъживыхъ^б

Прислаша псковичи къ Новгороду с поклономъ, глаголюще тако: «Идетъ на насъ рать нѣмѣцкая допона ко Пскову, чтобы есте поборонилѣ насъ отъ нѣмѣцъ». И новгородци же, не умедливше нимала, поидоша в великую пятъницу, а инии в великую субботу, а гридници вси попечатав; и яко быша на Мелетовѣ, и прислаша псковичи къ новгородцамъ: «Вамъ, господѣ своей, кланяемъся, рати къ намъ нѣту»; новгородци же възвратишася в Новгород.

Потомъ же и псковичи, отвергъшеся Новгорода и великого князя руского, послаша послы в Видбескъ ко князю Олгерду Гидимовичю помощи просити, а на Новгородъ лжу въскладывая: «Братья наши новгородци не помогаютъ намъ, помози намъ господине, в се время». Князь Олгердъ приа челобитѣ плесковское, и посла къ нимъ напередъ себе воеводу своего князя Юрья Витововича, а самъ, с братомъ своимъ с Кѣстутемъ и с мужи своими с литовники, приде в по-

^а Текстъ пададенъ на «Летапису Аўраамкі» (гл. ПСРЛ, т. XVI, слупокъ 65).
¹ Аляксандр Міхайлавічъ быў сынамъ вялікага князя Міхаіла Яраславіча, князя цверскага; калі быў выгнаны з Цьверы Іванамъ Калітой, то пры падтрымцы Літвы княжыў 10 год у Пскове. Пасля пасадкі ў арду ў 1330 г. зноў княжыў у Цьверы, а ў 1340 г. разамъ з сваімъ сынамъ Фёдарамъ быў забіты ў ардзе татарскімъ ханамъ Азбьякамъ. ² мусульманскую. ³ месціўца, а магчыма «сведка». ⁴ Иванъ Данилавічъ Каліта—вялікі князь маскоўскі, пам. у 1340 г. ⁵ тысяцкіхъ, г. зн. камандзіраў вялікіхъ войскъ («тмы»). ^б Гл. ПСРЛ, т. XVI, слупкі 75—76.

мощь плесковицам, и приведе с собою сына своего Андрѣя, тако бѣше имя ему молитовное, а еще бѣше не крещен.

И Олгерд посла Юрѣя Витовтовича к Новугородку языка добывати, он же подѣйма псковиць охвочих людей, поѣхаша на сумежье¹; и стрѣтошася великою ратью нѣмѣчкою, оже они идутъ на стоянѣе кы Изборьску, и убиша нѣмци изборян и плесковиць 60 мужь на Мекужичком полѣ, у Мекужици рѣкѣ, а Юрѣи прибѣжа в Избореск в малѣ дружинѣ. И наутриа же придоша нѣмци к Изборску граду с силою великою, и с пороки и с многым замышлением, и обступиша град, хотяще расхытити дом святого Николѣ. А Олгерд и Кестутѣй повелѣша своим литовником, и видѣбляном и плесковицам бродитися за Великую рѣку, а не вѣдающе под Изборском рати; и они перебродившеся сташа станы на Комнѣ. А Олгерд посла своих людей в сторожу² пред полком, а они ѣхавше язык изымаша за Комном и приведоша ко Олгерду; и он повѣда силу велику нѣмѣчкую и рать стои под Изборьском. И повелѣ Олгерд и Кестутѣй своей литвѣ опять перебродитися за Вѣликую рѣку в Плесков, тако же и псковичи перебродишася с ним, блюдуще своих дѣтей от литвы; а Олгерд и Кестутѣй взади своими литовники и с плесковици, в малѣ дружинѣ, и поѣхаша в Грамотское болото, и начаша перепытывати нѣмѣчкѣй рати. А Любко князь, сын Воинев, полотчкого князя, сам друг отѣхавши от Олгерда, и вѣхаша в сторожевой полк нѣмѣчкѣй рати, не вѣдущу ему, и убиша его самого друга; и бы Олгерду и Кестутѣю и иным князем скорбь и печаль по Любкѣ князѣ.

А в то время притужно бѣше велми Изборску, и прислаша изборяне гонецъ в Псков с многою тугою и печалью; Олгерд же и Кейстутѣй с своими литовичи отрекошася поити противу силѣ нѣмѣчкѣй, а псковицам единым не мощно бѣше пособити изборяном. И стояша нѣмци под Изборском 10 дней, и воду отѣяша от изборян; помощью же святыхъ троица и молитвами святого Николѣ, отѣидоша прочь, пожегше и пороки и весь запас свой, не вѣдающе, что ниту в Изборьскѣ воды; нѣ бог храняше град и люди сущая в нем, а поганым вложи в сердце обратитися на бѣг.

Тогда псковичи много томиша Олгерда, крестити его хотяще и на княженѣе посадити в Псковѣ; он же отречеся креститися и княженѣя Псковьского; и крестиша сына его Андрѣя в зборнѣй церкви, и посадиша его псковичи у себе на княженѣи. А Олгерд и брат его Кестутѣй поѣхаша с своими князи и с своею силою в Литовьскую землю, а помощи никоежея не учинивше псковицам, толко около Пскова хлѣб, сѣно истравиша; и видѣвше псковичи, что помощи им нѣсть от Литвы, и положиша упованѣе на бога, и на святую богородицю, и на Всеволожу молитву и на Тимофѣеву, и добиша челом Новугороду и смиришася. Того же лѣта (1342) псковичи биша нѣмецъ, уголивше под ихъ городком под Новым на руближи, и избиша их 300.

¹ на границу. ² у разведку.

Влѣто 6887 (1379) ... Ордыньскый князь, Мамай поганый, послал Бичига¹ ратью на Дмитриа, князя московского, князь Дмитрий с своими вой² поиде противу их, переѣхав за Оку, вниде в землю Рязаньскую; и стрѣтошася с татары у рѣкѣ у Воожѣ, и стояху промежи собою рѣку Овожу имуще. Не по мнозѣх же днех тотарове переехавше на ту сторону, и ударивше в конѣ свои и вѣскочиша борзѣ, кликнуша гласы своими, и тѣкнуша на наших, и удари на них с одну сторону Тимофѣй околницѣй, а с другую сторону удари на них князь Данило Проньскый, а князь великый удари в лице; тотарове же в том часѣ повернуша и, повергъше оружья своя, побѣгоша за рѣку за Овожу; и наши пошли за ними, сѣкуще и колюще их, и избиша их множество, инии в рѣцѣ истопоша. А се имена избитых князей: Хазибѣй, Каверта, Карабалук, Кострок, Бигичка.

По сѣх приспѣ вечер и заиде солнце, и смеркнеся свѣт, и наста ночь, и бысть тма, и нельзѣ быше гнатися за ними за Оку рѣку; и наутриа бысть мѣгла велика велми, а тотарове такы побѣгоша еще с вечера, и вѣсю ночь бѣжаша.

Князь же Дмитрий назавѣтрѣе перед обидом поиде за ними слѣдом их, и позьнаша их убѣжавше далече, обрѣтоша в полѣ дворы их повѣржены, и шатры, и вежи их, и алачюгы и телѣгы их, а в них товар бесчислен, все пометано, а самѣх не обрѣтоша; бяху бо побѣжали ко ордѣ. Изымаша же на той войнѣ пока нѣкоего от орды пришедъша Иванова Васильевича, и обрѣтоша у него злых зельѣй лютых мѣшок; и испрошавше его и много истязавше, рассудивше, послаша его на заточенье на Лаче озеро, иде же бѣ Данил заточен.

Князь же Дмитрий възвратися оттуду на Москву с побѣдою и користью. Тогда убьен бысть Дмитрий Манастырев да Назар Данилов Кусакова.

Се побоище прилучися³ мѣсяца августа в 11, в среду, при вечерѣ; и поможе бог князю Дмитрию, и одолѣ ратным, и побѣди врагы своя, и прогна поганых тотар. И посрамлени быша погании половци, и възратишася с студом без успѣха, нечтивии измальтяне, побѣгоша гонимѣ гнѣвомъ божьим, и прибѣгоша в орду ко своему царю, паче же к пославшуму я⁴ Мамаю, понеже царь их, иже в то время имѣяхуть его у себе, не владыше, ничто же сѣтворити пред Мамаем, но вѣсяко старѣшинство съдержаше Мамай и всими владыше в ордѣ.

Видивше же Мамай изнеможенне своея дружины, прибѣгших к нему, а иныя избиты князи и велможи и дружина его, и многы воя своя побѣжены, и разгнѣвася зѣло и възъярися злобою; тоя же осени събра остаточьную свою силу, понде ратью изгоном на Рязаньскую землю.

^аПСРЛ, т. XVI, слупкі 105—107. ¹ ардыньскі царевич. ² войскамі. ³ адбылося. ⁴ іх.

Князь же Олег не приговори, не ста противу их на бой, но выбѣжа из своа земля, а град свой остави, и перебѣже за Оку; татарове же пришедше, и взяша Переяславль Рязаньскый и огнемъ пожгоша, и волости и села повоеваша, людей много посѣкоша, а иных в полон поведоша, и возвратишася в землю свою, много зла створише хрестьяном. Тогда же ходил князь Володимер и Ондрий Олгердовичь на Литву.

О взятъи Москви Тахтамышем, о прихоженни и о пленени царя Тахтамыша на Руськую землю^а

Бысть нѣкое проявление, по многи ноци являшеся тако: овогда в вечерней зари, овогда в утреней, тоже многажды бываше. Се же знаменье проявлеше злое пришествие Тахтамышово на Рускую землю, и горкое поганых татар нахождение на хрестьяны, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ, за умножение грѣхов наших.

Бысть в 3-ее лѣто царства Тахтамышева¹, царствующу ему во ордѣ и в Сарай, и того лѣта царь Тахтамышь посла слугы своя в град, нарицаемый Болгары, иже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускыя и гости хрестьянския грабити и имати² самых, а товар и суды отымати и провадити к собѣ на перевоз; а сам потщася съ яростию, събрав воя многы, и подвижеся к Волзѣ с всею силою своею, и перевезеся на сю сторону Волзѣ с всѣми своими князми, и с безбожными вои с татарьскими полкы, и поиде изгоном на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Рускую землю; ведяше же рать внезапу без вѣсти, умѣниемъ, тацѣм³ же злохитрием, не даючи вѣсти преже себе, да не услышано будетъ на Руси стремление его.

И то слышав князь Дмитрій Костянтиновичь, князь суздальскый, посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василя да Сѣмена; они же пришедше на обрѣтоша его, бяше бо идый борзо на хрестьяны, и гнаша в слѣд его нѣколько дний, и переяша дорогу его на мѣстѣ нарицаемѣмъ Сернацѣ, и поидоша по дорозѣ его с тщанием, и постигоша его близ предѣл Рязаньскыа земля.

А князь Олег рязаньскый стрѣти царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю Рязаньскую и бив ему челом бысть ему помощник на побѣду Руси, нѣ и споспѣшник на побѣду хрестьяном, и ина нѣкая словеса изнесе о том, како плѣнити землю Рускую, и како без труда взяти каменный град Москву, и како побѣдити и добыти князя Дмитриа; еще же к тому обведе царя около всей своей вѣтчины Рязаньскыа земли, хотяше бо добра не нам, но своему княженью помагаше.

А в то время поздо нѣкако сице егда прииде вѣсть князю великому, възвѣщаючи рать татарьскую; аще бо и не хотяше Тахта-

^аГл. ПСРЛ, т. XVI, слупкі 120—130. ¹ у 1382 г. ² паланіць. ³ злодзеем.

мышь, дабы кто вѣсть принесл на Рускую землю о его приходѣ, того бо ради вси гости рускиа поимани быша и удержани, дабы не было вѣсти на Руси, но обаче суть нѣци доброхоты на предѣлѣх ордынских на то устроени, поборници суще земли Руской и великому князю. Слышав же князь великій такую вѣсть, како идетъ на нь¹ самъ царь в множествѣ силы своея, и се нача сбирати вой и съвокупляти полки своя, и выѣха из града, хотя поити противу татар; и ту начаша думати князь Дмитрий с прочими князьми рускими, и воеводами, и с думцами, и с велможами и с бояры старѣйшими, и всячески гадавши, и обрѣтесе разность в князех и не хотяху пособляти друг другу, и не изволися пособляти брату. Не помянуша пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити брати вкупѣ!» И другому присно² помнимому рекшу: «Друг другу пособляя и брат брату помагая яко градъ тверд».

Бывшу промежу ими неединачеству и неимовѣрству, и то познавъ и разумѣв и рассмотрив князь Дмитрий, бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убояся стати в лице противу самого царя, но поѣха в свой град Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и паки, реку, вборзѣ³ на Кострому.

А Куприан митрополит приѣха на Москву. А в градѣ Москвѣ бысть мятежь велик зѣло, бяху бо людье смущени, яко овца не имущи пастуха, гражданьстѣи бо людье възмутишася и възколѣбаша яко пьяни: ови же сѣдѣти хотяще, в градѣ затворившеся, а друзии бѣжати хотяще, бывши промежи их распрѣ велицѣ, инѣи же с рухлом в градѣ вмѣщася, друзии же из града бѣжаху ограблени суще; и позвониша во вся колоколы, и створиша вѣче, и вѣсташа вѣчемъ народъ мятежници, недобрини чловѣчи, людье крамолници: хотящихъ изыти из града не токмо не пуцаху изыти, но грабаху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни бояр нарочитыхъ не устрашишася, ниже усрамляху сѣдин старецъ многолѣтныхъ, но на вся огрозишася, ставше на всѣхъ вратѣхъ градныхъ сверху каменемъ бияху, не пуцающе вылѣсти из града, а долѣ на земли с рогатынями и с обнаженнымъ оружиемъ стояху, и ограбливаху до наготы.

Граду же одинако в мятежи сущу смущающуся, акы в бурѣ велицѣ, ни откуду же утѣшениа обрѣтающе, но паче пуци и болшаго зла ожидаху; сим же тако бывающимъ, и потомъ приѣха к ним в городъ нѣкоторый князь литовскый именемъ Остѣй, внукъ Ольгердовъ, и тѣ⁴ окроти⁵ народи и мятежь градный уставив, затворися с ними в градъ в осадѣ со множествомъ народа, с тѣми, елико⁶ осталось гражданъ, и елико бѣжанъ сбѣглося с волости, и елико от иныхъ градовъ и странъ приключилося в то время бояре, и сурожани, и сурконники, и процѣи купци, архимандриты, игумены, протопопы, и прозвитеры, и дьяконы, и чернѣици, и черницы, и всякъ възрастъ мужьска полу и женьска и с мьладенци.

Князь же Олегъ обведе царя около своей земли, и указа ему

¹ на яго. ² заусѣды. ³ хутка. ⁴ той. ⁵ супакоіѹ. ⁶ колькі.

вся броды сушая на Окѣ на рѣкѣ. Царь же прешед Оку рѣку, преже всѣхъ взя город Серпухов и огнемъ пожже и¹. Оттуда тако же поиде к Москвѣ, устремився, и духа ратнаго наполнился, волости и села жгуши и воююши их, а народ хрестыанскый съкуши и всячески убиваюши, а прочая люди в полон емлюши.

О Москвѣ. И паки² прииде царь Тахтамышъ ратью к Москвѣ со всею своею силою тотарскою, мѣсяца августа 23, и приидоша не вси полци к граду; и начаша кличюще въпрашивати: «Есть ли князь Дмитрій в Москвѣ?» Они же с града с заборол отвѣщавше, рекоша им: «Нѣту».

Татарове же отступиша недалече, и начаша ѣздити около града, обзирающе и рассматривоюще приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрѣлницѣ, и паки стояху зряще на град.

А тогда в градѣ внутрь всюду добрыи люди молахуся богу день и ночь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покаянием и с причастием и с слезами. Нѣции же недобрии челоуѣци начаша обходити по дворомъ, износяще ис погребов меды господскыя, и съсуды серебряныя и стѣкланица драгя, и до пьяна упивахуся, а к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрасимся поганыхъ нахоженія татарскаго, се ликъ тверд град имуще, еже стѣны камены и врата желѣзна; не терпятъ бо тии стояти под градомъ нашимъ долго, сугубъ страхъ имуще, изнутри града боицѣ, а внѣду³ града князей нашихъ съвокупляемыхъ устремления блюдутся».

И паки възлазяще на град, пиани суще, шатахуся, ругающеся татаромъ, образомъ бестуднымъ досажаяще и нѣкаа словеса износяще, исполнь укоризны и хули, кыдаху на ня, мнѣвше бо ихъ толико тои есть силы татарскыя. Татарове же к нимъ прямо на градъ голыми саблями своими машуще, образомъ аки тинаху, накиваяюще издалеча. И в той день к вечеру тии полци отступиша от града, и наутриа царь приступи с всею силою своею и с полкы своими под городъ, гражанѣ же узрѣвше силу велику и убояшася зѣло. Татаровѣ же тако и поидоша ко граду, гражани же пустиша на нихъ по стрѣлѣ, и они паче пустѣша на нихъ по своей стрѣлѣ, и пакъ они прилѣжно стрѣляша своими стрѣлами, и идяху стрѣлы ихъ акы дождь велик и умноженъ зѣло, не дадуще ни прозрити, и мнозѣ на градѣ стояще на забралѣхъ падахуся, одоляху бо татарскыя стрѣлы паче, неже градскыя: бяху бо у нихъ стрѣльци горазднии велми, ови от нихъ стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще, изучени суще, а инии на конѣхъ борзо гоняще на обѣ руцѣ, и паки наперед и назад, скорополучно стрѣляху, без погрѣха: а друзии от нихъ створше лѣствицѣ и присланяюще лѣзоша на стѣну; гражани же воду в котлѣхъ варяще, кипятню, ляху на ня вар, ти тако възбраняхуть имъ. Отшедшимъ же имъ и пакъ инѣмъ приступльшимъ, и тако по три дни бяхуся промежи собою, превъзмагающеся.

Егда бо татарове приступаху к граду, и се паки близ присту-

¹ яго. ² зноу. ³ знадворку.

пающе ко стѣнам градским, тогда гражани стрежаху град, супротивляющесе им и възбраняюще, ови стрѣлами стрѣляху с забрал, ови же каменемъ шибяху на ня, друзии же тюфякы пущающе на них, а инѣи самострѣлы напрузающе пружаху и пороки, есть же ниции, яко и самыя ты пушкы пущаху. В них же бѣ нѣкто един гражанин москвитин суконник, именован Адам, иже бѣ над враты Фрольлавръскими, примѣтив и знаменав на единого татарина нарочита и славна, иже бѣ нѣкоего князя ордыньскаго сын, и напруг стрѣлу самострѣлну, и спусти, и уязви его в сердце и вскорѣ съмерть ему нанесе. Се же бысть велика язва всѣмъ тотаромъ, и яко и самому царю стужити о семь.

Симъ же тако бывающимъ, царь же стояв у града 3 дни, а на четвертый день оболсти князя их Остѣя лживыми словесы и лживым миром, и възва его из града вон и уби его пред враты града, а ратем своимъ всѣмъ повелѣ приступити к граду с вси стороны. Какова же бысть облесть Остѣю и сущим гражаном всѣм в осадѣ: понеже царю стоящу 3 дни у града Москвы, а на четверты день заутра, в полъобѣда, по повелѣнию цареву, приѣхаша татарове нарочитыи, болшии князи ордыньскыи и рядчи его, с ними же и два князя суздальскыи, Василий да Съмен, сынове князя Дмитриа Суздальскаго. И пришедше под город, и приближившесе близ стѣн градских по опасу, и начаша глаголати к народу сущему на стѣнах: «Царь вас, своих людей, хоцетъ жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на вас бо воюя прииде, но на князя на Дмитриа ратуя царь прииде, ополчився, вы же достойни есте милованиа, иного же ничто не требуетъ царь от вас, развѣи токмо изыидѣте противу царя в стрѣтение ему с честию и з дары, купно и с своим княземъ; хоцетъ бо видѣти град сей, и в него внити и в немъ побывати, а вам даровати мир и любов свою, а вы ему врата градная отворите». Тако же и князи Нижнего Новгорода глаголаху: «Имѣте вѣру нам, мы есме ваши князи хрестьяньскыя, вам на том правду даем».

Народи же градъстии вѣру яша словесем их, си помыслиша и прельстишася, омрачи бо их и ослѣпи бо я прелестъ татарская и омрачи, а гроза бессѣрьмянская, не познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имете». И отвориша вратя градная, и изыдоша с кресты и с князем и с дары многыми противу царя, тако же архимандриты и игумены и попове в ризах, а по них боярѣ и болшии мужи, и потомъ народ и чѣрныи люди. И в том часѣ поча татарове съчи направо, по ряду: и преже всѣх убьен бысть князь их Остѣй пред градом, и потом начаша съчи игуменов и попов, аще и в ризах с кресты, и чорных людей, и ту бяше видѣти свята иконы повѣржены и на земли лежаща, и кресты честныя бес чести небрегомы, и ногами топчемы, обоманы же и одраны. Татаровѣ же такы поидоша в град, съкуще, а ниши же по лѣствницам на град възидоша, никому же бранящу забрал, не сущу никому же на стѣнах и не сущу избавляющему, ни спасающему. И бысть внутри града съча велика, и виѣду тако же

сѣча, толико же сѣчаху, доньдоже¹ руцѣ их и плеща их измолкѣша, и сила изнеможе, саблѣ их не имуть, и острѣя их притупишася.

Людие же хрестьяньстин, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицам сѣмо и овамо, и скоро ршуще толпами, в перси бьюще, вопиюще и глаголюще: «Нѣсть гдѣ избавление обрѣсти, и нѣсть где смерти избыти, и нѣсть где острія меча укритися, и оскудѣ князь и воевода и все воинство их потребися, и оружна их до конца исчезоша». Иннии же в церквах каменных затворишася, нѣ и тамо не избыша, безбожнныя бо силою двери церковныя разбиша, и тѣхъ мечи исѣкоша. Вездѣ же крикъ, и вопль великъ и плачь бысть, яко не слышати другу друга вопиюща, множеством народ кричаща, они же хрестьян изводяще из церкви, лупяще и обнажаяще сѣцаху. А церковь съборную разграбиша, олтаря и святыя мѣста попраша, и кресты честныя и иконы окованныя одраша, украшенныя серебром и златом и каменнем драгым, и пелены саженыя жемчюгом с златом и каменнем оборваша, а святыя иконы попраша, и съсуды церковныя златокованныя и серебряныя многоцѣнныя поимаша; и книг множество с всѣх град и с сел, в съборных церквах до стропа наметано, съхраненныя ради испроважено, то все без вѣсти сътвориша.

Что же изречемъ о казнѣ князя великаго, яко и тоя многоцѣнное скровище скоро истощися, и велехвалное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть? Придем же в сказание и прочих и многих бояр старѣйших, их же казны многовременством събираемы и благодѣньством наполнены, и хранилища их исполнь богатством имѣнныя многоцѣннаго и неизочтеннаго, то все единѣм часом пограблено. И паки другна суща купца в градѣ, иже суть богатии людие, храмины их наполнены всякого добра различнаго, тая же вся часом пограбиша и расхитиша. И многы монастыря разориша, и многы церкви раздружиша, и в святых церквах убийство сдѣяша, и в святых олтарех кровопролитие створиша окаянныи, и святая мѣста оскверниша, яко же пророк Давид глаголаше: «Боже! Придоша язычи в достояние твое, оскверниша церков святую твою; положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша и трупья рабѣ твоих в брашно птицам небесным и плоти преподобных твоих звѣрем земным, прольяха кровь их яко и воду, окрест Иерусалима, не бѣ погребая их; и дѣвица их неосѣтовани быша, и вдовица их не оплакани быша, священници их оружием падоша».

Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество паде трупья Руси, от поганых тотар избѣеных, многых мертвых лежаху телеса мужей, жен, нагы и непокровены. У ту убѣен бысть Симеон, архимандрит Спасовскый, а другый архимандрит Ияков, и иннии мнози игумены, и попове, и диаconi, и крилошани, и четци, и пѣвцѣ, и черньци, и простци, от унаго и до старца, мужьска полу и жень-

¹ да таго часу, пакуль.

ска, тии вси посѣчени быша; а инии в огни изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а друзии от них множай в полошь поведени быша, в работу поганьскую и в страну татарскую пленени быша.

И бяше видѣти тогда плачь, и ридание, и вопль мног, и слезы нечисленныя, крикъ неутолимый, рыдание многое, охание и сътование, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх и трепеть, ужас и дряхлование, бесчестие, поругание, смѣх врагом, укор, студ и срамота, поношение и уничижение. И сия вся приключишася хрестьяном от поганих, грѣх ради наших.

И тако злѣ, скоро взяша Москву, мѣсяца августа 26 день, память святого мученика Андрѣяна и Натальи, в 7 час дни, по обѣдѣ, товар же и всякая имѣния пограбиша, и град огнемь зажгоша и огню предаша, а люди мечьному пресѣчению предаша. И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь, ови от огня бѣжаще мечемь умроша, а друзии от меча бѣжаще в огни сгорѣша. И бысть им четверообразная пагуба: первое от меча, второе от огня, третее от воды, четвертое в пленение поведени быша.

Бысть же преже того видѣти было Москва град великъ зѣло, град чюден, град многочеловѣчен, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в немъ же множество бысть всяких узоричий; и пакы в полѣдень измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣчен и пожжен. И нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и персть, прах и попел, и трупья мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояща разорени, акы же осиротѣвши и акы овдовѣвши; плачетца церкви о чадѣх церковных, паче же о избьеных, яко мать о чадѣх плачущюся.

О чада церковная, о страсотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте и иже нужную смерть приясте от огня и меча! И от поганых насильства церкви стоять, не имущи красоты, ни лѣпоты. Где красота церковная? Понеже престала служба церковная, ея же многа у господа просим; престала литургия святая; престала же и святая просфура, приношение, еже на святом жертовницѣ; престала молитва заутренняя и вечерняя; преста глас псалму по всему граду и умолкоша пѣсни. Увы, мнѣ страшно се слышати, страшнѣе того было видѣти! Грѣсѣ же наши то нам сътворилѣ.

Где благочесть и благостроение церковное? Гдѣ четци и пѣвци? Гдѣ крилосници церковнии? Гдѣ суть иереи священници, служившии богу день и ночь? Все лежать, вси послуша, вси посѣчени быша, и избьени быша, и усѣчениемь меча умроша. Нѣсть позвонения в колоколы, ни в било. Нѣсть зовущаго ни текущаго. Не слышати в церкви гласа поющих, ни слышати славословия, ни славословьления. Не бысть по церквамь стихословна и благодаренна. Во истину суета челоуѣческая, и бысть всеу мятежь челоуѣческой.

Сиде же бысть конець московскому пленению. Не токмо же единая Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша Тахтамышемь царемь.

Князь же великы с княгынею пребысть на Костромѣ и с дѣтьми,

а брат его Володимер на Волокъ, а мати Володимерова и княгыни в Торъжьку, а Герасим, владыка коломеньскы, в Новѣгородѣ.

Кто нас, братъе, о семь не устрашитъся, видя таковое смущение Руской земли? Яко же господь глагола пророкомъ: «Аще хотите, послушаете мене, благая земная снѣсте, и положу страхъ вашъ на вразѣхъ ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никымъ же гоними; послю на вы страхъ и ужасъ, и побѣгнетъ васъ отъ пяти 100, а отъ тысяща». Елма же царь распусти силу татарскую по Руской земли воевати великое княженъе Руское, ови шедше къ Володимерю, много людей посѣкоша и в полон поведоша, а инни полци ходиша къ Звѣнигороду и къ Юрьеву, а инни къ Волоку и къ Мужайску, а инни къ Дмитрову, а иную рать посла в градъ Переяславль, они же его взяша и огнемъ пожгоша, а пераяславци выбѣгоша вон изъ града, а градъ повѣргше, по озеру в судехъ, тамо избыша. Татарове же многы града поимаша, и волости повоеваша и пожгоша, а монастыри пограбиша, а хрестыян посѣкоша, а иныхъ в полон поведоша, и много зла Руской земли сътвориша.

Князь же Володимер Ондрѣевичъ стояше ополчився близъ Волока, събравъ силу около себе. И нѣции отъ тотаръ не вѣдуще его, ни знающе, вѣхаша на нь, онъ же, о бозѣ окрѣпився, удари на нихъ, и тако божьею милостию овыхъ убилъ, а иныхъ живыхъ поималъ, а инни побѣгоша и прибѣгоша къ царю, и повѣдаша царю бывшее. Онъ же отъ того побѣдився, и оттолѣ начатъ помалу отступати. Идущу же ему отъ Москвы, и оттолѣ отступиша рать къ Коломнѣ, и тии шедше взяша градъ Коломну и отыдоша. Царь же перевезеся за рѣку за Оку, и взя землю Рязаньскую и огнемъ пожже, и люди посѣче, а инни разбѣгошася, а полона поведе в орду бесчисленное множество.

Князь же Олег Рязаньскый то видивъ побѣже. Царь же ко орду идущи отъ Рязани, отпусти посольствомъ посла своего Шихмата, шурина своего, къ князю Дмитрию Суздальскому, с его сыномъ, с княземъ Сѣменомъ, а другаго сына его, князя Василья, поятъ с собою во орду.

Отшедшимъ же тотаромъ, и потомъ не по многѣхъ днехъ князь великый Дмитрий и братъ его Володимер, койждо с своими бояры и старѣйшими, вѣхаша в свою вѣтчину в градъ Москву, и видѣша градъ взятъ, и плѣненъ и огнемъ пожженъ, и святыя церкви разорены, а людей побитыхъ, трупиа мертвыхъ бес числа лежащихъ; и о семь съжалиша си зѣло, и яко и расплакатися имъ с слезами.

Кто бо не плачется таковыя погыбели градския? Кто ли не жалуеть толико народа людей? Кто ли не жалуеть? Кто ли не потужить о селици множествѣ хрестыянъ? Кто не сѣтуеть сицеваго плѣнения и съкрушения?

И повелѣша телеса мертвы хоронити, и дающе отъ 40 мертвецъ по полтъинѣ, а отъ ста по рублю; и съчтоша, всего того дано бысть отъ погрѣбания мертвыхъ 500 рубльв. А опрочѣ того елико сдѣяша татарове напасти Руси, убытка княженъю великому, елико протора сътвориша своимъ ратнымъ нахоженемъ, колико градовъ плѣ-

ниша, колико злата и сребра взяша, и всякого товара и всякого узорочья, а землю пугу створиша и волости повоеваша и пожгоша, колико хрестьян в полон поведоша, колико хрестьян мечемъ иссѣкоша, аще бы мощно тѣ вси убѣткѣ исчести, числа не можетъ.

Не по мнозѣх же днѣх князь великийъ Дмитрій посла свою рать на Олга Рязаньскаго. Олег же не в мнозѣ дружинѣ одва убѣжа, а землю его до остатка взяша и пугу сътвориша, пуши ему бысть тотарьскиа рати. Тогда же бывшу митрополиту Киприяну на Тфѣри, тамо избывшу ему ратнаго нахоженья, и приѣха на Москву, октября в 7.

Той же осени к князю Дмитрию на Москву приѣзди посол от царя Тахтамыша Карачь о миру. И потом князь повелѣ хрестьяном ставити дворы и грады съзидати. Того же лѣта свершиша церков камену свято Рожество, на полѣ. В то же лѣто приѣха в Новгород владыка суздальскый.

[А б паўстанні ў г. Смаленску^а]

В лѣт 6948 (1440) сотворися зло велико в Литвѣ: убиень быс князь велики Жикгимонт в Литви во граде Троцех, во вербную, нед(е)лю перед обедомъ и быс метежь велик в Литовьской земли.

А в то врѣмя в Смоленску держал воеводство от Жикгимонта пан Андрей Сакович. И поча приводити ко целованию смолнянъ, что ж князи литовьски и паны вся земля Литовьская кого посадятъ на Вильни, на великомъ княжении, и вамъ от Литовьской земли не отступати и великого князя литовьского, а ко иному не приступати, а мене вамъ в себе держати воеводою во себе, доколе сядеть на Вилни князь великийъ.

И владыка смоленскый Семион¹, и князи, и бояре, и местичи и черныя люди целовали пана Андрѣя на всемъ томъ: Вилни не отступати и пана Андрѣя держати в себе честно воеводою на Смоленску.

И по велице дни, на святой недели в среду, здумаша смолняне, черныя люди: кузнеци, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники пана Андрѣя согнати силою с города; а целование переступили. И наредилися во изброи и со лукцами, и со стрелами, и с косами, и зь секѣрами, и зазвонили в колокол.

Пан же Андрѣй почал ся радити со бояри смоленскими, и бояре ему молвили: «Вели, пане, дворяномъ своимъ убиратися у зброн, а мы и с тобою. Чи лепшей датися имъ в руки?» И поидоша с копи противу их² на конех.

И бысь имъ ступь³. У Бориса и Глѣба⁴ во городе избиша много черныхъ людейъ копии до смерти, а инни ранены живы остави. И побегоша черныя люди от пана Оидрея. И той ноци выеха пан Андрей из города со женою, и бояре смоленскыи с нимъ.

^а Гл. ПСРЛ, т. XVII, слупкі 67—69. ¹ смаленскі епіскап таго часу. ² рамеснікаў. ³ бой, бітва. ⁴ назва царквы.

И после того быс метежь великъ. Во Смоленску изымаше смолняне Петрыку, маршалка смоленского, и утопиша его во Днепръ, и посадиша собъ воеводу в Смоленску князя Андрѣя Дмитриевичь Дорогобужьского.

Рада же литовъская, великого княжеиия князи и панове, и вся земля дорадивъшися и взяша из ляхов Казимера королевича на великое княжение Литовское. И посадиша его со честью на стольнечьномъ град на Вилне и на всей Руской земли.

И в то время приде князь Юри Лыньгвеневиць из Новагорода в Литву, и князь великий Казимир, королевичь, дал ему отчину его Мстиславлю. Бояре же смоленскыи приехали к нему из Литвы ко Смоленску. И черьны люди не пустиша их у город. Они же розъѣхалися по своемь селомь. И затымъ быс брань велика межи бояр и черных людей. И, бояся бояр, черныя люди призваша к собъ оспадарем князя Юря Лигвенивича. И посла князь Юрьи поимати бояр, и поимаша бояр, и поковаша их. Имѣние их подаваша бояремь своимь.

И той же осени, на Филиповы запуски, приде войско литовское ко Смоленску, и сътояша полтрети недели, посады и церкви и монастыри пожьгоша, а людей много множество посекоша, а живых в полон поведоша. И много зла сотворися. И поидоша прочь.

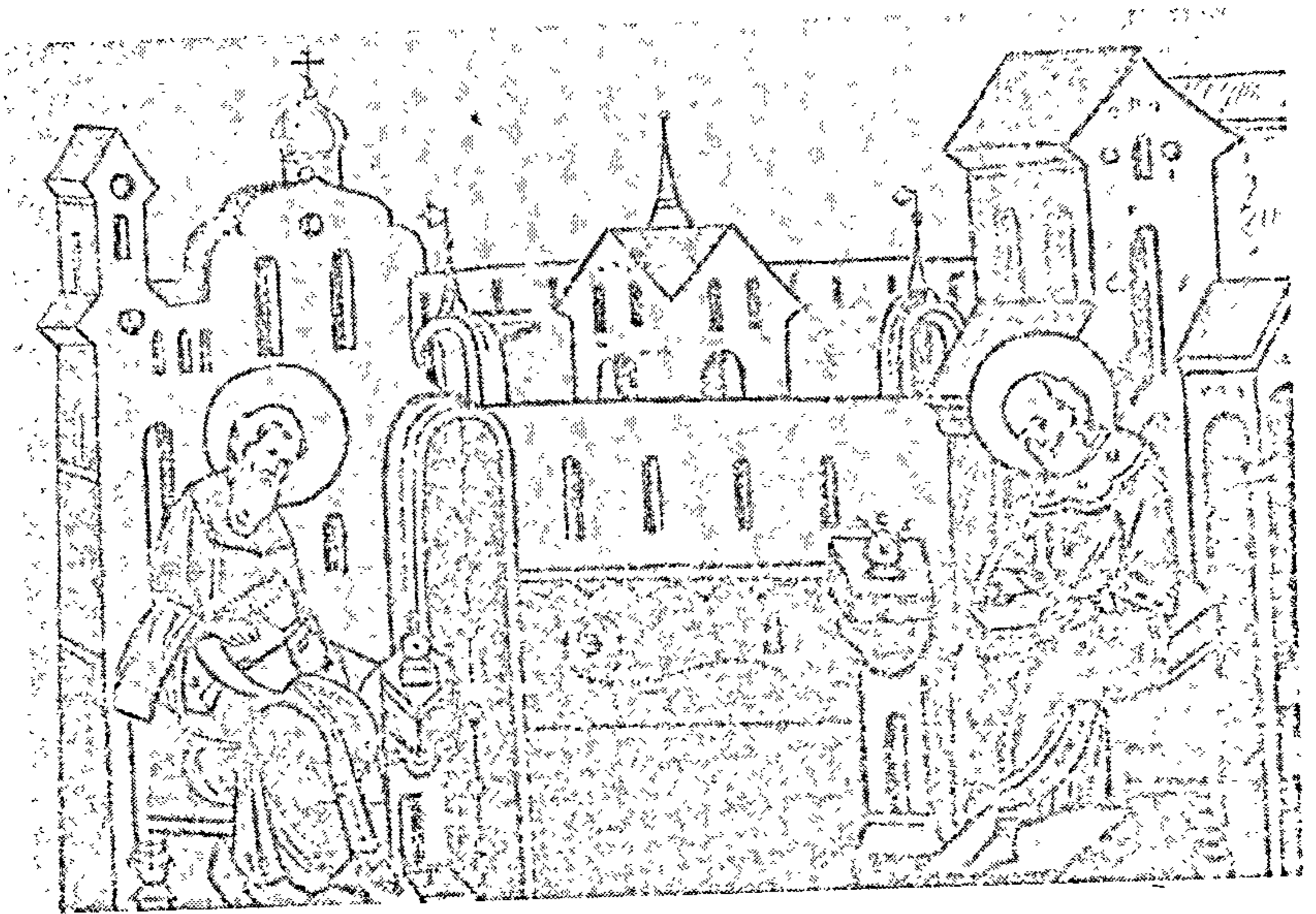
ЛѢТОПИСЕЦЪ ВЕЛИКЫХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВЪСКЫХЪ

Великого князя Кедмина литовъского было сынов 7: стареши Монвид, потомъ Наримонт, Олигоръд, королев отецъ¹, потомъ Евнутей, потомъ Кестути, отецъ великого князя Витовта, потомъ Корият, седмый Люборт. Монвиду даль отецъ Корачев да Слонимъ, Наримонту Пинеск, Олгирду, королеву отцу, Крево, да к тому князь витебскый, сынов не держаль, принял его к дотьце Витебъскъ взяти, Евнутия осадиль во Вильни, на великом княжени, а Кестутию Троки, Коръяту Новъгородок, а Люборта принял володимеръскый князь к дотьце во Володимер и в Луцескъ и во вьсю землю Волыньскуюю.

Олгирд, королев отецъ, а великого князя отецъ Кестути были во великой любви и милости и в ласце. Князь велики Евнутей во болшенсътве будя не полюбился има. И смовили межи собою братья, князь велики Олгирд и князь велики Кестучи, как бы его оттоле высадити, а некоторому бы межи их сести. И, смолвилши межи собою, рок учинили, которого бы дни к Вилни пригнати, за сести город под братомъ, великимъ княземъ Евнутиемъ. А князь велики Олгирд к Вилни из Витебъска не поспел к тому року, а князь велики Кестутей пригнал ко городу Вилни и вогна в город. И князь велики Евнутей выскотив убежить во гуры, тамо озябеть в ноги. Немше его привезли ко брату его ко князю великому Кесту-

¹ Бацька польскага караля Ягайлы (1377—1392).

тно. Он же жда брата своего, старшего великого князя Олигирда, посадити его за сторожею, а противу брата своего великого князя Олигорда послал гонца, что иже во Вилни сель, а брата князя великого Евнутия инял. Стретиль гонець во Креве, и князь велики Олъгирдь борздо поспешить ко брату своему великому князю Кестутию. И князь великый, князь Кестути, рече брату своему великому князю Олигрду: «Тобѣ подобаеть княземъ великимъ быти во Вилнѣ. Ты стареши братъ, а я с тобою за одно живу». И посади его на великомъ княжени Вилни, а Евнутию даль Ижеславль.

Летаписцы.

А докончаютъ межи себе князь Кестутей велики и велики князь Олгирд, што братии всей послушну быти князя великого Олгирда, или который волости то собѣ розъделили, а то собѣ докончаютъ, что придобудуть град ли или волости, да то делити на полы. А быти имъ до живота в любви, во великой милости. А правду межи себе на томъ дали: не мыслити лихомъ никому же на никого ж. Тако же были и до живота своего в той правде.

Сынов же было у великого князя Олгирда 12, а в князя великого Кестутия сынов 6 было. А межи всих сынов любили: князь Олгирд князя великого Ягаила, и князь велики Кестути полюбиль князя великого Витовта. И нарекли при своих животех их, што имъ быти на их мѣстех на великих княжених. Они пакъ князь велики Витовт такъже во великой дружбѣ были при отцех своих.

Потомъ пакъ князь велики Олгирдь умре и князь велики Кестути не остави брата своего великого князя Олгирда, как до его живота

в одиночествѣ с нимъ были. Почнетъ держати княземъ великимъ во Вилни сына его, князя великого Ягаила. И почнетъ пакъ приездити ко старымъ думамъ, какъ ко брату приѣзъчиваль ко старейшему.

Некто пакъ был у великого князя Олгирда паробокъ, неволны холоп, звали его Воидоломъ. Первое был пекаромъ, потомъ вставили его постелю слати и воду давати собѣ пити, и потомъ пакъ полюбился былъ ему, даль былъ ему Лиду держати и повель былъ его в добрыхъ. Потомъ по животе ¹ великого князя Олигирда двѣ ли лѣте минуло, князь велики Ягайло поведеть его велми во высокихъ и даль за него сестру свою родную княжню Марию, што потомъ была за княземъ Давыдомъ. Князю великому Кестутию велми нелюбость учинилъ и жалость, што братанну ² его, а свою сестру за холопа даль. И былъ тотъ Воидило у великой моци у великого князя Ягайла. Почаль со немьци себе соймы чинити и записыватися грамотами противу великого князя Кестутня.

Некто пан былъ остродски кунтор, звали его Гунстыномъ. Тотъ был кмотр ³ великому князю Кестутию: крестилъ княгиню Янушевую, дщерь его. Тотъ повѣдалъ князю великому Кестутию: «И ты того не вѣдаешь, какъ князь великий Ягайло посылаетъ к вамъ часто Воидила, и уже записался с нами какъ тебе избавити своихъ мечь, а ему бы ся достало и со сестрою великого князя Ягаила твои мѣста».

Князь велики Кестутей вѣда, што князь велики Витовтъ гораздо живеть со княземъ великимъ Ягайломъ, и почнетъ жаловатися сыну своему, великому князю Витовту: «Ты с нимъ гораздь живешь, онъ вже записался на нас со немьци». Князь велики Витовтъ рече отцу своему: «Не веруй тому, ачь того нетъ, занъже со мною гораздо живеть, ачей бы мне явил».

Потомъ пакъ учинилося великое знамение. Князь великий Ягайло даль былъ Полтескъ брату своему Скиригаилу, и они его не приняли. И князь великий Ягайло послеть рать свою всю литовскую и рускую со братомъ своимъ княземъ Скригаилемъ и к Полоцьку, и оступять город. И князь велики Кестути опять начнетъ сыну своему, великому князю Витовту, жаловатися и проплакивая на князя Ягайла: «За и ⁴, Воидила, сестру даль, мою братанну, а из немецъ ми явлено, что немьци записалися на нас. А се пакъ третее: с кимъ мы ся воюемъ? — С немьци! Они с ними Полоцька добываютъ. Уже то проявилось, што они на нас полно стали с немьци». И князь велики Витовтъ отвѣчаетъ отцу своему, великому князю Кестутию: «Еще того не доверяю гораздь». А рекл то князь великий Витовтъ, а самъ поѣхалъ к городу Дорогичину. Князь пакъ велики Кестутей собрався своею моцию и вженеть ⁵ во городъ во Вилню, иметь ⁶ князя великого Ягаила и со братнею и с матерью, и грамоты и ⁷ надеть, што з немьци записался, и ко сыну своему гонца послеть к великому князю Витовту к Дорогичину, што такая дѣла сталася. И гонецъ тотъ падеть князя великого в Городне: онъ вже до Го-

¹ пасля смерці. ² пляменніцу, дачку брата. ³ кум. ⁴ яго. ⁵ уварваўся, заняў.
⁶ захапіў. ⁷ яго.

родна приѣхал з Дорогичина. А князь великы Витовтъ за одинь день приженеть из Городна ко отцю своему Кестутию. Он же рече сыну своему, князю великому Витовту: «Ты мнѣ не вѣрил, а се тые грамоты. Записалися были на нас, но бог нас остерегл. Но я князю великому Ягайлу ничего не вчинил: не рушив есмо ни скарбов его, ни стад, а сами у мене не внятстве¹ ходять, толко за малою сторожею. А отчину его Видбескъ и Крево и вся мѣста, што отець его держал, то все даю ему. Ни у во что их не вступаюся. А то вчинил есми, стерега своей головы, почюв што на мене лихо мыслить».

И князь великый Ягайло великому Витовту и дяди своему великому князю Кестутию (дал правду), што николи противу его не стояти, а вьсе у воли его быти во всемь. Князь великый Кестути отпусти его со материю, и со братию, и со скарбы, и со всемь его. И князь великый Ягайло поиде Креиву. Князь великы Витовт проводить его до Креива. И князь великый Ягайло, поидеть ис Крева ко Витебску. А какъ сяде князь великый во Вилни Кестутей, пошлеть 2 человеки к Полоцьку: одного у рать, а другого к городу. И полочане возрадовалися, кликнули на рать и люди ратьни отступили от Скиригаила, и пошли к Вилни к великому князю Кестутию. А князь Скиригаило пошель у немьци, у лифянты с малыми слугами.

И князь пакъ великый Кестутей поидеть ко Сверскому Новгородку на князя Корбутя, а сына своего, князя великого Витовта, оставил в Литве. А идя ко Сиверскому Новгородку, велить Вондила обесити, а князю великому Ягайлу с Витебска поити ж было с нимь. То пакъ великый Ягайло правду на борзде загубиль, тамь не пошель, а наговорил местить виленских и Ганулеву чад, и засели Вилну. А князь великый в то врѣмя Витовт во Троцех былъ. И князь великый Ягайло из Витебска со всеми прижинеть к Вилни. И князь великы Витовт пошлеть ко Сиверскому Новгородку, ко отцю своему, с тою вестию. А немци пакъ прускии, услышавши тая дѣла, и маршалко прускый поидеть ратию к великому князю Ягайлу велми на борзде. А какъ услышав то князь великы Витовтъ, что пруски немьци к Вилни и к Трокомь идуть, а князь великый Ягайло из Вилни ко Трокомь же идеть ратию сниматис с нимци, он поидеть ко Городну и со Трокомь со матерьею.

А какъ приступили ко Трокомь князь великый Ягайло, и Троки дадутся ему.

И князь великый Кестутей к Городну идеть к сыну своему. Туго наидеть и жену свою и пошлеть ей ко Берестию, надияся на князя Януша Мазовского, зятя своего, а самъ поидеть во Жемонть, а сына, князя великого Витовта, оставить в Городне.

Князь пакъ Янушь, зять его, забыв добра, приде князю великому Ягайлу. И се перьво лихвянты рать на помощь приходили князю Скиригайлу к Полоцьку, а потомъ с маршалкомъ пруская рать к Трокомь приходила, а то вже в третие лихвянская рать и с нимь

¹ не ѱ няволі.

же приходила. То уже знаки тые вышли, што с нимь заодно стояли противу великого князя Кестутія.

И выступить на бой князь великы Кестутей со сыномь своимь князем великимь Витовтомь противу великого князя Ягайла. И какь не шошедшимься полькомь за три или за четыры стреления, приженуть¹ князи и бояре от князя великого Ягайла до князя великого рати Кестутееви. Почнуть пытати великого князя Витовта, што быхомь поговорили с нимь. Почнуть говорити великому князю Витовъту: «Князь великый Ягайло послалъ нас к тобѣ, штобы еси уеднал нас со отцемь своим, што быхомь держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нас не было, а крови пролития не вчинилося. Ты бы приѣхал ко брату своему князю великому Ягайлу, а мы правду даемь, штобы тобѣ чисто отъехати в рать свою, ачей бы межи вас былъ добрый конець».

Князь великый Витовт отвещалъ: «Правду у вась беру, штобы тако же князь Скиригайло семо приѣхалъ, а тако же бы правду далъ, и я выеду». И они послали ко князю Скиригайлу. И князь Скиригайло такожь правду дал великому князю Витовту, какь и оны. Князь велики Витовт поѣхалъ к великому князю Ягайлу и к его рати, а полкове стоять, межи собою не починають ничего.

И князь великый Ягайло почнетъ просити великого князя Витовта, штобы еси межи нас уеднал и кровопролития бы не было. И князь великый Витовтъ правду взялъ в него, у князя великого Ягайла, за отца своего, што отцю его великому князю Кестутю съехався и опять чисто розѣхатися. А еще рече князь великый Витовтъ князю великому Ягайлу: «Еще, брате, пошли Скиригайла, штобы онъ а и я а вчинили быхомь правду отцю своему, иже бы ему чисто приходити и опять отѣхати в рать, а князь бы Скиригайло от тебе дал правду».

И князь велики Витовт со князем Скиригалом придуть ко отцу своему, ко князю великому Кестутю, в рать и дасть правду отцю своему от князя великого Ягайла. И князь Скиригайло правду дасть от великого князя Ягайла и от себе. И князь великый Витовт со отцем своимь великимь княземь Кестутиемь обадва поѣде в рать ко Ягайлу, надияся на тьи правды.

Князь же великый Ягайло переступил², молвить: «Поѣдь къ Вилни, тамо докончаемь». А в томь ничего не починавши (рати. — А. К.) остали. И какь к Вилни поѣхали, князя великого Кестутія, дяду своего, оковав, ко Креву послали и всадили во вежю, а князя великого оставили Витовъта еще во Вилни. И тамо во Креиве пятой ноци князя великого Кестутія удавили каморники князя великого Ягайлавы, Прокша, што воду давал ему, а были ины — Мостев брат а Кучюк а Лисица Жибеняй. Таков конець стался князю великому Кестутю.

По смерти пакь князя великого Кестутія, пошлетъ князь великый Ягайло князя великого Витовта во Креиво же и со женою,

¹ хутка прыехалі. ² здрадіў.

и велить его твердо стерети во комьнате; помщая Воидила, дву велѣли на колесе розбити: одного Видимонта, дядю матки князя великого Витовта, отчня брата матки его, што держал Уляну, потом пакъ была за Монвидомь. А иных бояр много постинал ¹, помщая того Воидила. Князь пакъ великый Витовт седель во Креиве за твердою сторожею в комьнате. А жонце двѣ ходили покладывати княгиню в комнату, положив да вон поидуть, а сторожи около. То пакъ великия княгини, слышавъши от людей, иметь ли князь великый Витовтъ должей седѣти, ачей также изгадають как и над отцем. И пригодило ему такъ, как поидуть жонки покладати, но бы ему одной жонъки всклати порты да выити вон со другою жонкою, а той жонцѣ остати бы в него. И он наредивъся в одной жонки порты да за дрогою вышель, да испустится из города: утечетъ во Немьци. У Прусн сущю же ему в нимцах в Марине городъ в мистра, и приѣхаша к нему многи князи и бояре литовъскыи. Он же нача воевати с помочью немецкою литовскую землю.

А князю великому сущю Ягаилу со матерью своею великою княгинию Уляною во Витебъску, а брат его князь Скиригаило в Литовской земли у Троцехъ. А великому князю (часто воюючи Литовскую землю, а великому князю) Ягаилу и Скиригаилу невозможно вже стати противу его, занже бо у него сила велика собралася. Тогда князь велики Ягаило презвав его со немец и даль ему Луческъ со всею Волыньскою землею, а в Литовской земли — отчину его.

Короля Казимира ² в животе не стало. Сынов в него не было, толко одна дочка именовъ Ядвига. И начаша ляхове слати с Кракова ко князю великому Ягаилу, дабы принялъ крещения старого Рима и понялъ бы ³ в них королевну именовъ Ядвигу собѣ женою и стал бы в них кролемъ, во Кракове, на всей земли Лядской. Он же князь великый Ягаило змовилися из своею материю, и с великою княгинию Уляною, и со братиею своею, и со всеми князи и бояре Литовския земли и поѣхав Кракову в Лядскую землю. Тамъ же самъ крестися и братия его и князи и бояре Литовския земли. И понялъ ⁴ за себе кролевну Ядвигу, и корунованъ бысть того королевства коруною. И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру. И присла арцибискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всей Литовской земли.

Той же зимы будущи королю во Кракове со всеми князьми литовскими и бояре литовскими, князь Андрѣй Полоцькый приде с немьци, лифянты и со всею латыною на литовску землю. И повоевал, пожъже много мѣсть и сел, градом же Литовския земли ничего не вспѣи и пакъ возовратися во свояси.

Той же зимы князь Свецьслав Смоленскый совет сотвори со князем Андрѣемъ Полоцькымъ. Он в Литву, а князь Светислав ко Орши. На миру много зла сотвориша хрстянемъ нечеловѣчески

¹ пасек. ² Казімір Вялікі — кароль польскі (1333—1370). ³ узяў бы за сябе, ажаніўся. ⁴ Шлюб Ядвігі з Ягайлам адбыўся ў 1386 г. У гісторыю гэта дата ўвайшла пад назвай «Крэўская унія».

і нхрестиянскыи, мучиша хрстянь, иже ни в поганых ратех то не слышах таковых мукъ. Мучаще хрстянь, собираху и запираху во избах и зажигаху, а другии велики храмы очепы подимаху и плѣнниковъ под стѣны кладаху главами и зажигаху, а иныя жены и дѣти на коле тыкаху. А иных мукъ над хрстяны, их же скаредно¹, не писахомъ, яко же ни Онтиох Сирскый, ни Ульян законопреступный тех мукъ не сотвори над хрстяны. Граду же Орши ничего не вспѣша и паки возоврится во свояси.

Той же зимы во великое говение нача Свѣтослав думати со смоленскыи бояри на хрстянское кровопролитие. Яко свѣрипие звѣрие, аки не хрстяне, поиде ко городу Мстиславлу и сташа у града Мстиславля. И нача добывати и пороки бити град, а в землю и² Мстиславскую вои пусти и много пролития крови хрстянскыя. То же быс богу мерзко зрѣти зовущимся хрстянемъ, а братню свою хрстянь, не человеческы, ни хрстянскы мучаху.

Князь же велики Скиригаило, князь великый Витовѣтъ, приехавши з Ляхов от брата своего короля, слышав, яко князь Святослав Смоленскы преже быс под Витебском, а потом к Орши приходил, а под Мстиславлемъ стоить, град пороки биеть; и сожалився князь великый Скиригаило, поиде со братню своею со великымъ княземъ Витовтомъ, и Костентиномъ, и с Корбутомъ и со Семеномъ Лынгвенемъ. И поменуша слово божие, еже рече: «В ню же мѣру человекъ мерить, отмирится ему, а что посеетъ, то и пожьнетъ». «Мы, — рекоша — никоего зла ему не сотворихомъ, а онъ с нами в докончани буда переступив крестное цѣлование, и до кончанье нашу землю воуетъ и кровь хрстянскую проливаетъ. Мы же идемъ на него, надѣемся на бога и на хрстянскую силу». И придоша ко граду Мстиславлю.

А князю Святославу стоявши у города и бивши пороки град и Мстиславль на страсной недели, в пятницу, яко услышав князь Святослав, яко идетъ на него князь Скиригаило и со братиею, он же исполчи воя своя и поиде противу имъ. Яко иступишася полци, бог же по Давыда пророка слову сотвори, еже рече: «Обратися болезнь на главу его и на верхъ его неправда снидетъ», и паки: «ров изрыв ископа и впадесе в него, еже сотвориль». Бог поможе великому князю Витовту, а князь Святослав устремися на бѣг и з своими князьми и со бояри смоленскыи и своими ратьми. Божиею силою ту не мало чюдо сотворися. Избито бысть вои много множество, князей и бояр, но и самого князя великого Святослава убиша. Сына же его князя Юря князь велики Скиригаило исцелив его от ран и привезе его ко городу к Смоленску и к матери его, великой княгини Святославли. И посади его на великомъ княжени Смоленскомъ, занже бысть за княземъ Юремъ дщи старшей сестры Скиригаилевы.

Отшедши от города Смоленского, князь великый Скиригаило и поиде во свою землю Литовскую и нача княжити во Троцех, а во

¹ агідна, брыдка. ² іх.

Вилню послал король старосту своего лядского. А князю великому Витовту, тогда держащу Луческъ и всю землю Волынскую, а в Литовской земли отчину свою, и бысть ему нужно, ижь чего прежде не бывало в Литовской земли, сторонамъ владѣющьмъ великимъ княжениемъ. Тогда совѣтъ сотвори со многими князьями и бояры литовскими. Тогда бо Скиригайлу отехавши к Полоцку, князь велики Витовт приде к Вилни, хотя засести, а княгиня великая бѣ Анна тогьда у Городне.

Вилневци же тогда не вдашася ему, зане бѣ тогда правду дали королю Скиригайлу. Он же тогда не возма Вилни и поиде к мистру и зь своею княгинею, и со своими князьями и со многими боярами. Оттоле нача воевати Литовскую землю с немецкою помочю и уже взялъ был Литовской земли по Велию реку, а и Польтескъ вдася ему. И узриль король и князь великый Скиригайло, яко вже невозможно удержати земли Литовскыя пред великимъ княземъ Витовтом и с немецкими силами, поиде к Вилни. И стрете его Скиригайло со братомъ своимъ Витонтомъ и с литовскими вои на реце на Вели у городка, на мѣсте нарицаемъ Веищушкы. И ступивъшимся полкомъ, и бог поможе великому князю Витовту. И побежени быша литовски вои, и устремишася на бег и побито быс много их. Иных князей и бояр в нятьство¹ поймали: князя Семена Евнутеевича, князя Глѣба Свѣтославовича Смоленского, князя Глеба Костентиновичь, князя Ивана Тету, Лва Плакъсича, иных князей изымано быс много. И поиде князь великый Витовт таки к городу Вилни со своими воими, и оступять город Вилню. И нача добывати Кривого города, пушками бити, и взя город Кривый. Тогда же немьци убиша князя Скиригайла Олгирдовичь на лядской заставе на высоком городе тогда суци, и не пустиша во град князя Коргайла. Князь же великый Витовт возма Кривы город и земли извоевал, паки возвратися в Немьци.

Того же лѣта к великому Витовту в Немьци, в Маръинь город, придоша послы изъ города Москвы от великого князя Василя Дмитриевича, прося дьщери князя Витовтовы за великого князя Василя Дмитриевича. Князь великый Витовт дасть дщер свою княжню Софию, отпусти ея из Марина города, а с нею посла князя Ивана Олигимонтовича из град Данска. И поидоша во карабли за море, и придоша к граду Пскову, они же великы чти воздаша имъ и проводиша их со честью до град Москвы к великому Василю Дмитриевичь. Князь же великый Василей посла противу ему со честью братию свою князя Володимера Андрѣевича и князя Андрѣя Дмитриевича, иных князей и бояр много.

На весну князь великый Витовтъ иде и взя землю Подолскую. А князю Володимеру Олгирдовичю, тогда бывши в Киеве, и не всхоте покоры учинити и челомъ ударити великому князю Витовту. Той же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручий. И приѣха к нему князь Володимѣр. Того жь лѣта на

¹ у палон, у няволю.

осень князь великий Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Кieve посади князя Скиригаила. Самъ же князь великий Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божиею помощию великого князя Витовта повелениемъ взя Черкасы и Звенигород и возовратися паки ко Киеву.

Ту же паки княжящи ему в Киевѣ, быс же некто Фома чернецъ Изуфов, держа намѣснитство от митрополита у святой Софеи на митрополичьемъ дворе. Посхотевшу же князю Скиригаилу ехати за Днепро в ловы, той же прежереченый Фома нача звати его на пир на митрополичн двор. Князю же Скиригаилу суцю у него на пиру, — азъ же того не свѣмъ, занже бѣх тогды млад, но нецен глаголють, — иже бы тот Фома дал князю Скиригаилу зелие травное пити. И с того пиру князь Скиригаило такъ поѣхаль за Днепр к Милолавичемъ и тамо разболися канонъ канона Крещения, в субботу въеха в город во Киев болен. Болев 7 дней, преставися в среду. И понесоя на главах его священници, поюще пѣсни отходные, съ свечами из града Киева ко свети богородици Печерской, и положень быс чюдный князь Скиригаило добрый, наречены во святомъ крещени Иоан, подле гроба святого Федосия Печеръского.

Князь же велики Витовт услышав, ижъ князь Скиригаило преставися, и посла князя Ивана Ольгимонтовичъ ко Киеву и да ему держати Киев. Мы же над предреченое возовратимся.

Какъ выеде из Немець князь велики Витовт на великое княжение, такъ отпусти нятъца своего князя Глѣба Святославича ко Смоленску на великое княжение, а князю Юрью Святославичю вда город Рославль. Князю Глѣбу сидящи во Смоленсте и нача не в послушани быти великому князю Витовъту. Князь же великий Витовт послы своя слаша о справлении, онъ же не всхоте исправитися. Тогда князь велики Витовт поиде со всеми силами ко городу Смоленску, тако вдасть ему Глѣб и з градомъ Смоленскимъ. Князь же велики Витовт вда град Смоленск держати князю Манту и Василию Боренковичю, а князю Глѣбу вдасть город Полоны. Самъ же князь велики Витовът возовратися в Литовскую землю. На ту же зиму посла князя Семена Лынгвена со многими ратьми и смоленскими ратми на князя Олга Резанского. И сплениша многое множество Резанскыа земли, и возовратишася с побѣдою во свояси. Тогда же бѣ зима велми студена.

Той же зимы на весну приѣхал князь же великий Василей Дмитриевичъ московский ко чьцю своему великому князю Витовту во Смоленскъ во великое говѣние. И учти князя великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми, и поясы золотыми, и соболми, камками, и суды златыми, и бахматы¹. И князь же великий Витовт зятя своего великого князя учти и удари разьличьными дарми: сажеными порты², и дорогими оксамиты, и многоценными камьками, и гиншьты во седлех золотых снастех, чюду достойных, и отпустить ко граду Москве с великою честью, а самъ поѣде к Литви...

¹ маларослы быстраходны конь. ² упрыгожанае каштоўнымі каменнямі адзенне.

Сталося ест воплощене божого от духа святого з благословенное девицы чыстое Марѣи от початку створеня свѣта лѣта пяттисечного пятьсотного двадцать шостого.

Одного часу панство Рымское было под цэсаром Августом, который же не толко одному Риму, ино и всему свѣту пановал. Яко ж вышэй писано, иж часу цэсарства Августа сына божый воплотился, а часу Тивирѣя, цэсара второго по Августе, на кресте волную муку прынял для збавеня и откупенья роду челоувѣческого. За которого ж, Тивирѣя вси рѣчы и пророчества пополнившы, по встани з мертвых вступил на небо и сѣл на правицы в бога отца, отколе ж дня судного мает прыйти судити живых и мертвых и отдати кождому водле заслуги его.

По смерти Тивирѣя цэсара был цэсарэм Гаиос, а по Гаиосе — Клавдѣй, а по Клавдѣи царствовал сын его Нерон. Который же Нерон был пан окрутный¹ а невѣставичный², иж властную матку свою и доктора своего навышшого Сэноку бэз кождое прычины ку смерти прыправил и колко раз казал место Рымское запаливать, а ни для чога иного, толко для того, иж бы ся тому диво-вал а потеху мѣл. А княжатам и паном рымским, шляхте и всему посполству кривды и втиски великие чынил, для чога ж всякий подданный его для великого окрутенства и невставичности его не был ни хто пэвэн, а ни безпечон не толко имѣней, албо скарбов, але и здоровья своего. А так многие, опускаючы имѣнья и скарбы свое втекалися до розмаитых земель, наслідуючы справедливого упокою.

Где ж одно княжа рымское именов Палемон, который же цару Нерону был кривной, забрался з жоною, и з дѣтми своими, и с подданными, и скарбы своими, с которым жо княжатам пятьсот шляхты, также з жонами, и з дѣтми и з многими силами, и взявшы з собою одного остронома, который ся знал по звѣздах, и пошли у кораблех морем по заходу солнѣца, хотечи собѣ знайти на земли мѣстцэ слушное, гдѣ бы ся мели поселити а мешкати³ с покоем. А с теми шляхты чотыры рожай навышшы: имены именов с Китаврус Довспрунѣкг, а с Колюмнов Прешпор, а з Руси Ульянус, а з Рож Екѣтор. А так оные люди не малый час по мору ходили. И прышли Межиземского мора, и дошли до реки до Шума. И тою рекою Шумою в море окиян. И морем окияном дошли до реки устья, где Немон упадываеть у море окиян. И потом пошли рекою Немном вверх, оли ж у море малое, которое называется море Немное. А для тое прычины тое море Немное называется, иж в тое море Немон упадываеть дванадцатма устьи, а кождое зоветься особным именов, межи которыми ж устьи одно зоветься Кгилья. И пошли тем устьем вверх, и дошли цэлого Немна, гдѣ вже он сам увесь у в одном мѣстцу течеть. И верх Немна дошли до реки

¹ бязлітасны, люты, жорсткі. ² непастаянны характарам. ³ жыць.

Дубисы. Яко же вшедъшы в тую реку Дубису, и нашли над нею горы высокие, и ровнины великие, и дубровы роскошныя и розмантыхъ обфитосцей¹ наполнено у звѣрех розного рожаю, то ест, напервей: туров, зубрев, лосей, оленей, сарн, рысей, куниц, лисиц, бѣлок, горностаев и иных розмантыхъ рожаев. И тѣж у реках великую офитость рыб непосполитых², иж не толко тые рыбы, которые ся в тых реках плодятъ, але множество рыб розмантыхъ а дивныхъ приходятъ з мора, за тою прычыною, иж недалеко устье Немное, гдѣ Немон у море впадываетъ. Над которыми ж реками: над Дубосою и над Немном и над Юрою там ся поселили и почали розмноживатися. И оное мешкане их над тыми реками вельми ся им подобало. И назвали тую землю Жомоить.

К О княжати Палемоне и о трех сынох его князь Палемон вродил трех сынов: старшый Борк, а другий Кунас, а третий Спѣра. Старшый же сын Борк вчинил город на рецѣ Юре и зложоно имя того княжати поспол з рекою: имя рецѣ Юра, а княжати Борк, и назвал тот замок Юрѣборк. А середний сын Кунас прышел на устье реки Невяжы, гдѣ она впадывает у Немон. И тут учинил город, и назвал его именем своим — Куносов город. А третий сын Спѣра пошел далей у пуцу ко всходу слонца, и перешедъшы реку Невяжу и реку Святую и третью реку Шырвину, знашол озеро луками и розмантым деревом украшено, где ж злюбившы и над тым озером поселилься. И тое озеро именем своим назвал Спѣра. И пановал многие лѣта. И был вельми ласкав подданым своим. И потом умер бѣсплоду. И подданые его, милуючы его, и подле рымскаго обычаю вчинили собѣ балвана и назвали его Спѣра, на память его.

И потом оные люди, мешкаючы около него, и почали ему оферы чинити и за бога его мѣти. И потом, коли тот балван сказилься, и они тое озеро и мѣстцо хвалили и мѣли за бога, и по нем межы собою господара не мели и мешкали без пана.

По малых же часех умереть брат его, который мешкал на Юрборѣку, не маючы детей. И брат его Кунос озмет и тую часть брата своего Борка и город Юрѣборк и в той части его будет пановати. И оное княже Кунос мѣл двух сынов; одного Кернуса, а другого Кгинбунта. И пануючы ему в земли Жомоитской почался множити и розшырати и выходити на реку Велю в землю Завельскую. И перешодъшы реку Святую вышей, и нашол мѣсто вельми хороше. И сподобалоя ему тое мѣстцо вельми. Тогда он там поселил сына своего Кернуса. И назвалося тое мѣстцо по Кернусе — Керново. А потом Кунос умре. И по нем почнетъ сын его Кернус пановати на всей земли Завельской по границу Латыгольскую и по Завельский Брасьлавль, оли ж по реку Двину, а брат его Кгинбунт — на Юрборѣку и на Куносове и на всей земли Жомоитской.

¹ множества багаця. ² незвычайных, цудоуных, выдатных.

А в тот час, гдѣ Кернус пановал на Завельской стороне, люди его тые, што за Велею осьли, игривали на трубах дубасных. И прозвал тот Кернус берег своим языком властным по латыни — литус, — гдѣ ся люди его множат. А трубы, што на них играют — туба. И дал имя тым людям своим языком по латине, зложившы берег с трубою, — литусба. И простые люди не вмели звати по латине и почали звати Литвою. И от того часу почали звати панство Литовское и множытиса от Жомоити.

И князь великий Кернус пановал на Литве, а князь Кгинбунт на Жомоити. И не малый час пановали. И жыли межы собою вов покой. И князь Кернус не мѣл сынов, толко одну дочку именем Пяту. И будучы он у старости своей и, не хочемы панства своего от дочки своее отдалити, и прынял до ней и зятем своим его вчынил собѣ с Китавруса именем своим Кируса, сына Довпрунргова з Дявильтова. И сам умер. А по нем начне княжыти на земли Литовской тот зять его с Китаврус—Кгирус. А Кгиньбунт, пануючы на Жомоити, и умер, а сына своего Монтвила зоставить на князьстве Жомоитском.

И Монтвил много лѣт княжыл на Жомоити и мѣл двух сынов: одного Немоноса, а другого Скиръмонта. А в иных тых жѣ называ Викента и Ердвила.

И часу панованья Монтвилова повстал цар Батый и пошел на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал и князей русских постинал, а иных у полон повел, и столец всее Руское земли город Киев зъжог и пуст учынил. А князь великий киевский Дмитр, боечыся великое силы и моцы его, збѣг с Киева до города Чернигова. И потом довѣдался, што город Киев сожжон и вся земля Руская спустошена. И слышал, иж мужыки мешькают без подара, а зовутся Дручане. И он собравшыся з людьми своими и пошел ко Друцку, и землю Друцкую посѣл, и город Друцк зарубил, и назвался великим князем Друцким. И в тот час доведася великий князь Монтвил Жомоитский, иж Руская земля спустошена и князи руские розогнаны. И он, давшы войско сыну своему Еръдивилу, и послал з ним панов своих радьных, напервей с Колюмнов Трумья, а другого с Уръсинов именем Эйкъшыса, а третего з Рож именем Кгровжыса. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон. И нашли в чотырох милях от реки Немна гору Красну, и сподобалоса им и вчынили на ней город, и назвали его Новгородок. И вчынил собѣ князь великий в нем столец, и назвался великим князем Новгородским. И пошедшы з Новогородка и зарубил город Городно. И потом пошел до Берестья, и нашол Берестьи и Дорогичын и Мельник от Батыя спустошены и покажены. И он тые города зарубил и почал на их княжыти. А потом умер князь великий Монтвил Жомоитский.

По нем сѣл на великом княженьи Жомоитском Викент, а другой вышереченый сын его Ердвил почнет мешкати и пановати на Новогородцы и на тых вышей реченых городех. И подавал паном

своим, которые з ним вышли острова и пущы. Грумпю дал остров коло реки Ошмены, которое тепер зовется Ошмена, и все прылежащее к Ошмене, што тепер князи и панове в повете Ошменском держать. А Эйкъшневи дал остров, который по нем назван ест Эйшышки, и все прылежащее к повѣту Эйшышскому. А Кгровжу дал остров, который его именем назван ест Кгровжышки, и увесь повѣт Кгровжыскый. И с Трумпя, народился Кгаштолт, а з Эйкъша народился Довоина, а з Кгровжа народился Монъвид, а потом умер.

Пануючы великому князю Викенту в Жомойтской земли, а Ердивилу у Новегородцэ и в ынших городех. Потом умер князь великий Викен. И по нем начнет княжыти Жывинбут, с Китаврису, князь литовский, обема тыми княжаньи: Литвою и Жомойтью. А Ердивил на Новегородцэ и на всих тых городех руских. И много лѣт княжышы Ердивил на тых городех и умер. И по нем почал сын его княжыти Мингаило.

По смерти пак отца своего князь великий Мингаило, собравшы войско свое, и поидеть на город Полтэск и на мужы Полочане, которые вѣчем справовалися, як Великий Новгород и Псков. И напервей прышли к городу их реченому Городъцу. И мужы полочане, собравшыся с полъки своими и стрѣтили их под Городцом. И великии бои и сѣчу межы собою мѣли. И поможет бог великому князю Минкгаилу. И побил мужей Полочан на голову, и город их зъжог на имя Городец. И город Полтэск возметь и зостал великим князем полоцким. И будучы ему великим князем новгородским и полоцким пановал много лѣт и вмер. И оставил по собѣ двух сынов своих: одного Скирмонта, а другога Кгинвила. И Скирмонт почнет княжыти на Новегородъцы, а Кгинвил на Полоцку.

И поиметь Кгинвил дочку у великого князя тверского у Борыса именем Марю, для которое ся окрестил у рускую вѣру и дали ему имя Борыс. И мѣл с нею сына именем Рогволода, которого назвал руским именем Василей. И тот Кгинъвил, реченый Борыс, вчынил город на имя свое на рецэ Березыни, и назвал его Борысов. И будучы ему русином был велми набожон. И вчынил цэрков каменую в Полоцку святое Софьи, а другую святого Спаса — девичый монастыр у верх реки Полоты, от города у полумилю, а третюю цэрков-монастыр на Бельчыцы святого Борыса и Глѣба.

И пануючы ему в Полоцку был ласкав на подданные свои. И дал им волность вѣчем ся судити и в звон звонити, и потому ся справовати як у Великом Новегороде и Пъскове. И што князь Борыс мѣл с тою жоною сына Рогволода, нареченого Василя. И по нем почнет княжыти сын его Василей у Полоцку. А сам умер.

И князь Василей, княжечы на Полоцку, мѣл сына Глѣба, а дочку Парасковью. И тая Парасковья обецалася дѣвство свое заховати в цѣлости до жывота своего. И пострыглася в черницы у светого Спаса, у монастыры над Полотою, и мешкала там сем

лѣтъ, богу служечы и книги пишучы на цѣрков. А потом забралася до Рыма и в Рыме, мешкаючы, богу служыла пилне. И мешкала колко год и осветилася, которую называют санкта Прекседыс, а по рускии Паросковѣя, которой же в Рыме и костел збудован на имя ее святое, там жэ ее и положили. А брат ее, князь Глѣб Полоцкнй, у молодых лѣтех своих, кнежившы у Полоцку немного лѣтъ, и вмер. И положон ест у Полоцку у святое Софѣи со отцэм своим у в одном гробе. А полочане почали потому справоватися, як у Великом Новгороде и в Пьскове, а пана над собою не мѣли.

Скирмонту ж княжечы на Новегородцы. И князь Мѣстислав луцкнй и пинскнй почнет вальку¹ с князем Скирмонтом, хотечы его выгнати з отъчизны своее: з Берестя, а з Мельника, и з Городна, и з Новагородка. И Скирмонт пошлет послов своих до великого князя литовского, што вышол с Китавруса до Жывинбута, просечы его, абы помоч дал ему напротивко Руси. И князь великнй литовскнй Жывинбут пошлеть ему на помоч сына своего старшого, Куковотя, со всими силами своими литовскими и жомоитскими. И поидет князь великнй Скирмонт с Куковотем и со всими силами на противку Мѣстислава, князя луцкого и пинского. И на сей стороне реки Ясельды поразит князь Скирмонт князя луцкого и пинского на голову и всю раду рускую, толко князь Мѣстислав в малой дружыне ледве сам утек у город Луцко. А князь великнй Скирмонт возметь город Пинск и город Туров. И заплакала Рус великим плачом, иж так окрутне² вси побиты от бѣзбожное Литвы.

И князь великнй Скирмонт сына великого князя литовского Жывинбутова Куковотя чостовавшы и даровавшы безчисленое множество золота и серебра и боръздыми конми и отпустил почстиве до отца его, до великого князя Жывинбута литовского.

И коли Куковот прыидеть до отца своего Жывинбута, и не много пры отцы своем побывшы, и потом князь великнй Жывинбут литовскнй и жомоитскнй умер. Тогда сын его Куковот сѣл на великом кнежени Литовском и Жомоитском.

Будучы пак в тот час царем Завольским именем Булаклай и прыслал послов своих до великого князя Скирмонта, штобы ему выходы его давал и баскаки его ховал по тым городом по тому, як с тых городов хожывали за предков яго князей руских. И князь великнй Скирмонт под тое поддатися не хотѣл, и тым послом его носы, губы и уши урѣзати казал, и до него отпустил.

И тот цар на лѣто собравшыся з многими силами своими и орѣдами татарскими и пошол на Рускую землю. И много зла Руской земли учынил.

А князь великнй Скирмонт, собравшы вси войска свои, и подкал его на границы своей у Койдонове, и поразил того цара и всю рать татарскую побил и самого цара убил. И з звитяжством ве-

¹ бой. ² жорстка, безчалавечна.

ликим пошел на Рускую землю. И взял город Мозырь, Чернигов и Стародуб и Корачев. И со всеми в цѣлости, звитяжство одержавшы, вернулься назад. И мѣл князь великій Скирѣмнт трех сынов: старшій Тронята; другій Люборт, третій Писимонт.

Князь великій Скирмонт у великой старости своей умер, а сын его Люборт сядет на Корачеве и назовется князь Корачевскій, а Писимонт на Турове сядет, а Тронята на Новгородцѣ. И паповали на tych городех много лѣт.

В tych лѣтах мати князя великого литовского и жомоитского Куковотева Поята умерла у великой старости своей. И князь великій Куковоит, милуючы матку свою, и вчынил балвана на образ ее, чынечы ей паметку. И поставил того балвана именем матки своее Пояты вышей озера Жослии, который же образ хвалили и за бога его мели. А потом тот балван згнил, и на том мѣстцы липы выросли. И тые липы хвалили и за бога их мѣли во имя тое Пояты оли ж и до сего дня. А за тым князь великій литовскій и жомоитскій Куковоит, милуючы подѣданных своих, и сам умер.

И зоставил по собѣ сына на великом кнежени Литовском и Жомоитском именем Утенуса, который же сын, милуючы отца своего великого князя Куковоита, и вчынил балъвана на паметь отца своего. И поставил его на горе одной над рекою Святою, недалеко Дявилтова, которого ж хвалили и за бога мели. А потом тот балван згнил, и там гай вырос. И люди тым хвалили, и прозвали его именем пана своего Куковоита.

Троняте пануючы на Новгородцѣ. И в тот час цар Завольскій Курдас повстал з многими силами татарскими на Руские земли. И князь Тронята зберется з братею своею: с князем Писимонтом Туровским а с князем Любортом Корачевским и со всеми силами, и к тому обослался с князми рускими: с князем Семеном Михайловичом Друцким, и с князем Давыдом Мѣстиславовичом Луцким и Светославом Киевским. И собравшыся с одного и пошли против цара Курдаса и все рати его Завольское. И поткался с ним за Мозырем на рецѣ Окуневъцы, и вдарылися в полки межы собою, и вчынили бой вельми великій от пораня оли ж до вечера. И поможеть бог великому князю Троняте и князем руским. Цара Курдыса и все войско на голову побили. Ледве сам цар у малой дружыне втек. И в том бою убили двух братьов князя Тронятиных: князя Писимонта Туровского, а князя Люборта Корачевъского, а князя Семена, сына князя друцкого Михаила, а князя Давыдова, сына Луцъкого Андрея. И иных бояр много побили. И князь великій Тронята звитяжство одержавшы и добытку великого, золота, и серебра, и камня и жэмъчугу, и шат¹ дорогих набравшы, и пошел у свою землю. А князи руские также у свои города пошли.

И пануючы князю Троняте не мало лѣт, потом умер. И зоста-

¹ адзенне.

вил сына по себе на великом кнежени Новгородском Олькгимонта. И кнежыв Олькгимонт не мало, потом умер, и зоставил по собѣ сына именем Рыкголта на великом кнежени Новгородском.

И кнежычы Рыкголту не мало лѣтъ на Новгородцы и на иных городех русских. И вчынять змову межы собою князи руские почати вальку против великого князя Рыкгольта, и хотечы его согнати з отчизны своее городов русских, напервэй Светослав Киевский, а Лев Володымеръский и Дмитрей Друцкий. И собравшыся вси тры полки и пошли против великого князя Рыкгольта. И взяли тые руские князи татар на помоч собѣ от цара Заволского неколко тисеч татар. И князь великий Рыкгольт потѣкал их на рецѣ Немне на Могильной. И вчынил з ними бой вельми великий, и билися межы собою вельми крѣпко, почоншы от пораня оли ж до вечера. И поможе бог великому князю Рыкголту, иж князей русских и всю силу их и орду татарскую на голову побил и сам, звитяжество одержавшы, з великим весѣльем и добытком золота и серебра, и з великим набытем скарбов, и прышол к своим городом. И прышедшы до Новагородка, рознемогъся и вмер без плоду. Тут ся доконал род княжати рымского Палемона.

А иные поведают, рекучы, бы тот Рыкголт, прышедшы з оного побоища до Новагородка и был у Новгородцы, и якобы мѣл уродити трех сынов и зоставит по собѣ на великом кнежени Новгородском именем Воишвилака, ино¹ далей о том Воишвилаку не пишеть.

О княжати Литовском Швинъторозе, сыне Утенусове

По смерти Рыкголтове панове, жалуючы господара своего прырожного, и взяли собѣ господарем великого князя литовского и жомоитского, сына Утенусова с Китаврису, Швинъторого. И мало кнежывшы Швинторогу на Новгородцы и на русских городех. И отец его, князь великий литовский и жомоитский, Утенус умер. И сын его Швинъторог по смерти отца своего начнет кнежыти на великом кнежени Литовском и Жомоитском, и Новгородском и Руском. И вродил Швинторог сына Скирымонта. И оберет собѣ великий князь Швинторог мѣстцо на пушы вельми хорошо, подле реки Вельи, гдѣ река Вилня упадывает у Велю. И просил сына своего Скирымонта, абы на том местцу было жѣглищо вчынено, гдѣ бы его мертвого сожгли. И прыказал сыну своему, жебы по смерти его на том мѣстцу, гдѣ бы его зѣжог, всих князей литовских и знаменитых бояр сожѣжено было, и штобы вже нигдѣ инѣде тѣла мертвых не были зѣжены толко там, бо и перед тым жыгали тѣла мертвых на том мѣстцу, хто гдѣ умреть. И прыказавшы тые слова сыну своему Скирымонту, князь великий Швинъторог и вмер.

¹ толькі.

Великий князь Скирымонт зостал по отцы своем на великом князстве Литовском, Жомонтском и Руском и, подлуг прыказаня отца своего, на том мѣстцы на усти реки Вилни, гдѣ у Велью упадываеть, вчынил жъглищю. И там тѣло отца своего зъжог и коня его, на котором еждчывал, и шату его, которую ношывал, и милосника его, на которого он был ласкав, и сокола и хорта его зъжог. И от тых часов князи великие литовские тѣла их на том мѣстцу жыгали. И для того тое мѣстцо от тых часов прозвано Швинторога, на имя того великого князя.

И коли которого князя великого литовского, албо пана сожжено было тѣло, тогда пры них кладывали ногъти рыси, албо медвежи, для того, иж вѣру тую мели, якобы судный день мѣл быти. И так знаменали собѣ, иж бы бог мѣл прыити и седѣти на горѣ высокой и судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будеть узыйти бѣз тых ногътей рысих, албо медвежых. И для того тые ногти подле их кладывали, на которых мѣли на тую гору лѣзти и на суд до бога ити. А так ачколвек¹ поганы были, а вѣжды потом себе знаменали и в бога одного вѣрыли, иж судный день мѣл быти. И вѣрыли з мертвых вѣстаню и одного бога, которы мѣл судити живых и мертвых.

О мужах латыгольских як прышли
у Жомонтъ

Пануючы великому князю Скирымонту, и собралися мужы латыголове, которые седели над берегом морским, окняном, морем и прышли в землю Жомонтскую, и шкоды многие почынили, и кровопролитья в людех Жомонтских от них много стало. И князь Скирмонт собравшыся з силами своими и поидеть на них в землю их. И их самых выстинал, а иных у полон вывел, и землю их пусту вчынил.

И в тот час, по выеханю князя великого Скирмонта з земли Латыгольское, прышли нѣмцы з за моря до тое ж земли Латыгольское и тую землю засели. И панове той Латыголе зостали и назвались Ифлянты. И потом много лѣт пановал великий князь Скирмонт и зоставил двух сынов: Трабуса а Коликгина. И Трабус почнет кнежыти на земли Жомонтской, а Коликгин на земли Литовской и Руской. И кнежыл много лѣт и вмер. И почнетъ по нем кнежыти сын его Роман. И по малом часе умре князь великий жомонтский Трабус, дядко князя Романов.

И по нем почнет кнежыти князь великий Роман на земли Жомонтской и Литовской и Руской. И Роман мѣл пяти сынов: старший был Нарымонт, другий Довмонт, третней Гольша, четвертый Кгедрус, пятый Троииденъ.

¹ хоць, нягледзячы на тое што.

По смерти великого князя Романа почнет кнежыти его сын старший Нарымонт. И вчынил город Кернов, и знесеть столец свой з Новагородка до Кернова, и почнет кнежыти и назовется великий князь литовский и повгородский и жомоитский.

А брат его Довмонт сedit на отчизне своей на Утене, и назовется князем Утенским. А третий брат его Кгедрус зарубил город и назовет его именем своим — Кгедроити и прозовется князем Кгедроитским. А четвертый брат его Гольша, передшы (так!) реку Велю, и нашол гору красную межы горами над рекою Вилнею у мили от устья реки Вельи, гдѣ упадывает в реку Велю против Раконтишок, и вчынил город и назоветь его именем своим Гольшане.

И не много бывшы там. И ездечы оттоль у ловы у пушу за десеть миль от того города своего и найдет гору красную, и ровънинами великими обляглюю, и обфитостями¹ наполъненую. И сподобалося ему там, и он там поселился и на той горе учынил город над рѣчкою Кораблем. И перенесеться оттоле и там почнет кнежыти и назовется князем Гольшанским.

А пятый брат Троииденъ мешкал пры брате своем великом князи Нарымонъте. И довѣдался князь великий Нарымонт, што ж князи Ятвезьские померли, а люди их мешкают без господара. И князь Нарымонт поидеть на них. И они не противечыся поддалися и поклонилися ему. А так он, оставшы им господарем и взявшы их, дал брату своему Троииденю за вдѣл. И князь великий Троииденъ наидеть гору красную над рекою Бебрею. И сподобалося ему там вельми и зарубил город и назоветь его Раигород, и прозовется князем Ятвезским и Доиновъским.

И будучы ему там на кнежени великие вальки чынил з Ляхи, и з Русью и з Мазовшаны, и завжды зыскивал² и над землями их сильные окрутенства³ чынил, што нижей описуеть у русской кропницѣ⁴, иж горъшый был тым землям и окрутнейшый на них, пижли Антиох Сирский и Ирод Иерусалимский и Нерон Римский, што так был окрутный и валечный⁵.

Князь же великий Нарымонт поиметь жону у ифлянтского реченого Флядры дочку его, и брат его Довъмонт у того ж Флядры другую дочку его. И, не малый час жывучы, рознеможется жона князя Домонътова Утенского и вмерла. И князь великий Нарымонт, слышавшы смерть невѣстки своее, жаловал вельми и, будучы сам немоцон, и послал жону свою до брата своего Довмонъта, жалуючы жалости его. И коли прыехала жона Нарымонтова до Утены, жалуючы девера⁶ своего князя Довъмонта, и князь Довмонт, видевшы невѣстку свою, возрадовался вельми а рекл так: «Мнѣ было

¹ багацямі. ² перамагаў. ³ лютаць, жорсткаць. ⁴ хроніцы, летапісу. ⁵ храбры, мужны, адважны. ⁶ брат мужа.

жоны искати, а се мнѣ бог жону дал». И понял ее за себе. И в том стала великая брань и ростыржъка межы братаю: великим князем Нарымонтом и князем Довмонтом.

И князь великий Нарымонт, видечы жалост свою великую, иж брат его жону его за себе гвалтом взял, и обослал братю свою: князя Кгедроитя, и князя Гольшу, и князя Троииденя, и тестя своего Флядра Ифлянтского. И собравшыся з братаю и со всими людьми своими, и потягнул на брата своего князя Довмонъта, и обогнал его у городе его Утене. И порозумел князь Довмонт, што ся не мог ему оборонити, и просил горожан своих, абы ему не подали города, поколь бы он прошол войско Нарымунтово. И сам спустился з города. И прошодшы войско Нарымунтово, и побежыт. И прыидет к городу Пъскову. Ино мужы пъсковские, видечы его мужа добра, и честна и розумна, и взяли его собѣ господарэм и назвали его великим князем Пъсковским.

А Нарымунт, узявшы город Утену и жону свою, и княжыл на Кернове и на Новегородцы и на Жомоити. А Довмонт на Пъскове. И обадва не малый час кнежыли.

Троииденъ пак поиметь жону у княжати Мазовэцкого, дочку его. И мѣл з нею сына реченаго Рымонта. И коли сын его Рымонт доростал лѣт своих, и отец его Троииденъ дал его для науки языка руского до Льва Мѣстиславича, который заложыл город во имя свое — Львов. И мешкаючы Рымонту у князя Льва, и навчылся языка руского. И сподобалося ему вѣра хрестиянская и окрестилься. И врозумѣл, иж тот свѣт ничего не есть. И опустившы свѣт, и пострыгъся в чернѣцы, и названо имя ему Василий, а прозвищом Лаврыш. И будучы ему в чернѣцох, прышол до дядка своего Нарымонса и просил его, абы ему дал в Новгородском повѣте мѣстцо на пушы подле реки Немна, гдѣ бы собѣ монастыр збудовати мѣл. И он ему допустил. И он собѣ там монастыр збудовал. И поставил напервей церъков святого Воскресенья. И оттоле прозвано Лаврышов монастыр. И будучы ему у монастыры, дядко его умреть. И панове литовские и жомоитские взяли собѣ великим князем Троииденя. И пануючы великому князю Троииденю, и князь великий Довмонт, пришедъшы зо Пъскова, возметь город Польштэск и почнетъ княжыти на Пъскове и на Полоцку. И жаль ему было того велми, иж брат меньшый осѣл панство у Литве. И почал о том мыслити, як бы его мѣл о смерть прыправити. А в тых часех пануючы Троииденю, умерли ему обадва браты: князь Гольша а князь Кгедрус. А з оное вышейписаное вазни¹ князь великий Довмонт направил шесть мужыков на брата своего Троииденя забити, яко ж он шол безпечне собѣ з лазни в Новгородку. И тые мужыки его зрадне забили. И сам Довмонт, собравшыся з людьми своими пъсковскими и полоцкими, и потягнул до Литвы, хотечы быти князем литовским и жомоитским.

И реченый чернец Лаврыш, по литовскии зовемый Лаврымонт,

¹ сваркі, разладу, варожасці.

а по рускии Василей, и жалуючы смерти великого князя Троидея, отца своего, и оставившы чьи чернеческий, и прышол до панов. И собравшыся со всякими силами своими литовскими, и потягнул противко Довмонта, хочечы помстити кров отца своего. И направившыся с полъки своими, и потъкалися з Довмонтом над озером. И коли зышлися полки с obu сторон, и был межы ними бой и съча великая, с поранку оли ж до вечера. И поможет бог Лаврышу, и все войско дядка своего Довмонта на голову поразил и самого его убил, и город Полтэск взял. И вернувшыся назад к столъцу отца своего до Кернова. И рек паном: «Коли мнѣ бог дал помстити кров отца своего, я свѣта того отрекаюся. Взял есми на себе чорную рызу, а господарства я не хочу. Возмите собѣ господарем, кого воля ваша будетъ. А вед же я ражу вам ачъколвек ест братя моя Гольшын сын Олькгимонт, а Кгедрусов сын Кгинвил, ино еще они малы суть, не годяться на панство, бо дядко мой Нарымонт, коли сѣл на великом князстве Литовском, гэрб свой Китаврус зоставил брати своей, а собѣ вдѣлал герб чоловека на кони з мечом. А то знаменуочы через тот герб пана дорослого лѣт, хто бы мог боронити мечом отчызны своее. А про то оберыте собѣ господара доброго, хто бы мѣл боронити того панства великого князства Литовского. И так ми ся видить, иж бы и к тому был годный Витеня, который был маршалъком у в отца моего».

И панове не хотели переступити рады а воли господара своего, прырожного сына великого князя Троиденева. Вчынили так, видечы мужа мудрого а годного Витеня, который был з рожаю а с поколенья с Колюмнов, з ымѣня деръжачого в Жомоити, реченого Аиракгола. Взяли его себе великим князем литовским и жомоитским, бо князь великий Троидень, будучы в Жомоити, ехал через имѣнье его Аиракголу и узрел оного Витеню еще малым младенцом, и вбачыл оное дитя обличем велми хорошо и възросту чудного, играючы з дѣтми малыми, и взял его к собѣ. И был у него коморником. И будучы в него в коморе, кождую реч чудне а радне панскую ховал и справовал. А так он, бачечы цноту его и доброе заховане, вчынил его в себе маршалъком. И был в него милосником и всяким справцою. А за тым, по смерти его, взяли его на великое князство Литовское. Тут ся доконал род с Китаврусом, а начало великое княжэнье Витенево, род великих князей литовских с поколенья а з роду с Колюмнов.

О великом князи Витене

Будучы великому князю Витеню на великом князстве Литовском, Жомонтском и Руском, и пановал много лѣт оли ж до старости своее во в покою. И родился ему сын Кгидимин. А потом умер князь великий Витеня. А после его сѣл на великом княжени Литовском, Жомонтском и Руском вышереченый сын его Кгидимин.

О ПОБОИЩИ МАМАЯ, ЦАРЯ ТАТАРСКОГО, ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРСКОГО

И МОСКОВСКОГО ДИМИТРИЯ

лавутая перамога над татарамі 8 верасня 1380 г. на Куліковым полі, якая мела вялікае гістарычнае значэнне для Русі, вельмі хутка знайшла сваё адлюстраванне ў тагачаснай літаратуры. Па свежых слядах гістарычных падзей быў напісан

цэлы рад твораў з праслаўленнем вялікага князя маскоўскага Дзмітрыя Іванавіча, які сваёй перамогай над Мамаем палажыў пачатак вызвалення рускіх земляў ад амаль 150-гадовага татарскага панавання. Самымі старэйшымі літаратурнымі запісамі аб гэтых падзеях з'яўляюцца шматлікія летапісныя апавяданні і аповесці. Прыкладам іх у нашай літаратуры можа служыць аповесць «Нашэсце Мамаю» з так звананага «Летапісу Аўраамкі». Пазней, з цягам часу, на базе летапіснага матэрыялу, фактычных звестак і вусных паданняў аб Кулікоўскай бітве ўзніклі і распаўсюджваліся на працягу трох стагоддзяў у розных рэдакцыях і спісках новыя больш пашыраныя літаратурныя апрацоўкі аповесці. Адною з такіх тыповых літаратурных апрацовак пазнейшага часу з'яўляецца беларускі тэкст воінскай аповесці «Аб пабоішчы Мамаю».

У параўнанні з рускімі аповесцямі на гэту тэму беларускі тэкст «Аб пабоішчы Мамаю» выдзяляецца сваёй сцісласцю, яснасцю і паслядоўнасцю. Тут спачатку пададзены кароткія звесткі аб татарскіх ханах, якія перапісчык, напэўна, запазычыў з польскіх хронік, бо ні ў адным з рускіх тэкстаў гэтага раздзела аповесці няма, а потым размова ідзе аб здрадзе агульнарускім інтарэсам князя Алега Разанскага, які сумесна з вялікім князем літоўскім стаў саюзнікам Мамаю ў барацьбе супроць вялікага князя маскоўскага Дзмітрыя Іванавіча, празванага пазней Данскім. Пасля гэтага аўтар расказвае падрабязна аб тых дыпламатычных захадах князя Дзмітрыя Іванавіча, якімі ён імкнуўся стрымаць Мамаю ад нашэсця на зямлю Рускую, аб яго падрыхтоўцы да бою, аб яго саюзніках, аб настроі рускіх перад боем, аб новай тактыцы вядзення бою і выніках перамогі. Тэкст аповесці падзелен на 12 раздзелаў, да кожнага з якіх пададзены сціслы, але выразны, адпаведны зместу загалавак. У мэтах найбольшай драматызацыі падзей і лепшай акцэнтацыі адзінства рускага і беларускага народаў аўтар паграшыў гістарычнай праўдай: замест літоўскага саюзніка Мамаю вялікага князя Ягайлы ён падставіў яго бацьку Альгерда (1345—1377). Пры такой замене літоўскія князі Андрэй Полацкі і Дзмітрый Бранскі Альгердавічы, выступаючы сумесна з маскоўскім князем на Мамаю, у імя справядлівасці паўстаюць не супроць брата, як гэта было на

самай справе, а супроць бацькі. Праўда, сваё палітычнае адзінства з маскоўскім князем яны тлумачаць толькі адзінствам праваслаўнага веравызнання.

Калі ўзнікла беларуская рэдакцыя гэтай цудоўнай патрыятычнай аповесці, дакладна вызначыць немагчыма. Да нас дайшоў толькі адзін яе спісак канца XVII ст. Па гэтаму рукапісу, які зараз захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына, і пададзен ніжэй поўны тэкст аповесці (гл. Погодин 1569, лл. 33—70 об.).

ГЛАВА I

*Повѣсть о царех татарских,
як довго над Русью пановали по пришествии Мамаевом
в рускую землю на великого князя Димитрия*

Батий, царь татарский, яко повоевал всю землю рускую, польскую, венгерскую, пришовши в шести соть тысячах татар року 6745, которую орду татарскую Золотою названно. От того часу през лѣт полтараста князи рускии татаром голдовали¹, и цари татарскии, един по другом наступуючи, своих баскасковъ, албо атамановъ, то есть старост, над Русью постановляли, которыи, сидячи в Руси, дань от Руси выбирали, судии судили и як хотѣли розказовали. От царей теж татарских и князи рускии стоновляны бывали, ажь року 6889 князи рускии, особливе Семион Иванович, князь Тверский, и Димитрей Ивановичь Семечин, великий князь Владимерский и Московский, своим мужеством и храбростом татаров до конца побивши досконале зкинули з шин своей ярмо татарское и в першую пришли волность руского панованья.

Таким способом року 6865 Занабек, царь великий татарский, сын Азбековъ, внук Батѣевъ в Заволской, в Перекопской и Крымской ордѣ царствовавал, братовъ своихъ для лакомства панованья позабивал и в руских панствах зневоленных мочь свою широко розширал. Той заставил на царствѣ сына Бердебека, который также дватцать родных своих братовъ позабивал, абы ему в панствѣ не перешкожали, але и сам ледве двѣ лѣти на царствѣ бывши, умерл. Сына тежъ его Аскулпа, един мѣсяць царствовавшего, Нар, другой царик, забил. Нара зась в рок потым Хидир забил. Року 6868, Хидира, сын его власный, замордовал². Але и той на царствѣ татарском, зле набытом, ледве седмь дний выбывши, от царя Темника Мамаея был выгнанный и забитый року 6869.

Той безбожный царь Мамай, роспытавши у своих совѣтников о Батѣи, як землю рускую повоевал, князей позабивал, города попустошил и под свою владзу подбил, сам той Мамай еще барзѣй научень от диявола, умыслил поити на рускую землю, мовячи: ижъ я всю землю рускую борзѣй, ижъ Батий, стустошу, толко якн лѣпшии и милшии города себѣ оставляю, в которых буду зь своими татарами жити; не знаючи, злочестивый, же то все рука божия

¹ были ў залежнасці. ² забіў, закатаваў.

справуеть. О том зь своими нарядившись, собрал барзо великое войско татар, обѣцуючи им великии богатства рускии, перевезса через реку Волгу, не кажутчи своим и хлѣба пахати, але на русский хлѣб до сытости всѣм надѣяться. Дошел устия реки Воронежи, распустил свою облаву.

ГЛАВА 2

О змовѣ злой князя резанского Олега зь князем литовским Олгердом на князя московского Дмитрия и о поселствах их до царя татарского Мамаю

Послышавши Олегъ, князь резанский, ижь Мамай идетъ на великого князя Дмитрия Ивановича московского Русь воевати и ночует на Воронежи, мало ума мѣючи, послал своего посла з великими подарками до Мамаю, написавши такую грамоту: «Восточному царю волному Мамаю. Твой посадник Олегъ резанский много тя молитъ. Слышах, господине, што хочешь ити на Русь, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московского, угрози-тиса ему хочещи. Нынѣ, всесвѣтлый царю, приспѣ время тебѣ: злата и богатства много наполнися земля Московская, а князь Дмитрий Ивановичъ — великий християнин, егда услышитъ имя твое и гнѣвъ твой, то отбежит в далняя стороны, албо в Новгород великий, албо на Двину. Золото московское многое и богатство все будетъ въ твоихъ рукахъ, твоему войску на потребу. Мене зась, раба твоего, Олга Резанского, держава твоя нехай пощадит: я велми устрашу Русь и князя Дмитрия. И еще, царю, молю тя: обадва есмо твои слуги. И я великую обиду маю от того ж великого князя Дмитрия. И гды ему за свою обиду твоим царским именемъ погрозилом, он того не дбает, и город Коломну за себе заgrabил. Потом, царю, молю тя: дай мнѣ управу».

З тым писанем, выправивши Олегъ своего посла к Мамаю, послал другого посла къ Олгерду, князю литовскому, з писмом таким: «Олегъ, князь резанский, великому князю литовскому Олгерду радоватися. Вѣдаю, ижь давно мыслилесь князя московского Дмитрия зогнати, а самъ землею московскою владѣти. Нынѣ приспѣль твой час великий бовѣм¹ царь Мамай идетъ на него. Тепер пристанмо до царя Мамаю, вѣдаю, же тебѣ даст царь Москву зь иными городами, а мнѣ дастъ Коломну, Володимер и Муромль, которыи города суть моеѣ власти. Уже я послал своего посла къ царю Мамаю зь честью и дарами. Пошли и ты от себе своего кацѣя², написавши грамоту, якъ сам знаешь».

Князь Олгердь, урадовавшись с того, подяковал князю резанскому. Сам з великими безчисленными дарами послал к Мамаю з таким писанем: «Великий князь Олгердь литовский царю Мамаю великому. Под твою милость прибегаем, присяжникъ твой и много

¹ бо, таму што. ² ганца, пасланца.

тя молить. Слышах, господине, што хочешь казнити своего слугебника, московского князя Дмитрия. Того ради молю, царю, великую бовѣм пакость чинить твоему улуснику¹ князю резанскому Олгу, да и мнѣ покости дѣть. Просим абадва, да придет держава царствня твоего на отоки² сия, и да придет твое розсмотрение нашея грубости от московского князя Дмитрия».

З тым пославши, мыслили князи резанский и литовский, ижъ князь Дмитрий утечетъ, а мы с покоемъ будем на его княжении сидѣти, и дарами утолимъ Мамаю, ижъ пойдѣм з русской земли спокойне. И дасть нам ярлык, албо привилей свой на княжение. Ты сами не знали, што чинили, не помятаючи, же все есть в руках божних, и кто под ким яму капаеть, той и сам в тую впадетъ.

Князь зась Дмитрий ничего о той змовѣ на него князей не вѣдал. Царь Мамай принял пословъ вдячне и дары. Прочитавши их писма и зразумѣвши рѣчь, частовал послов и отпустил. И къ князю резанскому и къ князю литовскому так отписал: «Дякую вам за дары, и што писалисте ко мнѣ о отчизнѣ русской, подарую вам, толко мнѣ присягните и з войсками своими мене споткайте, где можете. Я вашего на помочь войска не потребую, маю так войска много, которым Иерусалим давный и хотяй яко царство взялбым, толко вы зь своим войском огрозитесь князю Дмитрею при моей оборонѣ. Мнѣ, царю, з подобным царемъ битися, а не з Дмитрием моим голдовником³. Досыть мнѣ, же мя, як царя, почтите. Ознаймѣте иным своим князем: иду к ним с покоем.

ГЛАВА 3

Князь Дмитрий Ивановичь московский молится и раду чинить на Мамаю з митрополитом и зь своими князи, о змовѣ тежь князей Олга и Олгерда и Мамаевом замыслѣ довѣдавшись, збирает своих князей, гетманов и войска

Взявши вѣдомость князь великий московский Дмитрий, ижъ Мамай идет на него, ревнуючи Батию, зь гнѣвом барзо зафрасовалси. И ставши перед образом хрестным, над головою его стоянним, упал на колѣна и з плачем молился, жебы⁴ господь богъ грехи его простил и избавил землю рускую от безбожного Мамаю. Помолившись, послал рихло⁵ по брата своего Владимира Андрѣевича до Боровицы и по всѣхъ князей и воевод своих. И гды приѣхал брат Владимиръ и всѣ князи и воеводы к Москвѣ, взявши князь Дмитрий брата своего Владимира, пошол к преосвященному митрополиту Киприяну, ознаймил ему о том, ижъ безбожный Мамай идетъ на нас.

Запытал его митрополить: «Чим, господине, его гнѣвъ на себе подвигнулес, чого не далесъ?»

¹ саюзніку. ² граніцы. ³ залежним. ⁴ каб. ⁵ хутка.

Отповѣдил князь Дмитрий: «Все ведлугъ¹ постановеня отцов наших и болше далем ему».

Рекль митрополит: «Жебы той безбожный не спустошил нашей земли, пошли ему дары и дарами его гнѣвъ укроти. А если не схочетъ, сам его богъ укротит. Якъ святой Василий великий учинил. Иулиану послал дары, а гды не принял, сам господь богъ през мученика Меркулия его убил».

Теды князь Дмитрий, послухавши митрополита, выборного своего и разумного Захарию Тушишина послал зъ многим золотом и срѣбром к Мамаю, придавши к нему двоухъ толмачовъ².

Посланный Захария, гды пришел в Резань и довѣдался, ижъ Олегъ резанский и Олгердь литовский, змовившись на князя Дмитрия, поддалися Мамаю, послал зараз таемне къ своему князю Дмитрию, тое ознаймуючи. Што услышавши, князь Дмитрий розгнѣвался и зафрасованный³, молился господу богу и просил, жебы его невинности сам он вышний помѣстился. Помолившись, знову з братом своим пошел к митрополиту, ознаймил ему о змовѣ на его князя Олга резанского зъ Олгердом литовским и, плачючи, рекл: «Согрешилем пред богом, але им ничего не есть винен: не беру ничего ничьего, своим естем доволен княжением».

Отповѣдил ему митрополит: «Даремная и несправдливая, ижъ есть на тебе змова. Не фрасуйся. На бога в своей невинности надѣйся».

Теды князь Дмитрий, возвергыши на бога печаль свою, порадовался зъ своими князьями и воеводами и послал на сторожу от Мамаю крѣпких своих оружников: Радиона Ржевского, Иякова Андрѣева Волосатого, Василья Тупина и многих з ними рыцеровъ. И казал им усердно стеречи и, под Орду подъезжжаючи, языка добывати и правды Мамаевой мысли довѣдаватися. А сам князь Дмитрий Ивановичъ по всей русской земли послал гонцовъ зъ своими грамотами, жебы всѣ готовы пришли до Коломны на Успение пресвятой богородицы на войну з Мамаем и з татарами. А поневаж⁴ сторожи князя Дмитрия забавилися, послал еще на провѣдки Климента Полянина и Ивана Свесланика, казавши им скоро ворочатися. Тыи стрѣтили Василья Тупина, ведущого языка, который язык сказал князю Дмитрею, ижъ Мамай, конечно, идетъ на Дмитрия и на Русь, и якъ з Мамаем зъединился Олег, князь резанский, змовившись зъ Олгердом литовским, и не спешить — ждеть осени.

Услышавши князь Дмитрий тую певную вѣсть, почал тѣшитися богом и рекль до брата своего и до всѣх князей и воевод, укрепляючи ихъ: «Гнѣздо естесь мы великого князя Владимера киевского, который насъ вывел зъ тьмы безбожности и просветил правдивою въ истенного бога вѣрою. Ревнуймо ж ему! Биймося до смерти за вѣру святую правдивую з погаными татарами! Господь нам по-

¹ згодна, паводле. ² перакладчыкаў. ³ сумны. ⁴ таму што, з той прычыны.

преподобный зараз казал тым рицером свѣдомым наготоватися, и казал им вмѣсто прилбицы ¹ схиму ² зь крестами на головѣ носити, и отпустил ихъ зь князем, мовячи: «Страждѣте, добрыи воины Христови». Подал тежь великому князю и всѣмъ з нимъ мир и благословение.

Князь великий Дмитрий веселый пришел к Москве, сказал тое все преосвященному митрополиту; и заказал ему митрополит, жебы того никому не сказал, што ему тайно рекл преподобный Сергей. А князь никому не сказал.

ГЛАВА 5

О выправѣ и выходѣ з Москвы

П князя Дмитрия на войну против царя татарского Мамаюды пришел августа въ дватцать седмый день на память преподобного Пимина, хотѣл великий князь Дмитрий пойти на безбожного Мамаю. Пошел перше в церковь соборную пресвятой богородицы и, ставши пред образом Христовым, пригнувши руки до персей, молился, просячи Христа спаса, абы его грехов не помянул, судил обидящих и возбранил борющихся его и дал побѣду на варваров, востающих на християн. Потом стал пред образом пресвятой богородицы, написанным от святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая богородица, яко заступница християном непостыдная, умолила сына своего и бога, жебы не дал осквернити храмовъ своих святых и не погубил християн, але дал звитязство християном над погаными. Оттоль пошел къ гробу святого чудотворца Петра, митрополита Киевского. Просил и его, абы архиерея Христа спаса умолил, жебы его овца невредныи сохранил и отгнал и погубил волковъ, безбожных варваров, хотячихъ овца его поглотити.

Так скончавши молитвы, великий князь поклонился митрополиту. Митрополит зась ³ благословил князя, дал ему знакъ побѣды — крестъ святой, и отпустил. И послал митрополитъ священный соборъ с крилошанами в Фроловский ворота, в Костянтиновский и в Николский з крестами святыми и зь образами чудотворными, абы всѣхъ воиновъ благословили на войну. Князь зась великий Дмитрий пошел еще в церковь святого архистратига Михаила, где князи лежать. Там помолившись пред образом святого архистратига Михаила, воином скорого помощника, пришел къ гробом князей и рекл: «Прородители наши, истенныи вѣры святыя православныя поборницы, если маете дерзновение у бога, помолитесь за нас, потомковъ ваших, абы нам дал бог над погаными звитязство!»

По молитвѣ вышли з церкви. Княгиня Дмитриева Еудокія и княгиня Володимерова и иных княгинь много со слезами провожали своихъ князей. Князь зась Дмитрий тамо удержався от слезъ, рекл своей княгини: «Жено, не плачь. Если богъ за нами, кто на нас».

¹ замест шлема. ² манахская шапка. ³ той час.

И так пожегнавши¹, всѣл на коня своего выборного, з ним и всѣ князи полетѣли з Москвы, якъ бѣлыи соколы, нарядное войско. Князи теж Белоозерский особно зь своими полками стройно ѣхали. Князь великий Дмитрей отпустил брата своего Владимира на Брашево дорогою, бо не вместилося войско все одною дорогою, а сам пошел на Котел. Княгиня зась его зь снохою своею и зь иными княгинями смотрѣли на поѣзд ихъ, взышовши на свой высокий золототерехий терем, и молилися, просячи своему князю от бога помочи на поганыхъ татарь, жебы двохъ сыновъ великого князя Дмитрия — Василя и Юрия не пустил въ сиротство.

Князь великий Димитрий взял зь собою десять мужей Сорожан, жебы обачили што будетъ дѣяться и повѣдали потом в далних землях. И пошел великий князь Димитрий, за ним всѣ князи рускии з великим войском, аж стук стучить, гром гремитъ по ранней зорѣ от ихъ поѣзду, якъ вина пити весело спешатся. Князь Владимир Андрѣевичъ Москву реку перевезся на красном перевозѣ в Боровицѣ. Князь великий Димитрий пришел въ субботу на Коломну, на память святого Моисея Мурина, августа. Тут же стрѣтили его многии воеводы з войсками на рецѣ Северской. Архиепископъ з духовными и зь крестами стрѣтил в баштѣ² городской и благословил великого князя и всѣхъ з ним. Назавьтрее в недѣлю велѣл князь великий всѣм воеводам з войсками выѣхати в поле къ Девичю. И стало так великое войско на полях коломенскихъ, аж очима зглянути всего войска не можно было. И поставил великий князь над полками воевод. Себѣ в полкъ принял князей Белоозерских. Правую руку себѣ учинил брата своего, князя Владимира Андрѣевича, дал ему Ярославских князей; а лѣвую руку себѣ учинил князя Глѣба Бранского. Передовым зась полк — Дмитрии Всеволож. Коломенского полку — Микула Василевич. Володимерский воевода — Юрьевский Тимофѣй Волуевичъ. Костромский воевода — Иван Родионович Кувашия. Переяславский воевода — Андрѣевичъ Серкизович. А у князя Владимира воеводы: Данило Велевут, Кононовичъ Костянтинь, князь Федоръ Елецкий, князь Юрьи Мещерский, князь Андрѣй Муромский.

ГЛАВА 6

О посланью сторожов от князя Димитрия, о фрасунку Олга Резанского, и Олгерда Литовского для походу на войну князя Димитрия и о пристыю Олгердовичов князей на помочь князю Димитрию

Такъ великий князь, спорядивши войско, казал перевозитися Оку реку и приказал всѣм крѣпко, жебы, идучи через землю Резанскую, ничего на волос не рушили. И сам, взявши благословение от архиепископа Коломенского, перевезся реку Оку. Оттоль пустил на трое сторожовъ, жебы обачилися з татарскими

¹ развѣтаѣшыся. ² у вежы.

сторожами: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Фому Тину, Петра Юрьского, Карпа Алексина, Петра Чирикова и иных многих вѣдомцовъ¹. За ними и сам князь великий Дмитрий зъ братом своим поспешал.

Послышавши Олегъ, князь резанский, ижъ великий князь Дмитрий московский зъ великими войсками идет против Мамаю, почал бояться, из мѣстца на мѣсце переходити. Мыслиль послати до князя литовского Олгерда, лечь не могъ, ижъ дорога вся заступлена. Дивился отколь князю Дмитрею помочь и смѣлость повстати на Мамаю и на нас двох князей. Сказали ему бояре его, ижъ осмь дней уже, як мы слышали, же кулугер² именовемъ Сергий, въ отчинѣ его будучи прозорливый, вооружил его и дал ему на помочь двох калугеров своих. Рекл им Олегъ: «Чему мнѣ давно не сказалисте? Пошол бымъ к Мамаю, злочестивому царю, пупросил бым, жебы ничего не чинил злого. Бѣда мнѣ! Згубилем разум свой. И Олгердь, мудрѣйший от мене, не зрозумѣл пришлих³ речей. Богъ на насъ обоихъ поищетъ нашей глупости. Великому князю бояся предатися, а до Мамаю приставши, буду гонитель на вѣру православную и на братию, якъ Светополка земля пожрет живаго. Молитва прозорливого Сергия князю Димитрию поможет. Так учиню: кому богъ поможет, тому присягну».

Олгердь зась, зобрав литвы много, варягъ и жмоди и пошол на помочь Мамаю. Пришовши Олгердь къ Одуеву, слышал, же великий князь Дмитрий зъ великими войсками пошол на Мамаю и тое, ижъ Олегъ, князь резанский, убоялся великого князя, стал, задержался у Одуева и рекл: «Ошукалемся, чюжого разуму слушаючи. Николи Литва не была учена князями резанскими. Тепер князь резанский Олегъ и мене зююв з разуму и сам згинул. Тут тепер перебудмо, поколь почуемъ звитязства князя московского».

В той же часъ сыны Олгердовы: Андрѣй, князь Полоцкий, и Димитрей, князь Бранский, будучи окрещены в православную вѣру през свою мачеху, княгиню Анну, за што отецъ ихъ Олгердь поганин ненавидил, але богъ любил, слышали, ижъ великий фрасунок великому князю московскому и всему православному христіянству от безбожного Мамаю належить, и они фрасовалися. И послал князь Андрѣй къ брату своему меньшему родному Дмитрию буквицу⁴ малую, на которой тое было написано: «Вѣдаешъ, брате, же насъ откинул от себе отецъ нашъ Олгердь для того, же принялисмо вѣру православную, але богъ насъ принялъ. Не жалуймо ж и до смерти подвизатися за вѣру святую. Пойдѣмо на помочь князю московскому Дмитрею и всему христіянству против поганого царя Мамаю».

Тое писмо прочитавши от брата своего, князь Дмитрий урадовался и з слезами рекл: «Дай нам, господи, доброе тебѣ угодное хотѣние совершити». Потом казал послу: «Мовте брату, ижъ естемъ готов з тобою ити з войском зколко маю». — Бо у нихъ войска готовы были для дунайских татарь. — «Треба, — мовить, — нам ити на

¹ разведчыкаў. ² мапах. ³ будущых. ⁴ записку, пасланне, грамату.

Сиверь къ Дону, где князь Дмитрий». И так утаѣмся тоєю доро-
гою от отца».

Рыхло¹ теды обадва князи Олгердовичи, браты, пришли к Сѣверу и, знявшись, радосно привиталися, як Иосифъ с Вениами-
ном². Оттоль з войскомъ стройнымъ зараз на Дон пришли, з кото-
рого ихъ приходу великий князь Дмитрей Московский и зъ братомъ
своимъ, барзо радуячися, похвалилъ господа бога и, принявши ихъ
вдячне и чесно, великими ударовалъ дарами. И рекл имъ: «Не для
мене сте пришли ко мнѣ, але господь богъ, любячи, послалъ васъ
къ намъ на помочъ хрестиянству противъ поган, як Авраамъ Лоту³,
такъ вы намъ. А черезъ васъ богъ поможетъ».

Зараз з тоєю вестью послалъ великий князь к Москвѣ, к митро-
политу, ознаймуючи, ижъ Ольгердовичъ, оставивши отца своего,
пришли ему на помоч. З чого радуячися, митрополитъ зъ слезами
похвалилъ господа бога и приказалъ день и нощ за великого князя по-
церквахъ молити бога, набарзѣй⁴ в Сергиевомъ монастырѣ. А кня-
гиня Дмитриева Еудокія давала всякую милостиню, завше⁵ до
церкви ходила.

ГЛАВА 7

*О взятю языка Мамаевого от сторожей князя Дмитрия,
о радѣ его зъ князями и ошукваню зъ обоихъ сторонъ войскъ
и о укреплении войскъ от князя Дмитрия и о молитвѣ его*

Затымъ великий князь пришелъ на мѣстѣце, названное Бере-
зуй, за двѣ албо за три мили Дону, сентябрия пятого дня.
Тамъ прибѣгли два его сторожи — Петръ Готский и Карпъ
Алексин, и привели языка значного отъ сыновныхъ царя Мамаея. Той
языкъ сказалъ, ижъ царь на Кузминѣ есть, дожидается к себѣ кня-
зей: Олга Резанского и Алгерда Литовского, а твоего прихода
и спотканя не сподѣвается. Олгъ писалъ к нему, ижъ за три дни ма-
еть быти на Дону. Спыталъ его великий князь о силѣ Мамаевой. От-
повѣдилъ языкъ, ижъ никто его войска не переличить, барзо великое.
Почалъ думати великий князь зъ своимъ братомъ и зъ князями литов-
скими: если перевозитись за Дон, чили тутъ стояти.

Отповѣдили Алгердовичи: «Сего дня кажѣмо войску перевози-
тись за Дон, то никто не погадаетъ назадъ, а о великомъ войску по-
ганскомъ не фрасуймося. Богъ не в силѣ челоувѣческой, але в прав-
дѣ благоволить. Ярославъ, перевезшися реку, звитяжилъ Святопол-
ка; и праждъ твой Александръ Невский, перевезшися реку, короля
немецкого звитяжилъ. Ты, бога призываючи на помочъ, тое жъ чини.
Если и помремъ, у бога заплату примемъ, тымъ и войско свое под-
крепляй. Не бойся. Витязей маешь много добрыхъ».

Казалъ теды князь великий войскомъ своимъ за Дон перевозитись.
Тымъ часомъ почали вѣстники прибѣгати, ознаймуючи, ижъ близко

¹ хутка. ² библейскія персанажы. ³ таксама библейскія персанажы. ⁴ асаблѣва.
⁵ заўсѣды.

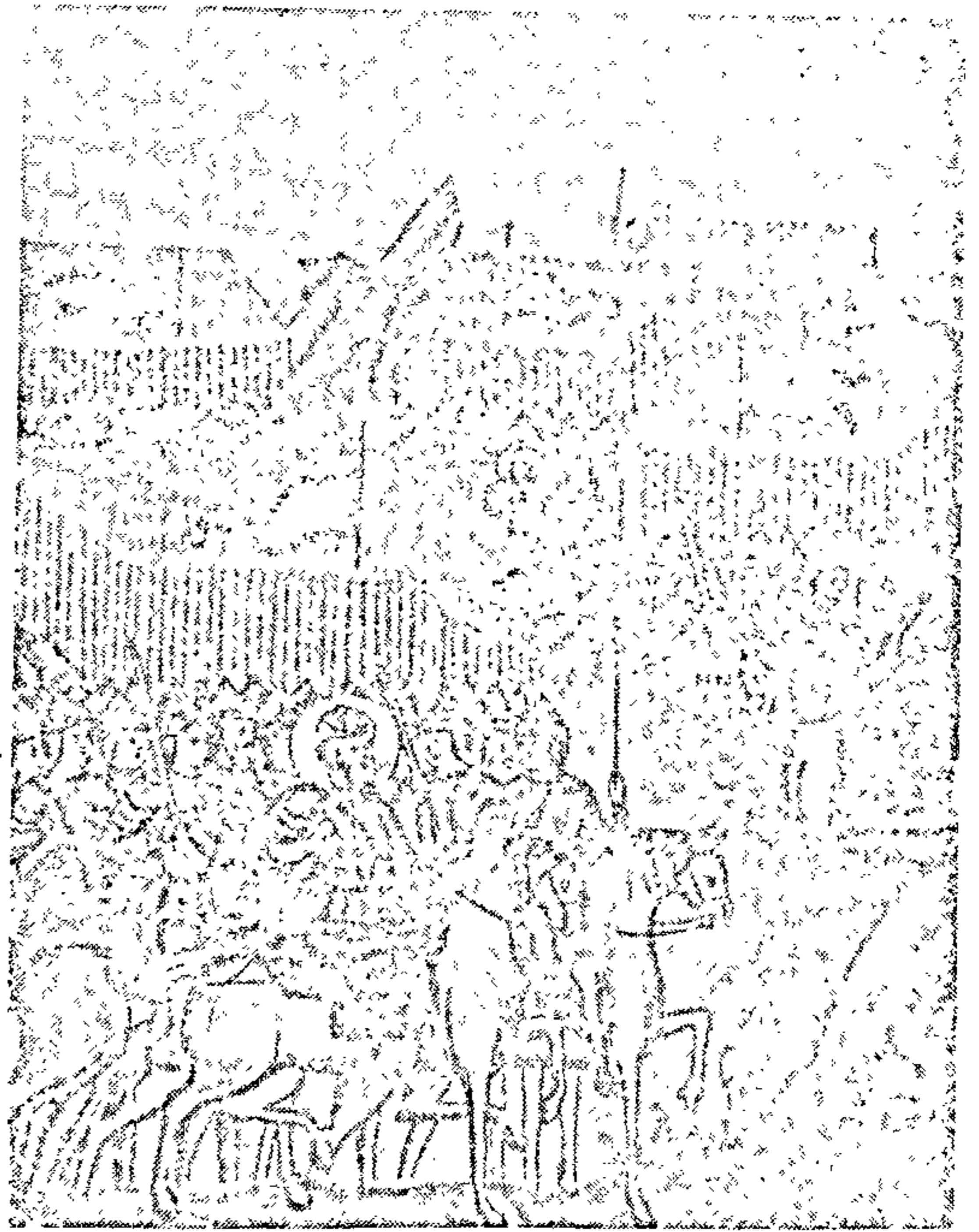
уже бѣгають татаре. Тут же почали збиратися волки стадами, выючи безпристанно, галки и орлы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы, брешучи, и иншии звѣри, на кров чигаючи¹ и на трупы.

Старѣйшии воины рускии радовалися, неприятелей близко чюючи, а молодшии и иншии унывали, видячи пред очима смерть, которых укрепляли старѣйшии за смерть дочасную, вѣчный живот прекладаючи и венцы небесныи, о которых Сергей преподобный пред рекл.

Шестой години на день пришол Семен Мелик зь своєю дружиною, за которым гнали татарове ажь до полковъ руских, которыи их отогнали.

Обачивши татарове множество полковъ рускихъ оповѣдили царю Мамаю, ижъ князи рускии ополчившися стоять при Дону. Царь з гнѣвомъ крикнул: «Так, моя сила! Если сих не побюю, якъ маю вернуться въ свою землю!?» И казал всему войску своему справитися.

Меликъ зась сказал великому князю, иж на Гусин бродь перешли уже за единач, заутра придуть на Прадву. А ты, великий княже, сегодня справь войско, жебы не поспешили поганцы. Зараз теды великий князь Дмитрий Иванович з братом своим, князем Владимиром Андрѣевичомъ, и зь князями литовскими: Андрѣемъ и Дмитриемъ Ольгердовичами, почали справовати и шиковати² през годин шесть. Особливе з Литовскоѣ земли Дмитрий Боброк, родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Князь великий зь братом своим и зь Алгердовичами и з иншими князями, взышовши на высокое мѣсто, обачиль всѣ хорогвы войска християнского и все войско ихъ рядне въ зѣброях и в прилбцах, от золота свѣ-

Дзмітрый Данскі перад войскам.

¹ пільнуючы, чакаючы. ² рыхтаваць, строіць войскі ў баявы парадак.

тящихся, и порядне ушикованое на войну охочих рицаров, и богу молячихся о побѣдѣ на враги, удивился и урадовался. Также и князи литовскии почудилися и рекли: «Подобно тое войско царя македонского войску. Так великое, якъ пред нами не бывало!»

И зсѣдши, великий князь пал на колѣнах пред образом Христовым, написанном на хорогвѣ чарной болшого полку, и помолился, мовячи: «Владыко господи, призри на нас, рабовъ твоих, кровию твоею искупленных! Обрати лице твое на нечестивых варварь и даждь нам на них побѣду молитвами пресвятой богородицы и руского светителя Петра!»

По молитвѣ всѣл на коня и з князями ѣздити почал по полкахъ, кождому сам мовячи: «Братия моя милая, сынове христіяности! Приспѣл часъ вашего подвига. Мужайтесь! Станте крѣпко на неприятеля, который уже на рецѣ Непрадвѣ близко! Господь силен, во брани господь заступник нашъ, богъ Ияковль! Уповайте на бога. Мирь вам его з нами завтра!»

Обачюся тое мовивши, отпустил брата своего Владимирера уверхъ по Дону в дубраву, жебы его полкъ утаился. Дал ему годных рыцеровъ своего двора и отпустил тежъ з ним свѣдомого своего воеводу Димитрия Волынского. На ночь Рождества пресвятой богородицы, ночи тогды свѣтлый, и теплота была.

ГЛАВА 8

О примѣтахъ слышанных и о видѣнии явленном,

з которыхъ звитязство князю Димитрею пророковано над Мамаем, и о молитвѣ великого князя

Димитрий Волынский взял самого толко великого князя. Выехал з ним в поле Куликово в ночи и рекл: «Спробую своей примѣты». И стал посередѣ обоих войск, русских и татарских, почал слухати на полк татарский обернувшись. Послышал стук велик, якъ торгъ, збираючися, албо город будуючися. Назадѣ их — волки, выючии грозно. По правой сторонѣ их — вороны, кричачии. И стался страх и крик великий пѣтатствъ. Вороны, якъ горы, летали против по рецѣ Непрадвѣ, а гуси и лебедѣ, крыльми плещучи, незвычайную грозу позавали.

Рекл великий князь Волынцу: «Слышу, брате, великая гроза есть». Отповѣдил Волынецъ: «Призываюся, великий княже!»

Князь знову вернулся на полкъ русский. «Што слышати?» — Спытал Волынецъ. «Што слышно? — Рекл князь. — Не слыхатъ ничего, толко видялем много зарей огненных, збираючихся». Рекль Волынецъ: «Огни — добрый знак. Призывай бога з вѣрою». И знову рекл: «Еще есть примѣта». И зсѣвши Волынец з коня, поникъ на землю, приклонивъ ухо правое и, долго лежавши, встал и поникъ. Князь великий спытал его: «Што есть, брате?» Он не

хотѣл сказати, але примушен от князя сказал: «Едно есть тобѣ пожитечно ¹, а другое скорбно. Слышалам землю, плачучуююся на двое: една сторона, якъ нѣякая жона, плакала горко поганским голосомъ сыновъ своихъ, а другая сторона, якъ нѣякая панна, якъ свирѣль, жалосно плачевным голосом. Зъ тоеи примѣты я познаваю, ижъ божию силою и помочью святых мученик Бориса и Глѣба звитяжишь поганов, але будет многое падение войска христианского».

Услышавши тое, великий князь заплакал и рекль: «Нехай будуть звитязства господнии». Мовил Волынець: «Не кажи того никому, ни брату своему. Заутра кажи на конѣ сѣдати, милости бога и святых его и крестом — оружием непобѣдмым огорожатися на противных».

Тоеи жъ noci нѣякий синглит, именовъ Фома Кацѣй, поставлен сторожемъ от великого князя на руначеру ² Михайловѣ для мужества его, на крѣпкой сторожи от поган видел на высокости оболоч, якъ полки нѣякии от востоку, барзо от полуденной зась стороны пришли два младенцы свѣтлыи, маючи свѣчи и мечи острыи в руках, — которыи были мученики Борисъ и Глѣб, — и рекли полковником восточным поганским: «Кто вам казал по-требляти нашу отчизну, которую нам господь даровал?» И почали их сѣчи младенцы мечами, и не един от них не избыл цѣлый. Назавтрее сказал тое видѣние самому князю. А князь заказал ему, жебы никому не повѣдал. Сам зась великий князь, поднесши руки и очи на небо, почал з плачем молитися: «Господи, молитвами святых мученик Бориса и Глѣба, поможи мнѣ якъ Моисею на Амалика, якъ Ярославу на Святополка и якъ прадѣду моему Александру не хвалящогося короля немецкого разорити его отчество! Помози нам, християнном, твоимъ рабомъ поганым, блюзнячих ³ тя!

Так помолившись поѣхал к польком.

ГЛАВА 9

О поставлении от князя Дмитрия Михаила вмѣсто себе, о листѣ от святого Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханю на герць ⁴ з татаринном Пересвѣта чернца

В праздникъ Рождества пресвятой богородицы, третей годины на день справившись, почали обои войска трубити на войну. Рускии трубы гримѣли, а татарскии якъ онемѣли. Еще не зышлися з собою, бо мъгла была, а великий князь Димитрий, ѣздячи на своемъ выборном конѣ, укреплял свое войско и мовиль зъ слезами: «Не страшѣтесе, за святые церкви и за вѣру христианскую и за отчизну милую голов своихъ класти не щадѣте!»

Так укрѣпивши, подѣхал под свою черную короговъ и, зъсѣв-

¹ карысна. ² незразумелые слова. Магчыма, трѣба чытаць: «на реку на Черу»? зневажающих. ⁴ паядынак.

и зъ своего коня, зложил з себе царскую одежду, възсѣл на иншого коня и въ иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложил на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего дал ему и свою корогов рыделю¹ казал над нимъ возити, под которою той Михайло за своего князя был и забитый. А сам князь великий, вынявши зъ запазухи свой крестъ, в котором была часть животворящего древа, рекл: «В тебѣ, кресте святой, остатняя моя надѣя. Якъ помоглесь Костянтину звитяжити враги христьянския, так и нам поможи звитяжити поганого Мамай и его всю силу».

Того ж часу пришло писане от преподобного Сергия, в которомъ тое написано: «Великому князю Димитрею Ивановичу и всѣм княземъ руским и всему православному воинству мир и благословенне!» Дал тежъ посланецъ великому князю хлѣбъ пресвятыя богородицы от игумена Сергия.

Тым всѣм писаниемъ утѣшившись, подтвердились на войну. А великий князь, поцѣловавши посланца, взял хлѣбъ святой и рекл: «О великое имя пресвятыя троицы! Пресвятая богородица, помогай намъ на противных молитвами преподобного Сергия и спаси нас!» И взявши свое копие и палицу свою желѣзную, сам вперед хотѣл скочити на погановъ, але богатыри его рускии удержали, мовячи: «Негодиться тебѣ вперед битися, але особно смотрѣти, стоячи на битву, полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты гдѣ подѣнешся, што и по нас будетъ? Мы готовы головы свои покладати, а ты по насъ память будешь творити и впишешь въ книги на память потомнымъ вѣкомъ».

Князь, заплакавши, рекл: «В земной чести я естемъ пред всѣми вами почтен. Нехай же вперед васъ голову положу и вперед васъ венець от Христа приму; благая от господа принялем, злых не стерплю».

Затым передовыи полки почали сходитися з татарами. Первое полкъ проводил Дмитрий Всеволожь и Володимеръ, брат его. Правую рукою ишол Микула Васильевич з коломничами и зъ иными князями.

А поганыи татаре ишли обоими руками, бо не было им где ростягнутися. А царь безбожный Мамай зъ трома своими князями възшол на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затым выехал з полку татарского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якъ давный Голиады. Того обачивши чернецъ Сергиевъ Пересвѣт, з полку Владимира Всеволожа, рекль: «Сей татарин хочетъ себѣ противного герцовника. Я з нимъ хочю видитися и ударитися и восприяти венець царствия». Мѣл на своей прилбицы схиму зъ крестомъ. Потом рекль: «Простѣте мя и благословите. И ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене». Рекли всѣ: «Богъ тебе да простит и благословит и поможет тебѣ молитвами святого Сергия».

И так ударились. Обадва, з коней попадавши, померли.

¹ рыцарю, зброяносу.

*О войнѣ князя Димитрия и войск русских з войсками Мамаевыми,
о раненю князя Димитрия и о побитю войск русских от татарь
и о звитязствѣ потомъ славном през помочь брата князя Димитрия
войск русских над татарами*

Затым, крикнувши всѣ войска рускии: «С нами богъ!» и знову: «Боже христьянский, поможи нам на враги!», а татаре крикнули: «О господь Магаметь!» и зышовшия почали крѣпко битися. Зъ обоих сторон лиеться кров богатырская под сѣдлами окованными, котятся прилбицы золотыи под ноги конскии, за прилбицами — и головы богатырскии, а татарскии въдвое того падают на поли Куликовѣ, в тѣсном мѣсте межи Доном и Мечею. Лютя рѣки кровавыи от множества побитыхъ, шабли блискают, якъ блискавица¹, а копии, якъ гром, ломаючися трищать. От третей години ажъ до шестой билися. Там в три години безчисленное мнозство строеня розумного божияго побито. От шестой засъ години почали татаре одолѣвати, а христьяне изнемогати: много храбрыхъ богатырей русских, и молодыи зацное, побито. Многии сыны рускии конскими копытами татарскими потерты, и самага князя великого Димитрия ранено, ажъ нуждею, схилившия з коня, пошел з побоища. Един вѣрный самовидецъ от полку Владимирера Андрѣевича повѣдал, ижъ видел шостой години над великим княземъ небо отворенное, з которого вышел облак, якъ ранная заря, низко держачися. Той облакъ — полнь рукъ челоуѣческих; кожда рука держала оружие. Тыи руки спустилися над головы христьянскии на оборону: уже бовѣмъ отвсюль обышли татарове христьян.

Обачивши з дубровы, в которой на засадцѣ сѣдѣл князь Владимирь Андрѣевич, ижъ барзо много христьян побито и звитязаютъ татаре, не могучи болше братий своихъ православныхъ убиваня терпѣти, рекль Дмитрею Волынскому: «Што за корысть тут болше стояти! Наши до конца погибають. Даймо имъ помочь, хотя и сами з ними головы положим!»

Рекль Волынский: «Бѣда, вижу, велика. Але еще не час нам ити, бо кто не в свой час починаеть што — шкodu относить. Потривай мало, а бога призывайте. В осмую годину будетъ ласка божия и помочь христьяномъ».

Владимерь почал молитися, просячи господа бога о милосердие и о помочь на поганыхъ. А в полку его сыны рускии плакали, видячи братий и друзей своихъ от татар барзо много погибающихъ, и сами порывалися на ихъ оборону, якъ на чашу вина. Волынецъ имъ еще боронил, мовячи: «Пождѣте, будетъ ваш час!»

¹ маланка.

Въ осмую теды годину дунув вѣтер полудневый ззаду ихъ, тогда Волынецъ великимъ голосомъ крикнул: «Княже Владимире, пришел час!» И рекл: «Братня милая, дерзайте! Сила божия помагаеть намъ»

Богатыри зась рускии вышли з дубровы и кинулись на татар, якъ ясны соколы на журавлевъ. Татаре, обачивши знагла¹ много полковъ русских, зтровожилися, крикнувши, же Русь мудра: молодших вперед на нас выправили, а се самыи богатыри-рицери зсадскии идут. И почали татаре уступовати. А рускии полки ихъ погнали помочью святых мученикъ Бориса и Глѣба и сѣкли утекающих поган. Татарове, утекаючи, волали: «Бѣда, бѣда тебѣ, нечестивый Мамаю!»

Рускии, бога призываючи, без числа татаров побивали, бо нѣльзя имъ было от Руси утекати, же коней мели потомленых. А Мамай, видячи свою бѣду, почал призывати своих богов: Перуна, Савата, Ираклия, Гурга и великого своего помощника Махмета. Не маючи от них себѣ помочи, свою голову почал уносити, видячи новых людей русских, крѣпко сѣкучих татаров Побѣгъ зь четырема своими мужами. За ними погналися рускии воины, але ижъ их не догнали, ижъ кони Мамаевы добрыи были и непотомлены. А татаров побитыхъ помощию святых мученикъ Бориса и Глѣба, якъ в видѣнии видел предреченный Фома Кацѣй, по обоих сторонах рѣки Неправды безчисленое множество лежало. Мало их з Мамаем утекло.

ГЛАВА 11

О найденю раненаго князя Димитрия и о радости великой звитязства над татарами

Такъ рускии войска, звитязивши татар, вернулись кождый под свою корогов, а князь Владимиръ Андрѣевичъ стал под короговою чорною и не нашол брата своего великого князя Димитрия Ивановича под его короговою, толко князей Олгердовичовъ, казал великую трубу трубити на радость. И за годину, не дождавшись брата, пытал у войску, кто бы видѣл албо слышал о великом князю.

Рекли князи литовскии: «Мы сподѣваемся, ижъ жив гдесъ, але ранен барзо». И инший рекл: «Я его видел пятой години крѣпко з татарами биючого». Другий рекл: «Я после того видѣлем его зь четырема биючогося татарами, который барзо на него напирали». Потом един молодой навасилский князь Стефан повѣдѣл: «Я пред твоим, княже, приходом виделем великого князя, идучого пѣшого з побоища, барзо раненого, але не моглем ему помочи, бо за мною три татарини гналися».

¹ нечакана.

Рекль князь Владимир: «Пошуйте, братия! Кто найдеть моего брата, великого князя, живого, той будет у нас первый честию». Сочили теды искати. И едны наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, въ одежды великого князя убитого. Други наѣхали князя Феодора Семеновича Бѣлоозерского и розумѣли, ижъ великий князь, бо был ему подобен. А два — Феодоръ Саборъ и Григорій Холопищев — на правую сторону к дубровѣ сочили и, мало зѣхавши з побоища, наѣхали великого князя Дмитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣнию березовою. И зпавши з коней, поклонилися ему. И зараз Сабор знову к войску сочил и сказал князю Владимиру: «Великий князь Дмитрей Иванович живъ и царствует!»

З тоей новины всѣ князи и воеводы, урадовавшись, сочили зараз на конех и, прибѣгши, упали на ногах его и мовили: «Радуйся, давный Ярославе! Радуйся, новый Александре, свѣтило земли Руской, звитяжцо врагов!»

Великий зась князь ледве промолвил: «Скажите, братия, што дѣется?» Рекль князь Владимиръ: «Милостию божиею и пресвятая богородицы и молитвами святых мученикъ Бориса и Глѣба, сродниковъ наших, так же святителя Петра и нашего вооружителя Сергия звитяжены суть враги наши, а мы цѣлы».

Урадовавшись великий князь рекл: «Сей день — его же сотвори господь бог — возрадуемъся и возвеличимъся вонь¹. Хвалю тя, господи боже, и уповаю на тя вовѣки!»

ГЛАВА 12

*О поѣздѣ князя Дмитрия межси трупами,
о личбѣ забитыхъ и о похованю ихъ,
о славномъ вѣздѣ его в Москву и о погибели Мамаевой
и Олговой, и о соромотѣ Олгерда, князя литовского*

Потом всѣл на коня великий князь Дмитрий, поѣхал на побоище, обачил много русскихъ побитыхъ, але четверако болшь поганыхъ татаровъ лежачихъ. И рекль Волинцу: «Правдивая твоя примѣта. Годен естесь завше² быти воеводою». И почал великий князь зъ князями и зъ воеводами ѣздити по всемъ побоищу. Наѣхаль мѣстыце, где лежали осмь князей забитыхъ бѣлоозерскихъ, один за другого положеныхъ. Тут же близко лежить и Микула Васильевичъ. Плакал над ними великий князь и мовил: «Братия моя, князи и сынове рускии! Если маете у бога дерзновение, пострадавши за вѣру Христову, помолитесь за насъ!» Далеѣ ѣдучи наѣхал своего наперсника — Михаила Андрѣевича Бренника, подле его — сторожа Семена Мелика и Тимофѣя Волуевича убиенныхъ. Заплакавши, рекл: «Любимая моя братия, кто так может за пана умерти, як любимый мой слуга Бренникъ в моемъ на-

¹ им, гэтым днём. ² заўсѣды.

ряди вмѣсто мене, за мене поѣхавши, на смерть есть забитый?»
 Знову рекл: «О крѣпкій нашъ сторожу Мелику! Нашеѣ целости
 стерегучи, за нас голову свою положилесь». Далей поѣхал, на-
 ѣхал чернца¹ Пересвѣта и подле его значного богатыря, albo ры-
 цара, Григория Капустина. И рекль до своих: «Смотрѣте, братия,
 нашего починальника Пересвѣта, той бовѣмъ звитьжил подобного
 себѣ рыцера татарина, от которого всѣмъ было пити горкую чашу». Затым
 розказал князь великий трубѣти въ трубу выборную на
 собране войскѣ. И такое трубене собралися всѣ, звитьзства пѣснь
 спѣваючи.

А гды собралися войски, ставши, великий князь з радостию по-
 чал мовити: «Князи рускии, бояре мѣтныи, воеводы силныи и сы-
 нове всей земли Руской!

Вам подобаеъ так же
 служити и далей, а мнѣ
 з вашей службы тѣшити-
 ся. А скоро мене при-
 ведеть богъ на мою сто-
 лицу, буду всѣхъ васъ
 годными дары дарова-
 ти. Теперъ кождый своих
 похавайте, жебы тѣла
 християнскии не были
 на прокормъ звѣремъ и
 пѣтахомъ».

И стоял великий
 князь осмь дней за До-
 ном, доколь порозбира-
 ли тѣла християнския от
 поганскихъ и похорони-
 ли, а поганскии покину-
 ли звѣремъ на покармъ.

Потом рекл великий
 князь: «Зличѣте, колко
 у кого воеводъ». Отповѣ-
 дил Григорей Александр-
 ровичъ, московский боя-
 рин, «У нас сорока боярь

Перамога рускіх на Куліковым полі.

болших московскихъ нѣтъ, а дватцати князей белоозерскихъ и трина-
 дцати бояровъ, посадников новгородскихъ, и четыре десяти бояриновъ
 серпуховскихъ, дватцати боляринов переясловскихъ, а дватцати пя-
 ти боляриновъ костромскихъ, тритцать пять боляринов владимерскихъ,
 осмь боляриновъ суздалскихъ, чтыри десят бояринов муромскихъ,
 тритцать боляринов ростовскихъ, дватцать пять боляринов дмитров-
 скихъ, шездесят боляриновъ зьвногородскихъ, пятнатцать боляринов
 углицкихъ. А всего войска дружины згинуло полтретья ста тысяч.

¹ манаха.

И помилвал богъ землю Рускую: осталось всей дружины войска сорокъ тысячей и пять».

Воздохнувши рекл: «Братия, князи, воеводы, бояре и всѣ рыцери и молодыи сынове рускии, межи Дономъ и Днепром, на Куликовѣ полѣ, за землю Рускую и за вѣру христьянскую побитыи! Простите насъ, а вамъ да будетъ вѣчная память и венець живота вѣчнаго!»

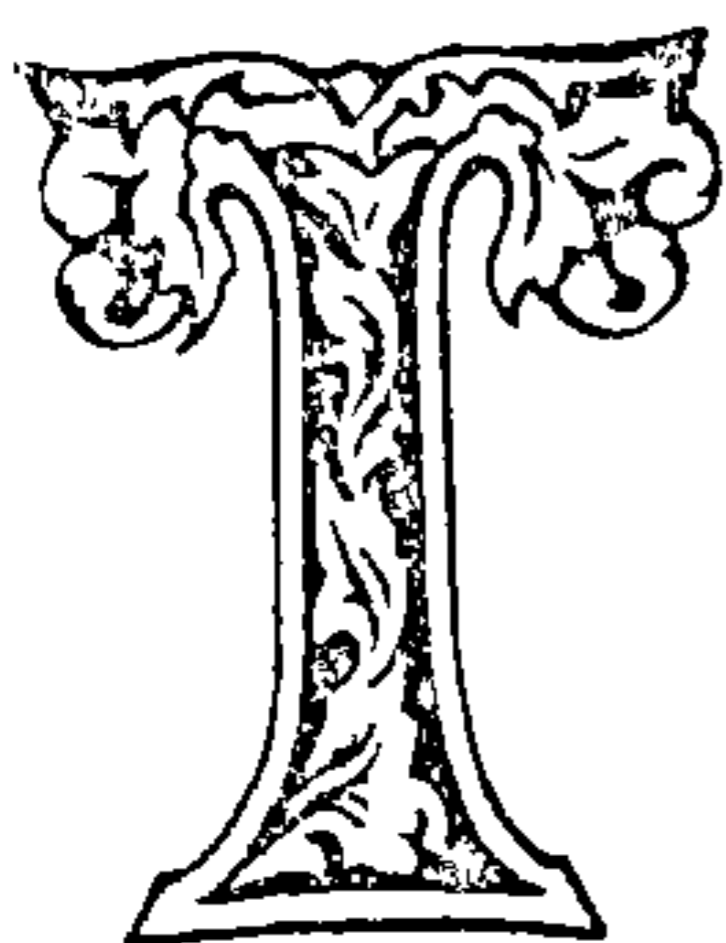
Тое вырекши, великий князь Дмитрий Ивановичъ зъ позасталыми князями, зъ болярами, зъ воеводами и зъ войскомъ всѣмъ зъ славнымъ звитязствомъ пошолъ на свою столицу къ Москве.

Безбожный зась царь татарский, Мамай, зъ побоища побѣгши, прибѣгъ до городу, надъ моремъ лежачого, Кафы. Тамъ затаилъ имя свое, але познанный забитый зосталъ отъ фрягъ. Зле животъ скончилъ.

Услышавши тое все, Олгердь, князь литовский, ижъ великий князь Дмитрий звитязилъ Мамай, вернулся съ соромомъ великимъ назадъ, Олегъ тежь, резанский князь, также, впавши въ фрасунокъ великий, зле свой животъ скончилъ. Обратися болезнь его на главу его и впадется въ яму, юже садѣла¹.

¹ якую самъ капаѣ.

ХАДЖЭННЕ ДЗЯКА ІГНАЦІЯ СМАЛЬНЯНІНА Ў ЦАРГРАД І ІЕРУСАЛІМ

радыцыйныя гандлёвыя і рэлігійныя сувязі рускіх земляў з краінамі Блізкага Усходу спрыялі развіццю так званай паломніцкай літаратуры, якая, дзякуючы сваім падрабязным звесткам аб жыцці, быце, звычаях і абрадах іншых народаў, карысталася выключнай папулярнасцю сярод шырокага кола грамадскасці. Вядомы быў гэты жанр і старажытнай беларускай літаратуры. Да нашага часу захаваліся цэлы рад рукапісных спіскаў з дарожных нататкаў смаленскага дзяка Ігнація, які ў 1389 г. суправаджаў мітрапаліта Пімена ў яго паездцы да царградскага патрыярха і па жаданню мітрапаліта вёў дзённік свайго падарожжа.

Біяграфічных звестак аб Ігнаціі Смальняніне не захавалася. Вядома толькі, што ён быў прыхільнікам мітрапаліта Пімена, якога не любіў вялікі князь маскоўскі Дзмітрый Іванавіч Данскі і таму быў супроць назначэння Пімена на маскоўскую мітраполію да таго часу, пакуль на ёй сядзеў мітрапалітам Кіпрыян. Дамагаючыся маскоўскай мітраполіі, Пімен вымушан быў тры разы (у 1379, 1384 і ў 1389 гг.) ездзіць да царградскага патрыярха за сваім назначэннем і зацверджаннем на гэтай высокай духоўнай пасадзе.

Ігнацій 16 год пражыў на чужыне: з 1389 г. да 1393 гг. знаходзіўся ў Царградзе, з 1393 да 1395 гг. жыў у Іерусаліме; у 1396 г. пераехаў на Афон і тут памёр каля 1405 г. Яго пярэ прыпісваецца 8 артыкулаў, якія ўяўляюць сабой часткі не захаванага да нашага часу поўнага і грунтоўнага апісання падарожжа на Усход. Гэтымі часткамі з'яўляюцца: «Шлях ад Масквы да Царграда», «Апісанне Царграда», «Аповесць аб Амураце і бітва на Косавым полі», «Разлад паміж Іаанам IV і Мануілам II», «Хаджэнне ў Іерусалім», «Апісанне Салуны і Святой гары», «Кароткі летапіс». Аднак, адносна «Аповесці аб Амураце» С. В. Арсеньёў лічыць, і не без падставы, што аўтарам яе з'яўляецца Канстанцін Філасаф; аповесць была перанесена з Хранографа ў летапіс Ніканаўскага спіска, а там злілася з «Хаджэннем» Ігнація ў тым месцы, дзе Ігнацій падае звесткі, якія хадзілі ў яго час аб Амураце цару.

Тэкст «Хаджэння» Ігнація Смальняніна, як найбольш поўны, пададзены паводле выдання І. П. Сахарава (гл. Сказання Рускага народа, т. II, кн. 8, Спб., 1849, стар. 95—107). Розначытанні, якія ўдакладняюць даты або пашыраюць тэкст «Хаджэння», пададзены (і агавораны ў зносках) па выданню С. В. Арсеньева (гл. Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. III, Спб., 1887, стар. 1—27).

[Шлях ад Масквы да Царграда]

В

лѣто 6897 Пимин, митрополит всеа Руси¹, в третій поиде в Царьград к патриарху, а с ним Михаил, владыка смоленский, да Сергий, архимандрит Спасский, да старец его, и слуги, и протопоп, и протодьякон, и ины священники и диякони.

Бысть же начало пути тому от града Москвы, мѣсяца апреля в 13 день, в великий вторник страстных недѣли. Князь великий Дмитрий Иванович понегодоваше на митрополита о сем, яко без его совѣта поиде, бѣ бо и распря нѣкая промеж их. И сиче² сотворися шествие. И повелѣ митрополит Пимен Михаилу, владыцѣ смоленскому, да Сергию, архимандриту Спасскому, и всѣмъ кто аще кто хошет, писати сего путешествования все, како поидоша, и гдѣ что случися, или кто возвратися или не возвратися вспять; мы же сия вся писахом. И сиче поидохом от Москвы, яко же на преди писахом, и придохом на Коломну в субботу великую, а во святую недѣлю Пасхи поидохом к Рязани по рѣцѣ по Окѣ, и при спѣхом к Перевитку, и ту срѣте³ нас Еремей, епископ рязанский, Гречин; а приближившимся нас ко граду Переславлю, срѣтоша нас сынове великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго. И тѣм отшедшим от своего мѣста, и срѣте нас с великою любовию сам князь великий Олег Иванович и с дѣтьми своими и с бояры. И пришедшим нам ко граду Переславлю, и срѣтоша нас со кресты.

Пришедши митрополит в соборную церковь и молебная совершив, и пирова у великаго князя и честь многу прият; и сиче безпрестани чествоваше нас со своим епископом Еремеем Гречином.

Таже исходящим нам оттуду, проводили нас сам князь великий Олег Иванович Рязанский и с дѣтьми своими, и со многою честью и с любовию.

Таж цѣловавшеся разлучихомся: он возвратися ко граду, мы ж поидохом напред; и отпусти с нами боярина своего Станислава с доволною дружиною, повелѣ нас проводитьи до реки до Дону с великим опасением, разбоя дѣля.

Проводиша же нас тогда епископа мнози: Феодор Ростовский и Ефросин Суздальский, Еремей Гречин, епископ рязанский, Исаакій, епископ черниговский, Данило, епископ звенигородский, и архимандриты, и игумены и иноцы⁴.

Поидохом же от Переславля Рязанскаго в недѣлю Фомину, проводиша ж с нами и три струги да насад⁵ на колесѣх. В четверток же приидохом к рѣцѣ к Дону и спустихом суды на рѣку на Дон. И во вторый день приидохом до Чюр-Михайловых, сиче бо тамо тако нарыцаемо есть мѣсто, и ту утѣшение взявше о Христѣ, цѣлование сотворше и с радостию и с умилением проводиша нас епископи, и архимандриты, и игумени, и священницы, и иноцы и бояре великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго, цѣловавшеся вси цѣлованием святым. И от того мѣста возвратишася во свояси.

¹ на тѣксту Арсеньева. ² так, гѣтак. ³ сустрѣу. ⁴ манахи. ⁵ вялікая лодка.

Мы же в недѣлю святых мироносиц оттуду с Пименом митрополитом всѣ поидоша: Михаило, епископ смоленский, и Сергій, архимандрит Спасский, и протопопы, и диаконы, и священноиоцы, и слуги, влѣзше в суды, и поплыхом рѣкою Доном на низ.

Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво: бяше бо пустыня зѣло¹ всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни что же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣнием, мѣста точию², пусто жь все и ненаселено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точию пустыни велия и звѣрей множество; козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великия.

Во второй же день рѣчнаго плаванія минухом двѣ рѣцѣ: Мечу и Сосну; в третий же день проидохом Острую Луку, в четвертый же день проидохом Кривый Бор, в шестый же день приспѣхом до усть Воронежа рѣки.

На утрие ж в недѣлю, на память святаго чудотворца Николы, прииде к нам князь Юрий Елецкий с бояры своими и со многими людьми, посла бо к нему вѣстника князь великий Олег Иванович Рязанский; он же сотвори повелѣнное, и воздаде нам честь, и радость и утѣшение велие.

Оттуда ж приплыхом к Тихой Соснѣ и видѣхом столбы каменные бѣлы, дивно же и красно стоять рядом яко стози малы, бѣлы ж и свѣтлы зѣло над рѣкою над Сосною.

Таж минухом и Черлениый Яр рѣку, и Битюк рѣку и Хопер рѣку. В недѣлю ж пятую по Самарянынѣ минухом плывуще рѣку Медвѣдицу, и Горы высокие рѣку, и Бѣлый Яр рѣку. В понедѣльник же плывуще минухом горы каменные красныя; во вторник же Серьклию град минухом плывуще, не град же убо, но точию городище; таже и перевоз минухом, и тамо обрѣтохом первие татар много зѣло, яко ж лист и яко же песок. В среду же плывуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус³ и тако оттуду нача нас страх обдержати, яко внидохом в землю татарскую, их же множество оба пола⁴ Дона рѣки аки песок. В четверток же плывущем минухом Бек-Булатов улус. Стада ж татарския видѣхом толико множество, яко же ум превосходящ, овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже в пяток минухом Червлениыя горы.

В недѣлю ж шестую Слѣпаго плывуще, минухом Акбугин улус. И ту многое множество татар, и всяких скот стады без числа много. От татар же никто же нас ни обиде, точию воспросиша ны⁵ вездѣ; мы же отвѣщахом, и они слышавше, ничто же нам пакости творяху и млеко нам даяху. И сице с миром в тишинѣ плывахом. В понедѣльник же приидохом Бузук рѣку, в канунѣ Вознесеньева дни приспѣхом, плывуще до моря, града Азова: в недѣлю же седьмую святых отец вкладшеся в корабль на усть Дона рѣки под градом Азовым.

¹ вельмі, моцна. ² толькі. ³ табар, пасяленне. ⁴ па абодвух берагах. ⁵ нас.

Тогда же бѣ во Азове живуще фрязове¹ и нѣмцы, владѣюще тѣм мѣстом, и отступихом в морѣ, и бысть в полунощи кораблю стоящу на якорех, и нѣцыи во градѣ оклеветаша нас фрязом, и догнаша нас фрязове в сандалцах, и наскакаше в корабль наш борзостию. И бысть топот велий на мосту корабля, и бывающаго, вси невѣдахом. И изшедше на мост² и видѣхом мятеж велий. И рече ми епископ: «Игнатий, что, брате, сице стоишь, ничто же печали имѣя?» И рече ми: «Сии бо фрязи от града Азова пришедше, нашего господина Пимена митрополита емше³, сковаша, и Ивана протопопы, и Григория протодьякона, и Германа архидьякона, и Михаила дьяка: должны бо им суть; мы ж с ними без вины погибаем». Также воспросихом старѣйшину фряз тѣх: «Что хотят и нам сотворить?» Он же отвѣща, глаголя: «Не бойтесь вы; что убо вашего есть, и вы своя вся возьмете».

Также по малѣ умалени быша Пименом митрополитом, и довольну мзду взявше, всѣх нас отпустиша невредимых, и дню тамо мимошедшу, и сице во вторый день поидохом оттуду.

Тогда убо вѣтру добру и пособну бывшу, пыхом по морю в радости и в веселии велице; также в третий день тяжек вѣтр в преки быше, и прияхом истомление велие потопления ради корабленнаго, понеже⁴ и сами корабленницы⁵ не могуще стояти, избивахусь зѣло от вѣтра, и валяхусь яко же пьяни. И проидохом устье Азовскаго моря, и взыдохом на великое море; в шестый ж день, в субботу минухом Кафинский лимен и Сурож, и мимошествующим плавахом добрѣ четыре дни, недѣлю, понедѣльник, вторник и среду.

Также в пятый день в четверток возвѣя вѣтр супротивен зѣло, и поведе нас по морю в лѣвую страну к Синопу граду и впадохом в лимен близ града Синопа. И нѣцыи из града Синопа излѣзше, посѣтиша нас и пищею и вином угостиша добрѣ, и тамо пребыхом два дни.

Также возвѣя добрѣ и пакосен вѣтр, и поплыхом близ града; бяху ж тамо горы высоки зѣло, и половину убо тѣх гор закрывахусь, облацы преходяще по воздуху.

Таж оттуду мало пришедше сице под тѣми ж горами противу града Амастра заговѣхом к Петрову дни, и сице в ток пловуще, минухом Пандораклию. В среду же возвѣя вѣтр супротивен зѣло, и паки возвратихомся в Пандораклию, и пребыхом тамо в Пандораклии 15 дней, и ту есть церковь святаго Феодора Тирона, ту же и мучение его бысть, в ней же и гроб его.

Также оттуду поидохом в сандалиях⁶ ко Царюграду на рождество святаго Ивана Предотечи, и на утрне, в пяток минухом плывуще Диополь град, Дафнусий и Карфию град.

Таж пловуще приидохом во град Астравию и тамо пребыхом и пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; быше бо Амурат Турский пошел ратью на сербскаго царя Лазаря⁷. И бысть вѣсть: убиша бо

¹ французы. ² на палубу. ³ захапѣшы. ⁴ бо. ⁵ матросы. ⁶ специальныя лодки. ⁷ Далей текст пададзен паводле выдання С. В. Арсеньева, які «Аповесць аб Амураце цару» лічыць прыпісанай Ігнацію Смальяніну.

на Суимъ обою, и Амората и Лазаря¹. Сице нам убо повѣдаша гражане, зане² бѣхом в турской державѣ, и мятеж бысть велий и смущение много в той стране. И убоявшеся мятежа, и отпусти Пимин митрополит чернца³ Михаила ко Царюграду, а Михаил, епископ смоленский, мене Игнатия, а Сергий, архимандрит Спасский, своего чернца.

И поидохом от града Астравия в недѣлю перед Петровым днем, на утрие ж поидохом от Фили, и минухом Риву, и приидохом ко устью и минухом Фонарь. Вѣтру добру сущу вельми, приспѣхом в Царьград с радостию неизреченною. В понедѣльник же, канон Петрову дни, во время вечерни, приидоша к нам Русь, живущая тамо. И бысть обоим радость велия, и ту ночь пребыхом в корабль.

[А писанне Царграда]

На утрие ж, мѣсяца июня в 29 день, в самый праздник святых апостолов Петра и Павла, благодаряще господа бога, внидохом во град Константин.

Во утрие того же мѣсяца, в 30 день, поидохом к церкви святей Софии, еже есть премудрость божия, и дошедше великих врат, поклонихомся чудотворней иконѣ пречистыя богородицы, от нея же изыде глас Мариѣ Египецкой, егда же возбраняше ей божественная сила внити во святую церковь, иж во Иерусалимѣ на поклонение честнаго креста. И уразумѣвшу ей согрѣшения своя, и умилившуся о сем, и поручницу о себѣ пресвятую богородицу дающе, и сицевая ей словеса глаголюще, и абие⁴ внезапно услыша глас, глаголющ ей издалече: «Аще Иордан прейдеши, добро покоище обрящеши». И сице мы поклонихомся той святей и честней иконѣ пречистыя богородицы, иже стоит внутри церкви святыя Софии, и прочим святым иконам, и святым мощем целебным, и святыя раки⁵ чудотворныя. И цѣловахом трапезу, на ней же полагают святыя страсти Христовы, и потом цѣловахом святаго Арсения патриарха и многих святых. Таже цѣловахом трапезу Авраамлю, на ней же угости Христа бога, в троицѣ явльшагося. Таже цѣловахом одр желѣзный, на нем же Христовы мученицы сжигаемы быша; и пребыхом все утро во церкви поклоняющеся и дивящеся чудесем святых, и величеству и красотѣ безмѣрней церковней. И отслушавше святую литургию и идохом из церкви на двор Константинов, и видѣхом тамо здание царское. Ту есть игрище царское, еже глаголется ипподром. И тамо стоит столб мѣдян, аки в три пряди свит, в верху роздѣлены быша тыя пряди и на коем же концѣ тѣх прядей по змиевѣ главѣ с камением и бисером утворены. В том же столпѣ заклепан яд змиев; бяху ж ту и инии столпи мнози каменны и мѣдяны, и чудеса много, и много сия смотряхом, дивящеся.

Таже мѣсяца июля в 1 день, на память святых чудотворцев

¹ Далей ідзе тэкст па выданню Сахарава. ² бо, таму што. ³ манаха. ⁴ зноў. дамавіна.

Козьмы и Домияна, поидохом в монастырь святаго Ивана, еже глаголется греческим языком Продром, руским же глаголется Предотеца, и ту поклонихомся и цѣловахом, и упокоиша нас добръ, тамо живущая Русь. Третий ж день того ж мѣсяца, в 2 день, на положение ризы пречистыя богородицы, идохом в Влахерну, и цѣловахом тамо святу раку, в ней же лежат ризы и пояс пречистыя богородицы.

Таже оттуду идохом ко апостолстей церкви, и поклонихомся, и цѣловахом со многим страхом и трепетом святой столп, к нему же привязан и биен бысть господь наш Иисус Христос во спасенней и в волней его страсти, и чотыредесят совершенно прием ран, смертный являя отвѣт спасения ради нашего. Ту ж есть и Петра верховнаго камень, на нем же плакась горько о отвержении во время вольнаго страдания Христова.

Таже поклонихомся образу пресвятыя богородицы, иже явись святому старцу в пустынь.

Таже видѣхом тамо гроби царстии, и святаго и великаго и равноапостольнаго Константина царя, и великаго Феодосия царя, и Феодосия малаго, и инии мнози.

Таж видѣхом в той же странѣ церковь малу, в ней же образ Спасов великий, от него же изыде глас прощения на одръ лежащему человеку, и вѣрою кающуся о своих грѣсѣх.

Таже видѣхом тамо в предѣлѣ святаго Спиридона епископа и Полиевкта, оба в тѣлѣ суть, многая чудеса истощающи, и мощи святаго Ивана Златоустаго, и мощи святаго Григория Богослова патриарха в каменных ковчезѣх запечатаны. В третий же день, того ж месяца июля, идохом ко святому Антонию патриарху, поклонихомся и благословение от него прияхом.

В четвертый ж день идохом поклонитися образу великаго архангела Михаила, иже явись отроку стрегущим скоты, и нашедшему у столпа онаго злата много, и ввержену ему бывшу от иноков онѣх в морѣ.

Таже в шестый день идохом ко пресвятей богородицѣ Одигитрии, еже руским глаголется языком: наставница, и поклонившись, цѣловахом ю¹ со страхом и с трепетом, и взяхом поморизмов, и цѣловахом святую доску господню, на ней же со креста снемше тѣло Христово положиша, и пречистыя слезы на том вообразишась; и тамо есть корчага в самородном камени содѣлана, в ней же Христос воду в вино претвори, и держат в ней нынѣ и всегда воду святых богоявлений.

Таже видѣхом тамо лежаща главы святых мученик Сергия и Вакха и Якова Перскаго. Таже в 8 день идохом и поклонихомся образу Христову, сотворшему чудо о купцѣ Феодорѣ.

По сем же² в 16 день мѣсяца июля прииде Михаил, владыко смоленский, от Пимена митрополита во Царьград.

¹ яе. ² пасля гэтага.

По сем же в 24 день того же мѣсяца идохом в монастырь святаго и великаго Афанасия патриарха, ему же вдала посох на патриаршество богородица и цѣловахом мощи его в тѣлѣ, много исцѣления подавающе приходящим с вѣрою.

Таж идохом оттуду в Перивлепто монастырь, и цѣловахом тамо мощей много святых, и святаго священномученика Григория в тѣлѣ, много исцѣление изливающе всѣм с вѣрою приходящим; тамо ж есть и рука святаго Ивана Предотечи, крестителя господня.

Таже в 31 день июля ходихом вверху церкви святыя Софии, и видехом 40 окон шейных, иж на верху церкви святыя Софии, и мѣрихом окно едино со столпом по двѣ сажени, и сих 40 окон в ширину имѣяху с столпом по двѣ сажени в шеѣ церковней. И сему много чудихомся, яко предивно и изрядно удобрено.

Таже мѣсяца августа в 1 день идохом в церковь при Константиновѣ дворѣ, еже глаголется Девяточинная церковь, в ней же суть столпии чуднѣ зѣло и недомысленни, зрѣти убо есть сущих при них человекъ всѣх приходящих, аки в зеркалѣ чисте видящих свои образи, и сему много дивихомся.

Таже оттуду идохом в скрай моря, идѣ же есть цѣлебный песок, и над ним церковь святой Спас, в ней же есть святой чудотворный образ господень, и святой равноапостольный Аверкий в тѣлѣ, знаменія и чудеса много творя.

Таже мѣсяца августа в 2 день идохом в монастырь святаго Стефана первомученика, и поклонихомся и цѣловахом святыя мощи его.

Таже в пятый день того же мѣсяца идохом к Пичии и поклонихомся пречистой богородицѣ, и пихом святую воду цѣлебную и умыхомся ею. Таже в 8 день того же мѣсяца идохом в Перивлептов монастырь, и цѣловахом руку Предотечеву, и главу святаго Григория Богослова патриарха, и лоб святаго Стефана новаго, и икону господню, от нея же изыде глас царю Маврикию, в ней же вковано святых мощей много; и тамо есть потир топазион — камени многоцѣннаго, и иных святых мощей многое множество видѣхом.

Таже в 9 день мѣсяца августа идохом в Пантократорскую церковь, и в сосудохранильницѣ видѣхом святое евангелие, писано все златом рукою Феодосия, царя малаго; и тамо цѣловахом кровь господню, истекшую от ребр его в распятии на крестѣ.

Таже потом разболѣся преосвященный Пимен митрополитѣ, и преставися¹ мѣсяца сентября в 11 день в Халкидонѣ, и привезше тѣло его положиша внѣ Царяграда, на краю моря, против Галаты, во церкви Предотечевѣ.

Тогда же сущу² во Царѣградѣ и Киприяну, митрополиту киевскому, о исправлении престола русскаго пребывающу ему; сице же и Пимен митрополит, егда жив сый³, о исправлении престола русскаго прииде ко Антонию патриарху в Царѣград.

¹ памѣр. ² быўшаму. ³ гэты.

Бог же своими судьбами сице устрои: преставись Пимен митрополит, яко ж прежде писахом, и тако преосвященный Антоний патриарх благослави Киприяна митрополитом на Киев, и на всю Русь, и отпусти его с честью. И поиде оттуду мѣсяца октября в 1 день, а с ним Михаил, епископ смоленский, Иона, владыко волынский, еще ж с ним и два митрополита греческих, и Феодор, архимандрит Симоновский, духовный отец великаго князя.

Отшедшим же им, мало по отшествии их, прииде вѣстник, сице глаголя: «Истопе Русь на морѣ, точию един корабль с митрополиты спасен бысть, а иже со владыками корабль без вѣсти бысть; и нѣцыи глаголаху от них, яко истопоша; другие же глаголаху, яко от разбойник избиеи суть; иние же глаголаху: от великих вѣтр сильне волнуеми и во Амастрию отнесени суть; иние ж глаголаху: в Дафнусии суть».

Таже по неколицѣх днѣх прииде грамота от Киприяна, митрополита всея Руссии, повѣдающе многие бѣды их морскаго плаванія страшнаго пути случившагось им, и каково быша им грома, и трески, и молния, и от стражении волн морских бысть душа их при смерти, и от великих вѣтр и вихров развѣяны быша корабли их по морю, и не вѣдаху друг друга, гдѣ кто бысть.

Таж божию благодатию буря преста, и бысть тишина велия, и по малѣ собрахомся всѣ и спасены быхом, и к Бѣлуграду приплываше всѣ здравы божию милостию и пречистыя его матери в Русию идохом.

Мы же прочет сия словеса, писанная в грамотах к нам от Киприяна, митрополита всея Русии, слышавше радостни быхом зѣло, и на сорокоусты по Пименѣ митрополитѣ по церквам и по монастырям давахом, и святыя мѣста смотрихом, и много целебным гробам и чудотворным мощем поклоняхомся¹.

Мѣсяца декабря 17 видѣх гроб великаго пророка Даниила и поклоншесь целовахом. Ту есть церковь святыя богородица; та же чюдодѣйствует в пяток страшной преславно. Есть бо в ней икона святыя богородица, писание Луки евангелиста. В недѣлю перед рожеством Христовым видѣх в святой Софии, како рядят пещь святых 3-ю отрок, и служившу патриарху святую литургию честно во всем сану святительском. В 22 целовах мощи святыя Анастасиа и главу святаго Игнатия богоноснаго.

В [Разлад паміж Іаанам IV і Мануїлам II]

Вѣто 6898 (1390) Андроников² сын Калоан нача искати в Цариградѣ царства с турскою помощію. И приа грады и пирги³, и прииде к Царюграду, близ святыя Пасхы на-

¹ Далей текст пададен па выданню Арсеньева. ² Андронік IV, сын Іаана II Калаяна Палеолога, быў візантыйскім імператарам з 1369 да 1373 гг. Сын Андроніка Іаан IV Калаян, які тут называецца, быў імператарам двойчы: з 14/IV 1390 да 17/IX 1390 гг. і з 4/XII 1398 да 13/IX 1402 гг. ³ крэпасці.

чаша битись, и в великий четверг прииде Мануил¹, старога царя сын Калоанов, от Лимноса, в катаргах, на помощь Царюграду. В великую субботу обличиша коромолников до пятидесяти, овых² ослѣпиша, а овѣм носы срѣзаша, и заздаша вся врата граду от поля, а оставиша едины врата близ Продрома, и повелѣша блюсти запас на два года.

Во 2-ю недѣлю Пасхы в среду о полунощи дальнѣйшая люди створиша врата граднаа Калоану Андрониковичу и пустиша его с греци, а без турков, и ничто же зла не створиша. Мануил же в катаргах убѣже и с имѣнием в остров Лимнос (от Царяграда до Лимноса острова триста миль, а от Лимноса до святыя горы 60 миль) близ святыя горы. Старый же царь Калоан затворися в своих полатах, а бояре их ускочиша в церковь святыя Софии. Звон же бысть по всему граду, ратнии же освѣтиша весь град фонарми, ганяюще по всему граду, и на конех и пеши толпами голы, оружья держаще в руках своих, и стрѣлы готовы в луки положены, кличюще сице: «пола та ите Андронику, и весь народ, мужи и жены, и малыа дѣти». И отвѣщеваютъ вси граждане, вопиюще: «пола та ите Андронику»; иде же сице не възъглаголють вскорѣ, ту на-вертывають ярость оружии.

И бѣ чудно видѣти и слышати кипѣние граду. Овии со страхом трепетаху, а овии радовахуся, и не бѣ видѣти убиенаго нигде же, толик страх подаваху, оружиа възносяще; дню же приспѣвшу, полѣутра мало памятошясь и мало нѣкоих ураниша. До вечера же поклонишася вси царю младому Андрониковичу, и утишися град, и преложись печаль на радость.

Царь Мануил того лѣта приводил двожды фрязкую рать к Царюграду в катаргах, и не успѣ ничто же, а Калоан подъя истому велику, наряжая пороки и рати наймуя; бияся у полат все лѣто пушками и с старым царем и не може ему одолѣти и пришед Мануил третее к Царюграду с римляны, тии же крѣпко ополчאותся на противных, знамя же их — на персех крест бѣл нашит. И вниде в лимень, сирѣчь³ пристанище, и воиде к полаты к отцю. Бяху бо с краа моря стѣна камена и пиргове⁴ высоци, не мощно, бо есть никако же приити к нему ни по морю супостатным, ни по суху.

Андроникович же стояше на поли, бияся с старым царем. Бысть же мѣсяца сентября 17 день во время обѣда, царь Мануил вышед ис кастеля со всѣми своими и удари невѣстно на Андрониковичя, обѣдающе бо ему невѣоружену. И невѣзмог стати, побѣже. Сродник же его Каталуз бияся, и невѣзмог, тако же бѣгу ятсѣ⁵. И приа Мануил Царьград, и поплѣни андроникович множество около Царяграда. И поиде Мануил с поклоном к турецкому царю, и удержа его турчин, и присла к отцу Мануилову, рече: «Дондеже⁶ не разоришь полат своих, Мануил от руку моею не изыдетъ».

¹ Мануил II, брат Андроника IV, быў імператарам у 1373—1376, 1379—1390, 1390—1424 гг. ² адных, тых, гэтых. ³ гэта значыць. ⁴ крэпасныя вежы. ⁵ падацца. ⁶ пакуль.

И повелѣ неволею полаты разорити, а сам изыде в ветхий царь-ский двор и от скорби преставися. И турци Мануила отпустиша, и бысть царь и донынѣ ¹.

Коронование императора Мануила

Видѣхом же мѣсяца февраля в 11 день в недѣлю о блуд-нем како вѣнчан бысть царь Мануил Цареградский в лѣто 6898 на царство и со царицею его благословен и поставлен отцем их преосвященным Антонием патриархом.

И бысть поставление его на царство сичево: той ноци бысть бдѣние ² всенощное в велицей церкви патриаршестей в Софии, еже есть сказуема премудрость божия. Наставшу ж дни, приидохом тамо и даша нам смотрити сана того и чина на поставлении. И снисдеся народа многое множество. Мужеский пол внутрь святыя церкви Софии, а женский пол на палатах. И сиче дивно и любо-мудро бысть: всѣ убо женскаго полу стояху на полатах за шидя-ными запонами; лиц их украшения прелестнаго и мертвяннаго ни-кому же от народа не видѣти, а сами же тии мужи и всѣ мужеский полы с старческим чином одеждами драгими одѣяни, кромѣ вся-каго щаплення; жен же ни како же видѣти мужем во церкви той, жены ж, стояща на палатах, видяху вся. Пѣвцы ж стояху украше-ны чудно, ризы имѣяху, аки священные стихари, широцы и долзи, сиче же и рукава их широцы и долзи, ови камчаты, а другим же шидяны, наплечники ж со златом и с бисером и с кружевом; на главах же их воскрыльцы остры со златом и с бисером и с круже-вом, и многое их множество собрано, и толико бысть чинно, яко написанны зряхуся. Старѣйши ж их бѣ муж дивен и красен ³ зѣло, и сѣдинами, аки снѣг, бѣлѣяся. Бяху ту и римляне от Рима, и от Испании, и фрязове от Галаты ⁴, а инии цареградстии, а инии зе-новицы, а инии венеицы, а инии угры ⁵, а тѣх бѣше чин видѣти чу-ден. И стояху на два лика, и каждый своея земли знамя имѣяху на себѣ, и одѣяния ови багряни бархаты, а другие вишневы бархаты, а иние темносини бархаты; вся же старческим чином нещাপлива. Сиче же и знамена имѣяху, каждой лик свое знамя имѣяше. На персѣх ⁶ ношаху овни жемчужен, овни обруч злат на шеѣ, овни чѣп злату на шеѣ и на персѣх, а другии свое знамя, а иние свое знамя, а сии свое знамя, койждо ⁷ лик всѣ равно свои знамена имѣяху.

Бѣше ж под палатами по правой сторонѣ чертогов 12; степени ж шириною двѣ сажени ⁸, а обольчени ⁹ вси червленым ¹⁰ червцем ¹¹, на них же поставлени два стола златии. Тогда ж той ноци царь Мануил на палатах бысть, и егда приспѣ ¹² первой час дни, снисде с палат, и вниде во святую церковь предними великими дверьми иже глаголются царския двери, а пѣвцы пояху пѣние пречудно

¹ Далей текст даецца па выданню І. П. Сахарова. ² служба царкоўная. ³ пры-гожы. ⁴ Францыі. ⁵ венгры. ⁶ грудзях. ⁷ кожны. ⁸ старая мера, роўная 2,134 м. ⁹ абліцованья, пафарбаванья. ¹⁰ чырвонымі. ¹¹ фарбамі. ¹² наступіў.

и странно, и несказанно, ум превосходяще. И бысть шествие цареве толико тихо и кротко, три часы от предних врат до чертога; а обапол царя 12 оружников, и от глав их и до ног их все железно, а пред ним грядяху два стяжка власы черны; а древо их и ризы и шапки черлены; а пред тѣми двумя стяжками грядяху подвоинские; а посохи их серебром и златом окованы, а на концах их жемчюгом осажено.

Дошедшу ж царю до чертога и вниде в пресвѣтлый той чертог, и облечеса в кесарскую багряницу и в диядиму¹ кесарскую, и вѣнец кесарский около главы со столпчики возложи, и изыде из чертога и взыде на верх. И привѣдоша царицу, и сѣдоша оба на столѣх златых.

Тогда убо начаша божественную литургию²; а царь сидит на златѣм столѣ. И егда хотяше быти выход, и пришедше два великие архидиакона ко царю, и сотвориша поклон мал, точию главы своя к персем своим мало приклониша, благочинно зѣло и уставно, и возста царь и поиде ко олтарю, а стяжки пред ним грядяху, и оружницы обапола его грядяху. Вшедшу ж царю во святыи олтарь, сташа стяжки и оружницы пред святым олтарем на обѣ страны святых дверей царских. И облекоша царя во священный фелонец мал до пояса багрян, еже есть ризлицы малы багряны точию до пояса. Иде царь на выход, свѣщу в руцѣ держа.

Антоний же патриарх стояше на своем мѣстѣ среди церкви. И сотворя патриарх выход, взыде на священный амбон и царь с ним, и принесоша к патриарху царский вѣнец на блюди покровен. И благословишася у патриарха два великие архидиакона и идоша по царицу, и пришедше к ней, сотвориша поклон мал, точию главы своя к персѣм своим преклониша благочинно и уставно зѣло. И прииде царица до амбона, и положи преосвященный патриарх крест на царя, и даде ему крест в руку, и взем кесарский вѣнец патриарх, и благослови царя и возложи на главу его кесарский вѣнец, а другой вѣнец даде ему в руку его, и повелѣ ему возложити на царицу его, сошед долѣ³. Он же сниде долѣ, и помохав долѣ стоя патриарху на амбон рукою и вѣнцем, и патриарх, стоя на амбонѣ, издавеча благослови рукою своею царя и царицу. Они же оба купно⁴ равно сотвориша поклон к патриарху, и поидоша на своя мѣста и сѣдоша на златых столѣх; а патриарх выход сотвори, и вниде во святыи олтарь царскими дверьми. И егда херувимская пѣснь приспѣ, и шедше великие архидиаконы и сотвориша царю поклон мал, точию главы своя к персѣм своим приклониша благочинно и уставно зѣло; тогда бо устав царь со страхом и трепетом и с великим вниманием благочинно зѣло, иде во олтарь, и одѣша его во священный фелонец. И прежде всѣх шествова царь пред святыми царскими дверьми в переносѣ свѣщу возжену в руцѣ держа, сиче, из олтаря изыде и во олтарь вниде: прежде всѣх

¹ карону. ² пснапенне, абедня. ³ уніз. ⁴ разам, сумесна.

он грядше, и по нем благочинно и уставно зѣло священный великий собор с великою красотою и честью и славою священою и божественною. И толико бысть благочинно и чествованно и преукрашено, яко ум человекский превосходя.

Много ж бѣше шествие их со святыми дары, колико херувимской пѣсни есть от начала и до конца, сице шествие их, пѣние же бѣше долго зѣло и красно и предивно и умильно.

По принесении ж во святой олтарь священных и божественных даров, ходит царь около священнаго престола. И пребысть царь в олтарь до святаго причащения. Егда бысть время святому причащению, и шедша великие архидиаконы, сотвориша поклон мал царицѣ, точию главы своя к персѣм своим приклониша благочинно и уставно зѣло. И егда сниде от престола царица долѣ, и ту стоящие народы разодраша всю опону чертожную кесарскую, колико кто восхити себѣ. И иде царица с великим страхом, и трепетом, и умилением и смиреніем южными враты в крыло олтаря, и даше ей святое причастие. Царь же от патриарха с священники причастися у престола Христова. Изшедшу ж ему из олтаря, патриарху ж сѣдшу на своем святительском мѣстѣ из олтаря изшедшу, прииде к нему царь в кесарской багряницѣ и диадимѣ, и благослови его патриарх и царицу его, и даде ему завѣт: православия соблюдати непоколебимо своя царская, и никако ж претворяти уставы древние, ни же восхищати не своя, и стяжати прежде всего страх божий и смертную память, яко земля еси и паки в землю пойдеши, и прочая, яко же тамо в уставѣх их имать. И по патриарховых глаголѣх никто ж можаше и смѣяше преже приступити ко царю и глаголати ему о здравии, ни князи, ни бояре, ни вои.

Он точию приступят к нему мраморницы и гробоздательи, принесше показывают ему мраморы и камене от различных лиц, и внидутъ к нему и глаголют, которым лицам велит быти держава твоя гробу твоему, притчею воспоминающе ему глаголюще: «Человѣк еси смертен и тлѣнен, мимоходя в суетнем сем исчезаемом и скоропогибаемом бѣднем житии; пецыся своею душею и благочестіѣ царство строй; елико убо велик еси, толико смирай себѣ; понеже силнии силнѣе истязани будут; и яко же убо богохулнии согрѣшают к богу, и сице же и горделивии в гордости своей согрѣшают к богу; но и паче имѣй убо всегда страх господень и смирение и любовь и милость, и да сохранен будеши и соблюден небесною любовію господнею и милостию». И сице с ним глаголавшим, яко же тамо в уставѣ писано есть, и потом идоша князи и стратилаты, и попы, и вои, и вси велможи, глаголюще ему по обычаю их и вѣнчавшусь ему на царство. И по сем благословись царь у патриарха с великою тихостию и смиреніем, и со страхом божинм, и изыде из церкви благочинно зѣло, яко же нѣкий священноначальник великий, и осыпаша его ставратами. Народи ж похваташа койждо рукама своима.

Сице древнее предание царем бысть на поставлениях их на цар-

ство, и сице поставляхусь. Сице же и Мануил поставлен бысть Антонием патриархом, и священным собором по уставу древле преданному.

Хождение во Иерусалим

Сице же ми случися видѣти недостойному и сущим со мною град Иерусалимъ. Есть убо там церковь воскресение Христова, входя в церковь есть на правой сторонѣ доска, на ней же Христа бога нашего положили, со креста снем. А оттуду на лѣво пошед, и ту гроб господень, а против гроба господня греческая служба, грецы служат. А с правую сторону от гроба господня римская служба, римляне служат. А на палатѣх с правую сторону арменская служба, армени служат. А с правую сторону от гроба господня на землѣ фрязская служба, фрязи служат; а оттуду паки¹ сирская служба, сиряне служат; а с лѣвую страну гроба господня за гробом господним, яковицкая служба, яковиты служат; а с лѣвую страну господня гроба фрязская служба, фрязи служат; а оттуду паки нѣмецкая служба, нѣмцы служат; а от тое службы паки фрязская служба, фрязи служат. А под фрязскою службою мѣсто есть, гдѣ мироносицы сидѣли и ангела господня видѣли, гдѣ ангел отвалил камень от дверей гроба; а во фрязской службѣ полстолба, у того столба привязаем и биен господь наш Иисус Христос в воней его страсти, и поругашася ему, и чetyредесят совершенно прием ран смертным являюще отвѣт; а другая половина того столба во Царьградѣ во апостолстей церкви.

А подале пошед ино² темница господа нашего Иисуса Христа, а за греческим престолом есть престол, где Ияков брат господень; а оттуду есть мѣсто пойти на подол, как в яму, десять ножных степеней каменных, гдѣ нашла животворящий крест Елена царица; а с правую сторону греческия службы на полатѣх Голгофа, зовомое Лобное мѣсто, гдѣ распяша окаянные иудеи господа нашего Иисуса Христа; тамо есть Адамля глава, а служба тамо гурзинская, гурзи служат; а за нею венецыйская служба, венецыи служат, а за тѣми иная фрязская служба, фрязи служат; а под Голгофою внизу на земли иверская служба, ивери служат.

На лѣвой сторонѣ у фрязския службы долѣ близ местиры служат, а посреди церкви святая святых пуп земли, что размѣрил царь Невродос. А под гробом господним содѣлана церковь мала. Входя ко гробу господню двои двери, а гроб господень: мѣра его в длину девять пядей, а ширина гроба чetyрех пядей. Над гробом же господним большая церковь есть, верх у ней пол, над гробом же господним все покрыто, немалыя скважни нѣсть видѣти, и сице сия в церкви тамо.

А на восток от града Иерусалима вдальѣ тамо есть село Гевси-

¹ яшчэ. ² то, так.

манья нарицаемая, и ту есть в том селѣ гроб пречистыя богородицы и церковь велия, а в нее полѣсти 50 степеней на подол, а под гробом пречистыя богородицы содѣлана церковь невелика, а гроб пречистыя пол 9 пяди; а над гробом одиннадцать кандил горят. А за гробом одр, на нем же лежала пречистая богородица, содѣлан престолом той одр; а в церковь ту влезши, а ино по правѣ гурзинския службы гурзи служат. А за тѣми к востоку поток кедрский, идѣ же вниде Иисус со ученики своими; а за потоком вертоград¹, пещера велика господя нашего Иисуса Христа, идѣ же предан бысть учеником своим Иудою жидовом. Тамо есть камень, что Христос руку положиа стоял; тамо же есть мѣсто, гдѣ пречистая богородица приходя молилася на камени. А за тѣм мѣстом масличная великая гора Елеонская; с тоя горы господь вознесся на небо. Тамо есть церковь велика зѣло, а среди тоя церкви церковь мала, в той церкви на камени выпечаталася стопа господня, яко жива видѣти есть, как на воску выпечатана сего часу; а в той же церкви на правѣ гроб Пелагеи блудницы, тоя Пелагеи, которая ноги миром помазала господя и власы своими отерла, а на ее гробѣ другая стопа господня выпечаталась, аки на воску сего часу, и видѣти есть, аки жива.

А на правой сторонѣ от великия Елеонския горы другая гора Елеонская, гдѣ Христос повелѣ учеником своим видѣти себя по воскресении своем; тамо была церковь.

А от града Иерусалима на правой сторонѣ Масличныя горы пять поприщ² до Вифании, гдѣ господь наш Иисус Христос Лазаря воскресил, тамо есть и нынѣ церковь велия и гроб Лазарев, и кельи сестр Лазаревых, а в той церкви армянская служба, армяни служат. А на полдень от града Иерусалима, блиско Силоамля, купель, где господь слѣпаго посла умытися; а оттуду, тамо близ, пещера великаго Антония пустынника; а оттуду близ село Скудельничье, что иудеи купили цѣною Христовою. А тамо же на полдень от Иерусалима пятьдесят поприщ Саввин монастырь и гроб великаго Саввы. Тамо было 14 тысящ чернцов, кельи их и нынѣ знати есть. А за тѣм Саввиным монастырем Асафатова дебрь; то же есть иудоль, и тамо тако же чернцы живут мнози, и тамо есть келья великаго Иоанна Дамаскина, в ней же он жил. А шествующу к Саввину монастырю разстояние много, и на правой сторонѣ есть монастырь великаго Феодосия кинонарха, от града Иерусалима шесть поприщ на горѣ и под горою тако ж тамо было чернцов 16 тысящ. А оттуду против монастырь на правой сторонѣ, тамо жила Евдокия; а от града Иерусалима на восток ко Иордану шествовати, и там недалече от Вифании, течет вода из камени, егда у Христа ученицы его просили воды, и Христос рече ученикам своим: «Из камени ли сего вам воду подам?» и удари ногою в камень, и абие потечѣ вода и до нынѣ идет. Тамо есть и керемь сарай, поставлен не доходя Иордана рѣки с пять верст; заѣхав за

¹ сад. ² старая мера даўжныі.

гору, повернути налѣво с три версты, а гора та вельми висока, и на той горѣ господа нашего Иисуса Христа диавол искушал, поят его на гору високу зѣло и показа ему вся царствія мира и славу их, и глагола ему сия: «Вся по тебѣ дам, аще пад поклонишися ми». Тогда глаголя ему Иисус: «Иди за мною сатана, написано бо есть: господу богу твоему поклонишися и тому единому послужиши». Тогда остави его диавол, и се ангелы приступиша и служиша ему. В той же горѣ под верхом церковь подписана, а на верх горы церковь же велико зѣло. На той горѣ господь постился 40 дней, яко же писано есть: «Возведен бысть Иисус духом в пустыню искутитися от диавола, и постился дней 40 и ночей 40, послѣди взалка, и приступил к нему искунитель рече» и прочая, яко же во евангелии писано есть.

Иордан же рѣка глубока и крутоберега, грозно вельми, течет же в Содомское морѣ. На Иорданѣ ж есть монастырь велик зѣло Иоана Предотечи, в том бо Иорданѣ господь крестился от Иоана; тамо Мария Египецкая преходила Иордан ко Зосимѣ, яко по суху. За Иорданом же рѣкою келия великаго Иоана Предотечи; близ же тоя—келия святаго Илии пророка; оттуда же мало подалѣ гора есть, от той горы святой пророк Илия на огненной колесницѣ на небо взят бысть. Тамо же недалече мѣсто есть на Иордан рѣцѣ, гдѣ Елисей пророк удари милостью Ильиною на Иорданѣ, и вода Иорданская разступилась сюда и сюда, Елисей же пройде по суху. Оттуду недалече, с пять поприщ близ Содомскаго моря, есть монастырь святаго Герасима, у него же зверь лев жил; есть и гроб святаго Герасима за олтарем, а звѣрь той лев, что ему работал, в ногах лежит. Море же Садомское тамо, гдѣ Садом и Гомор семь градъ, иные ж земля пожерла есть, а иные градъ море пожерло есть; курится же и нынѣ дымом из моря того. А которые градъ земля пожерла, тамо не растет ничто же, только сѣра горячая, а травы нѣсть.

От Иерусалима же направо с два поприща монастырь есть — Илья святой, тамо жил сам Илья пророк, тамо его вран кормил. А оттуду же с пять поприщ до Вифлиема, гдѣ господь родился. В Вифлиемѣ же церковь велика есть, а под олтарем ее пещера, в той же пещерѣ вертеп¹, гдѣ господь родился; а в пещеру идучи, на лѣвой сторонѣ ясли, гдѣ лежал господь наш Иисус Христос в пеленах свит; а от яслей в подол три сажени до вертепа. А на яслях служба фрязская, а на вертепѣ служба греческая. А в Вифлиемѣ с лѣвую сторону фрязский монастырь, а в нем церковь Рождество Христово, служат фрязове. В том фрязском монастырѣ дом Иосифов и кладезь, откуда господь наш Иисус Христос и пречистая богородица воду пили. От горада же Иерусалима до Назарета три дни на дамаской дорогѣ; тако же от града Иерусалима до Фаворской горы 2 дни и больше; от града же Иерусалима десять поприщ — гроб Рахилин, патриарха Иакова жены, сына Исаакова, внука

¹ скрыня.

Авраамова. От Дамаска два дни — ров есть, гдѣ Иосифа прекраснаго братия его кинули; а от Дамаска ж пять дней до Вениаминава гроба, брата Иосифа Прекраснаго; от Иерусалима ж до Синайския горы 15 дней. От Иерусалима до Кана Галилеи 3 дни.

Тамо ж на Сионѣ горѣ в своей кѣлиѣ пречистая богородица преставись, тамо же на Сионѣ горѣ был Аннин двор архиереев, тамо господь наш Иисус Христос в темницѣ сидѣл, и нынѣ та темница в церкви арменстей, тамо монастырь арменской. В той же церкви арменстей великий камень, что лежал на гробѣ господне содѣлан престолом, на том монастырѣ огнище, у котораго огня Петр верховный апостол грѣлся на волней страсти Христовы, егда его рабыня архиереева спросила: «И ты бѣ со Иисусом Галилейским?» Петр же отвержеся предъ всѣми, глаголя: «Не ведѣ, ни свем что ты глаголеши». И изшедшу Петру ко вратам, узрѣ его другая рабыня и глаголя ему ту: «И сей бѣ со Иисусом Назарѣем!» Петр же паки отвержеся с клятвою, яко не знаю челоуѣка. По малѣ же приступиша стоящие и рѣша Петрови: «Воистинну и ты от них еси, ибо бесѣда твоя яве тя творит». Тогда Петр нача ротитися¹ и клятися, яко не знаю челоуѣка, и абие алектор (петел) возгласи. И помяну Петр глагол Иисусов, реченный ему: «Яко ж прежде даже петел не возгласит, три краты отвержешися мене», и исшед вон, плакашесь горько.

Подалѣ того на Сионѣ же горѣ двор Канафы архиереев был, ту есть нынѣ монастырь арменский велик зѣло. А к Вифлиему идучи, столб еще стоит, где стоял Симеон Столпник с Ильею святым. А на подол идучи, во градѣ Иерусалимѣ была церковь греческая, а нынѣ срацынскій мезгит; тамо лежат святыя богоотцы Иахим и Анна, а противу стола святая святых, которую создал Соломон. Тамо убиен пророк Захария, отец Иоана Предотечи; тамо есть господня келья, а пошед ниже улицею, тамо был двор Пилатов, а за святая святых в монастырѣ святаго Спаса одр Соломонов и дом Соломонов. Тамо ж и та церковь, в ню же вниде господь наш Иисус Христос и обрѣте в той церкви продающая овца, и волы, и голуби, и пѣнежники сидящая, и сотвори бич от вервей, и вся изгна из церкви овцы и волы и торжников, розсыпа пенези и доски опроверже, и продающим голубей рече: «Возмите сея отсюду и не творите дому купленнаго отца моего».

Тамо есть Давыдов дом, как городок; был камень кругол и днероден и дивен зѣло, в нем же во единой странѣ живут сороки, а в болшие дома не смѣют ни заглянути. Тамо есть столп вельми высок, гдѣ Давыд псалтырь складывал. За Давыдовым домом недалече — Сион гора, и на той горѣ монастырь дивен зѣло фрязкий, держат его фрязове и живут в нем фрязские чернцы, глаголют же сице, яко тамо сам Христос обѣдню служил, и научил по плоти брата своего Иакова обѣдню служити, и предал ему таинство священных и божественных служений. Тамо горница,

¹ прысягаць.

идѣ же на святыхъ апостолы Христовы духъ святойъ спиде в день
пятидесятный; тамо с лѣвыя страны церкви мѣсто есть, гдѣ гос-
подь ноги умыл ученикам своим; там то храмина есть, гдѣ господь
к затвореннымъ дверемъ вниде и невѣрующаго своего ученика Фому
увѣрил по воскресении своем. В той церкви во время вольнаго
и спасенаго распятія Христова завѣса раздрася на двое. В той
церкви той камень лежит, на которомъ пречистая богородица покло-
ны клала. Тамо ж в той церкви два камня, на которыхъ Христосъ
сиживалъ часто. Оттуду же близко мѣсто, гдѣ есть Стефана архи-
диакона убили иудеи, и кровь его и нынѣ на камени, знати, есть.
Тамо ж, у церкви близь, келія пречистыя богородицы, гдѣ пречи-
стая жила у Иоана Богослова. И та келія крѣпка и до сего дни
стоит, а позади той кельи пречистыя богородицы — келія святаго
апостола и евангелиста Иоана Богослова.

ПИСЬМО СУПРАСЛЬСКОГО АРХИМАНДРИТА СЕРГИЯ КИМБАРА К КИЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ II

«Письмо» С. Кімбара митрапаліту Макарыю II было напісана каля 1536 г. у якасці асабістага апраўдання супроць даноса манаха Арсенія, які абвінавчваў Кімбара ў парушэнні рада царкоўных правіл і некаторых новаўвядзеннях у царкоўную службу ад сябе. Літаратурная вартасць гэтага помніка кананічнага характару заключаецца ў тым, што тут упершыню пададзена этнаграфічная замалёўка быту беларускага духавенства, якое крыху пазней з'явілася аб'ектам крытыкі з боку каталіцкай рэакцыі, навязаўшай у 1596 г. беларускаму і украінскаму народам Брэсцкую царкоўную унію.

Па свайму крытычнаму пафасу «Письмо» Кімбара стаіць блізка да так званай палемічнай літаратуры канца XVI пачатку XVII стагоддзяў, у якой пытанні быту знайшлі сваё найбольшае адлюстраванне.

Урыўкі з «Письма» Кімбара друкуюцца ў хрэстаматыі па выданню: «Архив Юго-Западной России», ч. I, т. VII, Киев, 1887 г.

Милостивый отче, святыи митрополите, и еже при твоей святыни теперь сущии благочестивыи съсѣдалници, духовнии и свѣтскии. Яко колвек есми по образу от моее братии, але по сатаниньской вражде и зависти и ненависти моих супостат¹, вашей милости оклеветан и омражен²; а вед же упование имѣя у заступлении богородици пречистое и великаго Иоанна Богослова, и у вашей святыни, пастыря и учителя нашего, благо-разсудни, яко в таковых невинный, вашей милости чолом бью. Не для мене страстника³, но для богородици и великаго Богосло-

¹ ворагаў. ² абражан. ³ пакутніка.

ва рачи¹, милостивый отче, прежний отеческий свой гнѣвъ милосерднемъ ростворити и того то моего списочка милостиве и внятне выслухати, не на лице, по спасителеву слову, зря, а ни съплетенно многым словесемь моих супостат внимаю, сътворити о мнѣ не нагле², а ни понудителне, але разсудителне и смотрителне, и в правду божию, то есть: есть ли бых могл обрѣсти благодать предвашею милостию, пожалуйста похотите для бога и своего ради спасения, яком и в начале вашей милости чолом бил...

Далей Кімбар, спасылаючыся на рад рашэнняў царкоўных сабораў, напамінае мітрапаліту аб тых мерах уздзеяння, якія ён павінен ужыць у адносінах да паклёпнікаў.

И мнѣ з моим братомъ чернцемъ Арсениемъ исправление вчинити вѣдле их святого то положения. А потомъ, светый велебный³ отче, и в тыи то супостаты речи рачи милостиве углянути и то разсудителне пред ся взять, яко оный чернецъ на мя враждебне в своих списехъ, которыи же крѣпко потаемне чотыри рокы⁴ выписую, с мною обще мешкаючи⁵, яко гнѣздящийся змій, крыл; чого ж бы не мѣл справне крыти, але мнѣ то, яко колвек и худому старцу, яже о немъ ознамити по святых отецъ наших древних мнишеских начальниковъ науце и преданию. Которое жь знать его безъочивьство⁶ и не одиново почитая обличало, понеже⁷ яко мнишествомъ по моему съгрѣшению от моее худости обложенъ, яко колвек того за крайнюю злобу, еже к мнѣ, и не вознаваает. Тому вже прѣидоша сего року минулого августа шесть и два на десяте лѣт. А болшее мѣл бы был помятовати на избавителя нашего учение евангелское, ему ж еще мирьским неключдынымъ попомъ будучи не малое время навиче, яже избавитель учить брата прежде два кротъ напоянати собою и с свидѣтели, и есть ли преслушает, тогда власти ознамити, сиречь⁸ вашей святыни. Нижли он то все презрѣвъ и свою страсть ненависти и зависти, еже на мя, и с помочники своими исполняя, выписал перхливе⁹. Ркомо, бых я самъ от себе святое церковное правило нѣкое отложил, а иное приложил, яко ж и выпись его свидѣтельствует. Тое, по его съплетенно, отложеное...

Кімбар пералічвае ўсе абвінавачванні, якія прад'яўляе яму Арсеній, і тут жа адхіляе іх спасылкамі на богаслужэбную літаратуру (на часаслоў і ціпік).

Ино¹⁰, милостивый святыи отче, для бога и богородици умиловителне и рачте пред ся взяти, правдиве ли он то на мя написал. Я, милостивый отче, заступлениемъ богородици и великого Богослова от себе жадного¹¹ комата¹² церковного правила не отложил, а ни приложил; нижьлим справовал и теперъ справую церковь божию в тых коматехъ его выпису, водле типика и святогорскаго

¹ патурбуйся. ² раптоўна. ³ праасвяшчэнны. ⁴ гады. ⁵ жывучы. ⁶ нахабнасць. ⁷ таму што, бо. ⁸ гэтак значыць. ⁹ запальчыва, раз'юшана. ¹⁰ але, аднак. ¹¹ ніякага. ¹² пункта, догмату.

и инших стран тамошьних честных монастырей частослова, отколе ж нам Руси закон святыи православный выдан, и книги святыи правилныи церковныя и вчителныя на нашъ словенский язык воложеныя¹ вынесены; а болшее по ваше милости благословеню. Частослов же он истый не мною в монастырь принесень, а ни пакъ мною от кого иного достать, яко знать оныи супостати мои на мя бают², але предок ваше милости, вчитель и пастырь и ктитор³ нашъ достойное памети митрополит Иосиф Солтан на церковь Богородици его надал. А пан Солтан — благочестивый и мудрый пан, который же свѣта того не малую часть обышол, хотячи положение его свѣтское и духовное видѣти, и, по апостолу, лучшее от хужьшого раздѣляя и в себе то, яко губа воду, взимая. И бы был его милость бачил в нем што несправного и церкви святой негодного, знать бы его з оных странъ не вынесл.

И туде ж предок ваше милости часу живота своего на такыя вещи был не небачный, але по премногу разсмотрителный, и тот исъслѣдовал, ли бы был в нем што строптиваго, ни како бы церкви его святой не надал, а наболей той, о которой же болшее попечение над вси свои иншии духовныя дѣла, яко ктитор, имѣл.

А так похотѣли ль бы ваша милость того обыскати, тогды бысте не иначе нашли неж так, яком выше и в том то списочку писал, то есть о частослове, отколь он пришол, и о том теж, иж не я сам от себе, яком вашей милости оклеветанъ, тыи то коматы отложил, але описано так в частослове и послѣдующая ему нѣкая и в типецѣх.

А што, милостивый отче, еще к тому он намарал, будси бых также сам от себе нѣкои комнаты ку правилу святыя церкви приложил... Ино и того-м не приложил от себе, але в типецех и в частослове так стоит...

А так, милостивый отче, и в том приложении и в вышенанписанномъ отложении великую ми кривду чинить, не яко единообразный брат, но яко лютый мой съпостать. Моего от себе приложения или отложения ку святому церковному правилу намнѣйшого комата в тых вышеописаных стисех, милостию моего творца, нѣт. Все то, яко-м и вышей рекл, што-м справовал в церкви святой и теперъ справую — иншое в частослове и иншое в типецех описано. Ваша милость, по единому комату розказавъ прослѣдовати, иначай, уповаю на моего творца, не найдешь, неж так, яко вашей милости в моем списочку ознаймую...

А так, милостивый отче, у церкви Богоматери нашего нынѣшняго мнишеского житиа нигдѣ нѣт милостию богородици приложения, а ни отложения по обычаю, кромѣ писаниа. В церквах же здѣшних мнишеских и мирьских ваше милости предала не мало есть; похочете ли ваша милость, углянув у то, пообыскати, кая суть не по писанию, але по обычаю приложеная и отложеная. Перваго псалма вечерняго на Руси и здѣсе в Литве койчають по

¹ перакладзеныя. ² нагаварваюць. ³ царкоўны стараста.

своему обычаю словом «благослови душа моя господа», а в церкви обители Богородицы нашего мнишеского жительства кончают по писанию словом «солнце позна запад свой, положил еси тму и бысть ночь, яко възвеличишася дѣла твоя, господи, вся премудростию сътворил еси». Псалом же второй, вечерний: «Господи възвах к тобѣ», чтуть здѣсе, и стихеры и в охтайху и в минеи поють не водле типика, але по своему обычаю. А в церквах Богородицины обители в нас на глас минейный, яко типик повелѣвает, поют в начале псалма «Господи възвах» два стихи, а прочее псалма на страны стихологисують до стихерь, а стихеры поют без охтайка, одно в минеи водле типика. Отпуст же по вся дни тут и въздѣ по Руси вечеренный и заутренный сътворяют по своему обычаю, а в нас по писанию типика и частослова; который же отпуст и я пришол в монастырь, а он вже съдѣвается. А к тому и кажение, и свѣчь вжигание и гашение, и у великое било клепание, а потом у звоны звонение, и колива праздничныя и мертвых, водле типика, на конци святое литоргеи абие¹ по за амбонной молитве, всегда сътворяемы; на павечерницах же и полунощницах помѣнник, на запад обратився, священники чтуть: а то все по обыходу святых горы и иных тамошних странь честных манастырей еще прежде мене уставлено. Чого ж тут в Литве и на Руси, яко колвекъ нѣкая и в типиках написана имуть, а вед же сътворяти тех не сътворяють; есть ли ж нѣкая и с тѣх и сътворяють, но не по писанию, але по своему обычаю. Вначалѣ утрень в нас по вся дни святой олтарь и церковь всю и притворы кадят и каноны и всякии обьчии утрени, кром праздничных, с пѣснями Моисеовыми поють, и на девятой пѣсни пакы также, яко и в начале кадят. А тут кром недѣль и свѣст не толико на утрени, але и прѣд литоргиею мало кадят, а пѣсней пак Моисеовых на утренях не знают как пѣти, и в типиках то описано маючи, отложили...

И противу тому от своего обычая приложено: в неделныя дни по славословии другое евангелие чести, и царския двери в началех вечернь и утрень у праздники, а часом знать и у посполитыя дни, оттворяти, их же безвременно никогда же не повелено отврѣзати, и еще в типиках крѣпко възбранно не в время потребы оттворяти, и евангелия и апостолы мертвым в всю седмицу коемуждо дню особныи чести — от своего обычая приложено. А в типиках и в евангелиях и в апостолах одно три евангелия, а три апостолы мертвым чести описано, яко ж они у церквах обители Богородицины по описанию, а не приложению чтуться. И в светый олтарь, в невходимую по писанию катапетазма, по здѣшнему обычаю, всякому посполитому² челоуѣку вход съверными дверми не възбранено. А шестого собору вселенского в Цариграде у Труле полатном 69-е правило, разве елица честных господ, всякому мирянину крѣпко такова възбраняеть входа; здѣ же часом в олтари

¹ зноу. ² простаму.

людей посполитых и нѣвеигласовъ яко в купилищном дому бываетъ. А в богородицы пречистое храмехъ у святыи олтарь, кром царских, по дву двери суть: сѣверныи и свѣтлыи, и сѣверными одно священници входят, а свѣтлыми братиа и посполитыи люди, али ж по потребе нужной. А то все в дому богородицы устроено по онѣх же странъ честных монастырей положение, а не по здѣшнему обычаю. На литургии пред евангелием тут и на Руси священници молитву «еже бог за молитв», з диаконом служа, по обычаю половину чтят, а в нас оную молитву по писанию всю сполна съврѣшаютъ. Таже к поклоненню честнаго креста Христова и цѣлованию святого евангелиа тут и на Руси не по чину ходят, на друг друга перебая, а в нас братиа и миряне ходят, яко типик повелевает, по чину и по старчеству.

И пакы здѣ и на Руси нигдѣ нѣтъ притворов внутренних по церквам мнишеским и свѣтским, и съборных правил пѣния всякиа не по типику, але по своему обычаю в церквах сътворяютъ. А в нас, милостию богородицы, в церквах обители ея по изображению типика у притворех внутренних литии праздничныи великыи и литии мертвым поють, и павечарници малыи, и полунощницы; и часы всего лѣта чтуть, кром перваго часа, бо ся тот одно чтеть по утрени внутрь церкви. И освящение водное, сиречь богоявленское и Маккавейское, и яже нѣкогда по потребе, в притворе же содѣвають, и понахиды мертвым там же поють. Толико в святую четыредестьницу внутрь церкви великыи повечарници и полунощницы и часы поють, таже и в посты апостольскиа и рождественскиа, егда в кой день прилучится «алилуиа» и поклоны, тогда в церкви ж водле типика и частослова полунощницы иначе с почасием чтуть.

Пакы же здѣ и на Руси пред праздники Рождества и богоявления спаса Христа часы преименуемыа царскиа с необычными псалмы и с парамиями, и с апостолы, и с евангелии, и по своему обычаю приложив, а не водле типика, поють и чтуть. А в Богородичне обители, яко типик повелевает, оныи часы одно с пѣнием стихерь, кои в минеях выписаны, и с обычными псалмы унурь церкви чтуть. А к тому в дому богородицы гробница ку положению умерших по изображению типика змурована, в которой же часу потребы, яко типик повелевает, и понахиды помершим поють. А ку церковным олтарем о сѣверную страну проскумидии, а о южную страну кадилу и неким священным съсудом особныа коморы побудованы, не по издѣшнему чину, но по онѣх же странъ честных монастырей церковному управлению. И по бдѣнемъ праздникъ царских и богородицы, и святых избранных, пред иконостасным праздника святым образом завжды кандило масленое вжигаемо горить и, по отпусте утрени, оным святого кандила маслом вся братиа и миряне, кои удостоются, от священника помазуются. И пѣние съборное, переменяся по днем на страны клиросовъ, клирики начиная поють и чтут. И в свѣтлую святая Пасхи ноци по дву годинах отпустивъ святую литургию, и пять хлѣб

благословивъ, священници и братиа водле типика, с церкви не исходя, на своих мѣстцах сѣд, по укруху умеренном хлеба съдають и по чаши мерной квасу испивають, и потом бдѣние всю оную свѣтлую ношь в чтении и пѣнии ажъ и до солнечнаго усходу сътворяють.

А то все за ласкою божиею в обители Богородици съвершается, — иная, яко типичи повелѣша, а другая, яко в святой горѣ и по иным тамошних стран честным монастырем объхождению управишася; а тут по обычаю своему, того и по монастырем ни знаютъ, аще и написано нѣкая имуть...

Ино тут не толико по мирскимъ съборнымъ церквам, но и по монастыремъ головнымъ, по своему обычаю, нѣкоихъ святыхъ книгъ чести ни знаютъ. А в Богородичне обители все то, водле типика, в чтении съвершаютъ. Ни часов и повечерницъ по тутошнему обычаю не токмо в окрестных, но и съборныхъ церквах в все годоше водле повинности, яко типикъ повелевает, кромъ четыредесятницы, чести не знаютъ. А и на молебнехъ предъ «Богъ и господь» великую октенью не водле типика, але по своему обычаю сътворяють. И на святую Пасху крестомъ на отпусте не по писанию, але по своему обычаю, «Христосъ воскресе», глаголя, знаменають. И мяса и хлѣбы у церквахъ посвящаютъ, и внутрь святого олтаря нѣции и мясо, и сыры, и хлѣбы, и овощи всякое, и медовину, и оловину вносятъ, и животная скоть во священныя храмы нѣкогда пущаютъ. А то крѣпко в святыхъ правилахъ отречено и запрещено не токмо у святой олтарьъ таковая, но и в церковь никако же не вносити, а ни животныхъ скотин упущати; в святой же олтарь, кромъ вина служебного и масла древеннаго и тимияна, инѣхъ не повелено вносити под клятвою; а по тутошнему обычаю о томъ не радятъ, а ни того знаютъ, а ни хотять знати. Мню толико подъ вашею милости архиепископии предѣломъ, а инде у православию везде таковыхъ отсвеняются. И далей есть ли быхъ еще к тому странныи и вжасныи и прочии вси обычаи здѣшнии вашей милости митрополии предѣла писати мѣл, постигло бы мя, по апостолу пишуща, лѣто.

А такъ, пречестный отче и преосвященный митрополите, есть ли бы ваша святыни з божиею помощию своего ради спасения и доброе славы похотѣл, тогды бы ваша велебность розсудивъ тая розсуждениемъ благорозсуднымъ не иначе и то оклеветание, еже на мя, нашолъ нежъ яко процежение, по святому евангелию, комаровъ предъ издѣйшими велбуды; понежъ, милостивый отче, якомъ вышей ознаймилъ, ижемъ пришедъ в монастырь дисейшого¹ моего жилища такъ тому вже двадесятъ и шесть годовъ о семъ прошломъ святемъ празднице богоявлении Христова прешло, нашолъ в соборномъ правиле церкви святое отпустъ, и кажение, и свѣчь вжигание и гашение, и клепание, и звонение, и коливчинение, и помѣнника чтение водле обыходу святыхъ горы и тамошнихъ странъ честныхъ монастырей. Того ради есмы и прочее и съборное правило святое церкви

¹ цяперашняга.

не сам от себе, а ни от своего разума, яко на мя супостати мои набаяли, але водле типиков и частослова, а болшее по ваше милости благословению установил, — тая вся, яж суть вышей описано. А то того ради, абы съборное правило святое церкви было не лестро, але однолично, водле оных стран законного в мнишеских соборех положение и утверждена, не от Литвы, а ни от Москвы, но оттоль, отколь нам крещение процвете и вѣра, яже в отца и сына и святого духа, израсте и благочестие насадися, и святыя книги на нашъ словенскый язык из грѣческаго и еллинскаго выложения изыйдоша, и еще бы и тепер исходили, их же не имамамы, есть ли бы о них попечение было.

А моему, милостивый отче, перьхливому супостату пригоже бы евангельскыи собе прежде бервно из ока изтрѣбити и свой струпъ безъочивый, еже к богу, в могыя лѣта по сластолюбию и славолюбию, и прозорьству прежде сътворенный и ныне еще в безстрашии премногимъ сътворяемый, пластырь смирения и покаяния и слез врачеванием прилагая, исцѣлити, — тоже бы ся ему годило ко взятию сука из моего ока дерзнути. Понеже правила апостольского осьмьдесят осьмого толкование глаголетъ о такомъ сице: «Епископъ, или презвитерь, или диаконъ, изврѣженъ быв от своего сана по правдѣ и винѣ о явленныхъ прегрѣшениих, и по зврѣжении божественныя службы прикоснется, рекше службы причнетъ паки, — таковой, яко съгнил уд от ин уд, да отсечется от смкви».

Есть ли бы ваша святыни жалованье хотѣл вчинити, и водле тѣх правилъ святыхъ апостол и богоносныхъ отецъ, яко-м в начале рек, мнѣ с ним управу сътворити, тогды быхъ чаял, водле божия правды и онѣхъ святыхъ положенія, пята его, еже на мя в высоту въздвиженная, долу снизится мѣла.

А што ся дотычетъ, милостивый владыко, о евангелия, яко ж о нихъ мои супостати накорпали были у своемъ клеветномъ списку в своихъ коматехъ, то ето ихъ клеветы на мое лице приложение, будси быхъ я ихъ показилъ переглаживая и прилагая к ним на свой розум; а потомъ яко предъ вашею милостию очивисто на мя свой яд изливали, тогды мню, иж то добрѣ памятно вашей милости и тымъ всимъ честнымъ парсунамъ, кои на оный час при вашей милости были, што они тую свою клевету на мя, яко устне покутомъ изливаю, так и выписаную ими, за ся у свои пудыбуйды възвратили. А так в томъ не имама повинности не токмо им, моимъ супостатомъ, але и самому вашей милости моему владыце и пастырю, в чомъ справитися; яко колвек и в листе своемъ преднемъ неблагословенномъ ваша милость ознами ми, приказуючи справу, нижли мню в вповании всегдашномъ о святыхъ, и святыхъ, святыхъ евангелияхъ възложенныхъ церквамъ обители богородици пречистое и великого Богослова, по вере и любви ку дому богоматери оного благочестивого христолюбца Григория Жабу, иж они предстоительствомъ его ко богу взыщутся в короткомъ часе оттомщениемъ на тыхъ то истыхъ злоязычныхъ клеветарехъ, которыи же не обрѣтъ, вѣдле своего скаредного и неистоваго

права, на мя ямы подобныя умыслу их неустыделися, и церьквам
святым възложеному коснутися, и страха божиа забыв на тых то
святых евангелиях пали, изривая о мнѣ в них яму потаемным свое-
го безъочивьства злодѣйством, в кою ж милостию богородици, яже
о мнѣ невинном, изменением своее клеветы сами впади; понеже не
обдлив бог презирати яко своя от своих ему ото всердиа приноси-
мая, так и чловѣческих напастей в лжу и клевету наносимых.

ГЕОРГІЙ-ФРАНЦЫСК СКАРЫНА

(1490—1541)

Георгій (каталіцкае імя Францыск) Лукіч Скарына — выдатны дзеяч беларускай культуры XVI ст. Нарадзіўся ён каля 1490 г. у г. Полацку ў сям'і мешчаніна-купца.

Першапачатковую адукацыю атрымаў дома, вывучаючы «Псалтыр», які, па яго пазнейшаму сцверджанню, з'яўляўся «детем малым початок всякое доброе науки».

У 1504 г. Скарына паступіў у славуты па таму часу ягелонскі Кракаўскі універсітэт на філасофскі факультэт, які закончыў у 1506 г. з навуковай ступенню бакалаўра. Далейшае навучанне Скарыны невядома. Вядома толькі, што ў 1512 г. Скарына, будучы ўжо доктарам «навук вызволеных» (гуманітарных. — А. К.), трымаў экстэрнам экзамен у Падуанскім універсітэце ў Італіі на атрыманне навуковай ступені доктара медыцынскіх навук і там з поспехам абараніў доктарскія тэзісы, якія яму прапанавала калегія гэтага універсітэта. Далейшыя біяграфічныя звесткі аб Скарыне губляюцца да 1517 г.

У 1517 г. Скарына пасяляецца ў чэшскім горадзе Празе і разгортвае вялікую дзейнасць, звязаную з перакладам на тагачасную беларускую мову і выданнем царкоўна-рэлігійных кніг «Ветхого Завета» (першая частка «Біб-

ліі». — А. К.), якія ён надрукаваў у сваёй друкарні пад агульным загалоўкам: «Бывлія руска выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцька богу ко чти и людем посполитым к доброму научению». Тут ён пераклаў з чэшскай мовы і надрукаваў на свае ўласныя сродкі і на сродкі віленскага радцы Багдана Анкава 23 кніжкі гэтай часткі «Бібліі» ў наступнай паслядоўнасці: у 1517 г. «Псалтыр» (6 жніўня), «Кнігу Іова» (10 верасня), «Прытчы Саламона» (6 кастрычніка), «Прамудрасць Сіраха» (5 лістапада), у 1518 г. «Екклэзіаст» (2 студзеня), «Песня Песняў» (9 студзеня), «Прамудрасць Саламона» (19 студзеня), «Першую кнігу Царстваў», «Другую кнігу Царстваў», «Трэцюю кнігу Царстваў» і «Чацвёртую кнігу Царстваў» (10 жніўня), «Кнігу Ісуса Навіна» (20 снежня), у 1519 г. «Іудзіф» (9 лютага), «Кнігу Суддзяў» (5 снежня), пяць кніжак Майсея — «Быццё», «Выхад», «Левіт», «Лічбы», «Другі Закон»; «Руф»; «Эсфір», «Плач Іераміі», «Кнігу Данііла».

У 1519 г. выдавецкая дзейнасць Скарыны ў Празе спыняецца па невядомай для нас прычыне, і звесткі аб ім знікаюць да 1525 г. У 1525 г. Скарына пасяліўся ў Вільні і тут, дзякуючы матэрыяльнай падтрымцы з боку Багдана Анкава і бургамістра Якуба Бабіча, узнавіў сваю выдавецкую дзейнасць і надрукаваў за іх кошт «Апостала» і «Малую падарожную кніжыцу».

З 1527 г. Скарына канчаткова спыніў сваю выдавецкую дзейнасць. Прычынай гэтаму паслужылі і адсутнасць неабходных сродкаў і працяглыя судовыя справы, звязаныя з яго адносінамі да маёмасці памёршага брата Івана і з уласнаю цяжбаю за маёмасць жонкі Маргарыты (удавы віленскага радцы Юрыя Адвердніка). Судовая цяганіна не прынесла Скарыне поспехаў, яго маёмасць была канфіскавана за даўгі, а сам ён у 1529 г. за маёмасць брата нават трапіў на 10 тыдняў у Пазнанскую турму.

Пасля выхаду з турмы Скарына ў 1530 г. прыняў запрашэнне прускага герцага Альбрэхта пераехаць у Кенігсберг і заняцца там выдавецкай дзейнасцю. Але, не паладзіўшы з герцагам, Скарына ў тым жа 1530 г. пакінуў Прусію і вярнуўся ў Вільню, дзе з 1532 і да 1535 гг. працаваў у якасці сакратара і прыдворнага лекара віленскага епіскапа.

Ёсць не безгрунтоўнае меркаванне аб тым, што ў канцы 20-х або ў пачатку 30-х гадоў Скарына ездзіў у Маскву з мэтай арганізаваць там кнігадрукаванне, але гэта паездка не апраўдала спадзяванняў: кнігі, якія ён вазіў туды на паказ, былі адхілены маскоўскім духавенствам і публічна спалены на кастры як ерэтычныя¹.

У 1535 г. Скарына, канчаткова прайграўшы судовую справу за братаву маёмасць, назаўсёды пакінуў Вільню і зноў пераехаў у чэшскую Прагу, але на гэты раз ужо не ў якасці друкара, а ў якасці каралеўскага саавада-батаніка. Тут ён і памёр каля 1541 г.

Як пісьменнік Скарына вядомы ў літаратуры прадмовамі, якія ён напісаў да перакладзеных і выдадзеных ім кніжак «Бібліі».

Гісторыка-літаратурнае значэнне прадмоў Скарыны да кніжак Бібліі заключаецца ў тым, што яны адлюстравалі сабою той вялікі культурны ўздым у развіцці духоўных сіл і нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа, які забяспечыў у далейшым бурны росквіт нацыянальнай культуры і літаратуры і ў значнай ступені падарваў манаполію царквы на веды і адукацыю. Перакладаючы на беларускую мову кнігі «Бібліі», Скарына імкнуўся пашырыць у народных масах пісьменнасць і павысіць іх культурны ўзровень і адукацыю. З гэтай мэтай ён стараўся ў прадмовах каратка перадаць змест друкаванай кнігі, падкрэсліваў яе маральнае, рэлігійнае, адукацыйнае і грамадскае значэнне, тлумачыў асобныя назвы і тэрміны і разам з тым выказваў свае эстэтычныя і грамадскія погляды. Самі ж тэксты кніг Скарына ўпрыгожваў застаўкамі, віньеткамі і ілюстрацыямі і гэтым самым садзейнічаў развіццю кніжнай графікі.

¹ А. В. Флеровский. Чешская библия в истории русской культуры и письменности.

Глыбока прагрэсіўная для свайго часу дзейнасць Скарыны мела выключнае значэнне ў развіцці беларускай культуры. Традыцыі Скарыны не застаўся адзінокімі, яны знайшлі сваіх прадаўжальнікаў у асобе Сымона Буднага, Васіля Цяпінскага, Пятра Мсціслаўца, Івана Фёдарова, братоў Мамонічаў і іншых, якія крыху пазней праклалі шырокую дарогу для беларускага кнігадрукарства і развіцця кніжнай справы наогул.

Аднак, пры ўсім станоўчым у дзейнасці Скарыны, трэба адзначыць, што ён, нягледзячы на высокі ўзровень сваёй адукацыі, не пазбег і заблуджэнняў, характэрных для яго эпохі, калі лічыў і падкрэсліваў у сваіх прадмовах, што «Біблія» з'яўляецца асноўным сродкам асветы, скарбніцай ведаў і жыццёвай мудрасці.

Прадмовы Скарыны пададзены ў хрэстаматыі па яго выданнях «Бібліі» з экзэмпляраў, якія зараз захоўваюцца ў Публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына ў Ленінградзе і Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве.

ПРЕДЪСЛОВИЕ В ПСАЛТИРЬ

Всяко писанне богом водъхненное полъзно ест ко учению и ко обличению и ко исправлѣнию и ко наказанию правды. Да совършен будеть человекъ божий и на всяко дѣло добро уготован, яко светый апостол Павел пишетъ. И сего ради светые писма уставлѣна суть к нашему навчению и справлѣнию, духовному и телесному, различными обычаи. Едины законом ветхым и новым, и другие святыми пророки даны суть нам. Иные деянием светых отецъ, а некие притъчами премудрых учителей; некоторые теже песнями и псалмы, от царя Давыда и от иных божиих певцев сложенными, яко ест Псалтырь. Ты же вси первоменованые писма, кажьное с них токмо едину речъ в собѣ замыкаетъ; яко закон живота¹ вечного людей достигити² учить. Пророци, приидущие, доброе добрым, а злое злым проповѣдуютъ. Деяние же и животы светых отецъ жити нас на свете, боязни божией и в терпении навчаютъ. Притчи пак и преповѣсти премудрых учителей — добрых обычаев, молодых и старых наставляють.

Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаетъ, и всех тых учить и все проповедуетъ, — суть бо в ней псалмы, якобы сокровище всех драгих скарбов, всякии немощи, духовныи и телесныи, уздаровляють, душу и смыслы освѣщаютъ, гнев и ярость усмиряють, мир и покой чиняють, смуток и печаль отганяют, чювствие в молитвах дають, людей в приязнь зводятъ, ласку и милость укрепляють, бесы изгоняють, ангелы на помощь призывають.

Псалом ест щит против бесовскимъ нощнымъ мечтаниямъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и роботамъ, защитительъ молодыхъ и радость старымъ, потеха и песня, женамъ набожьнымъ молитва и красота, детямъ малымъ початокъ всякое доброе науки, дорослымъ помножение в науце, мужемъ мощное утверждение. Псаломъ ест всея цѣрькви единый гласъ свята. Украшаетъ псаломъ всякую противность, еже ест, бога ради усмиряеть. Псаломъ жестокое сердце мякчитъ и слезы

¹ жыцця. ² дасягнуць.

с него, якобы со источника, изводить. Псалом ест ангельская песнь, духовный темъян¹, вкупе тело пѣнием веселить, а душу учить.

И что есть, чего в псалмох не найдешь? Нест ли там вѣличества божия и хвалы его?

Там ест справедливость. Там ест чистота душевная и телесная. Там ест науки всякое правды. Там мудрость и разум досконалый. Там ест милость и друголюбство без лъсти, и все иншии добрые нравы якобы со источника оттолѣ походять. Там ест великая тайна о бозѣ в троици едином, и о воплощении господа нашего Исуса Христа, и о вмученьи его невинном, и о воскресении из мертвых. Там ест надежа востания из мертвых и вечного живота, боязнь страшного суду и вечного огня. Там ест многих скрытных таин зъявление. Все тыи речи якобы у великом сокровици в сей малой Псалтыри знайдешь.

И видечи таковыя пожитки в так малой книзе, я, Францишек, Скорынин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повѣлел есми Псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком наперед ко чти и к похвалѣ к богу в троици единому, и пречистой его матери Марии, и всем небесным чином и светым божьим, а потом к пожитку посполитого доброго² наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил.

А зовѣтся Псалтырь гудба, едина подобна к гуслиам. Яко сам царь и пророк поет, глаголя: «Хвалите господа во Псалтыри и в гуслѣх!» И сего для поставил ест царь Давыд четырех вѣликих ереов. Их же избрал от всех людей: Азафа, и Емана, и Ефана и Идифума, абы гудли на Псалтыри пред киотом³ завета господня и псалмы абы припевали по вся часы, яко пишеть о том в первых книгах Паралипоменона. Ест же той роздел Псалтыри от гуслей. Гуслѣ имеют много струн. Псалтырь же толико иматъ 10 струн, яко пишеть о том: «Хвалите господа во Псалтыри десятиструннѣй!»

А была сия гудьба уставлѣна духом светым на знамя десятерого божьего приказанья, еже дал господь Моисеови на горе Синая, а то к нашему научению, абы мы Псалтырю поючи, чтучи и говорячи всегда имели десятеро божье приказание пред очима. Так же будь ведомо, положил есми некоторые на страницах в сей Псалтыри главы з розных книг, а то для того, абы знакомито было, иже все инше светые писма згожаються с Псалтырею и одно на другое светчить. А то, чтучи в тых книгах, их же суть главы на боцех пописаны, знайдете. Так же положил есми на боцех некоторые слова для людей простых, не рушаючи самое Псалтырни в чем же, яко суть Онагри Игеродеево жилище и хлябие, и инше слова, которыи суть в Псалтыри нерозумныи⁴ простым людем, найдуть ее на боцех руским языком что которое слово

¹ духмяная смала, якая ѳжывалася для курѣния; ладан. ² усяму добраму народу. ³ скрыня. ⁴ незразумелыя.

знаменуеть. Теже розделил есми вси псалмы на стихи, потому, яко ся в ыных языцех делить.

А так ест конецъ предъсловія Псалтыри.

ПРЕДЪСЛОВІЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА ВО ВСЮ БИВЛІЮ РУСКАГО ЯЗЫКА

Бивлія — греческимъ языкомъ, по-русски — сказуется книги. Тако убо свѣтый Матфей починаеть Христово благовѣствованіе: «Бивлос генезеос Исус Христу», то ест по-русски — книга родства Исус Христова. А можете тымъ именемъ называти вси книги Ветхаго и Новаго закону для достойности его, понеже ¹ Бивлія зуполная все то в собѣ замыкаеть.

О сей книзе пишеть евангелиста, наперстникъ ² Христов, во узъявленіи своемъ, глаголя: «И видех во десници седящего на престоле. Книги написаны внутрь и зовнутрь. Написаны суть воистинну». Сие книги внутрь духовне ест разумеющимъ о тайнахъ превеликихъ божіихъ яко же пишеть апостолъ: «О глубино богатества премудрости и разума божія, яко неиспытаны суть судове его и не изследованы пути его!» Написаны теж и зовнутрь, понеже не только докторове, а люди вченые в нихъ разумеють, но всякій человекъ простой и посполитый ³, чтучи ихъ или слушаючи, можетъ поразумети, что ест потребно к душному ⁴ спасенію его, самому спасителю глаголющу: «Исповѣдаю ти ся, отче, господи небеси и земли, яко утаил еси сия от премудрыхъ и разумныхъ и открыл еси тая младенцемъ». Прото жъ добре Григорей Великій, учитель вселенскій ⁵, о сей книзе пишеть, глаголя: «Святое писмо все иные науки превышаетъ, понеже, егда бываетъ чтено, под простыми словы замыкаеть тайну».

И тако младенцемъ и людемъ простымъ ест наука, учителемъ же и людемъ мудрымъ — подивленіе. Яко река дивная мелка — по ней же агнецъ брести можетъ, а глубока — слонъ убо пливати мусить.

В сей книзе всее прироженое мудрости зачало и конецъ; богъ вседержитель, познаванъ бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне найдете. Ту навчение филозофії добронравное, яко любити бога для самого себе и ближнего для бога, имама. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединеніемъ, ласки и згодою посполитое доброе помножено бываетъ. Ту научение седми наукъ вызволенныхъ достаточное.

Хощеши ли умети грамматику, или, по-русски гаворячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, знайдеши в зуполной Бивліи,

¹ таму што. ² паслядоўнік. ³ звычайны. ⁴ душэўнаму. ⁵ усяго свету.

Псалтыру, чти еѣ. Пак¹ ли ти ся любить разумети лоику — она же учить з доводом розознати правду и кривду, — чти книгу светого Иова, или послание светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Саломоновы. А то суть три науки словесныя.

Восхощеш ли пак учитися музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеш. Любо ли ти ест умети аритметику, еже во кратце, а неомыслне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-руски сказуется землемерение, чти книги Исуса Наувина. Естли астрономии или звездочети — найдеш на початку книги сѣе о сотворении солнца и месеца и звезд, найдеш во Исусе Наувине, яко стояло солнце на едином месте за целый день, знайдеш во книгах Царств, иже солнце воспять поступило неколико ступнев, знайдеш во светом Еувангелии о новосотвореной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. Более воистинну чудитися превеликой божией моци мусиш, нижли учитися. А то суть седм наук вызволенных.

Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делах, чти книги Судей, или книги Махавеев; более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии² или во Тройи³.

Пак ли же во кратце сведати хоцещи много тысецей лет лѣтописець⁴, чти книги Паралипомена. Там, поченши от Адама даже до Седехии, останочного царя Иудина⁵, роды положены суть. Потребуеш ли науки и мудрости добрых мравов⁶, часто прочитай книги Исуса Сирахова, а притчи Саломоновы.

Надо все над то мы, христiane, ведаючи все науки быти минушце, потребуем речи вечное душного спасения. Чтимы ж уставичне⁷ светое Еувангелие, а чтучи его наследуимы дела нашего избавителя Исуса Христа! А тако с помощью его внидем в живот вечный и в царство небесное, угатованное избранным божиим.

Потреба те ж ест ведати, иже Бивлия делиться на двое: у Ветхий закон и у Новый.

Закон Ветхий имать в собѣ двадесеть и четыре книг. Книги первые Моисеевы суть «Бытъя». В них же лишетъ о сотворении света, о зачале людского поколения, о разделении языков и земли, и о роде еврейском и вниитии их даже до Египту. Вторыи книги «Исход», еже суть написаны о нарожении Моисееве, о десетиязвах фараоновых, о выштии из Египту сынов израилевых, о десятеру приказании божием и о многих чных суждех его. Третии книги «Леувит» пишуть о храме божием, о ризах Аароновых, о жертвах и службах леувитских. Четвертыи книги «Числа» кажутъ о считании сынов израилевых, о дарех князей, о пророцстве Валаамове и о четырехдесяти а о двух станех, игде же отпочивали суть на пустыни. Пятые книги Моисеевы, рекомыс «Вторый Закон»,

¹ калі. ² аповесць пра Аляксандра Македонскага. ³ аповесць пра Траянскае царства. ⁴ гісторыя. ⁵ ізраільскага. ⁶ порываў. ⁷ заўсёды.

вызнаменають бо святое Еувангеліе и что у предних книгах положено ест широче, то сие кратце в собе замыкають. То ест пента-теухон гречески или пятеры книги Моисеевы.

О сих пяти книгах апостол пишетъ, глаголя: «но во церкви хо-щу пять словес умом моим глаголати, да иных научу, нежели тму словес языком».

Затим книги светого Иова — зеркало долготерпения. Все слова в нем полны суть разуму. Стихами и гаданием ест пишетъ. И о воскресении тел наших из мертвых наясней пророкуеть.

Потом Исус Наувин преходить Иордан, уводитъ сынов израиле-вых в землю обетованую, приемлетъ Ерихон град, поразив царей многих, землю людем по жребиех розделил.

Книги пак судей: Офонила, Аиофа, Варака, Гедеона, Ептая и Самсона, мужей пресилных и богатырев смелость выписуеть. При них же книжка Руф, прабабы царя Давыдовы, положена ест.

По сей книги чѣтырех царств сынов израилевых у Бивлии поло-жены сут. Предние двое называются от еврей «Шмуел». В тях пишетъ о нарожении Самуилове, о помазании на царство Сауло-въ, о боех и о царстве Давыдове. Задние пак двое называютъ еврей «Млохим». В них же знайдеши, поченши от Саломона царя даже до Ехонии, и от Еровоама, сына Навафова, царя даже до Осии, его же плениша до Асирии, царей иудиных и царей из-раилевых четьрьдесети справу выписану.

Затим двое книги Паралипоменона, еже опущеное во книгах Царств. И к тому, поченши от Адама даже до пленения Ерусалим-ля Навходносором царем, премногие роды еврейские почитаетъ.

К тому двое книги Ездры о выпущении з неволи перское людей еврейских, о ставлении у другое Ерусалима и храму светая све-тых, разделне по народех жиждущих, что которые делали суть, и о леувитах, вышедших, выписуеть.

Потом книжка Товиф науку отцем, яко имають учити сыны своя, кажетъ.

Паки книжка Юдифа-вдовици. Она же для высвобождения отчизны, взор на собѣ мужем даючи, не лютовала ест живота своего.

По ней иная книжка Есфира-царице, еже с Мардохеем збавили от побитий людей израилевых.

За ними суть песни царя, Давыдовы книги, рекомые по-гречески Псалтирион, а по-еврейски Тилим, еже имають в собѣ кафизм двадесеть, псалмов полтораста, стишков или припелов две тысящи и шесть сот.

По Псалтыри кладутся трое книжки Саломоновы: Притчи, Еклезиаст и Пѣсни песнем. В первых науку младенцем, во вто-рых — мужем, во третих — старым выписуеть.

За тыми суть книги Исуса, сына Сирахова, рекомые Церков-ник, всю науку о добрых мравех в собѣ замыкающе. Подле них

ест книга «Премудрость божия», понеже наиболее пишеть в ней о страсти мученик божиих и о житии светых его.

Потом суть книги шестнадцати пророков господьних. Исаяя первый. Сей не толико пророчество пишеть о Христе, но подобен ест в нем евангелистом.

Вторый пророк божий Еремиа, во утробе материне посвященный, во младости своей начал пророковати. К тому теже написал книжку, еже словеть «Плачь Еремиин».

Третий пророк великий — Езекииль. Сей на початку книг своих пророковал о четырех евангелистах Христовых и на конци о храме божием. А то велми сокрите.

Четверты пророк болший — Даниил, времен познаватель и всего света царств исказатель, час истый пришествия на землю Христова и смерти его ясней иных ознамуеть.

Пророци пак меньшие суть: Осия, сын Вериин, — первый; Иониль, сын Фатуилев, — второй, о сошествии светого духа на апостолы являеть; Амос, пастырь и пророк господень, — третий; Авдей, он же и сказуется раб господень, — четвертый; Иона, сын Амафов, — той три дни сущи во чреве китове тридневное Христово воскресение преобразовал, — пятый; Михей от Морасхи — шестый пророк посреди меньшими, о том пишеть во книгах царств; Наум — седмый, пророкуя о Христе глаголетъ: «Съ на горах ногги исповедующего и благовествующего мир»; Аввакум — осмый пророкуеть, глаголя: «Бог от полудня приидеть и святой от горы Фаран. Прикрила ест небеса слава его, и хвалы его полна ест земля». Софония, сын Хузиев, — девятый; Агей — десятый пишеть: «Съ еще мало и порушу небо и землю, и море и сушу, и погну всеми народы, и приидет чааный всем языком». Захария — один на десятый пришествие господьне во Ерусалим, сидящего на осляти, пророкуеть; Малахия — два на десятый, а останочный от пророков меньших. На конци же Ветхаго завета положены суть двое книги Махавеев. А тако имате первую часть Бивлии высловену.

Другая пак часть Бивлии, еже ест «Новый закон» спасительный, суть книги четырех евангелистов, или святое благовествование: Матфея, Марка, Луки, Иоана, по четырех странах света имя господьне несуще, яко колесница, и престол живоначалное троици.

Затым Павел — апостол ко седма церквам пишеть послания, осмое ко евреем, Тимофея и Тита и Филимона научаеть, — сосуд избранный и вчитель всех народов.

Потом «Деания апостолская», о церкви Христове множащейся, святой Лука евангелист, лекарь к душному здравию, пиша науку даеть.

Потом святой Яков, Петр, Иоан, Иуда седм соборных посланий написали краткими словами, великое поучение нам оставляюще.

На конци Бивлии Апокалипсия, или възъявления, книга святого Иоана, положена ест. Колико слов имуще, толико таин в себе замыкающе.

О сих книгах всея Бивлии подле милости розуму моего роздслы вократце положих. А в чем бых ся омылих — разумнейшие по правте, прошу вас для бога и для посполитого доброго.

Конецъ предсловию всея Бивлии.

ПРЕДОСЛОВИЕ ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА В КНИГИ ИУДИФ-ВДОВИЦИ

Царство Асирское почалося ест от Веля царя, сына Немрофова, скоро по потопе. Он же почал силен быти на земли. Велов пак сын Нинос поставил ест град и назвал и¹ именем своим — Нинива. В том граде царствовали суть тридесеть и седм царей лет тысецу и триста даже до царя Сардонапаля, — его же убил Аръба, воевода медийский, и пресели царство то в Меды. А так пребыло ест до Цира, царя перскаго. Он же к тому имеаше царство Вавилонское, понъже Дарий царь, дядя его, убил был пред тым Валтизаря, царя вавилонскаго, иже бѣ шосьтый по цари Навходносоре, пленившем Ерусалим и Седехию царя Июдина.

Той Цир лета перваго царства своего выпустил ест жиды из пленения вавилонскаго — по седмидесяти летех по пророчеству Еремиину — и повелел им ити в Ерусалим и ставити храм господень, и вси сосуды церковные, еже был побрал Навходносор царь во храме Саломоновѣ, им вернул.

По смерти пак Цирове царствовал ест Камвизей, сын его. Того, ставячи на царство, прозвали суть Навходносором: той захотел не токмо царем быти, но и богом, яко же пишеть о нем во книзе сей. И для тое речи послал ест з войском Олоферна, воеводу своего, абы подбил вси земли под власть его. Евреи пак в том, не хотячи послухати, спротивишеса ему. И тако Олоферн, вшед в землю их, обляже наипервей град Вефулию. И с того града вышедши жена вдовица именем Июдиф, от нея же называется книга сия, отсече главу Олофернову, избави людей израилевых от руку его.

А для того царь Навходносор, или Камвизей, его же Ездра называетъ во книгах своих Арътаксерсос, заповедал евреом, абы не будовали храму господня в Ерусалиме. А то ся делало пред нарожением нашего спасителя Исуса Христа из пречистое богородици девицы Марии лѣт пятьсот тридесят и деветь. Потом на вселенском соборѣ в Никии святыми отци дозволена нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом, яко зеръцало, жену сню пре-

¹ яго.

славную пред очима имеюще, в добрых делах и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали, понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають. Прото ж и сия вдовица Иудиф для места рожения своего выдала ест живот свой на небезпеченство, но господь бог для доброго умыслу ея помог ей, яко непобедимого от людей побѣдила.

Потреба теже ведати, иже сия книга Иудиф, яко книга Данила пророка и книги Ездры, еврейскими словами, но хальдейским языком наипервей от летописцев написана ест.

Конѣць предъсловія.

Богу в тронци единому ко чти и ко славе,
Матери его пречистой Марии к похвале,
Всем небесным силам и святым его
к веселию
Людем посполитым к доброму научению.

ПРЕДЪСЛОВІЕ В КНИГУ ІОВ

Пишетъ святой Иаков апостол в своем соборном послании, глаголя: «Образ примите, братия, злострастия и долго-терпения и трудов!» Пророки, иже глаголаша именем господьним, — «Се блажим тых, они же потерпеша. Терпение Иовово слышасте и конѣць господень видесте, яко многомилостив ест господь и щедр». Сия слова апостольская являют нам достойность, святость и терпение святого Иова. О нем же пишется книга сия. И что ему господь бог за его терпение дал ест.

Достойность его тыми словы знаменует, понеже нарицаеть его пророком. Он же глаголал ест именем господьним. А ест воистину пророк божий, пророковал убо о востании из мертвых свѣтлей и явней всех иных пророков божиих, тако же и о иных тайнах божиих. Святость же его знаменуется в тых словах, яко же рече апостол: «се блажим тых, они же потерпеша».

Яко бо злато искушается огнем, тако и святии божии терпением. Сам наш спаситель глаголетъ: «Блаженни плачущенся яко тии утешатся». Терпение пак святого Иова яснее высловил святой Иаков, глаголя: «терпение Иовово слышасте!» А о том его терпении в сей книзѣ пишется. Прото, хочещи ли ведати, елика потерпел ест святой Иов, чти часто сию книгу, по тому порозумееши и речеши, яко воистину правду о нем апостол глаголетъ, и мѣзду, ко-

торую принял святой Иов от господа бога за тое терпение, в тых словах высловил: «Конец господень видесте, яко милостив и щедр господь: дал убо напоследы всего водвое святому Иову, елика же сперва имяше; яко не до конца прогневается господь и кого карает, того милуеть».

В сих книгах открыл ест нам бог великие тайны святым Иовом.

Напервей, чего ради господь бог на добрых и на праведных допускает беды и немощи, а злым и несправедливым дает счастье и здравие; те же о бѣдном и горком животе людском на сем свете и о конци добрых и злых; те же, которые зобихаютъ убогих, что на таковых бог перепущаетъ; также о различных дивех божиих, еже учинил ест во многих зверех, птицах и рыбах, и што ся в чем знаменует; и о иных многих тайнах, яже чтучи, в сей книзе знайдеш.

Делится же сия книга на главы, а главы ся делять на стихи, по тому ж яко и Псалтыр ся делить. Поченши от третиея главы даже до останочное, вся сия книга стихами разделена ест, — яко же, чтучи, поразумееш.

И всякому челоуку потребна чести, понеже ест зеркало жития нашего, лекарство душевное, потѣха всем смутным, наболей тым, они же суть в бедах и в немощах положены, надежа истинная востания из мертвых и вѣчного живота.

Прото ж я, Францишек, Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, знаючи сее, иже ест найвышшая мудрость розмышлѣние смерти, и познание самого себе, и въспоминание наприидушие речи, казал есми тиснути книгу святого Иова руским языком богу ко чти и людем посполитым к научению.

Конец прѣдсловию.

НИГА СВЕТОГО ИОВА ПО
ЧИНАЕТСЯ ЕЖЕ СЛОВЕЦЬ
ИОВЪ. ЗЪПОЛНЕ ВЫЛО
ЖЕНА ДОКТОРОМЪ ФРА
НЦИСКОМЪ СКОРИНОМЪ СПО
ЛОЦКА

Гравюра Скарыны да кнѣги «Иов».

ПРЕДСЛОВИЕ В ПРИТЧИ ПРЕМУДРАГО САЛОМОНА, ЦАРЯ ИЗРАИЛЕВА

Пишетъ святойъ Иоанъ во своемъ Еувангелии, иже нашъ спаситель рекъ естъ снѣ, въ притчахъ глаголахъ вамъ, — «Приде же часъ, яко къ тому не въ притчахъ возглаголю къ вамъ, но явѣ, о отци моемъ возвѣщу вамъ». Много кратъ прежде того въ притчахъ глагола естъ къ намъ господь богъ, нежели принявъ челоуѣчество отъ пречистое богородици Марии.

Святыми отци и пророки, а набольшій царемъ Саломономъ, онъ бо просилъ естъ отъ господя бога мудрости и разума. И отвѣща къ нему господь богъ: «Понеже жадалъ еси у мене словѣси сего, а не просилъ еси собѣ дней многихъ, ни богатства, ни же душъ враговъ твоихъ, но жадалъ еси собѣ мудрости къ научению судовъ, — се учинихъ тебѣ по словѣси твоему и дахъ тебѣ сердце мудро и смыслено таково, иже несть былъ предъ тобою и по тебѣ не встанеть инъ подобенъ тебѣ», — яко пишеть о томъ во третихъ книгахъ Царствъ царей Израилевыхъ и во вторыхъ книгахъ Паралипомена. И тако господь богъ далъ естъ царю Саломону мудрость большую, нежели которому иному челоуѣку. И сего ради называется прѣмудрый, понеже мудрейшій иныхъ былъ. Выкладывается же рускимъ языкомъ Саломонъ еже естъ мирный или спокойный, понеже былъ миръ и покой по вся времена царства его.

И написалъ естъ царь Саломонъ трое книги къ нашему научению. Первые, рекомыя Параболѣ, то суть Притчи. Вторые — Еклезиястесъ, а то естъ Сборникъ. Третье же называются Пѣсни пѣснямъ. А въ этихъ трохъ книгахъ божиимъ повѣлениемъ мудрость свою выписалъ, яко самъ о томъ въ притчахъ глаголетъ: «Се выписахъ ю тремъ обычай».

Въ первыхъ же сихъ книгахъ, еже словуть Притчи, пишеть о мудрости, о науцѣ, о добрыхъ обычаяхъ, о заповѣдехъ, якося имамы справовати и жити на семъ свете, глаголя: «Притчи Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, ко познанию мудрости и наказанія, и ко зрозумению слова смыслена и ина».

Во вторыхъ же книгахъ, рекомыхъ Еклезияст или Сборникъ, пишеть о суетѣ, о празности и о краткости, глаголя: «Слова Еклезиястесъ сына Давыдова царя Израилева. Суета суетная и все суетно», та же далей. И тамо насъ отводитъ отъ избытнее пращи сего светлаго житія и приводитъ ко вечному небесному житію.

Въ третихъ же своихъ книгахъ, еже словуть Пѣсни пѣснямъ, кажетъ, естъ ли же въ ласцѣ милостиваго бога доконаемъ сего суетнаго житія, како имать душа наша радоватися съ господемъ богомъ въ царствіи небесномъ, даючи намъ прикладъ о любовнику и съ своею любою глаголя: «Поцалуй мя поцалованиемъ устъ своихъ!» И даже до конца, яко же чтучи знайдешь.

Притчи же нарицаются еврейскимъ языкомъ «масшлофъ», а грѣческимъ — «параболѣ», по-латинѣ же — «провѣрбня», а по-руски — «притчи или присловія», понеже иными словы всегда иную

мудрость и науку знаменуютъ а иначе ся разумеють, нежели мол-
вены бывають, и болши в собѣ сокритыхъ таин замыкають, нежели
ся словами пишуць.

Делятся же сии книги на трое: первая часть ест от зачала да-
же до десятое главы, а вторая до двадцеть пятое, третья же до
конца, яко же по початкохъ главъ тыхъ — первое, десятое и двадцет-
пятое поразумеешь.

В первой части пишеть якобы отецъ сына научая мудрости,
разума, умения, страха божия и иныхъ добрыхъ нравовъ. Во второй
же части царь Саломон кладеть притчи разноличныя, игде же
едина каждая притча особливую речь в собѣ замыкаеть, добрую
и злую, не имаючи жадинаго¹ взгляду к задней или ко передней
притчи. И в трѣтей части пишутся присловья царя Соломонова,
собранные от мужей наученыхъ Езекиею, царемъ Иудинымъ, по смерти
Соломоновѣ. Сия же останочная часть сокритей в притчахъ пишеть,
нежели преднии двѣ. А то в прировнании однихъ речей ко другимъ.

Мовилъ же естъ царь Соломонъ притчей три тысящи. И сопсалъ²
своего складания стиховъ пять тысящей. И учинилъ розмолвение
о приращении дровъ и былинъ, поченши отъ дровъ кедровыхъ, еже
ростуть на горѣ ливанской, даже до травы исопф, еже рощеть при
муре. И мудре повѣделъ теже о приращении зверей, птицъ, гадовъ³
и рыбъ, яко пишеть о томъ в третихъ книгахъ Царствъ царей Израилевыхъ.

Пожиточныя же суть сии книги чести всякому человеку: муд-
рому и безумному, богатому и вбогому, младому и старому, на-
болѣйшимъ, они же хотятъ имети добрыя обычае и познати мудрость
и науку; долготу бо дней и лѣта живота, и миръ приложатся имъ;
милосердие и правда не оставятъ ихъ, ест ли же пилне послушаютъ
и соблюдутъ притчи положеныя в книгахъ сихъ, якоже самъ царь Со-
ломонъ ниже о томъ глаголетъ. Естъ бо в сихъ притчахъ сокрита муд-
рость, якобы мощь в драгомъ камени, и яко злато в земли, и ядро
у в ореху. Кто ю найдетъ, сей найдетъ милость, и достанеть благо-
словения отъ господя, и приидеть к нему все доброе, посполу⁴
с нею хвала и честь безчисленая мощию ея, — она убо естъ мати
всехъ добрыхъ речей и учитель всякому доброму умению, в ней вои-
стинну естъ духъ разумности святой, единый, различный, смысле-
ный, скромный, вымовный, движущийся, непосквѣрненый, истин-
ный, сладкий, чистый, стальной, добротливый, и всякую иную
имеющий в собѣ добрую цноту.

Прото я, Францишекъ, Скорининъ сынъ с Полоцка, в лекарскихъ
наукахъ докторъ, разумея сее, иже безъ страху божия, безъ мудрости
и безъ добрыхъ обычаевъ не естъ мощно почтстве жити людемъ посполи-
те на земли, казалъ есми тиснути Притчи или Присловия премуд-
раго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, рускимъ языкомъ
напредъ ко чти и к похвале створителю, спасителю, утешителю богу
в троици единому и пресвятой, преблагословенной, пречистой ма-
тери его Марии и всемъ небеснымъ чиномъ и святымъ и святцамъ бо-

¹ ніякага. ² написаў. ³ гадзюк. ⁴ разам, сумесна.

жиим, потом людем простым посполитым к пожитку и ко розмноженню добрых обычаев, абы, научившись мудрости добре живучи на свете, милостивого бога хвалили по тому, яко же прилежит на великую высокость и велеможность имени его святого.

Конец прѣдслова в книги Притчей премудраго Соломона, царя Израилева.

Сия книга, рекомая Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова; царя Израилева, имать в собѣ глав тридесять и одну. Пишетъ же в них царь Соломон о мудрости, о страху господнем, о службе божией, о науцѣ, о карании злых нѣравов и о научении цнот и добрых обычаев, о хитростях женских, о царех, добрых и о злых, о справедливости, о суждех, о речах противных, о ненасыщенных, о зверех некоиx и о дивном прирожении их, о речах трудных к познанию, и о иных многих различных речах.

А пишется сия книга тым же обычаем, яко и Псалтыр, и Иов, и Исус Сирахов, понеже каждая глава делится на притчи якобы не неякии стихи или розделения, яже чтучи поразумееш.

ПРЕДЪМОЛВА ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ В КНИГУ ИСУСА СИРАХОВА

Исус Сирахов — онъ же написал ест книгу сию еврейским языком и потом из еврейскаго языка преложил ест на греческий язык на прозбу Птоломея Евѣреета, царя египетскаго, — сей был родом евреянин от колѣна Левгиева из преславнаго града Ерусалима сын Сирахов, и того ради нарецається Исус Сирахов. Сирах же был сын Исусов, сына Еседехова.

Того Исуса Еседехова, деда Исуса Сирахова, послал был Елиазар, ерей великий ерусалимский, ко Птоломею Филядельфови, царю египѣтскому во Александрию — онъ же был ест второй царь во Египте по Александре великом Макидонском — и с ним седмьдесят и единого мужей, избранных в законъ божием и во пророцех и во всех иных писмех святых добре наученых, духа святого и философии исполненых, еврейскаго языка и греческаго досконале умелых. Сии же седмьдесят и два учителя выложили суть из еврейскаго языка на греческий закон божий, даный Моисею на горѣ Синайской. То ест пятеры книги Моисеовы, шестнадцеть пророков, книги судей царств, псалмы Давыдовы, мудрость Саломону и иные многие святые писма, их же для краткости несть потреба тут меновати; и написали суть вси сие книги греческим писмом. И положил е¹ ест царь Пътоломей Филяделф во книжници² своей промеж иными книгами. В ней же имеаше различных книг иных а иных более нежели четьрьдѣсять тысецей. Таковый убо был милосник науки и мудрости, иже болѣй избрал оставити в науцѣ и в книгах вечную славу и память свою, нежели во тленных великих царских сокровищах.

¹ их. ² бібліятэцы.

По смърти же сего Пътломѣя Филадельфа царствовал ест во Египте сын его, Пътломей Евреет. И той послал ест во Ерусалим по Исуса Сирахова, абы приехал к нему во Александрию.

И внигда беша Исус Сирахов во Александрии, в некий час вниде во книжницу цареву и узрел ест тамо множество книг различных и межи ими видел писмо и книги деда своего, Исуса Еседехова. И възрѣвновал ест тому дабы оставил теже и по собѣ память, яко и предковѣ его оставили суть, дабы память сего не загинула во вѣки, — яко сам о том кратце пишеть во предословии своем, — и сего ради преложил ест книгу сию из еврейскаго языка на греческый, и назвал, ест ея «Панаретос», еже и сказуется — всех добрых нравов сокровище.

Писал же ест сию книгу Исус Сирахов пред нарожением господа нашего Исуса Христа из пречистое девици Марии лѣтъ двѣсте и деветь во врѣмена Пътломея Евреета, царя египетскаго.

Потом же, по нарожению нашего спасителя, лѣта четырьсотого двадесять и девятого святой Герасим-презвитер, он же беаша на Иорѣдани, выложил ея з греческаго языка на латинский и назвал ест ея «Екклезиастыкус», еже по рускыи выкладается «Церковник», понеже церкви святой ест сия книга велми потребна, все бо в ней о церковной науце и о нравех добрых пишеть. Наболѣй о мудрости, о страху господнем, о слове божием, о справедливости, о вере, о любви, о надежи, о чистотѣ, о службе божией, о долготерпении, о смирении, о милостыни, о крепости, о трезвости, о мерности, о почтливости, о щедроте, о тихости, о друголюбии, о науце Закона божия, о послушании родителей своих, о справовании самого себе, о товаристве добром и злом, о похвале мужей святых, о славе царей праведных, о достоинности пророков божних и о иных различных многих добрых обычаех и нравех, яко же чтучи в ней знайдеши. И елико крат в ней будеши чести, по каждом чтении новаго нешто научишия чего жь ест пред тым не умел, вся бо Саломонова и Арестотелева божественая и житейская мудрость в сей книзе краткыи словы замкнена ест.

Просто ж и я для похвалы божией и для посполитого доброго и розмножения мудрости, умения, опатренности, разуму и науки приложил есм працу выложити книгу сию на рускый язык, елика бо прежде писана быша к нашему научению написана суть, яко святой апостол Павел к римляном глаголетъ: «Сего ради милостивый бог з различных языков нам прежде писма ест послал, абы есмо чтучи е, его миловали, ему служили и вонь¹ веровали, и к тому совершенные нравы имели и добрые дела чинили, яко бо без веры не можемъ полюбитися богу, тако и вера без дел мертва ест». Сия же книга сама нас добрых обычаев и дел научаетъ более, нежели иные многие книги. Прото ж потребна ест ея всякому чловѣку чести.

¹ у яго.

Пишетъ же Исус Сирахов сию книгу по тому ж, яко и царь Саломон свое книги пописал ест, во кратких словах великий и многый разум замыкаючи, яко сам о том в предословии своем вышей глаголетъ: «Где же узрите нас последующе образ мудрости» и далей, «то ест мудрости Саломоновы».

Делится же сия книга на двое. Едина часть от зачала книги даже до чытырдесят четвертое главы. А в той части приводит нас к мудрости и к добрым обычаем путем разуму. Вторая же честь починается от чытырдесят четвертое главы даже до конца. В сей же части приводит нас к святости и к добрым делом путем прикладу, припоминаючи нам жития святых, како добре поживши на свете по смерти достали суть вечное славы.

Конец предслова.

СКАЗАНИЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦКА В КНИГИ ВТОРАГО ЗАКОНУ МОЙСЕОВА

Людское естество двояким законом бываетъ справовано от господа бога, то ест прироженным а написаным. Закон прироженный в том наболеи соблюдаем бываетъ: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочещи от иных имети. А на том, яко науднени, вси законы писаны заложены суть, нашему спасителю Исус Христу, глаголющу: «Вся убо елика аще хочеть да чинять вам челоуѣци, тако и вы чините им; съ бо ест закон и про роци». Съи закон прироженный написан ест в серци единого кажного челоуѣка, апостолу Павлу, пишущу: «Егда бо языци — они же закона не имають — естеством законная чинят, сии закона неимуше сами собѣ суть закон, иже являютъ дело закона, написано в сердцах своих».

От зачала убо веков, егда сотворил бог первого челоуѣка, написал ест закон сей в серци его. Прото ж Адам и Евва, первии родителе наши, познали суть грех свой, иже не послушаша створителя своего, и для того сокрилися от лица господа бога посрѣди древа райскаго. Каин теже познал ест грех свой, иже убил брата своего Авеля, прото ж и рече: «Болши ест безаконие мое, нежели бых могл милосердие умолити». Тым же обычаем и нынѣ единый кажный человек, имея розум, познаеть, иже непослушание, убийство, прелюбыдеание, ненависть, татба¹, несправедливость, злоймание, неволя, досаждение, гордость, злоречение, нелютость, клеветание, зависть и иная тым подобная злая быти, понѣже сам таковых речей от иных не хочеть терпети. А тако прежде всех законов или прав писаных закон прироженный всем людем от господа бога дан ест, и весь во едином словеси скончевается: «Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе».

¹ кража.

Закон же написанный или от бога ест данный, — яко суть книги Моисеовы и светое Евангелие; или от людей уставленный, яко суть правила светых отець, на сборех пописанные, и права земская, еже единый кажный народ своими старейшими ухвалили суть подлѣ яко же ся им налепей видело быти. А прото ж межи собою ся не сровнавають, понѣже иные, а иные иным, а иным языком ся любають, толико в том хотят ся згожати, абы были права их или закон почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подлѣ приращения подлуг обычаев земли, часу и месту, пригожий, явный, не имея в собѣ закрытости не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный.

Кто ж пак найпервей з людей во своих народех почал е писати? О том кратце ткнул есми во предословии своем, еже на перьвыи книги Царств.

И вчинены суть права или закон для людей злых, абы боячися казни усмирили смелость свою, и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли, яко святыи апостол пишетъ: «Вѣмы убо, иже добр ест закон, аще кто им закон не деетъ. Ведяще сее, яко праведному закон не ест положен, но неправедным, и непокоривым, немилостивым и грешником, неучтивым и сквѣрным, отцу досадителем и матери досадителем, убийцам и блудником, мужеложником и скотоложником, лѣгарем и кривоприсяжцем и иным всем, они же здравому вчению противляются».

Потреба теж вѣдати, иже закон или право разноличне ся от людей называетъ. Едино — посполитое, понѣже от всех народов посполите соблюдаемо ест, яко мужа и жены почтливое случение, детей пильное выхование, близко живущих схожение, речи позыченое навращение, насилую силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех. Тым законом живяху верующии во Христа по вшествии его на небеса, яко пишетъ: «Народу же веровавшему бѣ сердце едино и душа едина и имение едино; никто же, что от имени своего глаголаше, свое быти, но бяху им вся обща».

Другое право — языческое, от многих убо языков ухвалено ест, яко земля чужих мечем достование, градов и мест утвержение, послов без переказы отпущение, миру до часу прирченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание.

Иное — царское. О нем же пишетъ Самуил, глаголя: «Тое будетъ право царево: побереть сыны ваша и наделаетъ с них езцев и гоньцев, и встановитъ себе воеводы, о сотники, и ратае поль своих, и коваче зброи своих и прочая». Прото ж и апостол пишетъ: «Повинитесь убо всякому созданию чловѣчию господа ради, аще царю, яко преобладающему, или князем, яко от него посланым на отмщение злодейцем, божий убо слуга ест к доброму твоему. Естли же зле чиниши — бойся: не без ума бо мечь носитъ». И паки пишетъ: «Воздадите ж всем долги, ему же урок — урок, ему же дань — дань, ему же страх — страх, ему же честь — честь».

Некое же право — рыцарское или военное, еже на войне со-

блюдаемо бывають, яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити користи, давати оброки. О сем пишеть евангелиста: «Вопрошаху же его воини, глаголюще: «и мы что сътворим?» И рече к ним: «Никого не обидте, ни оклеветайте и довольни будете оброки вашими».

Иное пак право — мѣстьское, иное — морское, а иное — купецкое. О тых всех и о иных писати для краткости преставаю. А вси тые права или уставы божии закон в себе замыкають. Он же ся делить на двое: Ветхий, яко суть пятеры книги Моисеовы, а наболѣй сии, рекомый Второй закон, понѣже что в первых четверых широче выписывает, то в сих кратце завирають. А сей Ветхий закон до воплощения слова божия держан имел быти святому Павлу, пишущу: «Егда же прииде сполнение летом, посла бог сына своего, рожаящагося от жены, бывающаго под законом, да тых, они же под законом, суть искупить и вместо сынов е прииметь». И ту ся почал Новый закон, спасителный; он же до скончания веков пребудеть самому збавителю, глаголющу: «Небо и земля мимо идеть, а словеса моя не могут пройти».

Ведал ест Моисей духом светым о законе новом Христовѣ, иже имел по нем быти Второй закон ласки, то ест светое Евангелие, и на знамя того написал книги сии Второго закона, прото ж и поведел в них, глаголя: «Пророка з народу вашего и от братии вашей, яко мене, возбудить вам господь бог ваш; того послушати будете». Сии два законы: Ветхий и Новый, вси три светии патриархи пред Моисеем указовали — болшему быти последнему, неже ли первому. Авраам два сына имел ест: одинаго от рабыне, а другаго от свободныя. Но той, иже от рабыне, по плоти родися, а иже от свободныя — по обетованию; еже иначе бывають сказаема — сии суть два законы. Един от горы Синай в работу ражая, еже ест Агарь, — Синай убо гора ест во Аравии, прилучает же ся к нынешнему Ерусалиму, — и работает со чады своими. Вышний же Ерусалим свободѣн ест, и той ест мати всех нас.

Исаак, хотяй старейшему сыну дати благословѣние, и дал е младшему. О нем же речено ест: «сѣ болший поработает меньшему». И яко же пишеть: «Якова возлюбих, Исава же возненавидех». И Яков по тому же учинил, благословяй сыны Иосифовы, — на младшего положи руку правую, а на старейшего — левую, крест Христов ими выобразуя и закон новый болший быти, неже ли Ветхий, знаменуя.

Теже Моисей, хранящим закон Ветхий, не обещовал толико землю добрую, текущую млеко и медом. Наш же спаситель, Исус Христос, обещует, полнящим закон новый, светое Евангелие, отпущение грехов, ласку божию, дары духа святого, живот вечный, царство небесное, яко сам ко апостолом рече: «Аминь глаголю вам, яко вы шедши по мнѣ в паки бытие, егда сядеть сын человеческий на престолѣ славы своея, сядете и вы на дванадесети престолѣх, судяще обемонадесетема коленом Израилевым».

Конѣць сказанию.

СЫМОН БУДНЫ

Сымон Будны — выдатны прадаўжальнік культурна-асветніцкіх традыцый Скарыны.

Біяграфічныя звесткі аб Сымоне Будным, якія захаваліся да нашага часу, надзвычай бедныя. Мяркуюць, што ён нарадзіўся ў пачатку 30-х гадоў XVI ст. дзесьці непадалёк ад Беластока (м. Заблудава). Вышэйшую адукацыю Будны атрымаў у Кракаўскім універсітэце. Для свайго часу С. Будны быў высокаадукаваным чалавекам. Ён добра ведаў філасофію, гісторыю, літаратуру, багаслоўе, валодаў беларускай, польскай, чэшскай, царкоўнаславянскай, лацінскай, грэчаскай, італьянскай і старажытнаўрэйскай мовамі. Такі шырокі круг ведаў дае падставу меркаваць, што С. Будны, апрача Кракаўскага універсітэта, вучыўся яшчэ дзесьці ў Італіі або Швейцарыі. Атрымаўшы добрую гуманітарную адукацыю, Будны ў канцы 50-х, пачатку 60-х гадоў становіцца адным з буйнейшых дзеячоў гуманізма, і прымыкае да моднай у той час рэфармацыйнай плыні — кальвінізму, апекуном якой у Беларусі быў магнат Нікалай Радзівіл Чорны.

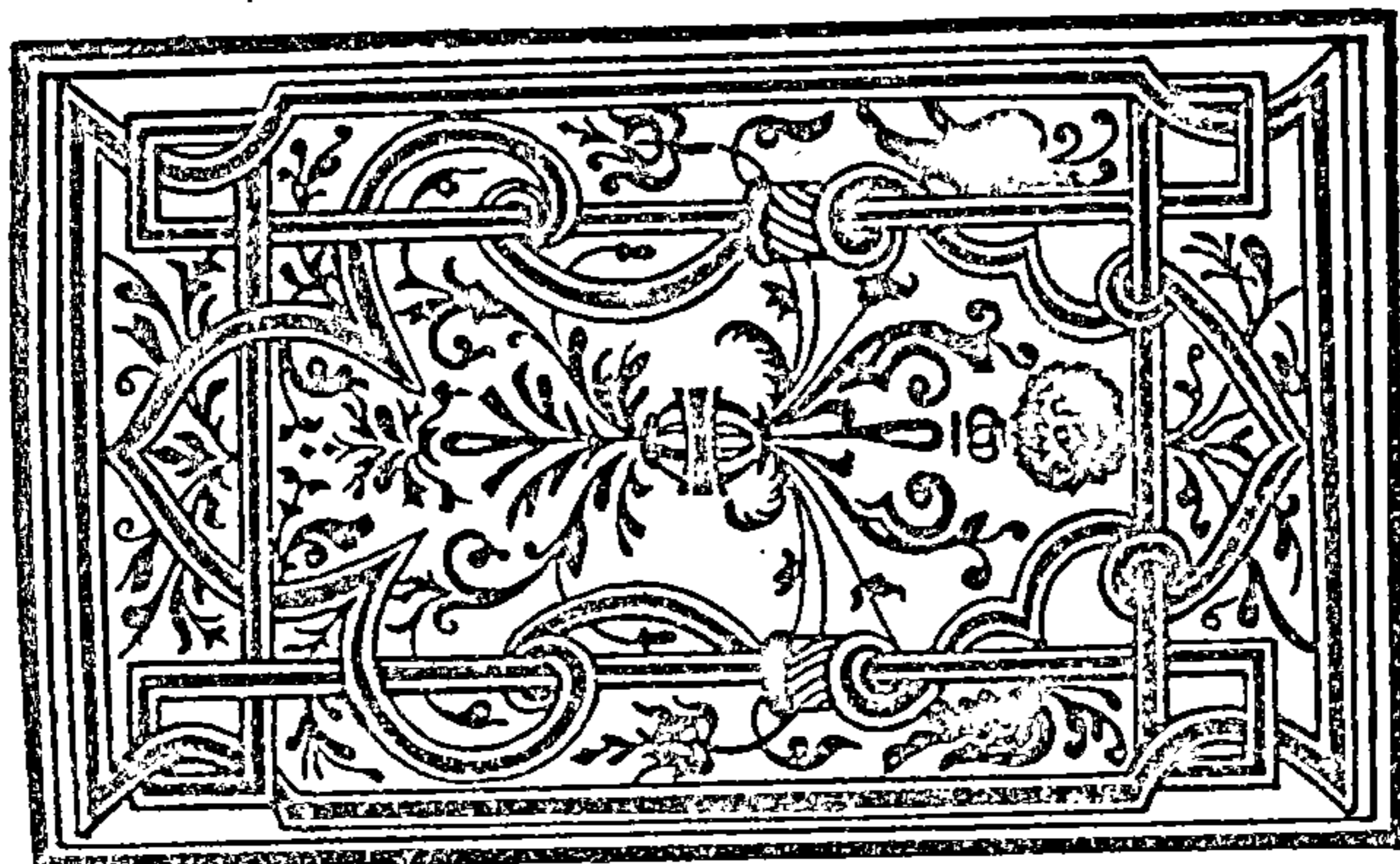
Першыя біяграфічныя звесткі аб Будным адносяцца да 1558 г., калі Будны служыў прапаведнікам рэфармацкай царквы, пабудаванай Радзівіламі ў Вільні. Таленавіты прапаведнік і публіцыст у хуткім часе звярнуў на сябе ўвагу віленскага ваяводы Нікалая Радзівіла Чорнага, і той перавёў яго, каля 1560 г., пастарам у Клецкую саборную кальвінісцкую царкву.

У 1562 г. Будны, прасякнуты ідэямі асветніцтва, пры падтрымцы несвіжскага пастара Лаўрэнція Крышкоўскага і старасты Мацвея Кавячынскага, арганізаваў у Несвіжы друкарню. У мэтах распаўсюджання свайго вучэння ён выдаў тут «для простых людзей языка руского» папулярную кніжку аб хрысціянскай дагматыцы — «Катихісис».

11 кастрычніка 1562 г., праз чатыры месяцы пасля «Катихісиса», С. Будны выдаў другую сваю кніжку на беларускай мове: «О оправданні грѣшного челоуѣка перед богом». Тут ён у духу сваіх рэлігійных перакананняў выказаў свае сацыяльныя погляды і крытычныя заўвагі па асноўных пытаннях багаслоўскай дагматыкі. Арыгінальныя рацыяналістычныя погляды Буднага, выражаныя ў гэтай кнізе, выклікалі абурэнне супроць яе аўтара не толькі з боку праваслаўных, але і з боку яго аднадумцаў-кальвіністаў, і з'явіліся прычынай разрыву яго добрых адносін з апекуном кальвінізма Радзівілам.

Разышоўшыся ў сваіх поглядах з Крышкоўскім і Кавячынскім, Будны ў 1567 г. на Скрынскім зборы кальвіністаў канчаткова парывае з кальвіністамі і пераходзіць у лагер антытрынітарыяў пад апеку жмудскага старасты і літоўскага краўчага, магната Яна Кішкі.

Сымон Будны быў шырока эрудзіраваным для свайго часу і пладавітым пісьменнікам. Яго кнігі рэлігійна-палемічнага і духоўна-маральнага зместу, напісаныя яркім і дасціпным стылем, выходзілі адна за другой на беларускай,

КАТИХИСІСЪ.

ТО ЄСТЪ,

НАУКА СТАРОДАВНЯЯ ХРІСТІАНЬ
СКІЯ ѿ СВЕТОГО ПИСМА, ДЛЯ ПРО-
СТЫХЪ ЛЮДЕИ ЯЗЫКА РУ-
СКОГО, ВЪПЪЦЯИЯХЪ ѿ
КЯЗЪХЪ СЪБРАНА.

В. Буднага
с. Буднага

ѿ ПЕРВЯГО СВЕТОГО ЯПОСТОЛА
Петра посланія Зачало ѿ

Готови прино къ ѿвѣстѣ всакому въ просяющемъ си,
слово ѿвѣстѣмъ ѿповѣднѣ стыжностію и страхомъ,
совѣсть и маще блгу и прочяю.

Цітульны ліст «Катихисеа» С. Буднага.

польскай і лацінскай мовах у Несвіжы, Брэсце, Лоску, Вільні і іншых месцах, дзе жыў і працаваў Будны. Аднак, на вялікі жаль, багатая літаратурная спадчына Буднага поўнасцю не захавалася да нашага часу. Прычынай таму была, галоўным чынам, тая пазіцыя, якую займаў Будны ў сваіх рэлігійных поглядах, будучы рацыяналістам-антытрынітарыем.

Крытычныя погляды Буднага на рэлігію, адлюстраваныя ў яго кніжках, выдадзеных на польскай і лацінскай мовах, прыносілі яму нямала непрыемнасцей у асабістым жыцці. За іх ён падвяргаўся ганенням і праследаванням як з боку афіцыйнай каталіцкай царквы, так і з боку сваіх аднадумцаў. Так, у 1582 г. на Лукавіцкім антытрынітарскім зборы Будны за свае рэзка палемічныя рэлігійныя творы, накіраваныя супроць асноўных догматаў хрысціянства, і крытычныя адносіны да святога пісьма быў асуджан як ерэтык і пазбаўлен духоўнага звання.

Год смерці Буднага дакладна невядомы. У 1597 г. адзін з сучаснікаў, добра ведаўшых Буднага, успамінае аб ім ужо як аб нябожчыку. Гэта дае падставу меркаваць, што Будны памёр каля 1595 г., бо яшчэ ў пачатку 90-х гадоў ён прымаў актыўны ўдзел у рэлігійным дыспуце паміж езуітамі і «ерэтыкамі» ў Полацку.

З выданняў Буднага на беларускай мове да нашага часу захаваліся толькі адзін яго «Катыхісис», выдадзены ў Несвіжы. Мяркуюць, што ў несвіжскі перыяд сваёй дзейнасці Сымон Будны выдаў яшчэ на беларускай мове «Евангеліе» (1560?), кальвінскі «Псалтырь» і арыянскі сатырычны «Катыхісис».

Пераход Буднага пад апеку Кішкі ў 1568 г. палажыў канец беларускім выданням Буднага. З гэтага часу Будны пачаў выдаваць свае кніжкі толькі на польскай і лацінскай мовах. На польскай мове ён выдаў: у 1572 г. перакладзеную ім самім «Біблію», у 1574 г. — «Новы завет» (м. Лоск), у 1576 г. — «Аб ранейшых артыкулах хрысціянскай веры» і «Аб фурых або шаленствах французскіх, г. зн. аб страшным і няслушным замардаванні адмірала Кастылёнскага і іншых мужоў» (кнігу аб падзеях так званай Варфаламееўскай ночы). У 1583 г. Будны выдаў пашыраныя часткі сваёй ранейшай работы, выдадзенай у Несвіжы палемічнай кніжкі «О оправдании грѣшного человека» пад назвай «Аб урадзе меча» і пашыраны «Катыхісис», выдаць які ён абяцаў у сваёй прадмове да несвіжскага «Катыхісиса». На лацінскай мове Будны выдаў: «Кнігу аб двух прыродах Хрыста» (1575 г.), «Кароткае даказанне таго, што Хрыстос не ёсць той самы бог, якім з'яўляецца бог бацька, і як ён быў названы ў святым пісьме і як потым стаў богам» (1575 г.), «Абвяржэнне аргументаў Мартына Чаховіча» (1575 г.), «Просты і ўзброены святым пісьмом адказ Буднага» (1578 г.). Гэта апошняя кніга была накіравана супроць швейцарскага тэолога І. Зімлера і тэолога Станіслава Праховія.

Сымон Будны ўсё сваё жыццё і энергію прысвячаў справе асветніцтва народа. У змрочныя часы каталіцкай рэакцыі і рэлігійнага фанатызму Будны першы пасля Скарыны адважыўся не толькі ўжываць беларускую мову ў рэлігійнай пісьменнасці, але і прапагандаваць яе як раўнапраўную мову і лепшы сродак для распаўсюджвання ведаў сярод свайго народа. У сваіх творах Будны будзіў грамадскую думку і сумленне народа, нёс уласны крытычны погляд на жыццё і рэлігію, закранаў амаль усе хвалючыя пытанні свайго часу: пытанні вайны, міру, дзяржавы і права свабоднай дзейнасці чалавека. Гэтымі рысамі і вызначаецца гістарычная вартасць дзейнасці Сымона Буднага ў справе развіцця беларускай культуры і літаратуры другой палавіны XVI стагоддзя.

Змешчаныя ніжэй тэксты з «Катыхісиса» Буднага пададзены па экзэмпляру кнігі несвіжскага выдання 1562 г., які зараз захоўваецца ў адзеле рэдкай кнігі Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

свенцонных княжат и панов их милости панов Миколаев Радивилов, княжати на Олыце и Несвижу, воеводы Виленского, навышшего маршалъка и канцлера великого князьтва Литовъского и далей, а княжати на Дубниках и Бержах, воеводы Троцкого, великого гетъмана великого князьтва Литовъского и далей. Сыном перъворожоным их милостям, княжатом молодым, паном Миколаем Миколаевичом Радивилом от бога отца через Христа, единого сына его в духу святом, утешителю, ласки, покою, и вечного благословенья веръного христового збору братья, а слуги их княжацъких милости, веръне жедають.

Бог всемогучый, освѣцонные а милостивые княжата, потому ся всегда напротив грѣшному человѣку заховал, ижъ хотя жь сам от него отходил, пред ся его дивным обычаем от блуда и грѣхов выривал. Тако ся напервей ко оным першим родителем нашим показал. Сих бо, — по оном их тяжком упадку, а по утраченью оного образа и подобеньства божиего, на который были створени в оной первой невинности, святости, справедливости и у правде, — з особливого милосердья своего, в гнѣве своим не рачил¹ зоставити, але ужалившись над их упадком рачил им, заразом и всему потомству их, предивный ратунок урадить, а таковое племя обещать, через которое мѣла быть стерта голова проклятому противнику сатанѣ, и оный упадок знову мѣл быть направлен, и она первая невинность и справедливость привернена, которое то² обещаницы, о сосланю того светого насенья, ухватившись вѣрою, первые родители наши оною ся ажъ до смерти тѣшили и оною жь приверъненого благославленного живота достигли. Так же сынов и потомства их, колько кротъ, коли хвала панская нарушена бывала, николи пропоминать не рачил. А потому жь, по оном прозном всее плоти через потоп зглаженю Ноя, а потом Авраама, Исаака, Якова, патриархов святых и всех дванадцати поколений израильских, которые вывел з Египту, тот же от веков милосердный бог занехати³ не рачил, але им опять оную свою обѣтницу о насенью благославленом якобы знову отновил, в котором мѣли быти благославлены вси народы людские. А тое насенье, водлуг выкладу апостольского, называется Христос.

А так явне ся и з старого и з нового закону оказуеть, ижъ пан бог всякого человека упалого опущати не рачил, а опять ни через жадного⁴ иншого збавити не хочеть — одно через Христа пана, оное вечное а благославленное сѣмя, спочатку в раю обещаное, а водлуг выполнения часов, с пречистое девицы нароченое.

Так жеть⁵ и теперь, освѣцонные а милостивые княжата, нам,

¹ не захачеў, не пажадаў. ² племя. ³ выпусціць з-пад увагі, пакінуць. ⁴ нікога. ⁵ таксама.

остатному потомству отцов наших, и пред остатным днем, содравшы слепоту от сердец и очью наших, через духа святого и светлость Евангелия сына своего, отец оный всего милосердья учинити рачил, же нам оную выполъненую вечную обетницу Христа пана, которую нам был сатан в пропасти римского и греческого Вавилона затмил, слово его святое нарушил и тайны посквернил, знову праве объяснить, а яко пальцем оказати. А нас, с тое Содомы антихристовой вырѣвавши, опять знову ку истинному збавителю притегнути рачил, которого тут, в тых малых новое кузни книгах, оным славным, здавна далеко росъширенным словенским языком суть накоротце пописаны права. А вашим княжацким милостям, яко тых двух в той Речи Посполитой славных одного кореня филиаров¹, сыном не иным жадным умыслом, одно, яко и оногo часу (абы ни хто иначе не судил) и святой Лука евангелист побожьному а зацному Феофилу двое книг своих приписал для много слушных причин, -- поданы и приписаны, а звлаща для, зараз з млодости в сердцах их зачатя и занятя милости ку слову божиему. К тому тѣжь и для того, абы ся ваши княжацкие милости не только в чужоземских языцѣх кохали, але бы ся тежь, ваши княжацкие милости, и того здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити² рачили. Слушная бо речь ест, абы ваши княжацкие милости того народу язык миловати рачили, в котором давные предѣки и их княжацкие милости пановѣ отци ваших княжецких милости славне преднейшие преложеньства³ несутъ.

А так он, который сам всего початком и единым от веков збавенья поводом ест пан бог всемогучый, и ваши княжацкие милости еще в млоденстве и⁴ знайти рачил. Рачте ж прото его доброты святое вдячными быти а такого гостя зотвороними сердце приняти, якобы есте были с такого навеженья вдячными сыны узнаны. Ботсе⁵ вашим княжацким милостям, яко се вышей доложило, тот первородный в том языку плод только для самого того офяровал, абы-сте ваши княжецкие милости зацного стану княжата, а переднейших вожов сынове, всим иным с себе добрый взор а приклад давать рачили, ижь бы ся много иных прикладами ваших княжацких милости будовати могли, а тая отчизна и Реч Посполитая з ваших княжацких милости благославленное надеи ожидать могла.

Яко есте тогды ваши княжацкие милости с одного кореня леторосли, рачте жь ся зачатъ и в том одном правдивом, верном спольку множить и ростъ, абы есте ваши княжецкие милости были не только с повинности одное крови, але и з единности одного гасла, единого гетмана Христа рыцерьями и братьею а сынами единого навышшего бога! В чом ваши княжецкие милости рач помножить и ублагославить бог отец через Христа, единого сына своего.

¹ слуп, апора. ² пацяшаца. ³ начальства. ⁴ яго. ⁵ незразумелас месца. Мабыць, треба чытаць: «Бо то се».

в духу святом утешителю нашим. Того мы вашим княжацким милостям от нѣго жь самого сердечне жичимо.

А то, што ся на тот час, хотя не с таковое годьности, яковое бы святыя таблицы божие достойны были, але з якого жь колвек да-ного таланту вѣрне от вѣрного Христоваго збору брати, а слуг ваших княжацких милости, на том новом початку накоротѣце выдать могло, просимо: «Рачѣте, ваши княжацкие милости, до-туль з ласкою завдячне приимовати, покуль пан бог до чого боль-шого допомочи будеть рачил!»

Дан¹ з города Несвижского, от вѣплощенья Христова в року тисячном пятьсотном шестьдесятном и втором, месяца июня, два-надцатого дня.

Ваших княжацких милости повольные слуги:

*Матфей Кавечинский,
Симон Будный,
Лаврентей Кришковский.*

К ВСѢМ БЛАГОВѢРНЫМ ХРИСТИАНОМ ЯЗЫКА РУСКОГО ПРЕДЪСЛОВІЕ В КАТИХИСІЮ

Катихисис — слово ест греческого языка, сказует же ся на словенскую рѣчь — Оглашение или гласом учение. Вѣдомо бо маеть быти, ижъ апостоли и их ученици не тако скоро и не так латвѣ², от еллин или от жидов к вѣре Хри-стовой приступующисъ, тайнами святыми служили. И окрестил убо Пѣтръ и иншии апостоли на день съшествиа святого духа от людей израилевых три тисечи, але умиливши их ся сердцем и лю-безно приемших слово окрестил Филипп, иже от седми диакои ца-рици Муринское земли каженика или скопца, але аже из Му-ринское земли в Еросолим поклонитися приехавъшаго, а набо-лей через аньгела показаного, от себѣ научноного и еще вѣру о Христе, ижъ сын божий ест, исповѣдавъшаго.

Окрестил Петр еще Корънилиа, але оного, которого молитвы и милостины възыдоша пред богом, оного, о котором глас божий в видении по три крять рече, иже бог очистил ест, ты не скверъ-ни, оного, на которого дух святой видимым образом еще навчаю-щу Петру напал. Окрестил апостол Сила сторожа темъничного в Филипъпусѣх, але ажь перъвей к апостолом каючися поведѣл: «Господие, что ми подобаеть творити, да спасуся?!» Але аже перъвей Павел и Сила глаголаста ему слово господне; еще аже перъвей понял³ их в дом свой и омыл их раны. Инъшии таковыя мѣста опускаю. Досыт бо явѣно, ижъ апостоли никого от поган и от жидов не крестили, аже перъвей оного научили и в вѣре иску-сили.

Потом пак и труднейшее искушение было настало на хотящих

¹ Гутарка идзе пра катэхізіс. ² лёгка. ³ узяў.

креститися. Находим бо в посланиах учительских и в некоторых правилѣх, ижъ котории ся крестити хотѣли, перъвей через немалый час повинъни били опричь в церъкви стояти, на колѣна припадати, чтение евангелское услышавъши, а наболей, коли уже мѣлася вѣчера господня зачинати, вѣн из церъкви выходити, певный час поститися и на каждой недели в четверг «вѣрю» пред епископом или пред презвитером исповѣдати. А докул таковыя речи кто выполънил, крещон не был, але такового звано оглашеным, а погречески — катикуменос. Науку пак их таковую Оглашением, погрѣчески, — Катихисис¹.

Был то обычай вельми потребный и ложиточный, бо затым многие и в познание бога и его правды приходили, и в святом житью росли и укреплялися. К тому и учителя мусели своего уряду быти пильными. Лечь² диавол не допустил сему обычаю долъго межи христианъми стояти, спящим бо человѣком, по слову евангелскому, прииде и вѣсѣял плевелы³, се ест, коли ся ленили учити людей, научил их диавол, абы вѣрили, иж без науки, без вѣры и без исповѣдания можетъ человѣк спасен быти, только бы водою в детинствѣ окрещон был, а пришедши к розуму, только бы в певные дни мяса не ел, милостину хотя жь от злого набытя давал, святым ся молил и таковыя речи по обычаю заховал.

А на остаток на тое ся спущали, естли кто мѣл, што бы попом по души дал, абы тѣло на посвященной земли положили, проводили, поминали, третины, девѣтины, полсорочины, сорочины, польгодинины и години и инъшие таковыя вымыслы чинили. Для того именья, села, мѣста отписовали, монастыри и будованыя церъкви надавали, або знову будовали колоколы, потирионы, дыскосы, ризы, иконы или балъваны куповали, надѣваючися для таковых справ спасенна, царствна божиего и живота вѣчного. Все тое, мовлю, затым в церъков Христову вошло, ижъ он святой обычай, которого ся перъвая церъков по повелению Христову держала, допустили диаволу вывести, а шкодливы он⁴ плевел вѣсѣяти. Христос бо рече: «Шедшей, научите вся языки, крестяще их!» Тии пак не только не научаютъ, але и сами мало правды знаютъ и оным, котории бы учити хотѣли, забраняють. Не иначе, но яко пред тым законъники жидовъские. О них же господь рече: «Горе вам, законъником, яко взясте ключъ разумению сами не внидoste и вѣходящим вѣзбранисте!» Не надобѣ о том много писати. Все бо вѣдаем, яковых теперь учителей маем.

Вѣдаетъ весь свѣт, яко на свои степени вѣступаютъ. Не тайно тѣ же, яко на них стоять и справуются. Лепъшей плакати, нежели их норovy выписовати. Оно певная рѣчь, ижъ напрасно их поправленна в науцѣ или в житии ждати. Лучшей, абы каждый, кто не хочетъ згинути, иншого собѣ лекарства за часу искал, а таковым пастыром покой дал. Тако бо повелѣваетъ господь, гдѣ к апостолом, се ест всѣм учителем рече: «Вы есте соль земли! Аще же соль

¹ Тут прапушчан выказник «называецца». ² але. ³ пустазелє. ⁴ гэты.

обуяеть, чим осолится!?» Ни в что же будетъ к тому, точною да и ссыпана будетъ вон и попираема человеки. Солью называють всех учителей, яко бо соль заховуеть што ею посолится, абы не прово- няло. Тако и учитель наказанием, поученем и напоминачьем захо- вуеть людей от духовное гнили. Але если того не чинить, повелѣвають господь вон его выкинути и потоптати, яко соль, естли бы одурѣла, або силу свою утратила. Чого жь для непослушни есмо того пове- ления самого сына божиего?

Заисте бы непотребя сего слова мало важити¹. Повинни бы есмо и на оное слово памѣтати: аще слѣпец слѣпца водить — оба в яму въпадетася. Слышиш ли, възлюбленный мой брате, ижъ ты сам гос- подь остерегаеть, абы есь в яму не упал? Упадет всяк, кто ся сле- пому водити допущаеть. Чого жь для от таковых слепцов не бежим? Чому ся им водити допущаем? Смилуйся уже каждый над собою бога для. Въстани от сна, уже пора обачитися. Досить есмо вже спали, коли есмо за справою сих слепцов ни бога знали, ни о спа- сении своем на чим лежить вѣдали. Нехай то был час гнѣва божие- го за грѣхы предков наших, который ся за преданиа, або лепей за сны и стареческие басни, взявши, слово божие были опустили. Му- сило тако быти. Бо и святии апостоли о том прорекли и написали: Наболей Павел, сосуд избран Христов, тако к солуняном пишеть: «Послеть, — рече, — бог дѣвание льсти, вѣровати в лжу, да суд примут вси невѣровавши истиннѣ, но благоволиша неправду».

Розъсмотри, молю ти ся боголюбче, естли ся сиа речь святого апостола, мовлю, вышших часов не збыла? Апостол здѣ пишеть, яко бог мѣл послати дѣвание льсти. Сиа леть чиа быти мѣла? Хиба оного, который еще в раи родителей наших прельстил? А как же тогда прельстил; толко ижъ Евву от божиего слова отвѣл? И ин- шим обычаем ему прельстити нельзя. Докуле бо человек держитя слова божия, дотуле заблудити не можетъ, поневажъ свѣчу, которою собе свѣтитъ, маеть. По оному слову свѣтилник ногам моим—закон твой, и свѣт стезям моим. Але естли тую свѣчу потѣряеть, мусить кождый заблукатися и, яко слѣпец, дороги рукою щупати, яко и апостол повѣдаеть. Прото пророк рече: «аще не был господь Саваоф оставил нам сѣмени, яко Содом убо были быхом». Сѣменем слово божие называють. Тым ти обычаем днавол прельщають. Вѣдають бо, ижъ скоро люди отступять слова божиего, уже все, што он схо- четъ, учинять. Для того и сих часов на тое был привел, ижъ слова божиего учителя не казали. Зачим всякие злы речи в церкви силу взяли? Лечь нынѣ бог милостивый, ужалившыся нас, открыл нам грѣшным слово свое правдивое и что день значней открывають. Учителей ачьколвек зрѣдка вѣрных посылають. Прото годится и нам всѣм мѣтися к тому самым, абы есмо тое неизреченное ласки вдячни были, слово божие обѣма, яко мовять, руками приняли, держали, по ему жили и иных к нему приводили. А ижъ жатва мно-

¹ звяртаць увагу.

га, дѣлатель мало, того для аз недостоиин, от святыя церкви служителей наменьшій, сию книжку от божественных писаний събрах и написах, абы вси слова божия и истины разумениа жаждущии мѣли, чого бы ся и сами учили и дѣток своих научали.

Знаю тое, ижъ бы потреба сию науку достаточней выписати, але тако и час и приумение наше знесло. А ведь же напотом, естли будеть божия воля, может ся ширей у другое управити. Наболей четвертая часть, се ест о святом крещении и о вечери сына божиего, помыслити можем опричную книжку выпустити. Ласка господа нашего Исус Христа с всими вѣрными. Аминь.

Писан у Клецку под лѣты въплощениа господа и спаса и бога нашего Исус Христа 1562, июня 10 дня.

ВАСІЛЬ ЦЯПІНСКІ

(1540—1603)

Васіль Мікалаевіч Амеляновіч-Цяпінскі нарадзіўся каля 1540 г. у небагатай сям'і беларускага шляхціца на Полаччыне ў маёнтку Цяпіна.

Біяграфічныя звесткі аб Цяпінскім надзвычай бедныя. За выключэннем трох судовых працэсаў, якія веў Цяпінскі за сваю маёмасць з сваяком Васілём Скіпарам, з панам Юрыем Осцікам і кіеўскім мітрапалітам Анісіфорам Дзевачкай, архіўныя дакументы іншых даных аб яго жыцці і дзейнасці не захавалі. Дакладна нават невядомы і год смерці Цяпінскага. Але, улічваючы судовы працэс паміж сынамі Цяпінскага за бацькаў маёнтак Цяпіна ў студзені 1604 г., ёсць падставы сцвярджаць, што памёр Цяпінскі не пазней 1603 г., бо ў заяве полацкаму гарадскому суду адзін з сыноў яго называў бацьку ў той час ужо нябожчыкам.

Васіль Цяпінскі пасля Буднага быў другім віднейшым і бліжэйшым прадаўжальнікам культурна-асветніцкай дзейнасці Скарыны. Як і Скарына, Цяпінскі ў сваёй культурна-асветніцкай дзейнасці зыходзіў з агульнаграмадскіх інтарэсаў народа і лічыў, што лепшым сродкам для ўздыму адукацыі і асветы сярод беларускага народа

з'яўляецца пашырэнне на роднай мове кніг, і ў першую чаргу кніг «святога пісьма». Зыходзячы з гэтага пункту гледжання, Васіль Цяпінскі ў 70—80-х гадах XVI ст. прыступіў да перакладу і друкавання на беларускай мове «Евангелія». Аднак давесці да канца распачатую справу яму перашкодзіла адсутнасць матэрыяльных сродкаў для такога мерапрыемства. Здолеў Цяпінскі толькі перакласці і надрукаваць, па яго ўласнаму сцверджанню, «пісаня святога

Матфея і святого Марка і пачаток Луки». Да гэтых трох няпоўных кніжак «Евангелія» ён напісаў сваю прадмову, якая так і засталася ненадрукаванай. Прадмова гэта зараз захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (гл. фонд Погодина, I. I. № 29, лл. 267—270 об.).

У сваёй прадмове да «Евангелія», якая была адным з віднейшых помнікаў грамадскай думкі таго часу, Цяпінскі выступае не толькі як рэлігійны прапаведнік, але і як грамадскі дзеяч сваёй эпохі. Тут ён выказвае свае грамадскія погляды на рад найбольш актуальных і хвалюючых з'яў тагачаснай рэчаіснасці.

І прасякнуты нацыянальнай гордасцю за свой «зацный» і «довстипный» (г. зн. разумны, вучоны) «руски народ», Цяпінскі мужа заклікае да адраджэння былой славы славянства, якая, на яго думку, загасла па віне духоўных і свецкіх феадалаў таму, што яны завязлі ў сваіх асабістых справах і тым самым садзейнічалі культурнаму заняпаду свайго народа. Зневажэнне, ганьба ванне і выраканне роднай мовы з боку адукаваных вярхоў беларускага грамадства выклікае гнеўнае абурэнне Цяпінскага — патрыёта, выразніка нацыянальных і культурных інтарэсаў беларускай народнасці таго часу. Нямала нацярпеўшыся сам усялякіх бед і непрыемнасцей у сваёй барацьбе з «дужымі», Цяпінскі з вялікай павагай і любоўю адносіцца да абяздоленага «посполитого», клапаціцца аб яго інтэлектуальным развіцці і па меры сваіх сіл і здольнасцей дапамагае яму атрымаць элементарныя веды на роднай мове. Палемізуючы з адступнікамі ад слаўных нацыянальных традыцый, Цяпінскі з вялікім запалам адстойвае правы беларускай мовы на шырокае развіццё яе і высокую да яе павагу.

Такая пазіцыя Цяпінскага безумоўна мела вялікае гісторыка-прагрэсіўнае значэнне ў развіцці беларускай культуры для свайго часу, калі феадальна-католическая агрэсія яшчэ толькі пачынала рабіць першыя крокі ў паланізацыі беларускіх зямель. Ён першы выступіў супроць гэтай агрэсіі і, нягледзячы на свае рэлігійныя погляды сацыяліна, якія разыходзіліся з афіцыйным артадаксальным веравызнаннем, заклікаў праваслаўных духоўных і свецкіх феадалаў сумеснымі намаганнямі развіваць нацыянальныя школы і навуку на карысць народа. Рэлігія, на яго думку, зможа садзейнічаць развіццю культуры беларускага народа толькі тады, калі яна будзе вывучацца на роднай мове. Зыходзячы з гэтых меркаванняў, Цяпінскі лічыў, што вышэйшым грамадскім абавязкам кожнага патрыёта павінна быць «улітованне к грубой простоте». Ён патрабаваў ад паноў і духавенства не паддавацца спакусам жыццейскіх інтарэсаў, а клапаціцца аб развіцці нацыянальных школ, якія павінны будавацца за кошт маёнткаў, атрыманых духавенствам у спадчыну ад продкаў паноў «не на марнотрацтва, не на строй и што такога, але дле наук». Школы ж, на яго думку, павінны даваць больш ведаў у параўнанні з сучасным стаіям, калі «на вечный свой встыд толко прочести и то ледво в своем езыку, не болш, учатсе».

Змешчаная ніжэй прадмова В. Цяпінскага да «Евангелія» друкуецца па рукапісу Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

ПРЕДМОВА

*Василей Тяпинский зацной монархии словенской,
а злаца богобойным ласка и покой от бога
отца и пана нашего Исуса Христа*

Рад покажу мою вѣру, которую маю, а злаца¹ народу своему рускому. Ты се оным давним вѣком славною, предков своих умѣтностью², покорне, яко довнимаю³, подтвердятъ, а если есть в чом блудна, оны то поправят: ведь же держу же не

¹ асабліва. ² уменнем. ³ спадзяюся.

иначей, одно з Евангелии, от бога через Христа пана и его апостолов поданое, которая есть сума закону божего, которая з словенского абы им теж и их власным езыком руским в друку вышла.

И о тое, маючи пана на помочи, несмысленым або красамовным выводом, не залецаными, ани часу угажающими словы, але, яко сприязливый, простой а щирый, правдиве, вѣрне, а отвористе, з зычливости ку моей отчизне, — поневажь которым бы то властней учинити пристоело: митрополитове, владыки и ни хто з учоных через так многий час не хотѣли, — з убогое свое маетности¹ народу моему услугую, на которой и теж при ней и на именовану, хотя ж то было невеликое вжо дле накладу², а злаща книг старих давних на розных и не близких месца доставаючи, — над то еще в минулыя лѣта тяжкие дороги дле друку и потреб тому належачих подымаючи, а праве все до того зачинаючи знову, — ач³ вельмим столь ведь же пред се и должачисе, ибы ми теж ижем то не влох, не нѣмецъ, або не доктор, а ни який постановеный межи попы. Але з чого бы мѣли пана з выкриканем фалити и радоватсе, же з их з посредку русин их им своей Руси услугующий, бы ми, мовлю, яко то призвоито⁴ бываетъ, и такую невдячностью, взгардою, а некоторыя, вместо помочи або дяки, и зазростью платити хотѣли. Не одно ми тое все для моея повинности и ку ним зычливости не есть прикро, але и овшем за ласкою пана бога, вдячно, стареючися о их збавенное, а на остаток учыстивое и зацное, хуть и упреимость сердца моего им показывать, и то ку фале божией кончить.

Вжо бо а еще, хотя ж то не без большое трудности пришло, ижь двема езыки за раз, и словенским и при нем тут жо руским, а то наболший словенским, а злаща слово от слова, так яко они вси везде во всих своих церквах чтут и мают; не одно для лѣпшого их вѣри, же се не новое што, але их же властное им подаеть, але теж и для лѣпшого им розсудку, над то и для их самих цвичення⁵, в том не леда⁶ учоном езыку словенском евангелия — писания святого Матфея и святого Марка и початок Луки есть в той убогой моей друкарни от мене им выдруковано.

До чого, абы первой сами и их детки смыслы свои не яко готовали, острили и в вѣре прицвичали, тым часом тот катехисис, а который сами зданем своим, яко довнимаю за речь исте потребную естли не зараз, вжды⁷ з своим часом, узнають, им вперед подаю. Ова их охотными и хутливыми ку можнейшим наукам в слове своем, ку статочному⁸ розсудку и ку умеетности пан учинить и взбудить. А то не без великое се потребности чинить, тая бо тепер межи ними яко устала, яко загинула; обачиване речей жалосных кгвалтом слова до уст гонить.

Бо а хто богобойный не задержать, на такую казнь Божию гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в та-

¹ гаспадаркі. ² друку. ³ хоць. ⁴ прыстойна, адпаведна. ⁵ навучання. ⁶ не абы як.
⁷ усѣ-такі. ⁸ здароваму, цвѣрдаму, пастаяннаму.

ком зацном руском, а злаща перед тым довстипном, учоном народе езыка своего славнаго занедбане а просто възгарду, с которе за по-каранем панским она ясная их в слове божьем мудрость, а которая им была, праве, яко врожоная, гды от них отишла, на ее мѣстыце на тых мѣст такая оплаканая неумеетность пришла, же вжо некоторые и писмом се своим, а злаща в слове божем, встыдают!? А наостаток, што может быти жалоснейшая, што шкарадша ¹, иж и тые, што се межи ними зовуть духовными и учителя, смѣле мовлю, намней его не вмеют, намней его вырозуменя не знают, а ни се в нем цвичат, але и ани школы ку науце его нигде не мают, зачим в полские або в иные писма за такую неволею, немало и у себе и дети, не без встыду своего, бы се одно почувли, немалаго запра-вуют?

Тут бых я им их же хоть одного, з мнозства личбы оных славян Иоанна або Григория, которых дле великое, не толко в своем, але теж и в розных езыках, науки и дла вдячное их вымовы аж золато-устыми звали, бы были живы, рад их взял себе за причинцу до них в том, а наостаток за светка им тое речи. Естли б бо тепер были, запсте зуметь бы се мусели, видечи, яко окраса и оздоба народу их в потомстве их отнята а просто загинула; которим о як же бы потреба се стареть ² о уликоване самих над собою. Гды бо бы, не ре-кучи в часы давние, посмотрели, яко то был зацный, славный, ост-рий, довстипный ³ народ их в умеетности и яко многократ посторон-ние учоные народы их мудрость мусели похвалять и овшем се от них учить.

Але бы хоть самое писмо свое, тетраевангелия ⁴ и апостола сло-венского, которое, могу мовить, перед тисечею лѣт от нѣкоторого з словян выложено, а которое не одно в их, але и по всѣх церквах: сербских, московских, волоских ⁵, бульгарских, харвацких и иных чтут, уважали. Исте, хто бы хотел а умел тот выклад чести, обачил бы иж цѣлевал, а снать ⁶ и за собою оставил. Тот муж, наш милый словенин ⁷ латынских и иных толмачов яко властне слова з грече-ского выкладал, иж трудно зрузуметь, чи болшь греческий або сло-венский язык умел.

И бы не было болшь, тогды и оттуль досыть знак немалый маем, як пред тым словяне, которым а што может быть прироженшого одно не Русь, был люд довстипный, а естли бы пак ⁸ еще се корот-кости не фолкговало ⁹, а злаща бы были в читанью писмь своих оних беглийшими, то есть же бы се неплонно ¹⁰ им приводило.

Бы были, мовлю, што се там пишеть паметниками о их довстипе и острости, якие оны синоды з папою римским и з иными памети годные мевали, яко мнозства людей к вѣре з блудов выдвигали и яко в розмаитых езыках учоными были; к тому, яко живот свето-

¹ найбільш брыдка. ² старацца, турбавацца. ³ разумны, вучоны. ⁴ чатырох-евангелія. ⁵ малдаўскіх. ⁶ значыць. ⁷ падразумяваецца Кірыл, вынаходца славянскай азбукі і перакладчык святога пісьма на славянскую мову. ⁸ аднак, зноў жа. ⁹ не уступалі, бераглі. ¹⁰ не дарма.

бливий вели, яко теж межн собою злых и фалшивых в вере братов знашали, лечили, направляли; яко зась учителей своих¹, водле науки слова божего, светобливим малженством от иных отделили, и их тым оздобеных всим народом и верам и понине ку прикладу, праве, яко свечу, чистостю малженства светячую были показали, — было бы што заисте² широце о них выписовать.

Але только один явный, ясный а вечное памети годный, приклад их припомню, а который и без писма всим вѣдомый, значный а праве видомый есть. Яко они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гойным³ даром были от пана оздобени, же не рекучи мимо папу римского, але и мимо оных часов наущенных народов в Либии, в Антиохии, в Пентаполнии, Сыцылии, в Месопотамии, в Палестыне, в Финиции и инде. Яко то и на око бы се усмотрѣти могло и у нам недалеких влохов, немцов, поляков, французов, ганкликов⁴, гишпанов, а коротко мовечи, над всих на свете християнских народов, в слове божьем прозрѣвши, сами одни только того были доказали, же, подлуг науки апостольское, своим влосным языком от так давного часу слово боже выложили, имели и нам зоставили. В чом иные вси народы их прикладом, ледве се аж за тых наших веков обачили и до того, и то не без малого забуреня и ображеня, пришли, же слово божее з латинских и иных писмь своим теж языком прирожоним перекладати и читати почали.

Але дал бы то пан, иж бы вы, каждый от себе, о зацные панове, котори есте той речи якобы отцами по таких фалебных предках своих позастали и на мѣстьца их вступили, поневаж в том або жадное помочи люцкое дле греху нет, або только вы сами тому з милости ку отчизне вашей помочи бысте могли, гды ж простота человека бедного посполитого⁵, на вас очи завжды удавала и удаст и за вами идет.

В тую потребу отчизны ваше, в простоту грубую про недастаток науки братии ваше прикладом своим милосерным, если есть што милости братерское у вас, — гды ж межн всими люцкостями ничого не есть так власного, а злаща богобойному человеку, яко уливание, которим указуем по собе неякое подобенство добротливости божее, а наконец, дле заплаты себе от пана вечное, — тому народу вашему, неуметностью заведеному и утрапеному⁶, допомагаючи, митрополита вашего, владык и учителей ваших до того прозбами вашими вели, же бы не подкупов, не посулов дле поседаня столиць один перед другим, не до животей и привильев, один над другого обварованейших⁷, але слова божего сами се учили и других з маетностей и именей от ваших предков им не на марнотрацтва, не на строй и што такого, але дле наук наданых. Ова⁸ бы ку науце, — леч не такой, яко тепер на вѣчный свой встыд только прочести и то ледво в своем языку на болшь учатсе, — школы заложити и науку слова божего, от так много лѣт занедбаную, выдвигнути

¹ маюцца на ўвазе Кірыл і Мяфодзій. ² сапраўды. ³ шчодрым. ⁴ англічан. ⁵ простага. ⁶ забітаму, прыгнечанаму. ⁷ больш замацованых. ⁸ вось.

братыи вашей хотели и усиловали. Которих я не одному которому, але всим и з с тою потребою отчизны ваше богапоной пилности, ростропности и верности поручаю и зоставую, просечи пана, абых был готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если через ваш ретунок будет выдвигнена, з вами и з нею выбринуть.

А тут вжо конец речи моей чиню¹, которую замыкаючи, и то в жалости моей мовлю, если на тот час за нашу невдячность милосердья бы божего не было, тую казнь от нас отдалити. Злаща тепер наокол видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так суть попсованы, иж не может быть ничего так добре поведено, на што бы потвар² не могла быть учинена, а ни теж жадин³ от того, чого се раз хватить отступить не хочет, абы се не здал в чом поблудит. Еще теж ижъ посполите бываетъ, же живого человека в дарех, а злаща своего або себе знаемаго, люди скромне и без образы зносить не могут. Прото абых и при правдивой повести зостал и злого мни-маня ушол, не мовлю всих, але таких ни усиною прозбою, ни плонным забеганем, а ни лагодными и прибавляющими доводы спирати хочу, але учинивши повинности своей досыть, мусим до маестату⁴ божего отозваться, перед которим вси стати мусим.

А в том ничего не вонтьпим⁵, же оный справедливый судья речь нашу пофалить, хотя ее так неприятели взгаржаютъ и выкидають.

А тепер побожного читольника дле Христа просим, естли мни-мает⁶ в нас быть што выступного⁷ або з стороны науки, або з стороны нас, абы того не приписовал нашей злости, але люцкой крѣвкости а не умеетности, а иж бы дле Христа отпустил. А естли ж тая рѣчь есть не мала, в которой нам вину даетъ, нехай нас не соромитит, але нас нехай в том християнске напоминаеть, бо естосмы готови и зь Иоаном Крестителем здробнети, абы пан Христос рос.

Наостаток, всих побожных дле Христа просим, абы жадное васни⁸ не мели против тым, которие нас щипанемъ, ожиганем преследують, або иж бы и зь Ияковом або Иоаном не жадали спущеня огня з неба дле забореня господы и месца у них слову божему и овшем водле науки Христовое. Нехай им всего добра зычатъ, а з нами нехай за них пана бога просят, абы се упамятали а збавени были, и иж бы сами себе не зазрели так великое ласки божее зь их же имь достоинствою и зацностью зачинающее. Аминь.

¹ У рукапісе на л. 270 ёсць прыпіска: «Перед тисечею лѣт з геврейского ветхый, а з греческого новый завет, то есть всю библею, што ж иных або толковых писм, их предки выложили и в своих церквах власным езыхом своим и понине оставили, а они тепер не толко в геврейских, в греческих, але и в словенском своем умеетности стратили». ² ганьба. ³ ніякі. ⁴ трону. ⁵ сумнявацца. ⁶ думае, мяркуе. ⁷ адхіленага. ⁸ варожасці.

ВАРКАЛАБАЎСКІ ЛЕТАПІС

другой палавіне XVI ст., побач з традыцыйнымі літаратурнымі жанрамі, у беларускай літаратуры ўзнікае новы жанр — мастацка-гістарычныя запіскі, або мемуары. Сваімі знешнімі рысамі гэты жанр нагадаў шматлікую і шырока распаўсюджаную ў свой час, а цяпер паступова адыходзячую ў мінулае, летапісную літаратуру.

Як і ў летапісах, у мемуарах строга захоўваўся храналагічны парадак перадачы тых або іншых звестак, хваляваўшых аўтара, многа ўвагі ўдзялялася апісанню стану надвор'я, не заставаліся па-за ўвагай аўтара і значныя грамадска-палітычныя падзеі яго часу. Але круг гістарычных падзей у мемуарах значна вузейшы, чым у летапісах. Аб'ектам адлюстравання ў мемуарах у большасці выпадкаў з'яўляюцца толькі тыя падзеі, якія непасрэдна звязаны з асобай аўтара. Аўтар тут выступае сам у ролі расказчыка аб бачным і перажытым, пагэтану эмацыянальная насычанасць мемуараў звычайна большая, чым у традыцыйнай летапіснай літаратуры.

З мемуарнай спадчыны Беларусі XVI ст. да нас дайшлі «Запіскі жыхара сяльца Баркалабава» (Баркалабаўскі летапіс) і «Дзённік» Фёдара Еўлашэўскага.

Баркалабаўскі летапіс ахоплівае час з 1563 да 1608 гг. У параўнанні з «Дзённікам» Еўлашэўскага ён дае больш звестак грамадска-палітычнага жыцця сваёй эпохі. Але ў апісанні грамадска-палітычных падзей аўтар летапісу не заўсёды бывае дакладны. Ён часта блытае даты падзей, імёны цароў, епіскапаў і да т. п. Гэта дае падставу меркаваць, што аўтар летапісу быў міранінам, чалавекам, які блізка стаяў да земляробчай працы і быў далёкі ад разумення гістарычных падзей свайго часу.

Аўтар Баркалабаўскага летапісу да гэтага часу не высветлен. Спробы ж некаторых даследчыкаў прыпісаць аўтарства летапісу Аляксею Мсціслаўцу або Фёдару Магілеўцу не маюць пад сабою дастатковых і бясспрэчных падстаў.

Арыгінал Баркалабаўскага летапісу зараз захоўваецца ў Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве (фонд Сінадальнай бібліятэкі № 790).

Урыўкі з Баркалабаўскага летапісу друкуюцца ў хрэстаматыі па выданню М. В. Доўнар-Запольскага (гл. Университетские известия, № 12, Киев, 1898. Прибавление, стр. 1—38).

За господаря кроля Жикгимонта¹, за митрополита Иону, за владыку полоцкого пана Хребтовича, за держанем пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а пан Иван Чорный был городничим, место Могилев засели люди прихожие на Леткове, к Печерску идучи, то вотчичи — Сухоч, Бутак Андросович, около места прихожие люди селяне с Княжич, з Головчина, з сел многих; которые сели за Дубровною, то буйничане и голынчане селяне, также и з Радивонкович. Бо первой было село Радивонковичи, а потом Буйничичи — старые села давние; а которые сели на слободе на Гривце, на берегу около Кошоваго, коло Десятиныя, продки их з Смоленска пришлые смоляне, то ест Гаврило Дристуи, Иван Беляй, Максим и иных много, также Овтушко Богатый, — тые вси з Смоленска пришли. Лета 1526 болший замок заробен и принято много горы Могилы, на который теперя замок Могилев стоит по на горце Могиле, назван Могилев. Почавши от Днепра, идучи подле Дубровны аж и за Печерское на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкое было, а Буйничичи село княженье можное² держало: князь Крошинский, князь Мосалский, пан Бакулаб, пан Солтан, пан Филон и иных панов много...

Барколабов

По взяти Полоцком за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкаго Варсонофия Волоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почтивые послуги, за сильное горловане³, за нелютование здоровья, и нежаловане маенности⁴ у справе рыцерской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухом, на грунте лесном, на врочищу, прозываемом Брус, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людем прихожим за волею божиею и за благословенством людей духовных заложил замок именем своим Баркулабов року 1564.

Такъже соорудил храм святаго духа а другой престол рожство господа нашего Иисуса Христа и посветил его року 1568. За владыку Варсонофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа⁵, за пана Баркулаба и за врядника его Раковского села Вендорож, Куты, Ловечы, Будища людами прихожими засадили, а потом в том же Вендорожи року 1586 во великий пост церков святаго Покрова сооружена и пспу вендорожскому его милость князь Богдан Соломерецкий тую церков отдал, бо тая была первой парафея баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Феодора Филиповича Могилевца...

¹ маецца на ўвазе польскі кароль Сігізмунд I Стары (1506—1548). ² моцнае, уплывовае. ³ храбрасць. ⁴ маёмасць. ⁵ Сігізмунд II Аўгуст (1528—1572).

Року 1576 наехал, албо взято Стефана Батуру¹, княжа Семиградское, на крoлевство Полское. Тот господарь король Стефан Батура, княжа Семиградское, праве был человек побожный, рыцарский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того ж року корону принял, а Гендрик² король с крoлевства полского утек до своей земли.

На початку от него новый календарь украдоватися почал; прето немного лет и на свете мешкал³.

Пан Баркулаб Иванович Корсак, староста дисенский и ротмистр крoлевский, войт дисенский, рыцар и военник добрый, славный, замок Дисну, замок Вороници, замок Леплю, замок Чашники—тые вси замки по взятию Полоцком веспол⁴ с паном Романом Ходкевичом сами и з своим людом позакладали⁵ и места поосажали людами добрыми. А потом року 1576 месеца августа 20 дня в понеделок у вечере дву годин в ночи пан Баркулаб переставился⁶ на старостве Дисенском в замку Дисенке, а погребено честно⁷ тело его у месте Виленском у церкви святыя богородицы...

Москва Могилев выжгла в Петров пост

Року 1580, господарь король Стефан был под Псковом и взял город Псков⁸, а Москва, то ест Серебрёный, з немалым войском, место славное Могилев выжог; там же у краи Шклов, Копысу, села велми выпустошили такъже и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля тых замков не подходила ани рушила; а в Боркулабове князь Чарторийский Иван⁹ з войском своим на тот час был, так теж и Темрюк со тристами войска татарского при нем был у Баркулабове, на тот час и сторожу у Новоселках московскую поймали; а потом Темрюк и князь Чарторийский князь Иван, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поймали у Новоселках, то ест на имя Ивана, и князь Иван Чарторийский зехал от Шупень, дорогою великою шкловскою до Могилева тягнул, а Москва под местом Могилевом места жгут, а Темрюк з Баркулабова дорогою могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войском притягнул, а войско литовское у Шклове стояло. Тепер же от Могилева почали отпирати с трех сторон: Чарторийский от Шупень, Темрюк з Баркулабова, войско литовское з Копыси, из Шклова, Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было трупу московского гледѣти, реку Днепр сильным трупом язовища¹⁰ загородили, иж колко не-

¹ Стафан Баторый, польскі кароль (1576—1586). ² Генрых Валуа быў каралём у Польшчы пасля Сігізмунда II Аўгуста два гады, потым тайна пакінуў польскі выбарны трон і вярнуўся на радзіму ў Францыю, дзе стаў французскім каралём. ³ жыў. ⁴ супольна, сумесна. ⁵ заснавалі. ⁶ памёр. ⁷ з пашанай. ⁸ Звестка аўтара не адпавядае сапраўднасці. Акружэнне г. Пскова Баторыем адбылося ў 1581 г. і паспеху не мела. ⁹ зяць Баркулаба Корсака, жанаты на яго дачцы Еве. ¹⁰ рыбалоўная застава на рацэ або сажалцы.

дель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, для великого гнюсу трупы московского.

Року 1579, пан Андрей Гудовский, урядник баркулабовский, собравши войско немалое пешаго и конного люду триста с паном Филоном и з его милостью князем Богданом Соломерецким, старостою кричевским, а надо всими тыми войсками люду учтывого¹ яко шесть тисечей пан Андрей Гудовский гетманом был; под Смоленском и Рославлем так места выжгли волости, села попустошили; под замком Смоленским мощно и охотне штурм мели, толко не дал им господь бог его достати, албо выняти²; з ласки божое з добычею великою до домов своих здоровы з доброю славою приехали...

Року 1583, месеца септеврия³ 8 дня, его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его к(о)р(олевской) милости с под Пскова, по взятню, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у стан малженский⁴ за себе взял, а веселе было у месте Виленском...

Того ж року 83, праве о светом Петре, албо на самый день Петра и Павла⁵ святого у Головчине робили, пруд сыпалы. Якобы о полудни у месте Головчине у брони остроговой сильный и великий гром забил 12 человек, а трех человек не знашли, не ведет где ся поделали, если вода занесла, албо песок засыпал.

Того ж року многа множества страшных и великих чудес господь бог оказати рачил: ⁶ перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосы жито посхло, многия дома панов зацных от перунов великих погорели, зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, также и купецких померло. А лете великий жар был: жито, яри, трава, также ярины огородныя все погорело у Литве, а звлаща⁷ около Менска, около Вилни, люди убогия з хлеба на Русь давалися — молодцы⁸, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило...

Року 1586 веснѣ у великий пост пан Михайло Гарабурда послом на Москву ходил. Оттоль вывез примиря⁹ на год двадцать, а мешкал на Москве аж до семое суботы, а приехавши у Литве умер.

Того ж року на святаго Юря мороз а снег у колена выпал. Тогды на Фоминой недели люди овсы, ячмени сеяли, а пред се был урожай добрый. Того ж року пан любенский и пан троцкий умер, а пану Лву Сапезе волость пана Любелскаго досталася.

Року 1583 календар новый выдан за кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха, бо перед тым был ротмистром, и век свой зжил. На тот же час было великое замешание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго,

¹ шанюнага. ² узяць, захапіць, вызваліць. ³ верасня. ⁴ шлюбны. ⁵ Гэты дзень царкоўнага календара прыпадае на 12 ліпеня. ⁶ пажадаў. ⁷ асабліва. ⁸ хлопцы. ⁹ перамір'я.

похвалки¹, посварки, забуйства, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли, — праве было начало пристья антихристова, у таком великом замешанью. Того ж часу почали у во Лвове, у месте Виленском, у Берестю школы науку выдавати, братерство якоесь установляти и тым закон и веру утвержати, за патриархи не кажут бога просити, ани его упоминати, толко за папежа²; тепер же почали сеймы — соборы чинити и до них изежчатися...

Року 1586, месеца декабря 4 дня часа 9 о полудни, великий король полский Стефан Батура, княжа Семикгородское, переставился, а поховано у Кракове.

Року божого нарож (еня) 1586 взято на кролевство Полское кролем королевича швецкаго.

Року 1587, зима была велми снежная, морозы силные, метелицы великие, так же и весна велми неуставична³ была: редкий день минул без снегу, аж до святого Юрья, а Юрей святой был 2 недели по святе; а потом на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: великие дожди квалтовные дома подрывали, верхи позносили, яко через всю тую ноч не засыпали люде, по полям у пастухов статки градом побило, а в лесе деревем, у князя Головчинского много стирт з житом перун пожог, по селам статки мало не вси побив град по полям...

Року божого нарожения 1587 месеца июня 7 дня послы шли московские до Варшавы кроля обирати на кролевство полское по смерти кроля Стефана: боярин и наместник коломенский, великоперимьский Стефан Василевич Годунов, боярин и наместник коломенский Феодор Михайлович Троекуров, ярославский печатник и ближний дяк господарский Василей Яковлевич Щолканов, думный дяк Дружина Паньтелеев Петелин. На том же сейму варшавскомничого доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали⁴ на Максимилиана, цесаря христианского, Литва вотовала на князя московского, кролевая вотовала на королевича швецкаго, и затым розехалися, не постановившиничого доброго. На том же зезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на том сейме невинне забитых сем сот голов. Были теж на том сейму з многих и далеких земель, то есть от царя турецкаго, от князя московского Ивана Василевича, от Максимилиана, цесаря христианского, от кроля швецкаго; всех тых было з розных украин послов двадцать. Конвакация⁵ септебря 20 дня: пана Кишку послали послы по королевича швецкаго Жикгимонта Третего, с которым кролевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсот.

Року божого нарож. 1588 взято на кролевство Полское королевича швецкаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на вознесенне Христова. Того ж часу и тело кроля Стефана поховано.

¹ пагрозы. ² папу римскага. ³ няўстойлівая. ⁴ падавалі голас. ⁵ сейм для прызначэння караля.

Прето што ся почнет не з благословенства божого и старших панов господарей наших, а за призволеньем белых голов, не много господь бог помогает и грады множит, албо покой дарует. Тепер же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалось отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую¹, на веру християнскую; оставивши голову Христа спасителя нашего, показывают и становят на то местце старшим головою Петра и насветшаго папежа. Были войны розные великие Зыкшмилем (з Мокголем) Волоским, з кролем шведским, з козаками запорозскими, праве, згола² якобы мало не пуста земля была. Так же у збожью неурожай, голоды великие, дорогов силная, поветрие³, моры, лета непогодныя незрожайныя, праве на все недобро и неспоро было стало...

Того ж року 88, у месте Виленском там у тых краях, так же у Кieve и на многих странах великий мор был. Того ж року 88, от семое суботы аж до Рожства Христова велми великая была непогода и неуставичность: в лете дожду не было, а у восень снегу не было, толко вѣтры а дожды, у восень о святом Покрове велми поводок великий был, аж под лугом пошла, праве яко на весне велика была, а до Рожства Христова у Днепре вода прибывала, из берегов выливалася.

Року того ж 88, месяца генвара 18, после святого Афанасия на третий день дожды великие были, аж снег согнало, праве было яко на веснѣ: пастухи на бор с статками погналися на паству, а потом за недель три знову зима лютая...

Року 1590, были козаки запорозкие Матюша с полком, Голый с полком, у Могилеве аж до Минска приставство по волостях брали, а кривды шкоды не чинилы, толко жонок охочих, тых намовляли и заклинали, абы з ними на низ ишли, и взяли з собою жонок и девок, яко двести поголов...

Того ж року 92, сталося великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую; почали соборы помесные чинити, то ест у месте Виленском братство навчонных людей до себе на поратунок прибавили з места Лвовского Григория Раготинца, Стефана Зизания. Тые силную и великую войну з рымляны мевали, не толко на ратушах и при рынку, по дорогах, но и посредку церкви святое войну, потарчку⁴ великую мевали, яко ж им господь бог против их упоров великих измышленных уставов и законов николи не помог и не поможет. Тепер же почали от господаря кроля до архиепископов с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посылати по всех градах.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестю Литовском на рождество Иоанна Предтечи был собор, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкаго Терлецкаго, нижли⁵ на том зьезде ничего доброго не вчинили, на который собор и его милость князь Богдан, староста

¹ правослаўную. ² зусім, цалкам. ³ эпідэмія. ⁴ палеміку. ⁵ але.

кричевский и олучицкий, посылал попа своего баркулабовского Федора Филиповича...

На день святого Иоанна рожства¹, в понедельник, вбежал отец митрополит в место Берестко. Службы тогда при нем было архимандритов, то ест именован з монастыра Супресля, на имя отец Исаия Великая Борода, з Бытенино монастыра пана Тризны игумен Паисей, диякон Игнатей, а архидиякон Калист, архимандрит лаврешовский Геднон Бролиницкий, архимандрит городненский, архидиякон Осаф, господина митрополита дворный Григорей Иварнович, протопопа Нестер з Городна, иных много множество — архимандритов, игуменов, протопопов, попов. Того же дня было читано козане от владыки володимерского Патея о ржествѣ Исанове душеполезно. По казаню зошлися. Того дня митрополит был на обеде во отца Патея. Во второк службы божии не было, толко поведал казане тое ж владыко володимерский Патея о пастырах: аз есм пастыр добрый, душу свою полагаю за овца, — видит волка грядуще и прочие. Того ж дня владыко луцкий приехал со братие своею.

Того ж дня на том же козаню, коли пытал владыка володимерский туж всех стоящих во церкви, мовячи: «ели добре ест читано, албо зле?» Весь собор рек: «добре». Тут же стоячи подле, слово рек владыце володимерскому на оча некто Валериян Палисвет, иж дей, отче владыко, ты читаеш зле, то ест противу себе читаеш. В тот час и того ж дня было во церкви великое забурене и замешане, аж Полисвета тако вон с церкви вывести. Того же дня по обеде козали Велирияна поставити сред монастыра пред собою вес собор и пытали его тыми словы: «Што ты за потребу мел мовити до мене во церкви? Мов ты со мною тепер очивисто² пред всеми». Тогда Валериян, принявши благословенство от всего збору, рек: «Ото чесный светый архиепископе и твоя светыне, нас добре учиш, а сам зле чиниш, малых робят неразумных у попы ставиш, а от них по осми коп³ береш». В тот час был посред монастыря великое замешане и посварак, аж Валерияна, бивши и мардовавши⁴, во багаделню в ланцуг казали посадити.

Во среду скоро по взатрени козали звонити на збор. Собравшимся светым отцем во церков, напервей отчинили царские врата, запалили свечи, поставили налой на онбоне, положили евангелие разгорненное. Митрополит сел на особливом месте, владыки на особно, архимандрити на особливом месте, также архидияконы, протопопы, игумены, священницы, братства на особливом месте, также панове, бо их мало было. Слышали, иж римляне⁵ будут. Напервей рекли: «Амин». Потом рек архидиякон велегласно⁶: «Встанте, встанте, встанте! падши ниц, молитву, молитву мовити о пришествию святого духа на собор сей и на люди сия!» По сем пытали

¹ З гэтага абзаца пачынаецца дадатак да апісання Брэсцкага сабора 1590 г. які ў рукапісу знаходзіцца на лл. 14 об. — 16 об. і прадстаўляе сабой устаўку да адпаведнага месца. ² асабіста відавочна. ³ капа азначала лік 60. ⁴ мучыўшы, катаваўшы. ⁵ прадстаўнікі каталіцкага веравызнання. ⁶ гучна.

владыки всех, мовячи, на што ся тут собрали, албо зъехалися. Тут если бы были иноверцы, тут же бы почали о вере гадатися¹. По опыте онем², иж се не было с ким годатися, туж показывали кривды свои, кому от кого деетьсе. Потом подавали листы и жалсбы братства на владыку лвовского Болобана. Потом, тут же во церкви стоячи, дал жалобу отец владыка володимерский Ипатей на владыку лвовского Болобана, иж дей позвов от митрополита посланных не принял и попа посланнаго до него казал збившы втопити. По сем львовяне и Виленско братство право свое братское туж покладали, яко они братство моцне мают и где школы братские мают мети. Потом листы от многих панов до митрополита и до всех владык писаных подавали, так жалобных. Потом был вечер, хлеба ести разошлися.

Во четверток тую справу справовали: которые листы на кого показывали, на который бы мели вырок³ отдати и их проклятию поручити.

В пяток вырок выдали, иж маем в недѣлю прокляти владыку лвовского, также архимандрита и попов его. Того ж дня подан был лист от арцибискупа Станислава з Незна, абы мы сами тако ж и вы соборов жадных⁴ не чинили без битности его корол. милости. В тот час было забуреня и плач всем великий.

В субботу постановлене творили — церковное правило, яко се мают справовати во церквах, и со крестами за Муховец реку до монастыря вси отцы ходили, там же было дивно зрети.

В недѣлю по службе божей было выволане и проклинане владыки илвовского, также и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно велми то поведати, яко се там деяло. Тут же сидячи отец Михайла митрополит⁵ показовал лист писаный от велможнаго княжати Соломерецкого через посланце его.

В понеделок духовное право было з великим жалем, иж маят ехати вес собор до его королевской милости о всех справах.

Второк розехалися з Берестя; митрополит ехал до монастыря Супресля...⁶

Т Был сенод у Берестю рок 1596 месеца октоврия 16

ак се деяло на день зъезду зложено октября по-старому, а 16 по-новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засесть и духовенства до господы княжати его милости воеводы киевского⁷ до каменицы пана Роского, отколь посылали до митрополита двох особ от духовных, а двох с кола рыцерского, ознаймуючы, иж се зъехали на сенод, абы ознаймил местце, на которое бы ся сходили з ними для намов, тому часови належачих. Он отказал, иж еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего

¹ размаўляць. ² гэтым. ³ прысуд, прыгавор, пастанова. ⁴ ніякіх. ⁵ Міхаіл Рагоза.
⁶ На гэтым канчаецца ўстаўка. ⁷ князя Канстанціна Астрожскага.

дня четверга 7 октября отложил. И прибита была карта¹ от него в церкви соборной мурованой, там местце схоженю ознаймуючи. В том часе мел быти ему дан позов духовный от отца Никифора, ексарха², посланого на то от Гаврилия, патриархи Костентинопольского, абы перед ним становился назаутрее для усправедливеия в таковых выступках, в чом будучи от кого-с перестережоный, митрополит и владыка крылися у господе ксендза бискупа луцкого. Того дня не рано у середу прибыл до Берестя его милость пан воевода троцкий³, и зараз был у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдил, иже ест послове от его королевской милости на тот сенод з его милостью паном канцлером и паном подскарбим, которых же немаш, абы се тым его милость не ображал. Тую обмову его милость кгда княжа в коле поведил, тым вси были ображени людским повоженьем, же их милост знати не дають и не давали и стерегли уплыненье ся часу синоду. Синод зачали того дня. На самым року маршалка обрали духовные, также поселств с килку поветов слухали. У четверг заседали княжа воевода киевский и з сыном княжатеи, воеводою волинским, велми рано на свитанью до его милости пана воеводы троцкого, а были там годин зекгаровых⁴ болш пяти под полудень. В тим приехал пан канцлер с подскарбим и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали и знову толко ж час немалый сами стравили. От себе слали послов до митрополита шесть особ с кола рыцарского, 6 особ духовных, 6 послов з места, давши до него мовене, и на писме доложивши в нем, абы часу не зволочил, а з ними зышолься и намовил. Кгда ж тот зьезд толко народу рускому зложон, дознавши его быти, и тых владыков⁵ отщепенцами оных за пастыров не мети, а иных обрать, а их зложить старатисе будуть, если о себе справы певное не дадуть публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоять.

Тых послов поткало княжа, — вжо ехали до митрополита⁶. Тые послы митрополита зостали вже в панов сенаторов менованых. Которому кгда так поселство веселое прочитали, просили о цедулу⁷ тую; одно ей им не дано. Тые вси пришли от митрополита безотказу, обещаючи своих послать, яко зараз и прислали пана Прецивица, кашталяна⁸ каменецкаго, пана Шуйского, третего каменецкого инстикгатора⁹. Тые до княжати его милости шырокими словы реч учынили о том поселстве, иж то з господы вашей милости ровне яко отповедь, обо декрет яким был послан до митрополита, ображаючисе тым о то, иж им того там писма не зоставили: кгда ж они головного по того зьезде местце его кр (олевской) милости поведаячисе быти конклюзыи¹⁰ одной, одное справы без их милости

¹ аб'ява. ² намесник, упаўнаважаны. ³ князь Мікалай Радзівіл. ⁴ гадзіннікавых. ⁵ Кірыла Тарлецкага, Іпація Пацея, Ляонція Пелчыцкага, Дзіанісія Збаражскага, Гермагена. ⁶ Міхаіла Рагозы. ⁷ маецца на ўвазе пісьмо епіскапаў да караля, у якім яны давалі сваю згоду на унію з каталіцкай царквой. ⁸ службовая асоба высокага рангу, нахштатт губернатара. ⁹ пракуратар. ¹⁰ заключэнне, патрабаванне боку ў судовым працэсе.

быти не могла. Княжа учинил обмову, иж там был у их милости, однак держачи то от их милости всих, же што колвек чинили, то бачне чиним и при них стоить и стояти будет; потом розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничым ображають: «Мы вси маем ся тым ображати от тых здрайцов наших, которые то наварили и от тых, хто им того помогаеть, вжды терпливе зносячи явную кривду, на бога помсту и оборону положив». Потом поведил пан Гулевич, человек досыть добре годный, маршалок обраный, иж не княжа его милость, але мы вси послали, а княжа его милость ест яко одна персона. Если их милость и оные послы поведили, же-х мы не до вас посланы, але до их милостей княжат, а до новокрещенцов и евангеликов, не мем жадное справы. На тот час где они будут, там ничего слушного постановлено быти не может. Он теж поведал: «я теж вас не прошу, абысте який отказ чинили от мене». Княжа теж оповедаючисе вобец¹, же ничего без них в той справе чинити и мовить без их милости не хочет. Потом по малой хвиле прислали их милость, же сами хочут быти у княжати.

И приехал пан воевода троцкий, пан канцлер, пан падканцлерий и ишли на упокой до княжати. По годинь мають быти у княжати, прислал до кола, иж хочут их милость быти у вашей милости, а то вже было смеркшисе; чекали на них килка годин. В том образившысе тым вси, иж так долго на них чекают, кгда ж не вем, о чом намовы сами з собою чинят: zde идет о всих нас и сумнения нашего. Прирекши у пятницу о 14 године зъехатисе и речи зачатый кончити и разъехалисе, а гурмом з нареканьем. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу, а гук немалый теж был людей.

На завтрее в пятницу по мене прислав пан подскарбий и иных собрав до себе, там же напоминал: а што ведать, якую с того потеху, обещаючи на потомные часы, ведучи до згоды; чого а николи в нас не мог зеднати з отказу, же мы не хочем быти таковыми, яко там тые отщепенцы. Он мне отказал: ваша милость не смееш пана воеводы смоленского. И на том заплатил², жем не от его милости приехал, але сам от себе.

Потом ехалисмы до кола до братии. Там же была инструкция поселств, читаных зо всих земель и поветов, земли Волынское, с Подоля, с Подгоря, з Руси, из Литвы, зе Лвова, с Киева, с Премышля, с Пинска, же много их плачом были порушони, у послов самых привилев браты их; указовано, колко постановеных порядков патриарха костентинопольского, а по тым часе от королей их милостей конфърмованых³ доводов. За се на писме, што ведать, як много указалосе на митрополита, як писал до людей листов зашитых и отвористых, упевняячи их, иж не ведает, ани мыслит о том отщепенстве. За тым реченье мовены были, не быти им послушным,

¹ разам, сумесна, наогул. ² адказаў. ³ довады, якія абапіраюцца на догматы царквы.

от духовных. Теж декрет на писме был наготован, коли пан каменецкий и з ним княжа воевода волынский от панов послов его крол. милости, абы с кола рыцарского было высажено депутатов чтыри, а з духовных чтыри. Также много они своих не ведаючи, иж до добрых речей хочут се зносит, до чого далися намовити, еднок не инде и на иншом месте, одно там же, где смы заседали; в другой избе варовавши¹ собе тож, абы их депутаты в жадную се реч без ведомости всего кола не вдавалися; але поданные, от них слышавши, до кола принесли. Там панове сенаторове дали невинне нашим латине. А потом скоро казанье вчинил на две године княжа. Наши килку посланцов слали, зовучы своих до себе, что обачивши сенаторове казали му кончити.

И пришли наши. То ж што-с мы розумели, принесли нам, иж хочут згоды, абы папежа головою признати, календарь принять. На то собе не дали наши реч ани слова, отказали до них через пана Древинского и пана писара володимерского, иж на то зезволити не могут з многих причин на тот час, аж не всим порядком тако верячы и неслушным поступком зачалися о направи в речах духовных, с так малою частью людей духовных ничего становити не могут; але папеж нехай с патриархами о том намовит, або порозумене вчинившы сенод зложат и о том становят, а мы без старших своих духовных о том и мыслити не хочем. Тыи принесли орацыи² до них, жалосно учинено, упорными зовучы. За тым декрет от того наместника патриархового оферован. В том ноч зашла.

В субботу скоро смы се зешли до кола, декрет патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по-руску читано, переложено з кгрецкого, барзо словы пиенкными³ и досыт жалосными. В том пан канцлер литовский⁴ прислав до мещан виленских, зовучи их до себе, которые пойти не хотели до их згоды. Тот же им отповедал, иж того з жалем и со клопотом уживете, — што они светчили в коле. Пан маршалок теж наш усказал до пана канцлера, иж есте, панове Литва, стратили, — тым преводим не мало панства до Полски. В том зараз от пана канцлера и от пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстикгатор каменский с килку слуг их, припоручаючи у тридесяти тысечей золотых оного екзарха, посла патриаршеского, зовучы его шпекгом з Белгорода и до того Стефана и попов зовучы их выволанцами⁵. На што княжа им отказал, иж не толко ве тридесяти тисечей золотых, але и в килку кроть сто тысечей приймую и на сейме их становити будут, а там се откажет, если слушне выдают выволане на людей невинных; а хто слушне заслужил, на того не выдают; а коли колко был, а вказувано на то и грека, тот отец Никифор Азар Протасый, сей яко бы первоседалник по патриарсе, пытал, што то за кголк; поведал му по-грецку, иж его препоручают. И став на лаве, упросивши, поведал, иж тот сам здрайца, хто мене здрайцою подоймо-

¹ забяспечыўны. ² прамовы. ³ прыгожы, цудоўны, добры. ⁴ Леў Сапега. ⁵ выкліканымі ў суд.

вает, духовный жены детей нимаш, абых се ме того поддоймовать для набытя маетности; але и свое острадал для имени Христова; але тые сами сут здрайцами, иж крадут християн, подмовляюот, розные причины найдуют. И вказал привилей свой всих чтырех патриарху посланныя его в тот край зо всякою моцью, яко бы сам патриарх был доброволного приеханья на сейме, обещающысе ставити, яко и станет.

Так же княжа его милость, жалем будучи порушоный, вказал до пана канцлера и до пана подскарбего, иж нехай королем его милостью не грозят, бо он весть, яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна; але нехай их милость мовят, мне грозят сами собою; если што мают до мене, ставлюся их милости всюды, где ми кажут.

Потом прислали князя Шуйского из другим якимсь лецком¹, иж в нас згода доходит в костеле, если воля вашей милости быть там з собою помоч быти. Поведил, же зараз пошлем. Десять человек с кола рыццерского, десять особ духовных, десять послов мещан выправлено, або протестацыи осветченье вчинили, — на то не зеволят. И возные² были з княжатем и енералов килка. Которые кгды приехали до костела, там их до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; они теж ехали назад з великою жалостю. А то было в субботу вже не рано. Того дня княжа воевода волынский, волынцов и подолян мело быть не мало у пана подскарбего на обеде, и не были там, будучи тым барзо ображоны. Протестацый не принято в замку нъяких наших. Митрополита и владыков праве кгвалтом, слыше, примушаю до присяги. Они просили для бога на отложеньи до сейму, але арццбискуп лвовский, бискуп луцкий, пан канцлер их упевняли ласкою кр. его милости, обещаючи то им, привели их до присяги, а там же митрополит з четырма владыками присягнул на старшинство папезу, на календар и на артикул, иж дух святой от отца и сына походит и на едность костела. И зараз в неделю езуита. в соборной церкви служил имшу³, а Скгарга казане поведал, а Потей службу служил у костеле в Рожейского олтаря. Там же у олтаря руского, где служил римлянин, в келиху вино у кров барзо шпетную⁴ смродливую обернулася, же тот езуита непоживал, а у олтаря римского у Потей вино обернулося у простую горкую воду.

Там же у Берестью нашолся был человек якийсь простый, который великие речы мовил, же страх слов его людей преникал, бо Писмо все на память знает; штось дивного, певне не тот, што мел у голову заходити, и напоминал, абы люде своей веры мощность держали. Тых лотров⁵, митрополита, их владык не видали, бо их не пустили римляне. Того ж дня в субботу зараз с костела пан воевода троцкий приехал до княжати, пожекгнал⁶, жалуючи незгоды и

¹ з палякам. ² урядник, абавязкам якога было вызначенне винаватасці каго-небудзь, разноска позваў у суд і назіранне над выкананнем судовых прыгавораў. ³ абедню. ⁴ брыдкую, агідную. ⁵ нягоднікаў, вырадкаў, разбойнікаў. ⁶ развітаўся.

ехал до Чернавчич. А мы в неделю вси разъехалися, заварши¹ то и запечатовавши и подписавшисе до того писмом, албо универсалу его кр. мл. послалимы; ужили пана Гулевича, маршалка, а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годных: праве два евангелицы, а третий новокрещенцов...

Лета божого нароженя 1595, месеца ноябра 30 дня в понеделок за тыдень перед святым Николою, — Севериян Наливайко; при нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц²... Место славное Могилев, мѣсто побожное, дома, крамы, острог выжгли, домов всѣх яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жен, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличонных побрали с крамов и с домов. Тут же войско литовское пана Радзивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули люду рыцарского коннаго збройного: татар 4000, литвы 14000. Над тым людом был гетманом на имя Миколай Буйвид. В той час Наливайко лежал у Могилеве две недели.

Услышал о том Наливайко, иж гетман з великим людом и з делами до Могилева тягнет, тогда Наливайко з могилевского замку на гору Илинскую, где тепер церков святого Георгия стоит, бо на тот час не было, выехал. А так войско литовское на поли Буйницком, имену велможного его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругом оступили. Там же зранку аж до вечера, яко бы вже к вечерни звонити час, межи собою битву мели, яко ж Литва з войском великим натискали на войско Наливайкино. Пред се один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, так дѣл³ и гаковниц, пулгаков велми при себе множество мел, также люд свой отаборив конми, возми, людом, шол моцно. Яко ж з дела с табору Наливайкины козаки пана зацного пана Григория Анюховского забили; первей коня под ним застрелили, а потом, выпадши с табору, козаки его самого розсекали. Тепер же Литва от козаков отступивши, до Могилева на болший луп⁴ поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова аж на низ. Литва за казаками гналася аж до Рогачева, да ничого згола не вчинили козаком; а литва и татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вилни, набравшися тутешнего краю лупу.

По выеханью казаков и литвы, тогда было зиме ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна аж до месеца мая до святого Афанасия снегу не было.

А иж козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замком и паном украинного замку. Того ж року 95, з войском литовским погонивши в селе Лубни, на речце Суле, козаков побили. Первей Савулу стяли⁵, Панчоку чвертовали. А Наливайка Северина, поймавши по семай суботе, до кроля послали, там

¹ закрыўшы. ² гармат. ³ гармат. ⁴ грабеж. ⁵ засекали.

же его замурававши, держали аж до осени святого Покрова; там же его чвертовано...

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве в семую субботу с полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви боркулабовское дочка жи-довки Марьямки, арендарки боркулабовское, именем Стирка; и пилне слезне упадала и просила священника боркулабовского Фе-дора Филиповича для бога, абы была прекрещена у веру христиан-скую. Яко ж порадившисе с паны постронными, з боярми, землян-ми, з шляхтою и з урядником баркулабовским паном Федором Плетинским, наупоминаучы писмом святым и приводячи ее до па-мети, если правдиве маеш тот умысл христианкою быти ни для малженства, абысь мела за которого человека христианского за-муж пойти, албо для лакомства маетности, али правдиве. Оная жидовка именем Стирка тыми словы отповедала, стоячи пред церковью пред всѣми зацными паны и пред народом христианским: иж дей я, панове мои, вже давно з молодости моея, а правдиве дей вже полтора рока, яко сама ся на то позволила, просячи со слеза-ми господа бога, и кладучи честный святой крест, ложачися и вставаючи, на лица своем, абы мне дал то видети, христианкою зостати; с хутью¹ и з великою радостью того прагну Христову веру мети. Яко ж назаветрии в день сошествия святого духа з народом божим и много мноштво панов шляхты людей учтивых, так мужей яко и жен и детей, яко ярмарочного часу крещена была, у ваннѣ погруженна, и названа во святом крещении именем Елена. Того ж дня matka ее Марьямка с криком, с плачем, для бога просечи, при-ходила тут же до крестилницы, падаючи просила, абы ее не кре-стившы пустили, обещаючи за то великий поклон и подарок дати. Яко ж нѣкоторые мещане видели многое чарованье оное Марьям-ки, што она поганскими чарами египетскими дочке своей чинила: яко была везена до их милостей князей до Буйнич, оная Марьям-ка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы распустив-ши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, прокли-нала, обема рукама назад кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была...

Новины в. м. ознаймую, которые ми в тую пришлую среду, праве вседаючому на рокош² с Подляша мене дошли. Препис з листу слов власных до мене писаного в. м. выписую. Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з ро-кошаны проиграли, што королевской милости пришло людей трид-цать тысячей чужеземского на помоч. Который надею великую маючи а до того рады злое услухавши, легце себе важечи³ панов рокошан, которых не было болш над пят тисечей, хотев их смерти, але они плац отрымали. Хотя з obu сторон не мало пало, але ед-нак стороны нашей чужеземского люду немцов не мало пало. То уже битва была по выезде моем с Подвыслицы, зачым тут наши

¹ жаданнем, ахвотай, схільнасцю. ² шляхецкае паўстанне супроць палітыкі ка-раля. ³ значачы.

мазурове и подляшане и иных воеводств бегут заразем за ознаймением от тамътоль от панов депутатов, як на квалт¹, яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октября на выезде моим тые новины принесены...

Року 1600, месеца септевриа² 18, в четверток пан Ян Варшавский, также его милость пан Лев Сапега, канцлер литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточного князя Василия Годунова³ послами ходили, и з ними княжат панов зацных множество и мешкали на Москве недель 20. Тамо ж приняли примире на год 20...

Того ж року у самую у восень не по обычаю месеца септевриа 17 дня у волторок от западу сильный великий гром был в нас и по всим сторонам велми сильно гримел, также и блискане молони было; а в ночи мороз и вѣтер был, а тое было прознаменованне — напредѣ будеш читати рок Христа 602, 603: великие болести, хоробы, так же войны великие, голод, неврожай сильный, было поветрие албо мор на людей перехожих, множество на низ⁴ идучих; около тысец 4000 з голоду мужей и жен детей пошло, так иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мертвых многих тела ели.

Року 1601 великая война была у Вифлянтех с королем шведским за Жикгимонта Третего. Того ж року запорозкие козаки у Швеции были, да ничего не помогли, толко великую шкоду господарю вчинили, бо место славное, место богатое Витебск завоевали, мешчан побили, панны поплюгавили⁵, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незличеные скарбы побрали...

Року 1601. Тот был неуставичный: то ест почали жито на хлеб жати голодные люди пред Уськновением главы святого Иоана Предтечи, а в копы почали жито жати на святого Симеона Столпника; и то было зерня велми мякко. А дожали жито перед Покровом за 2 недели, бо дожд уставичне шол недель 12. Яр почала высыповатися о святом Петрѣ, а по святом Покровѣ за две недели почали яр жати; и то было зелено. А потом после святого Симеона Столпника октября 4 дня снег великий выпал; прето што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горох, боб, то все снегом напало, и великую яри шкоду учинило. Згола было всему не добро, як збожю, также и людем; а предсе цена збожю средняя была...

Того ж року 1601, месеца октября десятого дня, цѣлую неделю снег сильный и квалтовный ишол, выпал до полголени; также и буря сильная была. Тогды пшеницы, ярицы, овес, гречиху, горохи и вси овощи, великое множество ярицы на полях непожатые, также и копы жатые снегом позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледети и выповедити уздыханя и плачу людей убогих, пашников немаетных. А так лежал тот снег 2 недели аж до Дми-

¹ насілле, павіннасць. ² верасня. ³ Барыса Гадунова. ⁴ у Запарожскую Сеч. ⁵ дзяўчат гвалтавалі.

травы суботы; яко ж з великих морозов река Днепр был замерз, и ездили по нем яко серед зимы. А потом за ласкою всемилостивого господа бога для плачу и великого уздыханя снег растал и река Днепр расплынулся. А потом почали жати — горовати по снегу у стужу. Были теж морозы великие, огнь клали, сами грелися; иж страшно и жалосно было гледѣти: три — два человека на ден ледво снопов 40 нажнут овса албо ярицы, бо велми к земли прилегло. Люди убогие, як на весне жали — горевали, але вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое збоже травили; маки, горохи, бобы, просо, репа — то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знак, а коли змелет, спечет, — то у печки испечется, а з лопаты у печ не зложит; с печи аж ополоником выберет. Также и жито велми было не умолотно; а коли муку житную у хлебе спекут, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется. У восень роли и жито сеяли которые старым житом, то предсе ни во што, а которые житом новым сеяли, тые не жали. Яко ж две доле тых людей было, которых оралы и не сеяны были... А тот гнев божий был и непогода, почавши от Менска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пропойска, до Рогачова, Могилева, Любошаны.

Потом у Речицы, в Лоеве, в Киеве аж на Волын добрый врожай был. А так потом много множества людей убогих з голоду на низ з жонами и детками и з семею, што иж страшно было не толко видети, але трудно было и выписати, то ест з верх з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з иных многих украин. Того ж року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многим людем поморозило кому ногу, кому палцы, другому вид, уши, нос, а другие з морозу померли. А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму хоронили. Хворых, голодных, пухлых много множество, — страх видети гневу божого. А так при великих местах человека по одному у яму ховали, священники проводили.

Там же которые ишли на низ, тые вси там померли, мало се зостало. А так мерли одны при местах, на вулицах, по дорогах, по лесах, на пустыни, при роспутях, по пустых избах, по гумнах померли. Отец сына, сын отца, matka детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местах, по селах розышлися, один другого покидали, не ведаючи один о другом, — мало не вси померли. А коли тот наход у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыном, сын с отцом, matka з дочкою, дочка с маткою, брат з братом, сестра з сестрою, муж з жоною, тыми словы мовили силно, слезне, горко, мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месец, звездухно, дай крошку хлеба!» Тут же подле ворот будет стояти зраня до обеда и до полудня, так по просячи: там же другий под плотом и умрет... А коли варива просили, тые слова мовили: «Сподарыня,

перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитяку варивца сырого!»...

Року божого нароженя 1603 были козаки запорозские — некий гетман на имя Иван Куцкович. При нем было люду козацкого яко 4 тысячи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей коп 50, жита мер пятьсот, яловиц полтораста, кабанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пятьсот, сена воз триста.

Того ж року 1603, в месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволюство: што хто хочет, то бронт¹. На тот же час был выездый от его крол. милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бо они некоторого квалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выездчого от его крол. милости приносил один мещанин на руках своих дѣвчину у шести летех змордованую, зквалчоную, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети. На тое вси люди плакали, богу сотворителю молилися, абы таковых своеволнников вечне выгладити рачил².

Потом по Иване Куцку был гетманом Иван Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у во Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всех местах. А на Волыню, на Подолу, у Кieve там на тот час жолнери³ лежали, которые з Волох выехали, яко десять тысяч; в тых в сих краех приставство брали.

Так же у Менску и по всей Литве там жолнери татарове, которые выехали з Швеции, по тых местах приставство брали. Яко ж в тых роках 600, 601, 602 великие сильные были незрожай, так же голоды, поветрее, хоробы, бо в летах тых бывали лѣтом великие морозы, сильные грады... Тогды всего того насеня в Кieve, на Волыню куповали, и то потросе; ледве можный⁴ огород засеял, а на поли по лядах, по нагноях, ништо не бывал, албо редкий сеял, бо насеня ярнаго каждый мало мел. А коли козаки запорозкие назад на низ отсоля выездчали, тепер же великую сильную шкоду по селах, по мѣстах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Так же коней много з собою побрали. Один козак будет мети коней 8, 10, 12, а хлопят трое, четверо, жонки албо девки две албо три...

Того ж року 605 якийся знашол у краю Низовом, а звлаща у дворе князей Вышневецких якийсь Дмитр Иванович царевич; яко ж бывши при дворе их милости панов радных и собравши войско немалое люду низовского и козаков запорозких, так же люду руского множество, с тым людом поехавши, Стародуб, город московский, узял, лысты по всей Москве розослал, поведаяючи себе быти царя Дмитра Ивановича Московского, которого еще малого яко бы мел Годун стратити, нижли страшно и до царя Годуна прине-

¹ робіць, свавольнічае. ² патурбаваўся. ³ салдаты. ⁴ магчымы.

сено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было сховано и на Украину Низовскую было вывезено. Яко ж о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаех и поступках и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписати, яко ж история о нем ест написана по достатку у других летописцах. Яко ж не по малом часе оный Дмитр Иванович з людом взявши град Стародуб и Москву осел, а Годуна с царства своего Московского согнал, и не ведати где ся Годун подел. Яко ж Дмитра Ивановича познавши его Москва по давних знаках царских, был корунован царем вместо в отца своего Ивана, царя московскаго на Москве. А хотя ж и коруновали его, пред се не мели со собою доброе и зуполное згоды; одна Москва приймавала его за царя, а другая не приймавала; тут же промежи ними была силная и великая незгода и посварок и велми о нем штось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчком радили, о чем наперед услышите...

Того ж року 1606 Дмитр Иванович, будучи ему коронованому церем на Москве, не порадившися, ани пытавшися сынов боярских, по своей ему воли, по своей мысли, послав и змовивши панну зацную за себе у пана (Мнишека) ¹ воеводы сондомирского в Полци; яко ж оные послы, змовившы панну, привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, такъже з ним много множество добрых, зацных панов и паней и панянок зацных шляхетных. Яко ж того року 606, было веселье на Москве и было при том веселю литвы, руси и поляков и волынцов, поведали яко сем тысящей выбранцов, коштом великим выбранных, в злате и серебре, в жемчугу, у каменью дорогом, иж того ум человеческий сказати не возможет. Яко ж потом веселю за колко дней, албо недель Москва вся, забравшисе и змовившися межи собою, в ночи без вѣсти безпечне, грозно вдарили на палац самого царя Дмитра Ивановича и на вес почет его, так литву, русь и поляки и на пана сондомирского.

В тот час побито от Москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцерскаго, панов зацных шляхетных, также зацных паней, панянок; тым всим великое насилство, посмеване, што их злый умысел мыслил, то чинили; плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тых людей учтивых, а самого царя Дмитра не ведати где ся он подел. Одны поведали, — убит, а другие поведали, — жив утек, о том ништо на тот час певное ведомости не мел, а самого пана сондомирского не згубили и з дочкою его ² до вязеня посадили. А которых на тот час панов не побили, тых множество люду служалого, яко убогих, так и богатых полупивши ³, шаты ⁴ добрые з них собравши, брони поотнимавши, нагих, босых за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикрости литовские и насмеванье полское сталося им, иж был збудовал царь Дмитр ку воли жоне своей

¹ У рукапісу прозвішча Мнішака прапушчана, мабыць, аўтар дакладна і не ведаў яго. ² Марынаю. ³ парабаваўшы. ⁴ адзенне.

на Москве костел полский и мниши служили службу божую, а з русских церквей великое насмеване чинили, попов московских уруговали, з них ся насмевали, — мели то себе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своем, абы была вера ляховитинская¹; бо в них того от веков не бывало, ани хотели того во царстве своем мети. Прето их побили, помордовали и с царства своего Московского прочь выгнали, а себе на царство царем помазали Шуйского. Потом того ж року 606, господарь король полский Жикгимонт Третий послал гонца своего о том до Москвы пана Яна Кгенсевского; и того там же на Москве посадили, и седел тот гонец много.

Того ж року 606, месеца июня 5, почался починати якийсь рокош. Там же на тот рокош зьеждчались панове руские, пруские, жомонитские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, зголо² от всех земель и поветов панове велможные, панове зацные, всяких вер, всяких языков. И стоял тот рокош у Сондомиру месяцев шесть. Яко ж там тот край выгубивши, выпаливши, опустошивши от Покрывницы две миле, и не учинивши и не постановивши ничего доброго у восень о святой Покрове розехалися проч...

Того ж року 607, месеца мая после семое субботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову Гору³ якийсь Дмитр Иванович; менил⁴ себе быти оным царем московским, который первой того Москву взял, и там же оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа шкловского именем... дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришол, также у священника Федора Сосиновича Николского у селе дети учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господу⁵ у Могилеве у Терешка, который проскуры заведаль при церкви святого Николы. И прихожувал до того Терешка час не малый, каждому забегаючи, послугуючи; а мел на себе оденье плохое, кожух плохий, шлык⁶ баряный, в лете в том ходил. А коли были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышол. Там же у Пропойску были его поймали, во везеню седел. А потом пан Рагоза, врьдник чечерский, за ведомостю пана своего его милости Зеновича, старосту чечерскаго, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу московскую пустил, со слугами своими его пропроводил. А коли приехал до Москвы, то ест Поповы Горы, там же его Москва по знаках царских и по писаных листах, которые он, утекаючи з Москвы по замках написавши, давал, — через тые уси знаки его познали, иж он ест правдовый певный цар восточный Дмитр Иванович, праведное солнце. Тут же почали радоватися, в шаты, убиоры коштовный одѣли; потом конного люду семьсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Крычева, до Менска и до всех украинных замков, абы люде рыцерские, люди охотные до онаго

¹ вера ляшская, г. зн. каталіцкая. ² амаль. ³ раённы цэнтр Бранскай вобласці, цяпер называецца Красная Горка. ⁴ уяўляў. ⁵ кватэру. ⁶ шапку.

Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповой Горы оный Дмитр Нагий, сей мнимый царь московский, осел замок московский Стародуб. Тепер же почался люд гулящий, люд сволный — скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймит з Мсти-славля до него пришол. На тот час на Москве царем князь Андрей Шуйский¹. Тогда, собравшы войско Дмитраш, и почал войну творити з Москвою и с князем Шуйским, нижли одны москвичи признавали его царем быти и самая Москва и вси болшие бояре московские, — и инья многая Москва, которая первой его добре знала быти царем московским: ино дей якийсь вор московский, а другие поведили быти и называли его так — плут. И так до оного Дмитра Нагого Москва писала быти его таким — царь вор, Гришка Отрепич, рострыга.

Потом зас явился другой царь на Москве именован Недведок. Тот Недведок з людом немалым сам передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Тепер же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска силные. Отсея з Литвы, Руцкий з ротою, Лисовский, Велемовский, Сапега и иных много, а знизу² роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; там же волынских, подолских зацных панов з ротами, а с Полци пан Стадницкий з ротами великими. Там же на Москве в тот час бог ведает, што ся там деяло: места, замки малые выплендровали³, але под столицею все лето стояли, много штурмов утратили, — недостали. Там же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали, — хотя купцы, и тые жолнерами себе поведали быти; яко ж оные жолнере и вси купцы, которые там на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведает: якость дивне у войску справует, иж дей у ночи не спит, толко убравъшися во платье леда каковое то...

¹ Васілій Шуйскі. ² з України. ³ абрабавалі, раскралі.

ФЁДАР ЕЎЛАШЭЎСКІ (1546—1604)

гісторыю літаратуры Фёдар Еўлашэўскі ўвайшоў як аўтар дзённіка, матэрыялам для якога яму служылі багатыя асабістыя ўражання, звязаныя з яго юрыдычнай дзейнасцю навагрудскага падсудка, а таксама назіранні над навакольным жыццём свайго часу. Праўда, назіранні гэтыя ў сваёй большасціносяць мясцовы характар. Багатыя палітычныя падзеі Беларусі таго часу не знайшлі ў дзённіку Еўлашэўскага дастатковага адлюстравання; аб іх ён толькі гаворыць між іншым. Тым не менш дзённік Еўлашэўскага дае багаты матэрыял для характарыстыкі быту, культуры і светапогляду шляхецкага саслоўя, прадстаўніком якога з'яўляўся і сам Еўлашэўскі.

Біяграфічныя звесткі аб Еўлашэўскім надзвычай бедныя. З яго дзённіка вядома толькі, што нарадзіўся ён 7 лютага 1546 г. у сучасным горадзе Ляхавічы ў сям'і небагатага шляхціца. Першапачатковую адукацыю Еўлашэўскі атрымаў дома, якая, па яго ўласнаму сцверджанню, складалася з ведаў «рускай» і польскай граматыкі і ўмення чытаць яўрэйскія тэксты. Астатнія веды ён набыў пазней, калі займаўся практычнай дзейнасцю пры дварах тагачасных магнатаў. Тут ён навучыўся рахункаводству, юрыспрудэнцыі і набыў некаторыя веды па філасофіі. Сучаснікі паважалі Еўлашэўскага за яго розум і, нягледзячы на яго параўнаўчую беднасць, знатныя паны даручалі яму весці свае судовыя справы па ўсіх інстанцыях, нават у сеймавым і ў задворным карацкаўскім судзе. Здольнасці адваката прынеслі Еўлашэўскаму пашану сярод суайчыннікаў, і яны выбіралі яго на розныя грамадскія пасады.

Па сваіх рэлігійных поглядах Еўлашэўскі быў прыхільнікам, але не паслядоўным прадстаўніком, моднага ў той час пратэстантызма. З дзённіка відаць, што ён нярэдка знаходзіўся ў палоне рэлігійных забабонаў, верыў у існаванне «лятаўцаў» і «інкубасаў» і лічыў, што іх існаванне выклікае рознага роду «повітря», г. зн. эпідэміі, верыў у лёс чалавека.

У сваіх грамадскіх поглядах Еўлашэўскі прытрымліваўся пераканання, што знатныя паны маюць ад бога даную ім перавагу над шляхтаю. Вось чаму ён асабліва паважаў сваіх паноў, у якіх знаходзіўся на службе, і з гордасцю заяўляў аб сваім званні слугі Хадкевічаў. Сваю ж земскую судовую пасаду, якая даставалася яму па выбару як члену незалежнага і паўнапраўнага саслоўя, Еўлашэўскі ў такіх выпадках не прымае ў разлік. Што датычыцца палітычнай арыентацыі, то трэба адзначыць, што Еўлашэўскі быў прыхільнікам шляхецкага патрыятызму і падкрэсліваў гэта ў сваім дзённіку. Памёр Еўлашэўскі ў 1604 г.

Урыўкі з дзённіка Еўлашэўскага ў хрэстаматы друкуюцца па выданню В. Антановіча (гл. «Киевская Старина», т. XIV, № 1, Кіев, 1886, стар. 128—160) з копіі дзённіка, якая знаходзілася ў той час у бібліятэцы Інстытута Асалінскіх у Львове. Арыгінал дзённіка захоўваўся ў той час у рукапісным адзеле бібліятэкі графаў Патоцкіх у Вільянаве каля Варшавы.

Самоу пану богу мому зо всяких добродѣйств его насветшое милости нех застава вечна честь и хвала, за которого презренем¹ и я, Федор Евлашевский, уродилемсе от выше помененых родичов моих в Ляховичах в року² от нароженя сына божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, в неделю, ночи пришлое³, около полночи, а дано ми име ведля⁴ свята руского, которое было на он час в понедѣлок, мѣсеца февраля 8 дня, а у римлянов положено ест мѣсеца марца 2 дня — Теодора, гетмана от Лициниуша змучоного. А яко мелом ведомость от родичов, же в рок по уроженю моем, промовилем до отца моего «абба», з чого се они урадовали. Але я намней⁵ потом не мовил, аж в польчварта⁶ року от нарожиня моего почалом мовить. А в пятом року почато мне бавити⁷ наукою рускою, кгда ж в тых часех в той нашей стороне не было еще иных наук, и для того пришло ми зостати з рускою и полскою наукою, и по жидовский написати умелом. Але тое письмо их потребуе умеетности⁸ языка ебрайскаго⁹, або хоть немецкого, кгда ж вже тепер библия жидовская немецким езыком, а литерами их выдана, чогоб полским езыком учинити бы се не могло для ортокграфей, якей в иных языках не маш. А потом, удавши се на службу, трафяли¹⁰ ми се таки паны, которые ме¹¹ оборочали¹² до браня поборов¹³ и чиненя личб, порозумевши на то з натуры способного. И пан бог был завше¹⁴ зо мною.

А потом, за наступленем и поднесенем¹⁵ войны от короля его милости Жикгимонта Августа¹⁶ з кнезем Иваном московским¹⁷, року 1564 мѣсеца генваря 27 былем в битвѣ на Ивановым полю над рекою Улою. А потом то и до вприкренья¹⁸ были ми частые язды на тые войны: а яко от тераз¹⁹ упатрую²⁰, мало потребные, бовем²¹ же и Речи Посполитой пожитку не веле²² те войны приносили, а мне паметне зостали для утерпеня великих пригод, трудностей, шкод и невыповеденых невчасов. Самому пану богу хвала, же ме зо всих их выбавять, а праве на некоторых местцах чудовне охранять рачил²³, давши ми, праве, у вшитких²⁴ людей вдячность, ласку и учинность²⁵ над надее мое. А неприятелей, которые некгды з задрости повставали и головы свои подносити хотели, значными плякгами²⁶ отврачаючи, а упорных и дивными припадками з света зглажаючи, жем²⁷ тою, праве, толко ласкою божою не толко убезпечоный, але и розпещоный²⁸ будучи, никгдым се ку оборонѣ от неприятелей моих не готовал, ани-м се за слова их брал, очекиваючи власне помсты божой, котра теж никгды не омешкала²⁹. А некгды

¹ воляю, жаданнем. ² у годзе. ³ наступнай. ⁴ паводле. ⁵ больш. ⁶ у палавіне чацвёртага. ⁷ забаўляць, вучыць. ⁸ умения, ведаў. ⁹ яўрэйскага. ¹⁰ трапляліся. ¹¹ мяне. ¹² арыентавалі. ¹³ хабараў. ¹⁴ заўсёды. ¹⁵ аб'явай. ¹⁶ Сігізмунд II Аўгуст, кароль польскі з дынастыі Ягелонаў (1548—1572 гг.). ¹⁷ рускі цар Іван IV Грозны (1530—1584). ¹⁸ прыкрасці. ¹⁹ цяпер. ²⁰ бачу. ²¹ бо. ²² многа. ²³ жадаў, турбаваўся. ²⁴ усіх. ²⁵ чуласць, паслужлівасць. ²⁶ бедствамі, няшчасцем. ²⁷ што. ²⁸ распещаны. ²⁹ не замаруджвала.

и ве мне самым аж плач и велике порушене в духу чинила. Уважаючи так вшехмоцного и великого бога, незапаметане мне, межи незличоним людом, яко робачка малого, и непожаловане тратити можнейших¹ над мене ку обороне моей.

Року 1565 мешкалем² в месте виленском, выбираючи побор³ названный покгловный, где-м мел великую втеху, слушаючи слова божого ве зборе христианском за министров вчоных: Вендрокгорского и Костеницкого. А противным зась обычаем зналем великую ласку мужа годного памети, кнезя Яна Маковецкого, архидиякона варшавского, кустоша⁴ и каноника⁵ виленского, писаря в скарбе короля его милости, который ме барзей в те то личбы вправил и доброго ме пожитку⁶ набавил и веля людям в знаемость подал и залецил⁷, бовем на он час разность веры не чинила наймнейшой розности приятелской. Для чого самого тамтот⁸ век золотым ми се видил от нинейшого веку, кгде юж и межи одной веры людьми облуда все аступила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре заховане, а навенцей⁹ межи свецкими станы. Помню бовем и недавно прешлых часов, когды дисейший папеж Клеменс еще кардиналом был у короля его милости Стефана¹⁰ в Вилне, седилем у столу¹¹ кнезя Балтromeя Недызвицкого, каноника виленского, з преднейшими¹² слугами влохами¹³ его. Тые же се кгде довели, жем евангелик, дивовались барзо¹⁴, яко ме смел кнезь каноник на обед свой взывати. А кгде им он преложил, же в нас з того жадна¹⁵ ненависть не быва и милуемосе яко з добрыми приятылы, хвалили то влохи, мовечи, же ту бог живе, а ганили свои домовы права а роднии неснаски¹⁶. О бог бы то дал, абы и тераз ласкавше веки наступить могли, жебы¹⁷ хрестияне, хоть в частях або обычаех веры порозне ни, але еднак хрестияне, преложеного¹⁸ и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, в лепшим пошанованю мели, а од него, яко от отца мудрого и ласкавого зношони и миловани были, прикладом отца домового, который сынов своих и розных от себе и от другой братии в обычаях зносити умел.

1566 року, в осени, поветре¹⁹ кгвалтовне в месте Виленском было. Мешкалем под ним не мало, бачечи там доктора Сепреза и инших каноников и людей розных, которе теж в тим поветрю живо zostали были, а маючи от помененого доктора, пересторогу²⁰, межи иншими речами, абым се перелякненя варовал²¹, кгде ж се и покусы в поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебым шедл против тому безпечно и до броне се мел, и то мело згинути. И так я юж²² будучи в себе постановеный, едучи з Вилна до дому, мяновите в Дорогове, в стодоле²³ ночуючи, обачилем юж на

¹ мацнейших, больш здольных. ² жыў. ³ падатак. ⁴ службовая асоба пры кара-леўскім двары, якая загадвала дзяржаўным скарбам. ⁵ ігумен. ⁶ карысьць. ⁷ рэкамен-даваў. ⁸ той. ⁹ найбольш. ¹⁰ Стафан Баторый, польскі кароль з 1576 да 1586 гг. ¹¹ за сталом. ¹² вернымі, адданымі. ¹³ малдаванамі, або румынамі. ¹⁴ вельмі. ¹⁵ ніякая. ¹⁶ нелады, звадкі. ¹⁷ каб. ¹⁸ змегнага. ¹⁹ эпідэмія. ²⁰ засцярсга, па-пярэджанне. ²¹ засцерагаўся, пазбягаў. ²² ужо. ²³ свіран, гумно.

свитаню в избе огнистого челоуѣка, до которого гдым се порвал¹, он теж до мене выступовал и, зшедши се серед избы, порвалем в запалем нож и ударилемъ нань², а он, зникнувши, знов се был в тым же куте указал и знову до мене шел.

А я шапку рутилем³ нань и окно отворилем; юж малый день был, а то згнуло. А там в избе был господарь з жоною и пахолок⁴ подорожный, але того не слышели. Потом балем⁵ се ехать до дому, розумеючи, жем се заповітрил. И тых там умыслилем был бавить⁶ се длужей, до чого се теж и причина налезла: згнула ми была ручница⁷ коротка з олстром⁸ з воза моего в стодоле, о которой выведане копным⁹ обычаем чинилем, а вшитким впродь то видене мое поведалем. Обачили потым ручничку мою над возом в самом верху завешану, аж драбину з веси¹⁰ принесши, знято ю¹¹. Затым невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кгдым ей мовил о том виденю, же се бою, если бым кгде не заповітрилсе, бовем и в Новокгородку было поветре, она ми рече: «Не бойсе! Не поветре!» Але указавши недалеко свой домек, «з окна, — поведила, — видедам завше¹², яко лятавец¹³ приходит до той ту невесты господарской». И так за ее отухою¹⁴ ехалем до дому, где за ласкою божою зе вшитким здоровым былем. Одно ж потом ве три чверти року припадать ми почало в спаню за яким колвек злякненем душе не прикре барзо. И меновали докторове ту хоробу инкубусом. И лечено ме на то на розных местцах, але хоть юж не так часто, яко зперву было, однако же през увесь живот мой почувалем я в себе той припадок...

Року 1565, а веку моего 21, были летом у короля его милости Жикгмонта Августа послове великие московские, то есть на имя: Федор Иванович Колычов, наместник суздальский, человек з ним 728, а коней 922; Григорий Иванович Накгой, дворецкий, людей з ним 269, а коней 384; Василей Яковлевич Щолканов, дьяк або писарь, людей з ним 228, а коней 332. Сумма всих людей 1225, а коней 1638, з которыми о спокою¹⁵ ниц¹⁶ се не постановило¹⁷. Тое же осени король, его милость, был з войском в шику¹⁸ под Радошковичами.

Року 1568 по сойме¹⁹ Кгороденском и по зезде воинском ехал король, его милость, до Люблина для сконченя уней. Откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовсцы, бачечи веле речей себе противных, отехали были з Люблина; вшак же по великой ночи през универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесенными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца II дня. А пред тым еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны²⁰ присужоны и списками прилучоны были, не за раз, але з особна по одной земли от Литвы урываючи, яко свитчать привилля им даные: в Подляшском найперша

¹ рвануўся. ² на яго. ³ кинуў, шпурнуў. ⁴ слуга, лакей, салдат, воїн. ⁵ баяўся. ⁶ затрымацца. ⁷ стрэльба, пішчаль. ⁸ кабура, футляр. ⁹ збор народу для разгляду якой-небудзь справы. ¹⁰ вёска. ¹¹ яе. ¹² заўсёды. ¹³ прывід, здань. ¹⁴ бадзёрасць, сме-ласць, надзея. ¹⁵ аб міры. ¹⁶ нічога. ¹⁷ не дамовіліся. ¹⁸ у страі, у размяшчэнні. ¹⁹ пасля сейма. ²⁰ так называліся ўласна польскія землі.

дата, албо снадней¹ одерване, марта пятого, за тым у Волинской земли двадцать шостого дня мая, а Киевская земля и далее затрмана была, аж ей привилей выдано шостого дня чирвца² в оном же року 1569.

Року 1570 был съем у Варшаве, але се розехали без констытуцией за незгодою. А под тым часом послы были у московского³, а меновите с Полски: пан Ян з Борчина Кротоский, воевода иновлодзславский, и пан Рафал Лещинский з Лешна, староста радеевский; а з Литвы: пан Миколай Тальвиш, кашталян⁴ менский, а пан Андрей Иванович, писарь короля его милости, которые князю великому московскому Ивану Васильевичу о доконченю унее⁵ нашое ознаймили и примере⁶ на три лета принесли. Смеялсе московский на ознаймене унеи, мовечи: «Давном я тое видал, же ляхи⁷ и Литва королевские».

...На початку року 1572 былем забавеный⁸ потребами его милости пана Миколая Криштофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Олыце и Несвижу, а теразнейшого⁹ пана воеводы троцкого, которых потреб, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили над инше справы якогось пана Шахна, землянина его княжеской милости з маетности¹⁰ Сверженской, который, задаршисе¹¹ з паном Миколаем Служкою, старостичем крычовским, суседом той же маетности Сверженской, дивне штуки вырезжал и паны затруднил, аж добре се его милость пан маршалок (звлаца¹² яко в молодом веку сам) доведившисе, з паном Служкою до поровнаня¹³ приятельского пришол и пану Шахнови за добре не мел. От тых часов завшем¹⁴ служил в потребах княжеской его милости, пана воеводы нинейшого троцкого, хоть потым не завше притомне¹⁵, однак же правдиве и пилне аж до той старости моей, в которой то, а меновите в року панском 1603 пишу и детком своим раду мою зоставую, абы се при мне и по мне¹⁶ его княжеской милости и детком и домови его княжеской милости прикладом моим служить се не вымовляли...

Того ж року был съем валный¹⁷ у Варшаве. Але король, его милость, Август юж был хорый, прото ж се ничего не постановило. Был и чауш¹⁸ от турка. Слухали го¹⁹ панови радние. На местцу королевском арцыбискуп Якуб Уханский седил. Мовил турчин, слуга чаушов, за его указованем турецким, по-латине, которому признавано, же добре мовил. А при отправеню чинил му²⁰ респонс²¹ пан канцлер Валентый Дембинский по-полску. И татарин наш наготованый хтел му толмачити²², але чауш не казал, поведаючи, же сам розумит по-полску. Указовано то от многих людей, же се туркове в Парыжу французском пилне латины учат, а бодай не перенесли се до них науки, яко се перенашали первой от наро-

¹ лепей. ² чэрвеня. ³ прапушчана, па сэнсу, слова «князя». ⁴ высокая пасада на штатт губернатара. ⁵ саюз. ⁶ перамір'я. ⁷ абразлівая клічка палякаў. ⁸ затрымац. ⁹ цяперашняга. ¹⁰ маентка, сялібы. ¹¹ паспрачаўшыся, пабіўшыся. ¹² асабліва. ¹³ саюза. ¹⁴ заўсёды. ¹⁵ свядома. ¹⁶ пасля мяне. ¹⁷ генеральны. ¹⁸ пасол. ¹⁹ яго. ²⁰ яму. ²¹ адказ. ²² перакласці.

дов тых до других, што тепер, яко слышемы о великих наук розмноженю в панствах турецких, хоть теж и веля християн, туркам прилекглых, в языку се их турецком закохали. А што ведеть, ку чему то за часом своим пан бог привести будет рачил?

Под тых же часом король, его милость, фримарком¹ за Свислоч пустил Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на он² час старосте жмутскому, и взял е его милость 12 дня червца в том року 1572. Того теж дня человек зацный, подле Ляхович мешкаючий, Федор Юрыга умер. Я-м был у Варшаве при дворе, где теж поветре морове значне се показовало. Король не хотел было выехати, аж дворяне на замку мреть почали. Померли пахолята Былицкий и Ко-нарский. А червца 19 умер князь Массалский, в ласце на он час королевской будущий. Теды ж король, его милость, улекнувшисе, дал се вывезти на ночь до Пракги за реку Вислу; и так далее проважоно короля у возе великом, на то заготованом з блоками, а в ним ложка з королем лежачим высело. Приехано з ним так до Кнышина 28 червца. А я еще в дорозе впал в тежкую горючку и казалем се вести до Кнышина, кгде-м се ледве з тое горючки выходил. Умер король, его милость, Август в понеделок липца³ 7 дня, години третьей з полудня, которого смерти, яко се там сподевано, не таено, але зараз всим обявлено 8 дня липца. В шаты⁴ королевские убрано 9 липца. Еще без труны на столе при стене всим людем, кто хотел видети тело королевское, указано. 10 липца до труны тело вложено. А за тою ж смертю короля, его милости, и хоробою моею зостали листы мое неподписаны, которые мне король, его милость, на маетности дание написати был казати рачил, што се великому нещастю моему причитати мусить.

За тым зъезды в Полще и в Литве бывали. Послы цесарские и от инших панов приездили; от турка се пилно выстерегали. Намней розерваня з Литвою обавялисe⁵, абы се Литва з московским не порозумела. И прото ж были от поляков в Кгродне пан воевода подольский и пан каменецкий, кгде се о згодной елекцией⁶ намовили. Опускаю то, яко ведаючи достаточне то от инших выписано.

В тым же року 1572, видечи я пана отца моего осиротелого и велце для смерти малжонки своей жалосного, радячисе и намовляючисе з ним, зрозумилем, жебы позволил на яким владычестве живота доконать. Доведившисе о ваканцией владычества пинского, чинилем всяке старане, не жалуючи праць, накладов и розных практик, кгде ж то все для добродея отца моего милого был повинен. Але кгде ми до накладов пенезей не стало, былем так нещастный, жем се ту около Ляхович у людей тых, которым ем се часто в потребах их згожал, на узычене пенезей способити не могл; аж, о котором мней наден мелем, пан Андрей Жданович Доровский, и по смерти му добре слово зоставую, же мне пенезми был поратовал, жем то владычество пинское пану отцevi отримал, на которое

¹ абменам. ² той. ³ ліпеня. ⁴ адзенне. ⁵ баяліся, асцерагаліся. ⁶ выбары караля.

в року 1573 стычня ¹ 15 дня в Новгородку от митрополиты Ионы Протасевича посвецоный был. До Пинска приехал на столицу свою 26 стычня в понеделок. З тых всих речей нехай буде на веки самому пану богу честь и хвала. Аминь.

А так, з Пинска се отправивши, почалом се старати о отыскане в Турове, где князь Костантын, воевода киевский, боронил, для чого знову переездов и накладов немало быти мусело. Былем в Турове у княжати, и зоставил ме еще на обетницы, и так долго зволок, аж в Кракове на коронацией короля Генриковой ² року 1574, кгда-м му послужил до отысканя именов Острога и иных, през пана Лаского, воеводу сирацкого, королеви Августови заведеных, то ж был в Туров пану отцу моему поступити казал. Там же ркомо, поуспокоившисе, пан отец мой был на той зацной столицы владычества пинского в всяком люцком поваженю, доброй славе и оздобе, але не долго, бо в року 1574, будучи в Турове, впал у фебру и з полрока в ней бывши, умер в Пинску, року 1575 дня 9 марта в середу ранючко, где потом и тело его поховано в церквѣ святое Пречистое. А на мене припало ховане деток и плачене немало долгов его. Але пан бог мой не опускал ме и в тых речах, розумови моему трудных, але ме значне ратовал и зе вшех их выбавити рачил. Нехай буде зе вшех добродейств своих пан бог похвален на веки. Аминь...

Року того ж в маю зъехавшисе панове и рыцгерство ³ до Стенжицы, конклюдовавши ⁴ Генрика короля болше юж не чекати, до елекцией нового пана приступили и, змешкавши там три неделе, розехалисе, в розерваню ничого не справивши. Ехалем за позволенем пана моего до Острова, у Люблина местечка будучого. Мелем справу там з шляхтою Казновскими от их братовое, цорки ⁵ годного памети мужа Стефана Мостовничого, отца суседов моих, панов Вадошинских. А, едучи до Брестя, пред Полюбичами былем в великом страху от грому, же муселисмы под частыми срукгими перунами ⁶, значне межи нами спадаючими, ехати мили з полтретей, не маючи где зостановитисе. Потом, приехавши до дому, былем у того то пана Мостовничого, а меновите липца 24, в недељу, а межи иншими розмовами припоминалем тот страх громовой, якосмы се натерпели. Он на то поведил, же му еще молодому в Кракове от якогось переежучого кгвездара ⁷ практиковано, же мел меть смерть от грому в року живота ⁸ его шестдесатым, а яко бы му юж з ласки божей лят шестдесат минуло. И так се покгласкал ⁹ по бороде, за чим на сердцу моем стало ми го барзо ¹⁰ жаль. И пытам: «если се боит, кгда му се трафит ¹¹ быти под громом?» Рекл ми на то, же не дбает никгда, ежели где потреба была з душным збавенем. А по тых розмовах и розеханю нашом в десети днях, меновите серпня ¹² 4 дня, в четверг, того пана Мостовничого гром забил в полю, под сосною, под которою был, для дощу подехавши, станул...

¹ студзеня. ² Генрых III Валуа, герцаг анжуйскі, быў польскім каралём два гады (1574 — 1576). ³ шляхта. ⁴ заключаць, рабіць вывад. ⁵ дачкі. ⁶ моцнымі грамавымі разрадамі. ⁷ варажбіт на зорках. ⁸ жыцця. ⁹ пагладзіў. ¹⁰ вельмі. ¹¹ здарыцца. ¹² жніўня.

Року 1575 мисяца лютого осмого дня сполнилося мне лет тридцать и настал рок 31. Воды в том року на весне гвалтовные были. И трафило ми се быти, кгда бронено вырваня у млына ляховецкого, названого нового, где Януш млынар стал на крайней балце, отбияючи пешною ¹ кригу ледовую. А за ним два хлопы ² древном великим з мосту тлукли ³ теж лед и упустили тот паль ⁴, который, выпадши им з рук, ударил Януша млынаря в тыл головы. А он упал в став до воды и зараз през упуст препесеный на дол у глубину великую и не рыхло ⁵ з ней указалсе, несеный далеко водою, а пешне пред се мел в руках своих. Аж так и вышел з воды и над надею всих нас, люди там будучих, жив зостал, бо не можна му было жадного ратунку дати...

Паздерника ⁶ 5 выехали з дому до Туруня и вступовали до Белой, где была справа велика его милости пану Радзивилу з опекунами Тетерского о имене Свержино. Оттуд на Варшаву ехали и были в Туруню 23 того месеца паздерника. Там был юж Стефан король, яко 15 дня того месеца приехал и сеймовал. А цесарь Максимилиан 12 дня паздерника умер. На сейме тым, кром намов о кжданцанах ничего не справивши, пожегнали ⁷ послове короля его милости 2 декабря. Я-м не мало справ судовых мел пред королем его милостю и щастило ми се за ласкою божою.

Познаем се теж з королем Стефаном и его венкграми, которых найчастей панове до себе на обеды прошивали. И я помню: Заичди Януш, Барити Юригай, Нодох Петер, Батори Петер, Бурномиса Януш, Кенды Петер, Верфевич Мартин, Поляк Мигаи, кухмистр Крачок, а пахолята: Ференций и Асемерый.

Там же в Туруню привиталием новый рок 1577, а в ним приехали до дому в неделю дня 13, месеца стычня. А ухлопотаныи вже будучи працами и волокитами уставычными ⁸, уважаючи теж волю и росказаню бога всемогучого, уступилием в том року 1577 месеца февраля десятого дня в малженство светое з теперешною малжонкою моею, Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича з Руси, которых то Болотов продок, человек значный, еще за короля Казимира з Москвы был приехал, на имя Антоний Болото. И был славным мужем и потомки его през час немалый. А другие з них, разродившисе, розно се розышли и под панами некоторыми оселости боярские побравши, яко то ве Шклове и инде, мешкают. В маетности смы ⁹ се з obu сторон ровной знесли были, але, з благословенства божого, была нам семья спора и помнажающаясе над працу и надею нашу. Милем з нее добру жону. Не уприкрылы ми се для ней дни живота моего: была бовем у пригодах и хоробах сердца мужского, цноты ¹⁰ великой; пыха и злие мысли, снать, у ней никгда до сердца не наступовали, ку убогим, хорым и засмучоным людям упреймого ¹¹ милосердия, же и в ночи, спати не могучи, о таковых ратунку мыслила и старане чинила. А хоть у вере русской ¹²

¹ ломам. ² мужыкі. ³ драбілі, таўклі. ⁴ слуп. ⁵ хутка. ⁶ кастрычнік. ⁷ развіталіся. ⁸ пастаяннымі. ⁹ мы. ¹⁰ дабрачынасці. ¹¹ шчырага. ¹² праваслаўнай.

тывала, але так бачне и не упорне, же то наимнейшей незгоды не указовало и люди видеть того не могли. Тым же болшей, смотречи на наше спокойное, тихое и веселое помешкане, в заздрость впа- даючы, мовами¹ своими фальшивыми нас щипали и разными спо- собы иншими, а наконец и чарами перешкодити то усиловали. Але пан бог; который ме пасл одного самого, не опустил ме и з тою малжонкою мою и не подавал нас на волю неприятелей наших, але, их самых розными плякгами² дотыкаючи, яко от скалы от нас отпалых и завстыжоных зоставовал, а нас, з ласки своей, в деточки помножал. Яко ж напрод ку великой потешности дал нам первородного сына Яроша, а потым иншие сыны и цорки, же пони- нешный рок 1604, яко се то пише, сполнилося сынов 9, а цорек пять, з которых юж мамы³ Яроша, сына нам милого, жонатого, а цорку нашу Раину в малженстве за паном Яном Греским...

Того ж лета король, его милость, Стефан под Кгданском з вой- ском был, а московский Иван у Лифлянтех замков веле побрал и позаседал. Там же з под Кгданска з обозу принесено ми листы короля, его милости, на мостовничество пинское и сервецкое, по небожчику пану Стефане вакующее.

В месяцы лютым указала се была комета велика на зимным⁴ восходе сонца и была час немалый.

Року 1578 его милость пан Ходкевич, пан виленский, сам з войском ехал до Лифлянт, барзо хорый, и мене на съем до Вар- шави выправил в пилных справах своих и княжати Корецкого, пришлого⁵ зятя своего; который съем зачатый был styczня 20 дня. Маршалковал межи послами наш литвин, князь Лукаш Болько Свирский. На тот съем привезено Подкову и дано его зараз за страж гайдуком, потым и пута⁶ нань вложено над надее его, кгда ж му ласку королевску обещовано. Того ж потым лета пришлого ве Лвове, в воли туркови, стяти⁷ дано. На том же сейме был у Варшаве княже Ерый Фрыдерык з Аншпах, маркграбя⁸ бранден- бургский з малжонкою своею. Вырежал му король Стефан и ко- ролева велику учтивость и банкет великий ве дне и в ноцы з тан- цами чинено. И выправил себе опеку над княжатем пруским, але му потом княжна малжонка его умерла. Шидзона⁹ при дворе, же се порушила танцем...

В року 1580, месеца кветня¹⁰ 23, в субботу, на прояждце, коро- ля его милости Стефана у Вилни, замовившисе его милость пан Криштоф Радивил, пан троцкий, гетман великий, з паном Володи- мером Заболоцким, москвитинном, якобы Влодымир не хотел му шапки зняти. Пришли потом до слов злых з обудву сторон зрады и отметки¹¹. Кгда се мовил пан троцкий на Влодымира, теды Во- лодымир мовил: «самесь такый». Зачим, образившисе, пан троц- кий ехал до папа воеводы виленского, отца своего, который, вы-

¹ плётками. ² язвами. ³ маем. ⁴ халодным. ⁵ будучага. ⁶ кайданы. ⁷ пакараць смер- цю (адсеч галаву). ⁸ маркграф. ⁹ размаўлялі, былі плёткі. ¹⁰ красавіка. ¹¹ помсты.

слухавши скарги о той припадок, так му рек: «не помстишь ли му се того, теда и я о тебе так розуметь буду, яко то он назвал».

Той ночи намней¹ пан троцкий не спал, фрасуючисе² на Володимира, а стал за брамою завилейскою в дворе своем, прозванном Довойновском, где до его милости зъехалисе ротмистрове и жолнере³ великое множество. А Володымир стал у мещанина Полгрошка, которого дах припушоный был в дах каменницы Авкгуштына, войта виленского. З которое ж то каменницы и даху войтовского коморники пана троцкого, вшедши под дах Полкгрошков и прекопавшись в песку на избе, видели Володымера и што се з ним деяло, яко потом ездил до панов сенаторов, просечи о поеднане пана троцкого, але же се было спознило, обещаи му се были на ютро⁴. Потом в господе⁵ своей ходил до лазней, о чим всем давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючисе: «каже ли? теда могут его з пулгаку забити». Але его милость не казал. И так в тых пересылках ночь зошла. А рано, в неделю 24 кветня, видечи пан троцкий о всем, же се Володымир готовал до церкви светое Пречистое, заехал з улицы и брамы Завилейской ку костелови св. Духа, где велкость людей пеших в кляшторе⁶ была, а ездни в улицы. И перепустивши Володимира за фортку, одни з стороны, а другие з великих ворот и з той улички указалисе, пред которыми шол пехотою (у рукапису тут пропуск.— А. К.). Кгорецкий, маючи свой гнев на Володымира, тот споткавшисе кинул Володымирови камнем до перси⁷, а Володымир добыл шаблицы, которую носил з правой руки и левою рукою боронил потужно⁸. Москва, его слуги, поутекали, окроме Путила званого москвитина. Тот се самотреть з литвинами двема зостановил, але от велкости людей поранени заразем были. А Володымир, ку одной стороне под муры складаючысе, уступовал. Там же его тот же Кгорецкий кордом под правое перси перепхнул, же юж без мовы ве двух годинах умер.

Та весть кгда короля Стефана на замку, еще не убраного, дошла, дивне се был тревожил, же не рыхло до убираня пришол, ходечи по покою, ляментуючи, аж подканцлерый коронный, князь Боруховский, приехавши, гамовал его, розважаючи тот несчастный припадок. Ведаю, же и сам пан троцкий не хотел его забити, одно выбити. Але се то иначе стало за власною вазнею Кгорецкого, же Володымир, зоставши старостою трабским, приворочал его под свою владзу з якимсь именем его, которе пред тым в присуде тым трабском было. Ехал был зараз потым пан троцкий до короля, але король, выславши к нему того ж кнезя подканцлерого, воротил его и до себе ити не казал был. Потом сам пан воевода виленский у короля был, отмовляючи сына своего и заступаючи, же то он казал, здаючи здорове свое на волю и ласку его королевской милости.

Не мало се то так терло. Сенаторове короля его милости усми-

¹ ніяк. ² злуючыся, хвалуючыся. ³ салдаты. ⁴ назаўтра. ⁵ часовай кватэры. ⁶ манастыр. ⁷ грудзей. ⁸ моцна.

ряли, аж 11 дня мая, в середу, допустил король, его милость, пану троцкому в себе быти, застаповивши, абы намней Володымира не упоминал. И седил король на предпокою, а мы люде, не ведаючи того, тиснелисьмысе, хочечи слышетъ рацыю обмову пана троцкого, который, пришедши, просил короля, абы не мел за зле, же през тот час з некоторых нещасных припадков своих у его королевской милости не бывал, над то ничего болшей не мовечи. Шел король на покой, а сенаторове, допровадивши его, зараз з паном троцким розехалисе.

Потым на першом сейме, з ведомости королевское, сестра Володымирова, котора з Полоцка з мужем была взята, позвала была пана троцкого. Там также сам пан воевода виленский пана троцкого заступовал. А маючи вшиток сенат по себе, короля ублагал и сестре Влодымеровой щось пенезми дал. На он час, при забитю Володымира, король, в тым своем запаленый гневe, написал был цедулу рукою своею: кто был Володымир, яко лет двадцать чтыри ставил, на дворех королей венкгерского и полского се мужественно завше в речах рыцерских поступуючи, а того дня у спикненю и збунтованю людском згинул; и хтел то мети на хоругви над гробом его...

Року того ж 1580 вресня 5 король, его милость, под московским Луки взял был и люд под меч дано было, яко упорный, который замок потом за примирем вернен московскому. В теж часы пан Филон¹, ubezпечоный² през фалшивые шпакги з невеликим людом припал был до Смоленска, а там великое войско было московское, же аж той же noci Филон уходил. Людей наших сила погнуло. Там же суседа моего Михайла Зверова, москвитина, поймано и обвешоно. Был ми то велким неприятелем. Пане боже, отпусти му! В том же року был король, его милость, змовляючисе о потужности пришлое войны³...

Року 1582, названого от мене нещасливого з певных причин, же ми в ним марца 22 умер милый и единый, же у мене рожоный, брат мой Иван в месте виленском. И не дошла ме та ведомость, през злую дорогу, аж за тыйдень, през который тыйдень, будучи я в дому моим, яко у тридцяти милях от Вилна, тескнилем⁴ барзо, жаловалем и мовилем до жоны моей, же запевне ми брат умер. Так то сердца людзкие чуютъ з далека припадки деток и милых приятелей своих. А прото ж ездилем до Вилна и далем тело его поховати, водле порученя его, у светое Троицы, церкви русской. Зажилем жалю над обычай и злое дороги. А, едучи назад, ледвосми вси не потонули на Немне реце под Ивем. Я-м был з гостем якимсь один там приехал, и юж з нами пром починал был на нутре заливати. И так, напоминаючи перевозников, абы се не лякали (бо юж были шосты порутили⁵, мовечи, же гинем),

¹ Філон Сямёнавіч Кміта-Чарнабыльскі (1530—1587), аршанскі стараста, аўтар «Допісаў», быў назначаны каралём Стафанам Баторыем у той час камендантам Вялікіх Лук. ² інфарміраваны. ³ дамаўляючыся наконт будучай вялікай вайны. ⁴ сумаваў. ⁵ пакідалі.

а горечо пану богу се молечи, переехали. А опосле слуги, з возом моим и зо всіми конми едучи, на том же местцу тонули, кони зпыхали, а тым болшей лодки заливали, же вси дощчки вода знесла, а воз передними колы завсисилсе в лоди, котора на гору шла, а другая се лодь у воду занурыла. Люде перевозные и слуги мое были в лоди. А инши, побравши со конем за огоны¹, не ведали, што се з ними дее, ино кони шли теж за лодею вниз, куды вода несла, аж е потом на берег, гдем и я был, принесло межи лозы, и там се ратовали. Ово толко, здумавшисе дивным чудом божим, хвалилем насветшее имя его...

Року 1586, будучи мне у писара ляховецкого, Федора Зенкевича, на чти, у других зваде, а за мои разважання, ранено мне в руку левую и не ведилом от кого. А то было styczня 19 дня. А кгосподарь был целый. Пред се потом врыхле² 23 лютого умер з горючки. Веку мел лет 36, человек был и мой приятель добрый. Потом в марцу былем в Вилни для потреби Кгославского и ездилем до Ковна. Там же мя, марца 5 дня, ночуючы в Рынконтах, разбойницы мало были не забили, але, за ласкою божою, виленцов обоз немалый в ту ж стодолу наехали, а разбойницы поутекали. А кгосподарь, якийсь теж нецнота³, вымавлялсе, же што мел чинити, кгды ж на ночь збере се немало и, што хотять, то чинять. Самому пану богу хвала за его оборону! Таже до Вилни звротившисе, далем был пенезей Кгославскому на имене его Скубяттовское; перв зоставою⁴, а потом и на вечность купилем...

Року 1587 styczня 9 снило ми се, о чим я не мыслил, жем был в месте влоским Мантуи, видел кнежей Мантуи, положене замку, места, вод, мостов мурованых. А кгды-м то оповедал пану Андрееви Скорулскому, который там бывал, поведил, же есть положене власне таке, як ми се снило. То, снать, презентовало⁵ ехане нам сына моего милого Явхима, который в року 1575 еще поехал, и по той час там мешка...

Того ж року 1587, по смерти короля, его милости, Стефана, зходил тот рок елекцыями⁶, бо порознившисе у обраню пана, едни чекали и привабили были Максимилиана, сына и брата цесарского, а инши, которые зезволили были на Жикгмонта⁷, короля шведского, чекали его теж, и затым была им битва в Бычине в року 1588 styczня 19 дня по переграню стороны Максимилиановой, и сам был взятый, и не мало панов полских, которые з ним переставали.

А Жикгмонт, короля шведского сын, за приеханем своим был зараз коронованный, еще первой в року прошлым, 1587, декабря 26 дня.

Року 1588, styczня 28 дня, Жикгмонт третий, король полский, на Литве присягу повторил, бовем был без наших⁸ коронован...

¹ аглоблі. ² хутка. ³ жулік, нячэсны. ⁴ арэндаю. ⁵ даравала. ⁶ выбарамн. ⁷ Сігізмунд III Ваза быў каралём Рэчы Паспалітай з 1587 г. да 1632 г. ⁸ гэта значыць прадстаўнікоў вялікага княства Літоўскага.

Року 1589 на пове лето у нас ту, в повете новокгородском, муж был барзо добрый Альбрехт Кавечинский; отдал разом на одним веселю три цорки све замуж; который, сынов не маючи, одно цорек шесть, не фрасовалсе¹ нам о то, и еще зознавал, же так му лепей. А то, снать, чинил з побожности своей, же волю свою подбиял под волю божу. А гды му се так трафило² отдати замуж разом три цорки, люди посполитые³ практыкавали⁴ не долго быть мал-женству⁵ так одного дня отданных; яко ж потом врыхле умер му старший зять Москальницкий, а в року 1603 померли два: Вировский и Высоцкий. Ове не легце потреба важити⁶ и голосу людского, ведля оней приповястки: «вокс попули — вокс деи»⁷, бовем о вере оного человека жаден⁸, вонтпити⁹ не може...

Року 1592, вресня 1, во второк, на соймаку в Цырине обрано на елекцей подсудковской на тот уряд чтырох, то есть: Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подоровского и мене, из ласки пана бога всемогучого, кторый, яко хошет, керуе серцами королев и вших людей ведля воли своей становит. Отдано то подсудковство мне и привилей мне на то принесено до дому без великого стараня моего, 28 дня того ж месеца вресня. И виконалем присягу на тот уряд мой по роках трех кролевых стычня 6 дня року 1593...

Року 1594 мая 8, в пяток, припала хмара сродзе зимна, спусти-ла снег великий и лежал три дни. Померзло от той хмары и зимна¹⁰ и ветру гвалтовного сила¹¹ людей, по трою индей¹² веспол¹³, а не могли себе помочи. Птаства по гнездах самем видел барзо веле поздыханых. Страх был и под дахом сидячи...

В року 1595 Налевайко козак, собравши войско козаков, первей се указовал¹⁴ на Подолю, у Волошех. Кусилсе был и о турецкие земли, потом, ворочаючисе до Полши, сплендровал¹⁵ маетности пана Калиновского, мстечисе за обещене¹⁶ некгдысь отца его Наливайкового, и еще, снать, от отца Калиновского. Тым юж заюшоный, шел до Луцка, в ярмарок, праве, где бискуп з преднейшими шляхтою выехавши, упоминал и еднал го за местом¹⁷, и купцы зложили килка тысячи злотых, а не могло быти без збытков¹⁸ и шкод. Оттуд, юж лепей заюшоный, удалсе на Полесе, аж до Петрикович, юж так своволне все починаючи и в коло обсылаючи, подарки себе давати заказуючи. Яко ж и давано. Одно з Слуцка помешкано было. И прудко ж убег в Слуцк (нояembra 6 дня) и был там не мало. Заварлисе¹⁹ были на замку з двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича. А пан виленский, воевода новгородский, пан Скумин и инше паны и шляхта зъехалисе до Клецка; не велили, што почать, услышавши, же се у замок слуцкий добыли юж. В тым послал был Наливайко полковника Мартинка (о котором веле трымал, яко ж и был человек сердца великого) до

¹ турбавацца, сумаваць. ² здарылася. ³ простыя. ⁴ прарочылі. ⁵ шлюб. ⁶ прыслухоўвацца. ⁷ голас народа — голас бога. ⁸ ніхто. ⁹ сумнявацца. ¹⁰ холада. ¹¹ многа, маса. ¹² месцамі. ¹³ разам. ¹⁴ з'явіўся. ¹⁵ спустошыў, абрабаваў. ¹⁶ крыўду. ¹⁷ горадам. ¹⁸ страт, празмернасцей. ¹⁹ заперліся.

Копыля з пятисот козаков, который, з пригоды там потрафивши гайдуков пана воеводы виленского, которые, впадши до млына и испусту¹ под местом, боронили пройштя² до места и так справне козаков настреляли и Мартинка забили, же сила их на пляцу, а инше, назад се цофнувши³, по дорозе и хрустох⁴ зоставили, а инши, пострелеными юж будучи, в огонь скакали и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо их мало до Слуцка воротило.

Наливайко, стревожоный тым нещастем и розумеючи, же за тым з Клецка зобрани панове куситисе мели о него у Слуцку, зараз, яко тых в Копылю бито новембра 25, а он третего дня, новембра 27, з вечора, выбравшисе з Слуцка, до Омгович знову ку Полесю вытегнул. И потом кгрудня⁵ 13 Могилева моцю добыл, места и замку сплендровал и попалил. Панове за ним выправили Буйвида, человека памети годного, давши слуг своих, а пан виленский своего двору двесте коней, з которыми, яко розных панов слугами, розум сам указуе яко было Буйвидови трудно, же, за непослушеством их, ничого годного почати не мог, толко зазябывшисе здраве стратил и у небачных людей на славе шванковати⁶ мусел. Там же згинул Оникей Униховский, человек сердца доброго и великого захованя. Наливайко ходил потом над рекою Днепром вниз, аж потом, порвавшисе з Рогачова за якимись практыками⁷, припадал знова до Петрикович. Поветы збегалисе до купы и спрудка потом зъехалисе новокгородский в Копылю, где был его княжеска милость пан Миколай Криштоф Радивил, воевода троцкий, напродвшитких приехавши в килку сот человек, и тым вымог, же се инши спешили до его милости. За тым приехал пан воевода новокгородский и иншие панове и шиковалисе⁸ в полю року 1596 дня 15 лютого. Было людей о три тысеци готовых.

Аж мило было. Давно юж войска не видевши, пан воевода се троцкий зе справованя людми вымовял и здавал то пану воеводе новгородскому. Але, юж никому не уймуючи, признавам, же досыть се деяло порядкови пристойному. Пан воевода виленский з поветом минским приехал до Шацка. Там же и наши з Копыля ехали, а Наливайко з Петрикович, бывши в Турове и в Городку болшей, удалсе до Высоцка и на Волынь. Лобода теж, отвратившисе от Шацка, шол там же Киевщиною ку Наливайкови...

...на тых рокох (1602. — А. К.), в лютым мисяцы, 16 дня в суботу, забил сына моего Яна, второго по Ярошу, першым сыне моем, незбожний Олбрыхт Бруханский з помочю Корсака, швакгра своего, там же на месте в Новогородку. О чем кгды мне, на судех седячему, ведомость дошла, просилем вшитких, абы там в рынок зомною пошли, где пан судя з ласки своей продковал, мне держати казал, а иншим тело, юж забыте, сына мого, на сани взявши, на уряд, а потом до господы моей отправодить казал. А внет потым,

¹ спуск. ² праход. ³ адступіўшы. ⁴ хмызняк, дробны лес. ⁵ лістапада. ⁶ кульгаць.
⁷ падкопамі, інтрыгамі. ⁸ выстрайваліся.

кгда се доведил, же того забитя сына моего была найветша ¹ причина тот Корсак, сестренец ² его, рушила го кривность, а отрожене з духа по новокрещенству або давно не было, або на тот час утекло от него прочь. Послал до мене, абы-х слал за тыми, которы ехали в погонку за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку не стало. А я-м не толко не слал никого, але ани ведил о ничием еханю и о свете: жив ли-м был, або не? А на заютр ³, в неделю, маючи в себе Выровского, Лоховского, Богушевича и инших, приводил ме, абы з ним на судех заседал. Видяло ми се, же-м там был на он час не межи людми, але Каинами ⁴, и про то, чого-м не рад мовил, мусилем речи: если розумити не хотят моей пригоды, абы их то самых поткало. Потом в понеделок, гды-м се юж мел з места з телом провадити, подал ми пан судя, жебы не вадило постати в рынку з телом, а Лицыниуш жебы там премове учинил. Я ж теды, яко дите от жыдов, яко поведает, звабены ⁵ и сподаваючисе, же ми улгу ⁶ жалю Лицыниуш, яко человек учоный, справит якими утешни мови, казалем се застановити в месте. Але же той Лицыниуш, ставши подле пана судии, взял аркгумент з Соломона о своевольным млоденцу и также карал сына моего, в гробе юж будучого. Я, видечи, же вшитко спросьно ⁷ калем и похлебством ⁸ смердело, казалем далей ехати, бо другого сына моего мел юж у себе от килку лет в науце и твиченю ⁹ своим, а бодай не горшого выховал. Нех им пан одда, справедливый судя, бовем з тым нещастем моим вшитки облудные ¹⁰ приятеле мое, машкары ¹¹ свои ухиливши, незбожние твары свои указали и ядовите злости свои явней вылевати почали. Не заспал юж их великий пан бог мой, оборонца мой, не вонтплю ¹² о его святой ласце и з иншими, же мне skutечну ¹³ справедливость и ексекуцию учинити рачит.

И так плачливе з тых незбожне укнованых ¹⁴ роков звротившисе, поховалом тело того забитого милого Яна, сына моего, в каплицы моей мурованой, дня 21 лютого. А в тым теж часе вышол день уроженя моего 21 лютого, который обсервовалем ¹⁵ друкгда ¹⁶ з радостиу, а тераз з плачем и з великою жалостию, з чого всего нех будет похвалено име пана бога всемогучого.

З той так великой жалости моей о смерти, а тым барзей же забитю сына моего, немней, теж з оказаня облудников ¹⁷, которы мне час немалый за приятелей се и великих и верных удаваючи лудили ¹⁸, пофрасованый ¹⁹, впалем у велику, и до лечнованя ²⁰ не ведет яку хоробу. Напрод марца 6 дня обумарлем ²¹ без вшелякой причины на полторы години и, пришедши к себе, былем мдлый ²², аж повторе марца 14, рано обумарши, о себе-м не ведел, а того ж дня, у вечер обумарши, былем з зафиценю ²³ шесть

¹ больш за ўсе. ² пляменнік, сын сястры. ³ паслязаўтра. ⁴ забойцамі (Кайн, сын Адама, забіў свайго брата Авеля). ⁵ залучаны. ⁶ аблягчэнне, льготу. ⁷ марна, ганебна, бессаромна. ⁸ ліслівасцю. ⁹ абучэнні. ¹⁰ крывадушныя. ¹¹ маскі. ¹² не сумняваюся. ¹³ дзейсную. ¹⁴ задуманых, злачынных. ¹⁵ назіраў. ¹⁶ раней, іншым часам. ¹⁷ крывадушных. ¹⁸ манілі, спакушалі, зачароўвалі. ¹⁹ занепакосны, заклапочаны, засмучоны. ²⁰ лекаў. ²¹ згубіў прытомнасць. ²² слабы, хілы. ²³ захапленню, зачараванню.

годин зегаровых¹. Потом ве днях кветневых, приходечи к себе, ехалем был до Новгородка для роков марковских кветня 23 дня и на дорозе у Валсивце трохам был зомлел и затым, вжо приехавши до Новгородка, не заседадем на судах. Обраный на место мое пан Григорей Немира, присегу на три роки учинивше, отправовал их. В маю зась на рочках кгородских² была справа нам о забите Яна, сына моего, з Бруховским и з сынами его и поыла была на инши речи, а у других речах до трибуналу. А потом, на рочках липцовых, в небытности моей, през Яроша, сына моего, заварта была угода з Бруханскими, ведля которой потым пред судом трибунальским, 13 месеца вересня, Бруханский сам и сынове его з цедул³ перепрашали мене и сынов моих и иншем им поотпущал. Але иж не ставил отец Олбрыхта, сам за него, ведле опису своего, на рок зуполный на везене засел в замку новгородском и в том похибивши⁴ листу своего, што мел засести в дому замковым, по левой руце стоячим, то он по той же левой руце, еще пред домом тым давным замковым, збудовал избе себе сам и в той засел был. А я се не користуючи в том его седеню, а сам там за хоробою моею ехать не могучи, посылаем з листы моими: первой зашитый, абы ехал з того грунта. Он до мене отписал, абы-х му послал на то лист отворный; я-м и такой лист ему посылал през зятя его Мокштыцкого и през Косаковского, до которых, яко они справу давали, так отповедел: «Не ведаю, чому мене подсудок зтуде выправуе, вшак тераз зима. Также и дома в избе седю, также мед пию, яко и дома, и таж жонно зо мною спит, што и дома». И так погоржони приятеле вротилисе из тое учинности моей. И я потом от него жадного-м сказаня и словечка не мел, аж слышалем, же умер там в том мешканю своим, а праве, знагла. Были дивные голоса и мнеманя⁵ людцкие о той смерти его. Я замалчывам, яко неведомый в тым ничего певного...

В том року 1603 мелом трое писане от милого сына моего Иохима, яко того лета з паном своим, княжатем Мантуанским, был в Неаполи; морем там ездил, яку там велику учтивость неаполчицы⁶ указовали княжати, немней⁷ яко великому монарше. Был там княже для лекарств. Мой зась сын, хоть там инших з моря мыто⁸ брало, здаровый был, а потым во вресню, впадши в дивне фебры⁹, 23 дня мало не умер. А я-м ту дома, того ж 23 вресня зле сны о ним видел и написалем был в минуцях тогорочных, утешившисе, же было то в первший квартал месеца; аж з писаня его тот же день 23 обачивши, дивовалемсе чудом и справам божим, хвалечи светое име его...

¹ гадзін па гадзінніку. ² паседжанні гарадскога суда. ³ запісак. ⁴ прайшоўшы міма, не звярнуўшы ўвагі, пагарджаючы. ⁵ меркаванні, дапушчэнні, думкі. ⁶ жыхары г. Неапаля. ⁷ не менш. ⁸ хвароба. ⁹ ліхаманкі.

ХРЫСТАФОР ФІЛАЛЕТ

Хрыстафор Філалет — псеўданім, пад якім скрыўся невядомы таленавіты аўтар аднаго з буйнейшых твораў палемічнай літаратуры — «Апокрысіса». Меркаванне некаторых даследчыкаў аб тым, што пад псеўданімам Хрыстафора Філалета (г. зн. Хрыстаносца Праўдалюба) выступіў паляк-пратэстант Мартын Бранеўскі, за адсутнасцю дастатковых падстаў, не можа быць прынята пад увагу.

«Апокрысіс» Хрыстафора Філалета быў адказам на выданую ананімна ў 1596 г. кнігу езуіта Пятра Скаргі «Берестейский собор и оборона его», у якой Скарга браў пад абарону Брэсцкую унію 1596 г., прынесшую народам Украіны і Беларусі многа пакут і жорсткі рэлігійны ўціск з боку каталіцкай царквы.

«Апокрысіс» Філалета выдаваўся двойчы: у 1597 г. у Вільні ён быў надрукаваны на польскай мове, а затым не пазней 1599 г. быў перакладзены на тагачасную беларускую літаратурную мову. Пераклад гэты адрозніваецца ад першага выдання кнігі вялікай колькасцю паправак, пропускаў асобных месцаў, дапаўненняў, скарачэнняў, а таксама больш грунтоўным развіццём некаторых аргументаў трактата.

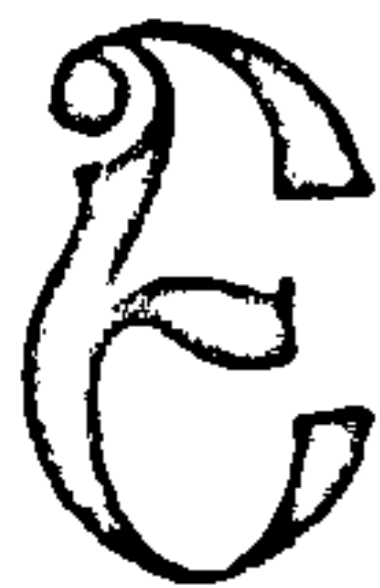
«Апокрысіс» складаецца з чатырох частак (да кожнай з якіх пададзены прадмовы), трыццаці раздзелаў, заключэння і ўступнага артыкула, прысвечанага кароннаму канцлеру Яну Замойскаму. Да ўсёй кнігі дана агульная прадмова.

У першай частцы Хрыстафор Філалет разглядае Брэсцкі сабор 1596 г. і тую ролю, якую ў ім адыгралі мітрапаліт і епіскапы-рэнегаты. У другой частцы Філалет абараняе паводзіны праціўнікаў уніі на Брэсцкім саборы. Трэцяя частка кнігі прысвечана разгляду галоўных догматаў каталіцкай рэлігіі і яе вучэння аб адзінаўладстве рымскіх пап, чацвёртая — абароне праваслаўнай царквы і яе патрыярхаў ад нападкаў уніятаў. У гэтай частцы Філалет дае агульную ацэнку становішча ў краіне, якое стварылася пасля Брэсцкай уніі.

Напісаны на багатым фактычным матэрыяле з вялікай эрудыцыяй і публіцыстычным талентам, «Апокрысіс» Хрыстафора Філалета па праву заняў адно з відных месц сярод твораў палемічнай літаратуры канца XVI ст. Бязлітасна выкрываючы палітыку прыхільнікаў уніі, Філалет шырока выкарыстоўваў трапныя прыказкі, прымаўкі, прытчы, байкі, анекдоты і тым самым надаваў свайму твору сатырычны характар. Аднак у сваёй барацьбе супроць Брэсцкай уніі і польскай палітыкі акаталічвання і паланізацыі Беларусі і Украіны Хрыстафор Філалет стаяў на пазіцыях феадальнай знаці праваслаўнага веравызнання і быў выразнікам яе палітычных інтарэсаў. З гэтых пазіцый ён патрабаваў неадкладнага спынення ганенняў і праследаванняў праваслаўнага насельніцтва і папярэджваў уніятаў і іх апекуноў аб тым, што іх палітыка па пытаннях царквы можа прывесці толькі да ўнутранай вайны, якая паставіць пад пагрозу існаванне Рэчы Паспалітай.

Змешчаныя ніжэй урыўкі з «Апокрысіса» Хрыстафора Філалета падаюцца па выданню Археаграфічнай камісіі: «Русская историческая библиотека, т. VII. Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 2, Спб, 1882, слупкі 1738—1818.

А П О К Р И С И С
АЛБО ОТПОВѢДЬ НА КНИЖКЫ О СЪБОРѢ
БЕРЕСТЕЙСКОМ, ИМЕНЕМ ЛЮДЕЙ СТАРОЖИТНОЙ
РЕЛѢИ¹ ГРЕЧЕСКОЙ, ЧЕРЕЗ ХРИСТОФОРА
ФИЛЯЛЕТА ВРИХЛѢ² ДАНА

Четвертой части отповѣди роздѣл 8.

сли то правда, што дѣепис³ твердит, иж папеж и з своими ведучи греческой вѣры людей под свою зверхность, не жадного пожитку⁴ своего в том, але толко духовное потѣхи, згоды, милости христіанской, и постраху еретиков и турков шукает?

В напомниманью своем до руского народу дѣепис и тых слов уживает: «А нам католиком, што з вашого того зъедноченья з нами прибывает? Ничого а ничего! Окром духовной потѣхи а веселья ангелского, которым ся з ними з овец налѣзеных радуемо. Што ж мы з вас корыстити, што за пожитки свѣцкии з вас мѣти хотѣмо? Жадных!⁵ Ничого нам не приступует, одно веселье з болшей хвалы божей, иж ся христіане згажают; иж ся братнею, одного отца небесного дѣти, милуют; иж пострах будет еретиком и турком, которые ся о розорванье христіанское старают. Знаете уприймую⁶, жадного пожитку нешукающую нашу ку собѣ милость, гдѣ ся о самое доброе ваше збавенье стараемо, а ничего своего свѣцкого не ищемо, ани по вас ся сподѣваемо».

Бы то все правда была, было бы чому вѣрити. Але если до правды и што иного ся примѣшало, нехай дѣепис не мает за зле, же не щѣле в той науцѣ вѣра ему ся дает. Быть може, же суть такие межи римскими католиками, которые тым мниманьем⁷, же, окром сполечности⁸ з римским костелом, ништо збавен быти не может, от своих пастырей опоени будучи, и, з зычливости противко нам и спасенью нашему, наше зъедноченье з римским костелом ради бы видѣли, пожитков в том своих приватных нешукаючи. Але жебы дѣепис и ему подобныи тѣкавци — а што болшая — жебы папеж римский, стараючи о тое наше зъедноченье, прибутья пожитку своего не угледал, — то в нас згола⁹ не хочет. Не вѣдаю, што бы ся то стати мѣло, жебы¹⁰ ся звычай отмѣнити мѣли? Давна ово¹¹ барзо приповѣсть: «двор римский не просит о овцу, або не мает ся до овцы без волны».

А же то правда, рѣчь¹² сама посвѣдчает. Гдѣ ж колвек бовѣм¹³ едно есть што скубти, там ся римскии преложеныи¹⁴ горнут, там

¹ рэлігіі. ² у хуткім часе. ³ гісторык. ⁴ ніякай карысці. ⁵ ніякіх. ⁶ папярэдзваю. ⁷ меркаваннем. ⁸ супольнасці, саюза. ⁹ зусім. ¹⁰ каб. ¹¹ гэтая. ¹² справа. ¹³ бо, дык, гэта. ¹⁴ духоўныя сапоўнікі, настаўнікі.

ся тиснут, там с каждой мѣры старанье чинят, якобы свои прапорци ростягнути могли; которые ростягаючи, зараз на першом вступку, а праве — пред всѣм, свои собѣ пожитки звыкли варовати¹. Свѣтчат о том вси христианские королевства, послушенству папескому подлежные, с которых на кождый рок и до того часу барзо много интраты и провентов² до Риму выходит (яко ся уже о том вышшей, в той четвертой части, а роздѣлѣ третем припомнѣло).

Тых приходов и интрат причиненья же в потяганью нас, греческой релѣи людей, тут в полноцной сторонѣ мѣшкающих, под послушенство свое над все шукали, — посвѣдчае того поступок з князем московским Юлиа Третего папежа. Который то Юлиус папеж, кгда ся у него о корону королевскую Иван князь московский, до сполечности с костелом римским през Карла цесара ваблений, року 1551, за короля Жикгимонта-Августа³ старал, — подаючи ему кондиции⁴, за которими бы старанью его догодити мѣл, а найпервѣй тые три написал: «Наперед абы великий князь Иван, который от найвышшого бискупа королем мае быти названый, был повинен послати до его святобливости послы с поселством поприсяженья вѣрности и послушенства найвышшему бискупови и святому римскому костелови, а першого, а потом што-пятого року дати благоволенному Петрови королевской вѣрности и послушенства дар. А тое ж чинити нехай будет повинен, хто колвек московским королем будет, в першом королевства своего року, и потом яко вышше, што в пять лѣт. Который король будет коронован от переднѣйшого архиепископа в королевствѣ, именем римского папежа, и поприсянет до рук помененого митрополита вѣрность и послушенство святому римскому костелови, а коронованым будучи, пошлет свои послы до Риму, яко вышшей. До того: илекроть⁵ ся трафит⁶, же будет столица римского костела ваковати⁷, а иж на нее инший новый найвышший бискуп вступит, пошлет король московский звычайем инших панов христианских свои послы до найвышшого бискупа з даром королевским ку отданью и поприсяженью послушенства и вѣрности. До того: абы переднѣйший королевства московского архиепискуп был обираный звычайем дотоля обычаем, а вѣд же так, абы был конечно подтверженный от найвышшого бискупа, и от него ж абы был повинен плащ брати, и прочая».

Тын то три кондиции московскому же перед всѣми были поданы — тые, што канцелларейных коронных справ оного часу свѣдоми, добре вѣдают. Послал их был з Риму королевни Августови Адам Конарский, доставши их от кардинала Мафеуса, вице-протектора, при котором ся на он час за посланьем королевским

¹ берагчы. ² даходаў і жыўнасці. ³ Сігізмунд II Аўгуст — апошні польскі кароль з дынастыі Ягелонаў (1548—1572). ⁴ умовы. ⁵ колькі разоў. ⁶ здарыцца. ⁷ пуштаваць, быць вакантнай.

бавил¹. Нехай же з них каждый бачный судит, если ж папѣжове римские, в привоженью людей до едноти костела римского, пожитков своих над все не шукают?

Але што ж им речи? Маюг по собѣ писмо: «кто коли воует за свой власный жолд? ² Кто щепит винницу, а з овоцу ей неасть? Кто ласет чреду, а млека ей не поживает?» А Гукго, нѣякий кардинал римский, написал: «слушный то есть а на прикладѣ апостольском укгрунтованый звычай, же бискупы и арцибискупы папѣжа видѣти обѣцуются, и яко и Павел до Иерусалима ходил, абы Петра видѣл». А до того звычайу слушне придано оно росказанье з Девтерономном: «не оказуйся пред господом тощ». Леч³ папѣжом, их милостям, которые, ведле науки своего римлянина Цицерона справуючися, «там працу оборочают, отколя ся оздобы и пожитку сподѣвають».

Давши покой, а инших в тым духовных прелатов римских поступком присматруючися, тую их интенцию⁴, которою нас до зъедноченья с костелом римским провадят, за барзо подозрѣную мѣти мусимо. Бо а чого ж иншого они болше в пасенью овечок шукают, над пожитки свои? Аза ж⁵ их побожности правдивого католициства, а навет душного збавенья в самом правѣ датку, до рук своих идучим, не засадили? Аза ж того не посвѣтчают их клятвы (поки юриздикию або звирхность цалую мѣли), о тое самое толко чиненные, кгда хто бискупщизны, десятины, сыпного, мѣшнекго⁶, и прочая, им не выдал? Не мужебойства, на вшетеченства⁷, не чужолозства, не кривоприсяжства, не лупѣжства⁸, а коротко мовячи, не жадные грѣхы и выступки до сполечности костелной жадному з их овечок не вадили. Кто одно у отданью податков, им належачих, не позостал, — ведлуг зданья их, добрый был христианин, добрый кафолик, святобливый человек! Задержал ли десятину, али безбожным, али клятым, али шатанови отданым каждый такой зараз зостал!

На тое (чого прѣти трудно) смотрячи, дѣеписе, а яко тобѣ в том вѣрити маемо, што повѣдаеш, же в том проваженью нас до зъедноченья с костелом римским пожитков своих не шукаете? Трудно отмѣнити налог, который стоит за прироженье.

Обавяемся⁹ тогды, же вам не о то идет, абысте нас до лѣших паш припровадили, але о то, же бысте з нас волну брали, а подобно и скуру лупили, змышлеными словы через лакомство, купецство з нас собѣ строячи.

Обавямыся, абы, мѣсто мышленья, которое по собѣ показуете, о нашем душным збавенью, болшей есте не мыслили о иншом збавенью, то есть о том, яко бысте нас всѣх прономий¹⁰, на греческую релѣю наданых, собѣ их фортелне¹¹ за тым зъедноченьем, привлащивши, збавити могли. До того як великие суть подобенства, вышше ся в першой части, в роздѣлѣ третем троха припомнѣло.

¹ знаходзіўся. ² залежнасьць. ³ але, аднак, усё-такі. ⁴ намер, задума. ⁵ няўжо ж, хіба ж. ⁶ віды царкоўных падаткаў. ⁷ распуста, разбэшчанасьць. ⁸ грабеж. ⁹ асцерагаемся. ¹⁰ маенткаў. ¹¹ карысліва.

Обавямыся, абысте, мѣсто потѣхи духовной, о которой дѣпис повѣдает, не шукали потѣхи тѣлесной, то есть, абысте над нами, свѣцкими греческой релѣи людми, переводити, нас правом мятежити, трапити¹, нищити и убожити могли, — за тым зъедноченьем вытиснувши попы, а на их мѣсца вкрадши и ростягнувшия в маетностях² наших.

Обавямыся, абысте вмѣсто тоее милости межи братиею и одного отца небесного дѣтми, о которой надобне мовиш, того, якобы нас укривдѣти, ошукати, утиснути и ошидити, под покривкою згоды, не шукали.

Обавямыся, на початки смотрячи, абысте, мѣсто едности, розорванья и мѣшанины з згиненьем, албо принамнѣй з захвѣяньем³ и навонтленьем⁴ Речи Посполитой злучоной, не взнѣтили⁵.

Обавямыся, наконец, абысте, мѣсто того постраху турком и еретиком, которые теж одним цѣлем того зъедноченья быти припоминаеш, вгроженьяся в нас самых и пышного панованья над сумнѣньем нашим, не шукали. Звлаща⁶ же бачимо, иж тое зъедноченье намнѣй⁷ ку болшому, ниж пред тым, пострахови турчинови стягаться не может. Кгды ж яко дефект зъедноченья того, николи до поднесенья войны против тому тиранови, гдѣ бы згода на то всей Речи Посполитой была приступила, не заважал; так и тым зъедноченьем, хотя бы до него досконале пришло, до поднесенья ей (гдѣ бы згода всѣх иных не была) намнѣй бы ся дорога не услала, и потужности⁸ новотной ничего бы не прибыло.

Одними ж завсегда, однако потужными, однако хвалу божую милующими и еднаково тиранови турецкому нехутливыми⁹ были-смы, естесмы и будемо, мы, народу руского и литовского обывателѣ! Яко ничего тому не уволочала сполечность наша з греческими церквами, так з другой стороны сполечность з римским костелом жадной бы в той мѣрѣ акцесии¹⁰ не учинила. Плотки¹¹ то суть щирые, которыми нам дѣпис очи мыдлити хотѣл! Не до нас, которые под панованьем короля его милости здавна послушне мѣшкаемо¹², будучи члонками¹³ одной нероздѣльной Речи Посполитой, але до тых толко такого аргументу в персвадованью¹⁴ зышло бы ся ему было уживати, которых силы дотоля с короною полскою не суть зъедночоны! Лѣпше бы был дѣпис учинил, кгды бы то был у себе уважил, што власный его еден католик в скриптѣ¹⁵, недавно межи людѣ пуцоним, написал:

«Же за попираньем sprawy того зъедноченья обавятися потреба, абы турчин, услышавши, же ся руские грекове¹⁶ з найсвятшим отцем порозумѣвати и братати починают, а затым бы и тые, што под ними суть, их прикладом вперед з найсвятшим отцем, а потом з Ракуским домом потиху ликги¹⁷, не приняли боячися, абы тым прудше¹⁸ и ядовитѣй так на нас, яко и на христяны, под собою

¹ мучыць, катаваць. ² маёмасцях. ³ хістаннем. ⁴ аслабленнем. ⁵ знішчылі. ⁶ асабліва, найбольш. ⁷ менш за ўсё. ⁸ магутнасці, моцы. ⁹ нядобразычлівымі. ¹⁰ прыбытку. ¹¹ плёткі. ¹² жывучы. ¹³ часткамі. ¹⁴ перакананню, угавору. ¹⁵ у рукапісу. ¹⁶ рускія праваслаўнага веравызнання. ¹⁷ аб'яднання. ¹⁸ хутчэй.

мѣшкаючие, не натер. Што бы там тых христиан за утрапенья¹ до утрапенья причиненьем ку отступованью вѣры христіанской з десперации² приводити, а так утаеные там христіанства силы высилити и ослабити бы могло».

То то, мовлю, што его ж католик написал, дѣпис уважати могл лѣпѣй, ниж што то нам очи мыдлити пострахом турков, ркомо идучим. с того зъедноченья, до которого нас намовляет.

Могло бы ся тут зараз припомнити, яко с того постраху себѣ дѣписови еретицы шидят; але, же полны того уши людские, замолчую...

Четвертой части отповѣди роздѣл 9.

Зли ж, яко дѣпис радит, люде старожитной релѣй греческой, того вдячни быти слушне мают, же их такими способами, якие тепер суть в уживанью, до едности с костелом римским приводят?

Тыми словы дѣпис замыкает свое до руского народу напомниманье: «Дякуйте побожному и великих цнот³ и милости ку богу, кролеви своему, и бискупом святым, и иным, иж вам до тых вѣчных добр так уприйме⁴ помагают, а не хотѣте быти невдячниками грубыми, которыи добродѣев своих не знают, албо брати от них так дорогих и збавенных⁵ скарбов не хотят».

Бы тые слова от самого дѣписа до нас были мовлени, выборне на них замовчати бы ся могло, звлаща же в них о его королевской милости, пану нашем милостивом, взмѣнку⁶ учинил. Але иж много тых есть, которые хоть не словы, мыслью еднак и розумѣньем того ж по нас с тым дѣписом потребуют, абысмы того веденья нас до отданья послушенства папѣжови римскому (которое веденье он помаганьем до вѣчных добр зовет) вдячни были, и кгда на них стискуемо, за зле нам, речи несвѣдоми будучи, мают, — нѣлза едно в том роздѣлѣ на тые слова ся озвати, и всѣм, которые вѣдати потребуют, справу о том дати: чому тое веденье нам приемно быти не может, али нас барзо мерзити мусит? В чом так ограничимо мову свою, же ничего тут о речи самой (то есть о том, если в том веденью до послушенства папѣжа римского вѣчнос добро зависло, албо нѣт) мовити не будемо (кды ж ся звлаща з стороны ея з прошлых тоей отповѣди нашей роздѣлов каждый справити могл); але толко сродки и способы, которых в том веденью нас до того послушенства по тые часы уживано и уживають, уважати⁷ будемо: если ж суть такие, которые бы з вдячностью лѣпѣй, ниж з утискованьем приймовати ся годило? До которого уваженья же потребно ссть вѣданье тых сродков и способов в том веденью нас уживаных, прото ж ё коротко припомню. В котором припомниманью же теж универсалы нѣкоторые его королевской ми-

¹ уціскі, прыгнѣты. ² распачы, адчаю. ³ дабрачыннасцей. ⁴ шчыра, рупліва: ⁵ дабратворных. ⁶ упамінанне. ⁷ разглядаць.

лости, папа нашего милостивого, за даньем звлаща оказии через дѣпися вспомнити приїде, с тым ся декляруемо, перед вшеляким¹ початком того припоминая; наперед: же е на нас не што иного вытискует, едно продком квалт, а квалт праве юж неunosный, а притом хуть до открытя правды, которую незычливые ради бы загребли, в нашем на утрапенья² стескованью, не толко нас заглушаючи, але еще и вину, яко бысмы невинне стисковали, при нас зоставуючи. Другая: с тым ся оповѣдаемо, же выдаванья тых универсалов, которые ся припомянут, вину найдуемо частью при тых, которые не певными повѣстями и скрутными инстанциями своими оные вымагают, частью а наиболее при тых, которые через присягу повѣренные собѣ маючи, перестереганье того, якобы листы жадные, праву противные, в канцлерии писаные, печатованые, подписованью королю его милости подаваны и з канцлерѣи выдаваны не были; однак мимо тое такие универсалы, праву и присязѣ королю его милости противные, важатся³ выдавати. Зачим зараз с тым ся декляруемо, же якосмы от его королевской милости, папа нашего милостивого, добротливой через себе натуры его королевской милости свѣдоми будучи, все вдячне приїмовати звыкли, розумѣючи, же ничего злым, але все добрым умыслом чинить рачит⁴, так и за тых универсалов выданьем того нашего о его королевской милости розумѣнья не отмѣняемо, певни будучи, же его королевская милость; за взятьем от нас справы о том, иж тые универсалы с присягою его королевской милости згодные не суть, тым, которые е до подписованья подавани, зганити то и напотом абы того не чинили сурове заказати будет рачил.

С тым ся так коротце наперед декляровавши, до самой речи приступуемо.

Гдѣ то, наперед, зышло бы ся подобно припомнѣти о годностях, приметах, поступках и цнотах владыки луцкого, который найпереднѣйшим сродком, автором, справцею, теслею и будовничим тоей надотлѣлой едности, а за едностью наступуючого утиску назватися может. Припоминая того тот пожиток могл бы быти, абы люде, вѣдаючи иж «якая причина, який справца, такой теж и skutok»⁵ посполите звыкл бывати, тым снаднѣй⁶ в том, если ж им тая едность слушне смаковати мает, и што о ней держатися годит, могли ся розвязати. Леч же тое припоминая и придожшим быти, и вточенье тут много таких речий, о которых и слухати бридко, за собою потягати бы мусѣло, не хочу чителникови с тоей мѣры мерзячки чинити. Атоли⁷ тые краи, в которых коли жил и живу, о брыдких а не толко духовной, але ани свѣцкой христианской особѣ неналежачих эксцесах⁸ его, могут каждому пытающомуся справу дати.

Сподѣвалисмыся, же вжды проѣжчка до Риму мѣла в ним отмѣну его ку доброму справити; леч, мѣсто поправки живота, при-

¹ усяким. ² гора. ³ асмельвающа. ⁴ жадаз. ⁵ выник, канец. ⁶ лёгка, зручна. ⁷ зрѣшты, аднак. ⁸ учыниках.

несл з собою оттамтоля¹ его милость, сполне с тоєю надотлѣлою едностью, книги невстыдливые, фикгурами наддар вшетечными наполненные, которых прегледованьем безбожные очи пасучи, нерядную пожадливость им далѣй тым болшей в собѣ помножает. А мало на тым маючи, же сам в погляданью на их своей роскоши утѣху положил, еще ку тому и уцтивым матроном подчас оных показати ся не встыдить. Што если ж ся годит, нехай каждый уважит! Прѣти того трудно мает, бо суть тые, которые ему тое, кгда схочет, в очи рекут. З менших речий снадне судити о болших, которых, яком рекл, уходячи бривливости, замовчую.

А также и о иных его товаришов неледа² похвалы годных поступках и животах ничога мовити не хочу, абы хто звлаца несвѣдомый не розумѣл, якобы ся то васни³ чинити мѣло. Кто хочет вѣдати, што ся в которого з них вливает, нехай ся парафѣянов⁴ их запытает, албо хотя на оном каменю пробирском вѣсти послолитой пробу о том нехай учинит: узнает то лацно⁵, если ж святые речи от таких особ справованы быти могли?!

А затым и з стороны того ся резолюе⁶, если неслушне на тые сродки тоей велебной унѣи стискуемо.

Давши иншим поступком и животови их покой, аза ж то неслушне нас обходити мает (о чом в першой и второй части тоей отповѣди ся мовило), же без синоду, без всего порозумѣнья ся, намнѣй ся нас в том не доложивши, не толко мимо позволенье, але и мимо вѣдомость нашу, а што болшая — вѣдаючи противную интенцию нашу, вѣдаючи о протестацнах, которых есмы за глухие толко вѣсти о тых замыслах до ушей наших прихоженьем, на много мѣсцах чинили, того ся важили, же именем нас всѣх отдаванье в Римѣ послушенства строили и нас, правне яко какое быдло, стрыхом Юдашовским (который оно мовил: «что ми дасте, а я его вам выдам») не без явного кривоприсяжства новотной зверхности поддавали?

Нуж облуда⁷, нещирость, шалбирство⁸, фортеле⁹ и фалше их, которых в той мѣрѣ заживали (в тот час кгда найбарзѣй тые речи кновали¹⁰, и словне и листовне нас же о том ани мыслят упевняючи, и еще до сталости при старожитной релѣи ведучи, аза ж нас слушне обходити и до стискованья побужати не мает?!

Леч все бы то зноснѣйше, хоть барзо жалосные были речи, кгда бы оттоля розличные нас релѣй греческой людей ублизенья, утисненья и кривды яко з нѣякого жродла¹¹ не были выникнули, и кгда бы поступки, кгвалтом, мусом и неволею значне пахнучие, не были к тому приступили. На которое иж слушне стискуемо, абы каждый бачити мог, нѣкоторые толко з них (бо кто ж бы всѣх выличил?!), а особливе тых, которые юж¹² по ѣханью луцкого и володимерского владыков¹³ до Риму, наступали, для прикладу при-

¹ адтуль. ² не абы-якія. ³ непрямнась, гнеў, нязгоду. ⁴ прыхажан. ⁵ лёгка. ⁶ вынікае. ⁷ крывадушнась, прытворства. ⁸ махлярства, жульніцтва, ашуканства. ⁹ хітрыкі. ¹⁰ хітрылі, злачынна задумвалі. ¹¹ крыніцы. ¹² ужо. ¹³ маюцца на ўвазе К. Тарлецкі і І. Пацей.

помимо. Бо ач¹ вправдѣ скоро по ового² в першой части вписаного листу нѣкоторым владыком в року еще 1592 данью (в котором суть обезпечени, же для всякого оскарженья, клятвы и оголошенья, бы добре против станом их ведлуг прав духовных и свѣцких было достоенств, не мѣли тратити), зараз нѣякие нас старожитной релѣи греческой людей в набоженствѣ пренагабанья появлятися почали, однак найбарзѣй ся и наиотвористѣй³ в року 1595, по ѣханью юж помененых владыков до Риму показали.

В тот час юж теперь на набоженство наше явне натерто⁴. А вступок того за универсалный короля его милости и в добрах и мѣстах короля его милости наперед учинено: церкви на нѣкоторых мѣсцах печатаючи⁵, — аппараты⁶ церковные з них беручи, — от хвалы божей и набоженства в дни святы, ведлуг старого календара отправованые, з церкви люди кгвалтом выгоняючи, — на презвитери и попы наши ся торгаючи, — з сакраментом⁷ звыклым способом до хорых через рынок ходити им в уборох поповских заказуючи, — мертвых явне через рынок с процессиею ведлуг обычаю релѣи греческой провадити, в церквах в свята звонити, и обрядов набоженства своего заживати заповѣдаючи, — а тых, которые тым заказом и заповѣдем подлегати не хотѣли, браньем вин, везеньем, битьем и иными способы удручаючи.

В тых же мѣстѣх короля его милости и под тым же часом на школы релѣи нашей греческой ся торгано: дѣти и убогие з них до своих волочачи, быючи, сажаючи и розмаитые над ними збытки⁸ чинячи.

Под тым же часом в нѣкоторых короля его милости мѣстах греческой релѣи люде, мимо давный звычай, от урядов, от цехов, от ремесл отстрыхани; в чиненью справедливости им и з иных розных мѣр утискати их почато. О чом барзо много на розных мѣстах ест протестацій починеных, которые што, коли, кому и гдѣ ся стало посвѣдчают. Вписованья их тут, для продолженья, занехам; готов однак будучи каждому вывѣдуючомуся⁹ тых припомненых в мѣстах короля его милости и индѣй утерплених через наше анкгарий¹⁰ много прикладов припомнити.

Вступок так забороненья и перешкоженья набоженства мѣщаном подданным короля его милости, в мѣстах Речи Посполитой и короля его милости учинивши, поступлено далѣй: торгненося с тоєю опресѣю¹¹ и на стану шляхецкого люди. Чого ач прикладов ест немало, однак, уходячи продолженья, толко одну тут, зацную¹² особу заходячий, для визерунку¹³ припомнимо:

Владыка володимерский по приѣханью юж з Риму, на двор ее милости паней браславской, кнежны Збаражской, в которой ведлуг давного звычаю набоженство презвитер¹⁴ отправовал, нашедши там до церкви, двери кгвалтом выбил, речи до набоженства отпра-

¹ калі, хаця. ² таго, гэтага. ³ чыстасардэчней. ⁴ адкрыта нападаюць. ⁵ закрываючы. ⁶ убory, адзенне. ⁷ з тайнаю. ⁸ празмернасці. ⁹ хто цікавіцца. ¹⁰ прыгнёт, праследаванне. ¹¹ уціскам. ¹² высакародную. ¹³ малюнка, узору. ¹⁴ поп.

вованья належачие одны побрал, другие порозмѣтовал, ово згола квалт великий учинил. З стороны чого кгда ее милость протестацию чинила, всказал до ней, же дармо ся протестует, бо его тут в Полщи жаден суд о тое судити не будет могл; а если ж до папѣжа, которому юж послушенство отдал, схочет его позывати, будет мѣти добрую проѣжчку; але он будет то мѣл перед нею, же ему дороги там пытати не будет потреба, бо юж ей перевѣдал, и так розумѣет же там за еи милостью не скажут.

В забороняню и перешкожаню таком набоженства старожитного мало маючи, торгненося зараз клятвами, а при клятвах квалтом и моцю на релѣи нашей духовных, которые за оторванцами ити не хотѣли. Зачим одны выгнани, другие иманы, третии биты, четвертые везеьем и иншими тому подобными прикрыми поступками суть трапленн, — чого приклады меновати можемо.

А для болшей в том всем свободы, отступники, хотячи казни за свое отступство зникнути и хотячи нас тым снаднѣй до тоей матнѣ, в которую сами влѣзли, угнати, забѣгали тому, якобысмы патриархов восточных волѣ и рады досягнути не были могли; и затым лист до украинных старостов в канцелярни короля его милости зъеднали собѣ в тые слова:

«Жикгимонт Третий з божей ласки — всѣм вобец¹ и каждому зособна, кому то вѣдати належит, а меновите старостом нашим украинным, уприме и вѣрне милым, ласку нашу королевскую.

Уприме² и вѣрне нам милые! Же мы, бачачи як много безпеченству коронному на том належит, абы жаден чужоземец, звлаща люде греческого закону з земля турецких до панств наших не приходили, хочемо того по упримой вѣрности вашей, которые едно украинные замки мают под владзею своею: абы того пилне перестерегали, жебы жадных особ, которые бы от патриархов греческих з листами албо посельствы якими, будь до епископов релѣи греческой, будь теж до кого иншого в панствах наших послани, абы были не пропущены. И росказуемы сурове, абы таковых людей задержовали, и оных листы, если бы якие мѣли, до нас ото-славши, до науки нашей в доброй опатрности³ ховали, иначе не чинячи, для ласки и повинности уряду своего.

Дата в Краковѣ 28 липца, року божего 1595, панованья нашего королевства Полского осмого, Шведского второго. Жикгимонт, рекс⁴. Пестроконский».

В надѣю тоей пограничной сторожи, року 1596, тепер юж отступници пропорцы⁵ свое ростягати и тых, которые им отступления от старожитной релѣи помагати не хотѣли, с каждой мѣры утяжати⁶ и тямжити⁷ почали: по клятвах, на таких выдаваных, выво-ланье з канцелярни короля его милости на них выправуючи, а на-вет юж и будованья церквей ку отправаню старожитного набоженства забороняючи, за листами короля его милости, которые

¹ наогул. ² шчыра. ³ засцярозе. ⁴ кароль. ⁵ сцяганосцы. ⁶ прыгнятаць. ⁷ мучыць.

одержали за омыльным¹ даньем справы. С которых листов одного, до Вилни выданого, тые суть слова:

«Жикгимонт Третий, божею милостию король Полский. Войтови, бурмистром, радцом и лавником мѣста нашего виленского, вѣрне нам милым, ласка наша королевская.

Маемо тую вѣдомость, иж нѣкоторые подданные наши, мѣщане виленские, заживаючи своволенства против звирхности нашей господарской и праву посполитому, бунты и розрухи непотребные межи подданными нашими, мѣщаны виленскими, братством Троецким чинят; тьи святобливыи² справы зачатыи, за которыми бы то до згоды и зъедноченья у вѣрѣ межи народом люду христианского приходити мѣло, розрывают; и иных подданных наших до себе способляючи, против Речи Посполитой бунтуют, незгоды и розрухи множат и ничего недбаючи на каранье и вины, в правѣ посполитом на таковых описаные, покой посполитый правом обварованный³ взрушаючи, а надто еще ку болшому взрушанью покоя посполитого, пляц в мѣстѣ нашем виленском купивши снать церквей не так для отправованья в ней хвалы божей, як наибольшей для болшей ереси и розширенья бунтов в Речи Посполитой збудовати хочут. Што иж бы таковому своволенству и бунтом всяким забѣчися могло, хочемо мѣти и приказуемо вам: абысте з належности и повинности уряду своего, таковых бунтов, которые бы ся межи подданными нашими вщинати и ширити мѣли, постерегали; тых вышешменованных подданных наших, як взрушителей и бунтовников покою посполитого, и иных, которые бы ся напотом показати мѣли, ведлуг права посполитого и выступку их карали, и тоей церкви будовати не допускали, и заборонили, конечно иначе того не чинячи, для ласки нашее (иж привилеи предков наших, и наши господарские о том значне описуют: же церквей жадных нигдѣ в панствѣ нашем никому будовати неволно, без вѣдомости и позволенья господарского). Писан у Варшавѣ, року божого нароженья 1596, мѣсяца августа 29 дня Сикгисмундус, рекс. Матѣй Война, писар».

Той лист если (же присяги конфедерации и права замолчу) згожається и з овим в роздѣлѣ четвертом першей части припомяненным листом латинским короля Стефана, навет и с привилеем виленским короля его милости пана нашего теперешнего, братству церковному Виленскому дня 9-го мѣсяца октебра, року 1592, в Варшавѣ наданом, в котором меновите будованья церквей волность есть варована, — нехай кождый судит! А особливе нехай ся тые приглядают, которые выданья того листу с канцлерии суть причиною!

В том же часѣ, коли той помененый лист есть с канцелярии выданный, оголосился собор в Берестью. Тешилихмося им, сподѣваючися же юж за тым тьи анкгарии або утрапенья погамоватися мѣли. Али ото коли собор надходил, под тым часом праве наибольший препых⁴ свой владыкове оказовати и людей старожитной вѣры гре-

¹ падманным. ² набожныя, пабожныя. ³ умацаваны. ⁴ наибольшую ганарыстасць.

ческой бѣдѣти почали. Для прикладу писаный лист владыки володимерского, которого тые суть слова, кладу:

«Ипатеѣ, з ласки божей протофроний¹, епископ володимерский и берестейский. Всѣм вобец и кождому зособна, православным христианом, людем церкви греческой, сыном духовным нашей покорности.

Як не пооднокротъ с повинности нашей пастырской, видячи великую недбалость и лѣнивство ку хвалѣ божой, и недбалость о церквах божих братства Берестийского, напоминалихмо як словом, так и писмом нашим: абы ведле звыклого обычаю, на спѣванье и молитвы до церкви божей збиралися и повинности своей христианской досыть чинити перестерегали. А иж оны, которые и на навпоминанье наше отцовское дбати не хотят, церковью божею и навпоминаньем нашим отцовским гордят, а нѣкоторые снать на зелживость вѣры своей и дому божого молитвенного зборы якиесь покутне способом еретицким в домѣх своих чинят, а снать нѣкоторые до еретицких божниц на молитвы утекаются,— а про то не могучи далѣй таковой своволи терпѣти, тое остатнее навпоминанье наше до всѣх чинимо и именем божим розказуемо: если бы через тое упоминанье наше болшей того в упори своем тривали и домом божим взгоржали, а на молитвы и спѣванья в дни святые не приходили,—тогда тобѣ, протопопо, и всѣм попом берестейским соборовым и околичным приказуемо, под клятвою и отлученьем стану священнического: абысте ни до одного с таковых непослушных в дома их не ходили, дѣтей их не крестили, святостей Христовых таковым не давали, погребов умерлым не чинили, и жадною справою духовною им не услуговали, при церквах погребати тѣл мертвых не допускали, и по умерлых звонити не розказовали; а згола — всѣх таковых за еретиков и выклятых от церкви божей мѣли, так долго, поки аж наверхнутся и до церквей божих по старому ходити, и повинности своей христианской досыть чинити будут, конечно.

Дан в Берестью року 1596, октября 3 дня. Власною рукою».

Наспѣл потом зараз собор Берестийский. Али на нем и по нем вмѣсто сподѣванной поправы — погоршенье, вмѣсто ослабы — болшей тяжар, вмѣсто потѣхи — болший смуток наступил. Замолчуемо, яковые там уруганья, яковые легкие уваженья в мовах и казаньях без всякой вины относили есмо. Не вспоминаю, як грека Никифора², который там был прибыл, коли власти уряду своего протосингелского заживал, арестовано. То — кгрунт всему, же, мимо нас всѣх духовных и свѣцких позволенье и овшем противко явной нашей протестации, митрополит³ с пятма владыками, обставившия в церкви гайдуками, по сползненью дня и термѣну соборови назначоного, едность нѣякуюсь с римским костелом строил. А мало на том и з своим товариством маючи, и хотячи нас поне-

¹ старшы епископ. ² прадстаўнік канстанцінопальскага патрыярха на Брэсцкім праваслаўным саборы 1596 г. ³ мітрапаліт кіеўскі Міхаіл Рагоза.

волне до тоее ж едности привести, выеднал универсалы з канцелярии короля его милости, през которые той едности и справам его берестийским нетолко противитися заказано, але теж оную приймавати и оной подлегати, а при том — лвовского и премыского владыку, про то иж на тую едность не позволили, не за владыки, але за проклятые мѣти и з ними не посполитоватися, ани обцовати нам конечно розказано.

Универсалов тых иж суть придолжшими, для продолженья зуполне не вписуючи, замкненье¹ толко их ведле того, як по князствѣ Литовском были розосланы, тут приписуемо:

«А иж бы то всѣм до вѣдомости пришло и от каждого выполнено было, — вам, воеводам, старостам, державцом, тивоном нашим, намѣстником и урядником, также войтом, бурмистром, радцам, лавником, приказуемо: абы-сте сами постановенью синоду того Берестийского ни в чом противны не были, а других подданных наших, которые бы ся тому противили, карали; а той лист наш по костелѣх и на торгах, копѣи з него списуючи, прибавати и то всѣм ку вѣдомости приводити розказали. Конечно иначе того не чинѣте. Писан у Варшавѣ, лѣта божего нарожения 1596, декабря 15 дня».

То такие универсалы урядом зверхность на собѣ маючим, тых, которые бы ся постановленью Берестийскому отступников противили, карать розказуючие, — тые, которые их з канцелярии выдавали, нехай уважат, если не суть противны овому пунктови присяги короля его милости: «а ни яким способом або урядом нашим, або урядников наших, або станов которых колвек повагою, никого не ублизу и, для вѣры, утискати не допущу, ани сам ублизу, ани утисну».

По соборѣ Берестейском приспѣв близко прошлый сейм з велми многих воеводств, а особливе с тых, в которых ся люде вѣры греческой найдуют. Послом с повѣтовых сеймиков на него выправленным, справу нашу поручено. А што уваженью есть годно: в многих инструкциях за найперший артикул поручено, зретьельным² доложеньем прозбы и пилности до короля его милости, абы король его милость не толко тоей през оторваньє злѣпленой едности не поцирати, але теж абы, на мѣсце их, иных, которые бы власне вѣры греческой были преложоныи духовныи, на прономии³; через них держаныи, нам подати рачил. Просили о то с пилностью, домовлялися того, старалися о то послове. Што за скуток? На словах ся не садячи, рѣч самая свѣтчит. А то предся и по сей день тые отступники не толко на прономиах, собѣ ведле права не належачих, седят, але и зверхность свою не толко штуками и фортелми (с которого жерела⁴ и трутизны⁵ выникают), але и моцью а квалтом над нами рогтягают. А што найжалоснѣйшая — уряды рамена⁶ короля его милости, за универсалми, из канцлерии высланыими, до того ся

¹ канцоўку. ² відавочным, яўным. ³ маѣнткі, даход з якіх ішоў у карысць царквы. ⁴ крыніца, вусце. ⁵ яд, атрута. ⁶ парадкі ўладай, імен.

значне примѣшивают. Зачим им далѣй, тым болшей невинных бѣд прибывает зо всѣх сторон.

Не припоминаю тут жалосных кривд, которые от нѣкоторых небачных римского признанья людей, мимо звычай давный, з неучтливостью и зелживостью нашею змѣшаные, относимо! Чесные малженства¹ наши в распач невстыдливый вшетечными² мовами своими приводят! В церквах отмѣны чинячи, тѣла мертвых греческой вѣры людей, из землѣ выкопаные, вымѣтуют! От свѣдцтв старожитной вѣры греческой людей, яко бы вѣры негодных, отдаляют, и оным книг правных, которые ведле права никому не мают быти боронени, боронят! Презвитеров наших на дорогах споткавши розмаитыми деспекты³ карают!

Которые то всѣ уразы⁴, от гонителей римского признанья отношеные, не так нас от них, як от отступников старожитной вѣры греческой болят! Кто ж бовѣм не видит, же за их справою тые уразы вщалися?!⁵ Бо поколя отступленья их не было затривожило, з ласки божей былихмо от них волными, и в яком-такоем седѣлихмо покою. За их же ся справою вщали, и им далѣй, тым болше посполиваются⁶ везенья, морды⁷, наѣзды, гоненья и иншыя тым подобные бѣды тых, которые за ними ити а старожитной вѣры отступити не хочут. Чого в каждом кутѣ, гдѣ одно греческой вѣры люде живут, прикладов много!

А уже той поломень, от инших вщатый, и старших наших правдивых духовных доходит. Уже архимандритови киевскому, якобы для статечности⁸ при старожитной поприсяженной вѣрѣ духовным быти переставаячому, монастыр Печерский отняти хочут! Уже и владыци лвовскому, для тоее ж статечности монастыр Жидичинский, который аж дотоль за привильем короля его милости спокойне держал, кгвалтом наѣхавши на оный, през штурм с пролитьем крови выдирают! Уже инших много тым подобных, кровью пахнувших, выступков дѣет!

А за тое ж то, дѣеписе, дяковати маемо?! Изаж⁹ за тое не мает нам быти волно нарекати? За тое ж то невдячностью называеш, иж на такие уразы стискуемо? Бысмо добре ничего иншого не терпѣли, едно тое, жебысмы митрополита и владыков отступных, по отступленью греческой вѣры, прономий, на вѣру греческую наданых, уживаючих и пастырми ся нашими удаваючих видѣли, — изаж бы о то самое стисковати нам ся не годило? Малые ся то кому рѣчи видят; але атоли и тых малых рѣчей христiane, в неволи турецкой живучи, з ласки божей не терпят! Бо еще николи до приимованья розной вѣры людей за преложеныя духовные несут приневоляни, — а то там права не маеш, которое бы достоинство вѣры греческой уменьшванья и пониженья боронило, — а то там конфедерации не маеш, которая бы прономии релѣи греческой

¹ шлюбы. ² разбѣшчаными. ³ розными здзеками. ⁴ удары, траўмы. ⁵ пачалися. ⁶ робяцца звычайным, привычным. ⁷ забойствы, катаваннi. ⁸ сталасцi, паважнасцi. ⁹ хiба, няўжо ж?

только людям вѣры греческой даваньє варовала. А нам и празо, и конфедерации, и привилѣя, и звычай, и иншии фундамента волности набоженства маючим, же ся то в волной Речи Посполитой дѣет, — и яко ж не стисковати, и яко ж не нарекати на тое, яко ж с того доволни быти маем?! Бо добре тое нас самых не заходило и не долегало, а жебыхмо хотя в иншей вѣры особах такой праву кгвалт чиненый видѣли, — и за ж бы нам хуть ку задержанью ойчистой волности и права посполитого мовчати о тое допустила? А што ж коли то ся в вѣрѣ нашей дѣет: же отступници не только хлѣба собѣ неналежачого заживають, але и звѣрхность над нами силомоцью ростягають; коли за оказиею тоей зверхности их в сумнѣньях наших нам кгвалт ся дѣет; коли нас (волные нам набоженства отправовати и церкви будовати забороняючи) горше от безбожных жидов кладут; коли взглядом вѣры, на маетности, на здровья и на учтивое наше з розных мѣр натирають; коли в том всем помочи през прозбы и поселства частокрот повтараные шукаючи, не найдуемо? И як же не маемо стисковати, а и з жалем сердечным нарекати?!

Певныхмо, же жаден бачный за зле того нам мѣти не будет; а и дѣепис занехает¹ нас невдячниками грубыми называти, хотя то тых таковых прикрых скарбов, которих спасителными зовет, не тылько с хутью² не приймаемо, але и жалосне же их в нас поневоле не ткають, стискуемо! Нехай ся сам ткнет, — чи бы мовчал, чи бы дяковал, гдѣ бы его то, што нас долегаєт, долегало? А либо бы он, чого не розумѣемо, долеглость такую и з вдячностью и з мовчаньем вытрвати мог!? Мы ся объясняемо, же на таковую терпливость, жебы то, коли болит, не стогнати и не охтати — здобытися не можем. А теж досыть в том терпливости нашей, же хотя так уражени будучи, хоть так през долгий час в урязах своих жадного улженья³ через прозбы одержати не могучи, хотя видячи, иж зношеньем старых крывд новые побужаемо, — еднак то злого злым не отдаваемо, ани ся до кгвалту против кгвалтови мечемо.

Ожидаемо змилованья бога вседержителя, просячи его, абы нам того креста ослабил, а тым часом нас терпливостью обдарити рачил! Ожидаем змилованья его королевской милости, маючи надѣю, же вжды коли в уши свои панские (которые теперь от нам незычливых праве якобы затканы суть) жалостные нареканья наши припустит, и слушному жаданью нашему мѣсце зоставити рачит. Ожидаем на вашу милость всѣх корунных и великого князства Литовского и панств ку тому належачих обывателей обаченье, а зали вжды коли в тые наши sprawy, так яко ся годит, углянете и уразы наши ведле потребности лѣчити будете. Чого абысмы тым певнѣйшиє были, ту конец тому роздѣлови учинивши, в замкненью тоей всѣй «Отповѣди» нашей до вашей милости мову свою обернувши, што ваших милостей ку тому приводити маєт, вкоротцѣ припомнимо.

¹ пакідає. ² ахвотай, жаданнем, намерам. ³ спачування.

ЗАМКНЕНЬЕ ОТПОВѢДИ
С ПРОЗБОЮ И З УПОМИНАНЬЕМ ДО КОРОННЫХ
И ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО
ОБЫВАТЕЛЕЙ

У

же ся теды дотоля соборовому дѣписови¹ на книжки о соборѣ Берестейском, розмаитых потварей² и фалшов полные, вкоротцѣ отповѣдило.

А особливе показалося многократный выстук митрополита и владыков нѣкоторых, которые противко присязѣ, патриарсѣ константинопольскому при рукоположенію учиненой, против обѣтницам своим, против канонем церковным и соборовым, против праву посполитому, против угодам, з людми римского вызнанья чиненым, против листом королев их милостей, не толко мимо позволенье, але и против протестациам нашим, — облудне и фортелне³ з нами собѣ поступуют, зверхности патриархов восточных отступили, и не толко своим, але и нас всѣх, которыесмы о том ни мыслили, именем папезови его милости римскому послушенство фалшиве отдавали, и рекомо нѣякуюсь едність Флоренскую отновляючи, до николи небывалого вѣры старожитной греческой вышпочеванья, а з кгрунту праве вывороченья дорогу слали, и по сей день стелют. Чого взглядом, же прономий на вѣру греческую наданых далѣй ведле права уживати не мают, довелося.

Показолося теж, же поступки нас, старожитной вѣры греческой людей, на соборѣ Берестийском и з жадное мѣры слушне ганеные быти не могут.

Показолося, же розумѣнье о еднначалствѣ церковном папезов их милостей римских — ани в евангелии, ани в святых учителях, ани в историях церковных фундаменту не мает.

Показолося, же тые наганы⁴ патриархии Царигородское и похвалы зверхности римское, которых синодовый дѣпис в своем до руского народу упоминанью ужил, не суть таковыя, жебы ку воли им старожитной релѣи и звѣрхности нашея греческой отступити нам ся годило; причом зараз, за оказиею слов дѣписовых, нѣкоторые способы, которых в привоженью нас до отступленья вѣры нашей тых часов заживают, с показаньем же слушне на них стискуемо, суть припомнены.

Догодилось теды таким способом пред ся взятю нашому, которого, як есмо в предмовѣ припомнили, той переднѣйший быв цѣль—оказанье невинности нашей, а выкrochenья⁵ стороны противной.

Сумнѣнье доброе, свѣдѣцтво нам в мыслях наших о невинности нашей дающее, а в ласци и помочи господа бога вседержителя нас упевняющее, переднѣйшею есть потѣхою нашею. Леч притом, абы и люде вси тое бачили, упрійме⁶ собѣ того, яко якої великой потѣхи, зычимо, и того самого ищемо в том писмѣ нашом, которое на

¹ гісторыку. ² розных паклѣпаў. ³ крывадушна і карысліва. ⁴ намовы. ⁵ выкрыццѣ. ⁶ шчыра.

нас розмаитые мов наших на сеймох по тые часы заглушенья най-болшей, видит бог, вытиснули. Тые ж заглушанья велми жалостныи суть причиною, же до ваших милостей, милостивыи панове сенаторове, и цныи¹ коруны Полскои и великого князства Литовского рыцарство, тую тут прозбу и упоминанье чинимо, которое бы на сеймох и на иных, радом о Речи Посполитои и намовам о лѣченью уразов отданых, зѣздѣх найвласнѣйшее и найслушнѣйшее мѣсце мѣти мѣло.

Не есть вашим милостям тайно и за прошлыми скаргами, и за теперешним припомненьем — великие а праве незносные, не толко маетности, здоровья и учтивости, але и сумнѣнью заходячее зневоленье и стисненье наше. А иж братьею нас своею зовете и члонками² одного тѣла Речи Посполитое менуете, — просимо: ужальтесь над утисненою братьею своею! Нехай вас рушат як власне в. м. обходячие раны и уразы наши! Если ж теды ваша милость (чого не розумѣемо) против нам озябла, вжды нехай в. м. рушит милость прав в. м., которые в едних дощках з нашими (в которых квалт тепер терпимо) замкнены, и едними звязками утвержены суть! Стерезитесь того, абы тоею дирею, которая ся в правах нам служащих дѣет, вси ся вашим мстям³ свободы не выслизнули! Штотъ нас долѣгает, то и вашим милостям всѣх прикладом и секвелля⁴ заходит. Николи в жадной речи посполитои всѣм зараз утисненье не докучило: злегка той пожар идет, хто его на чужом не гасит, той посполите⁵ на своем его кгрунтѣ а прудко обачует!

Нехай вашим милостям рушит огляданья ся на вѣру, сумнѣнья и почтивости ваши, которыми до перестереганья прав, волность набоженства варующих, естесте обовязани. Нехай в. м. рушит уваженье того, же либо бы есте нам отступленья вѣры наше зычили, людми, а не скотами естесмо, а з ласки божей людми свободными, на которых абы што през моц и мус вымочи мѣл, прожне⁶ собѣ хто обѣцовати мает! А либо бы в чом иншом тое быти могло, — в вѣрѣ, которая в сердцу а в умыслѣ своем мѣсце мает, иза ж к тому может быти яковое подобенство?!

Хто ж з людей смертелных привлащити собѣ может шафунок⁷ вѣры, которая есть самого господа бога даром?! Хто ест так потужным⁸, абы умыслом пановати а до вѣренья того, чого сумнѣнье чие не приимует, або до невѣренья того, што приимует, приневолити кого мочи мѣл?! Ничого не ест так доброволного, як набоженство и вѣра, так же ее мус бы найболший ни в ком не стварит; позвирхнюю толко облуду⁹, вѣри подражняющую, а господу богу барзо мерзкую, далѣйничого в людех боязливых, а межн небоязливыми розлитье крови справити может!

Приклады, того посвѣдчаючие, у нас их не шукаючи, рачите в. м. мѣти с посторонних краев, в которых не откилку лѣт, але без

¹ сумленнае, высакароднае, прыстойнае. ² часткамі. ³ міласцям. ⁴ наследак. ⁵ звычайна, заўсёды, часта. ⁶ дарэмна. ⁷ марнатраўнасць. ⁸ магутны, моцны. ⁹ крывадушнасць.

мала от ста, не леда ¹ от кого, але от монархов свѣта найможнѣйших ² и найпотужнѣйших, не леда з яковым промыслом, але який може быти на свѣтѣ и найсилнѣйший и наймудрѣйший, люде до набоженства, собѣ ся неподобаючого, притискани были. Што ж ся тым справило? Чи ся едность вѣры и згода досконала уклѣтила? ³ Ничого? Але што? За примушаньем пришло до васни ⁴, з васни до ростырков ⁵, з ростырков до розорванья, з розорванья до внутренней войны, которая межи всѣми злыми рѣчами на свѣтѣ ест найгоршею: бо взрушенье права и божого и прироженого, кгвалты, пожоги, наѣзды, крови розлянье, спустошенья, а коротце мовячи—вшелякие кшалты ⁶ злых припадков в собѣ замыкает. До того такая война, над иные внутренние войны, як ядовитшая быти так и должей трвати мусит. В инших войнах внутренних бовѣм одна сторона до уступенья другой, за обаченьем слушной ее причины, снадне приведена бывает: тут зась (гдѣ кождый то, ште вѣрит щирою и спасителною правдою быти мнимает ⁷; а за тым же што ж колвек терпит, для правды терпит, и през тое терпѣнье мученического вѣнца и живота вѣчного доступует — ест певного розумѣнья) — який способ може быти вынайденый гамованья? Само аж зобополное знищенье, упрацованьесея ⁸, высиленье, выжаленье ⁹, зубоженье — звыкло такие войны але не в час гамовати, а згodu пожаданую нерыхло ¹⁰ приворочати. Што иж так ест, для бога, милостивыи панове, гамуйте в час тые кола, поки ся не розбѣжат!

Жалосная реч — терпѣти утиск от вышшого, жалоснѣйшая — от ровного, найжалоснѣйшая — от подлѣйшого. Терпливость, часто ображаная, в попудливість звыкла ся премѣняти. Недуфанье ¹¹ о доступенью справедливости през звыклые средки, недуфанье о помочи, выгледанье за некараньем и негамованьем утисненых — што раз то болшого утрапенья до незвыклого утисненым одыймованья звыкло бывати причиною утрапеным.

Ужалтесея, для бога, над отчизною сполною! Уважте кондицію ее инакшую ниж инших королевств, в которых огонь внутренней войны и до того часу не ест угашеный. Там мѣста, там замки, там тверди ¹² оборонные густо сядят; зачим недив, же долго ся собѣ опирали и опирают. У нас гдѣ бы ся той поломень (которого, боже, уховай!) появил, прудко бы вси того широкого панства мазанки попопелѣли! Там турок — одлеглый, о татаринѣ — ледво слыхати! А мы их тут туж при боку маем; и хотя в згодѣ мешкаючи ¹³, от них в небеспеченствѣ уставичном ¹⁴; а к тому и з инших сторон покоем, приязнию и примирьем не доконца обезпечени естесмо.

Досвѣдчилисте в. м., в какой есмо згодѣ з в. мстями прошлых вѣков мешкали, хотясмо при старожитной вѣрѣ греческой и при патриархах в Греции будущих статечне ¹⁵ трвали. До милости, до

¹ не ад іншага. ² здольнейших. ³ наступіла. ⁴ сваркі, спрэчкі. ⁵ нязгоды, нелады. ⁶ вынікі. ⁷ мяркуе. ⁸ стамленне сябе. ⁹ засмучэння, пазбаўлення сілы. ¹⁰ няхутка. ¹¹ не жадаанне. ¹² крэпасці. ¹³ жывучы. ¹⁴ пастаянным. ¹⁵ стала.

зычливости, до ратунку в потребѣ розность церемоній ничего не перешкожала!

Досвѣтчайте уже теж в. м. тое милое згоды и едности, которую наши отступнии митрополит и владыкове лѣпити почали! Видите в. м., якне skutки¹ тая едность приносит и принести может! Видите, же за нею, мѣсто причиненья, нарушенье старожитной згоды и милости наступило!

Якого ж еще далѣй досвѣтченья ждете? Чому ж рачей² што прудщѣй до того не помагаете, яко бы ся старосвѣцкии задержанья домовою згоды способ привернул? Чому молчаньем своим на то, што ся дѣет, причину королю его милости пану нашему милостивому до того розумѣнья даете, якобы мовы и стискованья наши уваженья годны не были? Присягали есте, милостивые панове сенаторове, права стеречи и речом шкодливим в Рѣчи Посполитой забѣгати: а чому ж хотя видите, же права ся у нас ламлют³, мовчите? А чому ж хоть небезпеченство з утиску взглядом релѣи чичененых упатруючи⁴, оному в час не забѣгаете? Чому и его королевской милости, абы ему в том забѣг, с повинности своей в том не напоминаете? Если ж взгляд на католицкую римскую вѣру и помноженья ей прагненья в. м. в том гамует, — а што ж в. м. о прошлых королях полских зречете, которые през шесть сот лѣт волность набоженства нашего, хотя до того присягами не были обовязовани, вцале нам без отмѣны заховали? Чи прото католиками не были? Не рачте их в. м. своими поступками в тое вдавати розумѣнье!

О оных давных христианских цесарѣх читаемо, же хоть их к тому жадные обовязки не притискали, еднок не толко христианом бога в тройци единого визнаваючим и от всякой змазы⁵ еретическое волным, але явне облудным волности набоженства позволяли. Пишет Сократ, костелный историк, о Иовинианѣ цѣсару, же не толко кождому якового хотѣл набоженства позволял, але теж похлѣбцом⁶, которые ся ему приспособляючи, до его вызнанья нещире отзывали, приганяючи, мовил, же дошел того, же не бога хвалили, але шарлат! Той же Сократ пишет о Уалентинианѣ цесару, же правдиве с тым переставал и тых боронил, которые с ним одной вѣры были; вшак же еднок и Арианом не наприкрался. А Зизомен о цесари Гратианѣ теж пише, же волность набоженства, правом з стороны того учиненым, был опатрив⁷. О Феодосию зась цесару Сократ тые слова написал: «Феодосий цесар никого для вѣры не бѣдил⁸, ани з собою до сполной вѣры и набоженства примушал; але кождым на свои мѣсца сходитися, и о том што на христианство належит розумѣти позволял, ведле того до якого розумѣнья хто был прихилный». О том же Феодосию той же Сократ на другом мѣсцу так написал: «Цесар так далеце против христиан-

¹ вынікі. ² вярней, ахвотней, лепей. ³ зневажаюцца, парушаюцца. ⁴ бачачы. ⁵ ганьбы, знявагі. ⁶ падхалімам, падлізам. ⁷ асцярожны. ⁸ турбаваў.

ству был набожный, же не толко священников велми почитал, але и Новатианы, гомоусион¹ визнавающих, милостью огортывал».

То так давные оные цесари собѣ в справѣ вѣры поступовали! Чого не читаем, абы им христианские епископи за зле коли мѣли! Не читаем теж, абы их господь бог для того карати был мѣл! И овшем о Феодосию читаемо, же господь бог сам з неба напротив его неприятелем воевал, вѣтры квалтовные на них побудивши, и их стрѣлбу на их самых навспак² оборочаючи.

Нехай же теды милостивые панове сенаторове римского набоженства, взгляд на католицтво в. м. не отводит от пилного короля его милости упоминанья з стороны забѣженья небезпеченства, которое тая новотная непевная едность моцью попиранья уродити может. Вшак же ему забѣчи не трудно: толко отмѣну, которая завше звykle бывати шкодлива, и за отмѣною идучие праву противные утрапенья зараз знесши, а звычай старожитный привернувши!

До того просимо: абысте нам с повинности уряду своего рачили быти помочни у его королевской милости, пана нашего милостивого, которому честь, вѣру и послушенство в речах, вѣрным подданным належачих, неотмѣнне отдавати хочемо. Тѣла, добра, маетности и учтивости наши звирхности его королевской милости суть от нас доброволне подданы: так же ведлуг права посполитого о них чинити розсудок может. Души самые, сумнѣнья и набоженства наши зоставилисмо цѣлые цареви небесному, который яко нам так и его королевской милости панует. Тому самому в той мѣрѣ же догожати и приспособлятися хочемо, нехай нам его королевская милость, границы звирхности своей уваживши, за зле мѣти не рачит. Вшак если же блудимо и грѣшимо, грѣшимо тому пану, который сам, всѣх нас души в моцы своей маючи, часу своего суд о них чинити будет. Той небесный пан нехай судит, если ж што на нас сходит, и на отдаванью повинности нашей его королевской милости, по котором взаем того, абы нам присяги своей панской додержовати а ведле прав пановати рачил, потребуемо.

И до того абысте ваши милости (помнячи на тое, иж, для проступства звирхности, подданных господь бог звykle карати), кроля его милости вести рачили, — пилно в. м. просимо. Учинте то в. м., если не ку воли нам, тогды ку воли Речи Посполитой, ку воли короля его милости пана нашего, которому молчанье и поблажанье в. м. барзо хотя незначне заважаает. Бо тым молчаньем фундаменты и филяри³ власти и всякого щастья его королевской милости, выворочаны и подваляны бывають.

Што бовѣм иншого и приступ до той зацной столици зєднало, и фундаментом есть панованья его королевской милости, одно пакта⁴ з нами учиненые а права корунные. На то ся наибольшей огледаючи, повинное послушенство его королевской милости вси отдаемо. Тое самое его королевской милости ласку, у господа бога

¹ чалавека. ² назад. ³ калены, слупы, апоры. ⁴ пастановы.

царя найвышшого, тое милость у подданных, тое повагу у посторонных еднати, тое панованье его королевской милости утверждати, тое подданных его королевской милости ублагословляти мает,— коли его королевская милость ни богу в сумнѣнью своем, ни нам вѣрным подданным своим в поприсягнуеной повинности не зостанет, и коли права наши нам а волности держати будет. Бо иж не золотом, не множеством пѣнзей, не богатствы, не замками мощными, не мѣсты будовными тое зацное королевство, над которым его королевскую милость господь бог преложил, межи иными народы слынет; але толко самою волностью, которое ише народы, хотя в достатках всѣх оплываючи, нам подданным его королевской милости зазрят.

Хто ж не видит, же задержаньем в цалости свободы нашей, тая найболшая его королевской милости оздоба то есть, же людем волным пановати рачит, зараз ся задержит? До того иж то есть реч певная, же милость, сворность а згода домовая тую коруну за предков его королевской милости в той цѣлости, которую его королевская милость застати рачил, з великою славою и пострахом у посторонных народов, всегда болшей ниж муры або замки якие, держала!

Хто ж не видит, же и тепер задержаваньем межи нами згоды и милости внутренней панство его королевской милости утверждатися будет!

Што ж прешлые сеймы труднило? Што ж в людех ку службѣ Рѣчи Посполитой озяблость справило? Што ж посторонным небезпеченством охотне и сворне забѣгати не допустило и не допускает? Едно уразы и долегливости¹, на которые з розных сторон подданные его королевской милости стискуючи, лѣкарства не найдуют; а особливо — уразы взглядом релѣи утерпѣваные, которые межи людми недурность, несворы и незгodu им далѣй, тым болшую множат, а в пораде о посторонных небезпеченствах на домовый поломень огледатися кажут.

Розумеючи тое, снать, нѣкоторые, же тая незгода домовая есть на тое добра, же нею люде забавлени, а едни других грызучи, што их сполне догоряет — так далеце не усмотруют. Леч и тая практика же омыляет часто — досвѣдченье свѣдчит. Певнѣйшая то так собѣ поступовати, якобы до стискованья не было причины, ниж, для покрытья болших поступков на несворные чинячие тумулты (которые чти жадной звирхности примножают) а за часом ростырками высиленые межи собою обыватели Речи Посполитой, усмотрѣвати.

Для бога теды, милостивыи панове сенаторове, знову просимо: рачтесе ваши милости, в повинности своей почуваючи, его королевскую милость, пана нашего милостивого, з стороны того всего напоминати, хочете ли молодшой братии своей до того розумѣнья о собѣ причины не давати, же и до неласки у господа бога, и до огида у подданных его королевской милости привести, и суптелне²

¹ траўмы і пакуты. ² празрыста.

рекомо што иного по собѣ показуючи, панованье его королевской милости затруднити, и потомству его королевской милости до него за часом дорогу загородити — мыслите?!

А што до их милости панов сенаторов присяглых прав и свобод наших и безпеченства Речи Посполитой сторожов мовимо, — тое ж все и вам, малодшим их милостям братьи, а тое ж Речи Посполитой сыном перекладаемо и в. м. просимо: абысте до того ж ся мѣти, так же нам утрапеным помагати, а в особѣ нашей прав и волностей своих и всей Речи Посполитой цѣлости охороняти рачили! Не почитайте в. м. того за привате, часть толко обывателей тых панств заходячую! Коли нѣкоторые люде, ку воли лакомьи хтивости славы присягу его королевской милости и право посполитое мѣнят, и егда от порту конфедерации, до которогосмы ся з ласки божей в час, некоштуючи, як иншие народове, долгого для релѣи крови пролетья припустили, нас за ся одопхнути, и так той корабль Речи Посполитое до розбитья ся привести усилюют, а рекомо релѣи стерегучи, до того абы з релѣею отчизна наша згинула значне дороги стелют! Присмотрѣтесе в. м. особам, которые то чинят, — обачите на чолѣ в том полку частью обыватели тутошние, которые жон, ани дѣтей не маючи, так далеце не маются на што огледати, частью, а наибольшей чужоземци, которые волоцугами будучи, а приржоной против нашей отчизнѣ Речи Посполитой зычливости в собѣ немаючи, оной згубу, за которым оным ничего бы не згинуло, не толко намнѣй бы ся не зафрасавали¹, але теж нѣкоторые в своей зависти, которые нам волности и повоженья завидят, тым бы ся утѣшили.

Што все же иж так ест, певни есмо инакшей нижь дотуль в той мѣрѣ чулости и опатрности, певны есмо в бѣдах и долеглостях наших скутечнѣйшей² прихилности и помочи в. м., о которую пред господом богом всевидцем, и пред всѣм свѣтом с припомнѣньем повинности шляхецкой и христанской, и с привоженем напомнити обовязков вѣры сумнѣнья и почтивости ваших милостей. Усилие жадаемо и просимо с тым оповѣданьем ся, же за недбалостью в той мѣрѣ ваших милостей и за негамованем тых початков, если ж до чого коли злого (чого, боже, уховай) в Речи Посполитой придет, а затым если ж так в цѣлости квитнучих як есте от предков взяли, свобод прав потомком своим не отдасте, — не при нас того неотданья вина, але при в. м. всѣх, легче собѣ прозбы и напоминанья наши важничих зостанет. Которое то оповѣданье наше, як и прошлые небезпеченства и внутренней войны затрясенье, иж не жадным злым умыслом, але толко из зычливости и з милости ку отчизнѣ сполной чинимо, певнисмо, же теж сго ништо опачне³ выкладати и до приписованья нам яких здорожных замыслов, от которых з ласки божей далеки естесмо, потягати не будет.

Затым уже и замкненью той «Отповѣди» нашей конец чинячи, ку господу богу з молитвою ся оборочаем...

¹ не засмучаліся, не турбаваліся. ² дзейснай, ефектыўнай. ³ скажона, памылкова.

МЯЛЕЦІЙ СМАТРЫЦКІ (1577 — 1633)

Мялецій Смятрыцкі (свецкае імя Максім Герасімавіч) нарадзіўся на Падоллі ў мястэчку Смятрычы (Украіна) у 1577 г. у сям'і рэктара Астрожскай праваслаўнай акадэміі.

Бацька яго — у мінулым камянецкі гарадскі падстараста — быў адукаваным для свайго часу чалавекам і з'яўляўся аўтарам аднаго з першых твораў палемічнай літаратуры «Ключ царства небеснаго» (1587 г.) Твор гэты быў накіраваны супроць езуіцкай прапаганды новага (Грыгар'янскага) календара і ў той час карыстаўся выключнай папулярнасцю сярод праваслаўных, якія змагаліся супроць захадаў каталіцкай царквы.

Першапачатковую адукацыю М. Г. Смятрыцкі атрымаў дома пад непасрэдным наглядам свайго бацькі, Герасіма Данілавіча, і кіраўніцтвам грэка Кірыла Лукарыса. Далейшая вучоба Мялеція працягвалася ў сценах праслаўленай у той час Віленскай езуіцкай акадэміі, дзе ён вучыўся філасофіі. Пасля заканчэння Віленскай акадэміі М. Г. Смятрыцкі паступіў на працу да князя Саламярэцкага ў якасці хатняга настаўніка і выхавальніка дзяцей князя, якіх да яго прыходу вучыў вядомы тагачасны грамадска-палітычны дзеяч, таленавіты вучоны і педагог Лаўрэнцій Зізаній.

Каля 1606 г. М. Г. Смятрыцкі з мэтай павышэння сваёй адукацыі накіраваўся за граніцу і там на працягу двух год слухаў лекцыі ў Лейпцыгскім і Вертэмбергскім універсітэтах.

Вярнуўшыся на радзіму, М. Г. Сматрыцкі пасяліўся ў Вільні і прыняў актыўны ўдзел у барацьбе супроць каталіцызма. Тут ён напісаў рад сваіх твораў і праявіў сябе як таленавіты пісьменнік-палеміст.

У 1618 г. пад непасрэдным уплывам архімандрыта віленскага Святадухаўскага манастыра Ляонція Карповіча Сматрыцкі пастрыгасца ў манахі гэтага манастыра і прымае імя Мялеція, а праз год Карповіч узводзіць яго ў сан свяшчэнніка манастырскай царквы. Пасля смерці Л. Карповіча іерусалімскі патрыярх Феафан у 1620 г., аднаўляючы праваслаўны епіскапат на Украіне і ў Беларусі, паставіў М. Г. Сматрыцкага епіскапам полацкім.

У 1623 г. М. Г. Сматрыцкі з мэтай высвятлення ва ўсходніх патрыярхаў некаторых забытых і спрэчных пытанняў багаслоўя адправіўся на Усход і прабыў там каля двух год. У 1626 г., перажываючы духоўны крызіс, М. Г. Сматрыцкі тайна прымае унію, але яшчэ канчаткова не парывае з праваслаўем. І толькі пасля таго, як у 1628 г. Кіеўскі праваслаўны сабор асудзіў М. Г. Сматрыцкага, пракляў яго і прымусіў самога публічна адмовіцца ад «Апалогіі», як кнігі, у якой праводзіліся варожыя праваслаўю ідэі уніі з каталіцкай царквой, М. Г. Сматрыцкі неўзабаве адкрыта парваў з праваслаўнай царквой і напісаў сваю «Пратэстацыю» супроць рашэнняў Кіеўскага сабора. З гэтага часу ўся пісьменніцкая дзейнасць М. Г. Сматрыцкага была накіравана на абарону уніі і каталіцызма. Адкрыта парваўшы з праваслаўем, М. Г. Сматрыцкі асудзіў, як ерэтычныя, усе свае ранейшыя творы, напісаныя ім да 1626 года.

Памёр М. Г. Сматрыцкі ў Дзерманскім манастыры на Украіне ў сене полацкага уніяцкага архіепіскапа.

Як таленавіты палеміст-публіцыст, аўтар рада мастацкіх твораў, М. Г. Сматрыцкі займае адно з відных месц сярод пісьменнікаў-палемістаў першай палавіны XVII ст. Аднак літаратурная спадчына М. Г. Сматрыцкага не была роўнай у адносінах ідэйна-палітычнай накіраванасці і мастацкай вартасці. Калі ў першы перыяд сваёй літаратурнай дзейнасці, да пераходу ў унію, М. Г. Сматрыцкі напісаў на польскай і беларускай мовах такія высокамастацкія і палітычна завостраныя творы, як «Антиграфі альбо отповедь на скрыпт ущипливый» (палемічны трактат 1608 г., накіраваны супроць «Гармоніі» Іпація Пацея), «Фринос, то ест Лямент св. единэй повшэхней апостольскей всходней церкве з объясненем догмат вяры», «Казанье погребное», «Апраўданне нявінанасці»; навуковы падручнік, па якому ў свой час вучыўся яшчэ і М. В. Ляманосаў, — «Граматыки словенския правильное синтагма» (1618 г.), то пасля 1626 г. М. Г. Сматрыцкі, па сутнасці, не стварыў нічога каштоўнага. Палітычнае рэнегацтва пісьменніка абумовіла сабою і азнаменавала дэградацыю, аскудзенне і заняпад яго літаратурнай дзейнасці.

У гісторыю беларускай літаратуры М. Г. Сматрыцкі ўвайшоў толькі першым перыядам сваёй творчасці, калі ён быў актыўным барацьбітом супроць царкоўнай уніі 1596 г. і сваёй творчасцю садзейнічаў актывізацыі народна-вызваленчай барацьбы супроць захадаў Ватыкана, выступаўшага ў палітычным саюзе з польскай шляхецкай дзяржавай. Нягледзячы на тое, што сацыяльна-палітычныя погляды М. Г. Сматрыцкага-пісьменніка, які выражаў ідэалогію апазіцыйна настроенай супроць уніі буйнай беларускай і украінскай праваслаўнай шляхты, ніколі не адпавядалі інтарэсам шырокіх народных мас, яго палемічныя творы гэтага перыяду аб'ектыўна мелі прагрэсіўнае значэнне, асабліва яго славыты «Фрынас».

Твор гэты быў выдадзены віленскай Святадухаўскай манастырскай друкарняй у 1610 г. на польскай мове гатычным шрыфтам пад літаратурным псеўданімам Феафіла Арфалога.

Непасрэднай прычынай для напісання «Фрынаса» М. Г. Сматрыцкаму паслужылі віленскія гістарычныя падзеі 1609 г., менавіта пагром праваслаўных манастыроў і царкваў уніяцкім мітрапалітам Іпаціем Пацеем.

Поўны жальбы, горкага дакору і смутку «Лямент» праваслаўнай царквы, пададзенай М. Г. Сматрыцкім у алегарычным вобразе маці, пакінутай на мукі сваімі дзецьмі, раздаўся ў самы нязручны момант для знешнепалітычных планаў караля Сігізмунда III і яшчэ больш узмацніў нянавісць праваслаўнага насельніцтва Беларусі і Украіны да уніі. У той час, калі ў Маскве праходзілі

перагаворы аб абранні на царскі трон польскага каралевіча Уладзіслава, «Фрынас» М. Г. Смятрыцкага даваў рускаму народу яркі малюнак той перспектывы, якая магла здзейсніцца ў Маскве пры абранні царом католіка. Вось чаму, калі польскі кароль даведаўся аб надрукаванні «Фрынаса», то ён у чэрвені 1610 г. выдаў загад: аўтара і друкароў «Фрынаса» пасадзіць у турму да наступнага распараджэння аб іх, продаж і куплю кнігі забараніць пад пагрозай штрафу ў суме 5000 чырвоных злотых, Святадухаўскую друкарню канфіскаваць, а знойдзеныя там экзemplяры кнігі спаліць, купленыя экзemplяры «Фрынаса» здаць прадстаўнікам дзяржаўнай улады. Тым не менш, знішчыць поўнасьцю тыраж «Фрынаса» М. Г. Смятрыцкага каралю не ўдалося; некалькі экзemplяраў кнігі захавалася і да нашага часу.

Пададзеныя ніжэй урыўкі з «Фрынаса» з'яўляюцца перадрукам з экзemplяра, які захоўваецца ў аддзеле «Росіка» ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына. Тэкст друкуецца ў два слупкі: у левым друкуецца па арыгіналу, але для зручнасці чытання гатычны шрыфт арыгінала заменены лацінай, якая зараз ужываецца ў польскай мове, а ў правым слупку — у перакладзе ўкладальніка хрэстаматы.

ФРЫНАС

гэта значыць Плач адзінай святой агульнай апостальскай усходняй царквы з тлумачэннем догматаў веры, упершыню з грэчаскай на славянскую, а зараз з славянскай на польскую мову перакладзены ФЕА-ФІЛАМ АРФАЛОГАМ, сынам той жа святой усходняй царквы.

Цітульны ліст «Фрынаса» М. Смятрыцкага.

ROZDZIAŁ I.

W którym się zamyka Lament, albo narzekanie cerkwie wschodniey na synu wyrodne.

Niestetyśz mnie nędzney, niestetyśz niešťczęśney! Ach, ze wszech stron z dobr złupioney! Niestetyśz na świecką ciała mego hańbę, z szat zwleczoney! Biada mi nieźnosnemi brzemionu obciążoney! Ręce w okowach, iargmo na szyi, pęta na nogach, łańcuch

РАЗДЕЛ I.

У якім змяшчаецца Плач або нараканне святыя ўсходнія царквы на сваіх сыноў, якія ад яе адракліся.

Гора мне беднай, гора неšťчаслівай! Ах, з усіх бакоў з маёнткаў аграбленай! Гора мне, абдзёртай на свецкую ганьбу з рыз маіх! Бяда мне, абцяжаранай невымоўнымі цяжкасцямі! Рукі мае ў аковах, ярмо на шыі, пугы на на-

na biodrach, miecz nad głową obojetny; woda pod nogami głęboka, ogień po stronach nieugaszony, zewsząd wołania, zewsząd strach, zewsząd prześladowania. Biada w mieściech y we wsiach, biada w polach y dąbrowach, biada w gorach y przepaściach ziemi. Niemasz żadnego miejsca spokojnego, ani pomieszkania bezpiecznego. Dzień w boleściach y ranach, noc w stękanii y wzdychanii. Lato znoyne ku zemdleńniu, zima mroźna ku śmierci, mizernie bowiem nagość cierpię, y aż na śmierć prześladowana bywam. Przedtym śliczna y bogata, teraz zeszecona y uboga. Niegdy. krolowa wszystkiemu światu ulubiona, teraz od wszystkich wzgardzona y strapiona. Sam do mnie co żywo wszelkie narody, wszyscy obywatele ziemscy przystąpcie, posłuchajcie głosu mego, a poznacie com była przed laty y zadziwuyciesię! Naśmiewiskiem teraz światu iestem, a przedtym ludziom y aniółom podziwienie.

Ozdobnam była przed wszystkimi, wdzięczna y miła, śliczna iako iutrzenka na wschodzie, piękna iako miesiąc, wyborna iako słońce, jedynaczka u matki swey, wybrana rodzicielce moiey, iedyna czysta gołębica, niepokalana y żadney zmazy y zmarzku, abo czego takowego niemaiąca. Oley wylany imię moje, studnia wod żywych nazwisko; mnie uyrzawszy corki sionskie, nabłogosławieńszą krolową być głosiły. A wkrótce mówiąc, (tom była między corkami sionskimi), co Jeruzalem między wszystkimi miasty żydowskimi,

гах, ланцуг на клубах, меч з двух бакоў востры над галавою, вада пад нагамі глыбокая, няўгасны агонь па баках, адусюль стогны і енкі, адусюль страх, адусюль праследаванні.

Бяда ў гарадах і вёсках, бяда ў палях і дубровах, бяда ў гарах і прорвах зямлі. Нідзе няма месца спакойнага і прытулку бяспечнага. Дзень у болю і ранах, а ноч у стогнах і ўздыханнях праходзіць. Пякучае лета праймае мяне да непрытомнасці, а холад зімовы да смерці, таму што цяплю нагату прымусовую і нязноснае праследаванне. Раней я была цудоўная і багатая, а цяпер абрыдлая і бедная. Калісьці была каралеваю, якую кахаў увесь свет, а цяпер усімі пагарджана і даведзена да смутку. Падыйдзіце да мяне ўсе народы, усе жыхары зямлі; паслухайце майго голасу; пазнайце, чым я была раней, і падзівіцеся мною! Цяпер я стала пасмешышчам для ўсяго свету, а раней была для людзей і ангелаў прадметам захаплення.

Я была багацей за ўсіх аздобленая, прывабная і мілая, прыгожая, як ранішня зорка на ўсходзе, цудоўная, як месяц, бліскучая, як сонца; як адзіная дачка ў сваёй маці, я была падаравана ёй адзінай чыстай галубкай, нявіннай, цнатлівай і нічым не апаганенай.

Цудоўны бальзам мае імя, а прозвішча — крыніца жывыя вады. Калі мяне ўбачылі дочки Сіона, то прадракалі мне быць найблагаславаеншаю каралеваю. А карацей кажучы, тым была паміж сіонскімі дачкамі,

y co lilią między cierniem, tom ia była między dziewicami. Dla ktorey piękności pożądał krol śliczności moiey, pięknieyszy nad syny ludzkie, a ulubiwszy mię, wiecznym małżeństwa związkiem, z sobą ziednoczył.

Dziatkim rodziła y wychowała, a te się mię wyrzekły y zstały mi się naśmiewiskiem y urąganiem. Abowiem zwlekli mię z szat moich, y nago mię z domu mego wygnali, odieśli ozdobę ciała mego y głowy mey wdzięczność wzięli.

Co więtsza?! Dniem y nocą staraia się o biedną duszę moię y o zgubie moiey ustawicznie myślą. O wy, którzy przedemną stoicie, wy, którzy patrzycie na mię, posłuchaycie a uwazcie, gdzie iest boleść, iako boleść moia, gdzie frasunek y žal, iako utrapienie moie!

Dziatkim rodziła y wychowała, a one się mię wyrzekły y zstały mi się ku upadku. Dla czego siedzę teraz, iako iedna z lamentujących wdow! Pani niegdy wschodu: słońca y zachodu, południowi y pułnocnym kraiom dniem y nocą płacze, a łzy po iagodach moich, iako potoki rzeczne cieka, a niemasz ktoby mię pocieszył; wszyscy mię odbieżeli, wszyscy mną wzgardzili. Krewni moi daleko ode mnie, przyiaciele moi nieprzyiaciołmi się zostali, synowie moi iaszczorcze-go pozayrzawszy p'emienu, żywot moy zarazliwemi żądły usiekaia.

што Іерусалім сярод усіх гарадоў яўрэйскіх, што лілея сярод пустазелля, такою і я была сярод усіх дзявіц. За гэту прыгажосць маю кароль, прыгажэйшы за ўсіх сыноў людскіх, пажадаў майго хараства, а пакахаўшы мяне, з'яднаў з сабою вечным сямейным шлюбам.

Дзяцей радзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне, сталі смяцца з мяне і абражаць мяне, бо раздзелі маё цудоўнае адзенне і голу мяне выгналі з уласнага дому, адабралі аздобы майго цела і пазбавілі маю галаву ўсёй яе чароўнасці.

Што можа быць горшым?! Днём і ноччу я павінна турбавацца аб маёй беднай душы і пастаянна думаць аб сваёй раптоўнай пагібелі! Усе вы, хто стаіць перада мною і глядзіць на мяне, паслухайце і падумайце, хіба ёсць дзе боль, большы, чым мой, ці ёсць дзе такі смутак і жаль, як пакуты мае!

Дзяцей нарадзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне і сталі прычынай майго заняпаду. Вось чаму я сяджу адна цяпер, падобна той удаве, якая з гора лемантуе. Яшчэ нядаўна гаспадыня ўсходу і захаду сонца, паўднёвых і паўночных краёў, цяпер дзень і ноч плачу, а слёзы цякуць па шчаках маіх як патокі рачныя і няма каму мяне супакоіць: усе ад мяне паўцякалі, усе пагарджаюць мною. Сваякі мае далёка ад мяне, прыцелі сталі ворагамі, сыны мае, пазайздросціўшы племя яшчарак, джалюць маё цела заразнымі джаламі.

Слухайце жаłosней маею по-
wieści wszelkie narody, bierzcie
w uszy wszyscy, ktorzy wo kręgu
świata mieszkacie! Synowie y
corki moje, ktorem rodzila y
wychowala, opuściwszy mię, szły
za tą, która imi nie bolała, aby
się z zbytkiem tłustości ieу на-
sycili. Kapłani moi olśnęli. Pas-
terze moi (niechcąc wiedzieć że o
dusze idzie) oniemieli. Starcy moi
zgłupieli. Młodzieńcy moi zdzi-
czeli. Corki moje na wszetecz-
ność się udały, y wszyscy iednym
zamysłem Boga y prawdy iego
zaniedbawszy, na duszę się moię
sprzysięgli.

Rozwarli paszczeki swoje, y
gwiżdząc zgrzytaią на mnie ze-
bami swemi mowiąc: «Oto iuż
dzień ten przyszedł, ktoregoch my
oczekawali, podźmy a zatracim ią,
y wykorzenim z ziemiе pamiątke
iey!» Miasto miłości, uwtaczaią
mi, a dobroć moię złością mi
oddaią, y nienawiścią miłość mi
moię nagradzają. Położyli mi
miasto kosztownych szat moich
zbotwiałe płaty y zastałam się im
w przysłowie.

O boleści dusze moiey! Nieste-
tysz mnie oszarpaneу, biada mnie
wzgardzoneу, przytępiła się od
ustawicznych łez bystrość oczu
moich, zatrwożyły się wnętrzości
moie, ustał w boleści żywot
moy, a lata moie w wzdychaniu,
ustały, iako dym, dni moie, a kości
moie, iako skwarki, wyschły,
posieczonam, iako siano, y
uwiędło serce moie, od głośnego
płaczu mego, przyschła kość moia
do ciała mego.

Rozdarli на mię paszczeki
swoie, iako paszczeki nieprzyia-
cielskie, słowa zdradliwemi, y prze-

Слухайце жалобную апо-
весць маю ўсе народы, слухай-
це ўсе, хто жыве на зямлі!

Сыны і дочкі мае, якіх я на-
радзіла і выхавала, пакінулі
мяне і пайшлі за той, якая
імі не пакутавала, каб досыць
насыціцца ад яе тлустасці.
Святары мае аслеплі, пастыры,
не жадаючы ведаць таго, што
змаганне ідзе за душу, аняме-
лі. Старцы мае здурнелі, юна-
кі здзічэлі, дочкі пайшлі на
распусту, і ўсе аднадушна, бо-
га і праўду забыўшы, замах-
нуліся на маю душу. Разінулі
пашчы свае і, скрыгочучы са
свістам на мяне сваімі зубамі,
кажуць: «Вось ужо і дзень той
прышоў, якога мы доўга ча-
калі, пойдзем жа і знішчым яе
і выкаранім з зямлі памяць
аб ёй!» Замест каханья абра-
жаюць мяне, за дабрату маю
злосцю мне плацяць і ўзнага-
роджваюць нянавісцю міласць
маю. Замест каштоўных рыз
маіх надзелі на мяне струхле-
лыя анучы і зрабілі мяне
прадметам насмешак.

Гора мне ў гэтай душэўнай
пакуце! Гора мне абшарпанай,
бяда мне пагарджанай, ад па-
стаянных слёз прытупілася ва-
стрыня майго зроку, парушаны
ўнутраны спакой, ад пакуты
змарылася цела маё, ад па-
стаяннага ўздыхання старэю,
як дым, праходзяць мае дні,
коці мае сталі падобны высу-
шаным скваркам, як сена, па-
сечана я, і сэрца завяла, ад го-
ласнага плачу майго, мае ко-
сці прысохлі да цела.

Раззявілі на мяне свае па-
шчы, як варожыя пашчы, на-
поўненыя здрадлівымі і фаль-
шывымі словамі. Узялі ў свае

wrotnemi napełnione. Wzięli siekiery w ręce swoje, y szukaia dusze moiey, aby ia zagubili.

Zewsząd sieci, wszędzie padoły, zewsząd zaraźliwe żądła. Owdzie wilcy drapieźni, a tam lwy ryczące. Zowąd smocy iadowici, a ztąd bazyliki srogie. Nie nayduię которedy się obrocę, nie wiem gdzie się mam udać. Do kogo głowę moię skłonić, komu mię w obronę podam. Nie iest li to, o niebo y ziemia, nowa boleść y niesłychany žal zem syny rodziła y wychowała, a oni się mię wyrzekli? Jednemu mężowi panną poślubiona, iednemu w małżeństwo oddana, z iednym poczęła, w iednym żywocienosiła, iednym mlekiem karmiła, rozmaitych iednak obyczajow (niestety) syny na wstyd y boleść moię widzę. Niemasz nikogo ktory by oycynaśladował. Niemasz żadnego ktoryby szedł za matką. Co więtsza! Wyrodkom y podeyrzanym zayrzawszy ięzyki swe naprzeciw rodzicom naostrzyli. Oycasromocą, matkę lżą. Oycowską nauką wzgardzili, macierzyńskie staranie znieważyli, wszyscy wespoł odpadli y niepotrzebnymi się zstali. Niemasz z tak wielu żadnego, ktory by czynił dobre...

Niemasz żadnego. Wszyscy naprzeciw mnie, iako naprzeciw tey, ktora by nimi nigdy nie bolała, powstali. Wszyscy uzbroieni, iako na głównego się nieprzyiaciela, zbuntowali y szukaia dusze mey na wygnanie. Nieszczęsna ż ia matka! Com takowego uczyniła,

рукі сякеры і шукаюць маю душу для таго, каб яе загубіць.

З усіх бакоў сеці, усюды ямы, з усіх бакоў ядавітыя джалы. З аднаго боку драпежныя ваўкі, з другога — рыкаючыя львы. З гэтага боку ядавітыя смокі, а з таго — бязлітасныя васіліскі. Не знаходжу таго, да каго магла б звярнуцца. Не ведаю, куды накіравацца, перад кім схіліць сваю галаву, пад чыю абарону падацца. О неба і зямля! Хіба ж то не пакута і не чуты жаль, што сыноў нарадзіла і выхавала, а яны ад мяне адракліся? Аднаму мужу была пашлюбёна, за аднаго выдадзена замуж, ад аднаго зацяжарыла, у адным чэраве насіла, адным малаком карміла, аднак (нажаль!) сыноў розных звычайу, на пакуту і сорам свой, бачу. Ніводнага няма з іх, хто быў бы паслядоўнікам бацькі. Няма нікога, хто ішоў бы за маткай. Больш таго, пазайздросціўшы вырадкам і тым, што выклікаюць падазрэнне, яны навастрылі свае языкі супроць бацькоў. Бацьку сарамоцяць, а матку абражаюць. Бацькоўскай навукай пагардзілі, мацярынскае старанне зняважылі, усе разам адпалі і непатрэбнымі сталі. Было іх многа, але няма ніводнага, які рабіў бы добрыя ўчынкі...

Няма ніводнага. Усе паўсталі супроць мяне, нібы супроць той, якая ніколі імі не пакутавала. Усе узброены, як на небяспечнага ворага, узбунтаваліся і шукаюць прычыны, каб знішчыць мяне. Няшчасная ж я маці! Што я зрабіла такое,

że nieznośne prześladowanie od własnych moich synów cierpię. Co żem śmierci godnego zbroiła, że zdrowia mego nie iestem bezpieczna?..

Niechże w nieukórzoney złości ich przyczynę weyrzę: od oycy li onę przyrodzenia prawem, czyli z matki wychowania względem wzięli? Ponieważ iako owoc dobry o dobrym drzewie świadczy, tak y dobre dzietek obyczaje dobry rodzicow żywot opowiadaią. Takież y przeciwnym sposobem złości rodzicow niegdy to przypisuią, co w potomkach ganiono bywa. Lecz żadną się to miarą nie naydzie w rodzicach. Ociec bowiem iest dobry, cichy, skromny, łagodny, łaskawy, pokorny, y aż do śmierci posłuszny. A matka czysta, święta, niepokalana, dobrotliwa y obyczajna.

Ociec mądry, sprawiedliwy, szczodry, miłosierny, na gniew nie prędki, a do łaski chciwy, nie do końca srogi, ani na wieki gniewliwy. Matka dziatki miłuiąca, ćwicząca, przemyślna o swoich, posłuszna aż do krwię y wszelakimi cnotami przez tego, który ią sobie poślubił, przyozdobiona y ubogacona. Dla czego ani oycowskiego przyrodzenia prawo, ani macierzyńskie mleko do tak wielkiej złości dzietek naszych przyczyną nie były...

Jam strapiona, ja mizerna y nad wszystkie matki nieszczęśliwsza, którą gdzie się kolwiek obrocę, wszędy syny moje na zdradzie mnie nayduię. Tu nieprzebyte iamy kopaią, tam drotowe sieci zarzucaiają, z owąd iadowite żądła wypuszczaią, a ztąd śmier-

што цярплю ад сваіх уласных сыноў нязноснае праследаванне? Што ж я зрабіла вартага смерці, за што жыццё маё знаходзіцца ў небяспецы?..

Пашукаю ж я прычыну іх непрымірымай злосці. Можа яна дасталася ім у спадчыну ад бацькі, а мо' з матчынага паблажлівага, нястрогага выхавання? Бо як добры плод сведчыць аб добрым дрэве, так і добрыя паводзіны дзяцей аб добрым жыцці бацькоў апавядаюць. І наадварот, злосці бацькоў прыпісваюць тое, што асуджалася ў патомках. Але нічога падобнага ні ў якім выпадку не знойдзецца ў іх бацькоў, бо бацька іх добры, ціхі, сціплы, лагодны, ласкавы, пакорны і паслушны да смерці. Што ж датычыцца маці, то яна чыстая, бездакорная, нявінная, пяшчотная і ветлівая. Бацька мудры, справядлівы, шчодры, міласцівы, на гнеў не паспешны, ахвочы да ласкі, не вельмі строгі, а калі гнявіцца, дык не на доўгі час. Matka дзеталюбная, строгая ў меру, клапатлівая, паслушная да крыві, аздоблена і ўсялякімі дабрачыннасцямі ўзбагачана ад таго, які на ёй ажаніўся. Пагэ-таму ні бацькоўскія ўроджаныя якасці, ні матчына малако не былі прычынаю такой вялікай злосці нашых дзяцей...

Засмучана я, убогая, бедная і самая нешчаслівая маці з усіх матак, бо куды толькі ні пайдучу, усюды бачу, якую мне сыны прыгатавалі здраду. Тут яны непраходную яму капаюць, там закідаюць драцяныя сеці, з гэтага боку выпускаюць ядавітыя джалы, а з таго смяр-

telne trucizny leią: jedni iawnie, drudzy tajemnie, niektorzy pochlebstwem, a niektorzy groźbą, wszystkim jednak jednostaynie o żywot moy idzie; wszystkim jedna matka w nienawiści...

Biada mnie nieszczęsney, zem syny rodiła na boleść moię y corki na zranienie moic! Lepiey mi zaiste było bezpotomney mieszkać, niż na tak gęste niezbożnych synow huffy patrzyć. Lepiey w prawdzie y onym się było nie rodić, niżli się narodziwszy wieczną zgubę odziedziczyć, w ktorey lżey będzie Sodome y Homorze niż onym...

O biskupowie, biskupowie! O synowie, ktorzyście oycem y matką wzgardzili! Działki w pałacach krolewskich porodzone y wychowane, a teraz do karczem y sałaszow swą wołą przewabione. Dokąd snem leniwstwa spać będziecie? Dokąd gniosu niedbalstwa od oczu serc waszych nie otrzecie? Przyidźcie do wod czworotocznych ewanielskich potokow, a omycie błoto prostoty rozumu waszego! Izaliż ieszcze nie macie na tey nieoszacowaney utracie dosyć, ktorą ia za waszym niedbalstwem ponoszę, tak wielka złota, srebra, pereł y kamieni drogich, ktoremim ia od oycy waszego przed kilkadziesiąt lat iako nayzacnieysza krolowa przyozdobiona była, zgubą? Gdzie teraz nieoszacowany on kamuszek, iako lampa łąnaca się carbunculus, ktoregom ia między innemi perłami, iako słońce między gwiazdami w koronie głowy mey nosiła, — dom książąt Ostrożskich, ktory blaskiem światłości staro-

тэльны яд выліваюць. Адны гэта робяць адкрыта, другія тайна, некаторыя ліслівасцю, а некаторыя пагрозай, аднак усе аднолькава пасягаюць на маё жыццё, усім адна matka ненавісная...

Бяда мне, што сыноў нарадзіла на пакуту сабе, а дачок на раны! Лепей мне, па праўдзе кажучы, было б беспатомнай жыць, чым глядзець цяпер на такую гушчу сваіх бязбожных сыноў. Лепей было б ім, сапраўды, не радзіцца, чым, нарадзіўшыся, атрымаць у спадчыну вечную пагібель, у якой будзе лягчэй Садому і Гаморы, чым ім...

О біскупы, біскупы! О сыны, занядбаўшыя бацьку і маці! Дзеткі, народжаныя і выхаваныя ў царскіх палатах, а зараз па свайму жаданню перайшоўшыя ў карчмы і шалашы! Дакуль вы будзеце спаць непрабудным сном? Дакуль вы будзеце яшчэ трымацца нядбайнай гнуснасці? Прыдзіце да вод шырокіх чатырох евангельскіх патокаў і абмыйце гразь прастаты вашага розуму! Хіба ж вам яшчэ мала той каштоўнай страты, якую я зношу, дзякуючы вашай нядбайнасці, такой вялікай страты золата, срэбра, перлаў і дарагіх каменяў, якімі я ганарылася, аздобленая вашим бацькам, на працягу колькі дзесяткаў год як найслаўнейшая каралева? Дзе зараз той вельмі каштоўны каменьчык-карбункул, бліскучы як светач, які я насіла ў сваёй кароне паміж іншымі перламі, як сонца паміж зорамі, — дом князёў Астрожскіх, які вылучаўся сярод іншых

żyтней wiary swoiey przed innemi
świecił? Gdzie y insze drogie y
rownie nieoszacowane teyże koro-
ny kamyki, zacne ruskich ksią-
żąt domy nieocenione szaphiry
y bezcenne diamenty: książęta
Ślucy, Zaslawscy, Zbarażscy,
Wiszniewieccy, Sanguszkowie,
Czortoryscy, Prońscy, Rużeńscy,
Sołomiereczcy, Hołowczyńscy, Kro-
szyńscy, Masalscy, Horscy, So-
kolińscy, Lukomscy, Puzynowie i
inne bez liczby, ktorych po iedyn-
kiem wyliczać, rzecz by długa
była? Gdzie przy tych y drugie
nieoszacowane moje kleynoty:
rodowite (mowię) sławne, wielko-
myślne, silne y dawne po wszem
świecie w dobrej sławie potężno-
ści y męstwie słynącego narodu
rosieyskiego domy Chodkiewicz-
owie, Hlebowiczowie, Kiszkwie,
Sapiegowie, Dorogostajscy, Woy-
nowie, Wołowiczowie, Zieno-
wiczowie, Pacowie, Chaleccy,
Tyszkiewiczowie, Korsakowie,
Chrebtowiczowie, Tryzny, Hor-
nostajowie, Bokiiowie, Myszkwie,
Hoscy, Siemaszkowie, Hulewicz-
owie, Jarmolińscy, Czołhańscy, Ka-
linowscy, Kyrdeiowie, Zahorows-
cy, Meleszkowie, Bohowitinowie,
Pawłowiczowie, Sosnowscy, Sku-
minowie, Pocielowie y drugie?

Nie wspominaм tu szerokiey w
granicach Rosieyskiey ziemie
księstw y powiatow kosztowney
onej szaty moiey, niepoliczonemi
perły y rozney farby kamykami
upstrzoney, ktorą się ia ustaw-
icznie zdoбиła.

Atoliście mię złoczyńcy z tak
ozdobney szaty moiey złupili y
nad nędznym ciałem moim, z
ktoręgoście wszyscy wyszli, naś-

бляскам святла сваёй стара-
жытнай веры? Дзе і іншыя да-
рагія і вельмі каштоўныя ка-
менні той самай кароны,
слаўныя дамы рускіх князёў,
неацэнныя сапфіры, надзвы-
чай каштоўныя дыяменты:
князі Слуцкія, Заслаўскія,
Збаражскія, Вішнявецкія, Сан-
гушкі, Чартарыйскія, Прон-
скія, Ружынскія, Саламярэц-
кія, Галаўчынскія, Крошын-
скія, Масальскія, Горскія, Са-
калінскія, Лукомскія, Пузыны
і іншыя многія, якіх лічыць
паасобку была б доўгая спра-
ва? Дзе і другія вельмі каш-
тоўныя мае скарбы; радавітыя,
паўтараю, слаўныя, высака-
думныя, моцныя і даўно па
ўсяму свету праслаўленыя
добрай славай, магутнасцю
і мужнасцю народу рускага
дамы: Хадкевічаў, Глебавічаў,
Кішак, Сапег, Дарагастайскіх,
Войнаў, Валовічаў, Зяновічаў,
Пацаў, Халецкіх, Тышкевічаў,
Корсакаў, Храбтовічаў, Тры-
знаў, Гарнастайскіх; Бокіх,
Мышкаў, Гойскіх, Сямашак,
Гулевічаў, Ярмалінскіх, Чал-
ганскіх, Каліноўскіх, Кірдыяў,
Загароўскіх, Мялешкаў, Бога-
віцінаў, Паўловічаў, Сасноў-
скіх, Скумінных, Пацеяў і ін-
шых?

Не ўспамінаю тут таго шы-
рокага ў княствах і паветах
рускай зямлі каштоўнага май-
го адзення, аздобленага незлі-
чонымі перламі і рознага ко-
леру каменьчыкамі, якімі я
заўсёды сябе ўпрыгожвала.

Аднак жа вы, злачынцы, аб-
дзёрлі мяне з такой пышнай
рызы маёй і над бедным це-
лам маім, з якога самі нара-
дзіліся, здзекуецца смехам

miewiskiem y urąganiem się pastwicie! Aleć przekлѣты wszelki, który na wzgardę nagość matki swey odkrywa, przekлѣци y wy, którzy się z nagości mey naśmiewacie y cieszyacie! Przyidzie ten czas, że się wszystkiego tego wstydać będziecie! Lepiey by w prawdzie wam było nie poznać światłości prawdy, niżli poznaną odrzucić, zgasić y zatłumić! A tyżeś to pasterz, który pasterstwem się chlubisz, a zgubą owczątek boga łżysz? Tyżeś kapłan, który poświęceniem się wynosisz, a zmażą świętości boga się wyrzekasz. Ani życie, ani obyczaje, ani chodzenie, ani odzienie was mistrzami być pokazują; ni mądrość, ni ćwiczenie, ani rozmowa o poświęceniu y pasterstwie waszym świadczą. W życiu iesteście karczmarze y kupcy, w obyczajach domolegowie, w rozmowie nieukowie, w chodzeniu obłudne lisy, a w odzieniu drapieżne wilcy.

Coż więc y o rozumu waszego przymiotach rzekę?! Mądrość wasza, umiejętność, rozmowa są głupie, nadaremne y wszececzne, y zabawy sprośne, w których y sami, y którzy was naśladowią, giniecie...

Pohamuycie serdeczne wzdychania; wzdam przy końcu żywota matki waszey! Otrzymie płaczące oczy rodzicielki swoiey, aby kiedy krwawe iey łzy na was nie padły, a lament matki waszey was nie zatracił. Nie tytułem, ale samą rzeczą chcieycie być kapłanami, nie słowkiem, ale uczynkiem mistrzami być staraycie

i kpiami! Але праклѣты той, хто на ганьбу сваёй маці адкрывае яе голае цела; праклѣтыя і вы, хто з майго голага цела насміхаецца і цешыцца! Прыдзе той час, калі вам самім будзе сорамна за ўсё гэта! Лепш бы вам было не пазнаваць праўды святла, чым пазнаўшы адкінуць яго, загасіць і затаптаць! Які ж ты пастыр, ганарышся сваім пастырствам і ў той жа час абражаеш бога пагібеллю яго авечак? Ты, духоўны жрэц, выхваляешся сваім пасвячэннем, а адракаешся ад святасці божай. Ні жыццё, ні звычаі, ні вашы ўчынкі, ні адзенне не паказваюць вас як настаўнікаў; ні ваша мудрасць, ні навука, ні размова не сведчаць аб вашым пасвячэнні і пастырстве. У жыцці вы карчмары і купцы, у звычаях лежабокi, у размове невукі, у абыходжанні лісы крывадушныя, а ў адзенні драпежныя ваўкі.

Што ж я магу сказаць большае аб рысах вашага розуму?! Мудрасць ваша, уменне, размова бязглуздыя, марныя і распусныя, і вяселле непрыстойнае, у якім і вы самі, і тыя, хто вас пераймае і ідзе за вамі, загінеце...

Утаймуйце сардэчныя матчыны ўздыхі, атрымаеце ўзнагароду ў канцы яе жыцця! Абатрыце заплаканыя вочы сваёй радзіцелькі, каб калі-небудзь яе крываваыя слёзы не скаціліся на вас, а плач яе вас не згубіў! Не цітулам, але самай справай пажадайце быць духоўнымі жрацамі, не словам, а ўчынкамі пастарайцеся быць настаўнікамі і кіраўнікамі.

się. Komuż ia to powiadam, do kogoż te słowa moje? Do żelazney ściany, albo raczey na wiatr puszczam?..

ROZDZIAŁ 2.

W którym się zamyka napomnienie cerkwie wschodniey do syna, który ią opuścił z drugimi pospołu.

Synu! Oto matka ze wszelkim błogosławieństwem bożego winszowaniem stawię się przed cię. Oto przed obliczem twoim stoię, a z pokorą o pozwolenie łagodney z tobą rozmowy proszę.

Podnieś wielebną twą głowę, a wesółym okiem na matkę twą weyrzy, weyrzy synu a poznay mię, okaż ludzkość y pokorę dziatkom przyzwoitą, przypuść mię do siebie, a ściągawszy ręce przyimi mię, niech się nie zatwardza serce twoie; podnieś oczy swoje na zboląłą matkę twoię, y łaskawym weywrzeniem zezwol ieszcze aby zaraz ze mną spokojnie rozmówić, gdy żem nie dla tego do ciebie przyszła, abym tobie urągała, ale abym nauczyła, nie pszysłam dla tego, abym cię w zapalczywość gniewu pobudziła, ale abym cię skłonnym y pokornym uczyniła! Nie przysłam dla rozerwania synowskiey do matki miłości, ale dla porownania raczey. Zadziwuy się, synu, patrząc na niesłychane matki twey znizenie, a uża! się niezmiernego płaczu, żalu, boleści y utrapienia moiego, ktorego ty sam y z drugą bracią twoią, a młodszymi synami moimi przyczyną iesteście.

Wychowałam bowiem was z

Каму ж я гэта гавару, да каго мае словы звернуты? Да жалезнай сцяны, ці я іх на вецер пускаю?..

РАЗДЕЛ 2.

У якім змяшчаецца навука ўсходняй царквы свайму сыну, які пакінуў яе сумесна з другімі сынамі.

Сынку! З благаславленнем божага віншавання я, маці твая, станаўлюся перад табою. Вось стаю перад тварам тваім і з пакораю прашу ў цябе дазволу на лагодную з табою размову.

Падымі сваю прасвячоную галаву і паглядзі на тваю матку вясёлымі вачыма, паглядзі, сынку, і пазнай мяне, пакажы чалавечнасць і пакору, уласціваю дзецям, дапусці мяне да сябе, а працягнуўшы руку, прымі мяне, няхай не будзе чэрствам тваё сэрца; падымі свае вочы на пакутніцу матку тваю і ласкавым поглядам пажадай яшчэ таго, каб зараз са мною спакойна гаварыць, бо я не для таго прышла да цябе, каб кпіць з цябе, а для таго, каб вучыць, не для таго прышла, каб выклікаць у цябе запал гневу, а для таго, каб зрабіць цябе пакладзістым і пакорным! Я прышла не за разрывам сыноўняй да маткі міласці, а хутчэй за ўладкаваннем яе. Падзівіся, сыноч, глядзячы на нечуванае матчына ўніжэнне, і злітуйся над непамерным яе плачам, жальбою, пакутай і смуткам, прычынай якога з'яўляешся ты сам з другімі сваімі братамі, а маімі малодшымі сынамі.

radością, a potraciła z płaczem y z boleścią; porodziłam was na uciechę y podporę starości moiey, a doznałam po was gorszey niż po iawnych przeciwnikach moich, nieprzyjazni, gorętszey nienawiści, sroższego ucisku, okrutnieyszego prześladowania y szkodliwego upadku. Dla was y przez was ia nieszczęsna, matka wasza, stałam się ubogą, utrapioną, osierocią y wzgardzoną prawie od wszystkiego świata, która teraz, ach niestety, siedząc nad przykrym słoney Babilonskiey wody brzegiem y widząc was samych y drugich wielu, za waszym powodem synow moich, mizernie w niej tonących, płaczę rzewnym a nie utulonym płaczem, y żałobliwe boleści pełnych lamentow moich głosy pod same obłoki wynoszę...

Niech że cię ruszy synowski przeciw matce twoiey affekt; niech przerazi serce twoie ten tak gorzki y same niebiosa przenikający płacz, wzdychanie y wołanie moje! Pociesz mię prze bog, proszę synu; pociesz w tym utrapieniu moim, gdyżem ia ciebie z młodości twoiey cieszyć nie przedstawiała! Otrzy łzy od oczu moich, upamiętaniem y nawroceniem twoim, bom ia tobie w leciech dzieciństwa twego płakać niedopuszczała!

Zastaway się synu przy matce twey w starości iey, bo przeklęty jest wszelki od pana, który ią uczynkiem y słowem opuszcza; chcey mię poczcic a będziesz miał błogosławieństwo od naywyższego! Nie daway przyczyny, aby cię przeklinała matka twoia, gdyż przeklęctwo matczyne z fundamentu wywraca domu synowskie!

Выхавала я вас з радасцю, а згубіла з плачам і смуткам; парадзіла я вас на пацеху і падпору сваёй старасці, а пазнала ад вас горшай, чым ад яўных сваіх ворагаў, непрыязні, горшай нянавісці, бязлітаснейшага ўціску, бесчалавечнага праследавання і шкадлівага заняпаду. Для вас і па вашай віне я, ваша няшчасная маці, засталася ўбогай, пакутуючай, асірацелай і пагарджанай, сапраўды, усім светам, якая цяпер з гора, седзячы над прыкрым салёным вавілонскім берагам вады і бачачы вас і многіх другіх, мізэрна тонучых у ёй па вашай жа, сыноў маіх, віне, горка плача несучешным плачам і жаласлівы, поўны болю і ляманту, узносіць свой голас пад самыя воблакі...

Няхай жа цябе ўзрушыць сыноўняе спачуванне да сваёй маці; няхай уразіць тваё сэрца гэты такі горкі, які пранізвае само неба, мой плач, маё ўздыханне і галашэнне! Прашу цябе, сын мой, суцеш мяне, дзеля бога; суцеш мяне ў пакуце маёй, бо я з маладосці тваёй не пераставала цябе цешыць! Абатры з вачэй маіх слёзы сваім апамятаннем і зваротам да маткі, бо я цябе не даводзіла да слёз у гады твайго дзяцінства!

Застанься, сыноч, каля маці твае ў яе старасці, бо кожны бывае пракляты богам, хто пакідае яе сваім учынкам і словам; пашануй мяне і будзеш мець за гэта благаслаўленне ад самога бога! Не давай прычыны, каб цябе твая маці падваргала праклёну, бо матчыні праклён разбурае дамы сыноўня!

Coż bowiem tobie za sława z zelżenia mego? A co za uciecha z mego znańbienia? Postuchay przeto synu z pilnością nauki moiey y napominanie moie przyimi, chciey wolą twoię z pomysłeniem oycy twego stosować, a dobrze się z tobą stanie...

Што ж табе за слава ад крыўды маёй? А што за пацеха з майго зганьбавання? Пагэтаму паслухай, сыноч, з вялікай увагай маю навуку і прымі маё напамінанне, пажадай узгадніць сваю волю з помыслам свайго бацькі, і добра з табою будзе...

КАЗАНЬЕ

НА ЧЕСТНЫЙ ПОГРЕБ ПРЕЧЕСТНОГО
И ПРЕВЕЛЕБНОГО МУЖА, ГОСПОДИНА И ОТЦА,
ГОСПОДИНА ОТЦА ЛЕОНТИЯ КАРПОВИЧА,
АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО ПРЕЗ МЕЛЕТИЯ
СМОТРИСКОГО, С. АРХИЕПИСКОПА ПОЛОЦКОГО,
ВЛАДЫКУ ВИТЕПСКОГО И МСТИСЛАВСКОГО,
ЕЛЕКТА АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО,
ОТПРАВОВАННОЕ В ВИЛНИ, РОКУ ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ
БОГА СЛОВА 1620, НОЕМВРИЯ 2 ДНЯ

К

азанье погребное — як называе яго сам аўтар — прадстаўляе сабою своеасаблівы літаратурна апрацаваны некралог, па-мастацку напісаны, прысвечаны памяці выдатнага грамадска-палітычнага і літаратурнага дзеяча першай палавіны XVII ст. Ляонція Карповіча.

На сваёй форме «Казанье погребное» — тыповая царкоўная аратарская пропаведзь, пабудаваная па схеме, агульнапрынятай у той час для ўсіх твораў гэтага жанра.

Ва ўступнай частцы, якая займае амаль палавіну тэксту «Казанья», М. Смятрыцкі вызначае тэму сваёй размовы з праваслаўнымі слухачамі і характарызуе, са спасылкамі на багаслоўскую літаратуру, пяць відаў жыцця і смерці чалавека: «живот и смерть прирождения», «живот ласки, а смерть грѣха», «живот смыслов, а смерть цноты», «живот житейский, а смерть изступления» і «живот славы, а смерть гсены». Галоўная частка «Казанья», у святле гэтай схемы, прысвечана характарыстыцы жыцця і дзейнасці Л. Карповіча як духоўнай асобы і грамадска-палітычнага дзеяча. У заключэнні аўтар звяртаецца да бога з просьбаю абараніць асірацелую праваслаўную царкву ад яе ворагаў і паслаць на зямлю «наставника, пастыря и учителя», падобнага да Ляонція Карповіча.

Змешчаны ніжэй урывак з «Казанья погребного» друкуецца па кнізе, выдадзенай віленскай Святадухаўскай манастырскай друкарняй у 1620 г. Кніга зараз знаходзіцца на захаванні ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына ў аддзеле рэдкай кнігі (гл. стар. 27—54).

...Живота и смерти пятеракое уважене, православные христиане, предложилем¹ на то, абым з него то, што на початку за фундамент бесѣдѣ моей сей положили выходи, видочне обяснил и на-

¹ растлумачыў.

око¹ оказал, и на сей перед нами в честном тѣлѣ лежащей особѣ опочилое², справедливе довел и правдиве показал.

Межи преложеными живота людского пятма уваженми, животы богу любви и душам людским збавенныи, найдуемо три: живот прироженя, живот ласки и живот славы. Иншии живота способы два, живот смыслов и живот житейски, богомерски суть и душегубны. Ровне и межи преложеными смерти людской пятма уваженми три смерти найдуемо и богу приемныи и човекови збавенныи: смерть прироженя, смерть цноты и смерть изступления; смерть зась³ грѣха и смерть геенны и шкодливы суть барзо⁴ и надвшелякую⁵ нендзу⁶ людскую човекови нанендзньишии, смерть звлаща⁷ геенны.

Хто колвек теды з людий тройкий той похвалный живот на сем свѣтѣ

провадивши, тройкою похвалною смертю з него сходит, преложена мною в фундамент теперешней бесѣдѣ моеи сентенца овая⁸, справедливый человек, гды ему придет умерети, в отпочиненю будет безжадной⁹ вонпливости на нем з ласки божей истигъся, выполняется и опочивает.

Живота того и смерти розниц и сам превѣчный сын божий¹⁰, на низкостех свѣта сего¹¹ з людьми живши, на приклад нам, предводителем, быти зезволил. Частокротныи Христа, збавителя нашего, всеночныи аж и до кровавого поту подвижныи молитвы были смужакобы смертю изступления. Бѣды, утиски, преслѣдованя, насмѣвиска, уруганя и вшелякии иншии терптиве зношеныи кривды, посты и кождыи тѣла труды, были смертю цноты; смерть крестная якобы смерть прироженя. Смерти грѣха и смерти геенны не дознал

¹ наглядна. ² памѣршай. ³ але. ⁴ вельмі. ⁵ усялякую. ⁶ нястачу. ⁷ асаблѣва. ⁸ такая. ⁹ нѣякай. ¹⁰ маецца на ўвазе Ісус Хрыстос. ¹¹ г. зн. на зямлі.

як безгрѣшный и непорочный: пле¹ зась до троякой похвалного живота розницы во всем ся найдовал честен и пречестен, славен и преславен, свят и пресвят.

То так преложивши, присмотрѣможся, православныи христианае, в сей святой перед нами в честном своем тѣлѣ лежащей особѣ, напрод сей троякой хвалебного живота розницы, потом присмотримся и троякой розницы хвалебной смерти; живота, мовлю, прироженя, ласки и славы.

Ачколвек² и живот и смерть прироженя до вѣчного благословенства albo нѣчого, albo мало што привносят. Для чого вмѣсто живота прироженя покладаю урожене честного мужа сего з родичов и ведлуг бога и ведлуг света зацных³ и знаменитых. Ачколвек в особѣ той, которая, всѣми свѣта сего знаменитостями доброволне погордивши, одною зацностью горнего оногo свѣта себе произдобити по весь вѣк свой усиловала, зацности и знаменитости свѣта сего шукати и тыми ей здобити и славити реч ест здорожная, вшак же само ся то всѣм нам, бы добре я о том и молчал, вѣдати дает, же ведлуг бога урожен ест зацне и знамените з родичов благочестивых и побожных. Сын ест священнический. Сынове абовѣм⁴ левитов наших и божим и людским правом учтени суть над сыны всѣх иншей кондиции⁵ людей. Аже и ведлуг свѣта урожен ест зацне и шляхетне з родича шляхтича. Пинский повѣт (которого он в продаках своих и в их тепер живучих потомках Карповичах обывателем был значным) знаменитое о нем свѣдоцтво перед навышшею панств наших зверхностью⁶ выдал на он час, гды пред килкома лѣты для благочестия, за инстинктом и инстанцією не з бедной унитской апостасии⁷, и на учтивом и на животѣ обелжен и пожит быти, шляхетный сей муж вседушно шукан был.

Иду до живота ласки. Того честный сей муж набыл через тайну крещения в святой соборной апостолской церкви и неотмѣнне без жадного подозрѣня доховал его, богу в нем живучи, аж до преставления своего з земли на небо.

Живот славы, о котором нам реч, ачколвек на оном аж небесном свѣтѣ зуполне и досконале познаван бывает, вшак же в особах вѣрне на него заслугующих, коллигован⁸ бывает значне и з побожной славы живота свѣта сего земного. Аже⁹ живот славы свѣта сего честен мужу сему, славен и свят, само достоинство его перейское и преложенство¹⁰ архимандритское, которыми от бога ест почтен, свѣдчат. В тых достоенствах дочасной славы на вѣчную небесного живота славу працюете заслугующи, як живот обходил мало нижей, православныи христианае, в смерти его цноты послышите.

Троякий теды сей похвалный живот перед очима всѣх нас, а особливе перед всевидячими очима божими на сем свѣтѣ, свято-

¹ колькі. ² хоць, няглядзячы на тое, што. ³ сумленных, высакародных. ⁴ бо, таму што. ⁵ стану. ⁶ уладаю. ⁷ ерасі, расколу. ⁸ зроднены. ⁹ калі, што, нават. ¹⁰ настаўництва.

ближе провадивши, святой сей муж без вонпливости¹ вырок овый справедливый человек, гды ему придет умерети, в отпочиненю будет, на оном, где теперь ест, небесном свѣтѣ зищенный² на собѣ, сполненный и опочилый мѣти годным ся стал. В животѣ абовѣм прироженя честен найдуется, в животѣ ласки непорочен, в животѣ славы дочасной, иле до помѣреня ей з славою вѣчною, свят. Што все в нем яснѣй и оказалѣй видѣти дает смерть цноты, до которой нѣм ему в нижших нѣж тридцати лѣтах пришло и исповѣдничей и мученической зацноты короною был вѣнчан, исповѣдник самою истотою, а мученик произволением ставшия, гды ему през цѣлыи два роки срогим а окрутным³ темничным вязенем мордованому⁴ на кождый день для евангелской правды бѣдне умирати приходило.

Вѣдом вам, православныи христиане, справы той поступок, вѣдома причина, вѣдом и скуток⁵. Якии на он час диаволскии покусы святому сему мужу зносити приходило, якии там лукавый бѣс през свои инструмента перед ним фохи⁶ строил, то в обѣтницах над сподѣване рыхлѣйшого⁷ з темницы вызволеня з овою кондициею⁸, если падши поклонишься мнѣ, то в страхах над очекиване окрутных мук и незвычайной смерти, где бы того не учинил.

Але твердый, нѣж диамантовый, на камени вѣры, мощно утверженный филар⁹ сей все тое, як душегубныи пекелного моря навалности, мученическою душею непоколѣбимо зносячи, сердцем исповѣдничим стале отражал. Вожен был пред царѣ, и велми жи для правды евангелской и вызнал ей статечне¹⁰. Был насмѣван для вѣры православной, лжен, безчещен, шарпан¹¹, от суду до суду, з турмы до турмы през цѣлыи два роки, як злочинца який, поволокан (чого ся всего всѣх вас, благочестивыи христиане, кржавыми на он час лзами отеклыи очи насмотрѣлы, гды ся вам и весельи ваши святых дней урочности жолчем нелитостивой звѣрско над вами през апостаты бествячейся унитской схисмы в смуток и плач оборочалы), правды еднак евангелской не запрѣлься¹². Все тое охотне радостною душею зносил, быле толко правда з его особы на тот час в своей поважности была зостала, яко ж за ласкою добротливого бога зостала.

Сам оный немаль уставѣчный¹³ дворочного¹⁴ вязеня его, подземный темничный мрок, легкому в вѣрѣ, люб вѣтром свѣта сего надутому сердцу досыть был на зречене ся православия, чего самого на он час по сем сталою вѣры млоденцу потребовано.

По розных оных темницах и турмах воженому, што за вчасность¹⁵ мѣстца, повѣтря, товариства, самы от пут и ланцухов натертыи близны¹⁶ тѣла сего честного (юж ото шестонедѣльного, намиѣй еднак, з ласки пожилого в нем пресвятого и животворящего духа, нѣ псующогося, нѣ свендуючого¹⁷) свѣдком суть святого сего

¹ сумнение, няпѣунась. ² ажыщѣулены, здзейснены. ³ бязлітасным, лютым. ⁴ мучанаму, катаванаму. ⁵ вынік, канец. ⁶ свавольства, фокусы. ⁷ хутчѣйшага. ⁸ умоваю. ⁹ слуп. ¹⁰ сурѣзна, стала. ¹¹ турбаваны. ¹² не адмовіўся, не адступіўся. ¹³ пастаянны, бесперапынны. ¹⁴ двухгадовага. ¹⁵ зручнасць, выгада. ¹⁶ рана, рубцы. ¹⁷ не смярдзячага.

мученика и исповѣдника терпливости. Все то единак любовною, яком рекл, душею святыи сей муж през цѣлыи два роки зносил, быле ¹ толко евангелскои правдѣ свѣдоцтво выдал был поважное, яко ж за ласкою добротливого бога выдал такое ², которое ся в границы панств наших не змѣстивши в чюжеземскии ся краины и в пограничныи нам кролевства розляло, а в них кафолицкое ³ православной вѣры нашей благочестие непорочно быти освѣдчило. А то ест, православные христяне, образ святого мужа сего фарбами цнот в контерфектѣ ⁴ иллуминованыи.

До усмотреваня юж в святом сем мужу уваженной тройкой смерти поступую, которая нам живую в живых животворящего духа цнотах господина и отца нашего постать, ведлуг обѣтници моеи, выставит. Напервей теды иле до смерти цноты, которую в нем оказалую чинит стан его законничий иноческый, где умираючи смертию цноты, цноту тѣла своего, дѣву и душею и тѣлом чистую, богу своему Христу господу себе офѣровал, а у пресвятых его ног себе неволничю покинувши, апостолским сердцем до збавителя своего, за собою его ити зовучого, волат: «ото все мое для тебе, Христе мой, оставилем и вслѣд тебе пошолем!»

Правдиве заисте ⁵ апостолскый сей муж шол вслѣд Христа, тройко ему себе на вѣрную его службу обовязавши услугами двома публичными, як нерей и архимандрит, одною приватною и тою первою, як иннок.

В службѣ инока, которая ему была смертию цноты, так ся около себе мѣл, же безпечне о собѣ оное божого апостола Павла мовити могл: «Мнѣ мир распяся и аз ⁶ мирови». И оное ⁷ другое: «Не к тому живу аз, но живет во мнѣ Христос».

Так ся аффектом своим и пожадливостям паном быти становил, же ся о нем слушне оное того ж божого апостола речи может: «Иже суть Христовы, плоть свою распяша со страстми и похотми». Мѣрность во всем была ему якобы природна: покарм и напои скромный и воздержный, сон мѣрковный, бденне штоночное, правило штоденное, плач покутный завжды, смѣх распустный иѣколи, осклаба ⁸ ледво коли, гнѣв безпотребный иѣгды ⁹, жарт легкомыслный иѣ в мысли, слово не ркучи ¹⁰ сромотное, але а иѣ встыдливое, час во всем споряженный. Вкоротце рекши, дѣлом и словом иннок любоподвижный, а в натурѣ ¹¹ барзо слабой, в здоровю барзо плохом, в силах всего тѣла преречоным ¹² дворочным вязенем барзо земдленых ¹³.

Кламства ¹⁴, фалшу, здрады, подступку ¹⁵, потвары ¹⁶, пыхи ¹⁷, самолюбства, лакомства, зазрости, речий добрых ненависти отнюдь не знал. Скромность зась ¹⁸, трезвость, покора, людскость, укладность ¹⁹, склонность, литость, милость, а наособливей щирость,

¹ абы, каб тольки, абы тольки. ² масца на ўвазе надрукаванне «Фрынаса» М. Г. Смятрыцкага. ³ сапраўднае. ⁴ малюнак, вобраз. ⁵ на самай справе. ⁶ я. ⁷ тое. ⁸ усмешка. ⁹ ніколі. ¹⁰ не вымаўляючы. ¹¹ прырода. ¹² вышэйпамянёным. ¹³ аслабленых. ¹⁴ хлусня, маца, брахня. ¹⁵ падлогу, ашуканства. ¹⁶ паклёпу. ¹⁷ ганарыстасці. ¹⁸ але. ¹⁹ пачцівасць.

правда и любовь в души его вѣчное собѣ мешкане услалы. Ово истот-не муж сей всей цноты визерунок ¹, у которого (што реч заисте дивная) и тое все, што раз упущеное (латинныци *irrevocabile* называти звыкли), жадным способом назад вернуться не может, было в зуполне цѣлой посторозѣ ² и захованю: час, мовлю, слово и дѣвство.

Мовлю о святом сем мужу у вас, православныи христиане, перед которых очима он вес живот свой свѣтскый и сей таковыи законничий любоподвижный бѣг провадил. Неровно воистинну святобливѣи ³ честный сей муж жил, нѣж я о нем мовити могу, чюлѣи иночества своего закон обходил, нѣжли я о нем выправую.

Так абовѣм сей всей, яком рекл, цноты визерунок честно и святоблively жил, же ся до святой его души, якобы до скарбцу нѣякого. всѣ иноческии цноты были стеклы, которыи в нем помѣститися не могши, всѣм при нем и около него живучым на живыи приклад гойне ся вливалы.

А не толко иноком самым на приклад, але кождому и навышшого и нанижшого стану благочестивому христианину, бо хоть на законна иноческаго посторогу в нем пойзрѣл хто, пустынножителем ровным быти его обачил; хоть посполитым свѣтского живота цнотам в нем присмотрѣвался, продкуючим его в них перед всѣми и напобожнѣишими знайдовал. И ач ⁴ зазростю (которая на кождую реч пожитечную ⁵ слѣпа) тлумлен быти звыкл той, кого жадная слава злая не дотыкает, тут еднак и тая мѣстца мѣти не может. Сам встыд свѣтскый и наневстыдлившему оживци ⁶ уста затамует ⁷. Посред бѣлого абовѣм дня, як мовят, муж сей вес бѣг живота своего провадил. Знают все тое в нем братия, которыи з ним жили, которым он был предводителем; знаете и вы, православныи, котори исте ся тому присмотрѣли, которым он был учителем; знает, наконец, и все Вилно, которое цнот его тых полно, в котором он был по всѣм лѣтам свои мешканцем ⁸.

Иерейства службу як обходил, богу то самоиму налѣпшей ведомо, але ся и тому наши очи барзо добре присмотрѣлы. «Приближающися иерее ко господу богу, — мовит писмо святое, — да освятятся, да некогда отступит от них господь!» Росказане сее божее честному сему иереови так добре памятно было, же напервей на достоенства сего службу возванный господу богу себе отдати зезволил, аж бы от свѣтских себе забав овшеки ⁹ был отдалил. Тому самому, который его на службу тую святую собѣ обрал, возвал и послал, абы ся подобал, овой божого апостола Павла здоровой радѣ досыть з себе учинил, мовячого: «Никто же воинствуяи обовязується куплями житейскими!» Повинность учителскую як чюле, як дбале устне и скриптами отправовал, не толко вам, православным, науки его при томным ¹⁰ слухачом, але и самым иновѣрцем не ест невѣдомо. «Прилежащий добрѣ презвитери, — мовит той же божий апостол, — су-

¹ узор, малюнак. ² нагляд, ахова. ³ набожней. ⁴ калі, хаця. ⁵ карысную. ⁶ спасунок. ⁷ закрые. ⁸ жыхарам. ⁹ поунацю. ¹⁰ прысутным, свядомым.

губыя чести да сподобляються!» Чюл и знал себе быти добрый сей учитель, на стражи божой поставленого, красны мѣти на горах благовѣствующого и проповѣдующого покой. Подносил голос свой, як трубу. Трезвился во всем, бодрствовал, працювал, чинил дѣло евангелисты, послугу свою выполнял, проповѣдал слово, налегал, благо- временно и безвременно, строфовал, громил, просил во вшелякой терпливости и науцѣ. На зеленых травах и на буйных паствах, вед- луг слов пророка божого, добрый сей пастырь словесный овцы Христовы паствѣ своей повѣренны пасл, згромажал распороше- ныи ¹, збирал розбѣглыи, выводил их з людов отступных з землю сретичских и халуг ² схисматицких, а вводил зась ³ до власной им земли, до единой святой соборной и апостолской церкви, зевнутр которой блукаючи, от волков и от иных крвежадливых бестий пожерты бывши, погинути мусѣлы бы. Пасл их по горах и по здроях ⁴ пажити вод животочных евангелских. Того, што было за- гинуло, шукал, што было закинено, находил, што было поламано, обвязовал, што было ослаблено, умоцнял, а што тлустое было и моц- ное, того стерегл, душу свою, наконец, добрый сей пастырь за овцы Христовы положити зажды был готовый, овыи божого апостола Павла до пастырев реченыи слова на уставѣчной ⁵ памяти маючи: «Внимайте себѣ и всему стаду, в нем же вас дух святой постави епископы пасти церков господи и бога, юже притяжа кровию своею!»

От божей его службы так в безъкровной святой офѣры штоден- ном приношаню, як и в евангелской збавенной науки частом про- повѣданю жадный трудности нѣ слабость здоровья, нѣ повѣтря, не- вчасность, нѣ натяжшее зимно ⁶, нѣ наслютѣйшая непогода не отстра- шилы и овшем в тых божих службах им собѣ натяжей чинил, тым барзѣй з того ся тѣшил.

Архимандритского достоенства службу, же побожне, богобойне, дбале и осторожне обходил, знаком суть ото тыи честныи его бра- тия (з межи которых и себе не вылучаю), которыи на обычаев его укладность ⁷, на побожности прикладность, на живота цѣломудрне поглядаючи, до него ся от всель, як до отца, купили.

Знаком и заложеныи, за ласкою божею, и споряженыи от него по розных мѣстах и мѣстцах ⁸ монастыри а в барзо коротком живота и дозору его часѣ. Был абовѣм весь муж духовен, прикладный, учи- телный, цѣломудрый, братолюбивый, снисходительный, в научаню братии ростропный ⁹, в строфованю ¹⁰ бачный ¹¹, в караню уважный, в справленю совѣстном розсудный, годный заисте мѣстца сего святого и мѣста архимандрит.

Ступлю юж до усмотреваня в нем уваженной изступления смерти. В той, як частый з частого о богу розмышляня, честный сей муж бывал свѣдоми суть того в духу правды тыи, которым ся ближшы-

¹ рассеяных, распыленных. ² старых хат. ³ зноў. ⁴ крыніцах. ⁵ пастаяннай. ⁶ холад. ⁷ пачцівасць, далікатнасць. ⁸ гарадах і мястэчках. ⁹ разважлівы, разумны. ¹⁰ у пака- ранні, чытанні натацый. ¹¹ празорлівы.

ми под таковыи разы при нём быти здаряло. Шол до церкви — на молитвѣ был, пришол з церкви — на молитву станул, ел люб пил, седѣл, ходил, стоял,—установка ся в душеполезных богомыслиости утѣхах находвал. Стѣны мешкання¹ его запытаныи призналы бы, же минуты у того святого мужа не было, в которую што бы колвек чинил, абы люб бог з ним, люб он з богом не розмовлял. Вес свой час албо на читаню травил, где бог з ним розмовлял, албо на молитвѣ, где он з богом розмову мѣл; не выймую з того и забав его в намовах² справ церковных и монастырских, которыи поневаж³ в честь и славу божую суть споряжены, и в тых ся он з богом находвал, а бог з ним. Частокроть вдячная тому святому мужу о богу и о его добродѣйствах медитация⁴, в оую изступления смерть порываючи его, якобы отошлым его от себе чинила.

Частокроть потреба было иногда гукненя, иногда именованя, иногда порушеня, през што бы в себе был приходил. Вѣдают то тыи, яком рекл, которым публичныи и приватныи молитвы з ним обходити придавалося.

Вѣдаю отчасти и я окаянный, а з посуженем своего до божей службы лѣнливства, побожным святого сего мужа подвигом дивуюся. Вѣруйте мнѣ, возлюбленнии! Ангелскую воистинну нѣякую человеком странную вдячность в лиции святого сего мужа частокроть видѣти было, а особливе по безкровной святой офѣры през него принесеню и по евангелской науки проповѣди. Дал бы то господь бог, гды бы тая вымовы моеи моц в коротких словах была, абым нею мужа сего святого цнот дѣлность хоть мало словы выразити и до вѣдомости вам, православным християном, и всему свѣту подати был могл, которой, не ркучи моего мѣлкога довтѣпу⁵, коснорѣчивый язык в залецене⁶ доволным ставитися не может, але и напросторший языка оборот и слов вступ⁷ в розумѣ глубоком набыстрѣйший в досконалой власности поставити ей в многом не здолает, не бошественна бовѣм и от людского змыслу нѣяко вынятна⁸.

Сей пречестни учитель церков нашу виленскую, в побожности овоцы почасты зазяблюю, до звыклой благочестивым (оной святой первосаженой церкви святой обычай в ней отновивши) плодovitости, частым евангелских вод дожчем ей розогрѣваючи, зрядил благодатию Христовою способну и выдал урожайну и плодovитую як в евангелской проповѣди любовном слуханю, так в штоденного набоженства охотном учащаню, в ялмужны⁹ гойности¹⁰ церкви, шпиталем, нищым, убогим своим и обцым без жадного особ бракованя, в побожном празников урочистых господских, пречистой и преблагословенной присно¹¹ девы богородицы и апостолских обходѣ, а особливе в частом пречистых и животворящих тѣла и крове

¹ жылля. ² угаворах. ³ бо, хоць, таму што, таму. ⁴ роздум, абдумванне. ⁵ дасціпнасці. ⁶ у даручэнні, рэкамендацыі. ⁷ значэнне гэтага слова невядома. (Магчыма гэта польскае слова «встрент» — агіда.) ⁸ свабодна, вызвалена. ⁹ міласціна. ¹⁰ шчодрасці. ¹¹ заўсёды, увесь час.

Христовы таин, по достодолжном през пост и сповѣди споряженю¹ ся и приготованю, причащаню.

Але день бы мя рихлѣй², православныи христиане, не ушол, нѣжли бы на материи побожных святого сего мужа забав, приметов, обычаев, поступков и всего живота его зишло, если бым всѣ в нем найдуючнися побожности цноты подробну вылѣчати³ мѣл.

До третей смерти, которая ест прироженя, з усмотреванем моим поступаю, на которой и пред ся взятой бесѣдѣ моей конец учиню.

На смерть прироженя честный сей муж як был готовым, межншими овыи, под час смерти его, от него до одного з священноинок о нефрасованю⁴ ся з смерти нѣштоь припомянулого, реченыи слова вѣдати дают: «Што ся, — мовит, — маю фрасовати, з гостины до отчизны отходячи; о вѣры благочестивого сердца. Приходневе, — мовит, — естесмо на земли, а не отчичи». Мешкане наше божий апостол Павел на небесех быти повѣдает, отколь и збавителя чекаемо господа Исуса Христа.

Вѣдаемо абовѣм, же будет ли земный тѣла нашего дом зопсован, иж маемо будоване от бога дом нерукотворенный, вѣчный на небесех. Як ся зась на тую прироженя смерть готовал, овыи други под тот же смерти его час до всей около него стоячей духовной братии выреченыи слова увѣдомляют, до которых по напомнимю и благословенствѣ отцевском очи свои на образ распятия Христа, бога нашего, который ему был уставѣчне притомный⁵, поднесши рекл: «Просѣте, братие, господа бога, абы мене даровал еще церкви, о голоса святого, о голоса пастырского, о слов вѣчной памяти годных!»

На што ж, абы тебе господь бог даровал церкви, господине мой, просити кажеш? Азаж⁶ ти свѣт сей мил? Азаж небесная отчизна нелюба? Учителеве тебе церковнии, святители, праведници, преподобници, исповѣдници, мученикове, апостолове, пророци, патриархове, девственници, а в коротце рекши, всѣ тыи, которых земля не утанла, але небо их приняло, перед которыми отворилыся небесного рая двери, а они внутр его будучи, древа живота, которое ест господь наш Исус Христос, наслаждаются, на небѣ тебе радостно чекают! А ты на сем мизерном свѣтѣ о далший собѣ живот господа бога просити братии своей кажеш. Чекают тебе там же на небѣ ангели и архангели, херувими и серафими и всѣ иншии небесных воинств хоры! Што болшее? Чекает и оная над херувимов честнѣйшая и над серафимов славнѣйшая, сердца твоего несытная утѣха, пресвятая и преблагословенная присно дева богородица! Наконец, и единокородный ей сын, господь твой и бог превѣчный, тебе вѣрного своего слуги з прижитыми от тебе талантами чекает, абы ты над болшими добры своими преложил и до вѣчной радости своей тебе впровадил. А ты о марный, дочасный, и той в плохом здоровю твоем землєный живот просити кажеш. «Кажю, — мовит, — и прошу просити. И сам, если на то воля бога моего ест, прошу, але не мнѣ себе

¹ выконванню. ² хутчѣй. ³ пералічваць. ⁴ не сумавање, не турбавање. ⁵ прысутны. ⁶ хіба.

прошу. Церкви даровати мене прошу, а не мнѣ. Мнѣ абовѣм жити Христос, а умерети зыск¹. З божественным я апостолом Павлом мовлю, мовячим: «Желание имам разрѣшиться и со Христом быти много паче² лучше, а еже пребывати во плоти — нужднѣйше ест вас ради». Прагну я далеко барзѣй розстатися з тѣлом, а з Христом, богом моим, быти, нѣжли тут на сем марном свѣтѣ жити. Але для вас, для повѣреной мнѣ в церкви Христовой душезбавенной евангелской услуги, живот мой пожитечнѣйший³ ест. Воля еднанк в том бога моего нехай ся полнит, не моя!»

О великого сего учителя побожности годных слов не реку я заисте. Учителю и отче мой честный, не реку, абы ты умерл, и недозрѣлой твоей смерти оплаковати не буду; живеш абовѣм славою честного живота и живой твоей науки живеш, и поки солнце землю видѣти будет, жити будеш! Чого абовѣм тобѣ лѣта детинныи позайзрѣлы, албо што недозрѣлая смерть уняла, тое ты все иноческого живота цнотами наполнил, которыи в тобѣ не мы толко, которыисмо притомными их назорцами были и по силѣ нашей наслѣдовцами быти усилували, з подивенем венеруемо⁴, але и всѣ, которых знаемость тебе заходила, православныи и иновѣрцы, отщепенцы и апостатове, которыи нахшталт обосторонне острого меча действуючую твою, сердце и всѣ внутрности аж до роздѣленя души и духа и до составов и мозгов в костех проражающую, евангелской правды науку, небом и землею вѣхрячой своей апостасии⁵ смерть быти и погреб оминовати мусѣли и мусят, наслѣдници абовѣм, з ласки божей, незбывають сынове! Чого кождый православный цѣлым сердцем пожадати и горячо прагнути мает!

Неровно абовѣм помыслнѣйшии церкви Христовой от всель сукцессы⁶ наступят, гды обридлое тое и ненавистное отщепенцов и апостатов имя з ней выступит и вне памяти загребеное счезнет.

На то само всею душею своею з пожаданем поглядаючи, святой сей муж, абы его господь бог даровал был еще церкви, прагнул. О здарил бы то был дсбротливый господь бог, отче наш честный, гды бы ты был церкви своей святой еще даровал! Любый бы нам твой живот был и в насѣдших сѣдинах, як многих цнот стяжателя, дѣвственника, исповѣдника, мученика, дѣлом и словом учителя, покаянию истинному великого проповѣдника!

Але поневаж «сѣдины мудрость человеку, а возраст старости житие непорочное», южесь през тое двое кресу⁷ вѣку своего дошол зуполне, и сѣдин мудрости и старости живота непокаляного⁸ зуполне дошедши, за што господу богу душа твоя подобалася, который для того и поспѣшилсья, абы ты вывел з посредку неправости.

Ачколвек⁹ несправедливый, не зрозумѣвши, што бы мыслил о тобѣ бог, же ты скоро от нас поводал¹⁰ могут погордити тобою, але з них господь бог насмѣяться обещуется и на безецный¹¹ упадок вы-

¹ карысьць, выйгрыш. ² больш. ³ карыслівейшы. ⁴ шануем, паважаем. ⁵ ерасі.
⁶ удачы, поспехі. ⁷ канец, мяжа, граница. ⁸ незганьбаванага, неапаганенага. ⁹ хоць.
¹⁰ паклікаў. ¹¹ ганебны.

дати их навѣки. Чинило святого сего мужа на смерть прироженя готовым и штоденное под час здоровья а частое в час хоробы пречистых и животворящих тѣла и крове Христовы таин причащение.

Была ему в уфность¹ готовности и едина его первая по богу утѣшная утѣчка пречистая преблагословенная присно дева богородица. А первым и наособлившим способом в досконалой его готовности уфность, на которой он всею душею своею полѣгал, был ему непорочный оный агнец божий, который всѣ всего свѣта грѣхи згладил.

Так приготованый на смерть прироженя сей святой муж з земли на небо, от людей до бога преставлен ест, где юж не учителскую о нас, возлюбленни, службу обходит, але ходотайскую, иле² ходотаем до себе един оный богу и человеком ходотай, человек Исус Христос, быти ему со всѣми святыми даровал.

О том так побожне пожилем и так святоблively зешлом³ мужу на початку бесѣды моеѣ безпечне реклем: «Справедливый человек! Гды ему придет умерети, в отпочиненю будет». Безпечне заисте и в замкненю ей мовлю. Справедливый Леонтие, гды тобѣ пришло умерети, в отпочиненю зосталесь! В отпочиненю покою бога твоего, в котором, же и повторе то реку, живеш, рушаешся и естесь и тѣшишся в нем, радуеш, веселиш, роскошуеш и видѣнием его толко ся насычаеш, колко вмѣстити можеш.

Колко тобѣ господь бог твоеѣ зезволяет и ты понести змогаеш, толко з начатков вѣчного оногo блаженства юж заживаеш. В отпочиненю небесных оных радости и веселия полных, свѣтлостю притомного лица божого освѣченых палацов, в которых ты сполечне⁴ зо всѣми святыми Христу богу предстоячи и за нами в молитвах своих святых, которым ся мы вѣрне поручаемо, памятствуючи, на корону справедливости любовне чекаеш. На оногo царства корону, которого добр око не видѣло и ухо не слышало и на сердце чело-вечее не взышлы, которую отдати тобѣ мает господь в оный день, в день, мовлю, страшного своего суда справедливый судия, а не толко тобѣ одному тогды, але тогды ж и всѣм, которыи улюбили приход его. Тогды, гды, ведлуг обѣтницы своеѣ превѣчный сын божий, господь бог наш Исус Христос, зготовавши тобѣ и всѣм, з которыми естесь, святым мѣстце, повторе придет и возмет их и тебе до себе, абы где он ест и ты был и всѣ перед тобою и по тобѣ избраныи его. Тогды, гды ся непорочный оный превыше всѣх небес маестуючий⁵ агнец божий з выбранными поселит, рядити ними поступит и до жродел⁶ вод живых доведет их.

Тогды, гды досконалость приймавати будут и тыи, которыи, свѣдоцтвом вѣры досвѣдчени бывши, не приняли обѣтницы, иж бог шtosь лѣпшого и о тобѣ преїзрѣл, абы они без тебе, а ты без них и без по тобѣ будучих, досконалости своеѣ не взял. Тогды, гды перед страшным нелицемѣрного судии трибуналом в души и тѣлѣ

¹ вера. ² паколькі. ³ памѣршаму. ⁴ сумесна. ⁵ царуючы. ⁶ вытокаў, крыніц.

Ты нас высвободил з таемной злохитрых ловец сѣти, и от прикрых а тяжких слов понурых насмѣвцов ты нас ратовал. Защичай же нас, оборонцо наш и пане, раменами¹ своими вссилными, а мы под крилами твоими безпечне уфати² будемо!

Правда твоя святая тарчею³ нас нехай закладает, а мы ся ночного и наболшого страха бояти не будемо! Нѣ стрѣлы, лѣтаючей в день, нѣ справы, ходячей в темности, нѣ наѣзду чювственного и мыслного бѣса полудневого, але за твоею нас обороною падет по боку нашем лѣвом тысяча, а по правом — тма, а до нас жаден ся не зближит. Прето⁴, жесмо в тобѣ надѣю мѣли, выбавилесь нас; жесмо знали имя твое, защитилесь нас; жесмо волали до тебе, выслуhalесь нас. Былесь з нами в утиску, алесь нас з него вырвал и увелбилесь⁵ нас, як ся святой твоей воли подобало, знамените. Долгостю теды дний, нас наполняючи, оказуй нам збавене твое.

Поднесеную и отновленую ласкою твоею святою утисненой церкви нашей русской святыню отцевско пѣстуй, ховай, ширь и множ. Ангелом своим святым поручи ей, абы ей стерегли на всѣх дорогах ей, на руках своих абы ей носили, бы зась о той же, люб тому подобный камень ноги своей не образила.

Дай ей по тых выкинутых з ней падалцах и базилисках безпечне ходити, а потоптати лва и смока! Тобѣ абовѣм самому о нас промысл, тобѣ о душах наших единому печаловане.

А мы тебе, бога нашего, бога в тройци единого, отца и сына и святого духа, за то и за всѣ иншыи незлѣчныи добродѣйства твои славити и хвалити будемо нынѣ и завжды и навѣки вѣком.

Аминь.

¹ плячма. ² разлічваць, спадзявацца. ³ круг, шчыт. ⁴ таму. ⁵ горяча палюбіў.

ЛЯОНЦІЙ КАРПОВІЧ

1580—1620)

Ляонцій (да манаства Лонгвін) Карповіч нарадзіўся каля 1580 года ў шляхецкай сям'і на Піншчыне. Дзе Карповіч атрымаў адукацыю, што і калі прымусіла яго пайсці ў манастыр, — невядома. Адсутнасць канкрэтных даных не дае магчымасці прасачыць, дзе і як працякала жыццё Ляонція Карповіча да яго паяўлення ў віленскім Святадухаўскім манастыры, будаўніком і першым архімандрытам якога ён з'яўляўся. Докладныя звесткі аб яго грамадска-палітычнай дзейнасці пачынаюцца толькі з 1609 г.

Вядома, што ў студзені 1609 г. Ляонцій Карповіч у ліку віленскіх паслоў выступаў на Варшаўскім вальным сейме ў абарону праваслаўя супроць самаўладных дзеянняў уніяцкага мітрапаліта рэнегата Іпація Пацея, які незадоўга перад гэтым адабраў у віленскіх мяшчан для уніі 12 праваслаўных цэркваў і брацкі Троіцкі манастыр. Праўда, пасольская місія Карповіча не дала станоўчых вынікаў. Пратэст праваслаўных супроць дзеянняў Іпація Пацея быў адхілены польскімі ўладамі.

У 1610 г., будучы старшым друкаром і карэктарам віленскай брацкай друкарні, Ляонцій Карповіч выдаў славеты «Фрынас» Мялеція Смятрыцкага. За выданне гэтай кнігі Карповіч па распараджэнню караля Сігізмунда III Вазы быў арыштаваны і пасаджаны на два гады ў турму як дзяржаўны злачынец.

Пасля турэмнага зняволення Карповіч у хуткім часе ўзначаліў барацьбу віленскага праваслаўнага брацтва супроць Брэсцкай царкоўнай уніі. А незадоўга перад смерцю Ляонцій Карповіч за актыўную барацьбу супроць каталіцызма быў вылучаны кандыдатам у епіскапы на Уладзімірскую і Брэсцкую кафедру. Заўчасная смерць абарвала яго жыццё ў 1620 годзе.

Ляонцій Карповіч быў высокаадукаваным для свайго часу чалавекам. Ён добра ведаў польскую, грэчаскую і лацінскую мовы і сярод сваіх сучаснікаў карыстаўся славаю непераўзыйдзенага аратара, майстра царкоўнага красамоўства. Яго красамоўства сучаснікі параўноўвалі з красамоўствам Іаана Златауста. Яго талентам захапляўся нават такі таленавіты украінскі пісьменнік-палеміст XVII ст., як Захарыя Капыценскі, які ў сваёй «Палінодзіі» называў Ляонція Карповіча «мужем богодухновеным, в языку грэчэском знамените беглым, оборонцей благочестия».

Літаратурныя творы Ляонція Карповіча¹ вызначаюцца ўзнёслым, глыбока эмацыянальным тонам і высокімі для свайго часу літаратурна-мастацкімі якасцямі. Пытальна-адказная форма, рытарычныя фігуры, анафарычныя зачыны надаюць яго творам асаблівую дынамічнасць і сілу ўздзеяння на чытача

¹ Падрабязны пералік іх гл. у С. І. Маслава «Наука Леонтия Карповича в неделю перед Рождвом», Кіеў, 1908.

або слухача. Для таго каб зрабіць свае думкі даходлівымі, пераканаўчымі, зразумелымі і нагляднымі, Ляонцій Карповіч вельмі часта карыстаўся ў сваіх творах прыкладамі, трапнымі параўнаннямі, паралелямі з навакольнага жыцця і асабліва з «Бібліі» і твораў славытых у той час царкоўных пісьменнікаў. Яны служылі Карповічу арсеналам для выбару неабходных цытат і багатых мастацкіх сродкаў, выкарыстоўваемых ім у казаннях і павучаннях.

Аднак, нягледзячы на свае высокія літаратурна-мастацкія якасці і багатыя паэтычныя сродкі, уся літаратурная творчасць Карповіча абмежавана вузкімі рэлігійнымі рамкамі. Абвостраная сацыяльна-палітычная барацьба супроць царкоўнай уніі, актыўным удзельнікам якой з'яўляўся і сам Ляонцій Карповіч, не прагучала ў яго творах ва ўвесь свой голас. Як тыповага прадстаўніка і выразніка інтарэсаў шляхецкай апазіцыі Ляонція Карповіча ў большай ступені хвалявалі пытанні маралі, чым пытанні барацьбы і лёсу беларускага народа ва ўмовах феадальна-каталіцкай агрэсіі. Таму ўсе яго творы без выключэння прасякнуты маральна-павучальным тонам, заклікам да пакаяння і самаўдасканалення, заклікам адмовіцца ад выгад зямнога жыцця ў імя выгад нябесных, заклікам застацца вернымі праваслаўю.

Аднак, нягледзячы на гэта, літаратурная і прапаведніцкая дзейнасць Ляонція Карповіча аб'ектыўна для свайго часу мела прагрэсіўнае значэнне, бо яна ўсім сваім пафасам была накіравана супроць каталіцызма і царкоўнай уніі.

З твораў Ляонція Карповіча ў хрэстаматы друкуюцца: урыўкі з «Казанья на преображение господа бога и спаса нашего Иисуса Христа» па экзэмпляру кнігі Карповіча «Казанье двое», Еўе, 1615 г., які зараз знаходзіцца на захаванні ў адзеле рэдкай кнігі ў Ленінградскай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (гл. стар. 3—23); а поўны тэкст «В неделю пред рождеством Христовым науки блаженного пастыря отца Леона, архимандрита виленского» — па выданню С. І. Маслава (гл. Записки наукового товариства в Києві, Київ, 1908, кн. 2, стар. 127—141).

КАЗАНЬЕ НА ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Церков святая восточная, православные християне, о нынѣшнѣм презацном¹ дни и хвалебном празднице пѣсни и гимны, от вышнее богословии утворенные, в духовном веселю и утѣсѣ спѣваючи, в одном з них тыми словы мовит: «Приидѣте, взыйдем на гору господню и в дом бога нашего и узрим славу преображения его, славу яко единачадого от отца, свѣтом примѣм свѣт и, преложени² бывше духом, троицу единосущную въспоем в вѣки!»

З радостью от тебе слышим, матко наша церкви, тот твой так милый и солодкий к нам голос, вдячне приймаем тое напомиане, хутливыми³ се ставим на выконане того росказаня твоего. И хто ж бовѣм того бы собѣ не зычыл, абы тые всѣ слова skutком⁴ выполнити могл?! Хто бы на так сличный⁵ видок не рад глядѣл?! Хто бы ку так милому и пожаданому кресу⁶ не рад бѣжал? Хто бы спѣвцем богоотцем, крил голубиных не потребовал, абы могл возлетѣти на тую гору, для которое радуются и играют другни горы, а погорки

¹ паважаным, шаноўным, прыстойным. ² змененыя, пераведзеныя. ³ жаданымі, схільнымі. ⁴ вынікам. ⁵ цудоўны, чароўны. ⁶ канца, граніцы.

скачут, яко баранки, на тую, мовлю, гору, которая вторым небом
 ся стала для показаное на ней небеснаго царя славы? На той
 бовѣм горѣ божества облистала красота, на той — распятія пред-
 нареклася таемница, на той — въскресе-
 ния выобразил ся об-
 раз, на той — не-
 сказительности объ-
 явилася оздоба, на
 той — не вечерня-
 го оного в царствии
 божием дня откри-
 лася свѣтлость, на
 той — (в пресличной¹
 оной шат² Хри-
 стовых ясности) бу-
 дущая оная святых
 тѣл засвѣтилася яс-
 ность, на той — (в
 пресвѣтлом оном пре-
 свѣтлаго оболочка тѣ-
 ню) утѣшное оное
 въсхищение угодни-
 ков божых на оболоч-
 ки префикгуровало-
 ся³.

Хто бы, и повто-
 ре мовлю, на той
 преславной Фавор-
 ской горѣ станути не
 хотѣл, на которой
 станули пресвятыи
 ноги Христа спасите-
 ля нашего, в том кшталтѣ⁴ и постати, в которой на тот свѣт судити
 живым и мертвым приидет? Хто бы, мовлю, того преможного⁵ и
 страшливого судии, тихо и ласкаве ставячогося, не рад видѣл? Хто бы
 его, не о судѣ и караню, але о незмѣрном и предивном милосердю ро-
 куючого⁶, не рад слышал? Хто бы персон тых, с которыми о так важ-
 ных и великих речах тот преможный цар намову чынил, с которыми
 о выконаню скрытое от вѣков таемницы, о поднятю в Иерусалимѣ,
 за збавене наше, муки и смерти доброволное розмавял, оглядати;
 хто бы той так превеликой славы, ясности и оздобѣ их, в которой
 ся на он час показали, присмотрити; хто бы на тот знаменитый
 фест⁷, на тот презацный зъезд и сейм прибыти не хотѣл, на кото-
 рый князи людстии събралися с богом Авраамлим, на который кня-

КАЗАНИЕ ДВОЕ

Одно.

На Превображеніе Гда Бга, и вѣспана-
 шего Іс Хг.

Другое.

На вѣспеніе Прѣчтвое и прѣблагвенное вѣспеніе
 наше Бцы прно Дѣвы Маріи.

Которымъ мѣлъ, ѿць Люти Карповичъ, Арх-
 иерей, Мандритъ Монастыря, ѿщителного, Братъ
 Олонецкого Вѣспенскаго, Црканъ Сошествѣнъ Сгго и
 Животворщаго Дха.

въ Олонецкѣ, мѣсяца Августа 5, и 6, днѣ.

Въ Олонецкѣ Старинтиса в Нинѣ Дхна вѣспеніе поставилося.

Архидіаконъ Маестрѣти Сгго Мати, Кнл. Бодана
 Окнѣскаго, Покоморого Троицкаго. в ѿбю.

Цітульны лист «Казання двое» Карповича.

¹ найпрыгажэйшай. ² рыз, адзення. ³ змянялася. ⁴ выглядзе, форме. ⁵ усясіль-
 нага. ⁶ размаўляючага, абяцаючага. ⁷ свята, урачыстасць.

жата всеє землѣ, на который началницы старого и нового закону богоначальным мановением зехалися и, подобные подобных собѣ обачившы, миле ся з собою привитали? Обачил бовѣм великий вѣрою боговидец Моисей теплаго в вѣрѣ слову самовидца Петра, обачыл, завезеный возом и конми огнистыми, яко на небо, и смерти до тых часов неподлеглий девѣственник Илия того, который, възлегшы на пламенные Христа бога перси, вышей ниж на небо огнистыми богословия крилами възлетѣл и смерти также и поднесь не вкусил, девѣственника Иоанна.

Хто ж бы тому их прелюбезному витаню припатритися ¹ собѣ не зычыл? Хто бы боготрезвенным оным небесное солодкости вином прагнення своего утолити не прагнул, которого скоштовавшы верховный апостол Петр як в нѣяком изступленю оные слова заводал: «Господи, добро ест нам здѣ быти! Аще хочещи створым здѣ три сѣни ²: тебѣ едину и Моисеови едину и едину Илии!»

Не вѣдаеш Петре и сам што мовиш, естесь бовѣм пьяным. Упоила тебе една тая, которое скоштовал, премирное оное славы и небесное солодкости капля. Але тя твой пап до самого не смертельное роскоши жродла ³ взывает, которого не поступиш, если по вкушению тоє теперѣшнее солодкости яблока крестьного не скоштуеш. Не вѣдаеш што мовиш, иж хочеш отпочивати пред выконанем працы, иж хочеш триумфовати пред отрыманем звятяжства ⁴. Треба впрод (мовит твой учитель до тебе) отрещися ⁵ себе, взяти крест свой, подняти за имя мое, муку и смерть, а потом не з одним толко Моисеом и Илиею в трех, о которых мовиш, прибытках, але з незличным оного преблаженного почту, оного много племенитого, в бѣлые шаты оболченного и в руках палмы звятяжства маючого, народу, множеством в оных многих отца моего обителех, в оных коштовных небесного моего дому палацах отпочинеш.

Правда теды то ест. Петре, иж добро ест з Христом спасителем быти, леч ⁶ не на той толко горѣ, але и на каждом мѣстцу. «Аще бо пойду посередѣ сѣни смертных, не убоюся зла, яко ты со мною еси»,— мовит Давыд. Добро ест з ним и терпѣти, если бовѣм «з ним страждем, з ним и прославимся»,— мовит Павел. Добро ест з ним и умирати. Он бовѣм ест живот наш, который кгда ся явит, кгда в повелении и в гласѣ архангеловѣ и в трубѣ божий с небеси снийдет, тогды и всѣ для него и в нем умерлые з ним възкреснут в воскрешение животу, з ним ся явят в явление неизреченное и безконечное славы.

Не вѣдаеш и з другое мѣры, Петре, што мовиш, кгда ж яко тѣлом от землѣ высоко стоиш, так и розум твой вышей чувственного розумѣня поднесеный маючы, и в оном якобы захвиценю ⁷ в предверые вышняго царства вшедшы, и нѣякую оного не вечерняго дня зару обачившы, и якобы концем палца вышнего оного покарму скоштовавшы, таемниц наполненные слова отрыгаеш. Вспоминаеш

¹ прыгледзецца, нагледзецца. ² прытулкі. ³ крыніца. ⁴ перамога. ⁵ адмовіцца, адрачыся. ⁶ ды. ⁷ захапленню.

бовѣм три скинии¹, на кшталт троякого в животѣ людском стану, то ест стану закона, стану ласки и стану хвалы, альбо блаженства оного вѣчного. О которых трех скиниях, православные христіане, и я недостойный з любовію вашею, за ласкою и помочію божею, побесѣдовати, а в той бесѣдѣ троякое преображене, або премѣнене души истиннаго христіянина (в котором ся теж skutки тых трех преднѣйших богословских цнот, вѣры, надежды и любве отчасти выразати и оказовати будут) уважати умысл пред себе взявши.

Прошу впрод того истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякого человека грядущаго в мир, абы он сам не по нашему достоинству, але по премногому и неизслѣдимому богатству щедрот своих и мнѣ, мовячому, и вам слушающим на зрѣние славы преображения своего душевные очы отворити и просвѣтити свѣтом своего богоразумна рачыл².

Троякую скинию, альбо прыбыток, православные христіане, небесная ластовица, до третѣго неба взлетѣвшая, святыи апостол Павел в листе своем до евреев вспоминает: первую, до которе завше волно было входить священником (а тая се называла святая); а другую, по второй завѣсе, до которой один раз в рок един архисрей не без оферы крве входил (а тая се называла святая святых); третью засе, о которой там же, троха ниже, взмѣнку чынит тыми словы: «Не в рукотворенная бо святая внииде Христос, противобразна истинных, но в самое небо, нынѣ да явится лицу божию о нас».

Там тая першая скиния была тѣмней фикгурою второе. Вторая засе³ до третее (водлуг оных пророческих слов: «Пойду от силы в силу») провадит.

Першая теды скиния за наступеньем второе на сторону уступити мусѣла, яко церков божиа спѣваеть: «Прииде сѣнь законная благодати пришедши». Уступил тѣнь закона, кгда надешла ласка. Уступил закон старый, кгда новому нашлосе мѣстце. Уступил Моисей законодавец, а наступил Христос ласкидавец. Уступили пророцы, кгда наступил от них пророкованый. Уступила литера забияющая, а наступил дух оживяющий. Еднак иж и литера тая образом и фикгурою была духа, с тых мѣр и она мусела быти в чести, мусела мѣти славу.

Але яко болшую славу служба закона ласки над службу закона неволи мает, тот же апостол в оных словах своих выразне докладает: «Аще ли служение смерти писмены образованно в камени, бысть во славу, яко немощи взирати сыном израилевом на лице Моисево славы ради лица его престающия? Како не множает паче служение духа будет в славѣ. Аще бо служение осуждения слава, много паче избыточествит служение правды ко славѣ, ибо не прославится прославленное во части сей за превосходящую славу, аще бо престающее славою много паче пребывающее во славѣ».

Што бовѣм за поровнане тѣню до истоты? Што за поровнане

¹ шаты, шатры, засень. ² пажадаў. ³ ж.

офѣр быдлѣчих до офѣры баранка, гладячого грѣхи всего свѣта? Што за поровнанье кноту деревяного з кнотом одушевѣленным? Што за поровнане манны покарму пустынного, которого едши, жидове на пуци поумирали, з хлѣбом, с небесе зшедшим, которого хто есть, не умрѣт навѣки? Што за поровнане крови козлее и телчее з найдорожшею кровию Христа, спасителя нашего, которая не толко тѣло, але душу и сумнѣне от мертвых дѣл чистит, освѣщает и просвѣщает? Слушне теды, там же и тот же святой апостол с того се невымовне тѣшит и тым ся, яко найболшею прерокгативою, хвалит, иж ест служителем нового завѣту Христового, и иж оногo старозаконного Моисейского покрывала, албо заслоны, на обличу своем не мает, але открытым обличьем славу господню взираеть.

Еднак же не тут ся застановляет, але еще в оной третей скинии, в оном небесном прибытку, досконалшогося зрѣния присно¹ сущное оное славы сподѣваючы, в тые слова мовит: «Видим убо нынѣ яко же зеркалом в гаданиих, тогда же лицом к лицу».

Речет хто, а яко ж тое перъше слово апостольское з овым послѣдним згодитися может? Там абовѣм твердит то, иж юж без покрывала открытым лицом славу господню взирает, а тут на кштат нѣякого покрывала, албо заслоны, зеркало и гадание воспоминает.

На то ся отповѣдает, иж юж нѣмаш заслоны и покрывала законного, которое бы боронило оком мысли и розуму на премирную оную славу духовне смотрити, але ест еще заслона смерти и зепсованю подлеглого тѣла, которого взрок на таковое видене тупый и слабый ест барзо. Тепер бовѣм, яко тот же апостол мовит: «Отчасти разумѣваем и отчасти пророчествуем, егда же придет съвершение, тогда еже отчасти упразнится», кгда ся дни дороги и пелкгрымацыи² нашее скончат, в тот час до дому и отчизны прийдѣм, кгда тот земный и дочасный прибыток смертелного и сказителного тѣла розрушится, в тот час до прибытку оногo нерукотворенного и вѣчне в небѣ трваючого (за ласкою и помочю отца будущаго вѣка) въведени будем.

Тепер юж до того прибытку простую и добре през ходотая нового завѣта уторованую дорогу, тепер юж до оное страчное през прадѣда Адама отчизны нашее приверненное собѣ през второго Адама право и дѣдичство³, тепер юж до оных нерукотворенных небесных святая святых кровию небеснаго архиерея обновлений собѣ вход маем и юж естесмо дѣдичами царства и наслѣдниками оных невымовных в небѣ добр, еднак же того дѣдичства и тых добр през вѣру толко и надѣю (по мѣрѣ влитое в тот малый и немощный съсуд тѣла любве) ужываем и з него ся тѣшим. Але до skutечное сного посессыи⁴ держаня и ужываня аж в тот час прийдѣм, кгда младенцами албо дѣтми быти престанем; кгда в мужа съвершенна, в мѣру возраста и исполнения Христова, достигнем; кгда и тые два в том дѣтинном возрастѣ, якобы педаггокги, и в той гостинѣ и дорозѣ,

¹ заўсѣды. ² вандроўництва, падарожжа. ³ спадчыну. ⁴ уладанняў.

якобы переводники, вѣра и надѣя устанут и на сторону уступят, а сама толко юж не от части, але досконалая любов наступит; кгда и самые тые дѣтинные и пелкгримские шаты з себе зложим, в котых нас свѣт не знает, яко о том еден з гостей, на нынѣшний фест везваных, мовит: «Възлюбленнии нынѣ чада божии есмы и не уявися, что будем».

Але што за див, же слуг свѣт не знает, гды и самого пана не познал, обачывшы его в одмѣнном габите¹, в пелкгримском убѣре, в служебничой постати, в убозствѣ и нищетѣ послѣдней. Леч кгда тот преможный пан в своем прирочноном габите, в своем пресвѣтном убѣре, в своей превелможной славѣ и оздобѣ ся явит, в тот час и нас убогих, подлых, взгаржоных и, яко нѣякое смѣте, ногами милостников того свѣта подоптываных в подобные своей велможности шаты приоболочет, яко тот же и там же апостол и евангелиста мовит: «Вѣмы же яко аще явится, подобни ему будем».

А што за див, кгда еще и на том свѣте тот независтный всѣх добр давца, тых так невымовных даров участниками нас учынил, кгда славою подобия своего украсил, кгда с образных образу своему створил? Яко бовѣм он ест по естеству превѣчным, единородным с присносущным сыном и словом бога отца своего, так и мы сынами его по ласце, для него и в нем приспособленными и по предувѣдѣнню избранными (з не пребраного милосердия его), естесмы. Яко он ест натуральный дѣдич в дому отца своего, так и нас по благодати дѣдичми богу и сполдѣдичми Христовыми писмо называет. От заправды слушне тое слово другий, на нынѣшнюю бѣседу везванный, гость мовит: «Им же честная, нам и великая обѣтования даровашася, яко до сих ради божественнаго будете причастницы естества».

Хто бовѣм так великой зацности, хто так знаменитой прерокгативе выбранных божиих не удивится? Хто так гойной того преможного кроля ласце и щодробливости (которое так дорогие и не ошачованные подарки и упоминки выплынули) со страхом и любовию не поклонится? Хто тых так невымовных добродѣйств невдячником быти захочет? Хто того так великого добродѣя своего през преступство воли и закону его святого ображати важитися² будет? Хто по вывышено на так высокий стан скажоное натуры своее знову ее грѣхами плюгавити, знову быдлячыми пожадливостями зневажати, знову звѣриными намѣтностями до подлости приводити, знову, яко свиня в калѣ и болотѣ, марности и спросности телесное валятися и на чачок блестячого шкла роскоши и покою на том свѣте, короткого и непевного, тые так дорого цѣнные клейноты³ префримарчати⁴ зезволит?

Але тых скарбов и клейнотов свѣт в нас не видит и для того нас за сыны божии не признавает. А чому ж не видит? Для того, же то все скрыто и заховано ест посполу з животом нашим. «Умросте бо, — мовит на чыне выбраное, — и живот ваш съкровен ест

¹ выгядзе, вобразе. ² намервацца. ³ знакі, каштоўнасці. ⁴ перамяніць.

с Христом в бозѣ. Егда же явится Христос, живот ваш тогда и вы с ним явитесь в славѣ».

А в тот час, яко голову нашу пред тым оплеваную, поличкованую¹ и посмѣяную, так и члонков ее през мѣч и огонь досвѣдочных, тот марный и облудный² свѣт познает и тые слова, ведлуг Саломона, о каждом з них мовити будет: «Сеи бѣ его же имѣхом в смѣх и в притчу поношения. Безумныи живот его вѣмѣнихом неистово и конец его безчестен, како вѣнися в сынех божиих и в святых жребий его ест».

Юж бовѣм там великую и предивную отмѣну юж оное преславное преображение правица найвышшого учынит. Абовѣм, яко тот же святыи апостол мовит: «Преобразит тѣло смирения нашего, яко быти сему съобразну тѣлу славѣ его».

Тело теды тое, которое умирает в безчестии, явится в тот час в невымовной славѣ. Тѣло тое шпетное³ явится в невымовной пѣнкности⁴. Тѣло, грѣху подлеглое, явится безгрѣшным. Тѣло сказителное⁵ явится несказителным. Тѣло смертное явится безсмертным. Тѣло, тежаром обложеное, явится всякого высокопарного орла, лѣгчейшим и быстрѣйшим. Тѣло, розным недостатком и уломностям⁶ подлеглое, подобно будет в славе, подобно будет в ясности, подобно будет в оздобе увелбенному⁷ Христовому тѣлу.

О милое, о вдячное, о веселое, о щастливое, о пожаданное преображение! И хто ж тебе участником быти сподобится? Тот, хто ся впрод тут на свѣте духовне преобразит, хто старого человека с пожадливостями его скинет, а в новаго приоблечется, хто от тых земных марностей и спростностей ум и сердце свое отдалившы на высоту высоких (в живой вѣре) цнот и богомыслности себе вывышит. Таким теды способом, хто тут духовне с Христом на гору Фаворскую взыйдет, тот истотѣне з ним на горѣ оной, в которой вѣчне живет и царствует, отпочинет.

Взглядом которое горы, тая другая ест якобы нѣяким до часу на коротькое мешкане выставленным кгдах, албо рачей наметом, который за преселенем мешканцов⁸ своих до оног горнег мешканя порушон быти мает? Так яко се и оная першая скиния за наступенем тое второе, в которой тепер пребываем, розрушила. О чом пенкне святыи Иоан Златоустый на оный псалом: «Господи, кто обитает в жилищи твоем, или кто вселится во святую гору твою?» выклад чынечы, в тые слова дишкурует⁹: «Обачмо впрод в гистории, што ест жилище (албо прибыток), а што гора. Прибыток называлсе сѣнь свѣдения, которую поставил Моисей, а гора божиа — церков, которую збудовал Саломон».

Там же троха нижей: «Обачмо теж таемным выкладом и вырозуменем, што ест прибыток, а што гора божиа, и яким способом потреба первой мешкати в прыбытку, а потом в горѣ божей. Пры-

¹ бітую па шчаках. ² крывадушны, прытворны. ³ брыдкае, агіднае. ⁴ прыгажосці, цудоўнасці. ⁵ тленнае, сапсаванае. ⁶ калецтвам. ⁷ гораца любімаму. ⁸ жыхароў. ⁹ растлумачвае.

быток моисейскій и церков соломонова носили образ и фигуру двох церквей христовых: тое, которая есть на земли, и тое, которая на небесех. Церкви, которая есть на земли, был фигуруою прибыток моисейскій. Церкви зась, которая на небесѣх (была фигуруою) церков соломонова, збудованая на горѣ. Двѣ то суть церкви личбою, але една способом вѣры. О той, которая на земли, рекл господь: «На сем камени созижду церков мою!» А о небесной мовит апостол: «Приступите к Сионовѣ горѣ и к граду бога жива — Иерусалиму небесному, и к позору тмам ангелов и собору первородных, написанных на небесех! Яко теды моисейскій на пущы прибыток частокрот з мѣсца на мѣсце был преношон и тых, которые в нем мешкали, приходнями и пелкгрымами чынил, так и церков Христова, на земле будучая, ест прибыток пустынным животом свѣтячнійся».

И троха нижей: «А прето ест теж церков намѣтом, поставленным от господя, а не от человек. Абовѣм яко прибыток, албо намѣт з одного мѣсца на другое преносится часу преслядованя, тому ку воли, который мовит: «Аще гонят вас в градѣ сем, бѣгайте в другой. Але мѣстца таким способом отмѣняючы, мѣсца знову не отмѣняет, бѣгает бовѣм от града в град, але не бѣгат от благочестия в нечестие, албо от побожности в незбожность (от правовѣрия в ересь)». Яко тады моисейскій прибыток там и сам был преношон и на многих мѣстцах мешкал, а соломонова церков, на горѣ уфундованая, стала непорушона и жадным способом не могла ся поколѣбати, покуль была церковью божиею, так и на земли Христова церков, як в далекой крайнѣ мешкаючая, побожных в собѣ мает пелкгрымов, албо приходнев, а вышня церков первородных на небесех юж не мает пелкгрымов албо сусѣдей, але мешканцов и обывателей побожных. Нѣмаш там пелкгрымов, абовѣм немаш жадного преслядованя».

И троха нижей: «А яко ж естесмо в той церкви приходнями албо сусѣдми? Послухай. Яко сусѣд албо приходень, вшедшы на час до мешканя якового, знову з него за росказанем пана своего на иншее мѣстце ся преносит, так и мы, вшедшы в церков през крещение, знову з ней през смерть на мешкане вѣчное ся преставляемо. И которые есмо тут, на долѣ, были пелкгрымами и приходнями, там на горѣ мешканцами и гражданами ся ставаем, и которые яко гости и преходни тут на земли преследованесмо терпѣли, там яко приятели и дѣдичи отпочываем».

И троха нижей: «О том теды, который бы и того сусѣдства и там того вышняго мешканя годен был, пророк бога пытает. «Господи, кто обитает в жилищи твоём? Пытаю тебе о мешканцах, о которых печу и старане маю, а ты мя о них вѣдомым учинити рач, яко пан. Вижу, пане, церков твою, прибыток которого ты сам, а не жаден человек, поставил. Але иж патриархове (старого закону) поумирали, пророци уснули, праведницы, до тебе побрани, жидове роспяли, погане злоречийством преслядовали, еретицы зблудили».

А я и тых слов слушне доложити могу: схизматицы отступили, пастыри зволчилися, звѣзды прелестные от мысленного, церкви твоее, неба спали, злость ся умножила, несправедливость гору вылетѣла, дорога правды скрылася, много ухищренная лесь и прелесь наступила, лжехристи и лжепророци многие повстали, волцы в одежах овчих премногне ся зъявили. Не меншую теж личбу нечистотам своим послѣдующих мают, а число спасаемых уменьшается. И в самых мнимых християнех любовь высыхает, щирость и незлобие оскудѣвает и огонь ревности и подвигов древних угасает, а страсть, миролюбие и самолюбия набарзѣй ся кгрунтует. Все бовѣм своих сих, а не яже твоя суть, ищут, все на повинность свою мало помнят, все не себе для тебе отместся и взгоржают, але и справы а послуги, ркомо, твои для своего власного пожитку¹ и дочесного зыску² выконывают, албо рачей³ бруху и мамоне служат. А вкоротце мовячи, все а все дней послѣдних и близкого на тот свѣт тебе, справедливого судии, пристя знаки ся выполняют.

В такой теды злости и превротности старѣющогося свѣта хто может спасен быти? Хто может в том твоём, о котором ся вышей рекло, прибытку неотмѣнне а неотступне змешкати и до конца терпѣти, а затым и в оную гору святую твою вселитися? «Просвѣтимся, — мовит там же и тот же святой Иоан Златоустый, — духом святым, научилемся и зрозумѣем, который то народ, албо которые люди там будут мешкати. Тые, прави, о которых другой пред тым положоный псалом взмѣнку⁴ учинил, которые для имени твоего зъеданы и пожираны бывають як покарм хлѣбный, о которых реклесь: «Ни ли разумѣют все дѣлающей безаконие, снѣдающей люди моя вмѣсто хлѣба?» Тые теды, которые пожирають, не мешкають, але тые, которые пожираны бывають, мешкають. Овца бовѣм могут мешкати на дворѣ» того доброго пастыра, волцы не могут.

Потым сут слова святого Иоанна Златоустаго о двух церквях, одной воюющей, а другой триумфующой, хто теды в одной второй триумфовать и отпочивати хочет, мусит в той первой бѣды и невчасы военные зносити. Хто, мовлю, в одной вышней горѣ, в одной небесной, мысленного Соломона, церкви щасливым мешканцем и вѣчным обывателем статися усилует, мусит первей в том земном прибытку, мусит в той дочасной скинии, албо намѣте, убогим приходнем и пелкгримом быти.

Противным зася⁵ способом, тые жадною мѣрою там мѣстца мѣти не могут, которые тут на земли не як гостѣ, не як приходнѣ, не як пелкгримове, але як дѣдичные обыватели мешкають, в ней ся кохають и так на ней фундуются якобы никгда на оный живот преселены быти не мѣли, не наслѣдующи оных древних угодников божних... Не мешкает там в оном славном мѣстѣ Кани, который мѣсто на земли закладает, з богом и з ближним нещире ся обходит и брата з зависти преслѣдует. Не мешкають его потомки, ко-

¹ карысці. ² прыбытак, нажива. ³ лепей, хутчэй. ⁴ заўвагу. ⁵ але, жа.

торых сынами людскими, которых исполинами в силѣ, славѣ и можности свѣтской квитнучыми писмо называет. Мешкает Авель, который щире з богом, щире з ближними ся обходит, преслѣдоване терпит, а не преслѣдует, не злое злым, але злое добрым, ненависть любовью, встеклый гнѣв братний терпѣнием звитяжает¹.

Мешкают и его, албо вмѣсто его, воскрешеного насѣня потомки, которых сынами божними, духовный рожай з бога през обѣцаного меснаша² маючими, писмо называет: которые тут, на земли, мѣст и домов ку мешканю не фундуючи, а ни на великие скарбы и славу того свѣта ся здобываючи, але толко як пелкгрыскарбы и славу того свѣта ся здобываючи, але толко як пелкгрыскаре, быдло для поживеня ховаючи, под намѣтами мешкали. Не мешкает, яко святой Амбросий мовит, в оном мѣстѣ разбойник, по лѣвой сторонѣ распятой, который о дочасный живот ся старает. Але мешкает разбойник благоразумный, который дочасного живота и здоровья забывши, абы толко в оном пришлом животѣ, в оном безконечном царствии своем тот цар превѣчный на него вспомнѣл, просит и жадает. Не мешкают в оном мѣсте тые, которые тут, на земли, кгрунт щасливости своее закладают, тут покою, тут роскоши, тут славы и богатства шукают, тут долготу дней, тут золотыя лѣта собѣ обещуют, тут, с того падолу плачу, рай роскошей, тут, с того мѣстѣца выгнаня, отчизну собѣ чинят, а затым оное вѣчное не прагнут и бынамнѣй³ о нее не дбают... беспечне и роспусне живут, и беспечне а без встыду што хочут броят...⁴

Не мешкают и тые, которые ач⁵ от тых вышей вспомненных богу бридких и мерзских речей ся уклоняют, ач теж правостю вѣры и титулом сыновства церковнаго ся хлюбят⁶, але чистоты и святости сыном церковным призвоитое⁷ не заховуют; которые при вѣре доброй дѣл добрых не чинят, албо недбале чинят и озябле в християнской повинности своей поступуют, в трудѣх человеческих быти и с человеки раны приймавати не хочут, але и богу и свѣту, заровно услужити и догодити хотячи, на обѣдвѣ ноги свои храмлют и оный страшливый декрет божий: «Ни тѣпл еси, ни студен. Изблевати тя имам от уст моих», — на себе приволокают.

Не мешкают и тые, которые тут, на земли, богатств и можности, тут покою и роскошей шукают, а затым да оное вѣчное отчизны своей не тескнят⁸; которые славы от человек ищут и в ней ся кохают, а затым славу, котсрая ест от самого бога, марне а нещасливе тратят; которые, наконец, за Христом, спасителем своим, на гору с працею ити не хочут, а затым без працы на дол за дияволом сходят, албо рачей, в самую пекелную долину стремглав упадают...

Але мешкает в оной горѣ, в оном горнем Иерусалиме, тот, который ся тут на свѣтѣ гостем и пелкгрымом быти знает, и яко гость и приходень, от телесных пожадливоростей, воюющих на душу, отдаляется; который пядию измѣренныя быти дни живота своего вызнавает; который в всѣх дѣлах своих послѣдняя своя поминает;

¹ перамагае. ² месія, збавитель. ³ ніколькі. ⁴ сваволяць, бясчынствууюць. ⁵ нягле-
дзячы на тое, што. ⁶ ганарацца. ⁷ адпаведнае. ⁸ не нудзяцца, не сумуюць.

который на выистье с тое гостины до дому отчистого завжды ся готовит; который везанья с того выгнаня до пана своего завше ся сподѣвает и добре на привитаню его пописатися хотячи, со страхом и трепетом жития своего время жителствует; который, свободу от грѣха улюбивши, свободы, злость покрывающее, не шукает, але яко слуга божий, божие богу впрод отдавши и ему сумнене и вѣру вцале заховавши, звѣрхности теж от него поставленной, повинность вшелякую, до вѣрного подданства и послушенства приналежающую, зупелне отдает и по апостолскому слову бога боится, царя чтит, братство любит и не зле, але добре чинячи, скорби, утиски и гонения терпит; богатство, если течет, сердца не прикладает, але, яко добрый и вѣрный шафар¹, оным шафуючи, око слѣпым, а нога хромым бывает; который ни с ким облудне, ни с ким превротне ся не обходит, правду в сердцу, и правду на языку носит; и который никого укривдити, никому шкоды и прикрости ниякое учинити неумеючи, щирость и незлобие голубиное, але теж и мудрость и ростропность² змийную (не толко маетность на розшарпане³, але и тѣло на забите, быле бы голову свою вцале заховал, быле бы, мовлю, от Христа спасителя правдивое и несмертелное головы своее никгды ся не оторвал, охотне выдаючи) заховует и в всѣх справах и поступках своих необлудным⁴, неозяблым, не малеваным християнином ся быти оказует, але вѣрне в дому пана своего працует, пилно в виноградѣ его робит, охотне тяготу дневную и упалене слонечное зносит и, яко Моисей, рачей «страдати з людми божиими, нежели привременного грѣха сладость имѣти» обирает, а над вси оздобы и дикгнитарства⁵ свѣтские взгарду и насмѣвиско Христово на собѣ зносити зезволяет.

Таковый теде, яко ся вышей рекло, с Христом на гору вѣсходит, такового бог богом называтися невстыдает, такому мѣсто оное, которому сам майстром и будовничим есть, на мешкане готует...

В НЕДЕЛЮ ПРЕД РОЖЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ НАУКА БЛАЖЕННОГО ПАСТЫРЯ ОТЦА ЛЕОНА, АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО.

День сегодняшний, православные христиане, церков святая называет недѣлею пред Рожеством Христовым!

Як бовем в дому порядного государя вси речи суть споряженыи пенкне и ведлуг своего часу и слушности каждая реч уживана бывает, так и в церкви святой вси обряды и церемонии пенкне и наддер сличне⁶ спряжены суть и часу своего уживаны бывают през доброго государя святого и животворящаго духа. Так и то самое не без причины дѣется, же празники фалєбные урочи-

¹ гаспадар эканомны. ² разважлівасць, прадбачлівасць. ³ рабунак. ⁴ шчырых, не крывадушных. ⁵ выскія дзяржаўныя пасады. ⁶ чароўныя, вельмі прывабныя.

стые предпразднество и попразднество мают, з которых празников хвалебных одно на том тыдню, даст бог, праздновати будем. Тыи теды хвалебныи и урочныи свята, для чого предпразднество и попразднество мают з дыскурсу, даст бог, познати и розумѣти может, который будет дѣятисе на текст тепер прочитаного Евангелия, што абы с пожитком душ наших быти могло и абы умысл и сердце наше распалилосе ку слуханю слов божественных, хотящаго родитися в яслях скотнях просити повиннисмо.

Звычай той у монархов и ксионжоит¹ сего свѣта заховуется, иж кгда до якого места который монарха, люб ксионже, звлаща собе подданого хочет прыездчати, теды впрод² персон певных от себе посылает и то чинит, же лист написавши, през того же курсора впрод засылает, абы онаго мѣста граждане, вѣдаючи о том, на приезд пана своего готовалися и абы все юж приготовали, чого потребуеет в своем писаню.

Што все, и творец небу и земли Христос, спас наш, чинити рачит оны монарха найвышши, оный пан пребогатый, оный цар всими царствующий с церквою, облюбеницею своею, и душею каждого чловека хрестиянского, иж для милосердия своего невымовнаго и неизчерпаемое пучины щедрот своих зезволил так смиренно се знизжит и упокорити богу отцу своему, же кговоли³ подвигненю рук своих дѣла на первшое блаженство и кговоли упадку народу людского зступил з маестату⁴ славы своею на тот падол плачу и не занехал того ознаимити, абы на приход его свѣт тот марный, водлуг почести своей, яко найлепей мог се приготовати и яко налепей поткать на потканю пана своего и створителя. Прето впрод послал прекурсоров⁵, послал слуг своих, послал пророков, послал патриархов, которые ничего иного не чинили, толко плачливыми прозбами своими уставичне⁶ о то просили творца всея твари и монарху векуистаго⁷, абы з милосердия своего и челоуѣколюбия невымовнаго, ужалившись створеня своего, пришол на низкость земную и павѣдил людей, сѣдячих во тмѣ и сѣни смертнѣй. Частию теды то ознаменовали: приход царя безсмертнаго, частию теж же люде ознаменовали о том, иж мает прийти Мессия правдивый, пророкованый и от всего створеня велце пожаданный, а надто сам бог, собезначалный оец, о том свидецство выдал, же сына единогоднаго и соприсносущнаго слова мѣл послати з великолѣпное славы своея на землю на подвигнене чловека, который мѣл царство ксионженця свѣта з кгрунту вывернути и люд з неволи окрутное⁸ шатанское высвободити.

Тым теды упевняли вси пророцы. То во образах и фикгурах многих старозаконных предзначилосе. И пред близким своим пристем послал ангела пред лицом своим — Иоанна Крестителя, о котором сам Христос спас таковое свѣдоцство выдает, иж ниhto не повстал в рожденных женами болии Иоанна Крестителя. А при

¹ князѣу. ² раней, наперад. ³ згодна з волей або жаданнем. ⁴ трону. ⁵ прапаведникау. ⁶ пастаянна. ⁷ вечнага. ⁸ бязлітаснай, лютай.

посланю того слуги яко бы неякий лист послал до того мѣста, которое з ним в гнѣвѣ было и валчило¹ уставичне з паном и творцем своим. Леч што то за лист? Не ииший який, толко тот, который се ласкам вашим прочитал, а тот лист зачинает святыи Матфей евангелист от онаго слова: «Книга рожества Исуса Христова, сына Давыдова, сына Авраамля...»

Была теж и другая книга, которую Моисий боговидец писал. И тая книга называлася книгою Бытия, яко и сам автор тое книги написал: «Сня книга бытия человекча». Тая, правѣ, книга ест бытием человекчим. В той книзѣ тое замыкается, яковым способом люде на свѣте жили, яковым способом расплодились на земли, хто впрод по Адамѣ народился, и для того бытием людским тая книга называется.

Але тая книга юж не книгою Бытия называется, юж не рожене людское, але рожене бога предвѣчнаго под лѣты и человека досконалого, который натуру бозства и чловеченства в одно злучил. Обе две теды (книги) книгами се называют. Леч яковая их ест композиция?²

О першой книзѣ слушне и наддер³ слушне слова пророка Иеремии речися могут: «Видѣх руку простерту и се свѣток в ней. И написано тамо бѣша рыдание, плач болезни и вопль мног». А тое власне и в оной книзѣ, которую написал Моисей боговидец, выражалосе. Абовем на самом початку упадок продка нашего Адама описал, як стратил райское милое и сличное мѣшкане, выражает то, як оны кроль над всим створенем и дивными дарами, а праве неощацованными⁴ обдареный будучи, в чести сый не разумѣ приложися скотом несмысленным и уподобися им. Выражает книга оная, як тот кроль всего створеня злуплен зостав з оных своих клейнотов, як смерть всеродная през окно вошла во мир, то ест през окно, которого не умѣла добрѣ замыкати прабаба наша Евва. Выражает тая книга, яко земля проклятству вѣчному отдана была. А не толко тое выражает, але теж и што иншого. Описует теж и то, як невѣста голос услышала, же в печали родиши чада, и як муж услышал: «в потѣ лица твоего снѣси хлѣб твой». То все теды в той книзѣ Бытия замыкает. А потом теж иишии траедии описуются, которые где ж и яковым способом сталися. Слушне теды, яко ти рекл, тая книга Бытия книгою называтися может тою, в которой описует рыдание, плач, болезнь и вопль мног.

И тая юж вторая книга не так называется, але мает иишее назвиско⁵, инакий тытул, называет бовем Евангелие, то ест веселая новина и пожаданая, тая новина, которую прагнули слышети пророци, патриархи, почавши от перваго Адама аж до второго самого Христа спаса, из плачем очекивали. Там тая книга назвиско свое от земли мает, для того же Адам перший от земли ест створен, а овая зась другая книга от неба назвиско мает, бо и Адам второй господь ест небесный, который по то зступил на землю, абы

¹ змагалася, ваявала. ² мера параўнання. ³ вельмі. ⁴ бяспэжны. ⁵ назва, загаловак.

чловѣка вознесл на первое блаженство. Там тот першій Адам позбыл райского утѣшения, пострадал теж, по тѣх и нас всех от них был отдалил, а овый, второй щасливый Адам по то пришол, абы з низкостей земных нас всех на высокое мѣсце запровадил.

Весолая теды тая и наддер весолая новина! Азали¹ бовем могла бы быти веселна и утѣшнейшая новина тому мѣсту, которое будет во обложеною от неприятелей и в великом небезпеченстве, же тот монарха, который мѣсто оное облегл, отпускает вси караня, всех горлом² дарует, а не толко тое чинит, але хочет имѣти караня з тым мѣстом зповиноватити и приязнь зарвати? Тое ж и Христос, спас наш, оный найвызший монарха учинил, иж кгда мы за претяжкие грехи наши заслужили были помсту и каране, заслужили были муки вѣкуистые, теды он на тот час з милости своей невымовное тую новину до нас послал, же не толко за грѣхи каране отпускает, але еще таковыя дары и таковыи упоминок посылает, же з нами в ласце жити хочет, же з натурою нашею хочет ся сповиноватити и, грѣхи природы нашея на себе принявши, згладити. Так бовем рек о нем прекурсор его святой Иоанн Креститель. «Сягнец божий, взявля грѣхи всего мира, сам грѣха не сотворил, — як мовит пророк Исая, — и не знашолсе фалш во устѣх его». И для того апостол Павел мовит: «Христос искупил ны³ ест от клятвы законныя, сам по нас быст клятва».

А хто ж бы з вас, православныи христиане, повинны тое не принял вдячне? Хто бы не тѣшился и не веселился, слышечи тую вѣсть пожаданую? Хто бы не благодарил бога за тые его невымовныя дары? Нехай теды собѣ каждый з нас на умѣ своем и на сердцу то имагинует⁴, же если бы за того вѣку был, которого Христос, спас наш, под лѣты народитися рачил от пресвятой и преблагословенной Марии, а кгда бы ему, яко пастыром през ангелы, тую новину ознаймено, изали каменное сердце люб над самыя опоки⁵ твердѣйшее мѣл бы, абы ся не утѣшил, изали так озяблая душа была бы, абы ся не распалила огнем любви божой? Не розумѣю, абы кто з вас так замятливого и окаменелаго мѣл сердца быти.

Вси теды маете то уважать и о том вѣдати запевне, же што там на он час, тое ж власне и тепер дѣется. Церков святая, матка наша, рочным обходом свѣта фалєбныи целебрюет⁶. Не без причины то чинит, же на каждый рок памятка преславного Рожества Христова обновляется. Обновляется теды памятка Рожества Христова на каждый рок, а затым теж обновляется и околичность часов. Яко то слонце материальное, створеное от бога, почало моц свою выконывати на тот час, скоро было створено, то ест почало вси речи, древа, поля, квѣты и все створене оживляти, так и тепер, кгда знову рочный обход приходит, теды знову показывает skutки⁷, оным подобныя, и так знову все створене оживляют, же и древа моц и оздобу свою приймают, квѣты также и иншия, тым

¹ хіба, няўжо. ² жыццём. ³ нас. ⁴ малое, адлюстроўвае. ⁵ каменне, скалы. ⁶ праводзіць урачыстае богаслужэнне. ⁷ вынікі.

подобные речи, которые суть створенные под слонцем. А если слонце чувственное, слонце материальное таковой мощи ест, будучи на том видимом небѣ, далеко болш оное мысленное слонце правды, Христос, спаситель наш, которое уставичне лучами благоразумия своего просвѣщает и свѣтит на три мысленной тверди на том одушевленном небѣ, то ест церкви.

Церков абовѣм святая в писмѣ богодухновенном называется небом. Як бовем там тое материальное небо мает слонце на собѣ и месяц, так и церков святая, мысленное небо, мает на себѣ мысленное слонце — Христа спаса, облюбенца своего, мает и луну, то ест пресвятую и преблагословенную богородицу, которая свѣтлость от того мысленнаго слонца приняла, а затым и сама в слонце се превтвила, а яко оное небо мает на собѣ звѣзды, то ест апостолов и всих угодников божних, которыи свѣтят во тмѣ невѣдѣнія и заблуждения. Тое теды небо одушевленное споражоно ест ведлуг оборотов небесных и округ лѣту вѣнчает, и тут теды за настанем тых часов, кгда распамѣтываем таемници Рожества Христова, якобы skutки оных всих справ назад ворочаются и мощность свою выконывают.

Яко там на он час зезволил народитися в стайни быдлячой и возлещи во вертепи¹ и в яслех скотнях. Кто теж и тут душу свою на то способную учинит и хто дом душевный выхондожит² на принятие царя новорожденнаго, теды до таковой души тот же монарха вѣкуистый приходит з особливыми дарами и скарбницею добр своих неисчерпаемых, приходит до сердца вѣрных, которыи его очекивают, и яко бы се знову в умысле и сердцах их родит.

Может теды человек, християнин, з дискурсов теперешних потѣхи и веселия зажити, может с того прислухиваня то поймовати и уважати собѣ и тепер веселитися, яко тогды, кгда Христос, спас наш, народити рачил? А з яковым набоженством готовал бы се на он час приняти царя новорожденнаго, з таковым же и тепер теж умысл и сердце свое готовати на принятие до душевнаго своего дому, певен того будучи, же от тых даров всих добр давци не будет упослѣжоный, же тот пан можный, же тот монарха найвышший, кгда ся народит в дому его душевном, обогатит дом тот упалый и згнилый своими скарбами неошацоваными и клейнотами³ драгоценными приоздобит.

Если теды, православные хрестиане, хочем того доступити, если тых даров бозских хочем статися участниками, теды приготовати и выхондожити дом наш душевный повиннисмо, абысмо так вдячного и пожаданого гостя з реверенциею⁴ и радостию великою приняли. Для того теды, якобы иѣякий лист, церков святая тое Евангелие нам тепер оказывает, и неделя тая, которая ся неделею пред Рожеством называет, для того установлена, абы побудкою была ку лепшому приготованю. Лист тот для того впрод посланный, абысмо добрѣ зрозумѣвали и каждый пунктик его добре уважили.

¹ скрыня. ² вычысциць. ³ каштоўнасцямі. ⁴ з павагаю, з пашанаю.

Для того и многие имена в той Евангелии Христовой святой Матфей евангелиста вспоминает. А то чинит впрод для того, абы оказал, же Христос спас ест месия правдивый, пророки проповѣданный и от всех людей очекиванный, идучий с поколения Авраамового, Давыдовых и иных, о которых там припоминает, з которого поколѣня и пресвятая богородица народилася и Иосиф старец, который не на малженство ей был пошлюбелый, але для захованя чистоты паненства. З поколения Давыдового и Авраамового и иных поколений Христос народился, ачколвек то ест причиною ширшою описана geneologieу Христовой, обысмы так далеце зацности фамилии своей не уфали¹, але сами о тое старались, абы своими справами и поступками знаменитыми фамилию свою приоздобляти и фамилии своей додать славы з поступков и справ своих цнотливых, абысмы не были подобии тым, о которых в гисториях читаем, нж кгда оного убогого чловѣка богатый а до того вынеслый, як кедр ливанский, в славе и попом свѣта того споткавши, почал уругати и мовити ему, же с подлого дому естес урожоный, оный убогий тому богачу так отповѣдает: «Моя прави убогая фамилия может воздвигнутися и повстати, але твоя юж не может ся воздвигнути, але рачей упадати». А тые слова человек мовил не будущий свѣтлостію евангелскаго освѣчоный. Так и Христос, спас наш, ачколвек з дому королевского линию своего рожаю² мает, але не зезволил, абы вси называлися крлми, з которых поколения он уродился, што барзо латво³ ему, яко творцу всея твари, учинити было, абы и пресвятая мать его обфитовала⁴ во вшеляких достатках, але много добрых и злых и подлое кондыции⁵ людей в своей Евангелии вспоминает, и таковых вспоминает, которые бы макулу⁶ якую на собѣ мѣли. А то для того чинит, же не встыдался наших всех дефектов и недостатков на себе принять. Невстыдается, яком рекл, и таковых в фамилии своей мѣти, которые бы якую макулу на собѣ мѣли, яко то Саломон, сын Давыдов, припоминается в его geneologieу, который спложеный ест з Вирсавии, жоны Урии новое, которую взял квалтем цар Давыд и в двоякий грѣх впал, т. е. вше-теченство⁷ и забойство. А то для того, абы и той не десперовал⁸ в собѣ.

А яко з маестату славы своей прийти зезволил на тот час, аж впрод был очекиванный, и так до душ наших придет, навѣдит и в них ся родити зезволит, кгда впрод будет очекиванный, и того по нас потребует, абысмо впрод приспособяли, абы воздыханне наше так воззывали, абы як там не встыдался в яслях скотнях возлещи и в стайни быдлячой народитися, так и тепер, пришедши до душ наших, в них се родити зезволил, которые суть стайнею быдлячою, вертепом и яслями скотнями.

Для того теды так много фамилий вспоминает, абысмо и мы тот же афект и тое ж прагнене мѣли. Вспоминает впрод патриарха Авраама. Тот азали не прагнул пристя Христоваго? Сам Христос,

¹ не спадзяваліся, не различвалі. ² нараджэння. ³ вельмі лёгка. ⁴ багаццел. ⁵ умовы. ⁶ загану, кляймо, недахоп. ⁷ распушту. ⁸ згубіў надзею.

спас наш, о нем свидетельство выдает таковое: «Авраам, отец ваш, прагнул, абы мессию правдивого огледал, абы бога, в тѣлѣ пришедшаго, обачил, еднѣк же не видѣл, ачколвек леч не истотне, але толко в фикгуре и тѣню». А приклад такового прагненя таковой, иж кгда принес над звыклый человекее натуры бѣг Исаака, сына своего возлюбленнаго, богу на офѣру, теды таковым хотел был его офѣровати, али мѣсто сына своего обачил баранка, за рога звезаного в садѣ Савсковом, и его на офѣру богу принес. И тот день, теперешний день Рожества Христова, офѣровал. Если теды, в фикгурах и тѣню оглядавши, Авраам веселился, а мы, в самой истотѣ обачивши, изали не маем ся з его веселити?

А тож и о инших прагненю мовитсе. Давыд теж з яковым прагненем того дня очекивал, з яковым плачем тые слова мовил: «Пасый¹ Израиля, вонми! Внимай — прави, который естес пастыром израелским и наставляеш, як овечку Иосифову, а схиливши неба, зтупи на знизкость земную, который маестат маеш на хѣрувимѣх, и которому маестатом ест небо, а подножкой ног земля!»

А што для короткости часу о Авраамѣ и Давыдѣ толко мовитсе, тож и о инших всих розумѣтися мает. Так бовем пречистыми усты своими сам Христос, спас наш, мовит: «Мнози уродие восхотѣша видѣти, яже вы нынѣ видѣте, и не видѣша, а слышати, но не слышаша. А прето, — мовит Христос до учеников своих, — блажени очи ваши, яже нынѣ видѣта, и уши, яже нынѣ слышита». Дорого бы купили тую ласку и тот час дорогой вси пророци, але того не оглѣдавши поумирали. Леч еднѣк, яко читаем, же некоторые и по смерти жадали того, иж очима телесными видѣти того не могли, бы принамнѣй² на оном мѣйску кости их похованы были, которое бы Христос, спас наш, чловечество на себе принявши, пресвятыми ногами своими доптал. И для того Ияков-патриарха сына своего Иосифа заклѣл был, абы по смерти не ховал его в Египтѣ, але абы там кости перенес, кгда мел явитися бог во плоти, и которые мѣйсца ногами своими потоптати мѣл мессия правдивый. Они теды подобни суть кораблем, которые овоци розмаитые, яблока, крона винные, другим а не собѣ везут, а сами толко воинностию и солодкостью паху их контентуются³.

Так и пророци то чинили, же своим плачем, своим воздыханием сердечным, якобы умысл прекланяли единароднаго сына и соприсносущнаго слова богу отцу, абы зступил з маестату славы своей на низкость земную, еднѣк же сами очима своими того не оглѣдали, але нам солодкость и воинность тых арапат дорогоценных показывали. И для того Исаак патриарха, сходечи с того свѣта, мовил до Иякова, албо рачей, когда ему первенство отдавал, тые слова: «Се воня сына моего, яко воня нив полных». И троха ниже: «Дати работают языци, и да поклонят ти ся князи!»

Если теды, здалека еще в образех и фикгурах старозаконных оглѣдаючи, вси се поклоняли оному, а мы, юж тут в новой благо-

¹ пастыр. ² хоць бы, па меншай меры. ³ задавальняюцца.

дати истотне видѣчи, изались не маем покланяти, кгда юж не баранок фигуралный, але тот, который гладит грѣхи всего мира, богу отцу приносится на офѣру?

А тое все ку тому целю мовится, абысте ся яко найлепѣй приготавли на приход царя рожденнаго, бо мовит еден з докторов церковных: «Елико вмистѣлище, толико влагалище. Як правѣ великое начине подаси, так много в него з даров божиих волется. Если умысл затарасует¹ печалми житейскими, там юж благодать святого и животворящаго духа премѣшкивати не может. Если сосуд вилготный и заплеснѣлый будет, там балсам найкоштовнѣйший несвойдет. Если сердце твое хто иншый опанует, если тобою справовати будут страсти и наметности², там юж иншый господар в том дому быти мусит. Якое бовем сполкованне³ Велиару со Христом?»

Леч ты глупым и шаленым застаеш, же не хочеш так гойными дарами обогачоным быти, и на принятие так гойных даров начиня не даеш и заставаеш убѣгим, кгда не принесеш умыслу простертаго и спанялого, которое бы годно и способно было на принятие добр тех. Але жебысь ся в тех дарах бозских барзей закохал, зтупует добро универсалное на низкость земную, в котром вси потѣхи и вси добра замыкаются.

Приходит твой цар, который так ест потужный и так можны, же всю орду шатанскую звалчит⁴ и внивеч обернет, а до того добродѣйства невымовные оказывает, же ласкаве и приятелске з тобою жити обещует. Приходит отец тот, которы всими достатками сынов своих опатрует⁵. Приходит тот отец, который сына марно-травного готовый ест принять до дому своего и в шату⁶ его первую обалакает⁷ и юж не телца упитанного, але самого себе дает на том банкетѣ преможном, на той трапезѣ⁸ безсмертной и готов тебе, як пеликан свое дѣти, кровию своею оживляти, так и тот мысленный кровию своею найдорожшою, излианною за весь мир, оживотворити. А ты того всего невдячным се ставаеш, и всими тыми дарами бозскими погоржаеш, и не хочеш приспособит на принятие того гостя милого и пожаданого.

Чи много з вас, православные християне, умысл свой приспособили а от земных вещей отдалили? Чи много з вас зезволили обмыти дом свой душевный през исповѣдание грѣхов своих и от сердца истинное покаяние? Чи много з вас сосуд свой выхендожили⁹ на влитие балсаму того неощацованого? Леч кгда было которому з вас ознаймено, же кроль и монарха сегосвѣтны мает приехати до дому твоего и в ним обещне¹⁰ мешкати, азали было ся не готовал на принятие до дому своего, азали было не толко дом свой, але и себе самого, приоздобил яко найлепѣй? Для чого ж душевный дом у тебе так ест плюгавый? Чому того сосуду гнилого и заплеснѣлого не выхендожиш? Если на столѣ, або на лаве, макулы якое не терпиш, а на души чому ее терпиш? Для чого доброхотне

¹ заслоніць, загародзіць. ² пачуці. ³ сумянчэнне. ⁴ перамога. ⁵ даглядае. ⁶ адзенне, рызу. ⁷ адзяе. ⁸ страве, ежы. ⁹ вычысцілі. ¹⁰ цяпер.

тых даров бозских лишаешся? Изали не ведаеш, же ярмарок живота нашего барзо ест коротки и рихло юж скончится, а ты еще ничего не купил? Затим хотябыс тепер одну слезу з очий сердечных выпустил, теды далеко потребнѣйшая ест и болшую вагу в собѣ мает, а нижли по сконченю того ярмарку рѣки быстроточные. Для того теды ширей лаком в то се ииферует¹, абысте ся почували в своей повинности Христи, абысте помнели на свою вокацию², абысте принажней самых иновѣрцев завстыдили, которые килка крот до року, албо килканасте раз в своих синакгогах коммоникуют и оплатки полыкают³. А вы, Христи титулующися, до которых Христос спас мовит: «Аще правда ваша не избудет, паче книжников и фарысеов, не видете во царство небесное, если правѣ так жити не будете, абы самое житие ваше было кшталтом⁴ и прикладом иншим, если не будете так живота своего провадити, абы и самые иновѣрци, видечи честное житие ваше, прославляли отца вашего, теды лѣйкайтеся помсты и караня от бога». До того не толко дом свой душевный очищайте, але теж и приздобляйте его добродетелми, то ест постом, молитвами, милостынею.

А жебы той огонь любви божое в нас не згасл, самого того всими царствующаго царя, которы грѣдет родитися в яслех скотнях, просимо, абы ваша сердца тым огнем любви его палали, абы теж нам дал умысл таковой, абысмо вдячными были и годными стали тых его даров невымовных и добродѣйств з неогорненого его до нас милосердия, которое он нам гоине и щодробливе, яко скарбница неисчерпаемая щедрот и бездна наиследимая милости, показати рачил до того, абысте яко найлепѣй приготовали на принятие до душевных домов ваших царя новороженнаго. А другие, хоч юж и короткий час, не отмовлялися по исповѣди до причастя, хоч на 11 годину беспечне ся до той винници становили, але бысте ветхаго челоуѣка совлекли з похотьми его, дом душевный приготовили. Новый абовем Адам нового кгмаху⁵ на мешкане собѣ потребует. Волаймы ж теды с пророком: «Сердце чисто. Созижди во нем, боже, и дух прав обнови во утробѣ моей! Яко тобѣ подобает всякая слава, честь навѣки вѣком. Амин».

¹ апавядаецца. ² часовае жыццё. ³ глытаюць. ⁴ узорам, формай. ⁵ бу дынку.

АФАНАСІЙ ФІЛІПОВІЧ

(1597—1648)

А

фанасій Філіповіч нарадзіўся каля 1597 г. на Брэстчыне ў сям'і рамесніка. У дзяцінстве атрымаў добрую па таму часу адукацыю і ў юнацкім узросце заняўся педагагічнай дзейнасцю, якая працякала пры дварах праваслаўнай шляхты.

У 1620 г. Афанасій Філіповіч паступіў на прыдворную службу да літоўскага канцлера Льва Сапегі ў якасці «інспектара» (хатняга настаўніка. — А. К.) Яна Фаўсціна Лубы, якога польскі ўрад у сваіх палітычных мэтах выдаваў за Дзмітрыя — сына рускага цара, і быццам бы законнага наследніка маскоўскага трона.

У 1627 г. Афанасій Філіповіч, пераканаўшыся ў тым, што Луба не рускі царэвіч, а нейкая невядомая асоба, пакінуў прыдворную службу ў Сапегі і пастрыгся ў манахі віленскага Святадухаўскага манастыра. Праз некаторы час ён пераехаў у аршанскі Кутэінскі манастыр, а адтуль у Межыгорскі манастыр пад Кіевам. З Межыгорскага манастыра Філіповіч зноў накіраваўся ў Святадухаўскі манастыр, адкуль у 1633 г. яго накіравалі намеснікам ігумена Дубойскага манастыра каля Пінска.

У 1636 г., у сувязі з тым, што Дубойскі манастыр па волі літоўскага канцлера Альбрэхта Станіслава Радзівіла быў перададзены езуітам, Філіповіч пераехаў

у Купяціцкі манастыр каля Пінска. З гэтага манастыра Афанасій Філіповіч у канцы 1637 г. накіроўваецца ў Маскву да цара Міхаіла Фёдаравіча прасіць «ялмужны» (міласціны) для Купяціцкай манастырскай царквы і, карыстаючыся выпадкам,

схіліць цара Міхаіла к вайне за вызваленне Беларусі і Украіны. У гэтых мэтах Філіповіч, будучы ў Маскве, у сакавіку 1638 г. напісаў спецыяльна для цара «Гісторыю» свайго падарожжа ў Маскву і адначасова паведаміў рускаму ўраду аб падрыхтоўцы ў Рэчы Паспалітай новага самазванца на маскоўскі трон — Яна Фаўсціна Лубы.

Пасля звароту з Масквы, Філіповіч у 1640 г. быў абраны ігуменам брэсцкага Сімеонаўскага манастыра. У Брэсце Афанасій Філіповіч узначаліў барацьбу мясцовага праваслаўнага брацтва супроць незаконных дамаганняў уніяцкай капітулы¹. Абставіны гэтай няроўнай барацьбы прымусілі яго два разы ездзіць на вальныя сеймы Рэчы Паспалітай у Варшаву ў 1641 і 1643 гадах.

У 1643 г. за сеймавае выступленне з рэзкай палітычна завостранай «суплікай» (прашэннем), адрасаванай каралю Уладзіславу IV, Афанасій Філіповіч быў арыштаваны, а затым сасланы ў Кіеў. У Кіеве ён падвяргаўся суду духоўнай кансісторыі, але на судзе быў рэабілітаван і накіраван зноў у Брэст на месца сваёй службы.

У 1644 г., у час сваёй службовай паездкі ў Кракаў, Афанасій Філіповіч наведваў там рускага пасла князя Львова і аддаў яму асабістае пісьмо Лубы, змест якога даў рускаму пасольству падставу патрабаваць ад польскага ўрада выдачы Лубы як самазванца на расправу рускаму цару. За гэтую палітычную паслугу рускаму пасольству польскі ўрад арыштаваў Філіповіча і пасадзіў яго ў турму як дзяржаўнага злачынца.

Знаходзячыся ў турме, Філіповіч напісаў рад публіцыстычных артыкулаў, накіраваных супроць унутранай і знешняй палітыкі шляхецкай Рэчы Паспалітай і пануючай у дзяржаве каталіцкай і уніяцкай царквы. Палітычная завостранасць і сацыяльная насычанасць артыкулаў, якія пасылаліся каралю Уладзіславу IV, з'явіліся прычынай другой ссылкі Афанасія Філіповіча ў Кіеў (у 1645 г.) пад строгі нагляд мітрапаліта Пятра Магілы. Ссылка Афанасія працягвалася да 1647 года. За час гэтай ссылкі ён аб'яднаў усю сваю ранейшую публіцыстыку ў адзіны звод — «Дзіярыуш». У якасці арганічных звязак паміж асобнымі артыкуламі Афанасій Філіповіч выкарыстаў дадатковы матэрыял, які меў прамое або ўскоснае дачыненне да яго жыцця і дзейнасці. Прарабіўшы гэтую работу, Філіповіч перадаў адзін са спіскаў свайго «Дзіярыуша» мітрапаліту ў якасці дакумента, які апраўдваў усю мінулую дзейнасць аўтара, з разлікам на амністыю; але гэтым ён не наблізіў сваё вызваленне.

Вярнуўшыся з ссылкі ў 1647 г., Філіповіч зноў пасяляецца ў Брэсце. У 1648 г., у хуткім часе пасля пачатку паўстання Багдана Хмяльніцкага, польскі ўрад у трэці раз арыштаваў Філіповіча за яго дапамогу паўстаўшым казакам порахам і агітацыйнымі лістоўкамі, тэкстам якіх з'яўляліся яго ранейшыя публіцыстычныя артыкулы. І нягледзячы на тое, што «віноўнасць» Філіповіча не была даказана на судзе, польская шляхта па-зверску пакарала яго смерцю 5 верасня (па старому стылю) 1648 года.

Афанасій Філіповіч быў палымяным змагаром за ўз'яднанне Беларусі і Украіны з Расіяй, непахісным абаронцам інтарэсаў і правоў сацыяльных нізоў беларускага і украінскага народаў. Яго літаратурная спадчына з'яўляецца адным з буйнейшых дасягненняў палемічнай літаратуры таго часу. Смелы і мужны змагар супроць феадальна-каталіцкай агрэсіі Афанасій Філіповіч сваім вострым словам палеміста выкрываў і ганьбіў «уніятаў і ўсіх улад рымскіх», духоўных і свецкіх феадалаў, якія, па яго трапнаму выразу, «згола в зверев и птахов драпежных ся перекинули и подобными стали, а праве юж и над зверов подданных своих и убогих людей драпежать и над ними ся збыткують».

Афанасій Філіповіч быў бліжэйшым і адзіным, вядомым нам да гэтага часу, прадаўжальнікам таго дэмакратычнага напрамку палемічнай літаратуры Беларусі і Украіны XVII ст., асновапаложнікам якога з'яўляецца таленавіты украінскі публіцыст-дэмакрат Іван Вішанскі.

Ніжэй пададзены ўрывак з «Дзіярыуша» Афанасія Філіповіча з'яўляецца адным з яго публіцыстычных артыкулаў цыкла турэмнай публіцыстыкі. Тэкст

¹ Калегія духоўных асоб пры спіскапскай кафедры.

артыкула друкуецца па рукапісу Дзяржаўнага гістарычнага музея Масквы. (Гл. фонд Сінадальнай бібліятэкі, № 856, лл. 156 об. — 166). Поўны тэкст рукапіснага «Дзіярыуша» надрукаваны ў «Русской исторической библиотеке», т. IV, Спб., 1878, сл. 48—156.

НОВИНЫ ПРАВОВѢРНЫМ ПОЖАДАНЫЕ О УСПОКОЕНИЕ
ВѢРЫ И ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ, ЯК БЫ
СУПЛИКУЮЧИ ПРЕЗ НИХ ДО КРОЛЯ ПАНА И ДО СЕНАТУ
ЕГО ВСЕГО, ВЕДЛУГ ТИТУЛОВ КОЖДОГО,
В ТЫЕ СЛОВА

Наяснѣйший по Иисусъ Христъ, кролю полскій, пане, пане и добродѣю мой велце милостивый! Яко вѣрный подданный ваше крелевское милости пана, а пана мнѣ милостивого, я, убогий законник¹ чину св. Василя Великого, так вашей крелевской милости, пану мнѣ милостивому, як и всѣм старшим вышшим, средним и нижшим ознаймую. Иж запевне-запевне хотѣлем и готовалемся, юж² справою духа святого (як тому простым сердцем вѣрую) на сейми валном³, в року таразынѣшом⁴ 1645, на пересторогу всего христианства, под той час схилку⁵ свѣта (в чом воля творца нашего ест), списавши⁶ в килка десят фастикулов⁷, в костелъ варшавском, при бытности вашей крелевской милости, як найспокойнѣйший час, розным особом и сенатором подати, оголосити и доводне⁸, не сам през себе, але о укрѣпляющим мя⁹ Иисусъ Христъ, довести и указати.

Леч¹⁰ дивные sprawy бога, в троици святой православно славимаго и пречистое богородици, ходотайки, благодѣтелки и патронки наше, упередивши той час перед сеймом за килканадцать¹¹ недѣль, як бы о причинѣ иншой, о Дмитровича, царевича московского (а то власне прикладом слѣпорожденнаго воженя од суду до суду для лѣпшого объясненя так великой, страшной, поважной и святобливой¹² sprawy свѣтлости, мовлю, всѣм пожаданое вѣры православно), взято мене до вязеня и в оковы. За що я понижоным¹³ сердцем, як правовѣрный слуга божий, православно творцу моему подяковавши, о то из вязеня, ведлуг воли бозской и часу потребного, вспоможенем¹⁴ пречистой богородици, повинности моей до сыть чиню: о воли его пресвятой и о собѣ нендзном¹⁵ объясняю таким порядком.

Я то нендзный Афанасий Филипович, который праве з детства и от взятя розуму моего, ласкою божею и молитвами пречистой богородици, в вѣры православной и церкви правдивой восточной¹⁶ статечным¹⁷ будучи, по науках церковно-руских, служилем

¹ манах. ² ужо. ³ генеральны. ⁴ цяперашнім. ⁵ канец. ⁶ маецца на ўвазе яго «Гісторыя» падарожжа ў Маскву ў 1637—1638 гг. ⁷ звязак экзэмпляраў. ⁸ грунтоўна, аргументавана. ⁹ мяне. ¹⁰ але, аднак. ¹¹ некалькі. ¹² свяшчэннай. ¹³ пакрыўджаным. ¹⁴ дапамога. ¹⁵ няшчасны, бездапаможны. ¹⁶ праваслаўная царква грэчаскага веравызнання. ¹⁷ сталым.

на розных мѣстцах и у небожчика пана Сапеги¹, гетмана, 7 лѣтъ служилем за инспектора² Дмитровичу, якомусь царевичови московскому, который, за вѣдомостю³ кроля Жигмонта Третьего⁴, в опецѣ его был. Там же, зрозумѣвши омыльность⁵ свѣта того, чернцем⁶ zostалем, року⁷ 1627, у Вилни при церкви православной Святого духа, рукоположением господина отца годной памяти Иосифа Бобриковича⁸. И былем з послушенства в монастыру Кутеенском под Оршею и в Межигорском под Киевом, през час немалый учачися воли бозской и законного живота⁹.

Леч бывает в законников переменна. З Межигоря послушне, гды¹⁰ знову ѣхати ми¹¹ пришло, святой памяти годный муж господни отец Коментарий¹², игумен на тот час межигорский, при отцу Самонлу Борецким¹³, рекл ми на пользу тые слова: «Брате Афанасий, чернец естесь¹⁴ в монастырѣ Межигорском. Принамнѣй¹⁵, тые три речи заховай: першая — будь послушным старшим своим, другая — правила церковного пилнуй, третья — бесѣд женских стережися. Тые гды, даст бог, сохраниш, спасешися и будеш потребен на службу церкви Христовой. Иди с миром!» Идучи мнѣ до Вилна, за Чорнобилем¹⁶ пред Мозиром, по взрѣчу¹⁷ Днѣпра, в пуши на дорожѣ придал¹⁸ ми ся человек барзо¹⁹ хорый. Взялем его на себе и несл немало. Той человек потом (дивные sprawy в таемницах бозских много зо мною мовивши) дал ми²⁰ имя найсолодшее Исус Христос на сердце мое и указал ми як тое маю заховати: 1) мѣрность²¹ зо всѣми людьми в пожитии розумне мѣти; 2) послушенство, чистость и убозство заховати законное²²; 3) на смерть двоякую памятати уставичне²³; 4) воли бозской завше-завше²⁴ во всем се отдавати, што я паметаючи (дару бозского ведлуг часу таити не треба) и по сесь час²⁵, выритое ласкою его святою, на сердце своем маю; 5) если бы што противного воли бозской з немощи²⁶ ся телесной притрафило²⁷, то сповѣдью и покутою досконало себе очищати.

Я то нендзный Афанасий, который з Вилня, по вступленю порядном²⁸ на иерейство²⁹, з воли бозской и старших моих, былем намѣстником в монастыру Дубойском, под Пинском. Там през три лѣта з духами злыми, видомыми и невидомыми, барзо бѣдилемся³⁰. И гды князь Радивил, канцлѣр литовский, року 1636, именем Полоза утискуючи церков православную, одбирал монастыр той Дубойский на езуиты барзо мудрие, фундуючи³¹ их в мѣсти³² Пинском, а в тот час барзо страшнии видоки³³ на неби и на земли (не

¹ Леў Сапега, літоўскі канцлер да 1632 г. ² хатні настаўнік. ³ па даручэнню. ⁴ польскі кароль Сігізмунд III Ваза; быў каралём да 1632 г. ⁵ памылковасць. ⁶ манахам. ⁷ год. ⁸ Іосіф Бабрыковіч, намеснік ігумена віленскага Святадухаўскага манастыра, пазней — да 1635 г. магілёўскі архіепіскап. ⁹ жыцця. ¹⁰ калі. ¹¹ мнѣ. ¹² межыгорскі ігумен да 1628 г. ¹³ родны брат кіеўскага мітрапаліта Іова Барэцкага. ¹⁴ ёсць. ¹⁵ хоць бы, па меншай меры. ¹⁶ горад у Кіеўскай вобласці. ¹⁷ уздоўж ракі. ¹⁸ з'явіўся печакана. ¹⁹ всьлімі. ²⁰ мнѣ. ²¹ справядлівасць, законнасць. ²² манашкае. ²³ пастаянна, заўсёды, цвёрда. ²⁴ заўсёды. ²⁵ і да гэтага часу. ²⁶ слабасці. ²⁷ здарылася. ²⁸ прынятым па звычайу. ²⁹ поп, свяшчэннік. ³⁰ змагаўся, вёў барацьбу. ³¹ заснаваць, увесці. ³² мясцовасці, горадзе. ³³ відовішча.

през сон, але в день и на явѣ, толко як в захвищено ¹ яком будучи) видилем. На небѣ — хмуры ² барзо гнѣвливые з войсками ушиковаными ³, на каране готовыми, и на земли—седм огнюв пекелных, на седм грѣхов смертелных зготованых. З тых огнюв, в пятом жаристом гнѣви, трох особ выразне видилем: пунциуша легата ⁴, в коронѣ папежской ⁵. Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячих. Которое видене, гдым другим указовал, видити не могли. Толко один святобливый ⁶ муж господин отец Иларион Денисович, игумен купятицкий и пинский, тые sprawy бозские видил и дивовался. Подстаростий ⁷ пинский, пан Огородинский, незадолго потом, гды заѣждзал ⁸ тот монастыр, голосно вола ⁹: «Отцеве! Для бога, што то ест?! Страх мя здымует ¹⁰. Чи не маш якої зрады? Пале ¹¹ под мостом чи не подпилованы? Отцеве, для бога, не жартом то мовлю, страх ми здоймует!» И долго ся трвожачи ¹², аж за проводом отцев виленских, в монастыр зо всѣм поѣздом вѣхал и обнял ¹³. Я, зась ¹⁴ з горливости ¹⁵ моее до благочестия святого, списавши жалосный лист взглядом людей ¹⁶ православных, которых там не тисеча было, маючи добрую надѣю з вѣры православное, же ¹⁷ ся тыи люде, або в особѣ тых людей вся церков восточная до православия святого мает вернути, и полецилем ¹⁸ тот лист пречистой богородици Купятицкой, з подписами рук людей годных не мало. А мяновите подписался: отец Силвестер Краскиевич, игумен циперский, Леонтий Шицик, игумен дубойский, Иларион Денисович, игумен купятицкий, Самоил Рогая, друкар братства Виленского, Афанасий Филипович, намѣстник дубойский, Себастиан Гуляницкий, урядник дубойский, Иван Крупка, писар дубойский провентовый ¹⁹, и инших не мало. Мене зась од того часу в монастыру Купятицком на послушание оставлено и былем терптиве.

Я то нендзныи Афанасий, который року 1637 с Купятич для ялмужны ²⁰ на Бѣлую Русь будучи высланныи, дивною справою бозскою и переводом пречистое богородици Купятицкое (который образ на граници московской правдиве и на небѣ виденый был), без писаня, чудовне столици Московской доѣхавши, за рѣкою Москвою, в Ординской улици, на господи ²¹, там даной будучи, справедливе о том, што ся дѣяло в дорозѣ, историю списавши, царю московскому, ведлуг ²² росказаня бозского (як тому простым сердцем вѣрую), на задержанье и оборону и помножене вѣры святой православной подалем.

Я то нендзныи Афанасий, который року 1640 послушне з Купятич за волею бозскою (што доводне показуется) на игуменство церкви православное до Берестя Литовского ²³ (где то фундамент

¹ захапленні. ² хмары, воблакі. ³ пастаўленымі ў строй. ⁴ пасол, афіцыйны прадстаўнік рымскага папы. ⁵ папскай. ⁶ набожны. ⁷ намеснік старасты. ⁸ захопліваў. ⁹ клікаў на дапамогу. ¹⁰ ахапіў, агарнуў. ¹¹ сваі, апорныя слупы пад мастом. ¹² хвалюючыся. ¹³ заняў, захапіў. ¹⁴ тым часам, тады. ¹⁵ стараннасці. ¹⁶ пры сведках. ¹⁷ што. ¹⁸ даручыў, рэкамендаваў. ¹⁹ харчовы, прадуктовы. ²⁰ міласціны. ²¹ пастаялы двор, гасцініца, карчма. ²² адпаведна, паводле. ²³ старажытная назва горада Брэста.

унѣи¹ проклятой стался) приѣхавши, права и привилея², на пергаменах найденые, з страшным проклятством на униты³, до книг гродских берестейских актиковалем⁴ и оголосилем в церкви и на розных мѣстцах, волею бозскою указуючи, же тое роздѣлене. Руси а приняте унѣи незвычайным способом з неналежным пастырем ест барзо проклятое. Потом з метрик⁵ вашей кролевской милости варшавских экстрактами⁶ тые sprawy⁷ повыймовавши ново, привилей с подтверженьем оных прав на церков православную Берестейскую од ваше кролевское милости, пана нам щасливе пануючого, Владыслава Четвертого⁸, с подписом руки набылем. Але запечатовати⁹ его ксионже¹⁰ канцлѣр и ксиондз подканцлѣрній и за тридцать таляров¹¹ твардых не хотѣли. И гдым был в покоях их милостей, мовили до мене: «Будете всѣ унитатами, то дармо запечатуем, бо вѣдайте, же под клятвою нам заказано от святого отца папежа, абы юж болшей вѣра грецкая¹² тут не множалася». На тот час и ксионже Клецкий в покою ксионжеця канцлѣра был и причинялся¹³, прочитавши привилей, абы запечатовано. Леч жадным¹⁴ способом не запечатовали.

Потом пришодем до старших отцев моих, а о то зрозумѣлем, же кождый з них свою привату уганяет¹⁵. Господин отец Коссов¹⁶ двох тисечей золотых в кождый рок на владыцтво Могилевское доходит; отец Гулевич баницию¹⁷ з себе зносит, владыцтво Премыское пустивши в вѣчность (як в конституции написано) «на унѣю»; отец Жолуд цегелню толко в Вилни правом сталюет¹⁸; отец Шицик привилея, еден собѣ на архимандрию Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила¹⁹ набывает. Един господин отец Варлаам Дѣтковский святобливе в справах церкви Печерской з розсудком духовным працювал. Иншие отцеве всѣ и законники в своих приватах приѣхали и мовят з собою: «я маю, я маю з потребу у себе церквей. Як собѣ хто хочет, нехай ся домовляет; я не дбаю». И юж о грунтовным успокоеню вѣры православной ани зменки²⁰ было.

Мѣщане зась убогие з Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрыня, Берестя и з инших мѣст и мѣстечок плачливе ляментуют, же юж не мают и людей, з ким бы церквей своих доходити могли! Нимаш отца и мужа святого Леонтия Карповича, архимандриты виленского и отца Иосифа Бобриковича, старшого виленского! Нимаш мужей памяти годных Михаила Кропивницкого²¹, Лаврентия Древинского²² и пана Мефодия Киселя²³ з колегами его в поле

¹ царкоўная унія (саюз) 1596 г. ² асобы від граматы на прадмет карыстання маёмасцю. ³ асоб, якія прынялі уніяцкае веравызнанне. ⁴ занёс у кнігі, заактаваў, упісаў. ⁵ актавых кніг. ⁶ выпіскамі, копіямі. ⁷ дакументы. ⁸ сын караля Сігізмунда III быў польскім каралём з 1632 г. да 1648 г. ⁹ заверыць, засведчыць. ¹⁰ князь. ¹¹ нямецкая сярэбраная манета вартасцю ў 3 маркі. ¹² праваслаўнае веравызнанне. ¹³ хадайнічаў. ¹⁴ ніякім. ¹⁵ дамагацца. ¹⁶ Сільвестр Косаў, магилеўскі архіепіскап з 1635 г. да 1647 г., а з 1647 г. — кіеўскі мітрапаліт. ¹⁷ выгнанне. ¹⁸ замацоўвае юрыдычна. ¹⁹ адзін з багатых кіеўскіх манастыроў таго часу. ²⁰ ніякага клопату. ²¹ М. Крапіўніцкі — адзін з віднейшых абаронцаў праваслаўя. ²² Л. Дрэвінскі — брацлаўскі ваявода. ²³ М. Кісель — стараста Віленскага праваслаўнага брацтва.

рицерском не стало, абы о успокоене грунтовное вѣры православное грецкое домовлялися! Немаш в набоженствѣ належном, ведлуг сумненя православных людей, волности юж и за гроши! Ах, бѣда ж! Креста не принявши дѣтки, а дарослые без шлюбов живут, а умерлых в полях, в огородах и в пивницах потаемне в ночи погребают! Немаш, мовлю, волности юж и за гроши! Над турецкую неволю, тут в панствѣ христианском православные люде болшую неволю терпят и мают! Бо оршане бѣдные за тое, што в братствѣ своем новую церков збудовали, двѣстѣ червоных золотых подканцлѣрному за печать давали. А сокаляне сто червоных золотых и пятьдесят коров до фолварку особы одной за причину¹ толко давали. И иншие также барзо ся убиали, а ничего юж не справили. Яко ж и прошлых часов, противники правды святой, умыслне² (поджогою духа злого) хочачи вынищити тут в панствѣ христианском вѣру православную грецкую, од сейму до сейму незбожне огризуючи одкладали; на остаток, торгаючи³ сеймы, и докладати⁴ юж в конституциях, абы укывжоная усправедлиvene мѣла, не зезволяли.

Тое все выбачивши, я, нендзный з дару духа святого, як тому простым сердцем вѣрую, шолем до господы, за «Панну Марию»⁵, през новое мѣсто в Варшаве, мыслячи в собѣ през имя Исус Христово, в сердцу моем нарисованое, и з горливости вызнаня православного мовячи: «О, боже справедливый! Як то ваги⁶ несправедливости юж-юж до самого центрум и крѣсу⁷ припали⁸. Юж-юж и сами отцеве наши старшии в вѣры православной о помноженю хвалы бозское не дбают. Юж вси як бы ся ее встыдают. А што болшая — нѣкоторые, для гоноров и свободы свѣта того латиною⁹ и много о собѣ розумѣньем, ошуканы будучи (ах, бѣда ж!), з вѣры правдивое до иншого вѣрки, як Смотрицкий¹⁰, Скуминович и иншие, небачне перекидаются. И всѣ немал¹¹ з латинников наших милых, праве, в еден струп злѣвшись, власне юж в вонтпливость¹² людем простым вѣру правдивую и церков всходнюю подают и, як бы храмлючи, волают: «О, и тая, о, и тая вѣра ест добрая!» А то быть не може, абы много вѣр мѣло быти добрых, бо написано: «Един господь, едина вѣра, едино крещение»¹³ и прочее. Тое мыслячи, обачилем невѣсту, од костела Панны Марии як бы в распачи обнаженно бѣгучую и волающую з великим ляментом, руки вложивши на голову: «Згинулам! Взято ми з ложка взголовье и колдру»¹⁴. Помыслилем в собѣ през имя Исус Христово: «так тепер церков православная тут в панствѣ том христианском ляментует в окраденю од злодеѣв полуденных (то есть униатов проклятых) ложа мысленнаго Саломона и в обнаженю з покрытя ей прекраснаго» (бо в тот же час превротник¹⁵ якийсь, злодій и блюзнірца¹⁶ Касян¹⁷ выдал

¹ за хадаїніцтва. ² намерана. ³ зрываючы. ⁴ записаць, унесці. ⁵ кафедральны каталіцкі сабор. ⁶ чаша вагі. ⁷ граніца, мяжа. ⁸ перайшли. ⁹ каталіцкаю вераю. ¹⁰ маецца на ўвазе М. Г. Смотрицкі, архіепіскап віленскі. ¹¹ амаль. ¹² няпэўнасць, падазронасць. ¹³ спасылка на «Біблію», Ефес, гл. 4, ст. 5. ¹⁴ узялі ў мяня з ложка падушку і коўдру. ¹⁵ адступнік ад веры, здраднік. ¹⁶ паклёпнік. ¹⁷ Касіян Саковіч, пісьменнік-палеміст, які здрадзіў праваслаўю і перайшоў у лагер католікаў.

книжку¹, обнажаючи сакрамент² пресвятыя церкви православной восточной). Тое мыслячи, гдым поровнался истем³ з тоєю невѣстою, далем ей червоный золотый, мовячи: «Купи собѣ што можеш». А о то зараз пал на мене дух святой в плачливом жалю и долго в том ревливѣ плакалем. Потом в господи⁴, у Стефана Русина Пикаря в коморци, гдым одправовал акафист⁵ до пречистой богородици, теды, власне в тых словах: «от всѣх нас бѣд свободи», барзо ретелный⁶ голос од образу пречистой богородици слышати было таковой: «О, Афанасий, супликуй⁷ тепер на сейми през образ мой, в крестѣ изображенный Купятицкий, до кроля полского и Речи Посполитое, грозячи правдивым гнѣвом и страшным судом божим, который правдивѣ юж-юж приходит, если ся не обачат. Нехай же первѣй унѣю тую проклятую вѣчне зганят, бо того впрод потреба; и може быть еще добре».

З розказаня теды я пречистое богородици и мощью честнаго креста о имени Исус Христовѣ, як тое ся и объясняет, року 1643, права маючи добрии, як играч який, маючи карту добрую, и як Илна пророк, горливостю до православной вѣры, в Варшаве на сейми валном, образ пречистой богородици, в крестѣ изображенный Купятицкий, в седми штуках, на полотни малеваных, з гисториею московскою⁸ (вѣрность в том вашей королевской милости, пану моему милостивому, освѣдчаючи) и з написом, на пересторогу гнѣву божого и страшного суду его вмѣсто суплики от церкви восточной в замку и в избѣ сенаторской⁹ пред маестатом¹⁰ и обещностю¹¹ ваше королевское милости, пана мнѣ милостивого, певным а велце поважным особам сам очевисто¹², а в рицерском коли¹³ през диакона моего нѣкоторым особам также значным, — подавалем и голосно, ведлуг презрѣня божского, права показуючи, волалем. «Наяснѣйший кролю полский, пан мой милостивый. О то кривду незносную маем. Не хочут нам, людем правовѣрным, в справах побожных церковных привилеов печатовати. Не хочут нас ведлуг прав заховати поприсяжных вашей королевской милости. И юж то от пятидесят лѣт¹⁴ вѣра правдивая и церков восточная грецкая под вами, паны христианскими, в королевствѣ Полском для збытков¹⁵ унѣи проклятой, аж назбыт¹⁶ утиски терпит. А то за причиною и помочю ненавистных капланов¹⁷ рымских, а найбарзѣй езуитов барзо мудрых, которые то, езуиты, внутрности людские в дѣтках малых отливными¹⁸ словы на науки облудные¹⁹ и на титулы высокие побравши, в школах комедии строячи, в костелах катедры маючи, и книжки переницованные²⁰, измышленные ошуканем шатацким, выдаючи, незбожне до людей простших, потаковников своих, в огиду

¹ маецца на ўвазе пасквильны трактат Саковіча «Perspektiwa». ² святыню. ³ хадою. ⁴ у доме. ⁵ царкоўнае хвалебнае песнапенне. ⁶ выразны і шчыры. ⁷ скардзіся, пратэстуй. ⁸ маецца на ўвазе яго «Гісторыя» падарожжа ў Маскву. ⁹ верхняя палата польскага сейма. ¹⁰ тронам. ¹¹ прысутнасць. ¹² асабіста. ¹³ ніжняя палата сейма. ¹⁴ на працягу 50 год. ¹⁵ дастаткаў. ¹⁶ непамерныя. ¹⁷ ксёндз, духоўная асоба каталіцкай царквы. ¹⁸ красамоўнымі. ¹⁹ крывадушныя, каварныя, хітрыя. ²⁰ скажонныя.

подают и преследуют правовѣрных христиан, сами будучи неправовѣрные».

Я то, нендзный Афанасій, который назавтрее, в субботу, ведлуг росказаня нѣкоторых панов сенаторов, сам пришодем з диаконом моим Леонтием до пана Опалинского, маршалка¹, даючи о собѣ справу. А од пана маршалка посланный быдем до его милости ксиендза бискупа познанского, на имя Андрея Шолдровского, чело-вѣка велце² уважного, о котором и его милость отец наш метрополит Могила мовил (гдым был в Києви слышал): «добрый то мой приатель». Тот, у вечер приѣхавши, з сенату од вашей королевской милости, тую потѣху³ рачил⁴ нам ознаймити, же «король, пан наш милостивый, казал запечатовати вам тот привилей, которого потребуе. Прийдѣте юж ютро⁵ до ксиендза подканцлѣрого, а тепер идѣте до господы».

Я то, нендзный Афанасій, который од своих отцев старших до запечатованя привилею недопущеный и злыми словы зганеный, за шаленого менованный, а згола⁶ во всѣм (пане боже, им прости!) уруганный, оплваный и осмѣяный и обвиненый зосталем, а за тое самое, жем⁷ ся их не докладал, справуючи тые суплики (если то слушна докладатися в таких таемницах бозских). Ах, беда ж мудрым, з латины до чого пришло! Юж ничего вѣры не прикладают и воли бозской не послушают, але, все на себе и на розум свой принявши, волю свою полнят и свои своих гнембят⁸. Бо там зараз в Варшавѣ, на Долгой улици, в господи одверного⁹ вашей королевской милости, на имя Яна Желязовского, през килка недѣль аж до розѣзду сеймового в вязеню нендзно¹⁰ мя з диаконом моим Леонтием вязили и трапили¹¹. С которого то вязеня не могучи я жадным способом (в справи так знаменитой церковной, которая ся точит ведлуг воли бозской) до розсудку их духовного повабити и привести (о то ревностью дому божого запалившись и собою взгордивши¹², не будучи шаленым и овшем¹³ маючи имя Исус Христово, на сердцу моем выритое, толко для самого упаметаня¹⁴ старших отцев моих, доброволне, не жалуючи, обнажити себе и в болотѣ ся помазати, абы церков, облюбеница Христова, одѣта и очищена была), шаленым як бы учинившись¹⁵, из вязеня сам вчесне¹⁶ вышедши наго, толко каптур¹⁷ и парамант¹⁸ для знаку законного на собѣ маючи, в болотѣ ввесь поплюскавшись и костуром¹⁹ себе бьючи, по улицах варшавских бѣгал и волал великим голосом: «Бѣда проклятым и невѣрным! Бѣда проклятым и невѣрным! *Vae maledictus et infidelibus!*» Што постерегши в господи, челядь владычая слѣд пошляковали²⁰ и бѣгучого мене юж до брами²¹ Краковское (бо хотѣлем в рынку в костелы вбѣгати и волати

¹ старшыня сейма, важак дваранства. ² вельмі. ³ радасць. ⁴ меў ласку, пажадаў. ⁵ заўтра. ⁶ зусім, наогул. ⁷ што. ⁸ ганьбяць, прыціскаюць. ⁹ брамніка. ¹⁰ дрэнна, кепска. ¹¹ мучылі. ¹² пагарджаючы. ¹³ вядома. ¹⁴ каб апомніліся. ¹⁵ на полі рукапісу прыпіска: «юродство доброволное для Христа». ¹⁶ своечасова. ¹⁷ манашская шапка. ¹⁸ манашская раса. ¹⁹ кій з булдавешкю з косці, металу або дрэва. ²⁰ высачылі, знайшлі па следу. ²¹ вароты, арка.

тые ж слова, а то в день Звѣстованя ¹, по-новому: «Бѣда, бѣда проклятым и невѣрным!»), там теды под брамою мя обскочили и, потрутивши ² в болото, в колѣно и болш глубокое, стали надо мною з великим тумултом ³ людей през долгий час, аж з господы воз привезено.

Тогды я, нендзныі Афанасій, як бы умерлым удаючися, великое зимно ⁴ терпѣл (бо мѣсец был марец ⁵) и юж як бы ледво живый на вози до господы владычей привезеный и знову до вязеня вкиненый был.

Я то, нендзныі Афанасій, который обвиненый будучи за суплики през образы пречистой богородици, в сенати поданые, и за обнаженя ся мое для церкви Христовы, як бы шаленое, инстигациею ⁶ якогось Даниловича, писара владычого, од старших отцев (до мене ведлуг диоцезии ⁷ и мѣстца сеймового в справи той судити неналежных) былем сужоный, декретованый ⁸, презвитерства ⁹ и игуменства деградованый ¹⁰. И юж на выѣзди з Варшавы, не маючи где мя подѣти, былем пресыланый од господы до господы: от отца владыки до игумена луцкого, од того до старшого виленского, з господы знову до отца Косова за Вислу рѣку човном проважено, из-за Вислы повторе до Варшавы проважено до отца старшого виленского, господу на лазни маючого. Старший виленский, выѣждзаючи, казал челяди своей отдати мене до отца Шицика ¹¹ под генсиорек ¹²; тот потрете перевозит мя през Вислу. Одтоль же хотѣлем догледѣти, абы запечатовано привилей (ведлуг ознаймения ¹³ бискупьего ¹⁴) у подканцлѣрого. Не давши ми вѣры в том, отцеве старшии мои провадят мя з Варшавы до Киева.

В Киеви жаден мя не спытал, што бым кому был винен, през час немалый, што мя барзо фрасовало ¹⁵, звлаща ¹⁶ видячи, же о покоі церковный и о помножене хвалы бозское не дбают. А надто трапили мя огнѣ алхимицкине ¹⁷, которые палено в седми печках на ошукане особы едной ¹⁸, на которой, ведлуг того часу, много бы належало взглядом вѣры православной и церкви восточной, о чом ся ознаймовалем одчасти господину отцу Зосиму Печерскому и отцу Иосифу Дунаевскому.

Я то, нендзныі Афанасій, который знову (ведлуг злого уданя) ¹⁹, за росказанем его милости отца нашего метрополиты киевского Петра Могилы, в консистории ²⁰ киевской от духовных отцев, як злочинца який, сужоный былем; на том судѣ, гдым припомнил, як мя в Варшаве водили од господы до господы, отец Гизель рек: «як од Аннаша до Каиафаша» ²¹. Потом видели, жем и без позву

¹ каталіцкае свята «Благовещеніе». ² загнаўшы. ³ натоўпам. ⁴ холад. ⁵ сакавік. ⁶ падбухторванне, судовое праследаванне. ⁷ епархія, епіскапскае ўладанне. ⁸ асуджаны. ⁹ папоўскага сана. ¹⁰ пазбаўлены. ¹¹ Ляонцій Шыцік, былы ігумен дубойскі. ¹² паса-дзіць у турму, надзець на шыю і рукі калоду як злачынец. ¹³ паведамлення. ¹⁴ епіскапскага. ¹⁵ хвалявала. ¹⁶ асабліва, тым больш. ¹⁷ уразілі мяне агні (інтрыгі) алхімікаў. ¹⁸ намёк на мітрапаліта Пятра Магілу. ¹⁹ паклёп, нагавор. ²⁰ духоўная ўстанова пры епархіяльным архіерэі з адміністрацыйнымі і судовымі функцыямі. ²¹ біблейскія першасвяшчэннікі.

нань¹ стал, инстигатора² не мѣлем, зараз од всего без декрету волным мя учинили, и за благословением его милости отца нашего метрополиты киевского и всея России, ексархи³ святого апостолского фрону⁴ константинопольского, Петра Могилы, одправовалем литургии⁵ святые так в Печерах, як и на великом престоли в церкви Успения пречистой богородици Печерской чудотворной з диаконом меам⁶ частокротне. А той суд и декрет, неслушне на мене в Варшави учиненый, потлуменый зостал безвѣстне.

Я то, нендзный Афанасий, который, первый за волею божскою, а потом и за благословением листовным его милости отца нашего метрополиты киевского, з напомнимем⁷ пастырским знову, ведлуг жадаия братства православного Берестейского, на игуменство присланный, где, в монастыру убогом з братиею моею законною колконадцатми (що вѣдомо богу и людем) пристойне живучи, мѣлем так я сам, яко и братия моя (а мѣщане убогии зособна) од студентов своевольных езуитских и од попов унитских непоеднокрот⁸ битя, мордованя⁹, уруганя¹⁰, на монастыр нахоженя, дорогою истья през рынок з святостями вшелякими забороненя и незноснии утрапеня¹¹. В Кобриню Облочинский якийсь, архимандритом унитским мянующися, на дорози добровольной¹², законников, на моих конях до мене з Купятич посланных, гвалтовне забравши (О, бида ж!), священноиноккови бороду урѣзал, диакона обнажил и выгнал их. А кони два з возом, з рѣчами на килкасот золотых заграбил. И од инших на многих мѣстцах барзо великие кривды и бѣды мѣлем и мѣвалисмо.

В певных теды потребах церковных и монастырских, особливим преизренем божским, ѣздилем до Кракова. Там будучи у его милости пана Сапѣги¹³, воеводы новгородского, просилем яко добродѣя своего (бо на его милости грунти мешкаем)¹⁴, абы з ласки своей зъеднати¹⁵ рачил у вашей королевской милости лист упоминальный¹⁶ до тых кривдников для того, же у каждого права нам, православным христианом, о справедливость трудно. На каждом мѣстцу, в дворах и в судах, уругаются з нас и гучат на нас: «гу-гу, Русии, люпус¹⁷, релиа¹⁸, господи помилуй, схизматик¹⁹, турко-гречин, одщепенец, Наливайко»²⁰ и болшей того, хто их вѣдает, як на огиду нас подаючи до людей, навывышляли. О тож, ведлуг того теды утрапеня нашего и уруганя, листу упоминального до тых кривдников просилем. Але убогих утрапене — паном жарты. Рекл²¹: «Поп з попом побился—што ми за рѣч?»²² Будте униатами, будте, то в покою будете жити, або идѣте собѣ до их старших по справедливость.

¹ без павестки на суд. ² абвінаваўцы. ³ намесніка. ⁴ стаціцы. ⁵ абедня, галоўнае царкоўнае богаслужэнне. ⁶ лацінскі выраз — «маім». ⁷ павучаннем. ⁸ часта, неаднаразова. ⁹ цяжкія пабоі. ¹⁰ абражанне, лаянку. ¹¹ злосці. ¹² свабоднай. ¹³ маецца на ўвазе Мікалай Сапега. ¹⁴ жывём. ¹⁵ выклапатаць. ¹⁶ напамінаючы, г. зн. строгі. ¹⁷ воўк. ¹⁸ фанатык. ¹⁹ адшчапенец; так уніаты называлі праваслаўных, якія не прынялі царкоўнай уніі. ²⁰ маецца на ўвазе Севярын Налівайка, важак казацкага паўстання ў 1595 г. ²¹ сказаў. ²² якая мне да гэтага справа.

И лист тут до мене писаный, в котором признавает¹, же вам кривду учинил, о то вам на свѣдоцтво до права отдаю. А тут дармо есте проклусалися² и стравили килкадесят золотых».

Зачим я далем всему покой. Толко порекреовавши³ вколо мѣста з okazji для ялмужны (а снать и преїзренем бозским), былем у посла московского, припоминаючи ему и бытье мое опатрностью⁴ бозскою року 1638 в столици московской. А гдым был пытан о Дмитровичу, о котором под небытность мою в Берестю юж ся и довѣдали од нана Галенского, намѣстника гродского, в яком он тут титули и выхованю, а я реклем: «Дмитрович и сам о собѣ не вѣдает, хто ест, по-готову жаден, аже не подписуется царевичом». Я, як невѣдомый жадной хитрости и не маючи полеценя⁵, ни от кого в таемницах о нем, далем картку⁶ его, до мене з господы писаную, з подписом руки в тые слова: «Ян Фавстин Дмитрович».

С Кракова ѣхалем до Варшавы для выкупеня привилею, о которм през писане юристы на имя Зычевского мѣлем вѣдомость, же тот привилей, которогом на сейми потребовал, есть юж запечатован. Але же за тую печать хотѣл шести тысячи золотых, мянующи: «жем то през езуитов справил, а коштом моим великим». Я зась, убогий, до задатку першого десяти червоных золотых (на которые и тепер церограф⁷ его маю), давалем еще двадцать червоных золотых, а наболшей облик⁸ давалем. Але же не взял. Теды я, огледѣвши тот привилей запечатованый а постерегши⁹, же его в метриках немаш, болшей не убивалемся: полецилем¹⁰ все воли бозской и часови щасливому.

Приѣхавши я до братии моеї до Берестя, рихло¹¹ потом в кляштори¹² отцов барнадинов перший раз з сцетрум¹³, умыслом звитязства¹⁴ (бо видилем запечатаный привилей), далем образ пречистой богородици в крестѣ Купятицкий вымалевати. Вымалеваный гды ми принесено, за червоный золотый одержалем его. И маючи в целии¹⁵ моеї, гдым ведлуг часу пред тым образом одправовал молитвы, на тых мѣст, як и прошлых часов, барзо-барзо великий страх пал на мене, и власне од образа того слышати было голос таковый: «О, Афанасий, супликуй еще през образ мой в крестѣ Купятицкий на сейми пришло¹⁶ до кроля полского и до Речи Посполитое о вынищене грунтовное унѣи проклятой. Добре будет, если услухают и вынищат ей: поживут еще в приданых лѣтах щасливе, ибо и планеты указуют Меркуриуша для Венери ласковость в тых лѣтах. А порядок сына моего в суженю: первѣй пытати Адама, потом Еввы¹⁷; на остаток декрет страшный як слово вымовити злomu будет за выреченем слова». По том теды я престрашеню барзо слабый былем пять дний. Правдиве, ани пилем, ани ѣл, мыслячи, што чинити. «Бѣда мнѣ мовити таковые речи и на таком мѣстцу, бѣда не мовити справ бозских!» Постановилем в собѣ, еднак, мовити.

¹ Маецца на ўвазе сам Аблачыньскі. ² паспяшылі прыехаць. ³ затрымаўшыся. ⁴ апекаю. ⁵ даручэння. ⁶ пісьмо. ⁷ распіску. ⁸ вэксаль, даўгавая распіска. ⁹ убачыўшы. ¹⁰ даверыўся. ¹¹ хутка. ¹² манастыр. ¹³ скіпетр, царскае жазло. ¹⁴ перамогі. ¹⁵ апіска ў слове «кельні». ¹⁶ будучым. ¹⁷ Паводле бібліі, першыя людзі на зямлі.

На тых мѣст¹ пришло ми вырозумене и побудка з дару духа святого (як тому простым сердцем вѣрую), же уишаты волею своєю од рымлян² ошуканы, а римляне мяновите в постановеню бозском и порядку духовном ошуканы от шатана³ проклятого. Образ богородици и тоє справует, абы всѣ и геретици⁴ узнали, же ест правдиве кролевою небесною и добродѣйкою великою всему народу людскому, ведлуг прироженя, а затым и всѣ святыи божиин. Крест знаменует (як хоругов гербовая) присте Христова на суд справедливый барзо-барзо прудко⁵. «Ознаймуй же, Афанасий, о тых справах моих и неодкладне волай, голоси, як труба найкрикливошая, верещи⁶, бо час тому. Абы вси, що именем Исус Христовым титулуются, до направи пришли, то ест: отщепенци и геретики, лутеране, ариане, нуриане, сасове, звинглиане⁷ и иншиє тым подобныє, што ено вѣруют в Христа господа, абы в порядок правдивый, духовный, седми сенодами постановлений, пришли, то ест: на правицу тепер прихилилися и прилучили, бо врихлѣ⁸ не будут часу мѣти до покуты. А войну мѣти с потребы и слушне с поганыи и невѣрными Христови, абы был над всѣми еден пастыр Исус Христос, а не папеж, и една овчарня Исус Христова, а не папежова, бо теж не папеж в евангелии святом мовит: «ины овца имам, яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести и глас мой услышат, и будет едино стадо и един пастыр»⁹.

Таковою теды я, нендзный Афанасий, волею бозскою, примушоный будучи, южем¹⁰ был почал се и готовати на высокым театрум свѣта того, сейму, мовлю, валного, а Полци будучого, пред всѣм гмином¹¹ людским: в костелѣ, под бытность вашей королевской милости, по прочитаню евангелии, в казаню¹² поднести писаня в килкадесят фастикулах з образами пречистой богородици Купятицкой и з гисториею московскою (як и на прошлом сеймѣ в сенатѣ), а розным станом коронным и великого князства Литовского, также купцом чужеземцом (которыи если бы были), на розных мѣстцах потрафляючи¹³ в найлѣпшее оголошене зачатую справу подати и объяснить, за причиною¹⁴ пречистой богородици и всѣх святых, чого по нас в тых схилку лѣт и страшного суду бог всемогущий потребуєт.

Що ж я, нендзный робак¹⁵, за обмову о собѣ дам, гды то творца мой Исус Христос и matka его пречистая богородица Купятицкая так трудную, дивную и барзо великую справу и послугу на мене покорного, як на быдлятко Валаамово¹⁶, вложити зезволили? О, Исусе Христе, мой одкупителю! Чи не волѣл бым я, нендзный, сидѣти в монастыру, як другиин духовные отцеве и братна мои, молячися тебѣ, творцу моему, за себе и за всю владзу, духовную

¹ тым часам. ² католикаў. ³ сатаны, д'ябла, чорта. ⁴ ерѣтыкі. ⁵ хутка. ⁶ гаварыць бесперапынна. ⁷ прыхільнікі ерѣтычных веравызнанняў з пункту погляду артадаксальнай царквы. ⁸ у хуткім часе. ⁹ гл. «Евангеліе» ад Іаана, гл. 10, ст. 16. ¹⁰ ужо. ¹¹ натоўпам, зборышчам. ¹² у пропаведзі. ¹³ здолець, змагчы, справіцца. ¹⁴ за хадаініцтвам. ¹⁵ чарвяк, нікчэмны чалавек. ¹⁶ Валаам — біблейскі прарок.

и свѣтскую, а особливо за добродѣев моих? Чи не уважалем я того собѣ? Уважалем и уважаю, дивуючися непонятным справам его святым. Подаю то до побожного уваженя вашей королевской милости, пану и добродѣеви мнѣ велце милостивому. Што бым я мѣл чинити нендзный человек, простак, гарбарчик¹, калугер² убогий межи монархами свѣта, вашою королевскою милостью и царом московским, гды бы не было в том особливои воли и опатрности бога в тройци святой единого? Поневаж³ сам рачит мовити: «без мене не можете творити ничего же»⁴.

Русь же од патриархи константинопольского, Нового Рыму, по Володимеру⁵ князю з преизреню⁶ божого окрестилася року божого 987, в двадцать лѣт и двѣ по поляках. И од того, там часу до патриархи константинопольского в духовное послушенство и благословенство належит. Тое многим вѣдомо, а невѣдомы нехай в Длугоша⁷, каноника краковского, и в иншие лѣтописци вейзрят.

Унѣя же ест проклятая — правом доводне⁸ ся показует. Кто колвек отбѣжит пастыра⁹ своего власного благословенного и братства, а удастся до другога, собѣ неналежного, тот нехай будет проклятый от отца и сына и святого духа! Нехай будет и по смерти не раздрѣшен¹⁰. Нехай будет мѣти клятву отцев святых, што сенодовали в Nikeи, и всѣх святых божиих! А той то¹¹ пастыр и отец духовный правдиве так везал, которому правдиве, ведлуг воли божией, межи пятми столицами духовными на том дочасном свѣтѣ с певных а тых барзо важных причин и таемниц бозских, духом святым утвороных и споряжоных, межи столицами, мовлю, пятма: константинопольскою, антиохийскою, рымскою, александрийскою, иерусалимскою, — едина влада и ровность духовной влады з иншими столицами константинопольской дана ест; влада правдивым порядком звязовати и розвязовати, ведлуг розказаня Христова: «глаголю вам, его же свяжете на земли, будет связан и на небеси, а его же раздрѣшите на земли, будет раздрѣшен и на небеси»¹².

Хто того не вѣдает, же унит тот, который одбѣг пастыра своего власного для своеи воли, ест правдиве проклят, а меновите тот, который без словеди и покаяния належного изшол з того свѣта.

Вѣдати и тое потреба, як Люциперови¹³ з найвишшого неба зтручене¹⁴, так унитови з церковного неба для пожаданя столка сенаторского, проклятство ся стало. Грѣх содомский¹⁵ и иншие великие своеволи в велебных отцев для певных сродков опускаются, леч пыха¹⁶ проклятая найбарзѣй ся ганити мусит.

¹ падмайстра скурніка. ² манах, пустельник. ³ таму што. ⁴ спасылка на «Евангеліе» ад Іаана, гл. 13. ⁵ Уладзімір — вялікі князь кіеўскі да 1019 г. ⁶ з волі. ⁷ польскі гісторык Ян Длугаш (1415—1480). ⁸ выразна, грунтоўна, дакладна. ⁹ на полі рукапісу ёсць прыпіска: «власть епископа Хребтовича Богуриинского». ¹⁰ апраўдан. ¹¹ на полі прыпіска: «власть патриаршая». ¹² гл. «Евангеліе» ад Матфея, гл. 18, ст. 18. ¹³ біблейскі архангел, адвержаны богам. ¹⁴ паданне. ¹⁵ біблейскі горад Садом, вядомы з паданняў вялікай распустай яго жыхароў. ¹⁶ пагарда, ганарыстасць.

Потий¹, перед владыцтвом каштеляном² берестейским будучи, мѣл столкок в сенатѣ. Гды зась зостал владыкою³, оного ему умкнено⁴. Зачим розумѣючи о собѣ много, в розных особах и у пана виленского Ходкиевича порады шукал и бадался⁵. «Чему то под кролем полским волности маем сполные⁶, а не засѣдаем столков з бискупами?» Теды духовные рымские порадили оному, же «за причиною короля пана: гды будете мѣти од отца святого, Старого Рыму папежа, благословенство, то латво⁷ вам будет мѣти mezi нами и столкок сенаторский». Потий теды, для самого столка сенаторского, з Терлецким, з Рогозою⁸ и з иншими наслѣдовцами своими, таемне намовившися, выборнѣйших людей правовѣрных з народу россійского так княжат, панов, яко и землян обывателей нѣкоторых, в реестр⁹ списал, именем всей церкви россійской православной восточной, здрадливе, не помнячи на клятву, которую и сам на себе писал и выдал, рымскому папежови, ведлуг принята вѣры и креста святого до народу россійского неналежачому, послушенство оддал. Еднак, за тое столка не одержал. Толко, з похлѣбства¹⁰ ксенжий и порады их особливой, ласку королевскую в оборонѣ тоей унѣи и фундацій¹¹ их церковных до сего часу мѣл.

Од того теды часу, взявши ненависть, за злою офѣрою своею и за непорядным уроженем ся в той проклятой унѣи, як Каин Авеля и Измаил Исаака¹², так проклятый унит православного брата своего забиял и преслядовал. И аж по сесь час за помочью похлѣбцов и противных правды святой ведлуг часу за попущенем божиим що хотѣл, то броил¹³. Людей убогих вшелякого стану так в братствах церковных, як и в радах¹⁴ вшеляких, судовых и цеховых будучих, потваряючи¹⁵ незбожне зо всего, що мают православные христиане з вѣры православной, з сумненя чистого, з славы доброй и маетности¹⁶ и зо всего почтивого злуплял, торгал и шарпал и розмаите мордовал и забивал. А над то — що болшая — церкви печатовал, одбирал, нищил, внивеч оборочал. Набоженства сумненю побожному волного заборонял. В мѣстах, в мѣстечках и селах, в добрах¹⁷ королевских и шляхетских, як то в Люблини, Сокалю, в Бѣлску, в Полоцку, в Вителску, Острогу, Лвови, Грубешови, в Белзи, Кобрыню, Берестю и в инших, аж назбыт прикрости и злости выражал и преслядовал. В многих розных мѣйсцах в панствѣ том христианском непотребные колотнѣ¹⁸ для той проклятой унѣи аж по сесь час дѣялися. Наостаток, и з козаками внутреняя война непотребная для той унѣи проклятой была. Для тоей милость

¹ Адам Пацей, у духоўным званні Іпацый (1541—1613), епіскап брэсцкі і ўладзімірскі; пасля пераходу ў унію з 1599 г. і да смерці — уніяцкі мітрапаліт. ² адміністрацыйная пасада накітвалт губернатара. ³ епіскапам. ⁴ пазбавілі. ⁵ пытаўся. ⁶ агульныя. ⁷ лёгка. ⁸ Кірыл Тарлецкі, уніяцкі луцкі епіскап; Міхаіл Рагоза, уніяцкі мітрапаліт да 1599 г. ⁹ спісак. ¹⁰ падхаліметва. ¹¹ уладанняў. ¹² Каин і Авель — сыны Адама і Евы. Измаил сын Аўрама ад Агары, а Исак сын Аўрама ад Сары. ¹³ рабіў зло. ¹⁴ аб'яднаннях. ¹⁵ узводзячы паклёп. ¹⁶ уласнасці. ¹⁷ уласнасці, маентках. ¹⁸ сварка, вайна.

немал во всѣх выхла. Для тоей похлѣбства, лакомства, зазрости, з(д)рады, нецноты¹, а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила. Для тоей и порядок духовный и свѣтскій юж-юж погинул, о котором сами уже волают: «нерядом стоимо». Ото ж тепер порядок ведлуг воли бозской стае. Тепер час наступил роздѣленья благословенных од проклятых. Тепер гнѣв справедливый бозскій и суд его страшный на лѣвицу² пришол. Кто мае уха до слуханя, нехай слухает, што ся то голосит, ведлуг часу, мѣстца и потребности.

А що нѣкоторые мовят: «кролю пану до вѣры не належит; же волно як хотѣти вѣрити». Так ест. Не винен кроль пан, гды хто в духовной справи блудит. Але же, за помочью кролей их милостей тоя унѣя проклятая в панствѣ том христианском з допущеня бозского стала. Треба справедливым судом, в часѣ замироном³, ведлуг воли бозской, абы за помочью королевскою и упала. А хто ж замѣшаня в дому повинен успокоити, если не господар, звлаща добрый и чулый в повинностях своих? Велебные отцеве певне юж того не поправят, бо самым им впрод треба ся поправити! Юж тут диспутации не треба! Преїзренем то бозским на елекции⁴ щасливой медиатором⁵ покою был ваша королевская милость в той справи. А на коронации з присягою зашла обѣтница⁶ грунтовне успокоити. А чему ж ся не успокоила? Нехай же ся успокоит, бо юж час пришол! Нехай кождый при своей сторонѣ, як собѣ подобал и заслужил, при той зостае: благословенный по правици, а проклятый по ливици.

Стороны Дмитровича добре ся стало, за ласкою божиею, же оного ваша королевская милость, пан мой милостивый, як правдивый в приязни до кождого, на признанье чим ест до царя московского послати рачил. Неслушно бовѣм⁷ пану, з натуры и з дару особливого бозского так будучи справедливым, мѣшатися в справы несправедливые. Лацно⁸ познати кождому, гды бы был з Мнишковны, воеводзианки сендомирской, Дмитровичом. Значная ест фамилия их милостей панов Мнишков! Як пан кухмистр коронный, староста Осецкий, и иншие одозвали бы ся в повиновацтво⁹, гды ж то великая реч быти правдивым царским сыном. До того еще з уст небожчика Сапеги, гетмана, слышалам, гдым педагогом был. Просилем килима¹⁰ обити ему над лужком¹¹, теды голосно з гнѣвом рек: «На що обитя над лужком? Кто его вѣдает, хто он ест». Я на то реклем: «невѣжаючи¹² шляхетские дѣтки при педагогах своих школьные пытаются в кого бы был в опецѣ». То он помысливши, заледве казал килимок и колдерку купити. Я потом врихлѣ законником зосталем и тепер волею божиею в том ся найдую. Ово згола сумматим¹³ мовится: не на доброе он тут в титули царском почал ся ховати, бо много злого през него, як през инструмент якнѣй, свовольною купою а хитростями барзо мудрых людей

¹ заганы. ² суд прышоў на грэшнікаў. ³ вызначаны час. ⁴ выбарах. ⁵ пасрэднікам. ⁶ абяцанне. ⁷ бо, таму што. ⁸ лёгка. ⁹ у радню. ¹⁰ дыван. ¹¹ ложка. ¹² не зважаючы на гэта. ¹³ адным словам.

шатаи проклятый, за допущенем бозским, мог бы бронтити¹. Звляща², гды бы ся повело шатанови в цесарской³ сторонѣ, иишии рѣчи потом вѣдомы будут, бо «нѣсть тайно, еже не открится»⁴.

Обѣдвѣ тыи sprawy так о Дмитровича, як и о успокоене групповное вѣры православной грецкой, кладу на шали⁵ уважного⁶ розсудку вашей королевской милости, пана мнѣ милостивого. Вѣдаю, же лацно будет и справедливость святую познати, звляща, гды не от тѣла и в тѣли тквѣчим⁷ мниманьем⁸, але без заслоны от души и в души мешкаючим правым розумом тую так великую, ясную и важную реч будут мѣрковати. Бо «до такой помѣри⁹ (з Липсиушом¹⁰ и Диоенисом¹¹ филлозофами рекну) треба розуму, а не шнура».

Войска арматные¹², гды бы были миллион миллионами, трудно з богом правдивым воевати; кождый тое вѣдает. Еще и тое докладается: войска, противные богу и розказаню и спораженю¹³ его, не видячи неприятеля, сами ся порѣжут през незгоду свою. Треба тое памятати, абовѣм бог всемогучий в часи замѣроном як хто згрѣшит, так и карает: неряд нерядом¹⁴ стирает, который ся тут неряд аж назбыт замножил, звляща в велебных преложоных.

А запытает ли хто: «Чи пророк ты, што то мовиш?» В покорити¹⁵ сердечной одповѣм¹⁶: «не пророк, толко слуга бога сотворителя моего, посланный ведлуг часу, абым правду кождому мовил». Еще ли хто запытает: «А хто ж того з тобою свѣдком?» В боязни божой одповѣдаю: «таемницы его святыи не потребууют великого выбадываня¹⁷, толко вѣры. Моисей¹⁸ сам видел купину горящую а незгоряемую. Также Пѣтр святой — плащеницу¹⁹ ему спущеную з розными гадинами, абы колол и ѣл²⁰, сам видел, а вси, дивуючися справам дивным бозским, тому вѣруемо. Того ж и тут потреба, гды ж вѣра не выдворная²¹ фундаментом ест кождому в збавене, которая на доброй воли челоувѣчей зависла».

О непорядку костела римского в другом на-дол стопню²², з воли бозской и часу замѣроного (звляща, гды перший стопень щасливе в skutку²³ своем зостанет), от кого колвек правдиве ся укажет. Мене зась, нендзного Афанасиа, бог сотворитель мой на тое власне послал, абым впрод о вынищеню проклятой унѣи оголосил и объяснил, которую послугу волею его святою и помочью пречистой богородици с повинности моей православно-служебничей досит учинилем, як то видити рачите. Згола ест на воли кождого вѣрити тому и не вѣрити. А я, на остаток, и в пѣсни, в турмѣ зложоной, се оголошаю нотно в тые слова.

¹ мог бы рабиць зло. ² асаблѣва, тым больш. ³ царской. ⁴ спасылка на «Евангелие» ад Луки, гл. 8, ст. 17. ⁵ вагі. ⁶ здоровага. ⁷ прадудзятым. ⁸ меркаваннем. ⁹ sprawy. ¹⁰ Юст Липсий — грэчаскі філосаф. ¹¹ Дыяген — грэчаскі філосаф. ¹² узброенымі войскамі. ¹³ упарадкаванню, распараджэнню. ¹⁴ непарадак непарадкам. ¹⁵ рахманасці. ¹⁶ адкажу. ¹⁷ выпытвання. ¹⁸ біблейскі прарок. ¹⁹ вялікі кавалак матэры з намаляваным Ісусам Хрыстом у дамавіне. ²⁰ спасылка на апостальскія «Деянія», гл. 10, ст. 11—12. ²¹ фанабэрыстая. ²² артыкуле. ²³ вынік, поспех.

Даруй покой церкви своей, Христе боже,
Терпѣти болш, не вѣм¹, если хто з нас зможе.
Дай помощ от печали²,
Абысмы³ вцѣли⁴ zostали

В вѣри святой непорочной в милы лѣта,
Гды ж приходят страшные дни в конец свѣта!
Вылучаеш, хто з нас, пане,
По правици твоей стане.

Звѣтяжай⁵ же зрайцов⁶: первѣй униатов,
Препозитов⁷, также и их номинатов⁸,
Абы болш не колотили,
В покою лѣт конец жили!

Потлуми всѣх противников и их рады,
Абы болшей не чинили гнѣву и зрады
Межи греки и рымляны⁹,
Гды ж то люд твой ест выбранный!

Пришол той час роздѣленя з проклятыми.
Не зѣст хлѣба ошарпанец з везваными¹⁰.
До темности¹¹ каже втрутить¹²,
Звязаного в вѣки мучить.

Тут юж злости антихриста! Униате,
Кламцо и похлѣбцо¹³, рожоной лжи брате!
Памятайся в своей злости,
Зажий на собѣ литости.

Пекло на тя горящее зготовано.
Гордость твою и думы зле бы спалиано.
Стережися того огня,
Не вѣр днаблу рукоимя¹⁴.

Для тебе то церков грецка ляментует:
В многих мѣстцах много утисков приймуе.

¹ не ведаю. ² смутак, журба. ³ каб мы. ⁴ непарушнымі. ⁵ перамагай, знішчай.
⁶ зраднікаў. ⁷ старэйшы сярод рымска-каталіцкіх прэлатаў. ⁸ епіскап, які ўжо
прызначаны, але яшчэ не пасвячоны папаю. ⁹ паміж людзьмі праваслаўнага і ката-
ліцкага веравызнання. ¹⁰ прывілеяванымі. ¹¹ турмы. ¹² укінуць. ¹³ паклёпнік і падха-
лім. ¹⁴ наіўна, шчыра.

Перестань же такой злости.
Не чини болш юж прикрости.

Не барзо тебе Рым прагнет и латина¹.
Може бовѣм обыйтися без русина.
Навернися до востодней
Церкви своей святой.

Поможет в том пречистая и святыи,
Молитвы свои даючи приемныи.
В славу богу своему,
В троици святой единому,

Будь же сыном православным, униате!
Ест покута живым людем, милый брате!
Христос то тебе взывает
И пречистая чекает.

Просит за тя з плачем горким в трубъ страшной
Матка сына в крижу, мовячи мнѣ, жалосной:
«Тепер человѣк ласку мает,
Напотом болш не узнает».

Хвалим же вси Христа и творца нашего,
Же нам дал юж матку неокрутно² его!
Рѣч святая и знаки неомылны³
Суть на вѣки. Амин».

При том, с повинности моей духовной, в особѣ всей церкви востодней, молитвы святыи в побожность и приняте ласковое вашей королевской милости, пана мнѣ милостивого, залецивши, цѣлым сердцем прагну, абы бог всесилный вашу королевскую милость зо всѣм пресвѣтлым сенатом и панством в долгофортуны лѣта благословил и помножал панство и справовал найлѣпший ряд⁴. Не толко з добрых планет: Меркуриус, Геркулес, Иовишов сын, але сам творца всѣх тых Исус Христос, сын правдивого бога отца з духом пресвятым, за повабою⁵ и ублагословенем пренаймилоснѣйшой Венеры, Марии, пречистой богородици, королевой небесной, абы имя тое ваше королевское милости, Владислав, на земли и на неби з годными богу владнуло⁶ славою на вѣки, — того вѣрне сприяючи, и облюбеницу⁷ мѣти з Москвы⁸ зычу. Бо и в том значное, даст бог, будет над вашою королевскою милостю благословенство его святое в нынишнем и в будущем вѣку. Амин.

¹ каталіцкая царква. ² не лютую. ³ непагрѣшны, справядлівы. ⁴ парадак. ⁵ позывам. ⁶ царавала, ганарылася. ⁷ нявесту. ⁸ Афанасій Філіповіч, папэўна, меў на ўвазе адну з дачок рускага цара Міхаіла Фёдаравіча. Магчыма Ірыну, да якой сватаўся дацкі прынц Вальдэмар.

ВЕРШАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ XVI—XVII ст. ст.

пачатку XVI ст. пад уплывам чэшскай і польскай літаратур у беларускай літаратуры ўзнікае новы, да гэтага часу ёй зусім невядомы від мастацкай творчасці — паэзія. Першы, хто пазнаёміў тагачаснага беларускага чытача з гэтым відам літаратуры, быў Георгій Лукіч Скарына. Перакладаючы з чэшскай на беларускую мову кнігі «Бібліі», Скарына ў сваіх прадмовах даў першыя абразкі сілабічнага вершаскладання. Так, у прадмове да кнігі «Исход» ён у 1517 г. выклаў змест царкоўных заповедзяў вершамі:

...Помни дни светые святити,
Отца и матку чтити!

Не забивай ни едина,
И не делай грѣху блудна!

Не вкради, что дружнего,
А не давай свидетельства лживего!

Не пожедай жены ближнего,
Ни имения или речи его!

Пазней, калі разгарэлася палемічная барацьба вакол Брэсцкай уніі 1596 г., а кнігадрукаванне ў Беларусі набыло шырокі размах, сілабічныя вершы ўсё часцей і часцей сталі з'яўляцца на першых старонках богаслужбовых кніг. У сваёй пераважнай большасці вершы гэтыя ананімныя і па свайму характару з'яўляюцца панегірыкамі, прысвечанымі таму або іншаму магнату, герб якога апяваўся ў гэтых вершах, як герб магната-абаронцы праследуемага ў той час праваслаўнага веравызнання. У літаратуру гэты від панегірыкаў упершыню ўвёў Андрэй Рымша. З лёгкай рукі Рымшы панегірыкі, або як іх тады называлі «епіграмы», сталі звычайнай з'явай у тагачаснай літаратуры.

Паколькі вершаў гэтага віду захавалася да нашага часу нямнога, а выданні, у якіх яны надрукаваны, з'яўляюцца бібліяграфічнай рэдкасцю, укладальнік хрэстаматы палічыў мэтазгодным змясціць у хрэстаматы ўсе гэтыя вершы.

Другім відам вершаў, якія сустракаюцца ў друкаваных кнігах разглядаемага часу, з'яўляюцца вершы дыдактычныя, або павучальныя. Сустракаюцца яны толькі ў творах палемічнай літаратуры. Да нашага часу захавалася толькі тры вершы гэтага віду: два ў кніжках палемічнай літаратуры («Вопросы и отвѣты православному з папезником» 1603 г. і «Апокрисис» Хрыстафора Філалета, выдадзены ў 1597—1599 гг.) і адзін верш у рукапісным экзэмпляры Літоўскага статута першай рэдакцыі (1529 г.).

Вершаў, прасякнутых грамадскімі матывамі, пафасам барацьбы супроць прапаганды уніі і каталіцызма сярод беларусаў, як і вершаў лірычных да

нас дайшло вельмі мала і не таму, што іх больш не было, а таму, што для захавання іх у Беларусі, якая доўгі час была арэнаю гістарычных бітваў, не было спрыяльных умоў. Вершы з гэтага цыкла захаваліся да нашага часу толькі дзякуючы выключным абставінам (маюцца на ўвазе вершы з рукапіснага спіска «Дзіярыуша» Афанасія Філіповіча). Гісторыя беларускай літаратуры эпохі феадалізма ведае шмат прыкладаў, калі яе помнікі знікалі ўжо ў XIX ст. Так у сярэдзіне XIX ст. знікла кніга Сымона Буднага «Апраўданне грэшнага чалавека», выдадзеная ў другой палавіне XVI ст. у Несвіжы; знік зборнік вершаў, прысвечаны смерці Л. Карповіча, пад назвай «Лямент», выдадзены ў 1620 г. у Вільні, і інш. Гэтым і тлумачыцца беднасць паэтычных помнікаў старажытнай беларускай літаратуры. А між тым вершаскладанне ў Беларусі XVII ст. было шырока распаўсюджана. Што гэта было так, сведчыць паэтычная спадчына С. Полацкага, якая заключае ў сабе вялікую колькасць вершаў, разнастайных па свайму жанру.

АНДРЭЙ РЫМША

Іяграфічныя звесткі аб Андрэю Рымшы надзвычай бедныя. Нам невядомы даты яго жыцця і дзейнасці. Нічога невядома аб тым, дзе і калі ён нарадзіўся, дзе, калі і якую атрымаў адукацыю, якую службу нёс пры двары магната Хрыстафора Радзівіла, якімі сувязямі быў звязаны з віленскай друкарняй Мамонічаў, чым была абумоўлена яго літаратурная дзейнасць і г. д.

Літаратурная спадчына Рымшы, якая захавалася да нашага часу, невялікая і адносіцца да XVI ст. З паэтычных твораў Рымшы да нас дайшлі толькі яго «Храналогія» і тры вершы панегірычнага характару, якія былі надрукаваны ў свой час у віленскіх выданнях друкарні Мамонічаў і прысвечаны магнатам: Астапу Валовічу, Льву Сапегу і Фёдару Скуміну.

«Храналогія», надрукаваная 5 мая 1581 г. Астрожскай друкарняй на Украіне, паводле сцверджання акад. К. В. Харламповіча, гэта першы вучнёўскі твор Рымшы, напісаны ім, магчыма, у Астрожскай школе, бо «калі лічыць яго (верш. — А. К.), — мяркуючы па некатораму знаёмству аўтара з яўрэйскай моваю, — твораў настаўніка, то ён ва ўсякім выпадку захоўвае характар школьнай работы, а не вучонай»¹. Гэтага погляду прытрымліваліся акад. В. Н. Перетц² і акад. Е. Ф. Карскі³.

Літаратурнае значэнне «Храналогіі» А. Рымшы невялікае. Звесткі, якія сустракаюцца ў ёй, для нас не прадстаўляюць асаблівай цікавасці, апрача назваў месяцаў, пададзеных Рымшаю на трох мовах: тагачаснай літаратурнай мове, яўрэйскай і простанароднай, разгаворнай мове. Падобныя звесткі часта можна сустраць у асобных артыкулах, змешчаных у некаторых славянарускіх зборніках: Мэта такіх артыкулаў, як і «Храналогіі» Рымшы, заключалася ў жаданні аўтараў даць «благочестивому» чытачу ўяўленне аб важнейшых для хрысціянства біблейскіх здарэннях, якія адбыліся быццам некалі, у адпаведныя дні календара (гл. зб. XV ст. — Дзяржаўнай бібліятэкі імя У. І. Леніна ў Маскве № 2515). З фармальнага боку «Храналогія» Рымшы прадстаўляе сабою дванаццаць пар рыфмаваных сілабічных двухрадкоўяў. Мова вершаў беларуская, блізкая да мовы канцылярскіх папер таго часу. Верш 12- і 13-складовы, а цэзураю пасля сёмага складу, набывае характар размернай мовы.

З 1585 г. Андрэй Рымша пражываў у Вільні. Вядома толькі, што за

¹ К. В. Харлампович. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв., Казань, 1898, стр. 252.

² В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I; Спб., 1900, стр. 76.

³ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. 3, вып. 2, Петроград, 1921, стр. 130.

час свайго жыцця тут ён напісаў вершы аб гербах Астапа Валовіча (1585 г.), Льва Сапегі (1588 г.), Фёдара Скуміна (1591 г.). Пазнейшых паэтычных твораў Рымшы няма.

Дайшоўшыя да нас вершы Рымшы сведчаць аб тым, што аўтар іх з цягам часу авалодаў тэхнікай верша, і вершы яго па свайму метрычнаму размеру сталі больш вытрыманымі ў параўнанні з «Храналогіяй». Усе гэтыя вершы пачынаюцца з агульных размоў, пасля якіх аўтар дае апісанне і тлумачэнне кожнага сімвала ў гербе, якому прысвячаецца верш. Канчаюцца вершы радам пажаданняў ад асобы аўтара тым магнатам, чые гербы ён апявае. Па сваёй пабудове гэтыя панегірыкі Рымшы трафарэтныя, мастацкія сродкі іх небагатыя, унутраны змест вузкі, але яны не згубілі для нас сваёй цікавасці як гістарычны дакумент. Па іх мы можам меркаваць, па-першае, аб існаванні і пашыранасці ў старажытнай беларускай літаратуры жанра панегірычнай паэзіі, узорам якой з'яўляюцца вершы Рымшы, па-другое, аб адносінах тагачаснай інтэлігенцыі, у ліку якой быў і сам Рымша, да магнатаў.

Тэксты паэтычных твораў Рымшы друкуюцца па першавыданнях, якія зараз захоўваюцца ў бібліятэках Ленінграда.

Апрача вершаваных твораў Рымшы, вядомы яшчэ і яго пражайныя творы. Так, у 1585 г. ён напісаў «Decretoros acroama, to iest dziesięciococzne powieści woiennych spraw Krzysztofa Radziwiłła». У 1593 г. Рымша пераклаў з лацінскай мовы на польскую, а ў 1595 г. [выдаў «Chorographia albo Topographia, to iest osobliwe a okolnie opisanie ziemie świętey z wypisania oney ludzi pewnych, tam bywałych, teraz niedawno z Lacińskiego ięzyka na polski przetłumaczona przez Andrzeia Rymbę Litwina, sługę jęgo х. Моści у рана Krzysztofa Radziwiłła...» Гэтая «Тапаграфія» Рымшы ў XVII ст. была перакладзена ў Маскве на рускую мову. Творы Рымшы на польскай мове ў хрэстаматыю не ўключаюцца.

КОТОРОГО СЯ МЕСЯЦА ШТО ЗА СТАРЫХ ВЕКОВ ДЪБЕЛО КОРОТКОЕ ОПИСАНИЕ ¹

Месяца сентебра, по тебрейску елюль, просто вресень.

Двадцать четвертого дня месяца сеньтебра

Дороблен Еросолим, сталася реч добра.

Месяца октовриа, по гебрейску тышри, просто паздерник.

Арха² з Ноим³ на горе станула на суши.

Другий потоп не будет, так нам писмо туши⁴.

октоврия 17 дня.

Месяца ноемвриа, по гебрейску маргеусам⁵, просто грудень.

Жидом свято уставил тут царь Еровоам.

Мы о свои не дбаем, не велми ж добро нам.

ноемвриа 15 дня.

Месяца декавриа, по гебрейску хашлеу, просто просинец.

В том месяцы Исус Христос народился нам.

Не хто иной, тот избавил души наши сам.

декавриа 25 дня.

Месяца генуара, па гебрейску тебет, просто стычень.

Чужоземские мудрцы Христа привитали,

Злато, ладан и миру яко пану дали.

генуара 6 дня.

¹ Тэкст пададзены па першадрукаванаму экзэмпляру Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (1. 2. № 3). ² каўчэг. ³ біблейскі божы ўгоднік. ⁴ сведчыць. ⁵ павінна быць «мерхешван».

Месяца февраля, по гебрёйску себат, просто лютый.
Смотри як то голубка Ноаху¹ служила.
Мы о бога не дбаем, только б злость плужила.
февраля 18 дня.

Месяца марта, по гебрёйску адар, просто марец.
В том месецы господа жида крижовали,
Собъ лихо, нам добро тым паном зъеднали.
марта 25 дня.

Месяца априля, по гебрёйску нисан, просто кветень.
Жидове сухо прошли Чирвоное море.
Кормил их бог на пуци, не было им горе.
априля 14 дня.

Месяца мая, по гебрёйску ияр, просто май.
Ной арху готует божим повелением,
Абы в потоп не згинул з своим поколеньем.
мая 10 дня.

Месяца июня, по гебрёйску сыван, просто чырвец.
Ужо воды вьсих топят. Ноах в корабль вошол,
Знать, иж богу кланялься, прото ласку знашол.
июня 27 дня.

Месяца июля, по гебрёйску тамус, просто липец.
Моисий побил таблицы з приказаньем божим.
А мы грешим што часок, ни ся страхом трвожим.
июля 17 дня.

Месяца августа, по гебрёйску аов либо ав, просто серпень.
В том месецы Аарон умер, божий ерей.
Того собъ на приклад ты, попе, завжды мей.
августа 1 дня.

НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ОСТАФЕЯ ВОЛОВИЧА, ПАНА ВИЛЕНСКОГО И ПРОЧИХ²

Што двѣ стрѣлы, што врубы, што лелеи значат,
То вси люди мудрые вельми горазд бачать,
Которых зацный тот дом за герб уживаеть.
Вѣрь мнѣ, иж там господу цнота свою маеть.

А. Р.

НА... ГЕРБЫ... ЛЬВА САПЕГИ

Въсе можем своим оком лацно³ обачыти.
Дольжныню и шырокость шнуrom назначыти⁴.
И чловека можем познати по твары,

¹ Ною. ² Текст пададзен па друкаванаму экземпляру бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (1. 5. № 41). ³ лёгка. ⁴ вызначыць.

Если в себе не маеть лишнее привары.
 Але, где цнота себе обрала оселость,
 Там ростроп есть до всего и мужьская смелость,
 Которая зацные завжды дома буди
 И клейноты ¹ розьдаеть. Тыми слынуть люди,
 Бо такие николи з света не изъходеть,
 Але один по другом в веки славу плодеть.
 Хочеш же ся присмотреть? Герьбом, праве, значным
 Зараз можеш познати, иж суть в дому зацным
 Зьдавна славных Сапегов. Тые в предков своих
 Заквитывали в цнотах, знать в лилиях троих,
 При которых з оружьем коньный воин стоять
 Знаком того, иж ся з них ни один не боить
 Служить своим сподарем ку каждой потребе,
 Не литуючи скарбов, ни самого себе.
 К тому видиш, як в локоть постренна рука.
 Видиш, иж в скрозь из туга з пострелного лука.
 Такой пострел никого дома не потькаеть.
 Одно, — хто поганьские полъки розьриваеть.
 В тых же герьбех посредку есть стрела, а крестами
 Двема, а третий блиско, осажон лунами.
 Тые знаком, иж они болш для хрестиянства
 Клали здоровье свое, не смотречы паньства.
 Смотри ж вышей! Узриш там над сельмом коруну,
 Которая даеть знать, иж там бог фортуну
 И цноту з сильным мужьством сполне ² коронуе,
 Чого у них ани моль, ни ржа не попусе.
 Живете ж Сапегове вси в многие лета!
 Ваша слава слыть будеть, покуль станеть света!
 Подавайте ж потомьком, што маете з предьков!
 Веже и ваших цных справ вьвесь свет полон светьков ³.

НА ГЕРБЫ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА, ПАНА ТЕОДОРА СКУМИНА, ВОЕВОДЫ НОВГОРОДСКОГО. ЕПИКГРАММА

Не простым людем гербы з неба посылают,
 Яковый Скуминове в своем дому мают.
 Як звезда над луною хорошо ся блищить,
 А светла месячного бынамне ⁴ не нищыть,
 Так обое свѣтлятся ровно окром хмары,
 Як слава у Скуминов маеть свои дары.
 Бо ним далее тым ясней в славу ся подносять,

¹ каштоўнасці. ² сумесна. ³ Тэкст пададзен па экзэмпляру Літоўскага статута 1588 г., які захоўваецца ў бібліятэцы Ленінградскага універсітэта. ⁴ ніколі.

Урадами зацными под небо выносятся.
 Мог бы вместо месеца сонцо там отдати
 И все небо з знаменми до него придати,
 Бо так тот дом Скуминов в Литве яснее слынетъ¹
 И будет завжды слынуть, поки свѣт не минеть.
 Смотри ж, як реки текут, а все три зъгодливе!
 Вер, иж было где смотреть, а не похлебливе²,
 Бо не по одной реце плавал и з делами,
 Служечы господару розумом, силами,
 Не чужому, своему, и отчизне милой,
 Трафляючи³ недруга, по шыи отылой.
 Тот герб здавна в его дом з матки назначоно,
 Бо такие приметы у нем обачоно.
 Иж водные послуги мѣл отправовати,
 Тым ся господарови и вѣсим подобати.
 К тому еще два гербы видиш быть наspoде⁴,
 Тых достали предкове его на свободе
 Будучи. А цнотю оных доставали.
 Веру з мужством отчизне своей заховали.
 Вер ми, гербов не дають в дому сидящому,
 Але з татарми в полю часто гулящому
 Не з голою рукою, з шаблею острою,
 Завжды будучы готов до смертного бою.
 Жыви ж з тыми гербами ты, зацный Скумине,
 А буяй в своей славе на веки и ныне!⁵

А. Р. Литвин.

АНАНИМНЫЯ ВЕРШЫ

НА ГЕРБ ЗАЦНОГО ДОМУ ЕГО МОСТИ ПАНА ЛУКАША ИВАНОВИЧА МАМОНИЧА, СТАРОСТЫ ДИСНЕНЬСКОГО И СКАРБНОГО⁶ ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО

Ни кое⁷ ино добро не величить тако
 Мужа, благородству подобящася всяко.
 Срам, убо малитися в них же, побѣждати.
 Срамнѣе ж побѣждати, в них же ся малити.
 Ниже в похвалении есть ино любезнѣе,
 Яко же егда имать что рещи полезнѣе.
 Не преподобно убо о благих молчати,
 Яко же и не таяжде⁸ вспоминати.

¹ славѣца. ² не ліслива. ³ сустракаючы ворага ўдарам па шыі. ⁴ унізе. ⁵ Тэкст пададзен па экзэмпляру «Апостала» 1591 г., які надрукаваны ў Вільні і захоўваецца ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына. ⁶ казначэй. ⁷ ніякага. ⁸ таіўшыся.

Стрѣла убо воздух прерѣзуе высоко,
Туголучно испущена летит широко.
Крест же паче сея небеси ся касает,
Сего носяй свѣтлѣе паче всѣх бывает.
Ты же ми богомыслне зриай на обое:
Велико бо едино, много паче двое.
Силно пачествовати мертвена чоловіка —
Добродѣтели, сокровища оного вѣка ¹.

КНИЖКА ДО МИНАЮЧИХ МОВИТ

Почто ² новых вещей вѣдѣти желаете,
Нову вещь, мене имѣя, презираете?
Отвѣт к римлянѣм ³ православных содержаще,
Иже егда прежде вѣру цѣлу имяще
И неунчиженны отец преданиа,
Всѣ бяху тогда желающе молчаниа.
Нынѣ, егда повинных въ всѣх сѣтворяют,
Писанием же и властью попирают
Вѣру; и не хотя по нужди глаголати,
Мною на клеветы вѣкратцѣ отвѣщати.
Купи, читай, рассуждай, брате и тщателью,
Повинни ли повѣжд, се к благодателю
Превышнему с покаанием възвратятся,
Узриши ли яко не повинни явятся.
Желателнаго приклонения по тебѣ,
И любовныя же помощи чают себѣ.
Аминь ⁴.

ВѢРШЫ АБО СТИХИ ДО ТОГО, ШТО ЧИТАЛ, КОТОРЫМ КРАЕГРАНЕСИЕ СИЦЕВО: ХРАНИСЯ ИТАЛИЯН

Хронологию старую прочитаючи,
Розумѣти не трудно, писмо умѣючи.
Анатолинская ⁵ церков, яко статечне ⁶
На Христѣ фундованую вѣру сполечне
И з сынами своими неотмѣнне держит,
Со Христом господем збираючи не грѣшит.

¹ Текст пададзены паводле кнігі «Псалмы Давида пророка и царя... с возслѣдованием», выдадзенай у Вільні ў 1593 г. ² чаму. ³ католікам. ⁴ Текст пададзены паводле выдання Археаграфічнай камісіі: «Русская историческая библиотека», т. VII. Памятники полемической литературы (ППЛ), кн. 2, Спб., 1882, слупок 1004. Верш уваходзіць у склад твора «Апокрисис» Хрыстафора Філалета. ⁵ праваслаўная. ⁶ цвѣрда.

Якось тут в тых «Вопросѣх и отвѣтѣх» читал,
И недармом на пятьдесят главизн росписал,
Тиранского шаленства абым ты свободил,
Абысь з двѣма пятьдесятниками не згорѣл.
Людские упорности огнем попаляет,
Илия третего для покоры спасает.
А ты православия мужайся, народе,
Небесный цар завше с тобою ест и буде! ¹

НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА
ЕГО МИЛОСТИ, ПАНА ЛЕОНА САПЕГИ, КАНЦЛѢРА
НАВЫШШОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО,
ПЕРНАВСКОГО И ПРОЧЫХ СТАРОСТЫ

Кгды в вышних набоженство станах местце мает,
И рыцерьская мужность к ней ся прилучает.
Где ростропность в порадах, справедливость в судех,
Где статечность во всяких для отчизны трудех,
Там бог благословляет, там слава значная
В том доме заставаает на вѣки трѣвалая.
Тые всѣ в тобѣ цноты ² видим знамените,
Которыми ты пан бог надарыл обфите ³.
Презацный сенаторе! Знат из вѣков давных
Тые ж ся найдовали и в предках твоих славных,
Што з гербов познаваем, — крыж — знак побожности,
Рука з сильным пострѣлом знаком ест мужности,
Три лелие разных цнот образ указуют,
Которые до неба простый путь справуют
И у людей еднают славу безсмертную,
Вѣк вѣком на потомъствѣ пребывающую ⁴.

ЕПИКГРАММА НА ГЕРБ БОГДАНА ОГИНСКАГО

Крест ся Христов славою вѣрных именует.
Им ся самым апостол хвалить розказует.
Тым ся знаком божия церков украшает
И старожитных домов зацность вывышает,
Тым ся лукавых духов гуфы ⁵ прогоняют
И варварских народов полки побѣждают.
Щасливый дом Окгинских, который тот мает
Клейнот ⁶ с предков поданыи, и в ним ся кохает,

¹ Текст пададзены паводле ППЛ, кн. 2, слупок 1. Верш чытаецца ў помніку «Вопросы и отвѣты православному з папезником» (1603 г.). ² дабрачыннасць. ³ багата. ⁴ Текст пададзены па «Триоди цвѣтной», выдадзенай у 1609 г. у Вільні. ⁵ атрады. ⁶ герб.

Кгды ж то знак набоженства и сталое вѣры.
Тым ся здавна их здобят сынове и дщеры.
А на том фундаменте вси цноты будуют,
Отчизне милой делным мужством услугуют,
Што звыкло безсмертную славу им еднати,
Которая на свѣте потым будет трвати
Поки мѣсяць и звѣзды свой бѣг справовати
И ночные темности будут просвѣщати ¹.

НА СТАРОЖИТНЫИ КЛЕЙНОТЫ ИХ М. КНЯЖАТ ОКГИНСКИХ И ИХ М. ПАНОВ ВОЛОВИЧОВ

Двоякии, под гелмом еднаким, клейноты
Знаменитыи ясне выражают цноты
Двох презацных фамилий, в один дом злучоных,
В славѣ аж под самое небо вывышоных.
Тут крест старожитного набоженства знаком
И статечной вѣры в трафунку ² вшеляком.
Тут рада, тут ростропность мѣстце свое мает,
И, як на небѣ, мѣсяц з звѣздами сияет.
Так ся тых преславныи домов блищать sprawy
И высоким их станом годныи забавы.
Тут стрѣлы преважную дѣяльность высвѣдчают,
Тут сличный ³ цнот огород рѣки поливають,
Которыи вод живых здроем обфитуют ⁴
И память з заплатаю вѣчною готуют ⁵.

НА СТАРОЖИТНЫ КЛЕЙНОТ ИХ МИЛОСТЕЙ ПАНОВ ХОДКЕВИЧОВ

Зацный дом Ходкевичов, значные клейноты
За высокии здавна одѣдичил ⁶ цноты,
Которыи тот славный славне дом подносят
И, праве, аж под небо самое выносят
И в вывашаню его никгды неустанут,
Поки мѣсяць и звѣзды свѣтити не престанут ⁷.

¹ Тэкст пададзены паводле «Книги Нового Завѣта», выдадзенай у 1611 г. у Еўі.
² у выпадку. ³ прыгожы. ⁴ маюць багата. ⁵ Тэкст пададзены паводле «Евангелія
учительнаго, albo казаня на каждую недѣлю и свята урочистые», выдадзенага
ў 1616 г. у Еўі. ⁶ дасталіся ў спадчыну. ⁷ Тэкст пададзены паводле вышэйназванага
Евангелія.

ЕПИКГРАММА НА ГЕРБ Л. САПЕГИ

Смотри як крыны, ездец и стрѣла з рукою
Звезалися, стрѣла с крестом, крест теж з лукою.
Тыи суть зобранья цнот, великий Леоне,
Которыми продков ушлахътили кролеве.
Умысл маеш вспанялы громить еретики,
Которым теж плѣниш всѣ церкви противники.
Вѣра, меч креста держачы, цвите тобою,
Бо естесь з супостатами готов до бою.
Жий во всѣ лѣта! По смерти о том дознаеш,
Же милуеш бога и вѣру помнажаеш¹.

НА ГЕРБ ЕГО МОСТИ ПАНА СИМЕОНА ВОЙНЫ

Яко досыт значне трубы нам оповѣдают
Время брани и время побѣды, людие знают,
Паче же троегласно и троеполчѣно рядимо
Послушно строителю, воистину непобѣдимо,
Происходяща же троеречна быстротекущи,
Не тры есть корѣмчых, но единого имущи.
Что плавание, разве бо преподобие всяко
В дому твоём? Дары дает бог не всим одинако.
Пентекерас, называют пять рог, ясна бывает
Над иншие звезды: ясность большую в собѣ мает.
Млива вонно, носяще бела, и красно зрачна.
В дому том благодать изобилна людем ест значна.
Что ж, паче мысленныя трубы, мысленныя реки,
В православии цвѣтуще, не оскудеют на вѣки².

НАДГРОБОК ОТЦУ АФАНАСИЮ ФИЛИПОВИЧУ, ИГУМЕНУ БЕРЕСТЕЙСКОМУ, В РОКУ 1648 ЗЕШЛОМУ

О, матко моя, церкви православна,
В которой правдиве мешкает³ бог здавна!
Тобѣм помогал рѣчью и словами
Я, Афанасий, и всѣми силами.
А найвенцей⁴ в том своего стараня
З бозскогом власне чинил розказаня,

¹ Текст пададзены паводле кнігі «Службник», выдадзенай коштам і накладам Л. Сапегі ў Вільні ў 1617 г. ² Текст пададзены паводле «Толкового Евангелія», выдадзенага братамі Мамоічамі ў Вільні ў 1595 г. ³ жыве. ⁴ найбольш.

Абы не была унѣя проклятая
Тут, только ты одна, церкви святая!
Тепер мусилем юж так уступити,
О кривду твою будучи забитый
От рук шляхетских под час козаччизни
В Берестю Литовском, на своей отчизни.
Пред се ты, церкви, туши добре собѣ,
Бог еще будет сам помочен тобѣ;
Найзрит в своей святой столици
До тебе, бѣдной, скажоной винници.
Хто в сердцу имя Христово мѣти буде,
Того он в царствии своем не забуде.
Он ми дал, жем стал в Вилни законником,
Тут игуменом, а впрод священником.
Тот же ми козал и тепер знать давати,
Же юж пришол час Сион ратовати.
Амин¹.

ЯН КАЗІМІР ПАШКЕВІЧ²

* * *

Полска квітнет лациною,
Литва квітнет русчизною;
Без той в Полсце не пребудешь,
Без сей в Литвѣ блазнем будешь.
Той лациона езык дает,
Та без Руси не вытрвает.
Ведзь же³ юж Русь, иж тва хвала
По всем свете юж дойзрала;
Весели ж се ты, Русине,
Тва слава никгды не згине!⁴

22.VIII.1621

¹ Текст пададзены паводле выдання Археаграфічнай камісіі «Русская историческая библиотека», т. IV. Памятники полемической литературы, кн. I, Спб., 1878, слуп. 153—156. ² Да апошняга часу аўтар гэтага верша быў невядомы. ³ ведай жа. ⁴ Текст пададзены паводле рукапіснага экзэмпляра Літоўскага Статута першай рэдакцыі, які захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

СІМЕОН ПОЛАЦКІ

(1629—1680)

Сімеон Полацкі (Самуіл Емельянавіч Пятроўскі-Сітніяновіч) — выдатны грамадска-палітычны і літаратурны дзеяч, з імем якога цесна і непарыўна звязана гісторыя старажытнай беларускай і рускай літаратуры і культуры. Нарадзіўся ён у 1629 г. у

гор. Полацку. Тут ён атрымаў пачатковую адукацыю, але ў якой школе і калі, — невядома. Пасля гэтага прага ведаў прывяла Полацкага ў Кіеў. Там, у сценах Кіева-Магілянскай калегіі, якая была буйнейшым для свайго часу цэнтрам гуманітарнай і багаслоўскай адукацыі, ён правучыўся да 1650 г. Але на гэтым С. Полацкі не спыніўся і некаторы час яшчэ вучыўся ў Віленскай езуіцкай калегіі.

У 1656 г., кіруючыся меркаваннем, што навука і літаратурная дзейнасць несумяшчальны з свецкім жыццём, С. Полацкі пастрыгся ў манастыры і стаў настаўнікам брацкай школы пры гэтым манастыры. У 1659 г. полацкі і віцебскі епіскап Каліст Дарафеевіч Жытарайскі па распараджэнню патрыярха Нікана закаваў С. Полацкага ў кайданы і пасадзіў у крэпасць, а пазней перавёў яго ў хлём. За якія ўчынкі і як доўга С. Полацкі знаходзіўся пад арыштам — невядома.

Граб Н. Сімеона

Займацца літаратурнай дзейнасцю С. Полацкі пачаў яшчэ будучы вучнем Кіева-Магілянскай калегіі. У той час ён пісаў вершы на беларускай і польскай мовах. Самы ранейшы з іх — «Акафіст багародзіцы» — датуецца 1648 г.

Апрача вершаў, прысвечаных розным царкоўным і грамадскім урачыстасцям, С. Полацкі пісаў і едкія злабадзённыя сатыры (напрыклад «Віншаванне а. Крыжаноўскага з днём імянін», 1661 г.). На вялікі жаль, тэксты некаторых рукапісаў С. Полацкага, напісаных да яго пераезду ў Маскву, дзесьці згубіліся ў пачатку гэтага стагоддзя і мы зараз пазбаўлены магчымасці шырэй асветліць беларускі перыяд творчасці С. Полацкага.

У 1656 г., у сувязі з вызваленнем Полацка рускімі войскамі і прыездам у горад цара Аляксея Міхайлавіча, С. Полацкі выступіў на ўрачыстай сустрэчы цара з чытаннем прывітальных вершаў. У гэтых вершах ён ад імя ўсяго беларускага народа выказаў цару і яго свіце пачуццё радасці і шчырай удзячнасці за вызваленне Полацка і некаторых беларускіх земляў ад доўга-часовага і цяжкага польска-каталіцкага прыгнёту. У 1660 г. адбылася яго другая сустрэча з царом, але на гэты раз ужо ў Маскве, куды С. Полацкі прыехаў разам з архімандрытам полацкага Богаяўленскага манастыра Іеўлевічам на царкоўны суд патрыярха Нікана. Там, 19 студзеня 1660 г., С. Полацкі зноў вітаў цара і яго сям'ю «стихами краесогласными» ў царскіх харомах, куды быў запрошаны ў якасці царскага госця яшчэ на царкоўным судзе. Нечуваная ў Маскве да таго часу панегірычная паэзія С. Полацкага спадабалася манарху, і ён надзяліў аўтара вершаў сваёю ласкаю, але жыць у Маскве С. Полацкі не застаўся. Аднак і на радзіме яму нядоўга прышлося жыць. Польская акупацыя Полацка ў 1661 г., праследаванні і ганенні, якія праводзіліся польскімі ўладамі супроць прыхільнікаў арыентацыі на Маскву, прымусілі С. Полацкага ў 1664 г. назаўсёды пакінуць Полацк і пераехаць у Маскву на сталае месца жыхарства.

У Маскве пачаўся новы этап жыцця і дзейнасці С. Полацкага, прыдворнага настаўніка, энергічнага царкоўнага дзеяча, пладавітага пісьменніка, асновапаложніка новых паэтычных жанраў у старажытнай рускай літаратуры — паэзіі і драматургіі. Але гэты перыяд жыцця і дзейнасці С. Полацкага з'яўляецца прадметам вывучэння курса старажытнай рускай літаратуры. Адзначым толькі, што ў маскоўскі перыяд творчасці С. Полацкі пісаў свае паэтычныя творы ў розных літаратурных жанрах. Паэзія для яго была не забаваю, а сур'ёзнай і важнай справай, якая служыла яму пастаянным сродкам асветніцтва ў даступнай для ўсіх форме.

Вялікая паэтычная спадчына С. Полацкага складае рад рукапісных кніг, напісаных сілабічнымі вершамі. Найбольш значныя з іх «Рифмологіон» (зборнік панегірычных вершаў, напісаных «на выпадак» з жыцця царскай сям'і і яе акружэння), «Вертоград¹ многоцветный» (зборнік дыдактычнай паэзіі) і паэтычны пераклад «Псалтири». Апрача вершаў, С. Полацкі пісаў драматычныя творы для прыдворнага тэатра («Трагедія о Навуходносоре-царе» і «Комедія притчи о блудном сыне»), палемічныя трактаты («Жезл правления»), павучанні і розныя «Словы».

Памёр С. Полацкі 25 жніўня (па старому стылю) 1680 г. у Маскве. Змешчаныя ніжэй вершы беларускага перыяду творчасці С. Полацкага друкуюцца па рукапісах Дзяржаўнага гістарычнага музея г. Масквы.

[З прадмовы да «Рифмологіона»]

... Писах в началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣв много ползу быти,
Славенскому ся чистому учити.

¹ сад.

Взях грамматику прилѣжах читати,
Бог же удобно даде ми ю знати.
К тому странная сущи ей подобна,
В знании ползу бѣше ми удобна.
Тако славенским рѣчем приложихся,
Елико дал бог знати научихся...¹

СЛОВА, ЯЖЕ ХРИСТОС РАСПЯТЫЙ НА КРЕСТѢ МОВИЛ ДО БОГА ОТЦА

Отче! отпусти им, не вѣдят бо, что творят

1.

О Христе спасе, спасе добротливый
О як на помсту ничто-с несквапливый.
Мы за злость нашу смерти ожидали,
Ты отпускаеш. О то мы слышали.
Тѣм же падаем пред тя со слезами
И еще просим: смилуйся над нами!
А якость рачил² грѣхи отпустити,
Такожде изволь и казнь отвратити.
Ею же люд твой от всюду стисненый
Всякими бѣды, всяко утрапленый³.
Взбуди жаль в сердца да плачемся тебе
Днесь погребенна плачемся и себе.
Просим тя, Христе, просим со слезами,
Казнь отвративши, смилуйся над нами!

2.

О, Пеликане, о лебедю милый!
Да всех спасеши, всех порушил силы.
Кров свою гойнѣ схотѣл пролити,

¹ Текст падазены на рукапісу № 287, л. 5. ² дбаў. ³ прыгнечан.

Абысь могл чада мертва оживити.
А яко лебедь жалостно слѣваеш,
Пре тя хотящих спастися спасаеш.
Со сими збойца бога тебе знает.
— Вспомни мя в царствии своем, — возывает.

Днесь со мною будеши в рай

О Исусе сладкий, Исусе дражайший,
О яко в любви ко грѣшным множайший.
Ледво тя збойца бога знаваает,
А любовь твоя юж грѣх отпускает,
И не только му¹ грѣх отпустилесь,
Но ту ж з собою в небо впровадилесь.
О Христе спасе, Исусе сладчайший,
Гды над твоим гробом плач творим множайший.
И мы тя, бога, вѣрно визнаваем,
Просичи слезно даннѣ дознаем
Любве твоея, еже отпустити
Все грѣхы наши и в рай впровадити.
Як в рай будем, гды утолиш брани,
Мир твоим верным даси пожаданный.
Просим тя, Христе, просим со слезами,
Грѣх прости, мир даждь, просим со слезами.

3.

Владцо вшеляких² и вся исполняяй,
В горсти единой весь свѣт содержаяй,
Чему жесь нынѣ от всѣх оставленный,
Од сродник ближних чему ж опущены?
Гдѣ есть избранных собор, ученик
Науки твоей, народ наслѣдник?
Вси, Христе, видим нынѣ оставили,
Егда ты врази до креста прибили.
Любимый токмо ученик и мати,
И та од жалю ледво может стати:
Едину тебе утѣху имѣла,
А днесь, позбывши, юж осѣротѣла.

Жено! се сын твой, се мати твоя

О Исусе спасе, спасе добротливый,
О як своих надтось фрасовливый³,
Иж тебе болѣзнь всяко обыймает,
Заледво душа во плоти зостаает.

¹ яму. ² усяких. ³ клапатливы.

Вся члонки на крест срокго растягнены,
 Яко на гуслѣх струны натягнены.
 Глава зрачена, плоть страшно шарпано,
 Руки и ноги гвоздми покопано,
 Очи и уста кровью заплынули,
 Згола¹ вси страсти на тя ся спихнули.
 Но в тяжких муках свых не опускаеш,
 Бо матку учню учня ей вручаеш.
 О Христе спасе, спасе добротливый,
 О спасению всѣх нас фрасовливый.
 А нас кому днесь сирых² оставляеш?
 Кому в опеку нуждных полецаш?³
 Отò от всюду бѣды на нас встают:
 Мечь, огонь, голод смертью погражают.
 Кому нас, кому рачиш оставляти?
 До кого в бѣдах маем утѣкати?
 Се ко твоему гробу прибѣгаем,
 А тебе, Христе, мощно умаляем
 И слезно просим: будь нам милостивый,
 Не опускай нас в сей час, ох страшливый!
 О Исусе агнче, агнче незлобивый,
 И земляй грѣх мира агнче терпеливый.
 О яко ж страждеш, кто ж может сказати?
 Вспомнявши, мусит, сердце ся подати.
 Немо створене и то тя ридает.
 Луна и солнце в кровь ся премѣнает.
 Вси элемента в жалость ся прибрали.
 Рвутся од жалю и твердыя скалы,
 Егда тя видят страстми уморена,
 На крест прибита од всех упущенна.
 В окрутных⁴ муках нѣсть кто утѣшает,
 Гды ж ты и сам бог в тот час опускает.

Боже, мой боже, во скуюм я остави!

Ах мой Исусе, боже добротливый,
 Ты-сь человек правый, ты-сь и бог правдивый!
 А гды ты болѣсть окрутно змогает,
 Душа пречиста з тѣлом ся растает.
 О як жалоснѣ до отца волаеш,
 Боже мой, боже, чем мя оставляеш?
 О Христе боже, боже добротливый,
 А мы што чиним в сей час нещасливый?
 Юж бѣды розны на нас ся змогают,
 Юж нендзну⁵ душу кгвалтом вытискают.
 Тылко до тебе мусимо волати,

¹ амаль. ² сірог. ³ даручашн. ⁴ лютых. ⁵ бедную, нещасливую.

Боже наш, боже, не рач опущати.
И як ты, Христе, не просто волалесь
В болѣстях своих то не распачалесь,
Но восхотѣлесь то нам показати,
Як в бѣдах маем до тебе волати,
Так и мы нынѣ ничто распочаем,
Но тебе, Христе, силно упрашаем,
Котры-сь изволил быти опущенный,
Абы з нас жаден¹ не был погубленны.
Не опущай нас, но будь завжды с нами,
Просим тя, Христе, просим со слезами!

5.

Христе Исусе, Исусе сладчайший!
Боль тя змогает им далесь множайший.
Исус, як снопок миры, вывышенный
На солнци, егда бывает сушеный.
Так плоть пречиста твоя высушенна,
Егда на крестѣ нага повешенна.
И вся красота в темность премѣнила,
Свѣтлости ока юже-сь затмила.
Лице зчернѣло, устнѣ закипели,
От многой жажды, правѣ, погорели.
А что же еще болѣ быти мѣло?
Юж ся пророцтво всякое сполнило.

5. Ж а ж д у

Бездна вод живых — Христе добротливы,
Присно текущий источниче живый,
Чи давно всѣх нас до себе взывалесь
От вод животных гойнѣ напоялесь?
А о то той же на крест вознесенны
В окрутных болѣх жаждею зморенны.
Но Христе спасе, что ино жаждаеш
Пити еже есть, кгда нас оглядаеш?
Похотей свѣта, жаждею зморенных,
Жаждеш имѣти к себѣ наверненых.
Видиш жаждущих роскошами свѣта,
Чести, богатством. Жити много лѣта
Тѣм же ти жаждеш, хочеш позыскати,
Дай не будет в жаждѣ погибати.
О Христе спасе, источниче живый,
Жаждущим жизнь напою правдивый!
Призри на нас, днесь бѣдами стисненых,

¹ ніхто.

Розных утисков, жаждею змореных!
Боязнь от врагов што день нападает,
Ганебно смерти страх жажду задает.
Юж от сей жажды ледво душу маем,
Не живем, рачей¹, што день умираем.
О море, о бездно, Христе добротливый,
О глубино вод источниче живый!
З вѣрою к гробу твоему прибѣгаем;
Дай жаждѣ нашей охладу; приимаем,
Ибо в нем видим правдиву опоку,
Из нея воду з пречистаго боку.
Просим тя слезно: даждь пити во охладу,
Дай жаждѣ нашей, имѣем отраду.
И паки просим, просим со слезами:
Умилосердися, о Христе, над нами!

6.

О Христе боже, боже пред ся вѣки,
О якость много терпѣл для чловеки:
Былесь проданы, пойман и вязаны,
Винным осужден и выдан на раны,
З шаты² обнажен в пурпур одѣяно
На посмѣх а к столпу наго привязано,
Кровью сплынулесь такось катованы,
Терновым вѣнцем на смѣх увѣнчаны.
Горше над збойцу тебе осудили.
Ах, як окрутне до креста прибили.
От князей старец спроснѣ награваны,
А в жажде твоей отцом напоены.
Что еще болѣ быти мает
До твоей страсти, чого не достает?

С о в е р ш и ш и с я

О Христе боже, боже прежде вѣка,
Якость дорого откупил чловека.
Не дость ли было нарожденным быти?
При обрѣзаню не дость кровь пролити?
Не досить было от раба крещенным
Четыредесят дней чрез пост умерщвленим?
Не досит было в бѣдах вѣк свой жити,
Згола³ потреба страсти было терпѣти,
Котрую нынѣ юже совершилась,
А нас от вѣчной смерти откупилесь?
О Христе спасе, еще тебе просим,

¹ хутчэй, карацей кажучы. ² адзенне. ³ асабліва.

Падши ко гробу, плачь и вопль приносим, —
Дай бѣд наших юже наконец стает.
И мечь болѣй кровь да не проливает!
Вѣмы, иж еще твердь справедливости
Не досит стала, ах, за наши злости.
Но сам достъ чиниш, гдысь схотѣл страдати
И, яко видим, за нас умирати.
Умилосердися! Плачливѣ волаем,
Да лютых кремень уже конец маем.

7.

О Исусе Христе, человеце справедливый,
Вѣру имѣем, ты еси бог живой!
А як тя болѣсть окрутна змогает,
Же во всѣх члонках сила уступает.
Уже и главу на дол преклоняеш,
Снать, мой Исусе духа испущаеш.

Отче! в руке твои предаю дух мой

Увы нам, увы! Тепер юж спѣвати.
Ах, ах нам грешным, мусим придати.
Егда живот наш, спасе, умираеш
А богу отцу в руки дух предаеш.
Увы нам, увы! Что дѣлати маем?
К кому сироты в бѣдах прибѣгаем?
Ко отцу ли твоему? И той загнѣваны,
О то и сына выдал тя на раны.
Дух святой и той на то зезволяет,
Да сын, як человек, за люд умирает.
Увы нам грѣшным! Увы опущеным!
Увы сиротам! Увы оставленным!
Ах! До кого ж и я маѣм утѣкати?
Токмо до тебе, о божия мати!
Но и ты, дево, правѣ, умираеш,
Кгды твоего сына мертва оглядаеш.
Утробу твою паненску пронзают
Мечи, болѣсти сердце проникают,
В пречистых члонках вся сила устала.
Юж быст умерла, бы ты не вбирала.
Благодать сына юже ти кликает
Да до множайших послуг заховает.
За их же тебе мает увѣнчати,
Гды одесную будет пасаждати.
Тѣм же вси грѣшнии к тебѣ прибегаем.
Прими нас, прими! — плачливе волаем.
О мати богу, небесна царице,
Ангел, госпоже, о свѣту деннице,
Грѣшным утѣчко, скорбящим охлаго,

В трудах и бѣдах бременным охладо,
Будь нам помощи и встався за нами
До своего сына! — просим со слезами, —
Да отвратит брань и гнѣв на поганы,
А православным даст мир пожаданный.

Е п и л о г у с

Христе Исусе, Исусе сладчайший,
О якость в любви ко грѣшным множайший.
А так велице грѣшным возлюбилесь,
Же аж до конца оных улюбилесь.
А конца смерти, смерти наиспроснѣйшой,
Смерти крижовой, смерти пакоснѣйшой, —
Ах так округне рачил пострадати, —
Вспомнивши, мусить сердца ся подати,
Что-сь мы юж з жалѣм многим уважали,
Невинной смерти горко ся плакали.
Тепер, наконец, на раны взбираем
А чюдячися так в собѣ внимаем:
Почто ти глава тернем увѣнчана,
Быстрыми осты сквозѣ прокопана,
Зѣницы ока в темност премѣнили,
Страшно запали и кровю заплыли,
Уста, которыя правду научали,
Желч, оцет¹ и кровь почто их заляли?
Бок твой пречистый копием пробито,
Кровь и вода восплыла обфито²?
Руки святыя, что пробиты сквозѣ
Острыми гвоздми, такожде и нозѣ,
И все ти тѣло округнѣ зранили,
А на жаль болший нага оставили?
Згола, гдѣ глянеш, кровь всюду стѣкает,
Плоть пошарпана, струпом ся зливает.
Ах мой Исусе! Гды шире внимаем,
Грѣх то наш справил, з жалем визнаваем.
Пыха ты наша тернем увѣнчана,
Высоку умность главу покопала,
Очи безбожна ненависть покрила,
Проклята зайзрость зѣницы затмила.
Бриткое панество чашу наполняет
Оцта и желчи в уста ти вливает.
Руки святыя лакомство прорило,
Тако ж и ноги оно же прибило.
Бок твой пречистый помста отворяет,
А гнѣв на блаженных до сердца пронзает.
Не в стыд нечистота з шат ты обнажила,

¹ воцат; ужыта ў сэнсе «горыч». ² багата, шчодрa.

А по всем тѣлѣ округне зранила.
Згола мы тебе на смерть осудили
И здѣ во темном гробѣ положили.
Увы нам грѣшным! Увы нещасливым!
Просим тя, Христе, с плачем жалосливым:
Прости нас, ибо-сь хотѣл пострадати!
Да самый смерти будем благодати.
Прости нас, прости! Се главы склоняем
И вас, слухачов, до того ж вzywаем.
Ближей ко гробу з жалем приступите,
Страсть, смерть господню набожнѣ внемлите!
А так той народ, которыя были
При крестѣ и смѣртъ господню видѣли,
Билися в перси, богом визнавали,
З жалосным сердцем в дома ся вертали,
Так и вы днесъ смерть господню внимайте,
Биюще в перси, слезы проливайте,
И плоть святую з вѣрою лобзите,
З жалем сердечным в дома отходите.
А гды з вас кожды плоть святую лобзает,
Пѣснь нагробную даст нам спѣвает¹.

СТИХИ УТѢШНЫИ К ЛИЦУ ЕДИНОМУ

Кто хочет людей на свѣтѣ познати,
Изволь о умных мене вопрошати.
Сам я не дурак, да блюдусь сказати,
Чтоб мене вверху не хотѣли взяти.
Видете мене, как я муж отраден,
Возростом велик и умом изряден?
Кто ся со мною может поровнати,
Развѣ из мертвых Голиафу встати?
Ума излишком, аж нѣгде дѣвати, —
Купи кто хочет, а я рад продати.
Вся глава умом велми ся наткана,
А мозгу мало, что мѣста не стало.
Времем сквозь нос разум вытекает,
Да Семен умен — языком приймает.
А сколько силы, не мѣжно сказати:
Лва на бумагу мощно мнѣ раздрати.
Другий то Сампсон, да нет с ким побится:
Кого вызову — всяк мене боится.
Да кто с богатыром боротся посмѣет:
Мечем, пистолми — все Семен умѣет.
Мнози видают, как сильно борюся,
Когда с рубашки в вечер раздегнуся.

¹ Текст пададзены ўпершыню па рукапісу № 731, лл. 18—27.

Не один недруг тогда погибает,
 А кровь от ногтей и в очи плискает.
 По такой битвѣ, рад я спочиваю
 На мягкой лавкѣ. Так трудов збываю.
 Все мне по мысли. Одно то в печали,
 Что злые людѣ женится не дали.
 Зависть проклята. Гдѣ мене полюбят,
 Там злые людѣ тот час мя разгудят¹.
 Кто таков, как я, — да щастя не многа.
 Оженитя мя, молю вас для бога!
 Ручайте! Есть с чим молодец дороден,
 Есть што есть и пить, и велми заводен.
 Свое полаты за печью имѣю,
 А про богатство хвалится не смею,
 Чтоб вор не окрал. А стану дарити,
 Кто мя изволит скоро оженити.
 И буду ему праведно служити:
 Хлѣб дармо ести и вино добрѣ пити².

[ПРЫВІТАЛЬНЫЯ ВЕРШЫ
 ЦАРУ АЛЯКСЕЮ МІХАЙЛАВІЧУ]

Отрок 1.

Не всегда на воздушъ бывает тма имглистая,
 Аки вставичне³ трвает ноч черно облачистая.
 Але и солнечное променьми коло блистает.
 Затим и самага сияющаго свѣтлость бывает.
 О наставниче наш благочестия и веселия!
 Яко-сь ми заживали жалости первеи велия⁴,
 Так нынѣ нам, зряще тя, монархо, радость ставаает,
 Всѣх албовѣм умилно неметных душа вздыхает.
 И что ж? Нынѣ видим чудо барзо велми дивное,
 Видение же сладкое и всѣм потѣшливое.
 Все красная похвала содержит мене, видечи
 Благочестиваго царя, почести, от всех берѣчи.
 Прагнула тя душа наша, так теж и кости мои,
 Як земля прагнет до вда в горячо лѣтнии знон.
 Ни един покарм и напоѣ тѣлу так не смакует,
 Як упритная душа, видячи тя, роскошует.
 Спѣвати православному кажетъ мнѣ сердце царю,
 Так и язык великому князю и государю
 Берет слова и новии стихи содѣловает,
 Лѣдвѣ писар пером писмо прудко так выливает.

¹ зганьбіць, абгаварыць. ² Тэкст пададзены ўпершыню па рукапісу № 731, л. 97.
³ пастаянна, заўсёды, стала. ⁴ многія.

Отрок 2.

Здрав буди и многолѣтен царю! Я тебе сладкими
Не забуду нѣгды въсхваляти вѣршми моими.
И по их ми едно во памяти родится мова,
Честныи будут от мене завжды о тебѣ слова,
Возлюбил бо еси справедливость, царю, святую,
А маеш в ненависти безбожность всю проклятую.
Прото ты значною вседержитель бог над иные
Почтил повагою як цари, так в роли многие.
Припасан ти по бедрѣ благословением кованый,
Добрый воине Христов, от всюду меч наостренный.
З духа святаго зброя твоя и мечь устроенный
И пламенем ест божественным ест распаленный.
Славный и непорочный с тым ся ты рушаеш смѣле
И громиш оным богопротивных снадне умѣле.
Правда и человѣколюбие твои воз справует,
А броздами вѣра, надежда и любовь шафует¹.
За их поводом, о православный наш государю,
Простуеш нам гостинец² к вышнему нашему царю.

Отрок 3.

Нехай ганбу отнесут, нехай же и погибают,
Которыи издавна упадку церкви шукают.
Дай боже за твою взгарду и всѣ зганбены были,
Упадок хвалячи, мовячи, — Так мы хотѣли.
Благочестивым бог дай дний заживали,
Истинну божию всегда смѣле теж визнавали.
Радуйся бѣлоруская земля, иж упадают
Ереси в тебѣ, през Алексея преч ищезают,
А церков Христова в покою днесь заставае.
Всѣх врагов церковных православный цар
побѣждает.
Днесь³ вы, церковныи гонители, покорѣтесе,
Православному царю всѣ шире поклонѣтесе.
З православными ся поеднавши добре живѣте,
Гонитие на церков ляхи⁴, вниати⁵ юж престанѣте.
За нас ся и церков православный цар заставляет
И вас, во покутѣ приходячих, к себѣ принимает,
Бо кгда ж ест зѣло милосердный и христолюбивый,
Злостей ваших прежних непомнячий, бо
милостивый.

¹ раздае, дорышь. ² дарогу. ³ сѣння, цяпер. ⁴ зняважлівая клічка палякаў.
⁵ уніаты.

Злая помышления от сердца преч отришѣте,
Абысте на церков гонения венц¹ не чинили,
Но с нами православными в вѣрѣ единой жили.
Православному теж Алексею царю радѣте,
А здравия своего за его всѣ не щадѣте,
За что не токмо тут, на земли, воспримете славу,
Но в царствѣ небесном имѣти будете похвалу,
Которого яко правѣрным имѣти желаем,
А православному царю лѣт многих восприсяем.

Отрок 9.

И вам, бояром, да дасть господь бог многая лѣта,
Бысте возлюбленный Израиль новаго завѣта
Противо новых фараонов, врагов своих, стасте,
Велия труды, яко той, на войнѣ подъясте.
Вы есте воинове царя, россом избранное
И богом небесным в силѣ теж его посланное
Противо народов свирѣпых, наших губителей,
Горделивых, гнѣвливых, а злых церкви гонителей.
Вы на тую войну, бояре, былисте готови,
За вѣру з смѣлостію пойшли, яко дѣти лвовы,
Не убоястеся ничего на той войнѣ злого,
Огнем дышуци Параклита, духа пресвятого.
Ревностию любви божей крѣпко запалены
А в силѣ его божественной были поставлены
Противо всего их злосливого ополчения.
Не устрашистеся мечнаго оных сѣчения
Мечов их еретыцких, на ся в войнѣ обнаженных.
Не убоястеся и кулей, огнем распаленных,
За вѣру благочестивую и церков. Страдати
Изволисте. Мы вас за то будем выхваляти.

Отрок 10.

Вы з неволи увесь русийский народ свободили
И ереси из земли давной русской скоренили.
Добрая ж то по вѣрѣ война, боярове, ваша.
Дай, Христе, боже вѣчный покой! Радость то ест
наша.

А чтосте в войнѣ ризы своя в кровѣ фарбовали,
За тое в небѣ коруну тем себѣ зготовали.
А котрый кров свою за церков и вѣру проливал,
За то небесное дѣдництво себѣ зготовал.
А которых в землю тѣла в войнѣ покровены,
Вѣруем, иж небеса суть им отворены.

¹ больш.

Пред твоим царским величеством и всѣмъ воздаваем
Вамъ за выше не тескливое теперъ выслуханье,
Зъ разрадованною душею чинимъ декованье¹.

СТИСИ КРАЕСОГЛАСНИИ КО ПРЕСВѢТЛѢЙ-
ШЕМУ САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ
ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСИЮ МИХАЙЛОВИЧЮ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ
И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ.
ОТРОКИ ГРАДА ПОЛОЦКА, ПРИТЕКШИМИ
ВО ЦАРЬСТВУЮЩИИ ГРАДЪ МОСКВУ, ГЛА-
ГОЛАННИИ ВЪ ЛѢТО ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА
СЛОВА 1660, МѢСЯЦА ИАНУАРИА 19 ДНЕ

1.

Радости сердце мое исполнися,
Яко предстати тебѣ приключися,
Богомъ намъ даный православный царю,
России всея вѣрный гасподарю!
Яко бо солнце весь миръ просвѣщаетъ,
Сице² во сердцахъ радость проникаетъ
Отъ лица царска. Тѣмъ же припадаемъ
Къ стопамъ ти, яже лобзати желаемъ.

2.

Лобзаемъ вѣрно крѣпку ти десницу³,
Юже имамамы за свѣтлу денницу,
Царю восточный, царю странъ премногихъ,
Насъ избавивый отъ противникъ многихъ.
Прогнавы мрачныя зъ Руси еретики,
Буди жъ въ побѣдахъ преславенъ во вѣки!
Царствуй надъ всѣми вселенныя страны,
Изъ языкъ мрачныхъ твори христианы.
Разшири вѣру, свѣтъ омрачнымъ буди,
Иже во смертнѣй сѣни⁴ гибнутъ люди.

¹ Тэкстъ пададзены на рукапісу № 731, лл. 288—292. Гэтыя вершы С. Полацкага, паводле сцверджання І. М. Тарабрына (гл. Протокол 38 заседания Славянскай Комісіі Імператорскаго Масковскаго Археаграфіческаго Общества от 23 февраля 1899 г.), з'яўляюцца другой тэкстуальна адметнай перапрацоўкай тых прывітальных вершаў, якімі С. Полацкі разам са сваімі вучнямі Богаяўленскай брацкай школы сустракаў цара ў г. Полацку 5 ліпеня 1656 г. Першапачатковы тэкст тых вершаў («метраў»), складзеных некалькімі асобамі і канчаткова адрэдагаваных С. Полацкім, знаходзіўся ў рукапісу № 1800 былой Маскоўскай Сінадальнай Друкарскай Бібліятэкі. У канцы ХІХ ст. або пачатку ХХ ст. рукапіс гэты дзесьці згубіўся, і мы цяпер не маем магчымасці дакладна высветліць, у якой ступені С. Полацкі перапрацаваў першапачатковыя «метры». ² так, гэтак. ³ правая рука. ⁴ прытулку.

Настави на путь заблуждших ко аду,
Даждь обиженным щедрую отраду.
Дабы им с нами сице воспѣвати:
Много лѣтъ царю дай бог царствовати!

3.

Кто не весело в солнце возглядает,
Егда от него просвѣщен бывает!
Из красны весны кто не веселится,
В ню же благ всяких много исполнится!
Солнце твое нам зрится лице быти,
Пресвѣтлый царю! В твоём свѣтѣ жити
Всегда желаем; в твоей благодати
Скуднии будут изобилувати,
Як в веснѣ красной. Тѣм же веселуем,
Егда прекрѣпку десницу цѣлуем,
Ей же от бога молим быти данным
В державу вѣчну всѣм скипетром странным.

4.

День есть веселый, день превожделенны,
Вонь же предстати тебѣ сподобленны
Мы, твои раби, и десну лобзати,
Веселым сердцем сице цѣловати:
Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
Гдѣ солнца запад и встает откуду!
Подай ти господь во мирѣ сияти,
Второму солнцу, всѣми обладати,
Дабы тобою мрака избѣжати
Всим родом земли и вѣру познати.
Буди Константин и Владимир миру,
Сотри кумира и прослави вѣру.
Подай ти господь миром обладати,
А в вѣк будущий в небѣ царствовати.

5.

Уста вѣтійска глагола лишатся,
Радости нашей егда присмотрятся,
Юже с твоего лица изчерпаем,
Яко ты здрава, крѣпка соглядаем.
Пресвѣтлый царю и непреборимый,
В кончинах земли ужасна славимый,
Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
Сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
Земля и море, аер исполнь ея,
Буди ж и в небѣ глас славы твоея.

6.

Коль чысло много звѣзд пресвѣтлых в небѣ,
 Вся солнца свѣтом украшают себе;
 Сице на земли всея Руси грады
 Чрез тя сияют, приемлют отрады.
 Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца,
 Свѣти ж нам всегда и будь оборонца
 От всѣх противник, иже поношаху
 Благочестивым и зѣло стужаху.
 Буди милосерд к державным ти градом,
 Яко обыче отец своим чадом.
 А мы вси молим превѣчнаго бога,
 Да даст ти в мирѣ лѣта жити многа.

7.

Мойсий иногда на гору високу
 Возшед бѣ с творцем миру прешироку
 Бесѣдова с ним, потом же оттуду
 Повращен, лучми сияя повсюду.
 Мы твоей воли царстей послушливы
 Здѣ притекохом, чаем, яко и мы
 Лучми твоея будем благодати
 Возвратившеса изрядно сияти.
 Прочним дабы по нас ревновати,
 Под твою милость всегда прибѣгати,
 Ея же ради милость ти от бога,
 Молим, да дасться на лѣта премнога.

8.

Солнце на землю не само дѣйствует,
 Но и луна с ним много изводствует.
 Ты, царю, солнце, а луна Марія
 Царица. Ея лучами Россія
 Премного свѣтла и в нуждах охладу
 Во скорбѣх скору приемлет отраду.
 Ея молбами и труды по бозѣ
 Царство и грады состоят премнози.
 Оныя щедрость бога преклоняет,
 Да всѣм милостив и прещедр бывает.
 Тѣм же пред нею главы преклоняем,
 На много лѣта сняти желаем.

9.

Небом Россію нареши дерзаю,
 Ибо планеты в онѣй обрѣтаю.

Ты — солнце; луна — Мария царица;
Алексій свѣтла царевичъ денница,
Его же зари пресвѣтло блистаютъ,
Его бо щастемъ врази упадаютъ;
На имя его вси трепещутъ страхомъ,
Бѣжатъ отъ славы, яко уповахомъ,
А щастѣ ему имать работати,
Многя страны в область подавати,
Дабы яко солнце денница свѣтила,
Славою концы земли исполнила.
Утро денница обыче сияти,
О дни будущемъ благовѣствовати.
Во малѣ дастъ богъ день пресвѣтлый будетъ,
Егда денницы свѣтлости прибудетъ
В многихъ побѣдахъ на вси страны свѣта,
Точию дай богъ многа ему лѣта.

10.

Зѣло Россія в свѣтила богата,
Як звѣздами небо; сице в ней полата
Царска сияетъ царевенъ лѣпотами,
Звѣздамъ подобныхъ всими добротами.
Спросить бы солнце, аще видѣ ровну,
Яко Ирину в Руси Михайловну;
Ей подражаетъ благородна Анна,
В единыхъ стопахъ с нею Татианна,
Царя Михайла дщи Федоровича,
Царствъ многихъ и князствъ истинна дѣдича.
Что Евдокиа з Марфою сестрою
Есть в русскомъ свѣтѣ, аще не звѣздою!
Равнѣ Софіа имать возсияти,
Екатерина такожъ з благодати
Дателя всѣхъ благъ. Твоя дщери, царю,
Возрастъ приемше по вышняго дару.
И нова свѣтлость новонарожденна
Просвѣтитъ сей миръ Мария царевна.
Вси бо суть свѣтъ намъ. Тѣмъ же молимъ бога,
Да соблюдетъ я на лѣта премнога.

11.

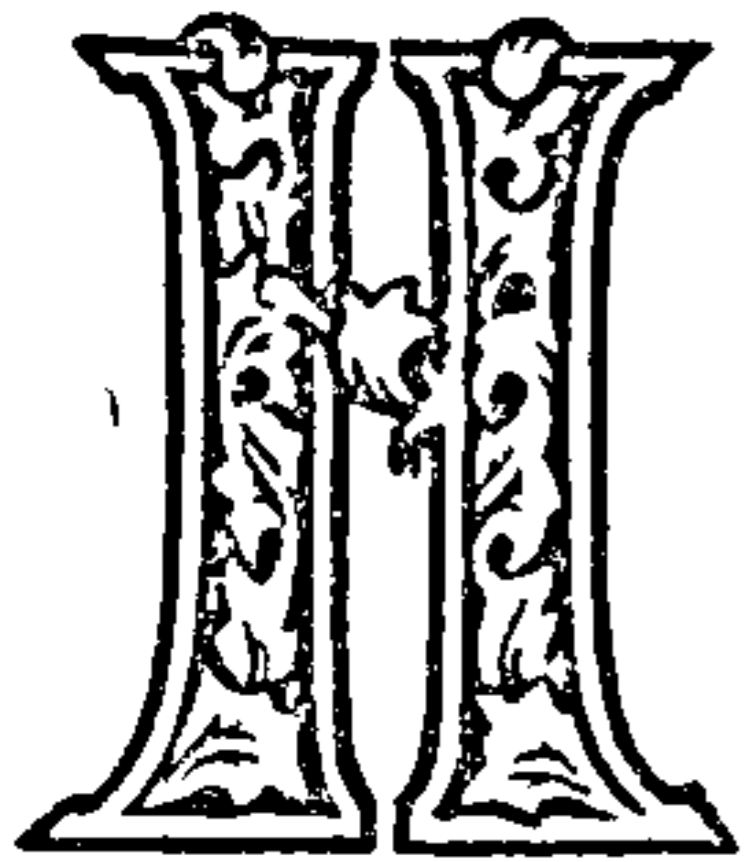
Еще свѣтила и азъ усмотряю,
В нихъ же солнечну силу обрѣтаю.
Князи, боляре не мрачно сияютъ,
Егда ти царску волю исполняютъ.
А зари свѣтлы в онѣхъ суть тобою,
Яко же солнцемъ в звѣздахъ со луною.

Къ тому не мала суть свѣтила власти,
Иже о твоёмъ молѣбствуютъ щастіи.
Да побѣдитель будешьъ всего мира
И да исполнитъ миръ тобою вѣра.
Всімъ того дѣля сердца привѣтствуемъ,
На многа лѣта жити усердствуемъ.

12.

Ничто во мирѣ лучше, яко глава
Крѣпкаго тѣла, егда умна, здрава:
Вся тамо чинна бывають строенна,
Идѣ же глава умомъ есть бодрственна.
Велие тѣло славная Россія,
Ты еси глава, царю велий, сия;
Глава же честнымъ каменемъ вѣнчанна,
Волею бога на царство созданна.
Тобою тѣло царства окормися,
Умомъ и храбрствомъ вѣсюду прославися.
Блаженный градъ сей, царство все блаженно,
Яко тобою зѣло укрѣпленно.
Удобнѣй да есть солнце сострѣляти,
Нежели градъ сей богомъ хранимъ взяти
Боготпротивнымъ: кто любо на тебе,
Прекрѣпка царя, вооружитъ себе!
Богъ есть съ тобою, съ нимъ буди царь свѣта;
Царствуй надъ людми, имъ же многа лѣта¹.

¹ Тѣхст пададзены паводле выдання І. П. Яроміна (гл. Труды отдела древне-русской литературы, т. VIII, изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стар. 357—361).

ПАЛІТЫЧНАЯ САТЫРА

апружаная вызваленчая барацьба беларускага і украінскага народаў у канцы XVI і пачатку XVII ст.ст. стварыла спрыяльныя ўмовы для ўзнікнення ў літаратуры новага жанра — жанра палітычнай сатыры, накіраванай супроць іншаземнага засілля. Засілле гэта ў тых часы, з прычыны агрэсіўнай польскай шляхецка-каталіцкай палітыкі, было вельмі моцным ва ўсіх сферах эканамічнага, палітычнага і духоўнага жыцця Беларусі і Украіны. Яно абражала пачуццё нацыянальнай гордасці беларускага і украінскага народаў.

Да нашага часу літаратурных помнікаў гэтага жанра захавалася вельмі мала. Адным з такіх цікавых помнікаў беларускай палітычнай сатыры XVII ст., якому ўсё-такі пашанцавала дайсці да нашага часу, з'яўляецца славутая «Прамова Івана Мялешкі, кашталяна смаленскага», выказаная быццам бы на Варшаўскім сейме 1589 г. у прысутнасці караля Сігізмунда III Вазы.

Па свайму зместу «Прамова Мялешкі» — гэта пародыя на сеймавую прамову, зостры палітычны памфлет, сатыра на грамадска-палітычныя парадкі, якія панавалі ў тагачаснай Рэчы Паспалітай і прывіваліся ў Беларусі і на Украіне нямецкімі і польскімі прышэльцамі, сатыра на норавы прышэльцаў і іх паслядоўнікаў з ліку найбольш заможнай і апалчанай беларускай і украінскай шляхты.

Упершыню гэты цудоўны твор быў надрукаваны ў 1819 г. польскім гісторыкам І. У. Нямцэвічам у зборніку «Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce» (т. 2, стар. 341—344) лацінскім алфавітам па спіску бібліятэкі графа Серакоўскага. У 1851 г. гісторык польскай літаратуры М. Вішнеўскі ў т. VIII сваёй гісторыі польскай літаратуры надрукаваў другі спісак гэтай «Прамовы» па рукапісу шчорсаўскай бібліятэкі Храбтовічаў. У 1865 г. «Прамова» была надрукавана М. І. Кастамаравым кірыліцай у другім томе «Актів, относящихся к истории Южной и Западной России» па невядомаму спіску, але блізкаму да таго спіска, які надрукаваў у свой час Нямцэвіч. У 1926 г. сярод папер Турава-Пінскай архіепіскапіі была знойдзена і надрукавана трэцяя пашыраная рэдакцыя «Прамовы», запісаная ў свой час стражнікам брэсцкага ваяводства Міхалам Бельскім.

Наяўнасць трох рэдакцый «Прамовы» сведчыць аб тым, што яна была папулярным для свайго часу творам і бытвала ў шырокім коле насельніцтва, дзе падвяргалася пераробкам і дапаўнялася рознымі гумарыстычнымі падрабязнасцямі. Відаць, што спіскаў «Прамовы Мялешкі» ў свой час было многа, але далёка не ўсе яны захаваліся.

Аўтар «Прамовы» невядомы. Меркаванне Д. І. Даўгялы аб тым, што аўтарам яе быў мазырскі шляхціц Цыпрыян Камуняка, пазбаўлена дастатковых падстаў. Але бяспрэчна тое, што аўтарам гэтай цудоўнай пародыі быў добра адукаваны службовы шляхціц, які дасканала ведаў палітычнае жыццё Рэчы Паспалітай таго часу і быў у курсе нават звычайна каралеўскага двара. Яго абурала ўсё тое, што было непрыемна не толькі для шырокіх народных мас, але і для яго, прадстаўніка службовай шляхты. Па сваіх поглядах гэта быў

патрыёт-дэмакрат, якому былі дорагі радзіма, народ і яго лёс, за паляпшэнне якога ён змагаўся вострым словам сатырыка.

Матэрыялам для «Прамовы» аўтару, відаць, паслужылі ўласнаручныя запіскі мсціслаўскага кашталяна Івана Мялешкі, напісаныя ім пасля Варшаўскага сейма 1609 г. Пасля смерці Мялешкі гэтыя запіскі пад пяром невядомага аўтара ператварыліся ў падложны гістарычны дакумент, прыпісаны Мялешку, прозвішча якога да некаторай ступені адпавядала фрывольнаму, сатырычнаму характару тэксту «Прамовы».

Тэкст «Прамовы Мялешкі» друкуецца па спіску Турава-Пінскай архіепіскапіі, надрукаваным Д. І. Даўгялам у сваім артыкуле «З беларускага пісьменства XVII ст.», які змешчаны ў «Трудах Беларускага государственнаго университета», № 16, Мінск, 1927, стар. 200—205.

[ПРАМОВА МЯЛЕШКІ] ¹

Найяснейшы милостивы королю и на мене ласкавыя панове братя! Выехавши з дому, богу ся помолил, штоб к вам здоров приехал да и вашу милость здоровых огледал.

Пришло мне з вами радити ², а я на таких зьездах николи не бывал и з королем его милостю николи не засьдал. Толко за князей наших, которие королевали и которие воеводами бывали, сэн-тэнтій тых не бывало, правым сердцем просто говорили, политы-ки не знали, а у рот правдою, як солею в очи, кидывали. Скоро ж короли больш немцев як нас улюбили, почали нами шебункова-ти ³, и што старые наши князи собрали, то все немцом роздали нашыя господари. Проч Жикгмонта ⁴ короля! Того нечего и в люди личити, бо Подляше ⁵ и Волынь наш вытратив, ляхом менечися ⁶. Але Жикгимонта первого ⁷, — солодкаая паметь его. Той немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростю велми не любил, а Литву и Русь нашу любително миловал. И горяздо лепш нашие за него ⁸ мевалися хоть в так дорогих свитах ⁹ не хаживали. Другие без ноговиц ¹⁰, як бернардыны ¹¹, гуляли, а сорочки аж до ко-сток ¹², а шапки аж до самого поеса нашивали.

Дай боже и знов такой години приждати и тепер! Я сам коли по домовому вбираюся, то ее милость, пани Мстиславская, мал-жонка ¹³ моя, натешитися и наглядетися на мене не можеть.

Над то вже огледимося на все тое, милостивые панове, и на тую нуждну немецкую штуку, што наброили ¹⁴. А коли ж то у их ¹⁵

¹ Иван Мялешка — сапраўдная гістарычная асоба. Паходзіў ён з шляхецкага кола Слонімшчыны. Службовая біяграфія І. Мялешкі пачынаецца з 23 чэрвеня 1593 г., калі Сігізмунд III даў яму прывілей на пасаду стольніка Гродзенскага павеата. У 1598 г. ён займаў пасаду мазырскага падкаморыя, г. зн. пасаду галоўнага межа-вога судзі. З 2 студзеня 1602 г. Мялешка — маршалак слонімскі. З 1603 да 1610 гг. ён кашталян (камендант, начальнік крэпасці, замка) мсціслаўскі, потым да 1615 г. кашталян брэсцкі, з 1615 г. кашталян смаленскі. Тут ён і памёр у канцы 1622 г. ² распараджацца, раіць. ³ махлярыць, круціць. ⁴ Маецца на ўвазе кароль Сігізмунд II Аўгуст (1548—1572 гг.). ⁵ частка тэрыторыі на захад ад г. Брэста. ⁶ называючы сябе палякам. ⁷ маецца на ўвазе кароль Сігізмунд I Стары (1506—1548). ⁸ у час яго кіравання дзяржаваю. ⁹ адзенне. ¹⁰ штаноў. ¹¹ каталіцкія манахі. ¹² да пятак. ¹³ жон-ка. ¹⁴ надурьлі. ¹⁵ маюцца на ўвазе немцы.

бывало: у сукнях¹ перестых² ходят, а гроши без числа мают, а што городов и мест держать³, то не хыхі⁴. Да он пак⁵ и замешались з нами и горяздо умеют все лихое говорити. Королем, паном и Речи Посполитой як туж было баламутять⁶. А коли сам немчино идет, любо жена его поступаеть — через скурку скрипить, шелестить и дорогим пижмом⁷ воняет. Коли ж до тебе паничик придет, частуй же его достатком, да еще и жонку свою подле его посади. А он сѣдит, як бес надувшись, морокуеть⁸, шапкою, дей, перекривляет и з жонкою нашептываеть, дей и в долонку сробеть⁹. Да коли ж бы гетакого чорта кулаком в морду, или по лицом, по хрибте, так што бы король, его милость, не слыхал! Нехай бы морды такой поганой не надымал.

Помню я короля Гэнрика¹⁰, который з заморской, немецкой, стороны, был, да зрозумел, што мы ему не много давали шебунковати, а немци его не велми перекриковали, так он, познавши, што то не штука, да и сам никому не оказавшись проч поехал. Аж в свою сторону, аж за море скинул.

Кажучи правду, не так виноват король, як тые радные баламуты¹¹, што при ним сидят да крутят. Много тутako таких ест, што хоть наша костка, однак собачим мясом обросла и воняет! Тые, што нас деруть, губять радные! А за их баламутнями нашинец выживитися не может, Речи Посполитую губят! Волянь з Подлясем пропал нам! Знаю, нам приступило, што ходим как подѣвареные, бо ся их боимо, правды не мовимо, еще з подхлѣбными¹² языками потакаемо. А коли б такого бѣса кулаком в морду! Забыв бы други мутити!

И то, милостивые панове, не малая шкода, слугы ховаемо ляхи. Давай же ему сукню хвалендыфзовую, корми ж его сластно, а з их службы не пытай. И толко убравшисе на высоких подковах до девок дыбле¹³ и ходить з великого куфля трубить. Ты, пане, за стол, а слуга лях себе за стол. Ты борщик, а слуга лях на покутнику штуку мяса. Ты за фляшу, а он за другую, а коли слабо держиш, то он и з рук вырветь. Толко пилнуеть: скоро ты з дому, то он молчком приласкает ся до жонки. И такого чортополоха з немцами выгнати, што до нас влезъли противко праву нашому. Од их милостей, панов ляхов, гинуть старие наши поклоны смоленские!¹⁴ Передирайте очи лепше о инфлянты¹⁵, бо тые мечники как влезуть, то их и зублем¹⁶ не выкуриш, як пщолы од меду.

Але здармо поговорили есмо о разных наших утратах. И то не малая штука¹⁷ — кони дрыганты¹⁸ на стайни ховати! Давай же им

¹ адзенні. ² тонкага каляровага бацісту з дробнымі кветкамі. ³ трымаюць пад уладай. ⁴ аб тым нечага размаўляць. ⁵ яшчэ. ⁶ збіваюць з толку. ⁷ мускусам, парфумай. ⁸ трымае думку аб ганебным. ⁹ скрабе. ¹⁰ Генрых Валуа, польскі кароль з 11 мая 1573 г. да 17 чэрвеня 1574 г. ¹¹ ветрагоны. ¹² ліслівымі. ¹³ крадзеца. ¹⁴ З тэксту «Прамовы» не зразумела, аб якіх «паклонах смаленскіх» ідзе размова. ¹⁵ прыбалтыйскія немцы. ¹⁶ дымаром. ¹⁷ справа. ¹⁸ скакуны.

в лето и в зиме овес и сено, подстилай же их на ноч, ховай же для их слугу ляха, конюшого и машталера¹, а з них жадное² службы не пытай. А коли ж еще лях, як жеребец, рже коло девок, как дрыгант коло кобыл, прими ж к нему двох литвинов на страж; бо и сам дидко не упилнуеть!

И то на свете дурнина — годинники! Мне притрафилосе³ на тандете⁴ в Киевѣ купити. Дали есмо за его три копы⁵ грошей, а як есмо послали до Вилни на направу, ажно на пятую копу крутить злодей заморщик! Добры то наш годинник — петух, што нехыбне о полночи кукаракуеть.

И то велми страшная шкода — гологуздые кури ховати, их достатком варити и инные пташки смажити. Торты тые цинамоном, микгдалами⁶ цукровати. А за моей памети присмаков тых не бывало. Добрая была гуска з грибѣками, качка з перчиком, печонка з цыбулею или чосныком. А коли на перепышныя достатки — каша рижовая⁷ з шафраном. Вина венгерского не заживали перед тым. Малмазию⁸ скромно пивали, медок и горилочку дубали, але гроши под достатком мевали. Мури силныя муровали и войну славною крѣпко и лучшей держали как тепер.

И то не до речи⁹: в богатых сукнях пани ходять! Не знали перед тым тых португали или фортугали¹⁰. А подолок рухается, а коло подолка чепляется. А дворанин в ножку, как сокол, загледаеть, што бы где щупнути солодкого мяса. Я ж радил бы, нехай бы белофонки нашия в запинаныя давныя убералися козакины, шнурованыя на заде носили розѣпорки, а к тому, што бы з немецѣка заривали плюдрики¹¹: не так бы скоро любителну скрадывали бредню. А тепер хотя з рогатиною на варте стой, в живые очи такого бѣса не упилнуеш.

Далей о чим радити, не знаю. То вашей милости припоминаю, што бы завсегда сколко сенаторов и панов литовских при королю его милости было, был бы и я. Толко королевщины¹² не маю, бо перед другими не схопил. А што есмо казали, все правда. А Уршулю¹³, королевну его милости, миленко в ручку поцаловали, как и другие малодшыя сенаторчики. Не дивуйтеса, милостивые панове братья! Вѣк вѣком сказываеть: сивизна в бородѣ и чорѣт в лидѣвах¹⁴ за поесом. На хорошее видане ставку купил.

Не толко в Смоленску, але и в Мозыру увесь повет о том давно радил, кого бы мудрого на той зѣзд к той сентентии выправи-

¹ страмяннога, г. зн. аб'ездчыка. ² ниякай. ³ здарылася. ⁴ на кірмашы. ⁵ три капы адпавядае ліку 180. ⁶ міндалямі. ⁷ рысавая. ⁸ вельмі каштоўнае заграничнае віно. ⁹ непаразуменне. ¹⁰ залатых медальёнаў. ¹¹ штаны, нагавіцы. ¹² зямельны надзел з каралеўскага фонду. ¹³ Уршуля Мейер — вядомая фаварытка караля Сігізмунда III Вазы, з'явілася пры двары караля каля 1608 г. Яе ўплыў у прыдворных сферах пачаўся пасля 1614 г. і ў хуткім часе стаў неабмежаваным. ¹⁴ у бѣдрах.

ти менѣ вѣдомого¹ до вашей милости послали, и што бы, бог дал, уметн перед королем его милостию и вами, панове братья, одкрыти наше рады.

Сказал бы хто з вас лучшей, толко не баламутячи, то и я на том перестану.

[ЛІСТ ДА АБУХОВІЧА]²

Ліст да Абуховіча, як і «Прамова Мялешкі», з'яўляецца літаратурным помнікам жанра палітычнай сатыры XVII ст. Але ў параўнанні з «Прамовай» гэта сатыра вузейшага маштабу. Сатырычнаму паказу падпадае тут толькі адзін бок тагачаснай рэчаіснасці польскай дзяржавы, менавіта, амаральнасць і прадажнасць службовай шляхты, яе бяздарнасць у дзяржаўным кіраванні, асабліва ў ваеннай справе, якая была яе манаполіяй. Вось чаму аўтар «Ліста» далёкі ад тых радыкальных вывадаў у сваёй сатыры, якія робіць аўтар «Прамовы Мялешкі». Яго палітычныя ідэалы неакрэсленыя, а таму тут і не вызначана тое, за што ён змагаецца вострым словам сатырыка. Аўтар толькі развенчвае ваенны талент свайго героя і падае яго ў камедыйным плане на суд грамадства. Ствараючы вобраз Абуховіча, ён не паскупіўся на сатырычныя фарбы і згусціў іх да гратэску, выкарыстаўшы ў гэтых мэтах багаты арсенал беларускага фальклору, з якога ён браў з'едлівыя і трапныя прыказкі і прымаўкі. А гэта сведчыць аб тым, што аўтар «Ліста» быў добра адукаваным для свайго часу чалавекам, які ведаў не толькі літаратуру, але і фальклор і ўмеў карыстацца яго сродкамі ў сваёй творчасці. Імя яго нам невядома. Меркаванне ж Д. І. Даўгялы аб тым, што аўтарам «Ліста» трэба лічыць Цыпрыяна Камуняку, патрабуе яшчэ больш пераканаўчага абгрунтавання.

Як і «Прамова Мялешкі», «Ліст да Абуховіча», дзякуючы сваёй сатырычнай накіраванасці супроць польска-шляхецкай улады, карыстаўся выключнай папулярнасцю сярод беларускага народа. Яго читалі і перапісвалі, аб гэтым сведчаць тыя спіскі гэтага твора, якія захаваліся да нашага часу, менавіта: 1) «Віленскі спіс», 2) «Адэскі спіс» і 3) «спіс Кракаўскай бібліятэкі». Першыя два надрукаваны Д. І. Даўгялам у «Трудах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» (№ 16, Мінск, 1927 г.), дзе «Віленскі спіс» пададзены ў розначытаннях да «Адэскага спіса».

Мы падаём тэкст «Ліста да Абуховіча» па фотакопіі «Кракаўскага спіса», якую нам прадставіў ст. выкладчык Мінскага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага кандыдат філалагічных навук П. Ф. Крапівін, лацінская транскрыпцыя тэксту заменена кірыліцай.

¹ вядомага. ² Піліп Казіміравіч Абуховіч — асоба гістарычная. Паходзіў ён з буйнай шляхты Мазырскага павета. У свой час закончыў Замойскую акадэмію і праславіўся як выдатны прамоўца. Пісаў і друкаваў вершы на лацінскай мове. У 1632 г. Абуховіч быў дэлегатам на сэйм ад Мазырскага павета. З гэтага часу ён неаднаразова быў паслом ад розных паветаў і выконваў розныя дыпламатычныя даручэнні ўлады. 25 верасня 1653 г. атрымаў ад польскага караля пасадку смаленскага ваяводы, а 23 верасня 1654 г. смаленскі гарнізон добраахвотна здаўся Маскве пасля 110-дзённай аблогі. Гэта парабіла шмат непрыемнасцей Піліпу Абуховічу. Грамадская думка проста абвінаваціла яго ў здрадзе Рэчы Паспалітай. Супроць яго была ўзбуджана сеймавая справа, якая ў 1658 г. скончылася пацвярджэннем нявінанасці Абуховіча ў справе здачы Смаленска рускім войскам. Але сам Абуховіч да гэтага часу не дажыў. Ён памёр 6 верасня 1656 г. Зыходзячы з гэтага, час узнікнення «Ліста» трэба аднесці да 1655 г. Справа Абуховіча была ўзнята на сейме 19 мая 1655 г.

Милостивы пане Обухович, а мой ласкавы пане! З умыслу моего посылаю служку нашего давного, пана Иоахима Говорку, обещывшы доброе здравие Вашмосци¹ чыли нездравие, в яким тот час господь ховать рачыт² после того перепуду³ московского. И я так знаю, што нудно Вашмости на жываты⁴.

Не гневайтсе, Твоя Милость, на мене, што тытулу воеводского не доложыв. Написавшы б я воеводою смоленским, то бы я солгав; написавшы б опять безвоеводским, то бы се Вашмость гневал, хоць не за што.

Я так разумею: коли Смоленск оддали, то и тытул продали. Много людей об том звещали, што люде и грошы побрали. Лепей было, пане Филипе, седзець табе у Липе⁵. Увалявся есь в великую славу, як свиня у грась, горш то ся стало, коли хто упадзе у новом кожусе у густое болото, у злом разуменю, у обмовах людзких и у срамоти седзиць, як дзяцел у дупли. От нам за тое, што дзешово Москва соболи продавала: всю Русь з людзми одобрала. И то есьмы обачыли, соболие колнеры познавесьмы⁶ зараз, што худо будут бицься нашие жолнеры⁷. А што мы дурные у кожухах сем лет Смоленска добывали, то вы мудрые у соболях за четырнадцат недель оддали. Боюся вельми, што б за тое баба кому пула не резала!

Об меншую, чаю, вину, — кажут людзе, — Осьцика небощыка⁸ напалохав кат у Вильне, аж мясо его валялося, што одно карточку писав до Москвы неосторожно. Мы и цара в ногу целовали и грошы побрали, а без маль нам тое не минется!

Пан Госевски⁹ не много по-лацинску умев, а з мнейшим¹⁰ людом и апаратом военным и жывностью Смоленска додержав! Мудрость велика, — кажут люде, — як свини. Кали много ей кто зажывает, той ничего не дбает. А кали человек надто кусит — и постягнут¹¹ мусит и хвосту бывает непокой. Зофия-филозофия радзила¹² седзець высоко, говорит глыбоко. Куделя, пане, — жыноцкая реч, да што б пекла горазд оладки. Ест у мене старые книги у новом

¹ ваша міласць. ² пажадае. ³ перапалоху. ⁴ у жыцці, на сэрцы. ⁵ Ліпа — вёска над р. Сноўкай у 10 км ад станцыі Гарадзея, была старадаўняю ўласнасцю рода Абуховічаў. ⁶ мы пазналі. ⁷ салдаты. ⁸ Маецца на ўвазе Рыгор Юр'евіч Осцік, які быў пакараны смерцю ў 1580 г. у Вільні за пісьмовыя зносіны з маскоўскім баярынам Нашчокіным, як дзяржаўны злачынца, які быццам бы дамагаўся далучэння беларускіх зямель да Рускай дзяржавы. ⁹ Размова ідзе аб смаленскім ваяводзе Аляксандру Корвіну Гансеўскім (1625—1639), які асабліва праславіўся сярод польскіх магнатаў і шляхты ў 1632 г., калі абараняў Смаленск, абложаны рускімі войскамі Шэйна. ¹⁰ месяцаў Гансеўскі трымаўся, пакуль каралевіч Уладзіслаў не з'явіўся яму на дапамогу. ¹¹ меншым. ¹² па сэнсу павінна быць «пастагнаць». ¹² давала параду, раіла.

кути. Завсюды я там много вычитав жоноцкой псоты, яковых з ума зводзяць людзи мудрых, многих и святых, а што б пак нас грешных к лиху не привели.

А коли б дотуль Вашмость писаром¹ быв, то б человеком слыв. И того б з нас годи² было за нашое лихое шалбёрство³. Показуюць людзе и тое на Вашмостей, якобы до вымыслення подымнаго⁴ никто не быв прычыною, только Вашмость, которым выкурыли наших мужыков, як воробьёв з веников. Без мало: з мудрых ораторов не будет много ратаёв⁵. Послом зоставшы много правды не говорите, толко берете копы⁶. Депутатом копы, комиссаром копы. А тые копы пострыгут не одного в хлопы⁷, а пан нет ведома гдзе будет. У Гданьску есть там кому вал сыпати и без нас.

Што люде старые мовили, то все правда. И горазд у памяти маю, коли быв пан Мелешко, кашталяном смоленским будучы, на сейме. И я на тот час за ним з кордиком⁸ стояв, як мова в тые слова была: «Панове! Кажу Вам правду. По вельми мудрых людзях ничто на свети готая худела⁹, що з болота чыницъ золото, а з золота болото своими шалберскими мовами и дышкурсами¹⁰. И он пан з прауды непрауду зробив, а што бы е убогих людей не миль ошукав и в блазны пострыгли¹¹. Але поколь он того докажет, сам кепом¹² зостанет. Надувся в сенате, як петух галагуски, а правды не пытай. Усё баламутня. З уткою¹³ дерзыт «так, так, так», а коли мовит тое¹⁴ «не так», и писнути не хочет».

Не боявся так короля Егомости¹⁵ Зыгмунта¹⁶ и усех сенаторов, а ни умев болей ено¹⁷ Часовник¹⁸ и Псалтыр почицаць!

По многих книгах зблудився теперычны розум, як коза по лесе. А на прауду святую ни од кого ока здорового нет. Одно баламутня. И сами погибнут и нас погубят. Кожден мости, пане, ужыват буде. А какая такая особка, таки ж и поп человек!

Циунец¹⁹ мой з рыкунею²⁰ быв з сынами²¹ на торгу у лонной маетности²² моей. Чув од когось и то мене звестив, што ляхы²³ на Вашмости вельми позакарычывали хвосты²⁴. Одно б только сейм дошов, альбо оны быв хочут Вашмости о тое турбоват. Не кеп-

¹ Маецца на ўвазе пасада пісара Вялікага княства Літоўскага, якую Піліп Абуховіч займаў у 1651—1653 гг. ² досыць. ³ махлярства, ашуканства. ⁴ від падатку ад коміна. ⁵ земляробаў. ⁶ лічба, роўная 60. Тут «копы» ўжыта ў сэнсе «хабар». ⁷ халопы, рабы. ⁸ шабелька. ⁹ «готая худела» — сэнс гэтага выразу незразумелы. Магчыма гэта месца сапсаваў перапісчык, бо ў «Адэскім спісу» яно чытаецца: «гэтая хвіля». ¹⁰ разважаннямі. ¹¹ Тут сапсаваны цэлы сказ, які па «Адэскаму спісу» чытаецца: «а што бы нас, убогих людей, не мелі ошукать и в блазны пострычы». Па «Віленскаму спісу» чытаецца: «штоб нас ошукать и у блазны пострыгтн». ¹² дурнем. ¹³ Па «Віленскаму спісу» чытаецца: «З гурбою». ¹⁴ прапушчана, напэўна, слова «хто». ¹⁵ яго міласць. ¹⁶ Маецца на ўвазе кароль Рэчы Паспалітай Сігізмунд III Ваза (1587—1632). ¹⁷ адно, толькі. ¹⁸ Часаслоў. ¹⁹ «Циунец» — асоба, абавязкам якой было наглядаць за сялянскай працай на паншчыне. ²⁰ жанчына, якая даглядала кароў у маентку пана. ²¹ У «Адэскім спісу» гэтае слова чытаецца: «з сырамі», што больш адпавядае сэнсу. ²² «лонная маетносць», г. зн. нерухомая маёмасць, якая перадавалася ў спадчыну. ²³ зняважлівая клічка палякаў. ²⁴ «позакарычывалі хвосты», г. зн. апалчыліся.

ско! Дай то, боже, штоб ся тое дармо не мишло. И то ли правда, чы ли не, показывають на Вашности, якобы Вашность у два на дзсят сот пехоты зъехав на одзыскане Смоленска. Даремно то, Вашность, старане! Маючы чатырнадсот пехоты до обороны Смоленска людзей зацных и добрых пры жывности и гармате, да не хотев боронити, а тепер только маючы¹; грэблю в маентности Полонной² сыпат позваляю, а³ Смоленска назад одзыскиват!

Ой, пане! годи фронтавитат⁴, як слижа у Немэн упустит. Не заутра ужо тое буде! Минут его и трое люди!

И тое кажут доводне. Во всех штурмах Вашности только одного ткача забито и то не вельми знаменитого. Ктось побрэдил, якобы Вашности воеводство Краковское король Его Милость в нагороду Смоленска мае дати. Боятся ляхы вельми, што бы Твоя Милост венгром оных не продав.

Нешто, пане, сто родом дому деетсяя! Дзед Твоей Милости, коли генералом быв в Мозыру, то, — слышав, — што за малые грошы неправду продавав. Пан отец Вашности, судёю будучы мозырским за моей памяти, у кого больш взяв, того хороше осудив. Коли небощык з тэго света уступив⁵, мозыране вельми рады были! А коли б Вашность догэтуль за правдою ходив, то б и бог помогав!

До души то мени так дивно, што Вашности трыста подвод под одну постель Москва дала! То б гэто не постель была так вельми цяжкая! Хыба каждая перына обернулася в чэрвоныя золотыя? Сяк так нагородився Вашности пуд⁶ московски. Коли б гэтакую кучу «гною» дал вывести из Смоленска Хмельницкому до Чэгорына, и то б не без шкоды было!

Пане! У мене гэтой брэдни ест не мало! Одных перын девят, кром дробных подушек, и то одна кобыла возит, где тэй брэдни потреба!

Меу бы што и болей до Вашности писати, зленивяуся довже и стат не могу. Да не гневай же ся, Господару. А кто ж кого осцережот, коли не милы, давный свой друг?

Датт з Тулян⁷ дня 6-го иулия 1665⁸ року.

¹ У «Віленскім спісу» пасля гэтага слова чытаецца: «дванадзят пехоты». Без такой устаўкі сэнс сказа па гэтаму рукапісу губляецца. ² Маецца на ўвазе в. Палонная, якая размешчана над р. Рутаю (левым прытоку р. Сервеч) па дарозе з Навагрудка ў Карэлічы, у 3-х км ад Карэліч. ³ прапушчана адмоўе «не». ⁴ Тут незразумелае месца ў тэксе «Ліста», мабыць трэба чытаць «франціца», г. зн. паказваць гонар. ⁵ памёр. ⁶ спалох. ⁷ Напэўна маецца на ўвазе населены пункт Тулянін, які знаходзіцца ў 79 км ад г. Слоніма. ⁸ Дата помніка ва ўсіх трох спісах розная. У «Адэскім спісу» ён датуецца «6 юліа року 1655», у «Віленскім спісу» — «6 юнія 1655 году». За дакладную дату трэба лічыць 1655 г. Аб гэтым сведчыць дата вызвалення рускімі войскамі г. Смаленска, менавіта 3 кастрычніка 1654 г. і, што асабліва важна, час смерці самога Піліпа Абуховіча. «Ліст» жа адрасуецца яму як жывому адрасату. Што датычыцца месяца напісання, то хутчэй за ўсё «Ліст» быў напісаны ў чэрвені месяцы, як гэта адзначана ў «Віленскім спісу». Аўтару «Ліста» яшчэ невядома пастанова Варшаўскага сейма ад 19 мая 1655 г. па справе Абуховіча. Аўтар яшчэ толькі паведамляе аб чутках, што Абуховіча збіраюцца судзіць на бліжэйшым сейме Рэчы Паспалітай.

ДРАМАТУРГІЯ

Вострая палітычная барацьба беларускага і украінскага народаў за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне супроць польска-шляхецкага засілля абумовіла шпаркае развіццё шырокай сеткі брацкіх школ у канцы XVI і пачатку XVII ст. ст. З развіццём дзейнасці брацкіх школ як культурных цэнтраў, закліканых даваць адпор езуіцкай прапагандзе, цесна і непарыўна звязана ўзнікненне новага віда літаратуры — драматургіі. Зараджэнне драматургіі пачалося ў брацкіх школах з тых першых інсцэніровак асобных біблейскіх сюжэтаў, якія рабіліся выкладчыкамі рыторыкі і піітыкі ў вучэбна-педагагічных мэтах для школьнага тэатра, дзе акцёрамі былі самі вучні. З цягам часу побач з інсцэніроўкамі біблейскіх сюжэтаў пачалі ўзнікаць і самастойныя драматычныя творы, тэкстаў якіх, на вялікі жаль, да нашага часу захавалася вельмі мала.

Паколькі школьныя драмы, усе без выключэння, насілі рэлігійна-павучальны характар, то яны сваім зместам хутка прытуплялі ўспрыманне глядача. Тады для разрадкі напружанага стану глядача і ажыўлення яго ўспрымальнасці паміж актамі школьных драм устаўляліся асобныя вясёлыя камічныя сцэнкі з жыцця і побыту простага люду. Зместам гэтых камічных сцэнак, атрымаўшых пазней назву інтэрмедый, або інтэрлюдый, у большасці выпадкаў служылі вясёлыя народныя анекдоты. Дзеючымі асобамі іх былі прадстаўнікі «ніжэйшых» слаёў грамадства — сяляне, салдаты, карчмары, царкоўныя вартаўнікі, студэнты, цыганы, рамеснікі і традыцыйны персанаж рэлігійнай літаратуры — чорт, які часам выводзіўся ў інтэрмедыі празмерна дурным. Аўтарамі гэтых інтэрмедый былі ў пераважнасці самі студэнты брацкіх школ.

Не звязаныя арганічна з сюжэтамі школьных драм, інтэрмедыі з цягам часу сталі выкарыстоўвацца вандроўнымі прадстаўнікамі бяднейшай часткі студэнтаў духоўных школ у якасці самастойнага рэпертуару для тэатра, які ў Беларусі атрымаў назву «батлейка», на Украіне — «вертэп», а ў Польшчы — «шопка».

У часы змрочнай каталіцкай рэакцыі, калі сеймавай пастановай 1697 г. беларуская мова была забаронена для пісьмовага ўжывання як у дзяржаўных, так і ў іншых справах, беларуская батлейка сумесна з фальклорам з'яўлялася адзіным магчымым сродкам для развіцця нацыянальнай літаратуры і папулярызавання яе ў шырокіх масах народа. Узнікшы ў XVII ст., беларуская батлейка, па сведчанню Змітрака Бядулі, праіснавала да 1915 г., да сваёй апошняй пастаноўкі ў г. Мінску.

У выніку таго, што рэпертуар батлейкі ў свой час не падвяргаўся літаратурным запісам, да нас не дайшоў ні адзін з батлечных тэкстаў, які быў бы датаваны XVII або XVIII ст. ст. Нават тыя тэксты інтэрмедый, якія знаходзіліся ў рукапісных зборніках школьных драм XVII і XVIII ст. ст. і захоўваліся ў Ленінградскай дзяржаўнай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (маюцца на ўвазе зборнікі школьных драм з рэпертуару езуіцкіх

калегій Q. XIV.10, Q. XIV.12, Q. XIV.18, Q. XIV.30), за выключэннем той невялікай часткі, якая ў свой час была апублікавана акадэмікам Е. Ф. Карскім і праф. А. Брукнерам, загінулі. З 1922 па 1927 г. гэтыя зборнікі разам з іншымі пісьмовымі матэрыяламі, па ўмовах Рыжскага дагавору, былі перададзены Польшчы на той падставе, што яны былі напісаны польскай транскрыпцыяй. А між тым мова інтэрмедый з гэтых зборнікаў, як гэта відаць з урыўкаў, пададзеных акад. Е. Ф. Карскім у яго працы «Белорусы» (гл. т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 215—235), чыстая беларуская, толькі з невялікай прымессю паланізмаў.

Інтэрмедый з езуіцкіх зборнікаў школьных драм насілі характар бытавых замалёвак з жыцця беларускага селяніна, які ў большасці выпадкаў паказваўся ў карыкатурным выглядзе. Гістарычная каштоўнасць інтэрмедый гэтага паходжання заключаецца толькі ў тым, што яны захавалі на сваіх старонках жывую гутарковую мову беларуса ў той час, калі яго мова была афіцыйна забаронена і выціснута з літаратуры польскаю моваю амаль на два стагоддзі.

Адрозніваліся ў гэтых адносінах інтэрмедый, якія ўзніклі ў асяроддзі праваслаўных духоўных школ Украіны. Яны нярэдка адлюстроўвалі класавую барацьбу таго часу і давалі рэалістычныя замалёўкі жыцця тых сацыяльных слаёў, прадстаўнікі якіх выступалі ў якасці дзеючых асоб інтэрмедый. Праўда, збоку мовы гэтыя інтэрмедый прадстаўлялі яшчэ большую стракатасць, чым інтэрмедый езуіцкіх калегій. Кожная дзеючая асоба тут размаўляе па-свойму, адпаведна сваёй нацыянальнай прыналежнасці і сацыяльнаму становішчу. Такая стракатасць мовы гэтых інтэрмедый дае падставу лічыць, што ў напісанні іх прымалі ўдзел як украінцы, так і беларусы, і разглядаць гэтыя творы трэба як частку беларускай літаратурнай спадчыны XVII—XVIII ст. ст.

Пададзеныя ніжэй тэксты інтэрмедый друкуюцца па першавыданнях. У тых тэкстах, якія ўпершыню былі надрукаваны лацініцай, мова дзеючых асоб, што размаўляюць па-беларуску, перакладзена намі на сучасны беларускі алфавіт, але з захаваннем арфаграфіі першавыдання.

[ІВАН І ЦАРКОЎНЫ СТОРАЖ]

Гэта інтэрмедыя з'яўляецца самай старэйшай з усіх беларускіх інтэрмедый, якія дайшлі да нашага часу. Яна служыла ў якасці ўступу да школьнай драмы «Камедыя аб Якаву і Іосіфу патрыярху». Знаходзілася яна ў рукапісным спіску некага Е. Пылінскага з г. Гродна. Рукапіс гэты датаван 1651 г. Пададзены ніжэй тэкст інтэрмедый друкуецца па выданню Е. Ф. Карскага «Белорусы», т. III вып. 2, Петраград, 1921, стар. 215—218.

І в а н.

Панове, што то за дзело будуть тут дзелаці,
Чы не свадзьбу на мейсцу сём будуць скакаці?

A u l i c u s.

Ja wiem, lecz tobie darmo nie powiem, Iwanie¹.

І в а н.

Прошу тебе, скажы мне, мілосцівыі пане.

A u l i c u s.

Jeżeli chcesz, żebyś co się tu dziać będzie wiedział,
Potrzeba, na pytanie byś mi odpowiedział.
Naprzód czemu żydowie kozy rodzi iedzą,

¹ Я ведаю, але табе задарма не скажу, Іване.

Bo tajemnice pewnie te ludzie nie wiedzą¹.

І в а н.

Бацько так мой казывал, цівун вельмі зачны²
І з науки хлубокей, ўсім мужом значны.
Быў ён вельмі ч(уж)эму, вельмі науконы,
І по ўсём нашым селе наукам уставёны.
Умеў ён ганбецадло, панове, цалое,
Як руское, так тэж мудрэйшэ ляцкое.
Тот бывало он о том гэтак людзём кажэць,
Хды спытаюць, чаму жыд кажыну вельмі ядаець.
Колі бог мілосьцівы тварыў сьвят з нічога,
А чловека чыніў з хліны мізэрнаго,
На ўсе іннэй рэчы рок хвят³ творячы,
А біес сен пшыпатровал⁴ господу, стоячы.
Хцел біес себе удзялаты⁵ подобнаго зхола⁶,
Не знаючэ, што сова не родзіць сокола,
Хоцеў мовіць панскога хвят насылядуёнц⁷,
Але вымовіў: хвік, хвік! ашно выскакуёнц⁸
Уйжал⁹ казу з рогамі і з хвостом велікім.
Хоцечы се прыхледзіць пшымётом¹⁰ усякім,
Унял¹¹ казу за еи хвост; каза, как шалёна,
А знаць его рогамі была пострашона,
З велькім пудэм¹² на плоты высокіе скочыла,
Але ему свой хвост ў руках зоставіла.
Ведаеш цепер, чом казы бес хвостуў свых¹³ ходзюць,
А козлята чэму од ніх такіе родзюць.
І для тэго родзі еш казыне жыдове,
Бо так небосчык казаў бацько мой, панове.

A u l i c u s.

Nie pleć, chłopie, żadne nie może z nisczego
Utworzyć nic stworzenie procz Boga Samego.
Odpowiedź że na drugie, chłopie, me pytanie,
Jeżeli chcesz wiedzieć na co ludzi to zebranie;
Co jest Bóg y co jest Ynia chwalebna
I wszystkim odsczepieńcom barzo iest potrzebna¹⁴.

І в а н.

Боріс ест сьветого Мікулы рожоны брат; і коліп бог не быў богом,
то б сьветы Мікула быў богом, а унія ест Пречистой рожоная сестра.
Так мой бацько небосчык староей веры казаў.

¹ Калі хочаш ты ведаць тое, што тут будзе дзеяцца, патрэбна, каб ты мне адказаў на пытанне. Перш за ўсё: чаму яўрэі ядуць рогі казы, бо таямніц, напэўна, тыя людзі не ведаюць. ² высакародны. ³ Сказаў: «fiat». ⁴ А бес (г. зн. чорт) прыглядаўся. ⁵ зрабіці. ⁶ поўнасьцю, зусім. ⁷ наследуючы. ⁸ выскачыўшы. ⁹ убачыў. ¹⁰ прыкметах. ¹¹ схапіў. ¹² спалохам. ¹³ сваіх. ¹⁴ Не пляці, хлопе, ніхто з нічога не зможа ўтварыць, ні адна істота, апрача самаго бога. Адкажы, хлопе, на другое маё пытанне, калі хочаш ведаць, для чаго сабраліся тыя людзі: Што ёсць бог і што ёсць унія хвалёбная і ўсім адшчапенцам вельмі патрэбная.

Aulicus.

Nie mów takich słów, chłopie, bo Bóg nieskończony,
A święty zaś Mikołaj był człowiek stworzony.
Unia zjednoczenie jest wiary prawdziwej,
Lecz nie jest siostra Panny nad wszech dobrotliwej.
Na teś rzeczy nie trafił, chłopie, odpowiedzieć.
Lecz jeszcze tego chcę ja od ciebie dowiedzieć:
Jako rozumiesz, chłopie, czyja lepsza wiara,
Powiedź mi, bo inaczej weźmie cię poczwara,
Jak cię... dym obłożę kiem podle ucha,
Że nie przydziesz do śmierci do dobrego słuha¹.

Іван.

Добра наша вера уніццкая, да такі праўду мовячы лепша ляцкая, та і коняцкая. Бо счо лях або уніат, то панок, а счо усматык², то мужык лядасчо, да што ш такі добро по Сеньку шапка. Мужыком добрая мужыцкая вера, собака зьесьць і бес солі; старая вера наша — праўда то, — да і чорт жэ не молоды, да такі бесу сходзі се, моліўся доўхо богу, да і жыд моліцьсе, да такі бесу ходітсся.

Aulicus.

Jużeś prawdę powiedział, wiedzieć będziesz zaraz,
Co się na tym theatru będzie działo teraz.
Będzie tu komedia o świętym Jakobie.
I o iego iedyney Jósephie ozdobie,
Jako od swoich braciey był w Aegypt przedany,
Jako potym w Aegypcie był od nycn poznany³.

Іван.

А чы будзець жэ чорт з рогамі?

Aulicus.

Będzie у ten, bo bracia na Józepha wzbudzić.
Będzie się starał, oycа do smutku pobudzić⁴.

Іван.

А тут хто?

Чорт.

А (во)сь я бес, сысмацікі сын.

¹ Не кажы такіх слоў, хлопе, бо Бог несканчоны, а святы Мікалай быў чалавек створаны. Унія ёсць з'яднанне веры праўдзівай, але не сястра панны за ўсіх дабратлівай. На гэтыя рэчы не ўдалося табе, хлопе, адказаць. Але яшчэ таго я хачу ад цябе даведацца: Як ты, хлопе, разумееш, чья вера лепшая, скажы мне, бо інакш цябе возьме здань, як цябе . . . ды аблажу я кіем каля вуха, дык не будзеш мець аж да смерці добрага слыху. ² а што схізматык. ³ Ужо ты праўду паведаміў. Зараз будзеш ведаць, што будзе рабіцца тут хутка на гэтым тэатру. Будзе тут камедыя аб святым Якаве і аб яго адзінай аздобе Іосіфу, які сваімі братамі быў у Егіпет праданы, а потым у Егіпце быў імі апазнаны. ⁴ Будзе і той, хто братаў на Іосіфа стараўся натравіць, а бацьку яго да смутку прымусіць.

Іван.

Ідзь жэ, чорце, од мене до беса.

Чорт.

Я тебе люблю.

Іван.

Да я тебе не люблю.

[СЕЛЯНІН І СТУДЭНТ] ^a

Colonus. Ахце мне ж, людзей, людзей, як вады! Але там рабята-жэўжыкі, віхер іх носіць, круцяцца. Гэта кажуць, што іх на пагулянку раз у год пушчаюць. Там жэ то ні ладу, ні парадку: адзін другога піхіць носэм на землю, у чубкі, на кулачкі як запалюць. Ах, дарога, дарога праклятая! Самыя пекелішкі. Утаміўся, як сабака, пашанаваўшы ясного сонейка, краснаго месечка і вас паноў! Прысяду троху. Мась ¹ панове, ат на пацеху вашу і сваю прызнаюся вам, што ёсць у мяне дома Баўтрук баструк ², да жалься, боже, што мужыком урадзіўся. Такая прашкуда прамысльная ³ да бакіламара ⁴, як на пірагі з масліч-кам напіраецца! Калі б гэта розум на няго набыць, парушы(ў) бы я сваей машны ⁵. А цяпер, як гэтыя жэўжыкі разлезуцца, і за грошы го ⁶ мог бы дастаць.

Studiosus. A ty, muzyk, co tu masz za sprawę? ⁷

Colonus. Не музык, мосць пане, а ні дудар, парою у кулак затрублю, калі дзеткі ў хаце зубамі звоняць.

Studiosus. Ale co ty masz za sprawę ⁸.

Colonus. Нет, маспане, непісьменны чалавек, правовацца ні умею, а хаць бы пасварыўся з суседамі, то зараз ураднік разсудзіць справу пастронкам.

Studiosus. Czy masz jaką potrzebę? ⁹

Colonus. Куды, мой ты саловейку, патрэбы, я і кунтыша не маю, дабро каб світка была на хрыбце.

Studiosus. Głupi chłop jak cielę ¹⁰.

Colonus. Было адно целятко і тое здохло.

Studiosus. Dyszkurcie iak grochu się obiadszy ¹¹.

Colonus. У мене, панічку, дзецей як бобу, а гароху і асмінкі нету.

Studiosus. Darmo, iak widzę, groch na ścianę rzucam ¹².

Colonus. І ты, масьпане, вельмі шуміш. Гарох у гаршчок, не па сцену кідай.

Studiosus. Chłop rozumu y za szeląg niema ¹³.

^a Тэкст інтэрмедыі пададзены па выданнію А. Брукнера (гл. Archiv für slavische philologie, т. XIII, стар. 232—236). ¹ скарочанае слова «міласцівыя». ² пагардлівая назва юнака, які не слухаецца бацькоў. ³ пранырлівы, спрактыкаваны. ⁴ бакалаўра. ⁵ кішэні, кашалька. ⁶ яго. ⁷ А ты, мужык, што ў цябе тут за справа? ⁸ Але што ў цябе за справа? ⁹ Ці не маеш якой патрэбы? ¹⁰ Дурны мужык, як цялё. ¹¹ Размаўляе як гароху аб'еўшыся. ¹² Дарма, як бачу, кідаю гарохам па сцяне. ¹³ Мужык розуму і за шэляг не мае.

Colonus. Да такі у мене барада як лес, а розуму бы не было. А гэто знаеш, мой лебедзю, што кажуць: калі б на панскую мудросць не мужыцкая хітросць, даўно б мужыкі пагіблі. Да маю сына жэўжыка, такі як парасятка свавольнае.

Studiosus. Teraz iak prosię zwyczajnie, a iak wyroście będzie z niego świnia¹.

Colonus. Да ну, масьпане, і паліцікі не ўмееш.

Studiosus. Mniemasz oto, coż z tego, że masz Syna?²

Colonus. Ей, хацеў бы для него розуму больш вытаргаваць, чы не будзець як даразыцьса?

Studiosus. Moją żonę, w czasie za kwartę gorzałki rozum przedać, a za co się my mamy drożyć; dostaniesz u mnie za bity talar dostatkem, tylko w coż weźmiesz?³

Colonus. Кажуць, масьпане, што розум да галавы ідзець; то гэто ты, вашэць, мне у ухо накладзі, а я сынку свайму у дома усё вытрасу.

Studiosus. Dobrze u tak, tylko czy pojdziesz ty sam?⁴

Colonus. І паймаю, масьпане, не уцячэць, не.

Studiosus. Słuchaj że: Verbi caepi movi[s]⁵.

Colonus. Што, што? З вербы цэпы новыя? Не, мой галубчыку. З вербы лядашто цэпы. Учы чаго іншого. Паруш і розуму лацінскаго.

Studiosus. Czy nie chcesz być matematicus?⁶

Colonus. Гэто. Гэто матаць на ус; гавары больш.

Studiosus. Dobrze, są tam duo cardines coeli⁷.

Colonus. Што, што? Дзве карбоны цэлыя! Не маю, бачыш, не адной цэлэй, вытраслі ураднікі.

Studiosus. Nie rozumiesz u tego⁸.

Colonus. І розумею, масьпане, калі цэлыя карбоны, а калі не цэлыя.

Studiosus. Poydziemy do Loiki, tylko mówią że tam caligo Spinoza⁹.

Colonus. Згінь! Прападзі з розумам! Нехаі ідзець калом у землю. Не хачу, пане шпектар.

Studiosus. Ale nie rozumiesz. Ja mówię caligo Spinoza¹⁰.

Colonus. Да знаю, што кажэш: калом па спіне шуплю. Я тое, куды ты, вашэць, круціш, не хачу.

Studiosus. Otoż dojdiesz z nim sprawy. Ja mówię caligo Spinoza, a on mówi kołem po spinie¹¹.

Colonus. Годзе. Годзе таго. Вельмі пераўчуся.

¹ Цяпер як звычайнае парасё, а як вырасце, то будзе з яго свіння. ² Ці думаш ты аб тым, што з таго, што маеш сына? ³ Мой мужу! Вы часам за квартай гарэлка прываеце розум, а за гэта мы маем даражыцца. Дастанеш ў мяне за біты талер яго з дастаткам, але толькі ў што ж ты возьмеш? ⁴ Добра і гэтак. Толькі ці зразумееш ты сам? ⁵ Слухай жа: (набор лацінскіх слоў). ⁶ Ці не хочаш ты быць матэматыкам; ⁷ Добра (набор лацінскіх слоў). ⁸ Не разумееш і таго. ⁹ Пойдзем да логікі, толькі мовяць, што там незразумелы Спіноза. ¹⁰ Але, не разумееш. Я гавару незразумелы Спіноза. ¹¹ Хіба ж дойдзеш з ім справы? Я гавару незразумелы Спіноза, а ён кажа: колам па спіне.

Studiosus. Poczekaj, chłopie, trzeba ci wbić y to dobrze w głowę, żeby nie wypadło, trzeba ci dać po uchu¹.

Colonus. Не важся. Зараз розумам назад аддам.

Studiosus. Oddayże talar bity, iakoś obiecał².

Colonus. І не, масьпане. Я ад тебе ж научыўся, што карбоны не цэлые. А да таго ведаеш, панятко, што глупі даець, а мудры бярэць. А я цяпер розум маю з твае науки. Не дам, не дам ні шэляга.

Studiosus. Jak chłopie? Wycie zabito, daway talar bity³.

Colonus. Пастой, мой спадару. Што талера не маю, а бітого калі хочэш, вазьмі па хрыбце.

Studiosus. Zgiń, przepadni z taką zapłatą!⁴

Colonus. Вярніся, панятко, не добре прыбіў! Пастой, паздры, не заплаціў саўсім.

[СЕЛЯНІН І ВУЧАНЬ УЦЯКАЧ]^a

Селянін. Знову я на торг з мяхом, з кісцянем гэтым. Купіць не купіць, а патаргаваць вольно. Той шубравец скубент хацеў простаго чалавека ашвабіць, да і Мікіта — цвік — не дасца. Трэба бы троху па польскаму ензык пшеламаць, каб не ушэнды, васпанство, пазналі, жэ хлоп прастак. Слугавал я кедысь і под харунгвіо драгарскон. Патрэба только себе прыпомнець.

Studiosus-Fugitivus. Oυ źle, źle, przyidzie się utopić z desperacyi... dostałem inspektora iakiegoś niemiłosierdnego, chce żeby y w domu z Alwarem y zteką się posił... trzeba się chować...⁵

Селянін. Панятко, мой салавейко! Чы не ад бакіламара уцекаеш?

Studiosus. Prawdziwy Bokilamar; pewnie że boki i grzbiet będzie w strachu, zmiłuj się, schoway mię, Panie miżu, gdzie możesz, kontusik ci ten oddam, a żeby zaraz: nie bawże, bo iak mię złapie, dogrzeje mi do żywego⁶.

Селянін. Сюды, панятко! Лезь у мех, лезь.

Studiosus. Ale y tu będzie gorąco⁷.

Селянін. Такі ж не так, як калі пан шпектар духу спытае... я скажу, што пяску з гуты шкло рознай масці: пляшкі, шклянкі, банкі, збанкі.

Studiosus. A kiedy się parze, żeby pokazać?⁸

Селянін. То я скажу, масьпане, шкло гэтае гутнік рыцэрскім узлом завязаў. Пан мае бакі на друзгі патаўчэ, калі адвяжу. Южэм не адвяжу, не бойся. Калі б толькі не ўдарыў з кардыакі.

¹ Пачакай, хлопе! Трэба табе і тое добра ўбіць у галаву, каб не выпала, трэба табе даць па вуху. ² Аддай жа біты талер, як абяцаў! ³ Як хлопе? Быццам забіта. Давай талер біты. ⁴ Згінь, прападзі з такою заплаатай. ^a Тэкст пададзены па А. Брукнеру (гл. Archiv für slavische philologie. т. XIII). ⁵ Ой, бяда, бяда! Прыдзеца заліцца ад распачы... дастаўся мне якісьці неміласцівы інспектар. Хоча каб я і дома з Альварам не расставаўся... трэба схавацца. ⁶ Праўдзівы бакіламар. Пэўна, што бакі і хрыбет пазнаюць страху. Змілуйся, пане, схавай мяне, дзе можаш! Куртку табе гэту аддам. Толькі схавай зараз, не марудзь, бо як злове мяне бакіламар, то дагрэс да жывога. ⁷ Але і тут будзе горача. ⁸ А калі патрабуе, каб паказаў?

Studiosus. A kiedyż uderzy, coż mnie czynić? ¹

Селянін. То ты панятко, звані так, як шкло: цінь, цінь...

Studiosus. Czy tak: tiń, tiń, tiń! ²

Селянін. Добре, добре, але патрэба троху таўсцей: дзын, дзын дзын...

Studiosus. Potrafię u tak, zmiłuy się tylko nie wydaway. ³

Селянін. Южэ ж я дадзержу. Лезь, мышачко, у ямку, пасядзі ў гэтай клетцэ, мая перапёлочка.

Studiosus. Oυ duszno ⁴.

Селянін, Будзе ешчо і душней паждаўшы. Да ты цярпі, панятко

Studiosus. Ale dusza ze mnie wylezie ⁵.

Селянін. Што гэта пляцеш? Я завязаў добра, а мех усюды цэлы, нігдзе дзіркі нет. Не вылезе душа, не вылезе! Сядзі гэтак. Утаі духа: ідзець хтось! *(Падымае мяшок.)* Ах, цяжашька шкло ў беса, не данясу я цэлага.

Studiosus. Tiń, tiń, tiń ⁶.

Селянін. Не крычы, не крычы! Яшчэ не б'е ніхто.

(Тым часам селянін падрабляе свой голас пад інспектара, быццам бы патрабуючага паказаць, што селянін нясе ў мяшку, а сваім голасам адказвае)

Ах, змілуйся, масьпане, то мне бокі пап патаўчэць... загубіш мене на векі. Да годзі. Бойся бога! З чым я прыду? Ахці мне ж... Южэ ш, масьпане, калі хочэш, то бі мене, а шкло няруш! *(Другім голасам.)*

Kiedyś się parął, oto raz po tobie, a drugi raz po szkle ⁷. Ах, зубы мне выбіў! Ах, ліхенько... ах, ахці мне ліхо! *(Б'е па мяшку.)*

Studiosus. Dyp, dyp, dyp ⁸.

Селянін. Гэта масьпане, і не маё шкло перагуторыло, што дарма яго калечыш. *(Другім голасам: Zgiń przepadzi, czy nie czągu jakie ⁹. Трасе, адыходзіць.)* Ахці мне ж! І зубы павыбіяў і бокі паламаў, панёс яго бес ужэ.

Studiosus. Panie miżu, zmiłuy się odwiąż, strasznie gorące, dogrzał mi do żywego ¹⁰.

Селянін. Куды табе адвязаць! І рукі не парушу. От ні за сёе, ні за тое калекам застаю.

Studiosus. Zmiłuy się choć zęboma odgryż ¹¹.

Селянін. Куды зубамі! І зубка нету. Усё той шубравец бакіламар павыбіяў. Пастой толькі, чы не адвяжу. От бяда! Якога ты мне ліха нарабіў? Лезь к бесу, калі б ты прапаў.

Studiosus. Wziął że ja, wziął za swoje ¹².

Селянін. Агдай сюды сукнянку. Ужэ бачу нешто рабіць.

Studiosus. ... a co to się wałą? ¹³

Селянін. Гэта зубы мае, панятко, павыпадалі.

Studiosus. A czemuż tak gruba? ¹⁴

¹ А калі ўдарыць, што ж мне тады рабіць? ² Ці так: цінь, цінь, цінь! ³ Здолею і так, злітуйся толькі: не выдавай! ⁴ Ой душна! ⁵ Але з мяне душа вылезе. ⁶ Цінь, цінь, цінь. ⁷ Калі напароўся, то раз па табе, а другі раз па шклу. ⁸ Дзын, дзын, дзын. ⁹ Згінь, прападзі, ці не чары якія! ¹⁰ Пане мужу, злітуйся, адвяжы! Страшна гарача. Дагрэў мяне да живога. ¹¹ Злітуйся, хоць зубамі адгрызі! ¹² Атрымаў жа я, атрымаў за сваё. ¹³ ... а што гэта валяецца? ¹⁴ А чаму ж так груба?

Селянін. Папухлі ад балячкі, панічку мой, салавейко! Перабач, мой лебедзю.

От так трэба гэтых жэўжыкоў розуму наўчыць. Накідаў я яму добра. Нехай знае, што то ад бакіламара ўцекаць. А такі ж не дармо прыходзіць і гэтое да дому. Да ўжо ж я тут не вельмі буду пра-сушацца; калі б не было хвігель за хвігель с тым часам і камедзея скончыцца.

[ЧОРТ АСМАЛЕЙКА]^а

Чорт Асмалейка дужа захварэў і патрабаваў ад сваіх хлопчыкаў, каб яны як мага хутчэй прывялі да яго знахара, які змэжа яго вылечыць. Хлопчык выконвае загад чорта: зазваў ведзьмаў, чараўнікоў і знахараў. Прышоў селянін-знахар, які знаёміць з сабою чорта такім чынам:

Селянін.

Добры я цырулік, умію лечыці;
Ведаю, як лекарства добраго зажыці.
Я яго злечу зараз агародным зелям,
Выпару чорта ў лазні маладзенькім хмелям.
А калі не паможэ, то ж жыда з масьцямі
Зазваці, з рознымі яго пархумамі.

Даemon.

Ratuy prętko, zmińuy się. Lekarstwo mi gotuy¹.

Селянін.

Здыхай жэ борздо, чорце, не бойсь, бес не возьме
Цебе, калі маё око ясноё не засне.
Чы б'юць пульсы, надобе ў яго пагледзеці.
Выцегніце тут борздо, вы чортавы дзеці.

Ручer I.

Weźmę ia go za ręce a wyciągnę nogi².

Ручer II.

A ia wiele szkodzące przycisnę mu rogi³.

Селянін.

Ах, пульс як то б'ець моцно, як у пекле гарыць,
Гарачка так усего яго цепер смаліць,
Ізыпаду і зверху агонь выбухаець,
Хоць чорт, а жадного бачэння не маець
Агонь пекельны. Трэба яко бачу сала
Дубоваго, каб мая рука шмаравала
Его косьці, павернеце на бок сюда лепей,
Азалеі⁴ ён пачуець лекарство то смачней.

^а Тэкст пададзены па выданню Е. Ф. Карскага «Белорусы», т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 220—222. ¹ Ратуі хутка, злітуйся. Лекарства мне гатуй...

² Я яго вазьму за рукі і выцягну ногі. ³ А я, вельмі шкодзячы, прыцісну яму рогі.

⁴ напэўна, мабыць.

Ой, ужо шмароване пап д'ябел наш чуе,
Аж іскры сыплюцца, так добрае шмаруе.
От ужо гарачка гэто можэ выходзіць,
Не будзе ему агонь гэтой болей шкодзіць.

Д а е м о н.

Ieszcze zle na żołądku y boli mi gardło,
Trzeba by przez ie przepuścić mi sadło¹.

(Хлопчык раіць і іншыя лякарствы.)

С е л я н і н.

Будзе ўсё, ешчэ алей палушковы,
От нагатаваў ему, ешчэ перцу падайце
Жменю добрую, а тут алей насыпайце.
Перайшло, як па масле, пераз горло ўсе.

(Чорт яшчэ скардзіцца на боль.)

С е л я н і н.

Палкні толко гэтай моцныя пігулкі,
Выраець твае всенкі з горла скулкі.

Д а е м о н.

Iak mi na żołądku dobrze polepszało,
Ale przecie co to na nos moy muchi wpędziło,
Że moy nos kęsaia².

С е л я н і н.

От гэто зелё тоё,
Што выстрашыць із носа ўсё табе ліхоё.

(Чорт кажа, што мухі яшчэ спакояць яго нос.)

С е л я н і н.

Нос надабе з німі устрэліць, калі б борздо вышлі.

Д а е м о н.

Coż czynić, choć bez nosa, tylko że much niemasz³.

(Скардзіцца на шум у галаве — няюць цвыркуны, — на што патрабуецца аперацыя.)

С е л я н і н.

Гэтаго табе радзіць не падаімуюся,
Адно толькі на гэтом трошачка знаюся,
Свердлам лоб пракруціці, зараз паўцекаюць
Свершкі, неабрадзая свойго міне пазнаюць.

¹ Яшчэ горш у страўніку і баліць у мяне горла, трэба б прапусціць праз яго сала. ² Як мне ў страўніку лепей стала, але замест таго чамусьці мухі на мой нос населі і нос мой кусаюць. ³ Што ж рабіць, хоць без носа, толькі ж мух няма.

Д а е м о н.

Stoy, stoy, nie czyń dziury: dosi, że postrzelona,
Nie chcę mieć głowy, by była dziurawiona¹.

С е л я н і н.

Я ўжо табе тут болей не хачу служыць,
Закліч сабе жыда, той табе парадзіць.

(Прыходзіць яўрэй і знаходзіць у чорта меланхолію, якую раіць чорту лячыць іншым спосабам. Селянін ухваляе гэты план яўрэя і канчае сваю прамову заўвагамі маральнага характару.)

От гэтак бес цешыцца, калі бога зневажаюць,
А людзі грэшныя таго не ўважаюць,
А набарзей грэшнікі, каторыя грэхамі,
Чыняць злое ўсёгды рознымі часамі.
Хочэце ж, калі б із нас так чорт не смеяўся,
Ніколі на сьвет да нас і не паказаўся,
Пакідайце ж грэшыці, а бога малеце,
Нехай нас тут караець, а не на тым сьвеце.

ІНТЭРМЕДЫ ІЗ ДРАМЫ ГЕОРГІЯ КАНІСКАГА² «ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ» (1746 г.)

«Воскресение мертвых» — алегарычная драма. Складаецца яна з пралога, эпілога і 5 актаў з кантамі. Пасля кожнага акта п'есы ёсць інтэрмедыя, якая сваім зместам нагадвае рэзюме дзеяння, што адбылося ў п'есе. У дзвюх апошніх інтэрмедыях, менавіта ў 4-й і 5-й, пададзен вобраз беларускага селяніна, змагара супроць сваіх прыгнятальнікаў — ганарлівай польскай шляхты, папіраўшай усё тое, што было дорага для беларускага народа. Аўтарства гэтых дзвюх інтэрмедый, напэўна, належыць камусьці з ліку беларускіх студэнтаў, якія навучаліся ў той час у Кіеўскай духоўнай акадэміі, дзе Г. Каніскі быў выкладчыкам рыторыкі і піітыкі.

Ніжэй пададзеныя тэксты 4-й і 5-й інтэрмедый з драмы Г. Каніскага друкуюцца па публікацыі Н. Пятрова ў часопісу «Древняя и новая Россия». Спб., 1878, нумар 11, стар. 254—256.

¹ Стой, стой! Не рабі дзюры: досыць таго, што паранена, не хачу мець прадзіраўленай галавы.

² Г. Каніскі (1718—1795) — выхаванец Кіеўскай духоўнай акадэміі, яе выкладчык і рэктар, а пазней беларускі архіепіскап — быў выдатным царкоўным аратарам і славытым змагаром супроць царкоўнай уніі 1596 г. Так, у 1765 г. на Варшаўскім сейме ён выступіў у абарону праваслаўя перад каралём Станіславам Аўгустам (Панятоўскім) з прамовай, якая пазней была перакладзена на ўсе еўрапейскія мовы як узор абароны верацярплівасці. З іншых твораў, якія характарызуюць Каніскага як грамадскага і палітычнага дзеяча свайго часу, вядома яго прамова перад імператрыцай Екацярынай II у 1787 г. і цікавыя запіскі аб Магілёўскай епархіі. Побач з гэтым Г. Каніскі напісаў рад вершаў, але ў гісторыю літаратуры ён увайшоў толькі як аўтар драмы «Воскресение мертвых», у якой трактуецца вострая сацыяльная тэма эксплуатацыі працоўных мас. Праўда, вырашэнне гэтай тэмы пададзена аўтарам з пазіцыі артадаксальнай праваслаўнай царквы.

INTERLUDIUM ЧЕТВЕРТОЕ

Л и т в и н.

Слава тебе госпадзѣ, свяцѣцелю боже,
Што з ласки твоей святой паводзѣтся гоже
Високим властям панам и нам людзям грешним.
Всѣ харашенко твоим промислом паспешним!
Хвалю тебе, господзѣ, што ти спорядзѣлѣ
На хвалу тваю церкав як змаглѣ нам сѣли,
И званѣцу новую, и чатири звони:
Всѣ придались, зэонять харашо в разгони.
Имеим папа себе честнаго старого,
Имеим панамара и дзяка молодого,
Але добрый и цѣхий, всѣх людей шануець
И церкви святой всѣгды дзень и ночь пѣлнуиць;
Нѣ гарелки, нѣ бражки пяной а нѣ мѣду,
Нѣчого хмелного не пець, апрочь воду;
А што салавей у церквѣ людзѣм спѣваець,
А дзѣцей харашенко в школѣ обучаець.
Дай же, боже, здарове и щасте всяму миру,
Што б неслѣ тебе в церков ладан на офѣру,
Свечи, красное вино, чистой столко муки,
Што б с праскур¹ осталось и папу на шулики.

(Прыбязгае шынкарка і наведамляе, што лях забіў у шынку дзяка.)

Ш и н к а р к а.

Ох, минѣ лихо! Що мнѣ теперь робити?
Принюс ляха недобрий в дом мой чесний пити;
Пяниця, ледащиця² всѣ вукна повибивав
И дячка молодаго шаблею порубав,
И втѣк конем, не знаю в сторону якую.

Л и т в и н.

Ах, це мне! Што гето я от тебе чую,
Што б дзяка нашого лях прибыв молодого?

Ш и н к а р к а.

Ед, не глух еси, от чи застанешь живого.
Будьто я на жарт кажу.

Л и т в и н.

Ох, моя гадзѣна!
Што гето незвѣстная зделалась причина?

Ш и н к а р к а.

Як чуеш, вже я тобѣ давно товмачу,
Иди, коли не вѣришь.

¹ Спецыяльны хлеб, які ўжываўся і ўжываецца ў царкве набожнымі. ² нягоднік.

Литвин.

Пайду я сам пабачу.

(Насустроч ідуць мужыкі з мёртвым дзякам.)

Литвин.

Ох! што гето несеце?

Мужик.

Ось, ходи, погледн!

Теперь нас привюв лях до втрати и бедн,
Посѣк, порубав совсѣм дека молодого,
А вже нам не найти такого другого.

Литвин.

Ох, моей бедзѣ! Як ви гето допусцѣлѣ?

Мужик.

Ё, будьто ми на той час и з ним в шинку сидѣли!
Лешюга кат зна вутки, мов тобѣ вихром прилетѣв.
Нехай шинкарка скажет, як лях дяка вбив.

Литвин.

Як же хочице, дак ви ей призавѣце.

Мужик 1.

Ну лишь ти, Мосѣю!

Мужик 2.

Добре, Онопрѣю, дак я ей припру сюда на суд.

(Прывѣіў шинкарку.)

Ну, панѣ Федорова, от ми за тим громада
Тебе кликали.

Шинкарка.

За чим? Кажѣть, я слухати рада.

Мужик.

Ё, за чим! За тим, чи ти донесла старому,
Щѣ лях обтяв шаблею дека в твоём дому?

Шинкарка.

Я донесла, а що? Чи вам тое плескати?
Николи минѣ: он, треба горѣлку давати.
Я и сама насилу вхватилаь в комнату,
Як лях з шаблею за дяком вбѣг в хату;
З ляку¹ самого пришлось було чут не вмерти.
Прощайте! Мнѣ нѣколи и носа утерти.

¹ ад спалоху.

Литвин.

Правду ёна гавориць, что тут болш расправляць!
Засвѣжа як найскорѣе в погоню пасѣлаць.

Мужик.

Куди гнать? И тропи не взять, где опишився лях;
Тобѣ десять дорюг, а ёму одни шлях.

Литвин.

Стойце-тка, ня бойцеса, ось я гето справлю:
Ён сам в руки нам впадзецъ, толко сець заставлю.

Мужик.

От так лучше, як за им посилати маем!
Шкода ж шкапѣ и хвоста мять, колись тут поймаем.

(Литвин закидае сетку і варожа булавою.)

Литвин.

Лесавие, баравие и балотние, ка мне прихадзѣце.
И в гетой прозбе ви мне помажѣце!

(Чорт гоне ляха ў сетку, ён жа гавора.)

Лях.

Ах, ах, бяда! Кто мнѣ и коню спентал¹ ноги?
Яде, а невим доконд², так як слѣпый дроге.
Знаць, крив члека, ктурего-м забил, в свое краѣ
Заслонивши мнѣ дроге, уцѣкаць не дае.
Ах! Воле я в Чистцу сто лят церпѣць менки³,
Нижели в хлопске тераз попадне сен ренки⁴.
Кто мне, ах, прщечог? Кто мне пендзи до тей сѣчи?⁵

Мужик.

Ось, кровь дякова витаеть вашенцѣ⁶;
Просим сюда ближше до нашего столу!
Ти то, ляшуго, справив дека до росолу?

Лях.

Так! мой есть гржих⁷, хлопкове!

Мужик.

Э, твуй грѣх есть?
Дай бе нам добре здорове,
Що ти нам признався без стуку, без груку,
Ак кова в тенета, вскочив нам в руку.

Мужик 1.

А щѣ ж з ним будем чинить?

¹ спутаў. ² Еду, а не ведаю куды. ³ Згодзен я ў пекле 100 год цярпець мукі.
⁴ чымся зараз папасці ў хлопскія рукі. ⁵ Хто мне, ах, перашкода? Хто мяне гоне ў тую сетку. ⁶ вашу міласць. ⁷ грех.

Мужик 2.

Те, щё старійі скаже.

Литвин.

Ось так: нехайі галава за голову ляже.
Нечого ж болш расправляць, годзѣ думаць, годзѣ!

Лях.

Чи шляхциця за дзяка трациць се негодзи:
Пенць¹ коп вам за хлопа уплаце гловщине².

Мужик.

Ов, негуднийі сине!
Як же ти дешево ставишь дека дорогого?
Двадцять вас не стонт за одного такого.

Мужик 1.

Чого з ним калентарить?³
Ну лишь ти, Мойсѣю,
Возми мерцвя, несить в церковь, я ляха за шию,
Вчепивши путом, поведу як хорта,
С конем, со всѣм втоплю в болото до чорта.

Литвин.

А я буду по шиі дубцом затинаць,
Што б знав собака, як хрестян забиваць.

(І гэтак гонюць ляха ў балота.)

[ІНТЭРЛЮДЫЯ ПЯТАЯ]

(Лях шукае свайго брата, якога мужыкі затанілі ў балце.)

Лях.

Егейі, юж невим дали, в ктуре⁴ вдацьсе строны,
Гдзѣ еще себе шукаць, мойі браце роджоны!
Шукалем в лѣсѣ, в полю, гдзѣсь мы полѣвали
З хортамі; тераз шукаць невѣм гдзѣ це⁵ дали.
О, гды бы ми кто зналазл⁶ наймільшого брата,
Певна бы одс мне была ему плата!

Ксенз.

Ave Maria!⁷

Лях.

Кланям Мосци добродзѣю!⁸

Ксенз.

Цебе цо ту занесло⁹, мойі мілы Мацѣю?

¹ пяць. ² Так называўся штраф за забойства. ³ пацкацца, размаўляць. ⁴ у якія.
⁵ зараз не ведаю, дзе цябе шукаць. ⁶ знайшоў. ⁷ Святая Марыя! ⁸ Віншую міласцівага дабрадзея! ⁹ Цябе што сюды занесла.

Лях.

Нещенене, мой добродзѣю, fata¹.

Ксенз.

Яко то?²

Лях.

Ах! Полюёнць утрацилем брата.

Ксенз.

Знаць, бѣжонць³ упадл з коня,
Негодзен быць в гробѣ.
Не едному се трафи⁴, дойдзе той же кары,
Кто колвек за охотон⁵ шалице без мяры,
Идонць завше in contra свентого косцѣла⁶,
Ни свент, ни днёв хвалебных обсервуёнць згола⁷.
Знаць, в таке дни полюёнць и вы браця минѣ,
Ты жив зосталесь, а он несвядомо гине.
И дармо юж, Мацѣю, шукашь свего брата!
Лежи, гдзѣ го пршецевне пршинаглоли fata⁸.
Пянство то ваше чини и гултайска шабля.
Сповядайсе, бы-сь также непошедл до дьябла!

Лях.

Проше за душе его о горонче модлы;
Проше, бы го щенсливе да Чистцу завѣдли⁹.

Ксенз.

Готув! Ты зась за гржѣхи све дашь поракунек¹⁰.
Тылио выслухай, яки мнѣ стал се трафунек¹¹:
Вчера идонць з офярон¹² ку свентей Дороце,
Слышалам кричончего глос чловѣка в блоцѣ.
Кий дьябол? — жегнам себѣ¹³, звлаща идонць в ноци.
Кто таки, — обезвесе? Я додам помощи!
Стоиць злонкшисе¹⁴, але ниц¹⁵ не одповяда,
Тылио вола¹⁶ плачливе: ах, бяда ми, бяда!
Домыслямсе по гласу, а невидзе лица;
Конечне, душа вола якегось шляхцица.
Я знов пытам, — кто таки? Чекам отповѣдзи,
А он на то: ах, згинолем гржѣшны без сповѣдзи!
Я мове: сповядайсе, — яке гржѣхи твое?

¹ Нешчаслівы лёс, мой дабрадзею. ² Што такое? ³ бегучы. ⁴ здарыцца. ⁵ за паляваннем. ⁶ Ідучы заўсёды супроць святаго касцѣла. ⁷ ні свят, ні дзён урачыстых амаль не прытрымліваецца. ⁸ Ляжыць там, куды прывёў яго нядобры лёс. ⁹ Прашу за яго душу набожнай малітвы, прашу, каб яго шчасліва прывялі да Чыстца. ¹⁰ Толькі ты зараз за свае грахі адкажаш. ¹¹ выпадак. ¹² ідучы з ахвярай. ¹³ перахрысціўся. ¹⁴ спалохаўшыся. ¹⁵ нічога. ¹⁶ галосіць.

Он кршичи¹: пьянство, збродни, гултайске розбои,
Барзей, жем забил дьяка; хлопы осондзали²,
Непусцивши до ксенза, в те блото вржучили³.
Слышонць тѣ слова, мове: гды так, — не помоге
Венць⁴ тобѣ; бо я мам дали поспѣшацьсе в дроге.
Венць як слышишь, чи не твой брат в такей был пршичине?⁵

Ля х.

Може такн. Пржеце⁶ ратуї го, нех там венць не гине!
Выдзвигни го, проше, твемн горончеми,
Пошли го до Чистцу модлями свентеми!⁷
Станьмы-сь ту на колянах и пршинесьмы модли⁸,
Жебы го анѣлове ту зтамтонд пршивѣдли!⁹

(Ксѣндз становіцца на колени і моліцца разам з ляхам.)

Выслухай мне, выслухай, о свента Дорота!
Вырви шляхцица з тего смерджончего блота,
Змилуйсе над гинончим шляхцицем Ягниска,
Выдвигни з плюгавего шляхцица багниска!
Нех му дода помощи тва ренка¹⁰, Ядвига,
Нех го с оней баюры¹¹ як може выдзвига!

(Прыходзе тапелец.)

Ксенз.

Дзенки ж вельке вам чине, жесь-це выслухали
Прозьбы моеї и его з пршепасци вырвали!

Утопленій.

Дзенкуе и я тобѣ, жесь моеї немоци
Модлями свентеми додал в нещенстью помощи!
Сольвуй же¹² мне од гржѣхов, сам провадзь до Чистцу!

Мужик.

Ось може з дзонзою на тум будеш знов мѣсцю.

Утопленій.

Чи ратуї, милы оїче, пршепаднеми¹³ оба!

Ксенз.

Недбай¹⁴, устрашиць их ма капланьска особа;
Пршмайсе тылно шне так, яко вешь кожуха!

Мужик.

Постуй лишь, куди ти ведеш сѣго злого духа?

¹ крычыць. ² асудзілі. ³ укінулі. ⁴ больш. ⁵ ці не твой брат быў у такой бядзе?
⁶ Таму ж. ⁷ Прашу, выратуй яго і пашлі да Чыстца сваімі набожнымі святымі малітвамі. ⁸ і памолімся. ⁹ Каб ангелы прывялі яго сюды адтуль. ¹⁰ Хай твая рука дасць яму дапамогу. ¹¹ Хай яго з гэтай багны. ¹² ачысьць жа. ¹³ загінем. ¹⁴ не турбуйся.

Давно ми вже громада на ёго чатуем:
Якє лихо нучю говне, цѣлим селом чуем.

Мужик 2.

Ед се вун, коли хочь знат, щѣ всюгди в ночѣ ходить,
Не тулко нам, але и товариѣ шкодить.

Ксенз.

Яко то може быць, — и мовиць се негодзи!
Мартвы без души, нигды бездушны не ходзи.

Лях.

Правде ксенз мови, вы зась хлопы на то лжеце,
Тылно одной напасцион на нас ту идзеце.

Мужик.

Дак ти, ляше плешивче, за свого брата взявся.
И ти, бурлодинче, к ним же привязався?
О се ж ми вам развязку вчиним сѣго ж часа:
Всѣм тром дотечется, дамо вам тут траса!

(Тут мужыкі ляхаў і ксяндза б'юць і праганяюць.)

[СЕЛЯНИН У КАСЦЁЛЕ]^a

Мужик. Охъци мнѣ! Ци ведаеть то ета мая баба¹, што я в ета лиха попався, гѣтым бязделлим обчипався, кали б уже и па ссвѣцѣ не было? А всё яна, як вужа вилами, так мянѣ: ин идзи, дак идзи у Любавичи, ци ни пападзѣтца чаго, гуляючи, и богу помолисся и з (с)ваими павидзися. А вось така и ци ни (па)падзѣтца чаго купиць, — а всё кали б мужика з двора збыць. Правды, я стар, а яна, бабѣнка, — в силѣ. Ох, кали б яѣ колом у зѣмлю! Ну вот, правды яѣ и паслухайся, да и падзись! Вот на тую пару и пападзися мнѣ кум Анцип, кыли знанця вы его. Кажытца вот и понѣмногу, па едином, правды, випили карячку². Ажну там и стали брызгаць, по нашему то к абѣдни, а па их к замши. Вот я и пандзись у их хасцѣлу. Ажну там як занграюць хто в дудачки, хто в свисцѣлачки, а хто в тарарычки³. Вот я, правды, ня бывши лих, да и падзись скакаць. А тут пат тую пару и придзись по нашему поп, а по их хазан⁴ да падшутя; то я ахци мнѣ ета нѣхта ж з маскалѣв⁵. Як застукаюць, заскоглюць⁶, залюкаюць⁷, затопаюць! Анципа я, правды, туды глядзь, сюды глюць⁸, — мевица⁹ маего кума Анципа! Ажну маю

^a Тэкст інтэрмедыі друкуюцца па рукапісу Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (Q. XVII. 168), які датуецца ў тэксце 1760 г. і мае такі загаловак: «Выписано из бывших в Смоленской семинарии комедий». ¹ жонка. ² коўшык, чарпачок. ³ бубен, бразготка. ⁴ абыграна лацінскае напісанне слова «ксендз». ⁵ незразумелы сэнс сказа па тэксце. ⁶ завішчаць. ⁷ закрычаць. ⁸ туды, сюды паглядзеў. ⁹ няма нідзе.

меру за торбу¹— да и цип. Троху не павалився. Да и павалакись я.
—Бацька! Я нянцип².

— ... ажну мянѣ, да и спутаіся. Ох, кали б их пуста! Вот и памали, як зайца в мот³! Я таки, правды, из маладых дзён богамолин⁴ быв. Бывала шиводный и суспицы⁵ не пропуцу! Кали б толка зачуць, игдзѣ забрызгаюць⁶, то взявши в руки свѣчку, а торбу перапѣчку⁷, и к да к падзі. А так, правды, и в своём дворѣ заставляю: Жонка, бий поклоны земляныя — граза идѣць; нашу мѣру нѣшта изба цѣкѣць. Нѣяк вякнув и свящѣнник на мянѣ: «А Цѣрих! Вить, ты нѣяки нѣхрисцянин!» А я: «А, а, бацька. Мянѣ вся дзяревня знаиць, што я к церкви прилѣжи!» Што и папу много вякаць⁸. Я бывала и к сабѣ так и позаву, да и укладу ѣго блинами, сачнями⁹, як гонтом, ажну и папа нявидна ѣвши.

— Да и пуза развяжиць.

— Охъци мнѣ, Цѣрих, я и у пана так ни гуляв, як у цябѣ цяпѣр! А кали таки и бѣз мянѣ, дык я таки приказавою: Жонка, глядзи, кали поп приедзиць, приумѣй яго харашенка чим-нибуць, хуць каровѣяго наверни, што б поп у вочи ня лѣз и вопосли людзём нѣ жалився! А цяпѣр вот, пановѣ, попався у ѣты кросны, што вот под старость! Сувавшись як рынися, дык нѣгдзи и згиниш! А пяць у мянѣ и сыновых сынов, як дубов. Што па их! Вот цяпѣр и ништо ни давѣдайтца. Яны рады, што старого з двора збыли! Ху-х! Аж встамився, вжо ж таки адыхну. А вось таки каторый ци ня прыдзиць.

Сын. Бацка! Гу, агу! Бацка, идзѣ ты ета забрѣв? Куды ѣта цябѣ хварыши¹⁰ занясли?

Мужик. Охъци мнѣ! Ета маяго сына голас! Во нѣгдзѣ нидалёка у Навинах.

Сын. А, во ён! Бацка, бацка! Ци ты ужо? Мы цябѣ давно праждалися. Хто цябѣ сюды занёс, ци ни фарыши?

Мужик. Ци фарыши, ци ни фарышы, а был. Ци вы з маткою харашы? Усё, як идзи, дак идзи у Любавичи, ци ни пападзѣтца чаго, гуляючи. Пашов. Ажну вот цяпѣр и сам попався, виць, там ни па нашему. Ни так, як у нас! Наши папы ни глядзяць ничего. А там усё хазаны, да ляхи, и гаворки их нѣ познаиш.

Сын. А што ты, бацка, вѣдаеш?

Мужик. А што?

Сын. Ци ни разабю я табѣ етых манистов?¹¹

Мужик. Охъци мнѣ! Да кали ж ба тыя не видзили паганья?!

(И разбивает сын отцу железы.)

Polak. Co to takiego, że po naszymu chłopiek zaszedszy na nasz kraj u w kościele naszym rozny nieprzystoynych naczyni

¹ маленькі мяшок. ² Я не Анцип. ³ сетка, пастка. ⁴ набожны. ⁵ малітвы. ⁶ зазво-
няць. ⁷ пшанічная здобная булка. ⁸ гаварыць. ⁹ праснакамі. ¹⁰ нячысцікі. ¹¹ кайда-
наў.

furiy, za co księć starzy roskazał go w nierozorwanie zabić kaidany u niewiem gdy teraz mieszkaia¹.

(Потым пытае селяніна)

Chłope, co ci takiego?²

Мужик. Ета мой, пань, сын.

Polak. Alie kto sy razbił kaidany?³

Сын. Да вот matka паслала па яго. Насилу знашов.

Polak. Alie wiem, chłopcze, że ci posłala matka; dla czegościa razbił kaidany? Chodzie do kariusza!⁴

Мужик. А што ж ты — гаспадзин? Виць, ты тут адзин. Ньшта ты привизався, як гавённым лыкам. Харпостник ты, с курва сын, саланинник, гарьлыі ты кутак! Ну-тка, сын, укий!

[СЕЛЯНИН НА СПОВЕДЗІ]^a

Змитрок. Челом, пане, Свиридзь!

Свирид. Здравов, кажу, Змитруче.

Змитрок. Як цьбь ета лиха даспълася?

Свирид. Охъци мнъ, Змитруче! Усъ то от дьтак! Ой. дзъци! Як з баткавага кашелка, дзетки. Ну, ну, ну, бацка! Заглян жа бацка у дзицячи кашелки. — И нъ сармися, — кажуць, — не, не, не, бацка!

Усъ к сьбь мазаным горнуць. Дай яйцо, дай яйцо и облупивши. А нам на старасци и на ногаць не облупяць, каб их кат лупив! Толка кажуць — Идзи, бацка, ку споведзи! Ты нъ разу в цьркви не бив.

Да и упихнули бацку, як дурня, в цьркву.

— Кажи (и)дзи, бацка, тоя, што поп будзиць казаць.

Вот поп кажить: «Ци бив ты хуть раз ву споведзи?» И я папу кажу: «Ци бив ты хуть раз ву сповьдзи?»

— Што ты, знать, нъхрищоник? И я папу кажу: «Знаць, ты нехрищоник?» Поп кажить: «Хрясцися!» И я папу кажу: «Хрясцися». Вот за тое поп на мьнъ и манисты наложив. А я их от роду не насив. А цяпер мнъ их чорт нагадзив.

Змитрок. Ах, Свиридухна, маю цябъ вьры! Што так гавариць и дзетак браниць. Тяпъра стала нъ по-старому, стала всъ по-писмянному. Чи наши настали? Всъ с хитращами, да з мудращами. Всъ стала навыварат. Учуть, голубя, не учяць, — голаву турбують; языком не ввьрниш, ища як нашъму брату галавы не высушиць? У мянъ то дзиця, Свиридухна, к усячинъ смыслиць. Уси каляды, масляницу и радуницу, товстую субботу, — усъ напамяць. А кавярзень⁵ спляцьтъ, — як души не влепить! А други — сабака. Вьсь у матку

¹ Што гэта такое, што па нашаму мужык, зайшоўшы на наш край і ў нашым касцёле нарабіў розных непрыстойных вар'яцтваў, за што ксёндзе стары загадаў яго закаваць у спраўныя кайданы, і не ведаю, ці жывы ён цяпер? ² Мужык, што гэта такое? ³ Але хто табе разбіў кайданы? ⁴ Ведаю, хлопча, што цябе паслала matka. Але для чаго разбіў кайданы? Пойдзем да карыуша! ^a Тэкст гэтай інтэрмедый надаецца па таму ж рукапісу Смаленскай семінарыі, па якому пададзена і папярэдня інтэрмедый. ⁵ Так на Смаленшчыне называюць лапці.

удався. Людзи да зари блинов наядуца, а яна спиць патуль, пакуль сонца бок припячѣць. Тагды ужа якога хварыша присквариць, паскудница! Кагды б прапала. А цяпѣрь мой сынок унѣгався, сапачиць лягло. Аднаго толка лиха. Нѣ дамыслить, што па беламу чорна. Ещѣ, хвала богу, берясцень мязги. Хуць тот людзѣм узычу, а яго такн вывучу.

Свирид. Што наши бацки и прѣдки! Живали, хлѣб рабляли, зѣмлю пахали, а ѣтай у сповѣдзи павѣк яны не знавали, а такн ж благадарны бывали.

Змитрок. Так, Свиридухна, так! Так, голубя, так! Яны маливалися по-прастацкому, а нѣ по-письмянному. Бѣс чанашов. Што падняв, то знашов; як устав, так и зачав.

— Слава цябѣ, господзи, суцую часнѣйшую, избранны ваявода! Радуйся нявѣста, уси чины манашѣския, святая трапѣза, и скрясѣнья побядзителю, Михаила прарока, и Миколы мученика, трех свяцицѣлѣй, Кузму и Дзямида! Заступи на царства мянѣ, Змитрака, и падружницу, Пеклу Несцѣравну, и кала, и двара, и скацинки и шарсцинки. Алилуй нас до канца вѣка. Аминь. И шарпни, господзи, па души и па цѣлу, па жонки и па дзеткам. Святое сягодня, святое и завтрѣ.

Свирид. Ах, Змитруче, не патрапиш. Аж мароз па касцям, аж да слѣз праимаить бацков наших богамоля.

Змитрок. Ну, Свиридухна, ваставайсѣ здаров! Слабани цѣбя господзи! Як ты папався, дак и выдзирайсѣ!

Свирид. Ах, Змитруче! Кали бог тваю галовку назад завернить, навѣдайсѣ мянѣ!

[МАЦЕЙ І ДОКТАР-ШАРЛАТАН]^а

Мацей. А вей, а вей! Вох, вох, вох!

Вот, мае паночки, быв я у пана Барановскаго на куцы. Да як падѣв куцы, дак не могу сопци. Што мая Уляна ни робила! И горщок на пупѣ становила. Да и тое не памагло, да яще горш прилягло. Порадзили мнѣ галасу купервасу, да бурачнага квасу, моху, чортапалоху и ящѣ нечага, забывся, троху,—усѣ гѣто зелья скалациць да выпиць. Зробив я и гѣся. Не памагло. Ещѣ горш прилягло. Вот каб нашовся докторчѣк да палячив мой животчѣк,—отдав бы яму и торбачку и мяшочѣк. Доктор-шарлатан (*выходзе*). Што тобѣ, мужик?

Мацей. А вот, паночѣк, несправность, бурченья, резачка, обенбенило, як Антонову козу!

Доктар. Кладзися, мужик! Як цябе завуць?

Мацей. Мацей.

Доктар (*б'е яго палкаю, прыгаварвае*). Поцей, пане Мацей!

Мацей (*устае, а доктор уцякае*). Ах, лихо тваея мацяри! Напацев, намацев, да и сам к чорту паляцев! Вот каб дагнав, вот бы у плечки нагрукотав!

^а Тѣкст пададзен па выданню В. Н. Ператца «К истории польского и русского народного театра». (Гл. Известия отд. русского языка и словесности Императорской Академии Наук, I, 1905, стр. 67—68.)

КАЭТАН МАРАШЭЎСКІ

аэтан Марашэўскі — каталіцкі ксёндз, прафесар рыторыкі і паэзіі ў Зябельскай гімназіі, якая знаходзілася пры дамініканскім манастыры ў Дрысенскім раёне. Іншых біяграфічных звестак аб гэтым пісьменніку не захавалася.

Як пісьменнік Марашэўскі вядомы сваёй «Камедыяй», якую ён напісаў для школьнага тэатра ў 1787 г. Яго «Камедыя» — гэта тыповая школьная бытавая драма-маралітэ.

Тут аўтар вуснамі аднаго з галоўных герояў п'есы (Чорта) вучыць правілам «разумнага» жыцця тых, хто ў сваёй жыццёвай практыцы забывае, аб іх і за гэта трапляе, паводле вучэння царквы, у пекла на вечныя душэўныя мукі. Тым не менш, «Камедыя» Марашэўскага, нягледзячы на свой рэакцыйны дыдактызм царкоўнага парадку, як літаратурны помнік не пазбаўлена і сваёй вартасці. Яна ў сапраўды змрочныя часы каталіцкай рэакцыі, насуперак асабістым жаданням аўтара, аб'ектыўна прапагандавала жывую гутарковую беларускую мову, якую забаранялі і праследавалі шляхецкія законы Рэчы Паспалітай. «Камедыя» праўдзіва адлюстроўвала цяжкае паднявольнае жыццё беларускага селяніна, з якога кпілі на кожным кроку. «Камедыя» Марашэўскага — гэта жывая бытавая замалёўка з жыцця беларускага селяніна XVIII ст., пададзеная ў рэалістычным плане.

Дзеючымі асобамі «Камедыі» з'яўляюцца прадстаўнікі ніжэйшага стану (селянін і яўрэй) і традыцыйны персанаж школьных драм і інтэрмедый — д'ябал, або чорт, які разам з іншымі другараднымі асобамі п'есы ўвесь час размаўляе на польскай мове і тым самым выдае сябе за прадстаўніка іншага класа і «вышэйшай» культуры. Селянін жа і яўрэй размаўляюць па-беларуску, толькі мова яўрэя стылізавана пад яўрэйскі акцэнт, з мэтай узмацніць камедыйнасць дзеяння ў п'есе.

Упершыню поўны тэкст «Камедыі» Марашэўскага быў надрукаваны акадэмікам В. Н. Ператцам у 1911 г. (гл. Известия отд. русского языка и словесности императорской АН, т. XVI, кн. 3, стр. 274—319) лацінкай, якой напісан і арыгінал. У 1920 г. акадэмік Е. Ф. Карскі падаў кірыліцай скарачаны тэкст «Камедыі» (гл. газету «Беларусь», 1920, №№ 106 і 107). Пададзены ў хрэстаматыі скарачаны тэкст «Камедыі» Марашэўскага друкуецца па фотакопіі рукапісу п'есы, які зараз захоўваецца ў рукапісным адзеле Цэнтральнай бібліятэкі АН Літоўскай ССР (гл. фонд Б4, адз. захав. 201), з той толькі розніцай ад папярэдніх выданняў, што мова селяніна і яўрэя тут пераведзены з лацінцы на кірыліцу з захаваннем тагачаснай арфаграфіі; дыялагі ж персанажаў, якія ў п'есе размаўляюць на польскай мове, друкуюцца лацінкай, як і ў арыгінале. Аўтарскія рэмаркі ў тэксце п'есы перакладзены на беларускую мову.

КАМЕДЫЯ

КАРОТКІ ЗМЕСТ

Селянін, калі яму надакучыла праца, пачаў наракаць на свой лёс і на першага чалавека Адама за яго грахі. У гэты час да яго, як наракаючага, з'явіўся д'ябал, кажучы: «Не наракай на Адама, бо ты сам не ўстрымаўся б ад таго, каб не пакаштаваць забароненага яблыка, калі ж ты і зараз не зможаш стрымаць сябе ў маўчанні, але наракаеш». Селянін заракаецца на нейкі час захаваць маўчанне. Д'ябал ідзе з ім у заклад. Селянін не захаваў маўчання і прайграў чорту сваю душу.

ДЗЕЮЧЫЯ АСОБЫ

Селянін, Жыд, Д'ябал, Дзеці, Тры браты, Пакутнік.

(Сцэна прадстаўляецца ў полі каля лесу.)

А К Т І

СЦЭНА 1-я

Селянін. Ох, як нешчаслівае жыццё маё! Хаджу я хаджу пераз цалюхенькі дзень, аж ногі анемелі, рук не чуваць ад працы і тапара, а горш ешчо ад цапа¹; малачу ад самых курэй, аж мало што не да паўдня, як бы сам адзін. Праўда, што і жонка памагала, да што ж ее за работа? Ведама,— жаноцкая справа; цюкнець колька разы цапом, аж зараз ее ліхо і берэць — то сядзець, то ляжэць, то кол(і)кі падапруць, толькі чорт лоньскі ее дусіць, а потым ешчэ з гоманом і клецьбою пойдзець. Папытаюся я тылькі ее: «Куды пойдзеш?» Аж зараз скажэць: «Дзецей карміць, страву варыць». А я як пачую,— аж ена упівшысе ў карчме пад лаўкаю, як свіня, качаетца... А я сам адзін, як цюк, так цюк; малачу аж да поту. А як сьвет, аж жонка і тут, ужо кажэць, што і дроў нада насеч. Хоць ты трэсні і прападзі з тапаром! Ад цэпа ешчо не адайдуць (рукі)², аж тут ад тапара мало што не адсохнуць. Гэта жарт — нарубай у печ, у асець³, у бровар⁴, а ўсё як адзін, так адзін. Сына пералом удавіў⁵, не расьцець, а парабка не за што наняць. Вот і цепер, у лес трэба ехаць, а не с кім. Гэта жарт,— аднаму сосну спусціць, пашчапаць, і на воз. Хоць ты трэсьні, зваліць трэба, а прывёжшы да хаты і парубіць. А ўсё як я, так я. Памахчы некаму. Прападзі ено нешчаслівае жыццё нашое, бо ўсё як гараваць, так гараваць мусім.

Кап то Адам, першы наш азец, не заграшыў, так бы і мы гэтак не працавалі б. Ох! Дурак ты, дурак! На што табе было ірваць яблык з дзерава праклятаго? Прападзі ено! Каб мне не велено было, то бы я а ні парухаў бы, а што горшае, а ні парухаў бы. А мы б у раю, як паны б на землі, жылі б, клопату жаднаго⁶ не мелі б, аб

¹ прылада, якой раней малацілі збожжа. ² гэтае слова ў рукапісу адсутнічае. ³ будынак, у якім сушылася неабмалочанае збожжа. ⁴ спіртавая ўстаноўка. ⁵ гэта значыць стаў гарбатым. ⁶ ніякага.

сермягу тагды бы не клапацілі бы се і го́лые б у раю перахадзілі бы. А цепер як сермяшка здзерэтца, хоць ты з голавы выйдзі, не адкуль узяць, а горш, што не за што купіць. А тут і зіма падходзіць, і ўстыдно. А я і шэлега¹ пры душы не маю, да душы ш не маю! А пан аднак на тое не гледзіць, да ўсё крычыць: «Заплаці, с курвы сын! Заплаці, вужава кроў, мужык!» Ага ту! Ага ту, на цебе, Адам, Адам, як ты нас пагубіў! Ох, кап то я, я, я,...

СЦЭНА 2-я

Селянін і Жыд

Жыд. Ню на цебе цёрны год! Хадзіць я, хадзіць за табою, буль я двойцы ў тваёй хаце, аз ледво тут я цебе знасоў. Калі ты мне аддасі за гарэлку?

Селянін. Прападзі ты! Не маю гдзе ад цебе падзетца. Аддам, ліхо не возьмець!

Жыд. Усё казэс, сто ад'ям, ад'ям, а я даздатца не магу твайго ад'ям. Арэнду мне трэба цепер плаціць. Каньцо, аддай!

Селянін (*бярэ жыда за руку*). Ну, пане арэндару, ужо я табе шчыро кажу, што аддам. Відзь же ты ведаеш добра, што я іглаць не умею.

Жыд (*смяецца*). Ню і сто ты казэсь! І калі ты тагды адаў, калі абецаў? Аддай, канецна, цепер. Узо табе болей верыць не буду.

Селянін. Прападзі ты з тваёю гарэлкаю! Не, не, не буду ніколі на павер браці.

Жыд. Беры, не беры. І хто цебе просіць? Толькі маё мне цепер аддай.

Селянін. Ідзі ты проч ад мене! Вот мне дроў трэба рубаць, не з табою балакаць.

Жыд. Аддай ты маё мне, так я і пайду.

Селянін. Ня лезь жа ты мне ў очы, я табе кажу! Бо я табе тут як задам, то ты а ні пантофляў², а ні ярмулак³ сваіх не пазбераеш!

Жыд. Ню і сто ты, свіня, не аддаес таго, сто вінен? (*Жыд смакуе, а потым мовіць.*) Ой, ой! *Wey mir gwalt!*⁴ І есцо лаессе.

Селянін. Ідзі ш ты ад мене, ідзі хоць у хату маю, а я, дроў насекшы, прыйду.

Жыд. Ню і гдзе я цебе буду сукаць, узо я і так много за табою нахадзіўсе?! Лепс ты мене сукай! (*Здзірае ў селяніна з галавы шапку.*)

Селянін. Ах ты нехрэснік, паганьскі сын! Што ты мяне, чы злодзея знашоў? (*І сханіўшы жыда, тармосіць яго, адбірае сваю шапку, нават здзірае з жыда плашч.*)

Жыд. Гвалту, гвалту! Ратуйце, ратуйце сыногогі, мае Сорэнкі, Ецкеле, Мацкеле!

Селянін. Крычы. Каб табе ражон у горла ўлез, каб табе скула горла разтачыла!

¹ фальшывая манета, бляшка. ² чаравікаў. ³ шапак. ⁴ Гора мне, гвалт!

Жыд. Ню і за сто, ты, разбойнік, цорны год на тебе, мене кленес і б'есьсе і сто вінен не аддаес? Аддай прынаймней хоць плашч!

Селянін. Аддам табе тагды плашч, калі ты мне прыбецаеш той доўх дараваць, што я ў тебе напіў.

Жыд. Але, пане Дземідзе, па сумленю толька сам падумай, ці магу ж я тое сказаць, сто ты мне невінен, калі аб гэтым даўгу мае Сорэнкі, Ецкеле, Мацкеле даўно узо ведаюць? Я дарую, сто узо не пайду да пана на скаргу за тоё, сто ты мене акрвавіў, забіў, абдзёр, як разбойнік у лесе. *(Смакуе тут і мовіць.)* А за тоё б усё у сраку¹ узяў бы!

Селянін. На табе апаньчу, прападзі ты ад мене.

Жыд. Ці мне ў хату тваю ісці?

Селянін. А тебе чы чорт там пагоніць?

Жыд. Відзь же ты казаў мне пероз, кэб я ў хату тваю пасоў і тебе цакаў.

Селянін. Добра, добра. Круціся хоць к чорту!

Жыд. Будзь здароў! Дзякую, сто з дусою мене пусціў.

СЦЭНА 3-я

Селянін. Бедны я, бедны чалавек! Вот і жыда чорт на маю галаву нагадзіў. Усему гэтаму бацька наш першы Адам вінават. Кап то ён не заграшыў, то бы жыд пракляты, сьмердзюх астатні, мне ў вочы за гарэлку не лез бы. А я б у раю што дзень па паўтара б гарца² з квартаю і палавінкаю выпіваў бы і ўсё б сабе спяваў: ай, ай, аю, гога, гога, годзгі, дзга. А цепер больш клопату, ніж піця. Ага, ту на тебе, Адам, Адам! На ліхо табе было слухаць жэншчыны? Было табе ее вероўкаю. От так, як я сваю часто свенчу, каб да ее ліхо не прыступіло. Так бы і ена б табе ў очы б не лезла. *(Тут селянін смакуе і мовіць далей.)* Эге, каб то я быў табою! Ужо б я і Еве задаў бы вероўкаю. Ох даў бы, даў бы! А сам у карчму, дай пагуляў бы. А цепер хоць ты, пане, трэсьні гаруючы, працуючы. Ох, Адаме, Адаме!

СЦЭНА 4-я

Д'ябал, Селянін, Жыд

Д'ябал. Za co ty tak srodze na Adama narzekasz?³

Селянін. Неўжо ш ты, пане, не ведаеш, што з яго ўсё на нас ліхо ўзышло?

Д'ябал. Jakie licho?⁴

Селянін. Вот і цепер мазоліцца трэба, аддыхнуць некалі. Мала што кроўю не пацею, аж пакуль не пакуль кавалак хлеба зараблю. Земля ўжо неўраджайная стала. Дужо много паклапацішсе і нагаруешсе, пакуль не ўродзіць. Усё нам напроціў ідзець. Усё на нешчасьце.

¹ у сорок разоў больш. ² трохлітровая бутэлька. ³ За што ты так строга наракаеш на Адама? ⁴ Якое ліха?

Не спадзяватца добра. Нішто так не ўдаецца, як мы хочэм. Чы пазнаў ты, вашэць¹, цепер нашую беду? А як жа нам на яго не наракаць і плакаць. Хэ, хэ, хэ (плана). Ох Адам, Адам, кап тебе ніколі больш не ўспамінаў!

Д'ябал. Ale co temu Adam winien, że go tak często i z uzaleniem wspominasz?²

Селянін. Эге! Калі ты, вашэць, не ведаеш і не спытваў ешчо таго прабаваць, так і не пытайце!

Д'ябал. Ale а, а, а,...

Селянін. Ідзі проч кажу! (Замахваецца.) Кап ты скрозь землі пашоў!

Д'ябал. Ale а, а, а,...

Селянін. Ага, ту на тебе! Усё толькі кажэш: а, а... Кап ты сам пашоў да папрацаваў так, як мы, не бойсе, і тебе б ліхо ўзело б!

Д'ябал. Ale, panie Dziomka, nie bądź że tak srogim³.

Селянін. Адкуль ты, вашэць, ведаеш а маім іменю?

Д'ябал. Przedemną niemasz nic tajnego, i dla tego wiem co to jest praca, ale tego się tylko pytam, dla czego na Adama parzekasz?⁴

Селянін. Скажы ш ты, вашэць, мне, за што ты так чорны, як чорт?

Д'ябал. Krótko prawda pracował, ale ednak aż szczerniałem⁵.

Селянін. Не пазнаў я, што ты казаў. Для чаго, для чаго?

Д'ябал. Dla tego, że nie tak czynił, jak mi należało⁶.

Селянін. Да што да таго належыць? Я і часто так не раблю, як мне паны кажуць, аднак я не чорны.

Д'ябал. Często byłeś czarny, tylko żeś siebie nie widział⁷.

Селянін. Што ты кажэш, я себе не відзеў? Ілжэш, ілжэш! Вот я табе кажу, што ты ілжэш.

Д'ябал. Tu i teraz czarny, obacz się⁸. (Паказвае люстра.)

Селянін. Прападзі ты! На што мне гэтае зеркало? Я сёгодня, ідучы касіць, у чыстым ручаю, калі піць захацелосе, гледзеўсе, аднак не чорны.

Д'ябал. Nie tak, jak należy, na siebie się patrzył⁹.

Селянін. А як жэ там у чорта?

Д'ябал. Oto tak, oto tak¹⁰.

(Скачучы каля яго, зноў паказвае люстра.)

Селянін Не хачу, не хачу.

Д'ябал. Trzeba z grunty siebie poznać¹¹.

Селянін. Як жэ там належыць себе пазнаць? Скажы ты мне.

Д'ябал. Niedość jest na siebie patrzeć oczema cielesnymi, lecz trzeba i dusznymi¹².

¹ Ваша міласць. ² Але прычым тут Адам, што так часта і з крыўдаю яго ўспамінаеш? ³ Але, пане Дзёмка, не будзь жа такім строгім. ⁴ Для мяне няма нічога тайнага, і таму ведаю, што то за праца. Але таго толькі пытаюся, за што ты на Адама наракаеш? ⁵ Нямнога, праўда, працаваў, але, аднак, аж счарнеў. ⁶ Для таго, што я не так рабіў, як мне належала. ⁷ Часта ты быў чорны, толькі што сам сябе ты не бачыў. ⁸ Ты і зараз чорны. Паглядзіся! ⁹ Не так, як належыць, на сябе глядзеў. ¹⁰ Вось так, вось так. ¹¹ Трэба грунтоўна пазнаць сябе. ¹² Не дастаткова яшчэ глядзець на сябе знешнім зрокам, але трэба яшчэ паглядзець і ўнутраным зрокам.

Селянін. Мой дабрадзею! Скажы ты, вашэць, мне, чы душа маець очы? Я ведаю, што маю душу і цело і ў галаве ёсць дзве очы; так у душы мусіць быць болей, бо мне казалі папы, што душа ёсць большая, як цело.

Д'ябал. Prawda, bo więcej poznajesz, aniżeli widzisz: widzisz tylko jedną rzecz, a z niej i dziesięć wniosków uczynisz¹.

Селянін. Ты, вашэць, мусіш быць дужо мудрым, бо калі што кажэш, так я і пазнаць не магу. Скажы ты, вашэць, мне, што гэта за падвёнзкі? Ох не! — за звёнскі, за звёнскі?

Д'ябал. Ja nie mówię związki dziewochie, ale to jest, kiedy ci z jednej rzeczy poznanej druga wypływa².

Селянін. Да душы ш гэта праўда мусіць быць, бо мне часто кроў з носа плывець.

Д'ябал. Och! Nie to ja ci mówię, ale gdy ty widzisz, że żona twoja, rozłożywszy ogień na zgotowanie wieczerzy, idzie do ogrodu pomyslisz sobie, że jej jakiej rzeczy nie staje do przysmaku³.

Селянін. Да душы ш, гэта зусім шчэрая праўда. Я ёй часто прыпамінаю, кап ена мне хрэну, чосныку, рэцькі, цыбулі, пастэрнаку, петрушкі да агурцоў прынесла.

Д'ябал. Otoż znau dopiogo, co to jest wniosek⁴.

Селянін. Знаю. Але ты, вашэць, мой дабрадзею, калі ты, вашэць, гэтак мудры, парадзь мне, якім спосабам я магу быць багатым, бо здаецца, што я досыць дужо цяшкю працую, аднакова як не маю нічога, так не маю. Ох Адам, Адам! У екіе ты нас горы ўвёў!

Д'ябал. Co tobie winien Adam? Za co ty na niego parzekasz?⁵

Селянін. А як жэ не наракаць, кап его чорт узяў! (*Б'е сябе на губах.*) Адпусьці, божэ, грэха, відзь жэ ты відзіш як я працую, а гэта ўсё з его ласкі.

Д'ябал. Citże! Cit! Nie składay na niego winy: ty sam często winnieyszym jesteś⁶.

Селянін. Адкуль ты знашоўсе ў ліха гэтакі патрон? Ведама нет. Я знаю, што ён мене ў гэтаё ліхо ўправіў і ўсех нас мужычкоў п'аеў.

Д'ябал. Jakim sposobem?⁷

Селянін. Ох, які ж ты велікі дурак! (*Смяецца і гаворыць.*) А завёнзках мне гаварыў, а гэтаго не знаеш?

Д'ябал. Ja znam wszystko, jednak chcę wiedzieć, jakim siebie sposobem Adam zgubił?⁸

Селянін. Вот як зарваў яблычак з дзерава праклятого, так і саг праклятым застаў і нас праклятымі пачыніў. Ох, кап я тагды на емо мейсцы быў, так бы я ніколі таго не ўчыніў; прападзі ено!

¹ Праўда, бо больш пазнаеш, чым бачыш. Бачыш толькі адну рэч, а з яе і дзесяць вывадаў зробіш. ² Я не гавару саюз, дзівака. Але то ёсць, калі табе з адной пазнанай рэчы выплывае другая. ³ Ох! Не то я табе мовлю. Але калі ты бачыш, што твая жонка, разлажыўшы агонь для прыгатавання вячэры, ідзе на агарод, то падумаеш сабе, што ёй якойсьці рэчы не дастае да прысмаку. ⁴ Вось так і ведай, што то ёсць вывад. ⁵ Што табе павінен Адам? За што ты на яго наракаеш? ⁶ Цыц жа, цыц! Не ўскладай на яго віну. Ты сам, часта горшым бываеш. ⁷ Якім чынам? ⁸ Я ўсё ведаю, аднак хачу ведаць, якім чынам цябе загубіў Адам?

Жыд (*выходзячы крычыць*). Дзёмка, Дзёмка! Гдзе ты ў ліха згінуў, а я... (*Хоча далей мовіць, але, убачыўшы чорта, просіць прабачэння.*)
Wybacz WPran, że ja WPa. niewidziawszy na Dziomkę krzyczałem, bo on mnie winien¹.

Д'ябал (*да жыда*). Żadney mnie przez to krzywdy nieuczyniłeś².
(*Жыд кланяецца, а чорт, махаючы на яго рукой, кажа тым часам селяніну.*) Nie znasz, co gadasz: ot ty mnieyszey rzeczy nie zachowasz³.

Жыд. Дзёмка. Пытайсе, — екое!

Селянін. Смердзюх! Пашоў ты вон! Я без тебе з гэтым панічком разгаварусе.

Жыд. Да ну ты, дурак! Пытайсе, — екое! (*Чорт прыглядаецца да яго.*)

Селянін. Да ўжо ш папытаюсе... Ох, ох, забыўсе, прападзі ты! Эге, эге! Екое ты панічок, казаў рэчы?

Д'ябал. Oto nie wytrzymasz, gdybyś nic nie mówił, ani pisnoł przez godzinę⁴.

Жыд. То prawda, co WPran dobrodzey mówis⁵.

Селянін. Ідзі проч, смердзюх! Я не выцерплю, калі табе ў морду дам, а што маўчаць без тебе патрафлю⁶.

Д'ябал. Nie potrafisz⁷

Селянін. А заклад хадзі за мною.

Д'ябал. Dobrze! O jaki zakład?⁸

Жыд (*мовіць сам сабе*). Дай бог Дзёмку выграць: то бы мне зараз за гарэлку заплаціў!

Селянін. Ты, вашэць, мне дасі сто рублей, калі я дацерплю.

Д'ябал. Dobrze, dobrze! Dam i dzwieście i trzysta⁹.

Жыд (*зной сам сабе*). Ох, ох! Екі ён велікі будзець пан, калі губу засыець!

Селянін. Под сумленем толькі кажыш, вашэць, што аддасі?

Д'ябал. Tak jest! Ale kiedy ty niedotrzymasz to co będzie?¹⁰

Селянін. Тагды я тваім буду падданым.

Д'ябал. Dobrze, dobrze!¹¹

Жыд. Дзёмка, скарэй перэбівайце рукі!

Селянін. Дай жэ ты, вашэць, на тым мне руку, што калі я дацерплю, грошы мне аддасі.

Д'ябал. Pamiętaj że, że moim będziesz poddanym!¹² (*Дае селяніну руку.*)

Селянін. Пане арэндару, перэбій, вашэць, нам рукі!

Жыд. Дай бог Дзёмку выграць! (*Перабівае тут жа ім рукі.*)

Д'ябал. A czy wiesz, kto ja jestem?¹³

Селянін. Не ведаю.

¹ Выбач, вашмосць пан, што я вашпана не заўважыўшы, гукаў Дзёмку, бо ён мне вінен. ² Ніякай ты мне крыўды тым не зрабіў. ³ Не ведаеш, што пляцеш. Вось ты меншай рэчы не захаваш! ⁴ Не вытрымаеш вось, каб не загаварыць і не піснуць на працягу адной гадзіны. ⁵ То — праўда, што вашпан дабрадзей мовіш. ⁶ здолею. ⁷ Не здолеш! ⁸ Добра, добра. Аб які заклад? ⁹ Добра, добра. Дам і дзвесце і трыста. ¹⁰ Безумоўна. Але, калі ты не вытрымаеш, то што будзе? ¹¹ Добра, добра! ¹² Памятай жа, што будзеш маім падданым! ¹³ А ці ведаеш, хто я ёсць?

Жыд (прыглядаецца).

Д'ябал. Jestem djabeł!¹ (Зрывае з сябе плашч.)

Жыд (уцякае ад яго, спалохаўшыся, крычыць). Гвалту! Гвалту!

Селянін (хоца уцякаць. Д'ябал трымае яго за руку. Селянін тра-сецца).

Д'ябал. Jeżeli nie dotrzymasz zakładu, duszę twoją weźme do piekła, ato bez żadnego pardonu. Pamiętaj że na to!²

Селянін. Ах, ах! Да што тут мне рабіць? Да ўжо ш, пане д'ябле, датрымаю, датрымаю.

Д'ябал (адыходзячы кажа). Patrzaj że!³

Жыд (з парывам да селяніна). Дзёмка! На табе іголку, засый губу сабе.

СЦЭНА 5-я

Селянін. Ну ж, папаў жэ я залажытца!.. Ох, кап я ведаў, хто ён ёсць, не ашукаў бы тагды ён мене! А цепер і рады сабе даць не магу, што маю рабіць. Аднак заклад датрымаць трэба, бо з д'яблэм жартаваць не патрафлю. Ашукаў жэ ён мене?! Каб то можна было, адрок бы се і закладу, да ён не адступіць. Вот беда! Не а цяшкую то, праўда, рэч тут ідзець. Маўчаць, здаецца, патрафлю. Гэта ж невелікая рэч — пераз гадзіну маўчаць. Я на пару⁴ пераз цалюхэнкі дзень маўчу, калі ў полю раблю; так мне не цяшко будзець закладу дадзержаць. Да як жэ ўжо дадзержу, так буду мець сто рублей, а можа і болей, як ён сам казаў. Тагды ж я сабе статку накупляю, пану, што вінен, аддам і ешчо на гарэлку, з маладзьбы ідзя напітца, застанецца. Арэндар тагды не скажэць, што не дам. Ох, кап ён тагды сказаў, што не дам, то бы я яго ў морду, у морду, або адною рукою за пэйсахі⁵, а другою паказваў бы грошы. Тагды бы ён быў для мене лепшы! (Размаўляючы, паказвае, як ён біў бы жыда.) І суседзі тагды будуць мне кланецца, калі абачуць, што я багаты. А Гарасім, хоць мой велікі непрыяцель, аднак, спадзеюсе, што будзець кланецца, кап я толькі ему на чыш⁶ грошы пазычыў. Да нет! Не вырвецць. З'есць чорта — не дам... не дам, хоць бы і з'еў. Нехай розуму научыцца. І д'ябла ўжэ чорт несець: трэба губу затыкаць. Ужо му-сіць быць тая гадзіна?

СЦЭНА 6-я

Д'ябал і Селянін

Д'ябал. Już się zbliża czas, byś twoje wykonywał przyrzeczenie, godzina wraz uderzy, od tey zaczniesz twoje milczenie⁷.

Селянін. А чы скоро?

Д'ябал. Oto wraz, pamiętaj że, żebyś się dobrze zachował w przy-

¹ Я д'ябал. ² Калі не вытрымаеш умовы, душу тваю забяру да пекла без пра-бачэння. Памятай жа аб тым! ³ Глядзі ж! ⁴ Поле, адведзенае для пасеву жыта. ⁵ валасы. ⁶ падатак. ⁷ Ужо набліжаецца час, калі ты павінен будзеш выконваць умову. Зараз часы праб'юць гадзіну. Ад яе пачнеш маўчаць.

greczeniu swoim; ja ci sto rublow i więcej bez wątpienia oddam, nadto jeszcze przyrzekam tobie, iż coocznie będę ci dawał, kiedy dotrzymasz¹.
Селянін. Дацерплю, бо губу пакулем у дзёхцэ памачыўшы заткаю.
Д'ябал. Nie potrzeba, ty tak przez godzinę wytrzymaj w milczeniu².
Селянін. Вытрымаю. Да душы ш, вытрымаю. Што гэто!
Д'ябал. A kiedy nie?³

Селянін. Так душа твая будзець.

Д'ябал. Patrzaj że, ja ciebie ostrzegam, żebyś potem na mnie nie parzekał, bo jak nie dotrzymasz zakładu, ja ci pardonować nie myślę⁴.

Селянін. Я табе кажу, што дацерплю! Дацерплю. Чаго ты хочэш ад мене.

Д'ябал. Słuchaj że jak godzina uderzy, żebyś zaraz umilkł⁵.

Селянін. Без твае казкі я гэто ведаю. Ідзі сабе проч.

Д'ябал. Patrzaj że!⁶ (Адыходзе.)

Селянін. Добра, добра.

СЦЭНА 7-я

Селянін. Вот цепер абачым, хто каго перэможэш. Ён кажэць, што мене возьмець да пекла, калі маўчаць не буду. А я кажу, што ён і з родэм сваім не даждзець, бо я гатоў сабе губу на калутку замкнуць. Але, праўда, прыпамінаю сабе, на што мне тые калоткі, на што тые пакуле з дзёхцем. Вот калі захоцацца гаварыць, так я рукою губу заткаю. Вот гэтак (паказвае). Абачым, што ён мне тагды зробіць! А коньчо выграю сто рублёў. Вот тагды мне будзець добра! (Садзіцца. Гадзіннік б'е. Цыц, цыц! Паказвае мімікай.)

СЦЭНА 8-я

Непадалёк ад селяніна трое дзяцей. Яны хочуць падняцца на неба па спущанай ім драбіне, але не ўмеюць гэтага зрабіць. Селянін спачатку жэстамі паказвае ім, як трэба лезці, а потым не вытрымаў і загаварыў, а калі паспрабаваў лезці па драбіне сам, драбіна паднялася. Селянін падае, дзеці з крыкам знікаюць.

СЦЭНА 9-я

Д'ябал і Селянін

Д'ябал (выскачыўшы хане селяніна і цягне). A przysięga gdzie? Przysiękłeś, że będziesz milczał; poszedłeś w zakład, a oto nie dotrzymałeś: ja ciebie teraz do piekła poprowadzę⁷. (Цягне, селянін устае.)

Селянін. Мой ты наймілейшы дабрадзею! Прапрашаю, выбачай мне,

¹ Вось зараз. Памятай жа, што павінен добра трымацца сваёй умовы. Я табе без сумнення аддам 100 рублёў і болей. Звыш таго яшчэ абяцаю, што буду даваць табе іх кожны год, калі стрымаеш нашу ўмову. ² Не трэба. Ты так вытрымай маўчанне на працягу гадзіны. ³ А калі не вытрымаеш? ⁴ Глядзі, я цябе папярэджваю, каб потым на мяне не наракаў, бо як не стрымаеш умовы, я табе не дарую. ⁵ Слухай жа. Як толькі гадзіна ўдарыць, каб зараз жа замоўк. ⁶ Глядзі ж! ⁷ А прысяга дзе? Заракаўся, што будзеш маўчаць, пайшоў у заклад, а ўмовы не вытрымаў! Я цябе зараз адпраўлю да пекла.

бо гэтыя блазны да астатнсе злосці мене увелі. Чы ім бог розум адабраў, чы што ў чорта, як ім не пазнаць таго, як лезць трэба па драбіне? (*Трасецца і кланяецца.*)

Д'ябал. A co to do ciebie należało, wszak ty tylko milczeć powinienś być, bo taka nasz jest zakład¹.

Селянін. Да як жэ было сцерпець, калі аж у злосць уступіў (*кланяецца д'яблу*).

Д'ябал. Co mi do tego, ja mam prawo do ciebie tyś moy².

Селянін. (*становіцца на калені і складае рукі*). А дабрадзею! Да даруй жэ ты, вашэць, мне ўжо, — папраўлюсе!

Д'ябал. Niemożna, taka była nasza umowa³.

Селянін. А панічэнку, а будзь жэ ласкаў!

Д'ябал. Widzisz, jak niesłusznie narzekałś na Adama, kiedy ty dopiero jeszcze gorzej zrobiłś?⁴

Селянін. Да знаю тоё; толькі пазволь ешчэ хоць трошачкі, а ўжо ш буду маўчаць.

Д'ябал. Mam wzgląd na twoją ułomność, pozwolam ci na czas jaki frysztu, ale patrzaj, żebyś znowu jak ci przykaże milczenie, ścisłe zachował, bo ci drugi raz już nie daruję⁵.

(*Селянін кланяецца, д'ябал адыходзе.*)

СЦЭНА 10-я

Селянін. Вот у якую я беду улез! Хвароба тых блазноў на маю голаву прынесло. Вох! Якіе ены дуракі? На драбіну хацелі ўлезць то аднымі нагамі, то аднымі рукамі, то вешалісе. Ліхо ведаець, што ены рабілі; а я бачыў, што дужо прыгожо з гары нехта іх прасіў. Да як жэ было маўчаць, хоць трэба было, бо я пашоў у заклад, але я тагды і забыўся, як мене у злосць увелі. Нехай жэ буду на другі раз астаражнейшым! З'есі ты ліха, пане д'ябле, калі мене болей ашукаеш! Кап ты цепер і недзведзёў на мяне спусціў, то ўжо буду маўчаць. Цепер ешчо схаджу да дому, пакуль тая пара не прыдзець. Трэба абачыць, што там дзеецца, работу екую сабе загадаць, а ўзад потым сюды прысьці. Гэтыя сто рублей мушуць такі мае быць, — коньчо. (*Адыходзе.*)

АКТ ДРУГІ

СЦЭНА 1-я

Селянін. Што гэта ёсць такоё? (*Аглядаецца.*) Здаецца, што тоё ж самоё мейсце, а цепер ужо адменілося. Так борздо. Да чаго я дзіўлюсе! Шак гэтаму пану д'яблу нічога не трудно. Мусеў я трохі доўго

¹ А якое то да цябе мела дачышненне? Ты толькі павінен быў маўчаць, бо такая наша ўмова. ² Што мне да таго? Я маю права на цябе; ты мой. ³ Немагчыма. Такая была наша ўмова. ⁴ Бачыш, як няслушна наракаў на Адама, калі ты сам вось яшчэ горш зрабіў? ⁵ Зжалюся над тваім недахопам, дазволю табе ўжо на нейкі час фору, але глядзі, каб зноў, як я табе загадаю маўчаць, маўчаў упарта, бо ў другі раз я табе ўжо не дарую.

забавітца. Чы не быў ён ужо тут? Чы не біла ўжо гадзіна? Праўда, кап была ўжо пара, знашоў бы ён мене. Мусіць быць, што нет ешчо тае пары, пачакаю я тут троха, гдзе маю хадзіць; калі прыдзець, так добра. Але ведаю, што прыдзець, бо ему дужо душы мае хочецца. Не, не! Хоць сабе ілбы і голавы паукручваюць, лезучы на драбіну, ужо я ім не пакажу, як лезці. Не, другі раз мене не ашукаюць. Я цепер, як пара прыдзець, вазьмусе за лупы, а дзержаць моцно буду, хоць і хацець буду гаварыць што, то не буду махчы. Раз уда лася штука, другі раз не заўтра мене падмануць. Дзержысе, Дземідзе, дзержысе, небожэ. Ой буду, буду. Не ухопіць ужо цепер. З'есць чорта! Ну што ж дзелаць? Ужо сталосе. На другі раз буду астаражнейшым; цепер усе абачуць, як я буду маўчаць. Вот гэтак, напрымер (*бярэцца за губы і трымае іх*). Хоць хацеласе б што гаварыць, тагды б гэтак (*зноў стрымлівае сябе*).

СЦЭНА 2-я

Жыд і Селянін

Жыд. Дзёмка, сказы ты мне, як ты ад цорта адкаснуўсе.

Селянін. Ох, кап ты і з чартом разэм прапаў, тагды б я смеяўсе.

Жыд. Да ню, Дзёмка, сказы ты мне, ці выграў ты?

Селянін. А табе што да таго, чы я выграў, чы не?

Жыд. Я для таго пытаюсе, калі ты выграў, так ты мне за гарэлку заплаці.

Селянін. Не бойсе! Чорт не вазьмець — заплачу. Але абачым, чы вазмеш і чы захочэш мае заплаты.

Жыд. Чаму не! Аддай толькі

Селянін. Чорт за мене табе меў заплаціць.

Жыд. Я не хацу, кап мне цорт плаціў, ты сам мне заплаці.

Селянін. Да не будзь же ты дураком, ён зараз заплаціць.

Жыд. Не хацу я. Не хацу, кап ён мне плаціў, ты сам мне заплаці.

Селянін. Ужо я яго прасіў і ён мне прыбецаў табе заплаціць.

А вот і ён з грошмі ідзець.

Жыд. Гдзе? Гдзе? (*Трасецца.*)

Селянін. Восека, восека (*наказвае у той бок, адкуль выходзіць д'ябал, і сам спалохаўся*).

Жыд (*крычыць*). Гвалту, гвалту! (*і уцякае ракам*).

Селянін. Арэндар, арэндар! Вазмі грошы!

СЦЭНА 3-я

Д'ябал папярэдзвае селяніна аб тым, што набліжаецца ўмоўленая гадзіна, на працягу якой селянін павінен маўчаць, бо другі раз парушэнне ўмовы яму не будзе даравана. Папракае селяніна за тое, што ён дарэмна наракае на Адама, а сам не паважае бога, якога нават ён, адвержаны богам д'ябал, паважае за бога. Селянін апраўдваецца тым, што яго зводзіць чорт сваёю хітрасцю. Д'ябал пярэчыць гэтаму і ў якасці прыкладу прыводзіць сябе. Селянін на гэты раз заракаецца маўчаць.

СЦЭНА 4-я

Селянін. Вот другі раз безязыкім трэба зрабіцца для закладу. Ох, кап я яго ніколі не знаў! Вот заграшыў! Захацеласе сто рублей мне. Здалосе, што малая рэч маўчаць. А цепер, як я пазнаў, з кім я ў заклад пашоў, і ўсе яго фігле як ужо абачыў, і пазнаў чаго ён ад мене хочэць, так дужо душа мая трасетца маркотная, хоць я не баюсе: ведаю, што дацерплю маўчаць, хоць бы цепер тые блазны і голавы сабе паукручвалі.

СЦЭНА 5-я

Селянін і Жыд

Жыд. Дзёмка, а Дзёмка! Я знаю, што ты дужо маркотны. Сказы ты мне, як ты ад д'ябла адкаснуўсе?

Селянін. Не лезь жэ ты мне ў очы. Мне і так ужо на душы усяко.

Жыд. Да ню, Дзёмачка! Сказы, а сто табе.

Селянін. Да не сто. Адна да ліхая. Вот і жылот баліць і ўсему ледак, і гаварыць не хочэцца. Ідзі ты сабе проч.

Жыд. Чы не нап'есе ты гарэлкі?

Селянін. А чы маеш жа ты тут?

Жыд. Я цепер па сеўбаваным ездзу, есцо засталосе тросацка, вот тут і конь мой за леском стаіць.

Селянін. Ах, змілуйсе, пане арэндару! Пакрапі ты мене.

Жыд. Заплаці ты за тую гарэлку, так я табе дам.

Селянін. Пане арэндару, павер жэ ты мне, змілуйсе! *(Кланяецца.)* Хоць гэтак разок, а я прысегаю, што за пуўдня з гасцічыкам табе аддам, толькі з д'яблам законьчу.

Жыд. Дай жэ руку на тым, што ты сам мне аддасі, а пана д'ябла не будзеш прасіць.

Селянін *(падае руку і гавора)*. Верно і шчыро табе як казаў, так і кажу.

Жыд. Ці гнаўсе тагды за мною д'ябел, як я уцекаў?

Селянін. Хацеў гнатца, да я не пусціў. Да дай жэ мне гарэлкі, дай!

Жыд. Ой, як я напузаўсе, і дусы ў мене не было.

Селянін. Арэндар, да ідзі ш ты па гарэлку!

Жыд. Да сказыс ты мне, як ты яго удзерзаў?

Селянін. Не ўжо! Досыць мне с табою балакаць. Не дасі ты мне гарэлкі? Зараз сьвісну ж я на чарта, а ён прыбежыць зараз, да дасць жэ табе, дасць. *(Хоча свіснуць.)*

Жыд. Не заві, не заві! Я зараз прынесу. *(Адыходзе.)*

Селянін. Не бойсе ж. Ох, як ён баіцца д'ябла. Зараз ён тут гарэлкі мне прынесець, ужо ш тагды напіўшысе ашукаю і чарта. Чы не казаў я, што ён будзець бавіцца. *(Жыд нясе бутэльку.)*

Жыд. На, на, на. Толькі цорта не заві.

Селянін. Не буду, не буду. *(П'е.)*

Жыд. Змілуйсе, змілуйсе.

Селянін. Чаго ты так чарта баісся? Я табе кажу, што не боіся, а так у заклад з ім ідзі, як я.

Жыд. Не хацу, не хацу.

Селянін (*н'е і аддае бутэльку*). Дзякую.

Жыд. Хто гэта стукаець, ці не д'ябал ідзець?

Селянін. Можэ і ён.

Жыд (*трасецца і азіраецца*). Ой, ой, ой.

Селянін. Не трапечысе! (*Бярэ жыда за плашч.*)

Жыд. Пусці, пусці! Пайду, пайду!

Селянін. Пане д'ябле, да ідзі сюды! (*За занавесам гручаць.*)

Жыд (*вырываецца і, уцякаючы, крычыць*). Ой, ой, ой. Wey mir!

Цорны год на табе!

Селянін (*смяецца*). Ох, які жыд дурак! Чаму я д'ябла не баюсе? А ён, аж трасецца, мало што не уробітца. А вот і чорт ідзець.

СЦЭНА 6-я

Д'ябал папярэджвае селяніна, што хутка наступіць гадзіна, на працягу якой ён павінен маўчаць, а калі не вытрымае, каб потым не наракаў на д'ябла, што ён звёў яго, бо быў папярэджаны.

СЦЭНА 7-я

Селянін дзівуецца, чаго чорт такі добры, што напамінае яму пра яго абавязкі з такім стараннем, якога не хапае папам. Лічыць, што і чэрці бываюць добрыя і злыя. Пачуўся звод гадзінніка, селянін змоўк.

СЦЭНА 8-я

Тры браты (Аляксандр, Клеафас і Зосімас) вядуць размову аб сваім памёршым бацьку. З іх самы малодшы (Зосімас) нядобра ўспамінае нябожчыка. За гэта яго папракаюць браты. Пасля такой размовы яны збіраюцца ісці адкапаць для падзелу бацькаў скарб. Непадалёк ад сябе яны заўважылі селяніна.

СЦЭНА 9-я

Браты пытаюць селяніна, хто ён такі і што тут робіць. Селянін упарта маўчыць, а потым жэстам паказвае, што не можа гаварыць. Браты палічылі, што ён нямы, і прыступілі да раскопкі скарбу. Яны спяшаюцца адкапаць скарб да прыходу бацькавых кредытораў. Але, адкапаўшы яго, яны не могуць выняць скрыню, бо зрабілі вузкі праход. Кожны з іх спрабуе ўвайсці ў праход і не можа, а бокам залезці не здагадаюцца. Селянін паказвае ім жэстамі як залезці. Яны не разумеюць. А ён ад іх спроб залезці ў праход ледзь стрымлівае сябе ад смеху.

СЦЭНА 10-я

Селянін не вытрымаў маўчання і пачаў тлумачыць ім, як трэба залезці ў такім выпадку. Ён палез сам бокам у праход, а калі вылез адтуль, браты зніклі. Селянін падбухторвае хутчэй забіраць скарб, браты за гэта яго дзякуюць. І тут ён успомніў, што парушыў умову, але спадзяецца, што ніхто чорту аб гэтым не скажа. Надзяе шапку і садзіцца на сваё месца.

СЦЭНА 11-я

З'яўляецца сам д'ябал і папракае селяніна, што той зноў парушыў умову маўчання, і патрабуе, каб селянін пайшоў за ім у пекла. Селянін паказвае жэстам, што не павінен яшчэ размаўляць, бо не прайшоў умоўлены час. Д'ябал патрабуе ад яго тлумачэння, чаму ён не вытрымаў умовы закладу, нават пагражае селяніну адкруціць галаву за тое, што зараз маўчыць і не адказвае на яго пытанне. Селянін

штурхае д'ябла і зноў жэстам тлумачыць, што яму яшчэ не час размаўляць. Тады д'ябал пачынае яго цягнуць у пекла.

СЦЭНА 12-я

Селянін загаварыў, але пачаў адракацца таго, што ён размаўляў з трыма братамі і што нават не бачыў іх. А за тое, што д'ябал пачаў даводзіць яму, ён назваў яго першым ілгуном і махляром, які хоча скруціць выйграныя ім грошы. Тады д'ябал рашыў зрабіць яму вочную стаўку з братамі і пайшоў шукаць іх.

СЦЭНА 13-я

Селянін. Да! Гэта не жарты, калі ён іх воко на воко паставіць. Не ведаю, як я выкручусе. Да можа ены з чартом не будуць гаварыць: я ж ім добра зрабіў, бо ены хоць покрылі б, так бы ў гэтыя дзверы не ўлезлі б. Ены ему не скажуць, спадзеваюсе, што я з німі гаварыў, толькі трэба будзець, як толькі ены прыдуць, на іх кіўнуць, каб не сьведчылі. А вот ліхо ужо іх несець. Дай бог, кап ены не выказалісе!

СЦЭНА 14-я

Д'ябал тлумачыць братам, зачым ён іх прывёў. Селянін кланяецца ім і неўзаметку просіць іх, каб яны не сьведчылі д'яблу. Браты заяўляюць, што ім, як панам, не да твару даваць хлуслівае сьведчанне, і пацвярджаюць, што селянін сапраўды размаўляў з імі. Селянін разславаўся на братаў за гэта і пачаў іх клясці. Браты пайшлі.

СЦЭНА 15-я

Селянін просіць д'ябла дараваць яму і на гэты раз. Д'ябал яго папракае і не згаджаецца на просьбу. Але чулівыя просьбы селяніна парушылі ўпартасць д'ябла, і ён згаджаецца дараваць яму яшчэ адзін раз яго нястрыманасць.

СЦЭНА 16-я

Селянін. Ах, як я нешчаслівы! Ублутаўся у заклад, чы яго ліха на мене нагадзіла б. То хлопцы звялі, а цепер панічы, а чорт сам хіба ведаіць, што гэтай гадзіны будзіць. Запраўды не ўведаю, што я цепер рабіць буду. Закладу адрачыся ня можна, прасіць яго большы не патраплю. Вот як худа, так худа. Бяда, мая бяда. Чы мяне чорт у гэто уплутаў? Ах, праўда, што чорт; да я яго не знаў і нядужо тагды чорным быў, хоць кажуць людзі, што чорт чорны, а вот ён ня чорны быў. Чорт яго дзяры. Пайду толька я ў хату, пакуль тая гадзіна ударыць. Нядужа мне там доўга можна бавіцца, аднак пайду, хоць кароцінькі час. Ведаю, што незадоўга тая гадзіна ударыць, аднак хоць трошэчку з жонкай пацешуся, гаворачы.

АКТ ТРЭЦІ

СЦЭНА 1-я

Селянін. Аж змарыўся бегучы. Аддыхацца яшчо не магу, а ліхо знае, можа ўжо і запазніўся... Запраўды, здаецца, што ўжо спазніўся. Чы ня быў ужо тут д'ябел? Да яшчо здаецца, што яшчо рана; ня мусіў яшчо ён прыхадзіць. Бо мне здаецца, што ён аба мне лепей

мусіць помніць цяпер, бо і яму а рэч ідзець. А толькі кажуць людзі, калі удаецца раз і другі, так трэцяга ужо не спадзеватца. І ён казаў трэці і астатні раз пазволіў мне маўчаць. Вот тут мне альбо выграць, альбо праграць прыдзітца. Аднак праграць не спадзеваюся, бо як два разы я праіграў, так і уму набраўся. Не, не, ня выграіш! Трэці раз за мной, пане д'ябле! Ужо цяпер а ні на хлопцаў, а ні на панічоў уважаць ня буду. Нехай яны сабе, што хочуць, так робюць. Хоць бы сабе і на галаве ходзілі б, то я а ні паўслоўца не скажу; а яны сабе хоць голавы нехай круцюць, а я маўчаць буду, а ў духу смеятца: ха, ха, ха..., калі смешнага рабіць будуць. А гаварыць, да душы ш, ня буду, а ні слоўца. Хоць бы што захацелася, так я і губу заткаю і вочы завяжу, калі б толькі нічога не гаварыць, а ні абачыць. Але ж, калі дацярплю, — сто рублей маіх будзіць!

СЦЭНА 2-я

Жыд і Селянін

Селянін. Ах, беда мая, беда! Не ў кага мне і парадзітца: жоне ня хочытца сказаць, што я з д'яблам пазнаўся, а больш некаму і зверытца. Вот калі ліха на мяне прыходзіць. Калі я праграю, ніхто ня будзіць ведаць, гдзе падзенуся, і помінкі па мне ніхто не справіць. Пайду толькі я да арандара. Аднак ужо ён ведаіць. Нап'юсё гарэлкі, буду яго прасіць, кап ён пры мне быў. Да ён чарта баітца, не захочыць. Падарую яму палавіну грошы, што выграю, тагды можа намыслітца. (Кліча.) Арандар! Арандар! Хадзі толькі ты сюды.

Жыд. Ню чаго ты у чорта гамоніш?

Селянін. Да хадзі ш сюды, нешта табе скажу.

Жыд. Не. Не ашукаес болі; досіць тобе, — раз удалося, што я за табой наха...

Селянін. Да хадзі сюды, будзім грошы тыя дзяліць, што я ў д'ябла выграў.

Жыд. Ці узё ты выграў?

Селянін. А ўжо ш, на што я буду ілгаць?

Жыд. Сора, Сора! Падай мне бутэльку гарэлкі, пайду я пана Дзёмку пацёстую!

Селянін. Да не баўся ш.

Жыд. Зараз. Зараз.

Селянін. Ашукаецца ён.

СЦЭНА 3-я

Яўрэй выносіць селяніну гарэлкі і дапытваецца ў яго, як яму пашанцавала выйграць у чорта грошы. Селянін не адказаў на гэта пытанне, а паведаміў толькі, што хоча даць яму 50 рублёў пры ўмове, што яўрэй заўсёды будзе яго слухаць. Яўрэй згаджасца. Селянін просіць яго быць з ім у той час, калі прыдзе д'ябал, таму што д'ябал быццам бы адракаецца ад свайго абяцання выдаць селяніну 100 рублёў за свой пройгрыш. Пасля некаторых хістанняў яўрэй згаджасца быць сведкам селяніна.

СЦЭНА 4-я

Селянін выказвае надзею не спакусіцца на размову ў апошні раз, бо з д'яблам кепскія жарты. Д'ябал дакарае селяніна за яго папрокі ў адрас Адама і папярэджвае селяніна, што даруе яму апошні раз яго нястрыманасць. У селяніна застаецца апошняя мажлівасць для выйгрышу свайго закладу.

СЦЭНА 5-я

Селянін кліча яўрэя ісці да д'ябла і тут жа патрабуе ад яго абсалютнага паслушэнства. Яўрэй згаджаецца быць яго сведкам.

СЦЭНА 6-я

Селянін. Прападзі жыд, а мне цепер як з д'яблам закончыць. Гэта не жарт! Ні разу д'ябл так сярдзіта са мной не гаварыў. Тагды мог яшчо пазнаць, што падаруіць, але што цепер — не спадзяваюся. Бедны я цепер! Ці ня добрая мяне ў гэта уплутала ліха? Адрок бы ся ўжо і сто рублей і другія б сто адрабіў бы, але то не з чалавекам справа. Не патрэба яму грошы. Ён і сам каму можьць даць, ён толькі душы хочыць. Гэта праўда, што душа найдаражэйшая за ўсё, бо калі яе раз пацераеш, болі яе ня зышчыш... Вот як у бяду я улез. Вот як, наракаючы на Адама, з'еўся. Аднак яшчо спадзеваюся, што гэтак трэці раз вымаўчу. Здаецца, што хоць бы і самая ліха хацела са мною гаварыць, прышоўшы ка мне, не адкажу а ні паўслоўка... Што гэта ў чорта, ці не б'ець... не... праўда жэ б'е гадзіна. *(Селянін на жэстах паказвае розныя знакі.)*

СЦЭНА 7-я

З'яўляецца Пакутнік. Ён накіроўваецца ў пустыню, каб там прысвяціць сваё жыццё богу, бо свецкае жыццё яго не задавальняе сваёй грахоўнасцю. У час малітвы ён незнарок наступіў на дудку і палічыў, што стаў на гадзюку, назвы якой ён яшчэ не ведае. Такую нечаканую з'яву Пакутнік разглядае як кепскую прыкмету і палохаецца дудкі. Ён штурхае дудку палкаю, а яна пішчыць. Пакутнік вырашае забіць сваёю палкаю гэтае «агіднае стварэнне», але дудка пад ударамі палкі толькі пішчыць на ўсе лады. Пакутнік трасецца ад страху, а селянін ад смеху.

СЦЭНА 8-я

Селянін не вытрымлівае і пачынае размаўляць з Пакутнікам. Ён тлумачыць яму, што гэта не гадзюка, а звычайная руская дудка, на якой граюць, і пачынае граць. Пакутнік паказвае ў бок і пытае: «Што там за страшыдла?» З'явіўся д'ябал.

СЦЭНА 9-я

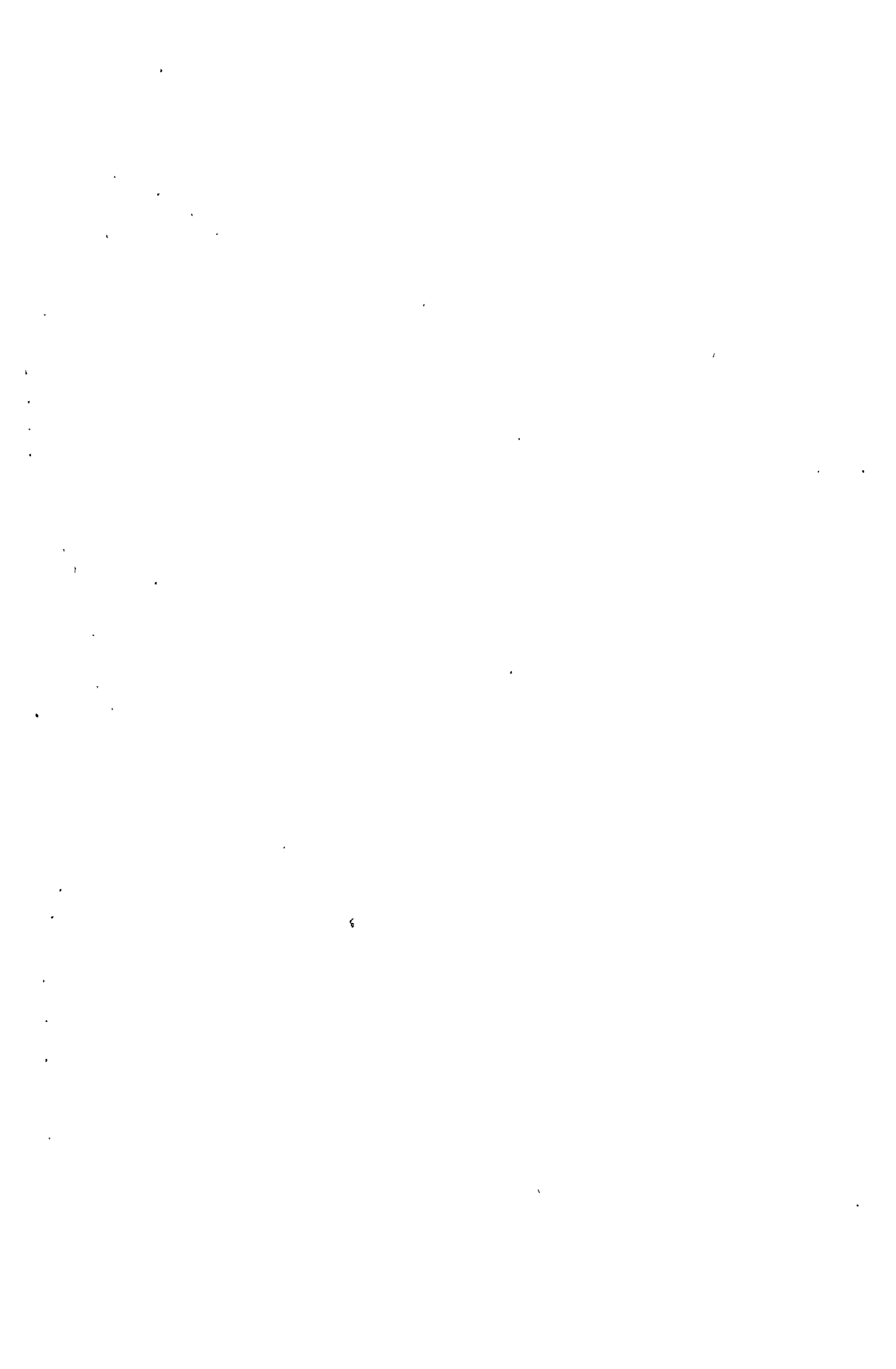
Д'ябал пытае ў селяніна, чаму ён і на гэты раз не стрымаў умоў закладу. Селянін тлумачыць, што вінаваты ў гэтым Пакутнік, які не разумее звычайных рэчаў жыцця. Д'ябал не згаджаецца з селянінам і заяўляе яму, што Адам, на якога ён наракаў, быў ахвярай чорта без папярэджання, а селянін, маючы папярэджанне, умудроны практыкай жыцця, аказаўся ў сваіх учынках горшым за Адама. Пакутнік спрабуе абараніць селяніна і просіць д'ябла дараваць селяніну. Д'ябал згаджаецца пры ўмове, што Пакутнік аддасць яму сваю душу за селяніна. Пакутнік спужаўся і пайшоў прэч. Селянін просіць д'ябла дараваць памылку. Д'ябал не згадзіўся, але даў яму некалькі часу для развітання з свецкім жыццём перад адпраўкаю ў пекла.

Д'ябал патрабуе ад селяніна, каб той пайшоў у пекла. Тым часам яўрэй падказвае Дзёмку напамінь д'яблу пра грошы. Селянін спрабуе яшчэ адгаварыцца ад д'ябла, але д'ябал патрабуе свайго. Яўрэй тады напамінае д'яблу, што той абяцаў Дзёмку грошы. Д'ябал не адмаўляецца, але тлумачыць, што Дзёмка іх у яго не выйграў. Яўрэй прэрэчыць. Д'ябал у адказ на гэта заяўляе, што ў такім выпадку прайграў яўрэй. Абрадаваны Дзёмка гаворыць д'яблу, што яўрэй сам згадзіўся аддаць д'яблу сваю душу нехрысця замест яго душы. Яўрэй спалохаўся, закрычаў: «Гвалту!» і пабег. Селянін просіць д'ябла не цягнуць яго ў пекла і абяцае выправіць свае памылкі.

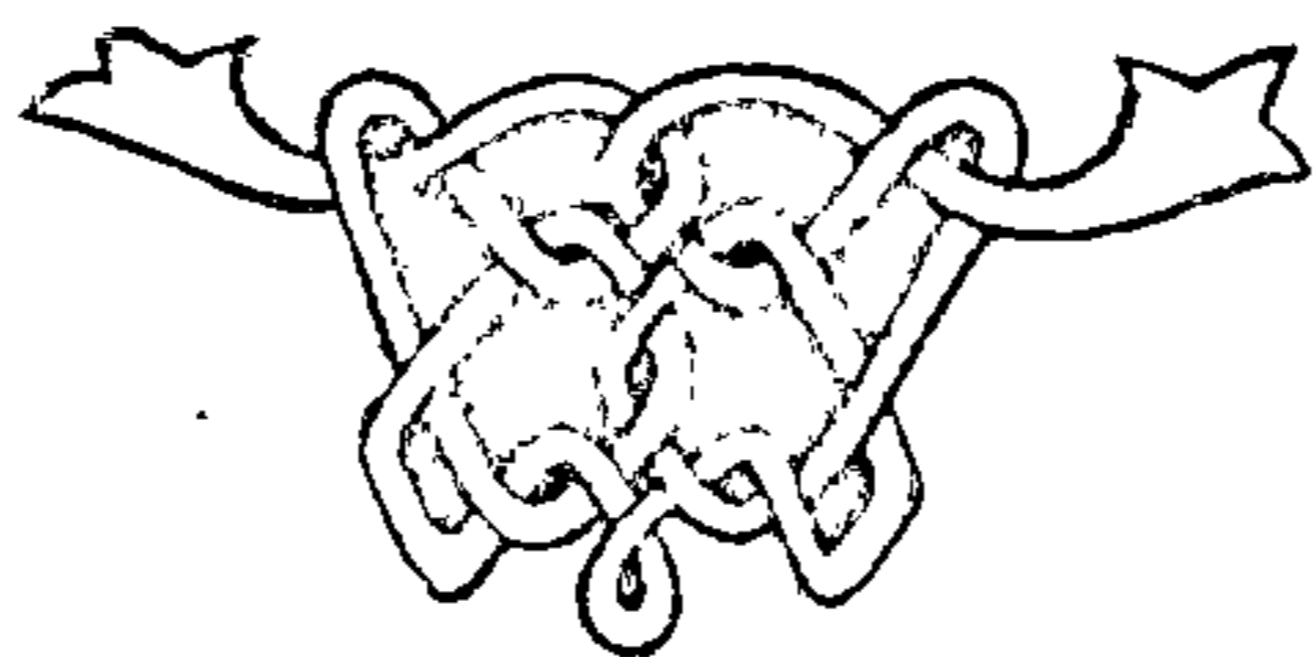
Д'ябал. Nic z tego nie będzie, miałeś przestrogi, wszak ja ci na samym początku mówiłem i przestrzegałem, a żebyś na mnie nie narzekał, nauczałem cię jak się masz zachować, ty jednak przestąpiłeś to wszystko, nie byłeś pamiętny na siebie, teraz już poydziesz ze mną. Poznają z ciebie wszyscy, którzy nie pilnują obowiązkow stanu swego, czego się spodziewać mają; nie do was chłopkow iednych to się sięga, może, a więcej powiem, że łatwiej popaść w też same nieszczęście u Pan, kiedy się sprawować nie będzie za przewodnictwem rozumu, który się na prawach boskich u kościelnych zasadza... To ja dobioero wszystkim powiadam u przestrzegam... nie narzekajcie odtąd na Djabła, mówiąc że Djabł nas zwiodł. Prawda, my chcemy zwieść, ale kogo znajdziemy powolnego; kto zaś ma na pamięci u sercu wyryte przykazanie boskie, u starasię one pełnić, do tego my żadnego prawa nie mamy. Bo Bóg z nim przemieszkiwa (*do chłopca*). Ty nie możesz się na Boga uskarzać, bo Bóg mi nawet ciebie ostrzegać dozwolił. Tyś jednak moje ostrzeżenie zalekceważył, małeś wykroczenie zalekceważył, a zatym przyszedłeś do tego nieszczęśliwości kresu; idź że za mną, będziesz już ze mną nawieki nieszczęśliwy¹.

(Д'ябал цягне селяніна ў пекла, а той крычыць: «Квасу! дайце квасу!»)

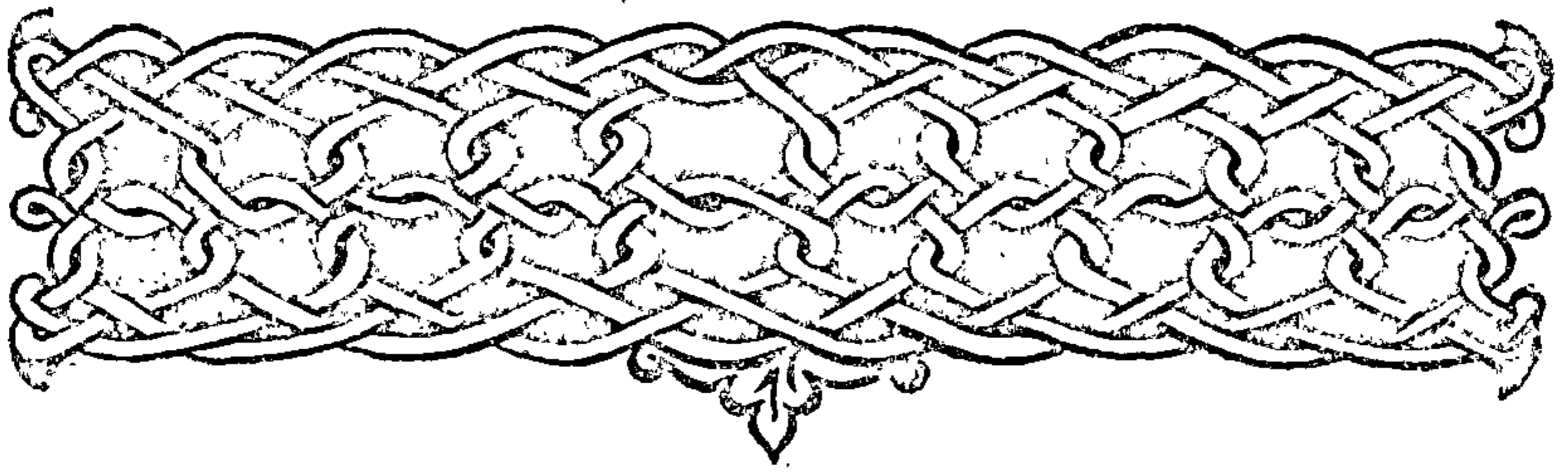
¹ Нічога з таго не будзе. Усяк я табе з самага пачатку казаў і папярэджваў, каб ты на мяне не наракаў, навучаў цябе, як павінен быў сябе захаваць. Аднак ты пераступіў усё тое, не помніў аб сабе. Цяпер жа пойдзеш за мною. Пазнаюць з цябе ўсе тыя, хто не пільнуе абавязкаў свайго стану, на што яны маюць спадзяванца. Не на вас адзіных сялян такая спакуса, магчыма, скажу больш, што лёгка ў тое няшчасце можа трапіць і пан, калі ён не будзе весці справы паводле розуму, які абгрунтоўвае свае кепскія ўчынкі касцельнымі і боскімі справамі. Аб гэтым я толькі папярэджваю. Не наракайце таму на д'ябла, кажучы што ён нас спакусіў. Праўда, мы хочам звесці з правільнага шляху, але таго, каго знойдзем паслухмянага для сябе. Але таму, хто трымае ў памяці і замацаваў у сваім сэрцы боскія наказы і старасца выконваць іх, мы кепскага нічога не чынім, бо з ім жыве сам бог. Ты ж не можаш дакараць бога таму, што ён сам мне загадаў цябе асцерагаць. Аднак, да маіх перасцярог ты аднёсся зняважліва і лёгкадумна зрабіў учынак, а за гэта прыйшоў да таго нешчаслівага канца. Ідзі ж цяпер за мною, будзеш са мною нешчаслівым на ўвесь век!

Беларуская
перакладная
літаратура
XVI - XVII
стагоддзяў

Handwritten scribbles or marks, possibly representing a signature or initials.

ПЕРАКЛАДЫ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Культурнае жыццё беларускага народа не было ізалявана ад жыцця іншых народаў. Аб гэтым сведчыць рад твораў, якія былі перакладзены на тагачасную беларускую мову з візантыйска-славянскіх і заходнееўрапейскіх крыніц.

Пераклады літаратуры былі абумоўлены практычнымі мэтамі культурнага жыцця таго часу. Апрача таго, што перакладная літаратура знаёміла чытача з культурай іншых народаў, яна адыгрывала значную ролю ў развіцці і фарміраванні яго эстэтычных густаў і светапогляду, адпаведнага дадзенай эпосе.

Сярод помнікаў перакладной літаратуры візантыйска-славянскага паходжання значнае месца належала жыццям і апокрыфам, гэта значыць легендарным апавяданням з казачна-фантастычным зместам на біблейскія сюжэты Старага і Новага заветаў. Яны былі для нашых продкаў цікавым чытаннем таму, што давалі ім адказы на розныя незразумелыя пытанні. Асабліва папулярнымі былі апокрыфы: «Слово о древь крестном», «Страданне и подвизи святого Филипа», «Чудо святого Егоргия о змии», «Сон богородици», «Лист Исуса Христа», «О двѣнадцати муках» і іншыя.

Побач з апокрыфамі ў Беларусі шырокай папулярнасцю карысталіся і дыдактычныя аповесці рэлігійнага зместу («Страсти Христовы», «Повѣсть о трех королях-волхвах» і інш.), якія былі перакладзены на беларускую мову ў канцы XV або ў пачатку XVI ст. часткаю з лацінскіх, а часткаю з польскіх крыніц.

Сярод аповесцей свецкага характару на тэрыторыі Беларусі былі папулярнымі: «Аповесць аб Троі», «Аляксандрыя», «История о Атыли, королі угоўском», «Аповесць аб Трысчане», «Аповесць пра Баву», «Аповесць пра Тундаларыцара», «Сказанне о Сивилле пророчици», «Аповесць аб Скандербегу».

З іншых жанраў перакладной літаратуры ў Беларусі трэба адзначыць хронікі і хранографы, якія з'яўляліся ў той час крыніцамі ведаў па свяшчэннай і сусветнай гісторыі. Такімі былі два хранографы пачатку XVII ст., якія зараз захоўваюцца ў Віленскай публічнай бібліятэцы (гл. №№ 109 і 110), хранограф XVII ст. Дзяржаўнай бібліятэкі імя У. І. Леніна ў Маскве (№ 2405), «Хроника всего свѣта» Мартына Бельскага, «Хроника» Мацея Стрыйкоўскага і іншыя хронікі.

[ЖЫЦІЕ АЛЯКСЕЯ, ЧАЛАВЕКА БОЖАГА]

Жыцце Аляксея, чалавека божага ўзнікла на Захадзе на самай зары развіцця хрысціянства. На Русі гэта жыцце было ўжо шырока вядома ў часы Кіеўскай дзяржавы. Беларуская рэдакцыя гэтага жыцця ўзнікла на аснове лацінскага арыгінала «*Legenda Aurea Jacobi de Voragine*», але перакладчык, як высветліў у свой час праф. Уладзіміраў, адначасова выкарыстаў і чэшскія рукапісныя крыніцы XIV—XV ст. ст. Папулярнасць жыцця Аляксея ў свой час была такая вялікая, што яно трапіла ў народнае асяроддзе і там амаль да канца XIX ст. распаўсюджвалася духоўным вершам.

Ніжэй пададзены тэкст беларускай рэдакцыі гэтага жыцця друкуецца поўнасцю па рукапіснаму спіску XV—XVI ст. ст. Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына. (Гл. Q 1, № 391, лл. 97—99 адв.).

Святы Олексій был сын Евфимияном, мужа прешляхетного римлянина у дому цесарском первый, пред которым три тысячи детей стояло, которые снурами золотыми препоясывались а в рубе¹ шолкове облочилися². А тот Евфимиян был велми милосердный. А на кажную днину у его дому три столы убогим, сиротам, перькгримом³ и вдовам поставливаны, которым же мужне служил.

Его ж жона именем Акгълаёс того же закону и того ж умыслу была. А в девятую годину сам и с мужми законными⁴ принимвали покорм телу своему. Да коли ж сына не держали⁵, але на молитвы их пан бог их сыном обдарил. А оны потом у чистоте жити себе укрепили.

Тогды оное детятко дано на науку. А коли жь во всех науках уже процвита, а уже молодых лёт а мудрых досягал, некоторая панна, у дому цесарском выбрана, ему за жону отдана.

И пришла ноч, у которую и с облюбеницею принял молчание таёмнице. Тогды тот святы молодой облюбеницею свою божье боязни научати почал, а её теж ку паненскому сорому почал приводити. Потом перстенец свой золотый и занькел поисовый⁶, которым ся опоясовал, ей ховати подал, рекучи: «Прими то, а ховай докул богу любо будеть. А бог буди свѣдок межи нас».

Потом узавши, на море поступил, а уступивши у суд⁷, пришол до Лаодации. А оттола приходши до Едисы, мѣста сырійского, пришол кде образ пана нашего Езу Христа⁸ не чловѣчьим делом уделанный на простири держал ёсть. Там, приходши, усе, што ис собою был принесл, убогим роздал, а рубнѣ калѣчие оболочки

¹ адзенне. ² апраналіся. ³ пілігрымам. ⁴ богаўгоднымі. ⁵ не было. ⁶ тасёмка з дарагой тканіны. ⁷ судно. ⁸ Ісуса Хрыста.

и с иными убогими у присѣнку¹ матки божье съдети почал. А милостыню, што ему се видело себе з достатком, то у себе держал, а иную иным убогим роздавал.

Тогда отець, отоитью² сына своего уздыхаючи, по сторонам усега свѣта слуги свое послал, которые бы его пилне искали; с которых же, коли некоторые до мѣста Едисы приходили, от него были познаны. Але оны его никакъ не познали. Ему ис ыными убогими (ми) милостыню подавали, которую он, узявши, дяковал богу, рекучи: «Декую тобѣ, пане Езу Кресте, который ми от слуг моих милостыню узяти изрядил еси».

Вернулисе слуги поведали, иже никде не можетъ знайден быти. А matka ёго од дня ёго отъитиа мех на помосте умѣсто постели себе слала, да прочутившися³ жалобливе голосы давала, рекучи: «Тут усегды у плачу мяшкати⁴ буду опят, оли ж сына своего мети буду». А невѣстка до свекра рекла: «Учую ли я што о моём облюбенцю насласнейшом? Как синогордлица⁵ одиная с тобою тут мешкати буду?»

А коли жь Олексѣй у присенку матки божье за семънадцать лѣт на божей службе мешкал уставичне⁶, тогда образ панны Марии, который тамо был, сторожу церковному рекл: «Упусти челоуѣка божьёго, бо достоён есть королевства небесного, а дух божий одпочиваетъ над ним, бо молитва его, как закурение кадилное, пред обличьё божьё уступуетъ». Да коли сторож не вѣдал, о каком бы челоуѣце образ говорил, опят ему рекл: «Тот, который вонках⁷ седить у присѣнку церковном. Тот есть». Тогда сторож борздей⁸ вышол и увел и⁹ у церковь.

А коли ж тая речь усим явна была, а уже люди ёго чтити и велми жаловати почали. Свѣтское хвалы бегаючи, одтоле проч пошол. А пришол до Лаодоциё. А тамо, у судину усѣдши, хотя до Цилицей се перевезти. А божьим рядом¹⁰ от ветру припуженный, на римский брег пришол.

То узнавши, Олѣксѣус рекл сам у себе: «У дому отца моего незнакомит¹¹ буду мешкати, а иному тяжок буду». А тогда отца ис терема идучого, от великости людей огарненого, против¹² себе идучого, увидел и почал кликати за ним: «Слуго божий! Мене (перь)кгрима у дом свой приняти вели, а от круп стола твоёго кормити прикажи, абы теж над твоим перкгримом Олексѣм богом рачил¹³ се миловати».

То услышавши отець, для милости сына своего, его приняти велѣл и мѣстце ему опришное¹⁴ у дому своем дал, а покормь его ис стола своего ему уставил и слугу питомого приставил.

Да он у молитвах уставичон был, а тело своё посты сушил и дручил. А слуги дому оного его частократъ посмехали, а помые горячие на голову его часто проливали. Але он ко всему терпѣливый велми был. А семнадцать лѣт у дому отца своего незнакомит пере-

¹ прыбудова каля сцяны. ² зникпенню, адыходу. ³ працнуўшыся. ⁴ жыці. ⁵ сіняя галубка. ⁶ стала, пастаянна. ⁷ знадворку. ⁸ хутчэй. ⁹ яго. ¹⁰ воляю, жаданнем. ¹¹ непазнаным. ¹² насустрач. ¹³ меў ласку, пажадаў. ¹⁴ асобнае.

мешкал. А узнавши духом святым, иже конецъ живота ¹ его приближил, листа и с чернилом просил, а на нем весь ряд живота своего пописал.

А у неделю во мше ² у церкви голос з неба зазвонил, рекучи: «Пойдете до мене уси, которыи роботуете а утешоны есте, а я охоложу вас». То услышавше, уси зляклисе и на лица своя попадали. Да ова ³ голос другим разом рекл: «Ищите челоуѣка божьего, абы се молил за Рим!» А коли оны искали, а не нашли, опять голос рекл: «У дому Еуфимьяновом смотрите!» И пытали Еуфимьяна, а он казал, се о том ничего не вѣдати.

Тогда цесареве Архаднус да Гнорниус ⁴ и с папою Имоценцеюсом ⁵ до дому Еуфимьянова пошли. А ова слуга Олексѣев до пана своего пришол, рекучи: «Пане, смотри не тот ли есть перкгрим наш, бо твердого живота и терпливости челоуѣк ёсть!» А пошодши, Еуфимьянус ёго умерши нашол. Да обличье ёго как бы анѣльское освѣчоное нашол. А хотел лист, который у руце держал, от него узяти, але не могл. А коли жь вышол, а цесарем и папе то сказал. А оны до него вошли, рекли: «Хотя грешны есмы, а вежды ⁶ ряды королевства полнимы а держама, а тут посполную ⁷ пастушскую печаль рядимы, прото дай нам лист тот, абы есмо ведали, што на нем ёсть писано». А ова папа лист из руки ёго узял, а он ему на тых мѣст пустил и велѣл и ⁸ росчести пред усим людом и пред отцем его.

Еуфимьянус, то услышавши, велми боязнию се замутил и зляклѣся и сстался без розума, и как бы без душе на землю пал. Да коли жь маленько полежал, а к себе ся приворотил, рухо ⁹ своё содрал и издрал, и почал седые волосы из головы свое рѣвати, и за бороду се тягнути, и сам себе драти почал, а на тело сына своего падши, кликал: «Беда мне, сыну мой! Чему еси мене так замутил ¹⁰, черес такиё лѣта мене жалости придал еси? Беда мне бедному, иже вижу тебе сторожа старости моёе, на марах ¹¹ лежачого, неговорячого со мною! Беда мне! Какое потешение потом буду могл имѣти?»

Да matka теж тоё услышавши, как бы лвица деручи себе, также здрапавши ¹² на себе рубиё альбо хусты, волосы распустивши, у небо очи подносила. А коли перед великим людом святого тела дойти не могла и она закликала, рекучи: «Дайти ми ¹³ приступити, абых увидела сына моего, абых увидѣла потешение душе моее, который ссал груди мое!» А коли пришла до тела, на ложи на него кликала, рекучи: «Беда мне сыну мой, свѣчо очью моих! Чому еси так учинил, а так укрутне ¹⁴ с нами еси починал? Видел еси отца твоего и мене бедную плачуче, а не указал еси себе нам? Слу-

¹ жыщя. ² у час абедні. ³ тым часам. ⁴ Сыны рымскага імператара Феадосія I царавалі з 395 г. Аркадзій быў імператарам Усходняй часткі Рымскай імперыі (395—408 гг.), Ганорый — імператарам зямель ад Адрыятычнага мора да р. Тыгр і ад р. Дуная — да р. Ніла (395—423). ⁵ перапісчыкам пераблытана імя папы Інакенція I (402—417). ⁶ усѣ-такі. ⁷ агульную, народную. ⁸ яго. ⁹ шапку. ¹⁰ занепакоіў. ¹¹ смяротны ложак. ¹² сарваўшы. ¹³ мне. ¹⁴ бязлітасна.

ги твои кривдили тебе, а ты терпел еси!» Да опять и опять, и сяк и так на теле узлегивала и нине плечима протягнетсе на него, нине руками обличье ангельское обрачаёт целовати, и закликала¹, рекучи: «Плачте со мною у си, которые тут есте, иже черес семнадцать лет у дому моем мѣла еси его, а не познала еси, иже мой единый сын был! А слуги мои посмехали его и за шню били его. Беда мне! Кто даст очима моима колодязь слез, абых плакала во дне и у ночи, жалости души моеѣ?»

А жона его, у скаредное² платье оболукшисе, текла плачучи и рекучи: «Беда мне, иже нинека опустѣла еси и стала еси удовою! Уже не держу на кого бых погледела, на кого бых очи подносила. Теперь расселося зеркало мое и згнула надея моя; теперь почаласе жалость, которая конца не держит!»

Да люди, то услышавше, велми жалобно плакали. Тогда папа ис церьми уложил тело на тяжке мары и привели посеред мѣста³. И сказано людем, иже найден человек божий, которого усе мѣсто искало. Тогда у си пошли против⁴ святому. А доткнулисе который немоцный⁵ пресвятого тела, на тех мѣст здоров стал: слепые узрок приимовали и вси немоцные, которою коли немоцию уняты⁶ были, доткнувшесе тела святого, уздоровлены были.

То увидевше цесареве такие дивы, почали сами и с папою нести мары, абы теж были посвящены от того тѣла святого. Тогда цесареве велѣли оплавитости⁷ золота и серебра по улицам кидати, штобы люди около пѣнязей⁸, иж бы препустили святого тело до церкви допроводити. Але люди, милости пѣнязий откинувши, болше и болше ку доткнению святого тела рвалися. А тако, з великою работою до церкви святого Бонифацнуса-мученика его превели. А тамо черес дни ухвалению божьем поставивше удѣлали гроб ис золота, ис жемчуга, и з дорогого камня, у котором пресвятого тело с великою честью положили. А с того гробу пресласный запах запахнул, аж у сим виделосе иж бы был дорогих кастей полон.

А умерл у лѣт божьего нарожения во сту и в девятедесят и воми лѣт...

¹ галасіла, прычитала. ² жалобнае. ³ горада. ⁴ насустрач. ⁵ хворы. ⁶ захварэўшы.
⁷ зліткі. ⁸ грошай.

ПОЧИНАЕТСЯ КНИГА О ЖЕНЕ ИУДИФ,
ЕЖЕ ОТСЕЧЕ ГЛАВУ ОЛОФЕРНОВИ,
ВОЕВОДЕ НАВХОДНАСОРА ЦАРЯ
АСИРЪСКАГО, И ЗБАВИ ЛЮДЕЙ
ИЗРАИЛЕВЫХ, А ИМАТЬ ГЛАВ 16

повесць «Иудиф» з'яўляецца адным з першых друкаваных твораў беларускай перакладной літаратуры пачатку XVI стагоддзя. Кіруючыся імкненнем павысіць культурны ўзровень свайго народа і жаданнем задаволіць жывы інтарэс чытачоў да мастацкіх твораў на гістарычную тэму, Георгій Скарына пераклаў і надрукаваў гэтую аповесць на самай зары развіцця друкаванай кнігі. Пераклад яе на беларускую мову з чэшскіх, царкоўнаславянскіх і лацінскіх крыніц і надрукаванне было зроблена ім у лютым 1519 года ў чэшскім горадзе Празе. Аднак трэба зазначыць, што пераклад Скарыны значна адрозніваецца ад сучаснага кананічнага тэксту гэтай кнігі ў «Бібліі», дзе яна чытаецца ў раздзеле «Ветхого Завета».

Аповесць «Иудиф» прысвечана паказу ваенных дзеянняў канкрэтнай гістарычнай эпохі асірыйскага цара Навухаданосара і праслаўленню патрыятызму вефулійскай удавы Юдзіфі, якая сваім гераічным учынкам выратавала г. Вефулію ад асірыйскага заваявання. Гэтая празмерная свецкасць аповесці «Иудиф» і яе ваенная тэматыка даюць поўную падставу паставіць яе побач з такімі чыста свецкімі творамі таго часу на гістарычную тэму, як «Александрія», «Троянская история», «История об Атиле» і інш., якія ў XVI—XVII ст. ст. карысталіся выключнай папулярнасцю сярод чытачоў.

Скарочаны тэкст аповесці ў перакладзе Скарыны пададзены ў хрэстаматыі па экзэмпляру скарынінскай «Бібліі», які зараз захоўваецца ў аддзеле рэдкай кнігі Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

ГЛАВА 1

*Моцного царя Арфаксата поразил ест Навходносор,
царь асирский, и потом послал послы ко иным народам,
абы служили ему, и не хотяху учинити того*

Арфаксат, царь медийский, подбил был многия языки ¹ под свою власть. И той поставил град вельми крепкий и назвал и ² Егвафанис. От камня грановитого и тесаного поделал мурь града того. Их же вышиня была седмьдесят локтей, а шириня тридцеть локтей. Столпы пак ³ около его поделал на вышиню ста локтев, и каждая страна столпов тых четверограноватых

¹ народы. ² яго. ³ усё-такі, у сваю чаргу.

была ест двадцети ступенев ножных. И сделал врата градова mezi столпами высокими, и хвалился, яко мощный в силе войска своего и о возех своих.

И бысть лѣта двадцатого царства своего Навходносор, царь асирский—он же царствовал ест в Ниниве, граде великом—воевася со Арфаксатом, царем медийским, и подбил ¹ его под ся на поли великом, иже словеть Рагав, при реце Евфрате и Тигри и Язоне, и на поли Ериоф — царя еликорскаго. Тогда вознесся царство Навходносорова, и сердце его поздвигнися. И послал ест послы ко всем живущим в Киликии, и в Дамаску, и в Ливане, и ко всим народом, иже суть в Кармелю, и в Кедаре, и к живущим в Галилеи на поли великом Ездrelон, и ко всем, еже были в Самарии и за рекою Иорданскою, даже до Ерусалима и до всея земли Есемли, дондеже ² не прииде к горам Муринским. К тым ко всем послал ест Навходносор, царь асирский. Они пак вси единою мыслию не хотеша послушати его и послы отпустиша празны и без всякое чти выгнаша их от себе. Тогда розгневался ест Навходносор царь на вси земли ты и клялся царством и престолом своим, иже помстити се хоцеть за то надо всеми странами тыми.

ГЛАВА 2

Навходносор, царь асирский, совещава совет, послал ест Олоферна, воеводу своего, на западние страны. Той же, идя з войском казил вси речи

В ета тринадцатого царства Навходносорова, двадцеть втораго дня месеца перваго, сталося ест слово на дворе Навходносора, царя асирскаго, абы ся помстил. Тогда созвал ест всех князей своих и воевод и всех воевников, и уделал ест с ними совет свой тайный. И поведил им мысль свою, еже имеша, абы подбил под ся вси земли. Сия же речь, егда полюбилася ест всем, позвал Навходносор царь Олоферна, воеводу войска своего. И рече ему: «Изыйди з войском моим на вся царства, еже живут к западу солнца, а наболеи на тях, они же погордели суть приказанием моим. Да не отпустить око твое не единому царству, и кажного града ограженного добудь ми!»

Тогда Олоферн созвал всех тысящников и врядников войска асирскаго и зочте мужей годных к бою, яко же был ему приказал царь. И знайде их сто тысящей и двадцеть тысящей пеших бойцев, конных же и стрельцев дванадесеть тысящей. И повелел ест напред ити всему войску своему с множеством бѣз числа вельвлюдов и с стравою, иже бы войско имело пищи досыть, волов теже гнаша стада и овец, им же не было числа, муки также со всее земли Асирское наготовити приказал; злата пак и сребра и с скарбу царева взял с собою велми много.

¹ перамог. ² пакуль.

И иде Олофери и все войско с возы и с конники и с стрельци, и прикрили суть лице земли, яко усеница. И егда выйде с пределов земли Асирское, прииде к горам великим Анъги, иже суть на левой стране земли Киликийское, и вниде до всех градов их и добыл е. Вывоевал теже град вельми богатый Мелоф, и пленил всих сынов Тарсиных и сынов Израгелевых, иже быша против пустыни и на полудне от земли Целеон. И переплавившия черес реку Ефрат, вниде до Мезопотамии, и вывоевал вси грады великие, иже быша в земли той от потока Мамврия, даже до моря. И взял ест землю их от Киликии даже до пределов Яфетских, иже суть к полудню. И поймал ест всих сынов Мадиямских, и побрал вся имения их. И всих людей, еже противишеся ему, погубил оружием. Потом же иде на полъ Дамаска, во время жатвы, и попалил вси жита их, и вся древа плодавитая, и винограды велел посекаати. И паде страх его на всех людей, живущих на земли.

ГЛАВА 3

Грады многы доброволне поддаются Олофернови.

В них же он собѣ брал помощники, а боги их и грады казил по повелению Навходносора царя

Тогда послали суть послы своя со всих градов из стран цари и князи сирстии и мезопотамстии, и Сирии Соваль, и Ливии, и Киликии. Они же, пришедши ко Олоферну, глаголаше: «Да утишится гнев твой над нами! Лепей воистинну ест нам живыми быти, а служити Навходносореви, царю великому, и послухати тебе, нежели быхом сами со имениами нашими вечно загнули. Сѣ вся земля наша, и все грады наше, вси горы и холмы, стада волов, овецъ и козлов, коне и велблюды, и все имение наше и челядей наших пред лицом твоимъ суть. Да будутъ вси речи наше под властью твоею! Мы теже и сыновѣ наши раби твои есмо. Прииди ж к нам, яко господи наш мирный, и поживай службы наше, яко же любо ест тобѣ».

Тогда Олофери сниде з гор с комонъством и с силою великою и взял кажный град крепкий и вся места, еже быша в земли той. И с кажного пак града взял с собою на помощ мужей сильных и годных к вою¹. А так великий страх напал ест на страны тые, иже со всих градов князи и старейшины с людьми посполитыми вкупе выходили суть востретенне ему и принимали его с прапорами² и с свещами, выходяще к нему с трубами, и с гудбами³ со вѣселнем.

И егда такую почливість ему чиняху, прото не можаху укротити злости сердца его, понеже⁴ грады их казил и храмы богов их роскопал, яко же был приказал ему Навходносор царь, абы вси боги земные выгубил, а то для того, иж бы толико самого Навходносора имели за бога вси тые народовѣ, их же Олофери подбил под царство его.

¹ ваяванъ. ² сцягамі. ³ гудямі. ⁴ таму што.

Прошел пак ест Олоферн всю Сирню совало и повоевал всю Аппимию и Мезопотамию. Прииде ко Идумеаном до земли Гаваони и добыл всех градов их. И пребыл ту до тридцети дней, и в тых днех велел созвати все войско силы своея.

ГЛАВА 4

Тогда сынове Израилевы осаживали горы у тесных местах пред Олоферном, и Елиахим жрецъ повѣлел всем людем поститися и молитися, господу богу

Услышавши же сѣ сынове Израилевы, живущие в земли Июдине, бояшеса вельми пред лицом Олоферновым, страхубо и трепет нападе на них, абы не учинил Ерусалиму граду и храму господьню по тому, яко же чинил ест иным градом и храмом их. Сего ради послали суть ко всей Самарии вооколо даже до Ерихона и осаживали вси верхи и тесныя места гор, и оградилы села своя и навозили жит, готующеся к бою. Жрецъ теже Елиахим писал ест лист ко всем людем, живущим против Ездrelона, иже ест против великому полю близко до Тайма, и ко всем иным мужем, скрозе их же можетъ быти проезд, абы осаживали горы, межкими же можетъ быти проход ко Ерусалиму, и ту дабы стерегли, игде же ест узкий путь межи скалами. И учинили суть сыновѣ Израилевы по всему, яко же заповедал им жрецъ божий Елиахим.

И возопили суть вси людие к господу богу воплем великим и смирили суть сердца своя постом и молитвою мужи и жены их. И облеклися жерци их во вретища, и дети своя поклали пред храмом господьним, и олтарь божий прикрили гунєю¹. И кричаху вси к господу богу Израилеву, единомыслено глаголюще: «Не предавай, господи, отрочат наших у пленение, и жен наших у розделение, и градов наших у скажение, и храму святого твоего у посквернение, и нас у посрамочение языком!»

В той час Елиахим, жрецъ божий великий, обыходил ест всех людей Израилевых и напоминал им, глаголя: «Ведите сее, иже услышитъ господь бог молитву вашу, естѣли же до конца пребудете постяще и молящеся пред лицом божним! Воспомяните Моисея, раба божия! Он же Амалеа, надеющегося на силу свою, и на полки своя, и на люди своя, и на щиты своя, и на колесница своя, и на кони своя, не оружием, но молитвою воюя, поразил его. Тако будутъ вси врази людей Израилевых, естѣли же пребудете в деле том добром, еже почали есте». И тако для намянута Елиахимова, молящеся богу пребыша даже до вечера пред лицом господьним. Но и тии, они же приносили вся созженія и жертвы господу, припоясавшия во вретища и посыпавши попѣлом главу свою, приносили суть. И все множество целым сердцем молишеся господу богу, абы посетил людей своих Израилян.

¹ старая надраная вопратка, лахманы.

ГЛАВА 5

Калі Алаферн даведаўся, што ізраільцяне падрыхтаваліся да абароны, ён прызваў да сябе мааўскіх князёў і аманіцкіх ваявод, каб даведацца, што гэта за народы, якія не жадаюць пакарыцца яму, ці многа ў іх гарадоў і як вяліка войска іх. Аманіцкі ваявода Ахіор раскажаў Алаферну, што жывуць там людзі халдзейскага племя, якія раней жылі ў Месапатаміі, а потым у Егіпце, паведаміў яму гісторыю іх жыцця ў Егіпце і пасля Егіпта, адзначыў іх ваяўнічыя здольнасці і набожнасць, дзякуючы якой народ гэты непераможан, бо бог заўсёды абараняе яго.

За гэтае паведамленне ваяводы Алаферна абвінавацілі Ахіора ў хлусні і патрабавалі пакараць яго смерцю.

ГЛАВА 6

Алаферн раззлаваўся і загадаў звязанага Ахіора весці да горада Вефуліі і там прывязаць яго да дрэва, каб ён уласнымі вачыма змог убачыць непераможнасць войск Навухаданосара. Калі ж яўрэі будуць заваяваны, тады Ахіор будзе засечаны разам з людзьмі Ізраіля за сваю хлусню. Загад Алаферна быў выкананы: Ахіора прывязалі. Але яўрэі вызвалілі яго і даведліся ад яго аб планах Алаферна знішчыць яўрэяў. Яго расказ вымусіў яўрэяў справіць малебен богу з просьбаю аб абароне. На працягу сутак яўрэі разам з князем сваім Озіяй маліліся богу.

ГЛАВА 7

Алаферн тым часам загадаў свайму войску, у якім было 120 000 пяхоты, 22 000 конніцы і мноства ўзброенага люду ад заваяваных гарадоў, зрабіць аблогу Вефуліі і падрыхтавацца да штурму.

... Сыновѣ пак Израилевы, егда узрели множество их, падоша на землю и, посыпавши прах на главы своя, единогласно молишеся, абы господь бог показал милосердие свое над людьми своими, и, взявши на ся зброе, осадили суть узкая места, игде же быша пути межи горами. И ту стерегли их целый день и ночь.

В ты часы Олоферн, внегода облегалше град Вефулию, знайде, ано¹ из криници течаше вода трубами во град от страны полуденное пред градом, и приказал ест сказити² трубы ты, ими же течаше вода во град. Гражане пак имели суть иные кладези недалеко от стены градовы, их же видаша, а они крадмо бираху собѣ воду ко охлаждению более, нежели к питию.

Сынове пак Амонеvy и Моавовы приступили суть ко Олоферну, глаголюще: «Людие Израилевы не уповают на копия своя, ни на стрелы своя, но горы боронять их и скалы прикрие огражають их. Прото ж без битвы сполечное хочещи ли одолети им, осади сторожами кладези их, да не черпають воды, и так без меча поразиши е. И тако конечно сомглены суще предадут тобѣ град свой, его же мнять, яко немощно ти ест добыти, понеже лежит на горе».

И полюбилися суть слова ты пред Олоферном и предо всеми князми его. И поставил ест у каждого кладезя около града по сту воин. И егда так стерегли, — были двадцеть дней полных, — высохли суть кладези дождевые и лужи всем живущим у Вефулии так, иже вже не было во граде воды, абы ся напили до сытости а ни с еднн день, яко в меру давана была вода на кажный день.

¹ што. ² сапсаваць.

Тогда собравшись ко Озии вси мужи и жены, старшии и младшии, рекоша вкупѣ: «Да судить господь бог межи тобою и нами, яко учинил еси нам велми зле, не хотяй о мире глаголати со асиряны. И се нынѣ предал нас бог в руце их. И кто возможет помощи нам, егда загинем вси пред очима их безводием в бедах великих? Прото ж нынѣ съзови всех живущих во граде, да доброволне дадимся вси людем Олоферновым, понеже лепей ест нам быти живым в неволи а хвалити господа бога, нежели быхом сами так померли и были в срамоту всем людем, егда узримо, ано жены наши и дети наши мрутъ пред очима нашими. Съ приимемы нынѣ на сведение небо и землю и господа бога отцев наших, он же мститъ над нами по множеству грехов наших. Да предастсе нынѣ град в руце войска Олофернова, и да укратится конець беды нашею мечем их, он же продолживается великою жаждою и безводием!»

И егда глаголаша слова сия, стался ест плачь великий и вопль во всех людех Израилевых. И за долгый час единостайным гласом кричали к господу богу, глаголюще: «Съгрешихом со отци нашими и безаконне чинихом и неправду деахом. Ты же, господи, боже нашъ, по премножеству милосердия твоего смилуйся над нами и по великости грехов наших ты сам казни нас! И не предавай людей надеющихся на тя народу незнающему тя, да не рекутъ в языцех: игде ест нынѣ бог их!»

И егда от великого плачу и воплю утомишеса и умолкоша, востал ест Озия, князь людей, з заплаканыма очима и рече ко всему собору: «Имейте добрую мысль, братия, еще и сих пять дней пождимо от господа бога нашего слютования, егда како гнев свой отиметь от нас и дасть славу имени своему! Естьли же пак по пяти днех не будетъ помощи от господа бога нашего, тогда учинимо подле всех слов ваших, яко же глаголали есте».

ГЛАВА 8

Спачатку пададзены звесткі аб Юдзіфі, а потым звесткі аб яе жыцці, багацці і набожнасці, пасля гэтага ідзе апавяданне аб яе мерапрыемствах па падняццю духа сваіх суайчыннікаў.

...И сия Иудиф, егда услышала ест тые речи, иже Озия князь по пяти днех слюбил¹ людем предати град в руце асиряном, послала ест по жерцев Хаврия и Хармия. И егда пришли к ней, рече им: «Яковое то ест слово, иже слюбил Озия людем, глаголя: Не будетъ ли нам в пяти днех от бога помощи, то предам град асиряном? И кто есте вы, иже искушаете господа бога? Не ест воистинну сия речъ, иже бы к милосердию наклонила господа, но более иже ко гневу приводит и ярость божию росъпаляетъ. Положилъ есте час господу богу, егда ся имать смиловати над нами. И подлуг ли воли вашею поставили есте ему день? Но иже долготерпелив ест господь бог наш, прото ж и каимыся того и отпущения грехов своим с плачем жадаимы от него. Нестъ убо господь бог таков грозай, яко

¹ паабяцаў.

человек, а ни запальчив в гневе, яко сын человеческий. Сего ради покоримо пред ним душе наши и съкрушенным и смиренным духом служаше рцимо со плачем господу богу, абы подле воли своее учинил с нами милосердие, дабы яко же гордости ради их засмутися сердце наше, тако покоры для нашее потешил бы нас, яко не последованом грехом отцев наших. Они же отпустили были господа бога своего и кланялися богом чужим, и того для греха даны суть на погибель оружию и во разъграбление и посрамочение врагом своим. Мы же иного бога не знаем кроме господа, прото ж подождимо терпеливе слютования от него. Той помститъ крови нашее от руку врагов наших и покорить вся народы воставающая на нас и учинить их безо чти господь бог наш. Нынѣ пак, братия, вы понѣже жерци есте в людех божних, и вы попечитесь о душах их, и вашими словесы воздвигните сердца их, да вспомянуть на то, яко быша искушены отцеве наши, абы познаны были, со всего ли сердца работаютъ господу богу своему, да помнятъ тое, яко отецъ наш Абраамъ покушен ест и многие печали претерпев друг божий наречеса. Тако ж и Исаак, тако ж и Яков, потому же и Моисей и вси иные предковѣ наши. Они же любилися суть господу богу многими печальми и смутки покушены быша и верни найдены суть. Тыи пак, иже покус не терпеша с боязниею божиею, своим нетерпением и нестыдностью роптание на господа бога своего глаголаша, прото ж скажешы суть от загубителя и от змиев погибоша. Съго для и мы не мстимося за тыи речи, еже терпимы, но покладаймы то быти нам за грехи наше. Верьмы, иже сия казни божия меншия суть, нежели наша безакония. Яко раби, карани бываем от господа своего к нашему полепшению, а не к загинутию!»

Тогда отвещаша к ней Озия и жерци вси: «Слова ты, еже молвила еси, правы суть и несть в речех твоих ни единое приганы. Сего ради молися за нас господу богу, яко жена свята еси и боишися господа».

И рече опять к ним Иудиф: «Яко же знаете тое, иже от бога ест, еже могла есми к вам глаголати, тако и познаете, естли же от господа будетъ то, что умыслила есми учинити, толико молитесь, да утвердитъ господь бог мысль мою. Станьте же вы у вратъ градовых сея нощи, а я выниду из града со Аброю, служебницею своею. И молитесь прилежно, абы, яко же рекли есте, у пяти днех возрел господь бог на людей своих Израиля. Вы пак да не пытаетесь о деле моем, дондеже сама явлю вам. Ничто же иного да не будет за мя, толоко молитва к господу богу нашему».

И рече к ней Озия, князь Июдин: «Иди с миром, и господь бог да будетъ с тобою к помсте врагов наших!»

Потом навротившися разошлись суть.

ГЛАВА 9

Пасля размовы з князем, Юдзиф на працягу дня малілася богу ў патасным месцы, дамагаючыся ад бога дапамогі ў здзяйсненні сваіх задум адносна варожага войска і неабходнай сілы і смеласці для гэтага.

Воста по молитве Иудиф и нарядися в ризы красныи и вышла из града с служебницею своею. А там иняли ю и привели ко Олоферну и дивишеся красоте ея

И бысть, егда преста вопнати к господу, Иудиф вьстала от места своего, на нем же лежаше ниць пред господем. И повзвала Абру, служебницу свою, и, вшедши, во храмину свою, сволокла с себе власяницу, и ризы теже вдовские сложила с себе. И умыла тело свое, и помазалася мастию мирры избранное, и расчесала власы свое, и возложила чепець на главу свою, и оболоклася в ризы утешения своего, и обулася в боты украшенные, и возложи обручь златый на правую руку свою, и серьязи драгыи во уши своя, и перстени на персты своя, и всеми украсама своими украсила себе. И господь бог придад красы ей, понеже все украшение ея не было ест для похоти телесное, но для речи доброе, прото ж и господь тое красы ея приспорил, абы неприрочною красою предо всех очима поставилася. И возложила на служебницу свою Абру фляжку вина, и баню олея, и мешець круп, и мало смоквей, к тому хлеба и сыра, и иде с нею.

И егда пришла ест ко вратом градовым, знашла ту, ано ожидають ее Озня и жерци града. Они же, егда же узрели суть ю, ужаслися и здивилися превеликой красе ея. И ничего ж не пытали от нее, но пустили ю ити в путь свой, глаголюще: «Бог отець наших, дай же тебе ласку и всю мысль сердца твоего силою своею да укрепить! И да имать славу от тебе град Ерусалим, и да будеть имя твое в числе святых и праведных!» И рекоша вси людие, стоящне с ними, «буди и буди!»

Тогда Иудиф, моляшися господу богу, шла из врат сама и с служебницею своею. И бысть, егда сходила з горы, а солнце вже восходило, стретишеся с нею сторожи войска асирскаго, и ияша ю, глаголюще: «Откуда идеши и камо хочещи ити?»

Она же отвеща им: «Дщера есм еврейская. И прото утекла есмн от них, яко познала есм, иже преданы будуть вам во пленение, понеже погордели суть вами и не хотели доброволне поддатися вам, дабы знашли ласку пред очима вашима. И сего ради умыслила есмн сама в серци своем, глаголющи: пойду пред лице князя Олоферна, да бых поведила ему тайные речи их и явила ему, которым обычаем можеть достати их тако, иж бы ни единый муж не пал от войска его».

И егда слышали суть стражове тии слова ея и глядели на лице ея, и была ест пред очима их, яко страх, понеже дивилися суть вельми красе ея. И рекоша к ней: «Соблюла еси живот свой, яко домыслилася еси того и шла к господину нашему. И сие ведай от нас, егда станеш пред лицом его, добро тобъ будеть и будешн наймилейшая в серци его». И ведоша ю до шатру Олофернова, повъдевши ему первей о ней. И егда вошла пред лице его, и скоро инят ест Олоферн,

силом очню своих поглядев на ню. Тогда рекоша к нему служи его: «И кто бы хотел поганити людей еврейских, или не битися с ними, а они так прекрасны жены имають!»

И узрела ест Иудиф Олоферна, сидящего под ополою¹, иже была уделана от шолку и злата тягненаго и смарагдов² со иным каменем драгим. И погледевши нань, поклонися и паде на землю. И воздвигоша³ ю служи Олоферновы на повѣленне господина своего.

ГЛАВА 11

Тешить Олоферн словы своими Иудифа и пытаеть от нее, для чего вышла ест из града и пришла до войска его. Она же отвеца ему слова похвалная⁴

Тогда рече Олоферн ко Иудифу: «Имей добрую мысль а не бойся в серци своем, понѣже аз николи не зазлх⁵, мужу тому, он же добровольнѣ хотел служити Навходносору царю. Людие же твои бы были не погорѣдели мною, не воздвиг бых был копия своего на них. Прото ж нынѣ сповѣдай мнѣ, для чего шла еси от них и полюбилося ти приити до войска моего?»

Рече к нему Иудиф: «Прими слова рабы твоея, господине мой! Понеже будеши ли чинити водле слов рабы твоея, то учинить господь бог совершеное дело с тобою. Жив ест воистинну Навходносор царь земли и жива ест сила его, еже в тобѣ ест на отомщение всем злым людем. Не толико бо человеци послужать ему для тебе, но и звери дивии послушни будуть ему, яко прославилася ест справа твоя во всех народех и рознеслося ест по всем свете, иже ты сам добрый еси и сильный во всех царствах его, и мудрость твоя во всех странах земли исповедуется. А ни же то тайно ест, еже глаголал пред тобою Ахиор, и то таки вемы, что еси велел ему учинити. Весть убо господь бог наш, иже есмо его так вельми розгневали, и прото ж поведил ест пророки своими людем, иже предаст е врагом, грех ради их. Ведят теже сынове Израилевы, яко розгневили суть господа бога своего, прото ж страх твой ест над ними, и к тому таки глад терпятъ. И для недостатку воды, якобы заумерлыи положены суть, еще и то мыслят, абы побили скот свой и пили кровь их. И посвящени речи, о них же заповеда бог, абы ся не дотыкали их, яко суть жито, вино и олей, тое все здумали выналожити и хотять утратити их, жебы не имсли ни руками ся доткнути. И понеже таковая дела чинять, воистинну даны будуть в загнутие. Сие знаючи, аз, раба твоя, утекла есми от них. И послал мя ест господь бог, да бых возвестила тобѣ слова сия. Аз убо раба твоя молюся господу богу и ныне сущи у тебе, и буду выходитьи, раба твоя, и кланятися господу богу и тои повесть мнѣ, егда воздасть им за грехи их, и пришедши возвецу тобѣ. И аз поведу тебе посрѣди Еру-

¹ занавескаю. ² изумруду. ³ паднялі. ⁴ ліслівья. ⁵ помшчу.

салима и будешн имети вси люди Израилевы, яко овце, не имеющие пастыря. А не забрешеть ни пес на тебе, понеже сии речи явлены суть мнѣ опатрением¹ Божиим, яко розгневался ест на них господь бог их. Прото ж послана есми от него, абых поведела вам снѣ».

И полюбилися суть вся слова та пред Олоферном и пред всеми отроки его, и дивилися мудрости ее, друг ко другу глаголюще: «Нестъ таковое жены на земли в позрени, в красе и в розумной вымолве». И рече к ней Олоферн: «Добрѣ уделал ест бог твой, он же послал тебе пред людьми тыми, абы предала еси их в руце наше, и добро ест обещанье твое. Сполнит ли то мнѣ бог твой, то будеть теже и бог мой, а ты в доме царя Навходносора будеш во великих, а имя твое славно по всей земли».

ГЛАВА 12

Пасля гэтай размовы Алаферн загадаў сваім ваяводам падрыхтаваць жыллё Юдзіфі ў тым шатры, дзе знаходзіўся яго скарб, і даваць ёй тую ж ежу, якой кормяць яго. Юдзіф адмовілася ад ежы, але папрасіла дазволу Алаферна выходзіць ноччу і на світанні на малітву богу без перашкод. Алаферн задаволіў яе просьбу. На чацвёрты дзень Алаферн наладзіў баль. На гэты баль ён загадаў прывесці Юдзіф. Юдзіф прыйшла. Ад такой радасці Алаферн піў віно без усялякай меры.

ГЛАВА 13

Олоферн упившись вина, усне твердо. Иудиф повелела служебнице своей стояти пред дверми шатровыми, и сама главу Олофернову отреже и, вложивши ю в мещец, во град Вифулию людям своим принесе. И тако благославиша гражане бога

Иегда приближашеся вечер, поспѣшиша слуги Олоферновы до станов своих. И завре² Вагай двери шатру Олофернова и отиде сам, были бо воистинну вси упилися велми вином. И была ест Иудиф едина в шатре; Олоферн пак лежаше на ложи своем: от великого пиянства спаше твердо. Тогда рече Иудиф ко служебнице своей, дабы стояла вѣне, пред шатром, и остерегала.

И стала ест сама Иудиф пред ложем, молящися с плачем, движая устами и молъчком глаголя: «Укрепи мя нынѣ, господи боже Израилев, и возри в час сей на дела рук моих, дабы, яко же обещал еси, град твой Ерусалим возвѣличил, абых доконала тое, что есми умыслила, верячи, иже тобою может ся все стати!» И егда снѣ рече, приступи ко столпу, иже бѣ у главах постели, и выняла мечь его, иже висял при столпе том привязан. И внегода имела и³ в руце своей, иняла за верх влас его. И рече: «Укрепи мя, господи боже мой, в сей час!» И ударила двожды в шию его, и срезала главу ему. И сняла опону ис столпов и обвинула ест в ню тело его без главы, и по малом часе вышла ест вон. И дала ест главу Олофер-

¹ агекай. ² закрыў. ³ яго.

нову служебниці своєї, и казала ей вложить в мешець свой. И выидосте обе якобы на молитву по обычаю своему.

И егда минуша войско, идущее около долины, пришли суть ко вратом градовым. И возли здалека Иудиф ко стражем, иже быша на стене градовой, глаголя: «Отворите врата, яко с нами ест господь бог, иже учинил силу во Израили!» И бысть, егда услышали суть стражеве глас ее, позвали старейшии града. И збегошеся к ней вси от мала и до велика, понеже надеяхуся, иже не навратится к ним. И, зажегши свечи, оступиша вси около ее.

Тогда Иудиф, воступивши на высокое место, казала помолчати им. И егда умолкоша вси, рече Иудиф: «Хвалите господа бога нашего, понеже не оставил нас, надеющихся на него, и на мене, рабе своей, наполнил милость свою, юже обещал людем Израилевым, и забил рукою моею врага людей своих в сию нощ!»

И, вытягнувши з мешца главу Олофернову, указала им, глаголя: «Съ глава Олофернова, воеводы силы асирьское! И съ одевало его, под ним же лежаще в пьянстве своем, игде же рукою женскою убил его господь бог наш. Но воистинну жив ест господь бог и ангел его сохранил мене, егда там шла есми, и егда с ними пребыла есми, и егда к вам навратилася есми. И не допустил господь бог на мя, рабу свою, абых посквернена была, но без посквернения греховнаго навратил

Гравюра. Скарыны да книгі «Иудиф».

ест мене к вам. Прото ж нынѣ радуйтеся для вытяжъства¹ его, для навращения моего и для избавления вашего. Исповедайте ж господа вси, яко добр ест и яко во вѣки милость его!»...

Потом пак Озия, князь людей израилевых, рече к ней: «Благославена буди, дщери моя, от господа бога нашего надо вси жены, иже суть на земли! И благославлен ест господь бог, сотворивый небо и землю! Он же направил тя срезати главу князю врагов наших, понеже имя твое днесь тако возвеличил, дабы не престала

¹ перамогі.

хвала твоя во устах людских. Они же воспомянут будут силу господню во вѣки: ты бо не пощадела еси живота своего для смутьку и погибели людей своих, но помогла еси упаду их пред лицом господа бога твоего». И рекоша вси людие: «Буди так и буди!»

Тогда позвали суть Ахиора, воеводу сынов Амоних, на него же разгневался был Олоферн. И егда прииде к ним, рече к нему Иудиф: «Господь бог Израилев, ему же ты сведение выдал, иже помститися над враги своими, той отсече главу всех невѣрных рукою моею в сию нощ. И дабы познал еси, иже так ест, яко ж повѣдаю тобѣ, — сѣ глава Олофернова. Он же для великое гордости своея понижил бога Израилева и тобѣ смертию грозил, глаголя: егда поражу людей израилевых, тогда повѣлю пробости оружием боки твоя».

И внегда узрел Ахиор главу Олофернову, здивился вельми и паде за мертваго на землю. Потом пак, егда окреял ест, поклонися лицом своим пред Иудифом до земли и рече: «Благославена ты от господа бога межн всеми людми Ияковлевыми, понеже во всяком народе, игде же, аще услышать имя твое, похвален будеть господь бог Израилев о тобѣ».

ГЛАВА 14

Главу Олофернову на стене из града высторчили¹ людие Израилевы на врагы своя, з Вефулии града выскочиша.

Асиряне приидоша до шатра Олофернова, хотечи убудити его, и найдоша и без главы

Тогда рече Иудиф ко всем людем, глаголя: «Послушайте мя, братия, повесте главу сию на стене градове! И егда узыйдетъ солнце, да возметъ единый кажды оружие свое и выйдете на них нагле. Не сходите с горы, но поставѣтесе якобы есте хотели на них ударити. Тогда сторожи их мусять бежати к воеводе своему, абы обудили его к бою. И егда князи их зберуться к шатру Олофернову и найдуть его без главы, валяющегося во крови своей, падеть на них страх. А егда узрите, а они утекають, гоните ж их смеле, понеже сотреть е господь бог под ногама вашима».

В то врѣмя Ахиор, видяй силу, юже учинил ест бог Израилев, опустил поклоны поганские и увери в господа бога и обрезался и причтен ест к людем Израилевым сам и вся родина его напотом даже до днешнего дня.

Внегда пак узышло солнце, повесиша на стене градове главу Олофернову. И взял ест единый кажъдый муж оружие свое и выидоша з великим гуком и криком. Сия узревше, сторожа асирстии бежаху скоро к шатру Олофернову. Тии пак, иже подле шатру его беша, пришедши пред двери шатровы ногами стукаху, будечи его, абы ся прочутил, — никто бо не смеаше сам отворити дверей ко княжати асирскому и внити до покоя его. Но егда приидоша вси

¹ вывесілі.

князи и тысящники и вси старейшины войска асирскаго, рекоша к постелником: «Внидите к нему и возбудите его, понеже мышк постелник его, вшед до шатра, стоя пред пологом и плескал рукама, надеялся бо его лежати со Иудифом. И внегода никого чуюше, приступил ближе к пологу и водвиг и узрел ест тело Олоферново без главы, лежащее увалено в крови на земли. И возпи гласом великим с плачем и раздра на собѣ ризы своя и вниде, где же бѣ Иудиф, и не найде ея. И выбежав к людем рече: «Единая жена еврейская посрамотила ныне двор Навходносора царя: съ бо Олоферн лежит без главы на земли».

Сее егда услышали князи войска асирскаго, раздраша на себе ризы своя. И страх превеликий нападе на них. И улякнесь сердце их, и бысть крик неслыханный посреди станов их.

ГЛАВА 15

Побежа войско асирское. Сынове Израилевы гониша их и браша користи их за тридесеть дней

Внегода пак все войско асирское услышало, иже Олоферн убит ест, отступила смелость Ирада от них и самим страхом суще поражены начаша утекати вместо обороны. Так, иже ни един не промолвляше ко ближнему своему, но, склонивши голову и все оставивши, бежати мысляше пред евреями, понѣже слышаху их во зброи ити на ся. И тако утекаху по полех стежками и по узгорках.

Видячи же сее, сынове Израилевы, яко побежа войско асирское, идоша к ним и, зъшедши з горы, бежаху за ними, трубяще у трубы и кричаще. Асиряне пак великого для страху бежаху по розну, а сынове Израилевы в едином полку женущеса¹ за ними. Кого угониша, всих поразиша.

Тогда Озия князь розослал послы по всех градах и странах сынов Израилевых. И каждый град и страна людей Израилевых выбрали суть межи собою молодцев удатных и, приправивши их во зброю, послали за ними. И гонили суть людей асирских, побияючи оружием, даже и пришли ко останочным пределом земли своея.

Тии пак, иже были остали во Вѣфулли граде, внидоша до шатров асирских и користи, ея же были отбегли людие асирьстии, побрали суть и скористовалися вельми. Людие же, ходивши в погоню за асиряны, победивши их, навратишеса до Вефулли и вси речи, иже побрали были врази их, привезли суть с собою тако, иже не было ест числа волов и овец и иного размантого добра и скарбов. А тою користию розбогатели суть от мала и до велика вси сынове Израилевы.

Тогда Иоахим, найвышший ерей, приде от Ерусалима до Вефулли града со всеми жерци своими видети жену Иудифа. Она

¹ сцяніўшыся.

же, егда вышла ест к ним, благословили суть ю вси единым гласом, глаголюще: «Ты еси похвала Ерусалимова, ты еси потеха Израилева, ты еси честь людей наших! Ты учинила вельми мужне, и утвержено ест сердце твое. Яко чистоту возлюбила есь и по первом мужи своем иного не познала есь, сего для рука господа бога укрепила ест тебе и будеши благословена во вѣки». И рекоша вси людие, стоящие ту: «Буди так и буди!»

Во тридесяти пак днех ледва собрана ест користи войска асирскаго от людей Израилевых. Тые пак речи особне, еже познаны были о них, яко беша Олоферновы, дали суть Иудифу. От злата, и от сребра, и ризы красные, и камень драгое и вся сосуды, — сняя вся отдали людие Иудифови. И тако вси сынове Израилевы радовахуся с женами и з детьми, играюще у в органы и в гусле.

ГЛАВА 16

Юдзѣф спявае песню богу. Людзі з усіх канцоў зямлі прыносяць ахвяры ў Іерусалім і моляцца богу за сваё выратаванне ад варожага навалы.

Тогда сталося ест по поразце той, снйдошеся вси людие до Ерусалима, абы помолилися господу богу. И скоро очистившеся, приносили суть вся созжения и жертвы, слубныя господу. Иудиф пак всю зброю Олофернову, юже дали были ей людие, и одевало, еже была сама взяла, дала ест у проклятие вечного запомянута. И быша людие весели по обычаю святых. А так за три месеци радость тое победы празновали суть со Иудифом. И потом навратисеша единый каждый в дома своя.

Иудиф пак велика была ест во Вефулии граде. И прославися имя ея по всей земли Израилеве, понеже приданы бысть чистота ко красе ея и не позна мужа по вся дни живота своего по смерти Манасия, мужа ее. И во дни святочныи хождяше с великою славою. И живяше в доме мужа своего лѣт сто и пять. И отпусти Абру, служебницу свою, свободну. Потом умре Иудиф. И погребена ест с мужем своим во Вефулии. И плакаше ея вси людие седм дней. Во всех же часех живота ее не было ест обижающего людей Израилевых, но и по смерти ея за много лѣта. День же тое поражки¹ уставили суть за свято, и празнують и евреи даже до днешнего врѣмени.

[П а с л я с л о ў е С к а р ы н ы]

Аоконана ест книга, рекомая Иудиф, с помощию бога в троици единого и матери его, пречистое девици Марии, людем посполитым руского языка к пожитку, повѣлением, працею и выкладом ученаго мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины, из славнаго града Полоцька, у великом месте празском, лѣта по нарожении нашего спасителя тысяща пятсот и девятого на десеть, месеца февраля, дня 9.

¹ паражѣние ворага, перамогі.

АЛЕКСАНДРЫЯ

азачны жыццёніс пераможнага праслаўленага героя старажытнасці Аляксандра Македонскага, вядомы ў гісторыі літаратуры пад назвай «Александрыя», як ні адзін з твораў таго часу карыстаўся вялікай папулярнасцю на Усходзе і на Захадзе. Такі выключны поспех гэтай перакладной аповесці быў абумоўлены апавяданнем пра незвычайнае нараджэнне героя і тыя неверагодныя здарэнні, цуды і непраўдападобныя гісторыі, якімі быццам бы суправаджалася кароткае, але бурнае жыццё гэтага заваёўніка народаў старажытнасці. Герой аповесці ў абмалёўцы аўтара выступае чалавекам мудрым, надзеленым ад прыроды вялікім розумам, прагай да ведаў, талентам палкаводца і незвычайнымі душэўнымі і фізічнымі якасцямі.

Паданні аб жыцці і дзейнасці Аляксандра Македонскага ўзніклі ў хуткім часе пасля яго смерці (памёр ён у 323 г. да н. э.), але ў пісьмовы твор аформіліся толькі ў пачатку н. э. (II—III ст. ст.) у Александрыі. Аўтарства гэтага твора ў свой час няправільна прыпісвалася пляменніку Арыстоцеля Калісфену.

Вызначыць час з'яўлення «Александрыі» на рускай зямлі дакладна немагчыма. Тым не менш ёсць падставы меркаваць, што ўжо ў XI—XII ст. ст. яна была вядома ў Кіеўскай Русі.

У XV ст. на Русі пашырасца новая рэдакцыя аповесці, якая пранікла сюды з Сербіі. Гэтая рэдакцыя з'яўлялася перакладам грэчаскай рэдакцыі «Александрыі», якая перажыла ў свой час уплыў якойсьці заходнееўрапейскай, магчыма раманскай, крыніцы. Уплыў гэты адбіўся як на мове, так і на сюжэце аповесці, які адрозніваўся большай цікавасцю, жывасцю расказа і лірычнай афарбоўкай у параўнанні з псеўдакалісфенавай рэдакцыяй. Гэтая «Александрыя» вельмі хутка выціснула старую хранаграфічную рэдакцыю аповесці і на працягу ад XV да XVII ст. ст. распаўсюджвалася сотнямі асобных спіскаў.

Шырокае распаўсюджанне «Александрыя» атрымала і на тэрыторыі Беларусі. Аб гэтым сведчаць шматлікія спіскі яе беларускай перапрацоўкі, якія адрозніваюцца толькі рэдакцыямі тэксту.

Ніжэй падазеныя ўрыўкі аповесці друкуюцца ў хрэстаматыі ўпершыню з поўнага тэксту беларускай рэдакцыі «Александрыі» па рукапісу XVII ст. Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына. (Гл. рукапіс F. XVII № 5, лл. 1—22.) Гэты тэкст «Александрыі» — творчы пераклад аднаго з польскіх выданняў аповесці, які ў сваю чаргу з'яўляўся перакладам поўнай лацінскай рэдакцыі «Historia de proeliis». Беларускі рэдактар-перакладчык «Александрыі» апрача польскага тэксту аповесці, відаць, карыстаўся і іншымі крыніцамі, з якіх уносіў свае дапаўненні ў польскі тэкст, а ў некаторых месцах рабіў скарачэнні польскага тэксту.

ПОХОЖДЕНИЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Египтяне мудрии, розумѣючи мѣру земли, розность морских вод и ряд небеский знаючи, то есть бѣг звѣздный, и теж рушане округу небесного, котории теж на весь свѣт выдали велми широко узнане наук чернокнижских, иж повѣдают о царю их, же был добре розумѣющий в науцѣ звѣздной и в практыцѣ цвичоный¹.

¹ навучаны, дасканалы.

Одного часу, дня нѣкоторого, коли ему повѣдано, иж Хус, цар перскій, з моцною рукою неприятелскою против ему притягнул¹, он для того не порушал рицерства своего, а ни готовал сил своих. Але потаемне вшол до особной ковнаты, полаты своей, а взявши мѣдницу мосязовую², наполненую воды дожчовой, а держачи в руцѣ посох мосязовый, там през чернокнижскіи чари дияволов взывал. А розумѣл то добре през чернокнижство во оной мѣдницы, яко шикованыи³ люди против ему моцно приходили. Было теж рицерство царя Анектанава уставичне⁴ на сторожи границ перских. Прибѣгл к нему нѣкоторий з рицрев его, боязливе ему мовечи: «Великий пане наш, Анектанаве, тягне войско на тебе Хус, цар перскій, з великостю неприятел и з поганством незличоним. Суть з ним парты, меды, персове, сирі, месопотани, драпес, фарес, аргіри, халдеи, бахирі, консирес, гиркани, егиопи⁵ и иншого люду велми много зо всходу солнца тягнучого».

Коли то услышал, Анектанав воздхнул и рекл: «Сторожу, которую есм тобѣ поручил, добре заховай. А всяко ж не яко княжа рицерское учинил, але яко боязный человек, абовѣм сила и мужность не належит толко в великості люду, але и в сталости умыслу люду. Або не вѣдаеш, иж один лев много еленей угоняет?»

А рекши то, вшол зась⁶ до ковнаты и справил чернокнижством лодки и люд з воску в медницы, наполненной воды дожчовой. А держачи в руках рузку палмовую⁷, глядячи на ню⁸, начал всими силами чаровать. И видѣл там, яко египчинове были потлумлены навалностью людей поганских.

Цар Анектанав, бачечи то, зараз шаты⁹ отменил¹⁰, оголивши¹¹ голову и бороду, а взявши з собою золота, иле¹² могл набрать, и иных речій, которіи ему были потребны ку науцѣ звѣздной и ку чернокнижству, збѣгл проч з Египту аж близко Пелузиум. Потом, пришедши да Муринской земли, оболукльсе¹³ в шаты тонкии. Египчик, яко пророк до Македонѣи вшол. Сядячи там в посеред мѣста, пред обличностью¹⁴ греков, на нь смотрячих, явне пророковал.

Египчинове зась, побачивши, иж Анектанав, цар их, уже не был найден в земли египетской, пошли до Серапим, бога их великого, и просили его, абы им правдивыи отповѣди дал о Анектанавѣ, царю их. Сирапис отповѣдал: «Анектанав, цар ваш, пошол з Египту для Хуса, царя перского, который вас к своему панству подбие, але по малом часѣ воротитсе до вас, зкинувши з себе неволство, а помститсе над неприятелми вашими, подбиваючи их вам». Сии отповѣди взявши, египчинове заразом справили царскій столп з камня чорного на честь Анектанавови. А у ног его написали отповѣди, абы так долга паметка была. А Анектанав мешкал¹⁵ в Македонѣи никому незнаемый.

В той час Филип, цар македонскій, на войну выехал. А Анекта-

¹ выступіў. ² латунную, з латуні. ³ падрыхтаваня, адмабілізаваня. ⁴ пастаянна, стала, бесперапынна. ⁵ плямёны і народнасці Блізкага і Сярэдняга Усходу. ⁶ тады, зноў, яшчэ. ⁷ кветку фінікавай пальмы. ⁸ на яе. ⁹ адзенне. ¹⁰ пераапрауў. ¹¹ пабрыўны. ¹² колькі. ¹³ адзеўся. ¹⁴ на вачах. ¹⁵ жыў.

нав вшол на полату царскую, абы там царицу Алимпияду огледал а ей чудность видѣл. Коли там входил, яко скоро ю¹ узрѣл, на тых мѣст его сердце ей чудностью было зранено, а ку си милости се все распалило. Стягнувши² руку свою поздоровил³ ю, мовечи: «Будь поздоровлена царевая македонская!» Не смѣл ей речи: «пани». На то ему отповѣдала Алимпияда: «Здоров будь, учителю!⁴ Приступи ближей а сядь».

Коли сѣл Анектанав, спытала его Алимпияда: «Здает ми ся, жесь есть египчик?» Отповѣдал ей Анектанав: «Царскоесь слово рекла, коли есь египтяны поменила, абовѣм египтяне суть розумны, котории иж сны розводят⁵, знамена⁶ указуют, птаству розумѣют, таемности объявляют и знают речи пришлыи⁷. Я теж о том всем, яко пророк, розумѣю». А то мовечи, пойзрѣл⁸ на ню смыслом пожадливым. Бачечи то Алимпияда, иж так на ню пойзрѣл, рекла: «Учителю, штось помыслил, на мене так пойзрѣвши?» Отповѣдал Анектанав: «Вспомнѣл есми на многии отповѣди богов, абовѣм взял есм отповѣдь от бога, ижем мѣл гледѣть на чудную царевую». А рекши то, на тых мѣст вынял з пазухи своей велми дивную таблицу, учиненую з мосязу и з кости слоновой, мѣстцы передѣленую золотом и серебром, три кола в собѣ маючая. В одном колѣ было 12 знамен небесных, в другом — солнце и месяц. Потом указал ланцух, з кости слоновой справленый, з которого походили сем звѣзд велми ясных, години размѣряючи и рожене людское. Потом сем камней мистерне⁹ ритых¹⁰, и два камени на сторожу людскую уставлены.

Видячи то, Алимпияда рекла ему: «Философе, хочешь абым тобѣ увѣрила? Повѣдай мнѣ рок, день и годину нароженя царя моего». Анектанав рекл царевой: «Жадаеш ли от мене што иншого слышать?» Царица рекла: «Хочу абы мне повѣдал, што се межн мною а царем Филипом мае пригодит¹¹. Бо люди повѣдают, иж коли цар прийде з войны, мене выженет¹², а иншую жену пойме»¹³. Которой Анектанав рекл: «Много речий фалшивых повѣдают. А всяко ж, по долгом часѣ тое се выполнит, штось рекла. Але потом тебе Филип приyme за жону». На то царевая рекла: «Прошу тебе, милый философе, абы мнѣ всю правду ознаймил». Которой Анектанав рекл: «Один з намоцнѣйших богов буде з тобою спал, а тебе во всѣх пригодах, счастливых и противных, буде вспомогал». Алимпияда отповѣдала: «Прошу, философе, абы мнѣ объявил, которую особу мае он бог». Отповѣдал Анектанав: «А ни молодой, а ни старий, але сивизну маючи и бороду приоздобленную. Для того, если се тобѣ подобает, будь ему готова, абовѣм его в ночи огледаеш, а през сон от него почнеш». Царица рекла: «Если то узру не яко пророка, але яко бога, оного буду хвалила».

Повставши, Анектанав поздоровил ю и вышол проч з полаты.

¹ яе. ² надаўшы, працягнуўшы. ³ прывітаў. ⁴ настаўнік. ⁵ разгадваюць. ⁶ прыкметы. ⁷ справы будучыя. ⁸ паглядзеў. ⁹ па-майстэрску. ¹⁰ апрацаваных. ¹¹ здарыцца. ¹² прагоніць. ¹³ возьме.

Вышедши з мѣста¹ на пустое мѣстце, рвал зелья, котори он вѣдал, а стерши их брал сок от них, а начал чаровать през диявольскни знаки, абы той ж ночи царица Алимпияда бога Амона з собою лежачого видѣла, которий бы ей мовил: «Невѣсто, почалась оборонителя твоего».

Коли была назавтрее Алимпияда зо сну повстала, и возвала собѣ Анектанава, а ему сон, которий видѣла повѣдала. Теды Анектанав рекл: «Если мнѣ даси мѣстце на полатѣ, бога оногo обличне² огледаеш, абовѣм он бог в особѣ смоковой до тебе приїде, а потом приїме особу людскую, а на мое подобенство се укаже». На то Алимпияда отповѣдала: «Обери собѣ мѣстце в полатѣ. А если той правды досвѣдчиш, тебе яко за отца буду мѣла». А рекши то, приказала ему гмах³ в полатѣ дати.

Коли было о вторей, або о третей годинѣ в ноч, Анектанав през чернокнижство почал се переменять во особу смоковую, а, шикаючи⁴, против ковнатѣ Алимпияды почал лѣтатъ. Потом вшол до ковнаты на ложе⁵ ей и выполнил свою волю. Коли от ней вставал, ударил ю легко в живот, мовечи: «Тое почате буде мстителем. А нехай не буде жадным⁶ обычаем звитяжоно⁷ от человека». Так здраджона⁸ Алимпияда з человека (мнимаючи⁹ быть бога) почала.

Потом рано вышол Анектанав з полаты, а царица уже была беременна. А коли ей уже почал живот наростать, возвала до себе Анектанава и рекла ему: «Философе, хочу абы мнѣ повѣдал, што зо мною цар Филип буде чинил, если се воротит». Рекл ей Анектанав: «Не лекайсе, абовѣм бог Амон вспоможителем твоим буде».

Рекши то, вышол з полаты перед мѣсто¹⁰ на пустое мѣстце¹¹. А рвучи там зелья, терл их и брал сок от них. Ухвативши теды птаха морского, почал над ним чаровать и мазать его соком з оных зелий. А то все чинил през диявольскни знамена, абы так здрадил царя Филипа през сон.

Сталосе той ж ночи. Указалсе Филипови бог Амон, лежащий з женою его Алимпиядою. А потом видѣл, якобы он бог ей реч затулял и золотым перстеном запечатовал, в котором перстеню был камень дорогой, и в котором было вырито голову лвовую, воз солнечный и меч з obu сторон острий. И рекл ей: «Невѣсто почала есь оборонителя твоего».

Повставши цар Филип зо сну, возвал к собѣ своего вѣщка¹² а той сон, которий видѣл, ему объявил. А он вѣщок так рекл: «Царю Филипе, не от человека, але от бога жона твоя почала, абовѣм голова лвиная, воз солнечный и меч острий, — тын речи знаменуют, иж той, которий се з ней мае народит, перестане аж до всходу солнца, отколе солнце походит. А през меч острий тое се розумѣе, иж вси рожай¹³ ему мают быть поддани».

¹ з горада. ² асабіста. ³ будоўля. Тут ужыта ў сэнсе «месца». ⁴ размясціўшыся. ⁵ пасцель. ⁶ ніякім. ⁷ пераможана. ⁸ абманутая. ⁹ мяркуючы, лічачы. ¹⁰ за горад. ¹¹ у поле. ¹² вяшчуна, чараўніка. ¹³ народы.

В той час, коли се цар Филип з неприятелем своим потыкала и оного звитяжил, видѣл смока в битвѣ, который его уперезал, а его неприятели потлумлял. А коли се уже з звитяжством ворочал до Македонѣи, забѣжала ему Алимпияда, а он ю поцеловал. Смотричи так на ю, цар Филип рекл ей: «Комушь се, Алимпиядо, поддала? Згрѣшилась и не згрѣшила, абовѣм квалт есь от бога принела. Я-м то все, што се в тобѣ стало от бога, през сон видѣл. А всяко ж и от мене и от людей не естесь подойзряною».

Дня иѣкоторого цар Филип годовал¹ з княжаты и з преложеными² в Македонѣи весполон³ з жоною своею Алимпиядою. Анектанав теды през чорнокнижскую науку пременял се в смока, а през посередок сѣдячих, идучи, округне⁴ шикал, так иж вси годуючи великим страхом порушил, а приближившисе ку Алимпиядѣ, положил на еи лонѣ голову и поцеловал ю. Видечи то, Филип рекл Алимпияде: «Тобѣ повѣдаю, и всѣм, ижем того смока видѣл, коли есм свои неприятели поражал».

Поколку дний, седячи Филип цар в палацу своем, указалсе ему малый а велми тихий пташек, который прилетѣл на его лоно и знесл яйце, которое упало на землю и збилосе. А на тых мѣст з него вышел маленький уж, который полозячи около яйца, коли потом хотѣл во оное яйце влѣзти, яко скоро голову свою во яйце вложил, на тых мѣст здохл. Видечи то, цар Филип засмутилсе велми и возвал вѣщка своего, а ему чуд, который видѣл, повѣдал. Которому вѣщок рекл: «Филипе, народилсе тобѣ сын, который буде царствовал по смерти твоей, а окружит весь свѣт, одержавши панство⁵ над всѣми людми. Але первѣй, ниж се воротит до своей земли, смертью наглою умрет».

Коли се уже приближал час нароженя, Алимпияда в великой се болести мучила. Казала до себе возвать вѣщка и рекла ему: «Мудрѣче, живот мой великими болестями ест дручон». Анектанав почал мовить: «Поднесисе маленько з столца твоего, абовѣм той години живюлы от солнца пренагабаны». И сталосе, иж заразом болеть от неи отшла. А по малой хвили рекл до неи Анектанав: «Сядь царице». А так седячи породила.

Заразом, коли оное дѣтя упало на землю, сталосе округное гримене и з громы знамена розмаитыи, и блискалосе по всем свѣте. Тогды се стала темность, праве, аж до остаточной години дня.

Видечи теды Филип цар тыи знамена, дрижачий а боязливый вшол до Алимпияды и рекл ей: «Умыслилом был, абы тое дѣтя жадным обычаем не было ховано, абовѣм не з мене почато. Але розумѣю, же от бога створено. А ижем при нароженю его видѣл живюлы пременены, теды нехай буде ховано в доброй памети, якобы был мой сын, але нехай буде поличон на мѣстцы сына, которогом з иншой жоны мѣл». Мовечи то зо всякою пилностью дѣтя рядил.

¹ баляваў. ² начальнікамі, духоўнымі асобамі. ³ сумесна. ⁴ люта. ⁵ уладу.

Способ оног дѣтяти а ни отца, а ни матки выобразене¹ мѣло: волосы на головѣ его, якобы лвиныи, розмаите накроплены, очи его, яко звѣзды, ясны, але барвы² розной — одно черно, другое желто се указовало, — зубы его были остры, попудливость³ его хотлива а горячая, яко лвиная, але згола⁴ его постать, моц и мудрость, которих напотом мѣл, указовала. Мяноваи есть от родичов Александер. Потом, коли ходил до школы, перевитежал всех в науках и каждого мудре прегадал так, иж вскоре над всѣ одержал першое мѣстце в науках.

Коли был во 12 лѣт, был цвичон⁵ ку воеваню и упережал каждого в хутком ширмованю⁶. На которого хитрость, Филип цар, погледаючи, залецал⁷ его и мовил ему: «Сыну Александре, хуткость твою и довтипность⁸ умыслу твоего милую skutечне⁹, але се з того смучу, иж твоя особа видит ми се быть неподобна и негодна».

Слышачи то, Алимпияда, великим страхом порушона, возвала до себе Анектанав и рекла ему: «Мудрѣче, повѣдай мнѣ, што о мнѣ Филип мыслит, абовѣм мовил Александрови, прудкость твою милую и довтѣп розуму твоего хвалю, алем з того смутен, иж особа твоя ни в чом мнѣ не есть подобна».

Анектанав почал мыслить, потом рекл: «Мышлене его жадным обычаем не есть шкодливо». А яко звыкл Анектанав смотрѣть на звѣзды, взглядал в небо а розознавал звѣзду нѣкоторую, а скланял от того жажду свою.

Слышачи то, Александер рекл ему: «Звѣзду, которую видиш, видитсе велми висока». Которому Анектанав рекл: «Так есть, сыну». Александер рекл ему: «Можеш мнѣ ю указать?» Отповѣдал Анектанав: «Пойди зо мною години ночной а укажу тобѣ ю». Александер рекл: «Докончене живота твоего если тобѣ вѣдомо, чи ли не пев-

Stamen

postēre
clomeus
lo postea
genarios
est.

ost eus in
alexandri
isella gef
a salitem

nōte gar
rat gener
deoy. qz
extōmu
est di
fūt dō
antoni.
s scisma
es ad de
urone
phro
anosdu
ut.

Ronarchia
Alexander magnus

ut regis filius secundus Syriae ter regnavit annis

Аляксандр Македонскі.

¹ аблічча, выгляд. ² фарбы, колеру. ³ лютасць. ⁴ цалкам, поўнасьцю. ⁵ навучаны. ⁶ бою. ⁷ адабраў, хваліў. ⁸ дасціннасьць. ⁹ з поспехам.

но?» Анектанав отповѣдал: «Есть вядомо заправду, иж от сына моего маю умерети».

Рекши то, вышел проч з полаты. Вышел теж и Александер за ним. Годины вечерной вышли перед мѣсто. А коли ходили над перекопом мѣстким, рекл Анектанав: «Сыну Александре, погледай на звѣзды, абачат звѣзду Геркулисову яко се смутит, а Меркурий се веселит. И Овиша теж вижу яснячого. Уже мое практиковане мнѣ близкую смерть от сына моего обѣцует».

Коли так погледал вгору Анектанав, приступил к нему ближе Александер, забѣжавшисе на него навалностью, пхнул его, аж впал в перекоп, мовечи ему так: «О нещасный! Слушне абысь так умер. Коли есь земских речий не розумѣл, чомусь смѣл о небесских гадать, фалшиве пришли¹ речи повѣдаючи?» Которому Анектанав отповѣдал: «Вѣдал есми то добре, ижем таковою смертью мѣл умерети, абом тобѣ того не повѣдал, иж мене мой сын мѣл загубить». Александер рекл: «Тедым я ест сын твой?» Анектанав отповѣдал: «Заправды есм я породил тебе». А мовечи то, умерл.

Александер теды, порушоный милосердьем сыновским, поднесл тѣло умерлого Анектанаво на рамена² свои, несл его на палац свой. А коли его узрѣла Алимпияда, рекла: «Сыну Александре, што то есть?» Которой отповѣдал: «Тѣло Анектанавово есть». Алимпияда рекла: «Анектанав отец твой был». Александер отповѣдал: «Яко шаленство твое справило, так то есть». И приказал его в гроб сховать.

Тых часов княжа з Каппадокѣи привело одного коня не усмиренного, велми окрутного³, невымовно великого а велми оздобного, увязавши зо всѣх сторон ланцухи желѣзными, абовѣм той конь, для окрутного войзрения, людей жерл. Дучепал мянован ест, або для знаменя, иж голову мѣл нахшталт телца неука, або для того, иж нѣякии рошки походили з его чола.

Коли видѣл цар Филип цудность оного коня, рекл челяди своей: «Прикажете краты желѣзные справить, абы лотрове⁴, котории з права бывают осужени на смерть, были потлумлены от него».

Потом оных дний мѣл отповѣдь цар Филип от бога своего през сон, иж бы той по смерти его царствовать мѣл, хто бы на том окрутном коню ездил.

Александер теды во 12 лѣтех сталсе мощный, смѣлый, мудрый и ростропный⁵, бо се уже был научил зуполне всѣх наук вызволенных през учителя своего Аристотеля и Кастора. Нѣкоторого дня, коли се прохожал през оное мѣстце, где стоял он конь несмиронный, коли на него смотрѣл през желѣзные краты, а перед ним руки и инши члонки⁶ людскии туды и сюды роскиданы, дивовалсе велми и стягнул⁷ на тых мѣст руку свою до него през крату. А конь теж стягнул до него шию и почал его руку лизать. А потом, склонивши ноги

¹ будущия. ² плечи. ³ лютага. ⁴ нягоднікі, бандыты, разбойнікі. ⁵ разважлівы, прадбачлівы. ⁶ часткі тела. ⁷ працягнуў.

свои, пал на землю перед ним, а подневши голову свою, почал остро смотрѣть на Александра. Порозумѣвши Александер поволность¹ оного коня, отворил краты, а вшедши до оного коня, почал его легко а лагодно по хребтѣ гладит. А конь теж заразом инялсе² перед ним так покорне ласить, яко коли пес перед паном своим, так теж конь перед Александром. Потом, Александер, всѣдши на него, почал выежчати з краты.

Коли его узрѣл цар Филип, рекл до него: «Сыну Александре вси отповѣди божскни выполнены суть в тобѣ, абовѣм по смерти моеѣ царство мое буде от тебе ряжоно». Которому Александер рек: «Отче, если може быть, допусти мнѣ абых в возѣ царском седѣл». Отповѣдал ему Филип: «Рад, то учиню. Возми собѣ сто рицеров а семдесят тисеч золотых. Едь же так мощным рицерством оздобленый». И сталосе так.

Коли проежчал Александер сполечне³ з Ефесом философом, приятелем своим, и з дванадцатью панят, котории он собѣ выбрал и на свою волю научал, а мѣл з собою коштовныи убири и золота досыть, приказал теж рицером своим, абы о конех мѣли працу пилную.

Потом, коли се приближал до Полепонту мѣста, забѣжал ему Миколай, цар той ж краины, з войском своим, абы з ним валку⁴ мѣл⁵. Приблизившисе до него, рекл ему: «Хтось ты есть? Повѣдай мнѣ! Которому Александер отповѣдал: «Я есм Александер, сын царя Филипа Македонского». Цар Миколай рекл: «А которого мене мнимаеш быть?» Александер отповѣдал: «Ты естесь цар арриднйский. А всяко ж нехай твое сердце в пыху⁶ не подносит, ижем тобѣ царскую почестность придал, абовѣм высокии речи звыкли упадать на нискость. А зась нискость бывает подвышона». Миколай цар отповѣдал: «Чисте мовиш! Бач толко сам себе». Александер рекл: «О человеце, отступи от мене, бо ничего не маеш против мене мовить, а ни я против тобѣ з яким уволоченем чти⁷». Слышачи тыи слова, цар Миколай велми се розгнѣвал и рекл ему: «Бач то, што тобѣ повѣдаю. Присегаю през здорове отца моего, если на тебе намнѣй⁸ плюну, умреш». А мовечи то, плюнул на него и рек: «Возми, што на тебе належит, сченя, а соромейся того». Але Александер, водлуг лѣт своих походячи и теж наук своих учителей, рекл ему: «Миколаю, ижесь взгордѣл малость мою, присегаю тобѣ през ласку отцовскую и през живот матки моеѣ, в котором есм был от бога початый...»⁹

Далей апавядаецца аб паходах Аляксандра ў Сірыю, Палесціну і Іерусалім. Калі Аляксандр падышоў да Іерусаліма, то:

Слышачи Иадда, архиерей жидовский, присте Александрово, зляксе а, возвавши жидов, уставил им пост през три дни, абы набожными молитвами и офѣрами бога вzywали.

¹ пакору. ² пачаў. ³ разам, сумесна. ⁴ бой, змаганне, барацьбу. ⁵ На полі ў рукапісу: «вѣл» замест «мѣл». ⁶ ганарыстасць. ⁷ абразай твайго гонару. ⁸ крыху. ⁹ На гэтым месцы ў рукапісу адсутнічае некалькі старонак тэксту.

Тои ж ночи по оферѣ указалсе архиереови ангел божий, мовечи: «Не лекайсе, але што наскорѣй приохандож¹ улицы мѣсткии, а брамы отвори. А весь люд нехай выйде во оденю бѣлом, а ты и иншии священники з столами ясными выйдѣте на дорогу Александрови, абовѣм есть потребно, абы царствовал, иж всего свѣта паном буде, а потом его гнѣв божий поразит».

Которий зо сну повставши, возвал жидов и объявил им, што видѣл през сон. Так то приказал справить, яко ему во снѣ было объявлено. А зараз, вышедши з мѣста воспол з священники и з великостю мѣстского люду, пришол до одного мѣстца, которое зовут Скопул, отколе церков и все мѣсто може огледать. Там великого Александра пристя ожидал.

Александр, приближаючисе до оного мѣста, а видячи великостю люду во одѣню бѣлом, священники теж велми бѣлыми столами приохандожоны, и видѣл теж архиерея жидовского стола велми ясностю з капинтов приохандожоного, а на головѣ его диядиму, або корону, велми чудную, на которой верху золота бляшку справленую, на ней же написано было имя божое, зараз приказал всим своим стануть. А сам Александр пошол до них, зсѣдши з коня, и упал на землю.

Зараз вси жидове почали Александра поздоровлять, вzywачи великими голоса: «Жив будь, навышшии царю Александре! Жив будь навышшии цесарю! Жив будь звитежцо² незвитяжоный, над всѣ княжата хваленый!»

Видячи то, цареве сирийский велми се здумѣвши шемрала³. Нѣкоторий теж з кнежат его, которому имя было Парменон, спытал его, мовечи: «Великий цару, што то есть, иж вси тебе хвалили, а и тысь сам похвалил архиерея жидовского?»

Которому Александр рекл: «Не тогом я похвалил, але бога, которого он имени уживает, абовѣм в таком одѣню видѣл есм его през сон, кгдым еще был в Македонѣи. А коли есм мыслил, як бым могл Асию подбить, то имя побужало мене во снѣ, абых не омешковал⁴, але абых, усилне уфаючи⁵, мужно поступовал. А для того бачу быть оного, которогом през сон видѣл. А оттоле мнимаю, иж з божею помочю Дария звитяжу и моц перскую розвяжу, и вси иншии речи, котории во умыслѣ маю, маю надѣю быть пришлыми». А мовечи то, з священники до мѣста вшол. Потом теж вшол до церкви божой, которую збудовал он намудръшии Соломон. А там, водлуг указаня священнического, богу офѣру чинил. Тогда ему архиерей принесл книги Даниила пророка, в которих было написано, иж нѣкоторий з грѣков мѣл збурить перскую моц.

Александр, домнимаваючисе быть самого себе, увеселилсе велми и заразом архиереови и иншим священником много дал даров коштовных, а мовил им то, иж чого колвек бы от него жедали, то мѣли одержать.

¹ па-святочнаму прыбярэ. ² перамогаца. ³ мармыталі. ⁴ не прапусціў час. ⁵ давяраючы.

Тогда архиерей жидовский просил его, мовечи: «Прошу нехай нам буде волно наших отцев устав уживать, а сегомо року без дани и чиншу быть». Александер им всего дозволил. Потом его архиерей просил, абы жидове, в Медѣи и в Вавилонѣи осаженны, своих прав уживали. И все то им дал, о што его просили.

Александер потом, справивши рицерство з Иерусолима вѣлуфы ¹ до инших мѣст околичных. А до которых колвек ехал, вдячне был принят...

Далей апавядаецца аб тым, як асірыйскі цар Дарый, даведаўшыся пра поспехі Аляксандра Македонскага, напісаў яму абразлівае пісьмо і паслаў у падарунак дзіцячую пілу, матыку і каўпак блазна. У сваім фанабэрыстым пісьме Дарый раіў Аляксандру лепш забаўляцца гэтымі дзіцячымі цацкамі, а не ваеннымі справамі з магутнымі, апякаемымі самім богам, персамі. Калі ж Аляксандр не паслухае яго парад, як дзіця, то Дарый пагражае яму сваім незлічоным войскам, якое пакарае яго не як князя, а як «лотру».

Пришедши tedy до Александра, котории были посланы от Дария цесаря, отдали ему лист, посланный з пилою, з мачугою и з завойком ². Александер зараз казал лист перед всѣми читать. Рицери, слушаючи поводу оного листу, барзо ³ се смутили. А бачечи их быть смутных, Александер рекл до них: «О мои намоцнѣйшии рицери! Для чого сердѣца ваши суть порушоны з слов листу Дариевого? Або не вѣдаете, иж псы, котории велми счекають, не мають жадной хоти ображеня? Мы-смы tedy увѣрили, иж той лист, в чом колвек правду повѣдал, то есть толко о великости золота, которую Дарий повѣдает мѣть, а для того мусим мужне воевать з ним, абовѣм великость золота его нас охоче побужает ку воеваню. А рекши то, приказал рицерем своим, абы послы Дариевы поймали а на шибеници повѣшать казали. А они почали до него великими голоса взывати: «Царю Александре, што за причина вины есть в нас для царя нашего, жебысь мы мѣли муки поднять?» Которим Александер отповѣдал: «Слова цесара вашего то учинить побужають мене, которий вас яко до лотрика послал». А они отповѣдали: «Для того то писал наш цесар, иж велможность ваша не есть ему запевне знаема. Пусти нас волно, а мы ему твою хвалу оповѣмы». Тогда их Александер казал выпустить и на годы ⁴ возвать. А коли седѣли за столом, рекли Александрови: «Царю, если се подобает маестатови вашему, прикажите абы тисеча ездных з нами ехало, а мы Дария в руцѣ их выдамы». На то им Александер отповѣдал: «Нехай се ваш умысл з того веселит, иж спокойне седите, абовѣм през выдане: вашего царя не буде вам даный и один рицер».

Другого потом дня казал Александер лист писати Дариеви тым обычаем: «Александр, сын Филипов и Алимпияды царевой, Дариеви цареви над царми, родичови слонечному, которий свѣтит весполук з боги перскими, повѣдаючи, то приказуемы. Если праве хочемо глядѣть на правду, то што маемы не есть наше власное, але нам до часу позычано, не праве держимо. Абовѣм кгда ж вси в колѣ прудком фортуны обцуемо, частокрот з богатств во убозство,

¹ войска, сілы. ² чалмою. ³ вельмі, ⁴ дзень гадавых успамінаў, пачастунак.

з веселія в смуток, з високости на нискость, и туды и сюда преме-
няемо. Для того, будучи хто на вышшом мѣстцѣ кола фортуны, не
мает так велми уфать¹ в свой стан высокий, иж през пыху подне-
сеный и порожнею хвалою повожоный велми низких справы възгар-
жает, кгда ж частокрот бывает, иж нанижший бывает повышон, а
зась велми высокий на нискость упадает. Розумѣй бытъ реч велми
шкарядою² и соромотою тобѣ, так наяснѣйшому цесарови, водлуг
того якость от людей есть видѣн. Мнѣ малому а низкому таковыи
речи стать, абовѣм ты, яко повѣдаеш, естесь ровен солнцеву, а иж
седиш на солнцу маестату твоего, зосланым от бога весполок з пер-
скими боги. Але иж богове суть несмертелны, з смертелными обцо-
вать ненавидят. Я заправду естем смертелный, а так до тебе иду,
яко з смертелным человеком, валчить³. А ты зась который естесь
велможный и повышоный, а хочеш се звать несмертелным, коли хо-
чеш з нами валчить, жадной славы не одержиш, если мене звите-
жиш, абовѣм малого человека а лотрика звитяжиш. Але если я
превитяжу, великую оттоле хвалу возму, иж навелможнейшого це-
саря звитяжу. Але, ижесь рекл перскую землю в великости золота
обфитующую⁴, побудилесь смыслы наши а справилесь нас для того
мужнѣйших, абысь мы золота вашего могли достать, а недостаточ-
ность нашу, которую нам приписуеш, могли бысь мы от нас отда-
лить. А прето, ижесь нам послал пилу, мачугу и завой, котории
мают бытъ речи пришлыи, певне а право есь осудил, чого се теж
мы сподѣваемы з приязни богов. През округлость той то пилы, тое
собѣ розумѣемы, иж округлость всего свѣта под наше пановане мае
бытъ дана. През мачугу, которая есть скривлена от головы, зна-
менуемы, иж вси цареве и княжата свѣцкии перед нашею облич-
ностью будут се кланят. През золотый завой, который голову чело-
вечую приодѣвает и окружает голову, нас быти звитежцы, а не зви-
тяжонныи сподѣваемы. Ты заправду, который естесь великий и на-
моцнѣйший, ужесь нам дань отдал, кгда ж есмо от тебе пилу, ма-
чугу и золотый завой взяли, котории таковыи достоинства в собѣ
закрывають».

Коли такой лист написал, возвал ку собѣ послов Дария цесаря.
А давши им коштовныи дари, з листом отправил их. Потом Алек-
сандер, рушивши рицество, почал поступовать...

Дарый, атрымаўшы гэты ліст, вельмі засумаваў. Потым разаслаў сваім
панам загад, каб яны сваімі войскамі злавілі Аляксандра і прывялі яго яму,
а ён адправіць яго да Алімпіяды, як дзіця. У адказ на гэты паны Дарыя
напісалі яму, што Аляксандр не дзіця, а небяспечны палкаводзец, які разбіў
іх войскі і з поспехам наступае далей. Тады Дарый напісаў другі ліст Аляк-
сандру. У ім Дарый зноў выхваляўся сваёй славаццю і патрабаваў ад
Аляксандра безадкладнага звароту ў Македонію, пагражаючы яму сваім гне-
вам і расправай. Аб колькасці свайго войска, якое цяжка пералічыць, ён на-
памінае Аляксандру макавым зернем.

Коли пришли послове Дариевы до Александра, лист ему от
Дария з маком отдали. Зараз, коли Александер лист почал читать,

¹ спадзяванца, разлічваць. ² агідную, брыдкую, пачварную. ³ змагацца. ⁴ багатую.

влиживши свою руку в мѣх, взяв одного маку и почав жвать, мовечи: «Бачу добре, иж люду его есть много. Але, яко тое насѣне есть мякко, так розумѣю, — и люд его млѣлый».

А в том пришли нѣкоторые макидонове, повѣдаючи Александрови, иж Алимпияда, его matka, тяжкою немочю была знята.

То слышачи Александер, сталсе велми смутным, а всяко ж лист написал Дариеви тым обычаем: «Александер, сын Филипов и царицей Алимпияды, до Дария царице приказуемы. Вѣдай, иж много листов пришло, котори нас поневоле отсель отводят. А всяко ж ты не мысль о том, абысь мы для боязни або вонпливостю¹ твоей порожней хвалы назад отѣхать мѣли. Але абых огледал матку мою, которая тяжкою хоробою есть обтяжона. А прето вѣдай, иж по малом часѣ до тебе з великостю валечных² людий се поспешимы а велми скоро притягнемы. А то тобѣ тепер шлемы на шталт насѣня макового той перец, абысь то знал, иж насеня макового великостю того перцу остростю бывает знята».

Той лист дал Александер рицером Дариевым и перец и дари выборныи, а потом их пустил.

Калі Аляксандр вяртаўся ў Македонію, на яго напаў адзін з князёў Дарыя, Амонт, каля Аравіі. На працягу 3-х дзён цягнуўся люты бой, у якім было многа ахвар, і персы не вытрымалі. Выратаваўся ўцёкамі толькі Амонт з невялікай колькасцю свайго войска. Уцёкі былі такія, што Амонт паспеў прыбыць к Дарыю адначасова з пасламі, якія насілі Аляксандру мак ад Дарыя, і тут прызнаў мужнасць, баяздольнасць і высакароднасць яго войска. Па дарозе ў Македонію войска Аляксандра павялічылася на 16 000. У хуткім часе, пасля прыезду Аляксандра яго маці Алімпіяда памерла, і ён зноў паехаў ваяваць у Персію супроць Дарыя.

И положилъсе з войском на мѣстцу, которое звано Авдырон. А люди одного мѣста зо всѣх сторон браны позамыкали. Видячи то, Александер розгнѣвалсе и розказал рицером своим, абы их запалили. Рицерство теды Алексадрово, учинивши навалность, почали их бурить. А мѣстский люд, бачечи то, иж не могли зноситъ великостю збройных, — бо оное мѣстце не было з прироженя оборонно — почали взывать, мовечи: «Царю Александре! Не замкнули есмо бронь мѣстских для того, абысь мы се твоей высокостю спротивили, але боячисе Дария, царя перского, который, коли бы то услышал, зослал бы на нас паны свои, котори бы нас зо всѣх сторон распорошала». Александер им отповѣдал: «Отворѣте браны мѣстские, если хочете з рук валечных уйти. А коли з Дарием конец учиню, теды з вами буду розмовлял». Слышачи то, одначе отворили ему мѣсто...

Адгэтуль Аляксандр пайшоў да Брахеі, потым прайшоў Халдзею і падышоў да ракі Сеніс. Тут яго войска перацярпела вялікі голад. Аляксандр звярнуўся да войска з заклікам не шкадаваць коней, а берагчы здароўе, бо без яго коні будуць непатрэбнымі. Войска рушыла наперад. Па дарозе Аляксандр разбіў 10 000 войска ў горадзе Тэвані і зруйнаваў горад. Пасля накіраваўся да Карыфа, а адтуль у Плацею і там праз некаторы час звергнуў мясцовага князя Страксагона. З Плацеі Аляксандр пайшоў да Афін і паслаў афінянам

¹ сумненнем. ² узброеных.

лісьмо, у яким патрабаваў ад іх, каб яны паслалі яму 10 філосафаў і прызналі яго за свайго цара.

Коли читали афінове лист, почали верещать, якобы шалени. Евструл теды мудрец, повставши з великости люду, рекл абы жадным обычаем не призволяли¹ листом Александровым. А люд, згромадивши в купу, просили Демостена, мудръца, абы им раду добрую дал, а што бы се его радъ видѣло, абы то ознаймил.

Демостен теды поднесльсе на вышное мѣстце, а рукою учинивши молчане, так почал мовить: «Мужеве и мещане, всполок зо мною мешкаючи. Приймѣте скромне, прошу, слова мои, а слушайте. Если се таковыми быть знаете, жебысте могли велможность Александрову затлумить, валчте з ним, а слов его жадным обычаем не приймайте. А если ж се ему спротивить не можете, поддайтеся его маестатови². Всяк то вѣдаете, иж якое мы слышали от наших старших: Сенес цар велми моцный, в своем панствѣ високий, ачъ колвек³ был много звитеств доступил, а всяко ж в Клаедѣ много торих ничого иншого одно звитежство завжды одержал. Азали⁴ пребываючи в Тире не были рицери велми моцни и во всей умѣтности валечной выцвичоны? Што ж им помогла их великость або моц? Тевей мудростью великою яснѣли, котории и которих мѣсто наукою валченя немнѣй⁵ было окрашоно. Што им теды была пожиточна⁶ мудрость и сила або мужность валечная? ⁷ Пелипенсове, ачъ колвек мужне валчили з Александром, всяко ж потом устали от навалности збройных. Або ли есте не порозумѣли, иж незличоны мѣста, до которих колвек вшол, кром всякого валченя и спротивленья его маестатови се поддали. Для того теж, иж Страксагону з его панства зложил, добре учинил, абовѣм выступ Страксагоны упередил. А иж есмы слышали Александра быть мудростью приоздобленого, што бы снать, без вины Страксагоны не скинул...»

Афіняне паслѣхаліся парады Демасцена і паслалі Аляксандру праз ганцоў залатую карону вагою ў 150 фунтаў. Апрача гэтага яшчэ абяцалі яму даваць кожны год чынш і дань.

Дамовіўшыся з афінянамі, Аляксандр пайшоў у Лацэдамонію. Там жыхары адмовіліся добраахвотна падпарадкавацца яго ўладзе і пачалі абараняцца, але супраціўленне было зломлена, горад захоплен штурмам войск Аляксандра. Пасля гэтага Аляксандр накіраваўся ў Кілікію.

Дарій теды цесар, слышачи о пристю Александровом, зляклъсе велми. Зараз, зобравши княжата и паны свои, радилсе их, мовячи: «Яко бачу, той поступает, валчечи а множачисе в звитежствѣ и в моцы. А ям его мнимал быть якого лотрика, который бы, яко драпежца мѣлый, земли злупил. Он заправды воюе яко муж валечный. Зачим болшей на него усилюю, тым болшей имя его на высокости се подносит, а где колвек се оборотит, вездѣ его счастлива fortuna наслѣдуе. Потреба, абыс мы з пилностью мыслили о нашем

¹ не згаджаліся. ² трону, уладзе. ³ хоць нягледзячы на тое, што. ⁴ хіба. ⁵ не менш. ⁶ карысна. ⁷ ваенная.

выбавленю, абыс мы не упали в упадок поднесеня и шаленства порожней хвалы».

Коли то и иншое вымовил Дарий, отповѣдал Махер, брат его: «Увелбил¹ есь Александра, мовечи, иж он усилуе до Персѣи войти, ишжли бысь мы мѣли его Елладу осягнуть. Для того, если се тобѣ подобает, уживай обычаев Александровых. А так твое царство стане ненарушоно, а еще других болшей подбиеш. Абовѣм Александер, коли хоче с ким валчит, не шле панов а ни княжат своих, але сам обличне² приступуе ку битвѣ. А так се ему имя и хвала множит».

Слышачи то, Дарий рекл: «Або ли я от него, або он от мене мае приклад брать?» Отповѣдал один з княжат, мовечи: «Александер во всих речах есть довтпный и умѣтный, а ни в чом не выступил, але сам през себе все мужне чинит, который способ от нароженя своего взял на взрост лва». Которому Дарий рекл: «Отколь то вѣдаеш?» А он отповѣдал: «Коли на росказане твое ехалис мы до Македонѣи, абыс мы взяли чинш от Филипа, видѣл есм особу его и великую мудрость. А для того, если се тобѣ подобает, розошли по всѣх сторонах царства твоего а згромат³ паны твои и княжата вси, бо под царством перским есть много люду, то есть: парты, миды, аполинаты, итали, бартеи, дырумани и инший люд, которых есть сто и пятьдесят, котории суть послушни маестатови твоему, нехай же вси будут згромажени в купу, а шукаймы от бога вспоможеня. Потом, коли узрит Александер великость люду и поганскую моц, вси члонки его боязнью будут зняты». Которому другое княжа рекло: «Добро есь поражене⁴, але непожиточне выдал. Чи не вѣдаеш, иж один волк великое стадо овец угоняет и распорошает? Также теж и греков мудрость превитежает великость панов».

В той час Александер, згромадивши люду великость валечного, пришел ку личбѣ сто тисечий люду, з которим приехал ку рецѣ прозвищем Окиян, з которой вода велми зимная и ясная походила. Придалосе, же се омывал во оной рецѣ. Потом голова его была обтяжона великою болестю, же теж и зимницею⁵ был дручон. Которого макидонове видячи немоцного, засмутилисе велми, боячисе, так межи собою мовили: «Если буде объявлена немоч Александрова, Дариеви, учинивши навалность против нам, исто нас загладит». Але потом здорове Александрово во вси рицери потверждало.

Теды Александер возвал до себе лѣкара, именем Филипа, а о немочи своей пилне пытал. Был той лѣкар Александров еще млоденец, а во всякой науцѣ лѣкарской добре досконалый. И обѣцовал то Александрови, иж мѣл през один трунок приворотит его ку першому здоровю.

Нѣкоторое княжа з рицерства, который держал Арменню, именем Пармез, который велми зазрѣл тому лѣкареви прето, иж от

¹ абажаю. ² асабіста. ³ трѣба «згромажат», г. зн. «збѣруцца». ⁴ парада. ⁵ ліхаманкаю.

Александра невымовне был милован, писал потаемне до Александра, мовечи: «Стережисе от Филипа лѣкара, а не пий того трунку, который тобѣ мае дать, абовѣм Дарий обѣцал ему дочку свою за малжонку дать, а оного в царство собѣ прилучить, абы тебе одно яко колвек загладит могл».

Прочитавши лист, Александер не засмутилсе з того, абовѣм уфал¹ в щирое а чистое сумнене Филипово. В той час Филип з трунком наготованым вшол до Александра и подал ему его. Александер, взявши трунок, во одной руцѣ держал, а в другой лист, смотрячи остро в твар Филипову. Рекл ему Филип: «Не лекайсе, великий цесару, трунку, але его пий». А зараз Александер трунок принял, потом Филипови лист указал. Прочитавши лист, Филип рекл: «Цесару великий, не естем в том винен, што лист повѣдае». Александер теды стал се добре здоровым. И возвал до себе Филипа и обнял его, мовечи: «Знай, Филипе, милость которую есм мѣл ку тобѣ. Первей есм трунок пил, потом есм тобѣ лист указал». Которому Филип отповѣдал: «Цесару великий, прикажи тому то перед обличностью твоею стануть, который тобѣ таковой лист послал, абовѣм мене научал таковую злость пополнить».

Заразом росказал до себе возвать Пармеза. А коли его пытал, найден был годен смерти. И росказал его стяць².

Заваяваўшы пасля гэтага Мідзію і Арменію, Аляксандр перайшоў р. Еўфрат, разбурыў збудаваны ім там мост і каля р. Тыгр сустрэўся з войскамі Дарыя. Пры першай сутычцы войскі Дарыя атрымалі паражэнне і пачалі адступаць. Тады Дарый паслаў аднаго з сваіх воінаў у стан Аляксандра, каб той забіў палкаводца. Ва ўзнагароду за гэта Дарый абяцаў выдаць за яго замуж сваю дачку. Але воін толькі цяжка параніў Аляксандра ў галаву. Македонцы хацелі катаваць забойцу, ды Аляксандр дараваў яму жыццё і адпусціў назад. Пасля паражэння ў другім баі Дарый адступіў да г. Бакерэм, але пратрымаўся тут толькі адзін дзень. Горад не вытрымаў штурму. У палоне апынуліся маці, жонка і сыны Дарыя. Добрыя адносіны Аляксандра да сям'і Дарыя абурылі яго, і ён зноў пасылае Аляксандру абразлівы ліст. Аляксандр папярэджвае яго аб тым, што ён спяшаецца выступіць супроць Дарыя і заклікае яго быць гатовым да бітвы. У пошуках дапамогі Дарый звярнуўся з лістом да індыйскага цара Пора. Пор дыпламатычна адмовіўся падтрымаць просьбу Дарыя.

А слышавши Родога, matka Дария цесаря, иж се Дарий з людом готовал, абы другую битву сточил з Александром, засмутилсе велми а заразом писала лист до него тыми словы: «Дариеви, наймилѣйшому сынови своему, Родога matka веселе оповѣдает. Слышалис мы, ижесь люд твой згромадил, абы з Александром поворе валчил. Але то тобѣ ничого не есть пожитечно, абовѣм бысь вси пребываючии на свѣте згромадил, ему се намнѣй спротивит не можеш, кгда ж его божская опатрность стережет и заховывает. А прето опусти смысл высокости твоей, а склони се малечко от хвалы твоей, уступуючи великости Александровой. Лѣпей то тобѣ есть заправды опустить то, чого задержать не можеш. А кото-

¹ спадзяваўся. ² засячы шабляю.

рии речи могут быть задержаны, абы их спокойне поживал, бо не можеш всими пановать, колись ты сам от всѣх взгоржон».

Той лист, коли принесено пред Дария, засмутилсе а почал ревно плакать, вспомневши на родичи свои.

В той час Александер, рушивши люд, приближивсе ку мѣсту перскому, в котором Дарий был, перегледаючи высокни мѣстца гор, котории были над мѣстом оным.

Александер приказал рицером своим, абы сѣкли розки з дерева, а зелье рвали, а метали перед ноги конем и мулом. Што видечи персове з высоты гор, здумѣлисе. А идучи так през три дни ку мѣсту перскому, в котором был Дарий, и положивсе там з войском своим. Возвавши теды княжат своих, рекл до них: «Пошлимо послы Дариевы, мовечи ему, абы з нами воевал, або се нехай поддасть под моц валчучих».

Таи же noci указалсе Александрови Меркурий, маючи на собѣ одѣне макидонское, мовечи ему так: «Сыну Александре, коли тобѣ буде потреба, завжды тобѣ буду на помоч. Бач же теды, абысь не слал Дариеви посла, которогось рекл. Хочу того, абысь принял особу мою, абы там сам шол. Ачѣколвек есть реч небеспечна цареви ити за посла, а всяко ж се не лекай, бо я тобѣ буду на помочи, иж жадного утиску не почувеш».

Повставши Александер зо сну, велико се веселил. А возвавши приятель навѣрнѣйших своих объявил им сон, который видѣл. А они ему радили бы так учинил, яко ему през сон объявлено. Тогда Александр возвал одного з княжат своих именем Евмула, бовѣм той муж был моцный, смѣлый а навѣрнѣйший Александрови, и казал ему на конь всѣсти, абы его наслѣдовал. А коли ехали оба два ку рецѣ Крамѣ, а перским языком Стагма, нашли ю замерзлую. Заразом Александер, отменившисе в шаты княжата своего, зоставил его з двома конми и з оным, што сам на нем ехал. А перешедши оную реку, почалсе ку мѣсту Дариевому приближать. А княжа оное его просил его, мовечи: «Великий цесару, допусти мнѣ перейти за тобою тую реку, абы се тобѣ яка злая пригода не придала». Которому Александер рекл: «Жди мене тут, бовѣм мнѣ буде на помочи той, которогом во снѣ видѣл».

Тая река, которуюс мы перед тым наменили¹, часу зимы и весны през всю ноч замерзла стоит. Але рано, коли солнце загрѣвает, растает. А прудко бежит, иж коли бы хто вшол в ню, заразом бы его похватила. А широкость ей есть яко през одно стаяне.

А коли Александер пришол до браны мѣстской, персове, его видячи, велми се здумѣли, бо его розумѣли быть богом. Зараз его пытали, мовечи: «Хтось ты есть, пане?» А он отповѣдал: «Я естем отповѣдник² Александров».

Дарий цесар, перегледаючи през гори а згромажаючи велми великий люд, абы другую валку вел з Александром, который, коли пришол до брони мѣстской а нашол там Александра, мовячого з

¹ называли. ² пасол.

персами, здивилсе велми особѣ его, мнимаючи его быть бога Аполлона, который з неба зступил, зараз его похвалил, мовечи: «Который есть ты, пане?» Которому он рекл: «Послал мене цар Александр до тебе, абых тобѣ мовил: для чого продолжаеш, яко боязливый. Выйди прето з приятели твоими а воююй, або се поддай под моц звитежци». Слышачи то, Дарий рекл ему: «Або ты ли еси Александр, который з таковым гнѣвом твою мову подаеш, абовѣм яко вижу не яко посол, але яко цар пышныи речи оповѣдаеш. А всяко ж то вѣдай, ижем з слов твоих намнѣй се не лекаю. Сядь тепер зо мною при вечери». А рекши то, узял руку его и вѣл его на правой сторонѣ и вшол з ним весполк до палацу своего. Александр презначал то собѣ оною правницею помоч божскую, иж мѣл вскоре его палац быти.

Ршедши Дарий весполк з Александром до одного крмаху оздобного, где там была справлена гойна и роскошная вечера, сѣл з ним. Одно княжа рицерства Дариевого обачил быть обличне Александра. Был той то палац, або вечерник, зо всѣх сторон приохандожон. А персове, видячи способ Александров: мудрость, смѣлость и моц, которая се в том малом тѣле таила, згола его не знаючи. Мисы теж, столы и лавы были з щирого золота справлены, а подчашии носили пите в кубках золотых и в перлах велми коштовных.

А коли подали кубок перловый ку питю Александрови, поставил его на лонѣ своем. Принесено ему потом другий кубок, а тако ж ему учинил. Также и третим разом.

Видячи то тыи, котории приносили кубки, повѣдали цесареви Дариеви. Слышачи то, Дарий поднесльсе и рекл: «Приятелю, што ж то чиниш, иж ты кубки до пазухи ховаеш?» Которому Александр рек: «При годованю нашего царя таковый есть обычай, иж годуючии если хочут, берут кубки, з которих пиют. Але, если той обычай видитсе быть вам негодный, то вам негодным ворочу без омешъканя»¹. Нѣкотории теж княжата хвалили той обычай и велми залецали².

Нѣкоторый княжа Дариево, которому имя было Анапулус, сидячи за столом, часто погледал на обличе Александрово, бо его теж перед тым видал, коли з приказаня Дариевого ездил до Македонѣи, абы чинш взял от царя Филипа. Той, розумѣючи голос его и особу его видячи, почал в собѣ сам мыслить: по правдѣ мнѣ се здаеть, же то есть Александр. А зараз, повставши, приступил ку Дариеви, мовечи ему: «Цесару великий, той посол, которого видиш, есть то Александр, сына Филипа Македонского». Дарий же цар з радостю рекл ему: «Если то так есть, то я тепер всему свѣту цар. Але не вѣру тому, як бы он то могл учинити». Анополус теж рек: «Если то, царю, не так ест, чти мене отсуди и кажи мя стяти».

Александр теды, видячи оныи сполечныи розмовы, порозумѣл, иж о нем мовили, на тых мѣст перстень вѣщественый³ з тоболки⁴ своей вынял и на руку взложил, и зараз жадным не был видѣный.

¹ затрымкі. ² раілі, рэкамендавалі. ³ чараўнічы. ⁴ мяшэчка.

Тогда цар Дарий рек Александрови: «Человече, повѣдают ми, иж приличон еси персоною Александрови». А Александр отповѣдал: «Правда есть, великий царю. Для того мене мой цар любит, што ж едем ему подобный. И многии ми се люде кланяют, творячи¹ Александру». Теды Дарий, в розмышлене впадши, встал от столу и шол до ложницы, мышлячи, як бы его мѣл поймати. А вси за Дарием з полаты вынесли. А Александр з бояри Дария зосталсе употемку. И на тых мѣст зволок з себе коштовныи шаты макидонскии, а маючи той перстень на палци, выскочил з полаты и пришол до брони мѣстской. И вынял кубок той, который взял был, сидячи за столом, и дал его воротному, мовечи: «Держи в себе той кубок, поки се назад ворочу, бо мене цар послал умоцнити сторожу». А воротный кубок он взял, а его за ворота выпустил. Александер ку другой бронѣ пришол и другой теж кубок воротному дал, мовечи: «Цар мене послал, абы до него гетманы возвал». А так и той пустил его за ворота.

А Александер, поспешившисе вскочил на конь, а яко могл напрудшей утекал, и реку Краму заледвѣ ку свѣту переехал...

Тым часам Дарий загадаў сваім князям злавіць Аляксандра, але яны не знайшли яго ў палацы і пусціліся даганяць. Калі яны прыехалі да ракі, ужо ўзышло сонца і лёд на ёй растаў. Дарий дзівіўся смеласці і адвазе Аляксандра. У гэты час на яго вачах у яго палацы разваліўся нечакана царскі слуп, тым самым знамянуючы канец Дарыевага царства. Дарий занепакоіўся. На другі дзень Аляксандр, сабраўшы сваё войска, падрыхтаваўся да бою. Тое ж зрабіў і Дарий. Першая сутычка закончылася перамогаю Аляксандра і бегствам Дария. Пасля гэтага Дарий паслаў Аляксандру новы ліст, у якім заклікаў яго не ганарыцца перамогаю, бо ўсё гэта дачаснае, і прасіў вярнуць яму за багаты залаты выкуп яго маці, жонку і сыноў, абяцаў яшчэ адмовіцца ў карысць Аляксандра ад улады над мідамі і персамі. Аляксандр адмовіўся ад прапановы Дария і прапанаваў яму або прызнаць сябе канчаткова пераможаным і здацца, або ваяваць да канца, а сам загадаў закапваць забітых воінаў. Дарий вырашыў за лепшае змагацца і напісаў другі ліст цару Пору, просячы ад яго дапамогі за добрую плату. Перабежчыкі ад Дария данесли аб гэтым Аляксандру.

Слышавши то, Александер заразом, рушивши войско свое, тягнул против Дариеви. Дарий теды и персове, слышачи з ним присте Александрово, злеклисе.

Нѣкатории теды з княжат Дариевых, один именем Висос, а другой — Ариоварзан, зараз, яко скоро услышали о пристю Александровом, присеглисе веспол, абы Дария забили, сподѣваючисе абы мѣли взятъ приемную заплату от Александра. Умоцнивши то межи собою, вошли до палацу. Добывши мечов, пришли перед Дария. Которих видячи, Дарий рекл: «О намилѣйшии мои, котории есм вас мѣл за слуги свои, але тепер меню быть паны моими. Для чого мене забить хочете? Або не досыть ли вам назвѣрхных тяжкостях моих, котории внутрности мои яко меч проникают? Если мене потаемне забиете, а Александер вас найде, возме над вами болшей, иж над разбойники помсту». Они, не дбаючи ничога на его мову, а

¹ прымаючы мяне за Аляксандра.

не будучи склопни ку милосердыю, почали на нь сечи. Дарий, закладаючисе раменем¹ своим, упал ранній. И так его zostавили в палацу наполю умерлого.

Александр, услышавши иж Дария забито, перешол реку Краму з людом своим велми скоро и вшол до мѣста Сусана. Персове, видячи его, отворили ему брони мѣстскии и почтиве его приняли. А коли обачили входячого Александра, оныи, котории ранили Дария, скрилисе доброволне, хотячи зрозумѣть Александра в том, же забили Дария. Александр теде, вшедши на палац а переходяючисе в нем, дивовалсе велми оному мистерному будованю, абовѣм то был збудовал Кир, цар перскій. А была там земля по всем палацу з розмантого камня коштовного а велми ясного. Стѣны были з золота, з каменем дорогим и з звѣздами ясными приохандожоно. Тако ж и столпы з золота, котории держали высокость поднебеня.

Тое все видячи, Александр дивовалсе велми. А переходячи през палац, вшол до ложницы, где лежал Дарий, наполюмерлый. Узрѣвши его, Александр, милосердием порушоный, знял з себе одѣне цесарское, приодѣл его. А обнявши его, з великим плачем потѣшал его, мовечи: «Будь потвержон, цару Дарий, а повстань. Якость перед тым твое панство держал, так и тепер прийми перскую корону, а уживай моцы твоей, якость перед тым был. Присегаю тобѣ през намоцнѣйшии боги твои², иж тобѣ правдиве все панство твое отдаю а жадаю з тобою покармов поживать, яко сын з власным отцем своим. А объяви мнѣ неприятели твои, абы помсту меча, остатнюю заплату, взяли», — то плачучи мовил.

А Дарий, подневши руцѣ свои, обнял его и целовал перси, шню и руки его, мовечи: «Сыну Александре, яко зуполней и достаточной мудрость твоя узнала, весь свѣт на скаженю³ есть положен. Абовѣм божская мудрость, все перегледаючи, и мысли людски розознаваючи, так его от початку свѣта створил, иж не было ничего сталого або моцного, але небытною своею вси премѣнности в свои противности се оборочают. А так то бог хотѣл мѣть, абы се вси речи переменяли, иж коли хто, в щасливости будучи для пыхи своей, не знал бы створителя своего, з высокости пыхи на низкость покори, упадает, иж што през поднесене щасливости о бозѣ запаметал⁴, зась през понижене в нужи вспаметал, водлуг⁵ якость по мнѣ видѣл. Ижем так велми в щасливости обфитовал⁶, же для великих богатств, которих есм мѣл, не боже створене, але товарищом божим сподѣваломсе быть. А чогом на он час през заслѣпене пыхи не видѣл, тепер през niskость покори вижу и знаю. А для того, нехай се неподносит, милый сыну, умысл твой в пыху для звитежств, тобѣ от бога даных. Абысь теж добре то чинил, што богове чинят, а руками твоими, право, неба не сегал. Завжды паметай на остатнии дни твои, абовѣм смертелный естесь, а смерть твою

¹ закрываючы сябе плячом. ² на полі рукапісу: «мои». ³ знішченню, разбурэнню. ⁴ забыў. ⁵ паводле таго. ⁶ багата жыў.

установичне¹ перед очима мѣй. Взглядай прето на мене а бач яковым вчорашнего дня был, а який естем нынѣ, который нужне аж до земли естем потлумлен, а который есм мало не весь свѣт держал под рукою своею, а тепер сам над собою моцы не маю. Прошу, нехай мене погребут руцѣ твои наласкавшии. Нехай прийдут на обход мой персове, миды, грекове, а от того часу царство Перское и Макидонско во едности нехай буде. Матку мою, Родогону, тобѣ велико поручаю, а над жоною моею милость мѣй. Дочку мою Роксану возми собѣ за жону. Слушна реч есть: з шляхетных шляхетный рожай походит». А мовечи то, в руках Александровых умерл.

А так, водлуг обычаю цесарского, зложил Александер тѣло его. А з великим обходом несли его на погреб за опережающими збройными персы и макидоны. А Александер, подложивши шию свою под мари, горко плачучи ишол. Плакали теж и персове не толко для смерти Дариевы, яко для милости Александровой.

А так ему чинили погреб. Потом се Александр воротил на палац Дариев....

Далей апавядаецца аб расправе Аляксандра, якую ён зрабіў над забойцамі Дарыя, або яго жаніцьбе на дачцы Дарыя Раксане. Пасля гэтага пачынаецца апавяданне аб паходзе Аляксандра ў Індыю і яго індыйскіх ваенных прыгодах. Гістарычнага ў гэтай частцы «Александріи» зусім мала. Тут толькі адны цуды, якія мог выдумаць аўтар. Аляксандр тут сустракае дзіўных птушак, жывёл, гадзюк, незвычайных людзей з сабачымі галовамі, птушынымі нагамі і тулавам, нават з вачамі і ротам на грудзях, сустракае веліканаў і пігмеяў, гаворачыя дрэвы, медныя замкі і шмат іншых цудаў і мноства багацця. Там ён нават паднімаецца на грыфах для даследавання неба, спускаецца ў глыбіню мора, сустракае нячыстыя народы Гога і Магога і памяшчае іх у гарах, перапісваецца з амазонкамі, размаўляе з філосафамі брахманами і г. д. Пасля ўсіх сваіх паходаў Аляксандр вяртаецца ў новую сваю сталіцу Вавілон і памірае ад атруты, атрыманай ад сваіх прыбліжаных.

¹ заўсёды, пастаянна.

АПОВЕСЦЬ ОБ ТРОІ

рагічны лёс Троі, зруйнаванай у часы каланізацыі Траадскага паўвострава грэчаскімі плямёнамі каля 1184 г. да н. э., гераічнае змаганне і паражэнні грэчаскіх і траянскіх герояў, якія ваявалі не адзін раз пад яе сценамі, давалі багаты матэрыял для народных паданняў і лягенд аб Траянскіх войнах. Пазней частка гэтых паданняў і лягенд была выкарыстана Гамерам у яго славурых паэмах «Іліяда» і «Адзісея». Але мноства разнастайных варыянтаў аб траянскіх падзеях засталася па-за рамкамі гамераўскіх паэм і прадаўжала бытаваць у вуснай перадачы, падвяргаючыся творчым апрацоўкам, скарачэнням і дапаўненням. Гэты фальклорны матэрыял служыў багатай крыніцай і для пазнейшых антычных пісьменнікаў, якія ў сваіх творах закраналі і па-свойму адлюстроўвалі падзеі Траянскай вайны, акружанай у народных паданнях арэолам святасці. Не прайшлі міма гэтага багатага матэрыялу і першыя грэчаскія летапісцы. Іх гістарычныя хронікі з'явіліся для іншых народаў той крыніцай, з якой яны пазней чэрпалі свае веды аб траянскіх падзеях.

Першыя весткі аб Траянскай вайне ўсходнія славяне атрымалі па паўднёваславянскаму перакладу хронікі Іаана Малалы (VI ст.), яшчэ ў часы Кіеўскай Русі. А к пачатку XVI ст. аповесць аб Троі стала ўжо шырока вядомай і папулярнай на Украіне і ў Беларусі, аб чым сведчыць Георгій Скарына ў сваім «Предъсловии во всю бивлию рускаго языка», дзе ён пісаў: «Аще ли кохание имаши о военных а о богатырских делех, чти Книги Судей, или Книги Махаавеев; более и справедливее в них найдеш, нежели во Александрии или во Трои» (гл. у хрэстаматыі стар. 174).

Тагачасны чытач Беларусі і Украіны мог пазнаёміцца з тэкстамі аповесці аб Троі па многіх крыніцах паўднёваславянскіх і заходнеславянскіх перакладаў, менавіта па хроніцы Манасіі, па хроніцы Марціна Бельскага і інш., а таксама па перакладу з «Historia de bello Troiano». (Гісторыя Траянскай вайны, 1262—1287 гг.) сіцылійца Гвідо дэ Калумна. З гэтай «Гісторыі» ў другой палавіне XVI ст. быў зроблен пераклад на беларускую мову. Але найбольшую папулярнасць аповесць аб Троі атрымала дзякуючы перакладу яе на беларускую мову з балгарскага перакладу грэчаскай хронікі Манасіі (1369 г.).

Пададзены ніжэй поўны тэкст аповесці аб Троі друкуецца ў хрэстаматыі ўпершыню па рукапіснаму спіску гэтага перакладу, які зараз захоўваецца ў Ленінградскай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (гл. Ф. XVII, № 5, лл. 67—72).

За часов, коли царствовал Давыд сын Иесеов в земли жидовской, был в елинех¹ цар поморский именем Придеш, который одного часу для ловеня звѣру заплыв до нѣкоторой велми оздобной и веселой выспы², в которой з одной стороны прилежит море великое, а з другой Скомандра река, з третьей стороны Пелешино море або озеро великое, з четвертой стороны притягнув луг, названный Додома, а з пятой стороны долина и лѣс приточил³, где велми есть садового и розмаитого дерева. Уподобал собѣ цар оный остров и положене. Зараз на имя свое мѣсто заложив, которое муровал аж до смерти своей. Приказал теж и сыну своему, умираючи, абы не переставал оногo мѣста будовати. И так один другому, умираючи, по собѣ повод⁴ давали, а оногo мѣста муровати аж до шести поколѣний не переставали.

Коли дошлося потом царя Троила, той теж приложил над всех предков своих большой працы и назвал мѣсто оное именем своим Троя. А по смерти Троила вступил на панство Приям, сын его, который мѣл жону именем Якаму.

Придалося оной теды Якаме през сон то видѣти, якобы породила вмѣсто дѣтяти головню, которая, возлетѣвши на повѣтрее высоко, и упала на море, а з моря пустилися искри на мѣсто Трою и, запаливши, выгладили все мѣсто.

Коли ся царица Якама от сна очутила, сказала он сон цареви Прияму, мужеву своему. Теды Приям, призвавши своих мудрих и вѣщков, повѣдал им оный сон. Они ему повѣдали, мовечи, иж ся народит с жены твоей сын, през которого Троя мѣсто згинет аж и камень на камени не зостанет. А цар Приям розказал жонѣ, абы скоро сына породила, того ж часу згубити его дала.

А так, коли царевой пришла година роженю, породила сына. И обачила дѣтя красно и вдячно⁵ велми ужалилася над ним, яко родичка, — не хотѣла его стратить. Але, обертѣвши его в коштовныи шаты⁶, а там до него сребра и золота довольно накладши, казала отнести далеко от мѣста, положити его.

Был теж в мѣсте оном один пастыр⁷ жонатый, которому теды в той час также жона его повила⁸ сына. Тогда пастыр оный, пасучи овцы, ношол дѣтя оное царское, на пуци покиненное, взял его. А принесши в дом, казал его посполу⁹ з сыном жонѣ своей кормити и ховати и назвал его Фарижом.

Коли было Фарижови лѣт 7, ходил з отцом¹⁰ посполу на поле и там, яко дѣтя, а звлаще¹¹ играючи, силу в собѣ оказало, поймавши два быки дужих. И вязал их, жебы ся бороли. Которий же з них переможе, тому сплетал вѣнец з оливы, а недужому з соломы, и вкладал им на роги.

Взросши теды Фариж он, а будучи надобный¹² млоденец, стал накладати и лучитися до сынов боярских и до рицества, кгда ж в

¹ у грѣкаў. ² вострава. ³ прыкрываў. ⁴ запавет, наказ. ⁵ чароўна, прыгожа. ⁶ адзенні. ⁷ пастух. ⁸ нарадзіла. ⁹ сумесна. ¹⁰ У рукапісу стаіць глоса: «пастухом». ¹¹ пераважна. ¹² прыгожы.

каждой игрѣ и вытечцѣ ¹ не был ему жадный подобный, бо был валеchnый ² и велми мужной, а во всех людѣх мѣл ласку в очах.

Часу одного княжа одно, будучи славное и удѣльное, именем Велеш, чинил веселье або учту на вси паны и дворяны, тако ж чествовал и малжонки их, на которой учте был и Фариж пастыревич, оный царевич запрошоным. Были теж на оной учте три невѣсты вѣщъки, которих еллини за богини мѣли. А четвертой богини для того не звано, же была звадлива. А она, видячи, же взгаржоною зостала, заразказала уробить яблоко золотое а на нем так написатьказала: «которая з трех тых богинь удячнѣйшою есть, тое яблоко оной нехай буде». Иказала яблоко оное вкинуть до саду, где пировали оныи богини. Богини оныи, прохожаючи по саду оном, нашли яблоко оное. А коли прочитали, здалися на Фарижа пастыревича. Которую бы з них надобнѣйшою признал, той теды яблоко оное быть мѣло. А упередивши з них одна Фарижа, упростила его потаемне, мовечи: «Если мене оздобнѣйшою признаеш, учиню тобѣ имя новое, иж Александр будеш назван, и скажу тобѣ отца, матку и весь род твой, абовѣм не естесь ты старца оного сыном. Ку тому теж ознаймую тобѣ Менелая, царя грецкого, жону, которая над всѣх нас жен оздобнѣйшою». А Фариж признал Елнушу межи оныи богини оздобнѣйшою, так бо ей имя было. А Елнуша она указала ему, иж он есть сын Прияма царя и Якамы царевой.

Фариж з великою радостью шол до мниманого отца своего, то есть до пастыря. А пожегнавшись ³ з ним и подяковавши, шол до царя Прияма, которому дал о собѣ вѣдать, иж есть сын царский. А Приям цар, коли ся от жоны своей правды довѣдал, принял его в ласку и кохал его велико.

Потом цар Приям, умысливши, призвав всех мудрих и вѣщков и рекл им: «Если бы ся хто мнѣ такой обрал, абы Трою мѣсто збудовал ширшим муром, дал бых ему три мѣре золота». Спромеж которих выступили два дияволи. Обралися ⁴ на оный учинок и будовали мѣсто таким обычаем: Тебуш играл в гусли, а мѣсто ся само будовало, а Нептенабуш понырал в воду ⁵ и выносил камень и вапно. И змуровали мѣсто за час невеликий, которое ся велми цареви подобало. А коли ся дияволи о заслуженое упоминали у царя Прияма, он не учинил им досыть ведле умовы. А они ся на него розгнѣвавши, рекли ему: «Мы есмо Трою место збудовали, мы теж незадолго и збуриим его, яко теж многим вѣщъки ⁶ и богини еллинскийи пророковали о затраченю Трои мѣста».

Александр-Фариж упрости отца Прияма и ехал до Менелая, царя грецкого, якобы на службу з множеством богатства и слуг, которого цар Менелай, поткавши, принял. А Александр ему ся офиеровал, мовечи: «Пришол есми тобѣ, цареви, служити не для взятку якого або скарбу, але абым учтил великою зацностью твою велможность». З чого ся Менелай утѣшил велико и мѣл в своем дому в

¹ вылазцы, паходзе. ² храбры, адважны. ³ развѣтаўшыся. ⁴ У рукапісу ёсць глоса: «поднялися». ⁵ На полі рукапісу: «море». ⁶ чараўнікі.

пошанованю великом Александра, иж з ним ядали и пивали вкупе цар и царица его Елена. А потом Александр и царица Елена змовилися з собою.

В том Менелай послал до брата своего Агемена, мовечи: «Будь, брате мой, веселым, же братья наша, цареве, на службу до нас приходят». Которому отказал Агемена: «Ям есть веселым, кгдась мы есть самовладцы. А о то чому ся маю веселити, же братья цареве нам служат? Але о то и фрасую¹: боюся, абы чужая вдячность не отобрала учтивости нашей, з чого встыд великий буде наопослѣ». И услышавши то, Менелай цар рекл: «Яко то зацность моя не есть мила брату моему».

А в том пришла вѣдомость Менелая царице, же ся откинул от него Ругас, княжа каакимское. И заразом Менелай, зобравшися з войском великим, ишол на него, а з собою ся и Александру-Фарижу казал готовати, который учинившися хорим и облегл в постели. «Коли, — мовит, — здоров буду, догоню тебе в дорозѣ».

Теды по отъездѣ Менелая, царя грецкого, царица Елена з паннами своими вышла до огороду. А Александр-Фариж з слугами своими, поспѣшившися, ухватил царицу и, упавши до коробля борзьдого, убѣжал и приплынул з Еленою до мѣста Трои. Всяко ж всим трояном не было то вдячно, прето же без пролитя крови не мѣло то хибить². А цар и царевая, то есть отец и matka его, поткали и приняли его честно.

Коли то учул Менелай, цар грецкий, о жонѣ своей Еленѣ, воротился з войны заразом. Увѣдал теж то и Агамен цар, брат его, который, скупивши войско свое, пришол до Менелая. Зобравшися теж войска велми великии греков, которых не было личбы. Пришол бовѣм еще до них Аякш, Саламаников сын, з тридцатю каторг³, и Паламид, сын Придеков, з тридцатю кораблей войска на помоч.

¹ турбуюся, хвалююся. ² прайсці міма. ³ мараходных вѣсельных суднаў.

Герои Трои.

Был теде в Грецьи муж знакомитый именем Урекшиш, сын Лантешов, который учинился бѣсен и почал песок орати а соль съяти. А он чинил то для того, абы не был учасником тройской крови. И увѣдавши то цареве, казали сына его малого перед ралом положити «Если, — мовят, — бѣсен, то переорет и сына своего». Коли так учинили, он застановил волю и перестал орати. Кгды о то его цареве до себе приведенного пытали: «Я, — мовит Урекшиш, — лѣпей бых зезволил збѣсным лсом през три лѣта бѣгать, нижли быть тройской крови учасником».

Пришло теж до них на посилок безчисленое множество народов так землею, яко и морем з Афины, от Италия, з Архия и зо всея Еллады и з иных царств розмаитых. Менесерес з Афин, Нестор от Пила, Дисевес з Саламина, Еа и Доменевес з Крита, Тлипалеж з Рода, — а вси тыи, котории се мяновали зацного рожаю¹ и царской крови, мужеве валечныи и мужныи. А Ахиллѣя, Евфийанского царя, — всему рицерству гетманом, бо был муж велми валечный и мощный, которого Иром называли. 1100 и 70 одных кораблей было, которыми на всѣ острова Тройский знагла напали. А сухом всѣ мѣста и замки бурили. А народ съкли и в неволю брали, и старалися о збуреню Трои, для царицы Елены встыд свой нагородить, а над Троею ся мѣстом помститъ, Троя бовѣм оплывала великими богатствы и скарбы.

Бачечи трояны так великии а безчисленныи грецкии войска, порозсылавши вездѣ, и собрали противку ним тако ж без личбы войска, то есть каран, ликаян, мисов, меонян и фругов и приспособили собѣ весь народ посполитый асийский². А в самом мѣстѣ Трои мужев валечных болшей, ниж 8 тисеч было. А так 9 лѣт минуло, чинячи з собою войну. На початку бовѣм з мѣста Трои валчилися добре, але коли досвѣдчили Ахиллѣя валечность и мужность, замкнувшись в мѣсте при мурах седѣли.

Жена нѣкоторая, именем Велеша, которую в мѣсте Трои мѣли за богиню, владѣла през чари морскими навалности. Тая, розгнѣвавшись, пустила на море хвилю, хотячи вси корабли потопити з грецким войском, а што зафрасовалися цареве и радилися попа своего Колкоша. Которий, он поп, повѣдал, мовечи, иж есть в мѣсте богиня, которая розгнѣвалася для Кошуты, которого есте забили, бо был ей³, и для того хоче всѣх вас потопити. Всяко ж, если цар Агемен дасть ей дочку Цвѣтану, ускромится хвиля. Што рад не рад цар Агемен мусил ей дочку свою дати.

А потом греки оточили⁴ Трою около кораблями, которих тройское рицерство густым стрелянем не допустили до мѣста. А наболшей цар Ектор, сын Прямов, иж одним з лука огненным пострѣлом затоплял трох кораблей посполу. А Аякш, сын Саламаников, щитом своим 17 кораблей заштурмовывал перед стрелянем Екторовым.

А потом Менелай, цар грецкий, учинивши з еллины примире, и

¹ роду. ² азіяцкі. ³ У рукапісу ёсьць пропуск слова. ⁴ абкружылі.

ходил сам на вѣре до мѣста и напоминал царя Прияма, абы ему выдал царицу его Елену и крови бы людской болшей не было розливано. Але не помогло его наупоминане ничего, бо и сам Менелай был бы, певне, забитый през Александра-Фарижа, если бы Приям не заховал его при здоровю.

Потом цар Ектор чинил валку през вси дни и поражал греческии войска завжды. Всяко ж боявся Ахиллѣвы моцы. А коли так през многи дни чинил наезды греком Ектор, выехал Ахиллѣй противко нему з хоругвою своею. А скупившия, уфатилися за руки, и того дня не хотѣли з собою бою чинити. В том теды гречкое войско Рижеуша попа дочу поймало и привело до обозу, которую Агемен цар, брат Аменелаев, видѣвши красну и вдячну велми, за жону собѣ взял ю. А Рижеуш поп был сын Тебуга чаровника, который то Тебуг през чари свои напустил хоробы на гречкии войска, з которой мнозство померло, аж попу дочку воротить мусили.

И Сефес Нисеотенин мѣл гнѣв на Паламида и обмовил его царем гречким, якобы Паламид трояном был зычливым. И забили его камнем.

А Ахиллѣй се для того розгнѣвал и не хотѣл валчити противко трояном, же его милого приятеля невинне забили, по котором плакал велико.

В том теды трояны осмѣлилися. А Ектору теж з его товариши смѣлость болшая припала. Выпадали на греческии войска и потоками кровий розливали, а греков, яко колосе, пожинали, котории Ахиллѣя не могли упросити, абы мѣл застановитися еллином. Аж зась убит есть Патроклий, приятель его, през руку Екторову. То ледвѣ его подбудило. А коли выехал Ахиллѣй, огнем дышучи противко троянским войскам, поразбивал им полки и позабивал наездники чолнѣйшии¹. Коли цар Приям видѣл, же погинули ему войска, призвал напосилок амазонитов, котории теж погинули от великой силы. А трояном моц уставала. Потом Приям послал до Тавтантия, индѣйского царя, и упросил его, же ему прислал войска индѣйского, которому мнозству не было личбы. Индѣяне, котории суть чорни, яко уголь, которих грекове, коли обачили, устрашилися и убоялися их велми так их самих, яко и звѣрей, котории были на войну зучени. И ледве се грекове остояли, бо згола з обозами утекать хотѣли от Трои, не досвѣдчивши их бою. А коли досвѣдчили, поплюскали вси поля индѣйскою кровю. Искомандровы быстрины кровю се отменили.

А в том пришол празник еллином и варваром, и учинилося промеж ними примире, же, сходячисе одны до других, жадной прикрости выразати не починали для учтивости своего свята.

А потом царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приямова, видѣла в ночи таковой сон, якобы вышла з Трои мѣста мечка², а з греческого войска вепр и повадилися с собою. И поразивши вепр медведицу, а втягнул ю до греческого обозу. Евтропия очутившися

¹ галоунейших. ² мядзведзіца.

от сна, бѣгла до свекра своего Прияма, царя тройского. И почала, плачучи просити его, абы в день завтрешний не пушал на войну Ектора, сына своего, бо певне убит, мовит, буде. И сон ему сказала.

А коли назавтрее прибрався цар Ектор противко Ахиллѣю валчить, зашли ему тройские пании, то есть Якама, мати, жена и сестри его, не допускаючи ему выходить на войну. Мати указовала ему перси, мовѣчи: «О сыну, вспомни, однак, на мои болѣсти, котрием през тебе подыймовала, то тепер не зоставляй мене без плоду. Услухай, а ужалуйся матки твоей». Жена теж его принесла сына своего и повергла его перед ним, мовѣчи: «Змилуйся наостаток и ужалуйся над тым маленьким а милым сыном твоим, котрий се по тобѣ сиротою зостать мае». А он их жадною мѣрою не услухал а вышел противко Ахиллѣю. Всяко ж се з собою того дня не валчили, але учинили примире на два дни. Потом Ектор того ж дня выбил сем полков грецкого войска. А назавтрее зась Ектор, не утерпѣвши, выехал валчити з Ахиллѣем, котрого наехал Ахиллѣй, пробил его копьем и с коня мертвого скинул. А потом, его взявши, до своего шатра принесл. Полки теж вси распорошил и позабивал валечники.

Коли увѣдали княжата и панове тройские о забитю Ектора, плакали ревно. А Приям цар, отец его, оболкшисе в подлыи а роздертыи шаты, и взявши гусли, шол до греческого обозу. И допытавшись Ахиллѣева шатра, пришол до него, играючи жалосно на гусях, где накормили и напоили его з вечери за розказанем Ахиллея.

А коли в ночи вси уснули, Приям цар шукал в шатрѣ сына своего Ектора. И нашол его на постели мертвого лежачого з Ахиллѣем, котрого видѣвши, Приям воздхнул зо всего сердца и заплакал. А Ахиллѣй, очутившись от сна, зляклѣся велми и пытал его: «Кто есть?» А он рече: «Ям есть Приям, цар тройский. Шукаю Ектора, сына своего». Улякшись¹ зась, Ахиллѣй рече ему: «Поневажесь ты есть — от страху твоего естем мертвый». Рекл Приям: «Не бойся, пане мой, з дѣтинства того не чинил есм, абых кого спячого стратил. Але прошу тебе о Ектора, сына моего». И рекл Ахиллѣй: «Если мнѣ присягнеш на том, же мене з Трои мѣста выпустите здорового, теды я сам Ектора до мѣста понесу на плечах своих». И присягл Приям цар. Теды Ахиллѣй назавтрие, взявши на плечи Ектора, и принесл его до мѣста Трои и отдал его им почтиве. И рекл Приям цар до Ахиллѣя: «Пойдива до церкви бога Аполлона и учинимо присягу и примире не воеватися межи собою, а дам за тебя дочку свою Полексену, котрая есть межи всими невѣсты навдячнѣйша».

И сталося так. Первей Приям присягнул и отступил. Потом приклякнул Ахиллѣй присягать. В том Александр-Фариж, сын Приямов, котрий засадилися потаемне, и устрелил его в самую

¹ спалохаўшыся.

пятаю ядовитою стрелою. И утекл з божницы, бо был Ахиллѣй весь у зброи, толко плюсны¹ его были без желѣза. Довѣдалися о том Дисевес и Диоген и Еа, бо были з ним заедно в Трои, и припадши над ним, плакали ревно. А он ледвѣ промовил, мовечи: «Забил мене здрадливе Александр-Фариж». И то рекши, умерл.

Цар Приям послал до обозу, ознаймуючи греком, што мѣл чинити з оным тѣлом. А они приказали, тѣло его спаливши, попел его до них прислати. Учинил то так Приям. Попел он, в золотую скринку всыпавши, послал до царев до обозу, где все грецкое рицерство плакало по так мужном а ни звитяжом рицери. И там его поховали.

А узнавши Якама царевая тройская упадок мѣста Трои, Полидвора, сына своего меншого, заслала за море до Полинещора, царя погажского, абы ся не звѣл потомок Трои.

Потом же засѣ точилася битва велми великая по вси дни, же ся напоила крови вся земля тройская. Искомандрины быстри з кровю плынули. Але вѣщки всяко греком радили, мовечи: «Не возмете Трои мѣста през войну, если не учините над ним якоѣ штуки».

И так умыслили. Учинили коня з дерева велми великого и заклепили в нем 300 велми валечных з оружьем рицеров. А сами якобы бѣжали до своего панства. А коня, оставивши у пристани моря а затаившия в островѣ, скрили.

Обачили трояне, же на пристани человека жадного немаш, дивовалися оному коневи, уробленому мистерне, ане розумѣли здрады. Одны радили коня оного огнем спалити, а други — в море увалити. Але, коли был пришол от бога намененый час згинути мѣсту, урадили на хвалу звитежства² впровадит его до мѣста. И коли упровадили его до мѣста, стали вси ести, и пити, и играти, и безпечне през ноч оную спати. А рицерство грецкое, которое было в коню оном, выпавши, запалили мѣсто.

Теды грекове, котории се были до острова заховали, обачивши поломень великий в мѣсте, зараз приплынули в кораблях до Трои. А оное их рицерство, которое было в мѣсте, отворили им вси мѣстскии брамы, которими яко гвалтовная наплынуло до Трои грецкого люду, котории сѣкли, забияли и мордовали весь народ людский, который был в Трои. Не было взгляду на особы. Дѣточок маленьких о мур розбияно, а болших мечем стинано. Паненок теж поривано несчадно, инших в мори топлено. И не было жадного дому, который не был кровю облитый. А иных мордов³ не можна реч вымовити. Поймавши ж Александра-Фарижа и Елену царицу, привели их до царя Менелая, которим зараз головы пооттнати⁴ казал. Потом привели Поликсену, дочку Прияма, царя тройского, которой теж голову утяли на гробѣ Ахиллѣевѣ, же такой рицер а для еи марне згинул. Также стяли и Якаму царицу. А Трою, мѣсто на весь свѣт славное, все огнем выкотили и з грунту выверну-

¹ ступні, падэшвы. ² перамогі. ³ здэскаў. ⁴ адсячы.

ли, иж праве не зостал камень на камени, которое аж и по сесь день стоит пусто.

Коли теж то увѣдал цар погажский, што се так стало Трои, забил Полидора, сына Прямова, и вкинул его в море.

А так Менелай, цар грецкий, воротился до Грецьи з славою а з звитежеством великим. Стоял под Троею 10 лѣт и 7 месяцев.

И так конец стался тройскому панству.

А Ахиллѣй он был сын царя Каяты, а индѣ повѣдают Фирилеша.

Омир¹ — автор той Тройской повѣсти.

А индѣ пишут, же оную Поликсену один сенатор² тройский, именем Енея, заховал ю от смерти, иж ему была покровная³, за што был от греков з панства выволаный⁴, о чом зараз знай.

¹ Гамер. ² На полі рукапісу: «княжа». ³ сваячка. ⁴ выгнаны.

ГИСТОРИЯ АЛБО ПРАВДИВОЕ ВЫПИСАНИЕ СВЯТАГО ИОАННА ДАМАСКИНА О ЖИТИИ СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЕЦ ВАРЛААМА И ИОАСАФА И О НАВЕРНЕНЬЮ ИНДИЯН

повесць «О житии... Варлаама и Иоасафа», як і «Александрыя», была шырока распаўсюджана ў літаратурах сярэднявечага Усходу і Захаду, дзе яна перакладалася на мноства моваў і выконвала ролю прапагандыста хрысціянскага веравызнання. Узнікла яна ў Індыі на аснове народных паданняў аб юнацтве Буды, вобраз якога пазней разросся ў вобраз вядомага хрысціянскага святога, легендарнага Иоасафа. З Індыі аповесць

паступова прасоўвалася на Захад, і за час свайго падарожжа яна так абрасла новым матэрыялам, што цяпер немагчыма выявіць ні яе першапачатковага выгляду, ні тых напластаванняў, якія пазней згрупаваліся вакол сюжэта гэтай лягенды.

Сама лягенда, дзякуючы прастаце свайго сюжэта, звычайна застаецца нязменнай. Сюжэт яе наступны. Цару, у якога нараджаецца доўгачаканы сын, прадказваюць, што гэты сын абавязкова загіне або здрадзіць веравызнанню бацькоў, калі даведаецца пра няшчасці, якія пануюць на зямлі. У мэтах захавання сына, бацька імкнецца зрабіць усё магчымае, каб той не ведаў навакольнага жыцця з усёй яго горыччу. Але намаганні бацькі дарэмныя. Сын пазнае жыццё і сустракае пустэльніка, які схіляе яго да новай веры і адрачэння ад зямнога жыцця. Царэвіч прымае новую веру, далучае да яе свайго бацьку і народ, а потым пакідае свецкае жыццё і сам становіцца пустэльнікам.

На гэты просты сюжэт, які перажыў потым рад відазмяненняў у залежнасці ад таго або іншага рэлігійнага і сацыяльнага асяроддзя, куды ён трапляў, напластоўваліся шматлікія павучальныя апавяданні-прытчы. Яны і садейнічалі шырокай папулярнасці аповесці і былі тым няўстойлівым матэрыялам, які з асаблівай лёгкасцю падвяргаўся ўвесь час зменам, устаўкам і скарачэнням.

Першая вядомая нам пісьмовая апрацоўка аповесці «О житии... Варлаама и Иоасафа» з'явілася ў Іране ў VI—VII ст. ст., у часы кіраўніцтва дзяржавай

Сасанідамі. Гэтая апрацоўка і паслужыла арыгіналам для пазнейшых перакладаў на іншыя мовы, у тым ліку і еўрапейскія.

Усходнім славянам аповесць стала вядома каля XII ст. па грэчаскай версіі, якая ўзнікла ў Палесціне ў IX ст. і рэдактарам якой доўгі час па непараўменню лічылі славутага багаслова, гімнатворца Іаана Дамаскіна, памёршага каля 749 г. У працэсе распаўсюджвання на Русі пераклад аповесці з грэчаскай версіі падвяргаўся ў сваю чаргу творчым апрацоўкам: перараблялася і сама аповесць і некаторыя яе прытчы, якія пазней увайшлі ў склад многіх рэлігійна-павучальных зборнікаў.

На тагачасную беларускую літаратурную мову «для утѣхи и пользы христіанской» аповесць была перакладзена «старанем и коштом иноков общежителного монастыра Кутеенского» ў 1637 г. у Оршы. Ініцыятарам перакладу і надрукавання яе быў магілёўскі архімандрыт Варлаам Палоўка. Неабходнасць перакладу «Гісторыі... о житии... Варлаама и Иоасафа» на беларускую мову, апрача жадання даць праваслаўнаму чытачу павучальнае чытанне «под час утиснення церкви православной», было абумоўлена і палемічнымі мэтамі. Выданнем гэтай кнігі трэба было даказаць беспадстаўнасць сцверджання езуіцкага прапаведніка Пятра Скаргі аб тым, што ў айца Усходняй царквы — Дамаскіна ёсць указанне на паходжанне святога духа не толькі ад бога бацькі, але і ад бога сына. Пераклад аповесці быў зроблены, як зазначана на цітульным лісце, з дзвюх крыніц: грэчаскай і славянскай.

«Гісторыя... о житии... Варлаама и Иоасафа» на працягу свайго многавяковага жыцця заўжды карысталася нязменным поспехам. Яе прытчы пранікалі ў фальклор, рэлігійныя прапаведзі XVII і XVIII ст. ст., «Богагласнікі», а пазней і ў мастацкую літаратуру, напр. «Дзве аповесці» Жукоўскага, «Тры праўды» Майкава, паэма І. Франка «Прытча пра жыццё» і інш.

Ніжэй пададзеныя ўрыўкі з аповесці аб Варлааму і Иоасафу друкуюцца па экзэмпляру выдання Кутэенскага манастыра 1637 г., які зараз знаходзіцца на захаванні ў Дзяржаўнай бібліятэцы імя У. І. Леніна ў Маскве.

ГЛАВА I

О наверненъю индов през святого апостола Фому и королю индѣйском Авеннѣру

Индия краина ест великая и людная, которая далеко от Египту лежит и от стороны египетской. Оттоль море заходит. Землею зась до перских границ досѣгает. Тая теды (краина. — А. К.) темностью балвохвалскою¹ пред тым была огорнена и барзо грубыми обычаями заражена и в спросных² злостях ся найдовала...

Так працягвалася да нараджэння Ісуса Хрыста. Пасля смерці і ўваскрэшэння Хрыста яго вучні разыйшліся па ўсяму свету прапаведваць вучэнне свайго настаўніка.

На тот же час и святѣйшый Фома, один з дванадцати Христо-вых апостолов, до Индѣии для проповѣди збавенной науки посланный был. За помочью теды божиею и за potvrжденем през послѣдующии знаки поганских забобонов темность отгнана ест. И они, от балвохвалских офѣр и службы будучи вызволени, до правой вѣры себе прилучили. А так през апостольские руки, якобы отро-жени з Христом през крещение, поеднани сут. И помалу ся множачи

¹ язычаскай. ² непрыстойных, ганебных.

в вѣре, намнѣйшой змазы¹ не маючой, поступовали и церкѣви по всем панствѣ будовали. А кгда зась в Египтѣ монастыры закладать и законных людей немалые згромаженя почалися збирать, и оных цнот и живота ангелского слава по всем свѣтѣ ся розышла и аж до индов завитала, их теж до такого ж жития побудила так барзо, же много их, опустивши все до пустыни уходили и в смертельном тѣлѣ безтелесный живот прыймовали.

Кгда теды речи в так знаменитом постановеню были, и золотыми крылами (яко ся звыкло мовити) на небо многие взлѣтали, повставае нѣякий кроль в том же панствѣ именован Аввенир, муж в правдѣ, богатством и потужностью², звытяжствами³ и дѣлностью военною, и взростом ведлуг тѣла значный, а надто пиекностью⁴ облича знаменитый, и з свѣтских и барзо прудко вянучих речий повоженя⁵ над мѣру ся выносячи. Але зась иле⁶ взглядом души великий терпѣл недостаток, многими злостми будучи стисненный и зараженный, иж ся в поганствѣ найдовал и в забобонах балвохвалских велце ся кохал. А кгда кроль в великой роскоши и потѣхах телесных найдовалься и на жадной⁷ речи, чого бы похотѣл и прагнул, не сходило, тое толко само потѣху его прерывало и сердце фрасунком⁸ наполняло, то ест иж был безпотомный, абовѣм дѣтей не мѣл. О тое ся фрасовал, яким бы способом от того звязку волным был и, сплотивши потомство, отцем назватися могл, над которую реч посполите⁹ у многих ничего немаш вдячнѣйшого. И такой был тот кроль, и такого умыслу и розуменья.

Презацный зась народ християнський и згромаженя иноков, королевскую службу и честь за ништо собѣ важачи, а ни ся его срокгости боячи, през ласку божую знаменитые поступки чинили. В невыповѣденном мнозствѣ ся найдуючи, ничего ся бынамнѣй¹⁰ на кроля не оглядали а службы божей з великою горячостью пилновали. Для того теж многие з них, которые до иноческого чину ся удавали, всѣ речи в том свѣтѣ потѣшныя охотне занедбывали а в самой ся побожности кохали и прагненем смерти за Христа и пришлого¹¹ благословенства милостью палали. И для того не лякливым и не трвожливим сердцем, але барзо смѣлым и статечным¹², спасителное Христово имя выславляли и Христа единого в устѣх своих мѣли, оминаючую и сказителную¹³ дочасных речий натуру, а пришлого живота певность и несмертелность, всѣм яснее и открыте указовали, и як нѣякне побудки¹⁴ и насѣня им подавали, за которыми бы ся до бога удали и живота в Христѣ скритого достигли. З чого многие, найсолодшей тоей науки послухавши, от срокгой темности ошуканя отступовали а до вдячной правды свѣтлости прылучалися так барзо, же нѣкоторые и зацные мужеве и сенаторы, откинувши того свѣта тяжары, в зебрание иноков себе поличили.

¹ знявагі, ганьбы. ² магутнасцю, сілаю. ³ перамогамі. ⁴ цудоўнасцю, прыгажосцю. ⁵ поспехаў, удач. ⁶ але ж колькі. ⁷ ніякая. ⁸ смуткам, непакоем, трывогай. ⁹ звычайна, заўсёды, часта. ¹⁰ ні ў якім разе. ¹¹ будучага. ¹² сур'ёзным. ¹³ разбуральную, спусташальную. ¹⁴ стымулы, заахвочванні.

Кароль, убачыўшы ў гэтым страшэнную небяспеку, загадаў усім манахам вярнуцца да ранейшага жыцця, у адваротным выпадку пагражаў суроваю карою, якую ён у хуткім часе і пачаў прымяняць. Але змяніць становішча каралю не ўдалося. Нават любімы яго сенатар — галоўны гетман (гл. главу 2-ю) не паслухаў парад караля і ў асабістай размове з ім даказваў яму перавагу духоўнага жыцця над свецкім. Аднак гэта не пераканала караля, і ён з яшчэ большым запалам прыняўся за знішчэнне манахаў.

ГЛАВА 3

О нароженю Иоасафа Кролевича и што о нем астролигове оповѣдили

Кгда теды кроль в так тяжком блудѣ и ошуканю зоставал, уродилъся ему сын барзо пиенкный. И з тоей пиенкности, оказуючейся на нем, што мѣло быть з него, презначаючи¹; бо так всѣ повѣдали, же в той земли дитя таковой пиенкности и чудности никгда пред тым не было видѣно. Кроль прето, з нароженя будучи потѣшенный, Иоасафом его меновал и до болванских божниц, як безрозумный, пошол, абы безрозумнѣйшим офѣры принесл. И оным за тое подяковане, на знак вдячности, учинил, не вѣдаючи запевне, хто бы был всѣх добр правдиве початком, которому духовную офѣру принести был повинен. Он теды, речам бездушным и нѣмым нарожене сына прыписуючи, всюды посланцев розославши, все посполство² на обхожене его родин зобрати старался. И было видѣть всѣх для боязни кролевской збѣгающихся и з собою речи належачие до офѣр приносячих, каждый ведлуг своего преможеня и охоты своей противко нему. Особливе зась он сам до щодробливости побудку чинил, як наиболее и наиболших волов забиваючи, офѣровал. И таким способом велце знаменитый празник отправивши, всѣх як сенаторского стану и на урядах будучих, так жолнѣров³ и посполитых и селян великими подарками осмотрыл.

В той же самый день обхоженя родин сыновских выборных мужей якобы пятьдесят, которыи ся в халдейской мудрости около прысмотрованя и розезнаня бѣгов небесных бавили, до кроля събрало. Которым, розказавши на покой до себе прыйти, от каждого з особна вывѣдовался, што бы з новороженого дитяти напо том мѣло быти. Они зась, розне мыслячи, повѣдали, иж маеть быти богатый и можный и всѣх первых кролев маеть превышшити. Один зась астролиог, биглѣйший в науце над всѣх товаришей своих, так повѣдѣл: «Иле³ з небесных звѣзд бѣгу зрозумѣти могу, кролю, — сына, тобѣ тепер уроженого, зацность и велможност не в твоём кролевствѣ будет, але в другом, лѣпшом и барзо значнѣйшом. И розумѣю о нем, же ся до вѣры християнской, которую ты преслѣдуеш, удасть, ани сподѣваюся, абы мѣл от того пред се взятя и надѣи отступити».

¹ У тэксце памылка, павінна быць: «презначали». ² насельніцтва. ³ колькі.

Тое зась оповѣдѣл астролиог, як пред тым Валаам: «Не жебы астролиогия на правдѣ ся садила, але бог, оттинаючи незбожним вшелякую вымовку, правду през самых неприятелей объявил».

Кроль теды, як послышал такое ознаймене, тяжким и смутным сердцем прынял и утѣху его ему так пресѣкл. Еднак же в особливом едном мѣстѣ барзо оздобный палац збудовавши и дом коштовный в нем зготовавшы, там сына засадил и росказал, абы, кгда почнет выростать, никому до него ходити не допускали. И на учителей и слуг молодых и красных до него приставивши, тое им росказал, абы ему жадных речий на том свѣтѣ смутных не объявляли, ани смерти, ани старости, ани хоробы, ани убозства, ани жадной якої пендзы¹, которая бы его утѣсѣ перешкодити могла. Але всѣ речи утѣшные и найвдичнѣйше прекладали, абы в тых самых умысл его, в веселю и роскоши забавляючися, ничога згола о прышлых речах мыслити не могл, а над то и одного слова о вѣрѣ Христовой и его науце не послышал: абовѣм тое пред ним над всѣ речи укрити на умыслѣ мѣл, астролиокга оного особливе боячися пророцтва. А если ся которому з слуг прыдало в хоробу власти, того зараз оттоль выпровадити казал, а иншого свѣжого и добре здорового мѣсто его подавал, абы ся вшеляко ничога шпетного² и прыкрого пред очима его не найдовало.

Таким ся способом кроль заховал и тое мыслил и справовал, видячи бовѣм не видѣл, и слышачи не розумѣл.

А кгда певную вѣдомость взял, иж нѣкоторые з иноков, которых ани слѣду позосталого быть розумѣл, еще ся найдують, велце ся гнѣвом запалял и окрутне³ противко их порушал. И возным⁴ всюды, по всем мѣстѣ и кролевствѣ, бѣчи росказал, абы ништо з иноков жадным способом нигде по трех днях не нашолся, а если бы по назначеных днях найденый был, абы на огонь был поданый. «Тыи абовѣм суть, — мовил, — которые людей зводят, абы роспятого на крестѣ за бога чтили».

А в том часѣ такось ся нѣшто прыдало, же его барзѣй до гнѣву побудило и противко иноков горшым неприятелем учинило.

ГЛАВА 4

О сенаторѣ одном, который потаемне вѣры христьянской ся держал, и о двох иноках спаленых

Межы сенаторами был один, который первшым был на дворѣ кролевском, человек доброго живота и вѣрою побожнй и о своем збавеню пилное чинил старане, единак з тым таился, боячися кроля. Прето ж нѣкоторые, для тоей поваги, которую великую мѣл у кроля, зайзрячи⁵ ему, спотварити⁶

¹ беднасці, нястачы. ² брыдкага. ³ люта. ⁴ урадник, у абавязкі якога ўваходзіла вызначэнне віноўнасці каго-небудзь. ⁵ зайздросцячы. ⁶ запляміць.

его старались и барзо се на то усадили. И одного часу, кгда кроль з своим рыцерством, ведлуг звычайу, выехал в ловы, в личбѣ дво-рян и той цнотливый муж был, который, кгда особне ся отдѣливши ѣхал, — з бозкого, як розумѣю, зпоряженя, — человѣка, в густвинѣ на земли лежачого и ногу сродзе ображеную от звѣра маю-чого, нашол, который, его идучого видячи, пилне просил, абы его не минал, але, змиловавшись над прыпадком его, до дому своего отпровадити постарался. До того и тое прыдал, иж за туо працу ему не непожитечным¹ и не непотребным мѣл быть. Презацный зась муж оный ему повѣдѣл: «Я заправды, для охоты и милости к цнотѣ, тебе возму и о тобѣ як наболшее старане буду чинити. Але што ж ми з тебе так может быть пожитечного, як мовиш?» Убогий зась оный и недолужный² речет: «Я, — мовит, — помылку в словах лѣчу. Абовѣм, если ся коли в словах або розмовѣ ураз³ який або послизнене найдеть, певнымъ лѣкарством оные лѣчу и, жебы ся злое далей не шырило, забѣгаю». Побожный зась оный муж, ачколвек што он повидѣл, за ништо собѣ почитал, еднак же взглядом прыказаня панского оного до дому своего занести и вед-луг слушности огледати розказал.

Леч ненавистные оные и зазростю порушеные люде, о которых пред тым мовилисмо, злость, которую давно уже кновали, выяв-ляючи, оного до кроля таким способом оскаржают, иж не толко хвалы богом отдавать понехал и до християнской вѣры умысл скло-нил, але якобы теж противко маестатови королевскому речи шкодли-вые замышлял, то ест людей посполитых подбуряючи и у всѣх ласку собѣ еднаючи. А хочеш ли о том певнѣй вѣдать, мовять, же ничего не змышляем ани даремне удаем, на особности, досвѣдчаючи его, рекни, иж, опустивши отцевскую вѣру и славу королевскую, хочеш вѣру християнскую прыняти и габит⁴ законный, который як мало почесный ненавидѣлесь, на себе взять.

Кароль прыняў параду і вырашыў праверыць адданасць свайго любімба. Каралеўскі любімец выслухаў караля і, не падазраючы аб рэлігійным выпра-баванні, згаджаецца з «жаданнем» караля і тым самым наклікае на сябе яго тайны гнеў. Зразумеўшы сваю памылку, любімец звяртаецца за парадай да выратаванага ім убогага. Убогі, выслухаўшы ўсю яго гісторыю, дае яму на-ступную параду:

«Вѣдать маеш, презацный мужу, иж кроль злое и опачное⁵ взял о тобѣ мнѣмане, то ест як бысь его королевство прагнул посѣсти и, хотячи тебе досвѣдчить, то мовил, што мовил. Прето ж встань, а острыгши голову и свѣтное тое одѣне скинувши, а волосеницу на себе вложившы, як наранѣй пойдн до кроля. А кгда тебе спытает, на што бысь ся так прыбрал, оповѣж: в той речы, о чомесь вчераш-него дня зо мною мовил, кролю, о том ся ставил готовый будучи за тобою пойти в туо дорогу, в которую запуститися замыслилесь. Бо, хотя роскоши и утѣхи милые суть, неслушнаа ми реч еднак оных без тебе заживать. Але зась цноты дорога, в которую пойти зезволяеш,

¹ небескарысным. ² кволы. ³ удар, траўма. ⁴ выгляд, аблічча, вобраз. ⁵ памылковае.

хотя ест тяжкая и прыкрая, еднaк, толкo бым з тобою был, лацная и вдячная будет. Як бовѣм мене мѣлесь по тѣх того живота товаришем, так теж и трудностей, будеш мѣть, абым теж и прышлых добр з тобою участництво прынял».

Презацный теды оный муж, хорого чeлoвѣка слова похваливши, так учинил, як ему порадил. Которого обачивши, кроль, и такие слова послышавшы, велце ся з того утѣшил, его ся приязни противко собѣ дивуючи, и, фалшывые речи на него собѣ донесеные зрозумѣвши, в болшом его пошанованю и повазѣ у себе и захованю мѣл. Леч противко законных людей знову ся гнѣвом запалил...

А кгда знову (кроль. — А. К.) в ловы выѣхал, двох иноков, в пустыни идучих, обачил, которых зараз поймати и до воза своего прыпровадити росказал. И запалчиве на них пойзрѣвши и огнем, як мовят, дышучи: «Азали¹ не слышалисте, — мовил, — зводителе и выволанцы, возных моих, явне оголошающих, абы ниhto з вашего дияволского закону по третем дни в мѣстѣ котором албо в всем королевствѣ моем не нашолся, бо иначе вшеляко, абы на спалене был поданы!»

Инокове зась о то мовят: «Ведле твоего росказаня з мѣст твоих и панства выходимо. Але, иж далекую дорогу пред се взялисмо, хотячи до братии нашей зайти, а наживности нам сходит, тоею дорогою идучи, оную збираем, жебы нам живности достало, абысмо от голоду не устали».

Кроль зась речет: «Хто ся смерти боит, дармо ся тот о живность старает». Инокове зась: «Добре рекл кролю, — мовят, — которые ся смерти боят, о тое ся старають, як бы оной увошли. А которые ж тыи суть? Не иные, толкo которые над речами сказителными² схнут и оным ся запаметале дивуют, которые, иж в прышлом животѣ ничого доброго одержати не сподѣваются, от дочасных оторватися не могут и для тоей прычины смерти ся боять. Мы зась, которыесмо давно вже свѣт и што на свѣтѣ ест зненавидѣли, а тѣсною и узкою дорогою для Христа идемо, ани ся смерти боимо, ани речий дочасных пожадаемо, але прышлых добр всею душою прагнемо. Иж прето смерть тая, которую нам задаете, до вѣчного и лѣпшого живота преишьем ставается, для того рачей³ утѣхою нам ест, а нижли боязнию».

Тут кроль, пустелников хотячи хитре уловити, рекл: «Што ж ест, азалисте не повѣдѣли, иж уходите, абысте моему росказаню досыть учинили. А если ся смерти не боите, для чого ж утѣкаете? О то и в том, даремне и порошне хвалячися, солгалисте». Отповѣдѣли пустелницы: «Не для того уходимо, абысмо ся от тебе оповидѣной смерти бояли, але тебе жалуючи, абысмо тяжшей муки тобѣ причиною не были, уступити замыслилисмо. Иначе абовѣм, иле взглядом нас, жадных ся погорожок твоих не боимо».

На тые слова кроль, гнѣвом порушенный будучы, оных спалити росказал. Так теды слуги божини, живота доконавши, мученической

¹ хіба. ² спустошанымі, зруйнаванымі. ³ хутчэй, лепей.

короны през огонь доступили. И зараз вырок учинил, абы, если бы ся где колвек который иннок нашол, без жадного суду был загубленный. Прето жаден з того закону в оной сторонѣ не остал, толко если ся которые в горах и яскинях¹ и печерах земных крыли. Леч о том досыть.

ГЛАВА 5

О сыну королевском и як ему отец его позволил колко бы крот хотѣл з палацу своего выходити

ын зась королевский, о котором ся почало мовити, в палацу для него збудованом, так мешкаючи², же жаден до него не могл дойти, аж до взросту младенческого³ прышол, в том часѣ в вшелякой так муринской, як и перской науце выцвичившися⁴, был мудрый и розсудный и во всѣх цнотах⁵ значный. Над то еще прыроженые нѣякие квестии⁶ задавал учителем своим, так же ся и сами они довтипови⁷ младенца и острому розумови дивовали.

Кроль теж сам оздобной твари⁸ его и ростропности здумѣвалъся⁹. Росказовал зась пры нем мешкающим, абы ся старали, жебы згола¹⁰ ничего о тых речах, которые в том животѣ смутные суть, не вѣдал, иже смерть тые дочасные утѣхи пресѣкает. Леч на порожной надѣ ся садил, и як в прыповѣсти ся обносит, в небо стрѣляти покушался. Яким абовѣм способом смерть рожаеви¹¹ людскому может быти невѣдома. Прето ж ани того младенца вѣдомости ушла. Абовѣм, маючи розум быстрый и выцвиченый, сам в собѣ уважал, што бы до того отца привело, же до него всѣм пристя боронил и недопускал, бо сам през себе знал, иж ся тое кром отцевского росказаня не дѣяло. Еднак же самого спытати боялься як для того, иж бы ему правды был не повѣдѣл, кгда ж отец тое, што бы ему было пожытечного, усмотровал, так теж в собѣ уважал, если бы ся то за волею отцевскою дѣяло, хотя бы ся як найболѣй о том пытал, николи бы еднак самой правды ся от него не довѣдал. Прето ж от других, а не от отца о том довѣдатися постановил.

А так, маючи одного з учителей своих собѣ милшого и зычлившого и оного еще болшею поволностью своею потягнувши и барзо значными подарками осмотривши, от него ся вывѣдовал, што бы до того кроля привело, же его в том затворѣ замкнувши держал. Тое теж прыложил: «Если ми о том щыре ознаймш, над всѣх тебе вывышу и вѣчную з тобою приязнь учиню».

Научитель зась, будучи теж сам мудрый и розсудный, и младенца быстрый довтип и зо всѣх мѣр досконалый розум добре вѣдаючи, же ся ему за тое ничего злого не станет, розумѣючи, все ему до наименшей речи ознаймил, то ест и о преслѣдованю про-

¹ бярлогах. ² жывучы. ³ юнацкага. ⁴ навучыўшыся. ⁵ дабрачынасцях. ⁶ пытанні. ⁷ трапнасці. ⁸ прыгожага выгляду. ⁹ дзівіўся. ¹⁰ зусім. ¹¹ роду.

тивко християн, а особливе противко тых, которые себе всѣх на службу божую отдали и як зо всѣх околичных мѣст выгнаны суть и выволаны¹, и о том теж, што пры нароженю его астролокгове оповѣдѣли. «Абысь прето, — мовит, — о их науце послышавшы, оной лепѣй ниж нашу вѣру не принял. И для того так ся кроль стараеть, абы ся не многие около тебе отирали, але нѣкоторые толко. И нам теж пилне а пилне прыказал, абысмо ся старали, яко бысь ся о жадных речах смутных того жывота от нас не довѣдал».

О том послышавшы, млоденец далей в ним ничего не мовил. Еднак же збавенная мова доткнулася сердца его и ласка Параклитова душевные очи его отворяти почала...

Кгды теды кроль, отец его, часто оного навѣжал, — великую абовѣм до него мѣл любов, — одного дня в тые слова речет до него: «Кролю, пане мой, хочу ся довѣдати от тебе нѣштось! Для чого уставичный² смуток и неуставаючий фрасунок³ сердце мое зѣдаеть и забивает?» Отец зась, тыми словами на сердцу прераженный, речет: «Повѣж⁴ ми, намилший сыну, што за смуток тебе заходит, и зараз его на веселье отмѣнити постараюся». Тогды млоденец: «Повѣж мнѣ, — речет, — што ест за причина, же естем в таком задержаню и межн тыми мурами и замками естем зачиненый, и так зоставаю, же нихто до мене прийти и видѣтися не может?» «Поневаж, о сыну, — поведѣл кроль, — хочу, абысь того ничего не видѣл, што бы сердце твое засмутило и утѣху твою прервала. Абовѣм тое чиню и упатрую⁵, абысь в уставичных роскошах и в вшеляком веселю и доброй мысли по ввесь вѣк жывота своего зоставал». Отповидѣл ему зась сын: «Прошу, кролю, пане мой, вѣдай запевне, нж таким способом не в веселю и доброй мысли, але рачей в смутку и великом стисненю живот проважу. Также ми теж и самый покарм и напои прикрыи ест и горкий, абовѣм прагнеть сердце мое, што ся за тыми мурами дѣеть, видѣти. Прето, если прагнеш, абым веселый и утѣшный живот провадил, дозвожь же мнѣ, абым ведлуг воли моеи за ворота выходил и з тых речий, огляданя которых мнѣ видѣти не допускают, утѣшался».

Тое кроль послышавшы, засмутился и тое помыслил, же, если бы ему чого жадаеть отмовил, болшой бы ему смуток и фрасунок задал. Прето, штобы ся ему подобало, учинити обецал. И зараз знаменитыи кони и рыцерству своему, ведлуг кролевской годности, наготоватися розказал, и оному колко бы раз проежчатися захотѣл позволил. Тым зась, которые ся при нем бавили, пилне розказал, абы стерегли, жебы ся ему ничего шпетного пред очи не наражало, але все, штобы было красного и веселого и вдячного, тое ему указовали и розные игры вымышляли, абы такими речами мысль свою забавлял и утѣшал.

Кгды теды таким способом кролевский сын часто проежчался, одного дня, за неосторожностью слуг двох мужей обачил, з которых

¹ пракляты. ² пастаянны. ³ клопат. ⁴ паведамі, скажы. ⁵ наглядаю.

один был трудоватый¹, а другой слѣпый. Которых обачивши и на умыслѣ засмутившыся, от тых, которые при нем были, штобы зач² и якие бы так чудные дивовиска были, довѣдовался. Они зась, иж того, што ся ему пред очи натрафило³, утаити не могучи, уломности⁴ людские быть повидѣли, которые з зепсованой матери и телесных злых вилкготностей на людей звыкли припадати. «На што, — речет он, — на всѣх же то людей звыкли прыходити?» «Не на всѣх, — повидѣли они, — але на тых толко, которых ся здоровье для злых вилкготностей нарушило». Знову теды далее пытатися не перестал млоденец. «Если не всѣ люде звыкли впадати в тые уломности, але нѣкоторые толко, ест ли вѣдомо, на которых тые нендзы мают прыйти, або рачей противным способом без жадного взгляду изнаенацка⁵ родятся?» Отповѣдѣли они: «И хто ж з людей пришлые речи видѣти и оные зрозумѣти может, тое абовѣм натуры людской розум переходит, и самых несмертелных богов ест то власность».

Тут пытатися в правдѣ сын кролевский перестал. Але з того, што видѣл, жалосным был на сердцу. И тоею речью новою так был порушенный, же ся постава лица его змѣнила.

Знову зась, кгда проежчаючися, нѣякого престарѣлого старца натрафил, маючого зморщенное лице, ослабѣлые и скривленные ноги, згорбленное тѣло и голову барзо посивѣлую, который до того жадных зубов не мѣл, и штось незначного, и пересѣлкаючи слова, мовил. Подивенем прето знятый, розказавши ближей привести того человѣка, будучих при боку своем, пытался: якое бы так незвычайное дивовиско было. Они зась повѣдѣли: «Тот человѣк ест вѣку подешлого и за уступенем злегка сил и ослабеньем члонков до тоей, як видиш, пришол нендзы». «И який же, — речет он, — конец его будет?» «Не инший, — повидѣли они, — толко умерети мусит». «Всѣм же то людем, — мовит, — ест назначено, або нѣкоторым толко прыпадает?» Отповѣдѣли они: «Если смерть упередившы, которого тут не зайдет. Иначе быти не может, абы за наступенем болших лѣт такого ж стану не дознал». Затым речет млоденец: «Которого ж року тое на кого прыпадает? И если вшеляко каждый умерети мусит и жадного способу немаш, як бы смерти увойти и в тую нендзу не впасти?» Повѣдѣли ему: «В осмѣдесятом або сотном року до тоей старости люде прыходят, а затым умирают; ани может быти иначе, долг абовѣм прырожоный ест смерть, на люди з початку вложеный. И ниhto от его волным быти не может».

Даведаўшыся аб гэтым, Іоасаф засумаваў і пажадаў сустрэць чалавека, які мог бы даць яму добрую параду і суцешыць яго.

Пасланы богам пустэльнік Сенарыцкай зямлі Варлаам ідзе прапаведваць Іоасафу хрысціянскую рэлігію (гл. главу 6). У адзенні купца ён пранікае ў палац царэвіча і размаўляе з ім. Размова Варлаама перасыпана прытчамі — г. зн. апавяданнямі, якія выражаюць пэўную маральна-дыдактычную ідэю ў алегарычнай форме.

¹ хворы, пракажоны. ² азначала. ³ папалася, трапіла. ⁴ хваробы. ⁵ раптоўна.

Был абовѣм некгдысь великий и ѣякий и знаменитый кроль, которому, кгда на золотом возѣ з немалым рыцерством, маестатови его королевскому годным, ехал, придалося двоѣх мужей в ошарпаном и шпетном одѣнью, на твари худых и барзо блѣдых, поткати. Кролеви теды вѣдомо было, иж з утруженя телеснаго и з працы жывота, богу посвечоного, тѣло свое так высушили. Як прето их обачил, з воза прудко порвавшись и до земли припавши, оным поклонился, а затым повставшы, барзо любовне облапил и поздоровил.

Сенаторове зась его и преложоные о то за зле мѣли, розумѣючи тот учинок противный быти маестатови королевскому, але, иж жаден з них явне о тое карати его не смѣл, рожоного брата его направили, абы кроля упомнѣл, жебы стану своему зацному и высокому такой зневаги и зелживости не чинил.

А кгда он брату своему о том повѣдѣл и непристойное и мнѣй пожитечное его понижене зганил, отповѣдь ему кроль учинил, которой он намнѣй не зрозумѣл. Звычай абовѣм был у кроля, же кгда мѣл кого смертю скарати, возного з трубою, которая для того смертельною ся называла, пред ворота посылал. И от трубного голосу вси познавали, иж мѣл умерети. А так под вечер з оголошенем трубным пред дверы брата своего кроль послал, которую кгда он слышал, звонтпившы¹ о своем здоровю, през всю ноч дом свой росправовал. Рано зась, в чорное и жалобное одѣне² прибравшись, з жоною и з дѣтми, плачучи и нарѣкаючи, пошол до палацу королевского.

А кгда его кроль до себе припустил и так плачучого обачил, тых слов до него зажил: «О глупый и безрозумный человек! Еслись ся брата твоего, з которым одного естесь рожаяю и равной чести, против которому ни в чом никгдысь не выкročил, возного так побоял, яким же способом смѣлесь мене з того штрафовати², ижем бога моего проповѣдников, которые мнѣ смерть и страшное прысте пана моего, против которому иж многие и тяжкие злости пополним знаю, над вшелякую трубу голоснѣй и огромнѣй оповѣдают, покорне и унижене поздоровил? О тож тепер, абым твое глупство зганил, того способу ужилем. Так же и тых, которые тебе, жебысь мя з того штрафовал, подмовили, зараз глупство и небачене окажу».

И так згромивши и пожитечне упомневшы, брата своего до дому отослал. Росказал зась з дерева уробить чтыры скрыни, з которых дѣѣ, отвсюль золотом оправившы и смердячие трупие кости в оные накидавши, золотыми замками их замкнул. Другие зась двѣ смолою и клеєм обмазавши, и дорогого камѣня, и знаменитых перел и вшеляких пахнучих олѣйков наклавши, и волосяными поврозами обвезавши, сенаторов своих, от которых для ушановання оных мужей был штрафованный, до себе призвал и пред ними тые чтыри

¹ спалохаўшы. ² дакараць.

скрыни поставил, абы шацовали, як много бы тые и як много бы зась овые стояли.

Они зась тые его позолоченые великое цены годные быти повѣдали, слушне абовѣм рекли, жебы в них королевские короны и клейноты¹ были хованые. Смолою зась и клеєм обмазаные подлые и жадной цены негодные быть повѣдѣли.

Кроль зась им повѣдѣл: «И я тое вѣдалем, жесте так мѣли речи, абовѣм телесными очима на видомые речи смотрите. Але не так маете чынити, леч внутреними очима люб цену, люб подлость и шпетность, внутр будущую, усмотровати треба. И зараз позолоченые скрыни одомкнути розказал, з которых тяжкий и прикрый смрод выступил, и брыдкие речи в оных видѣти ся дали. За чим повѣдѣл кроль: «То кшталт тых людей ест, которые свѣтных и кошовных шат заживають и для великой славы и можности над мѣру ся выносят, внутр еднак смердячих костей и злостей сут полные». Потом зась смолою и клеєм обмазаные розвязати казал. Всѣх будущих на тот час ясностью и вдячною вонностью речий в них положеных утѣшил. И повѣдѣл им: «Вѣдаете ж, кому тые скрыни подобные сут: покорным оным и взгорженным мужем и подлым одѣнем прыбранным, на которых бы позверховный габит смотрячи, за взгарду и зелживость тосте ми почитали, жем ся пред ними до земли поклонил. Я зась их годность и пиенкность души, очима духовными уважаючи, з дотыканя ся оных славы доступилем и над вшелякую корону и оздобу королевскую зацнѣйших быть розумѣлем.

Таким прето способом их завстыдал и, жебы на видомых речах не ошукивалися, научил, але на внутренне пиленное око мѣли...

[3 главы 10. Прытча пра салаўя]

Повѣдал (адзін муж. — А. К.) абовѣм, иж балвохвалцы² одному ловцеви суть подобны, который кгда соловья, барзо малую пташечку, поймал и нож взял, абы его зарѣзал и зѣл, той, маючи собѣ позволенную мову, речет до ловца: «Што ж тобѣ, человекче, з моей смерти за пожиток будеть? Ани бовѣм мною твое чрево наполнити зможеш. Але, если мя выпустиш, троюкую науку тобѣ подам, которой если будеш постерегати, великих пожитков по ввесь вѣк свой дознаеш». Он зась, его словам задивовавшись, обещал тое учинити, и если бы што нового от него слышал, зараз мѣл его выпустити.

Обернувшись затым, соловѣй речет человекку: «Никгда о тую реч не покушайся, которой доступити не можеш. Никгда речи прешлой³ не жалуй. Речи неподобной николи не вѣр. Тые три науки заховай и добре ся с тобою дѣяти будет».

¹ каштоўнасці, аtryбуты ўлады, рэгаліі, дваранскія гербы. ² ідалапаклоннікі.
³ мінулай.

Он зась, тых слов розуму и мудрости задивовавшись, его, з силца отвязавши, выпустил. А соловѣй, хотячи досвѣдчити, если бы он тых слов слышаных от него силу зрозумѣл и який з оных пожиток взял, по повѣтру лѣтаючи, речет до него: «Бѣда тобѣ, человекѣ, иж ничего в собѣ не маеш розсудку: який жесь скарб сего дня стратил? Бо есть в моем черевѣ перла, болшая над яйце струсее». Што он послышавши, велце ся зафрасовал и жаловал, же соловѣй з рук его ушол. И знову, его поймать кусячися, рекл: «Пойди, прошу, до дому моего, и кгда ты значне учестую и людскость покажу, потом з почестю тебе отпущу».

Соловей зась ему повѣдѣл: «Тепер ясне вѣдаю, ижесь глупый и безрозумный, абовѣм принявши з охотою, што тобѣ было речено, и вдячне выслухавши,ничогось з тых слов пожитку не одержал. Упоминалем тебе абовѣм, абысь речи прошлой не жаловал, а тось ся для того зафрасовал, ижем з рук твоих вымкнул, будучи жалем знятый для речи прешлой. Научилем тя, абысь ся о тую реч не кусил, которой дойти не можеш, а еднак поймати мене важишься, не могучи дороги моей постигнути. До того и тое повѣдѣлем тобѣ, абысь речи неподобной никгда не вѣрил. А ты еднак, абы перла болшая взросту моего в черевѣ моем была, увѣрились. И не мѣлесь с так много розсудку, абысь зрозумѣл, иж я весь не естем так великий, як яйце струсе. Яким же способом тое тѣлце так великую перлу вмѣстити бы могло?»

Прето таким же способом и кланяющийся балваном в великом глупствѣ заставают, абовѣм оные руками своими выробили и дѣлу рук своих кланяются, мовячи: «Тые суть створители наши...»

[З главы 13. Прытча пра трох прыцеляў]

Подобные сут знову тыи, которыи, милостю роскошей того живота будучи уловлены и тых солодкостью потягнены, речи сказителные и непевные над пришылые и неомылные за певнѣйшыи мают, человекови, маючому трех приятелей, з которых двох з великою сердца прихилностью шановал и барзо ся в них кохал так, же за них аж до смерти застановлятися и вшелякие небезпеченства понести был готовый. О третем зась ничего не дбал, так же никгда ему ани почести, ани приязни своей не оказал, але толко малую нѣякую и омылную любов освѣдчал.

Одного теды дня пришли срокгие и страшные жолнѣре, хотячи его з великою прудкостью до кроля провадити, абы з десяти тысячей талантов, которые был винен, личбу учинил. Для чого, будучи в великом стисненю, шукал кого колвек, жебы ему в здаванью страшной оной личбы пред кролем был на помоч.

Побѣгши прето до первого и над всѣх иных милшого приятеля, рекл до него: «Вѣдаеш добре, приятелю, як для тебе здорове свое завше в небезпеченство подавалем. Тепер зась нынѣшняго дня в моей квалтовной потребѣ твоей помочи и ратунку потребую.

Што ми теды за помоч обецуеш, и якую в тобѣ, приятелю намилшый, маю мѣть надѣю повѣж ми?»

Отповѣдаючи зась, он речеть: «Я приятелем твоим не естем, человекче, а ни знаю, хто ты естесь, бо я маю инших приятелей, з которыми сегодня треба ми ся веселити, и которых напотом за приятелей собѣ маю мѣти. Прето ж толко два платы¹ тобѣ даю, абысь мѣл на тую дорогу, которую пойдеш. Леч и тые пожитку тобѣ ничего не принесутъ. А болш ничего от мене не чекай».

И се он послышавши и о помочи, которой от него чекал, всю надѣю откинувши, до другого приятеля пошел и до него речеть. «Вспамятай, приятелю, як великой чести и добродѣйств от мене дозналесь. Нынѣшнего зась дня, в великую трудность и фрасунок упавши, помочника якого потребую, якую ж ми теперь помоч указати можеш, нехай вѣдаю».

Он зась повѣдѣл: «Я сегодня для забав моих в твоей потребѣ пойти з тобою часу не маю, бо великими клопатами и фрасунками отвсюль естем затрудненный и утисненный. Мало еднатк з тобою пройду, хотъ з того ничего тобѣ пожитку не будет. А потом зараз до дому вернувшись, в своих справах старатися буду».

З тощими теды руками оный человек оттуль вернувшись и жадной помочи не одержавши, нарѣкал на себе для порожней надѣи, которую в зрадливых оных и невдячных приятелех своих покладавал, и для непожитечных трудов, которие з милости своей до них подымовал, себе укорял.

Пошел затым до третего приятеля, которого никгда не шановал, ани утѣхи своей участником мѣл. И до того з завстыженным и засмученным лицом в тые слова речет: «Не смѣю уст моих отворити к тобѣ, абовѣм тое добре вѣдаю, жем тобѣ николи доброго ничего не учинил, а ним тобѣ зычливым приятелем был. Але, иж будучи велце тяжким фрасунком притисненный, в инших приятелях моих жадной до поратованя надѣи не нашолем, до тебе прихожу, благаючи тебе и просячи, иж если ми хотъ малую помоч подати можеш, ничего на мою невдячность не памятаючи, тое учинити не збороняйся».

Он зась з тихим и веселым лицом речет: «И овшем так ест, же тебе за зычливого приятеля моего быть признаваю, и малой твоей противко мнѣ добрчинности будучи памятный, которую тобѣ нынѣшнего дня з пожитком отдам. Прето ж не трвожся, ани лекай, бо я пред тобою вперед пойду и кроля за тобою упрошу, жебы тебе в руки неприятелей твоих не выдал. А так будь безпечным, приятелю намилшый, ани ся фрасуй».

Тогды он з сердечною скрухою и з великим плачем речет: «Бѣда ж мнѣ нендзному! Што ж вперед буду оплакивати або жаловати? Чи порожнюю мою противко оных запаметалых, невдячных и зрадливых приятелей любов ганити буду? Чи ли теж на

¹ два адзенні.

мою глупую невдячность, которой противко тому вѣрному и щирому приятелю уживалем, нарѣкати?»

Выклад: Першы прыяцель — багацце і прага да яго, якое пасля смерці чалавека застаецца другім, апрача двух адзежын, якія чалавек апрапае ў гроб. Другі прыяцель — жонка, дзеці і іншыя сваякі і прыяцелі, якія суправаджаюць толькі цела чалавека да гроба. Трэці прыяцель — вера, надзея, любоў, міласэрдзе, ласкавасць і іншыя дабрачыннасці, якія не пакідаюць чалавека перад богам. Яны характарызуюць богу чалавека.

[3 главы 30. Прытча пра каралеўскага сына]

Кроль няякий, не маючы мужского потомства, велце ся фрасовал и тое нещасте себѣ за великое быть розумѣл. В таком теды постановенью будучи, сына сплодил, для чого ся велце утѣшил. Повѣдѣли зась ему некоторые свѣдомые лѣкары, же если тое дитя пред дванатцати лѣт солнце або агонь обачит, взрок згола утратит, тое абовѣм постановене очей его оказывает.

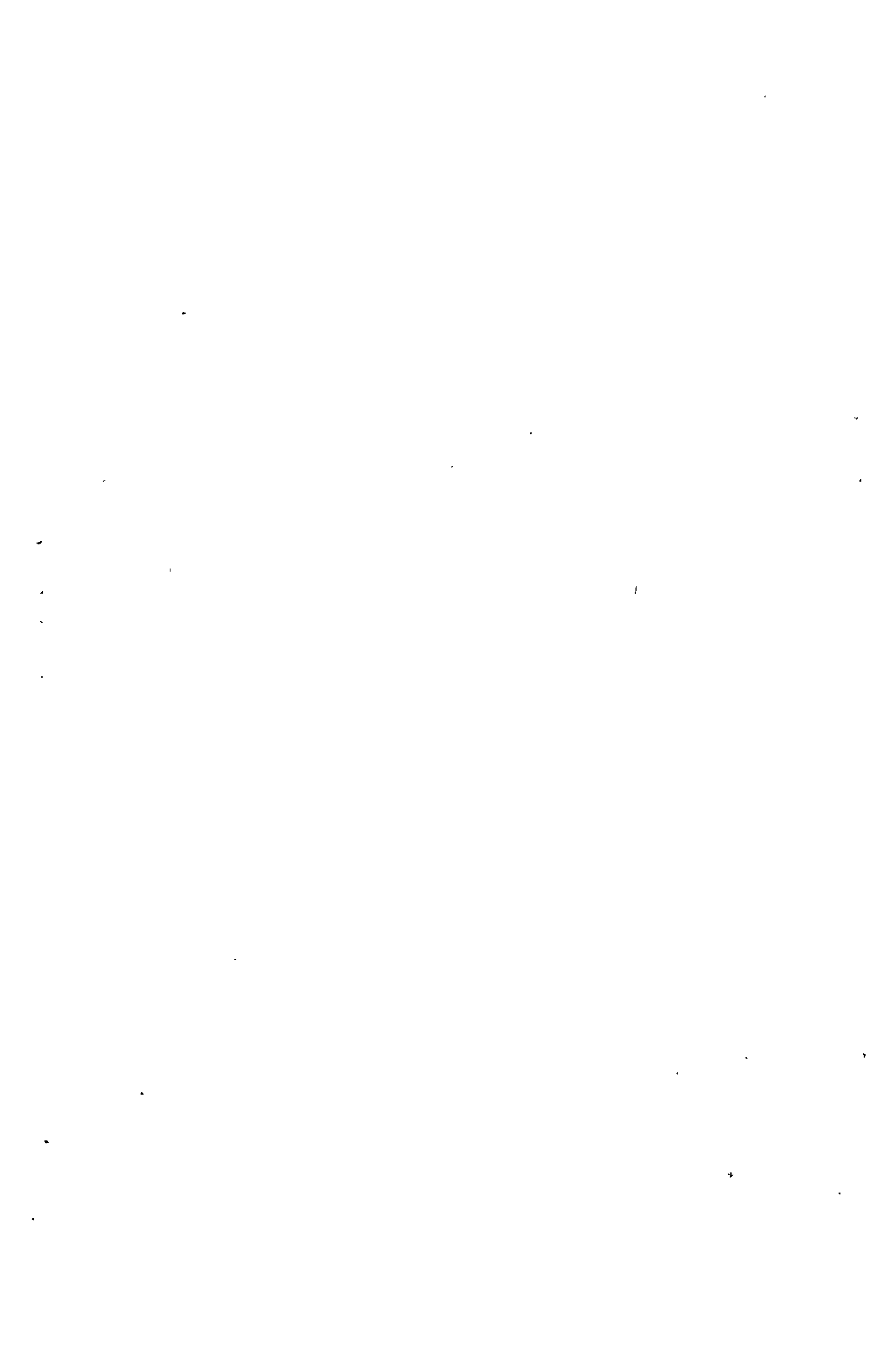
Што отец слышавши, повѣдают, иж в скалѣ одной мешкане темное выковал и там сына з мамками замкнул, а ни пред сконченем дванатцати лѣт овшеки ему жадной свѣтлости указал.

По сконченю зась того часу, сына, который ничего згола з речий тогосвѣтных аж до того дня не видѣл, з того мешканя выпроводил. А затым кроль пред него вшелякие речи, ведлуг своего рожаю, приводити и указовати розказал, то ест мушын на одном мѣстцу, на иншом невѣст, на другом золото, а овде серебро, перлы и камѣне велце дорогое, шаты богатые оздобные, возы прибранные з конми королевскими в оправленных уздах и шарлатным накрытем и сѣдячими на них узброеными, также стада волов и овец и, коротко мовячи, вси речы, ведлуг своего порядку, дитяти указывал.

А кгда пытал, як бы ся каждая реч з особна прозывала, слуги королевские и дворяне каждой речи имя ему повѣдали. Кгда зась имя невѣст вѣдати хотѣл, теды мечник королевский жартом и насмѣх, же ся оные бѣсами называют, повѣдѣл, которые сердца людские в блуд потягают. Дитяти зась сердце до них милостью и пожадливостью барзѣй ся, ниж до всѣх инших речий, запалило и порушило.

Кгда теды вси речи оказавши, до кроля его привели, а кроль, што бы ся ему з всих речий, которые вѣдел, барзѣй подобало, спытал, повѣдѣло дитя: «Ничого иншого, толко бѣсы оные, которые людей зводят. Ани бовѣм так до жадной речи з тех, которые сегодня огледалем, як до тех милостью запалилося сердце мое». На которые слова дитяти, кроль ся задивовал и як ест срокгая и окрутная реч — милость до невѣст оттуль уважил.

Прето ж и ты, не иншим яким способом, толко тым розумѣй собѣ поволным учинити сына своего...

З М Е С Т

	<i>Стар.</i>
Прадмова	3
АРЫГІНАЛЬНАЯ ЛІТАРАТУРА ЧАСОУ КІЕУСКАЙ РУСІ, ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОУСКАГА І РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ	
ПЕРШАПАЧАТКОВЫ ЛЕТАПІС	9
Повѣсть временных лѣт	—
КІРЫЛ ТУРАУСКІ	21
Слово Кирила недостойнаго мниха по пасцѣ, похваление въскресе- ния, и о арѣтусѣ, и о Фоминѣ испытаньи ребр господних. Господи, благослови	22
Святого Кюрила мниха слово о сьнятии тѣла Христова с креста, и о мюроносицах, от сказанія евангельскааго, и похвала Иосифу, в недѣлю 3-ю по пасцѣ	26
Слово на възнесение господне, в четвърток 7-й недѣли по пасцѣ, от пророчьских указаний и о въскрешении всеродьна Адама из ада Кирила мниха притча о челоуѣчстѣй души и о телеси, и о преступ- лении божия заповѣди, и о воскресении телесе челоуѣча, и о буду- щемь судѣ, и о муцѣ	37
СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ	46
ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА	68
Жыцце Ефрасінні Полацкай	—
Жыцце Аўраамія Смаленскага	82
Аповесць аб Меркурыю Смаленскім	90
БЕЛАРУСКІЯ ЛЕТАПІСЫ	93
О ПОБОИШІ МАМАЯ, ЦАРЯ ТАТАРСКОГО, ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕР- СКОГО И МОСКОВСКОГО ДИМИТРИЯ	125
ХАДЖЭННЕ ДЗЯКА ІГНАЦІЯ СМАЛЬНЯНІНА У ЦАРГРАД І ІЕРУСАЛІМ	144
ПИСЬМО СУПРАСЛЬСКОГО АРХИМАНДРИТА СЕРГИЯ КИМБАРА К КИЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ ІІ	161
ГЕОРГІЙ-ФРАНЦЫСК СКАРЫНА	169
Предъсловне в Псалтырь	171
Предъсловне доктора Франьциска Скорины с Полоцька во всю Бив- люю рускаго языка	173
Предословие доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф-вдовици	177
Предъсловне в книгу Иов	178

Предслоўне в Притчы прэмудрага Саломона, царя Израілева	180
Предъмолва доктара Франьциска Скорины в книгу Исуса Сирахова	182
Сказанне доктара Франьциска Скорины с Полоцька в книги Втора- го Закону Моисеова	181
СЫМОН БУДНЫ	187
Прадмова да освенцонных княжат и панов их милбсти панов Ми- колаев Радивілов	190
К всьм благовѣрным христіаном языка руского предъслоўне в Катихісію	192
ВАСІЛЬ ЦЯПІНСКІ	196
Предмова	197
БАРКАЛАБАУСКІ ЛЕТАПІС	202
ФЕДАР ЕУЛАШЭУСКІ	222
Урыўкі з дзённіка	223
ХРЫСТАФОР ФІЛАЛЕТ	238
Апокрисис албо отповѣдь на книжки о съборѣ Берестейском	239
МЯЛЕЦІЙ СМАТРЫЦКІ	260
Фрынас	262
Казанье на честный погреб пречестного и превелебного мужа, гос- подина и отца, господина отца Леонтия Карповича	273
ЛЯОНЦІЙ КАРПОВІЧ	286
Казанье на пребражение господа бога и спаса нашего Исуса Христа	287
В неделю пред Рождеством Христовым наука	297
АФАНАСІЙ ФІЛІПОВІЧ	306
Новины правовѣрным пожаданые о успокоение вѣры и церкви пра- вославной восточной	308
ВЕРШАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ XVI—XVII ст. ст.	325
АНДРЭЙ РЫМША	326
Которого ся месяца што за старых веков дѣло короткое описание	327
На герб ясневельможного пана Остафея Воловича	328
На... гербы... Льва Сапеги	—
На гербы ясневельможного пана, пана Теодора Скумина	329
АНАНІМНЫЯ ВЕРШЫ	330
На герб зацного дому его мости пана Лукаша Ивановича Мамонича	—
Книжка до минаючих мовит	331
Вѣршы або стихи до того, што читал, которым краегранесие сицево: Хранися италиян	—
На герб ясневельможного пана его милости, пана Леона Сапеги	332
Епикграмма на герб Богдана Огинскаго	—
На старожитныи клейноты их м. княжат Окгинских и их м. панов Воловичов	333
На старожитныи клейнот их милостей панов Ходкевичов	—
Епикграмма на герб Л. Сапеги	334
На герб его мости пана Симеона Войны	—
Надгробок отцу Афанасію Филиповичу, игумену Берестейскому, в року 1648 зешлому	—
ЯН КАЗІМІР ПАШКЕВІЧ	335
Полска квітнет лацшною...	—

СІМЕОН ПОЛАЦКІ	336
З прадмовы да «Рифмологнона»	337
Слова, яже Хрыстос распяты на крестъ мовил до бога отца	338
Стихи утшыны к лицу единому	345
Прывітальныя вершы цару Аляксею Міхайлавічу	346
Стиси краесогласни ко пресвѣтлѣйшему самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичю	352
ПАЛІТЫЧНАЯ САТЫРА	357
Прамова Мялешкі	358
Ліст да Абуховіча	361
ДРАМАТУРГІЯ	365
Іван і царкоўны стораж	366
Селянін і студэнт	369
Селянін і вучань уцякач	371
Чорт Асмалейка	373
Інтэрмедыі з драмы Георгія Каніскага «Воскресение мертвых»	375
Селянін у касцёле	382
Селянін на споведзі	384
Мацей і доктар-шарлатан	385
КАЭТАН МАРАШЭУСКІ	386
Камедыя	387
БЕЛАРУСКАЯ ПЕРАКЛАДНАЯ ЛІТАРАТУРА XVI—XVII СТАГОДДЗЯУ	405
Пераклады на беларускую мову	407
Жыцце Аляксея, чалавека божага	408
Починаецца книга о жене Иудиф, еже отсече главу Олофернови, воеводе Навходнасора царя асирьскаго, и збави людей израилевых	412
Александря	426
Аповесць аб Троі	446
Гистория албо правдивое выписание святаго Иоанна Дамаскина о житии святых преподобных отец Варлаама и Иоасафа и о наверненью индиян	455

• •
• •
• •

• •

• •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

• • • • • • • •

•

•

•

•

На белорусском языке
Александр Фомич Коршунов
Хрестоматия по древней
белорусской литературе

Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения БССР
Минск, проспект им. Сталина, 109

Рэдактар *М. Е. Шчэрбун*
Тэхрэдактар *А. І. Сасіновіч*
Карэктар *Е. І. Брусвіч*

АТ 02854. Здадзена ў набор 4/V-1958 г. Падпісана да друку 7/VII-1959 г.
Тыраж 5000 экз. Папера 60 × 92¹/₁₆. Пап. арк. 14,875. Друк. арк. 29,75.
Уч.-выд. арк. 33,0. Зак. 277. Цана 7 руб. 60 кап.

Друкарня імя Сталіна, Мінск, праспект імя Сталіна, 105.

Цена 7 руб. 60 коп.